

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

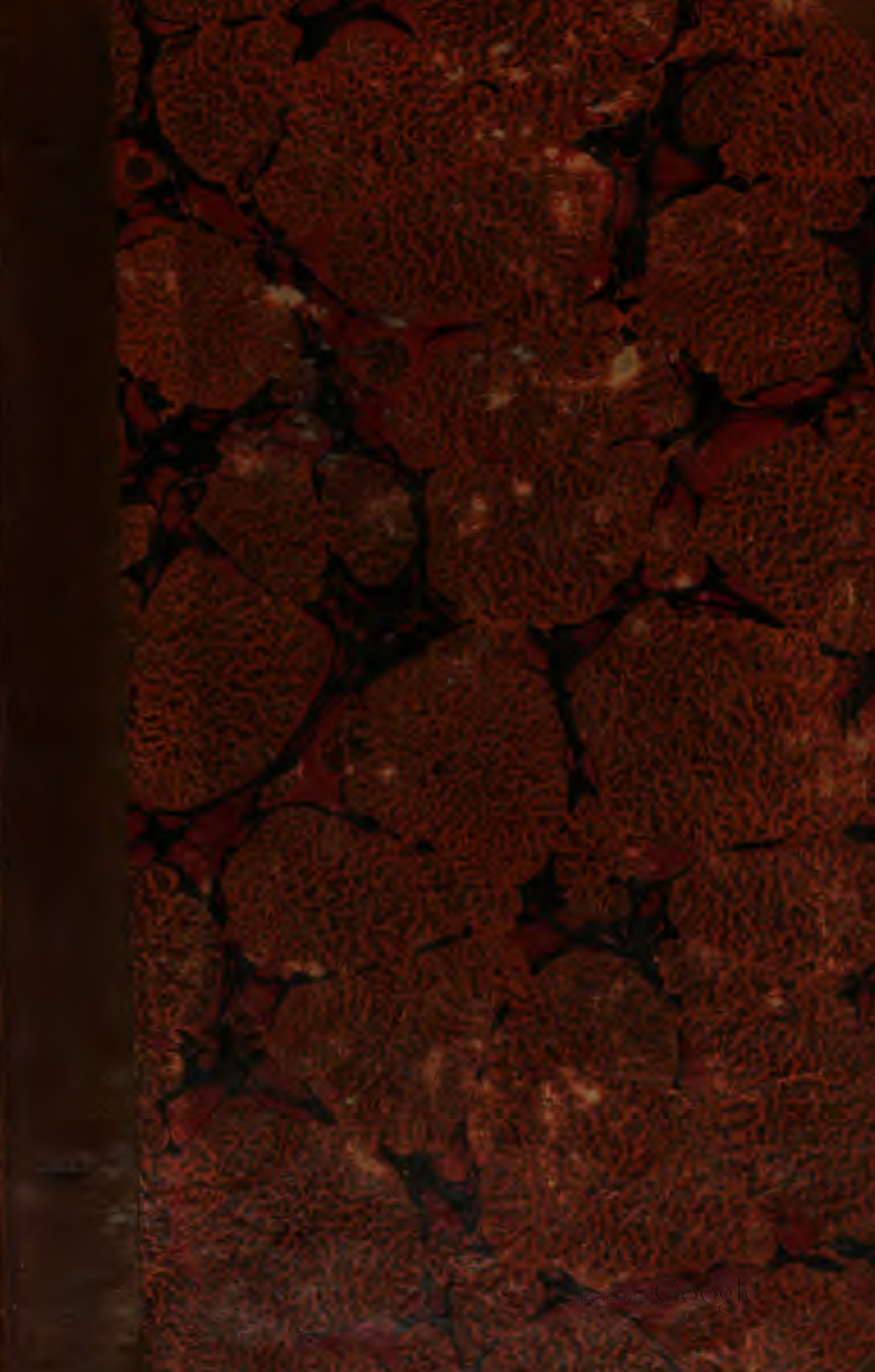
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Lif-Gardetå
Finska Skarpskytte-Bataillons
BIBLIOTHEK.
Fjerd Afdelningen.
N° 29

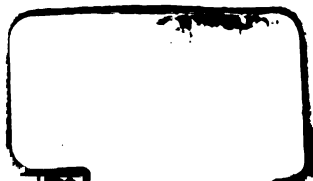
~~UNS 154~~

Vet. Slav. Pov. - 2

~~Rev. 6 (window 2)~~

V. I. B. 4. S277. 085

1842

3-4

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Часть II.

№ 3. — МАРТЪ.

000

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ законное число экземпляровъ. Санктпетербургъ,
3 Марта 1843 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*
Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

РЕДАКТОРЪ КОНСТАНТИНЪ МАСАЛЬСКІЙ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Русская Исторія.

=

СКАЗАНІЯ

ПОЛЬСКАГО ИСТОРИКА КОВЪРЖИЦКАГО

О ПОХОДАХЪ ПОЛЬСКАГО КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА И КОРОЛЕВИЧА ВЛАДИСЛАВА ВЪ РОССІЮ.

Помѣщая во 2 № Сына Отечества статью Н. В. Савельева о мѣстѣ погребенія Янунова, Редакція имѣла въ виду предложить своимъ читателямъ рядъ жизнеописаній великихъ мужей, прославившихъ несчастную, но славную для Россіи, годину междуцарствія. Біографіи Скопина-Шуйскаго, Янунова, Ермогена, Минина, и Пожарскаго, дѣятельно приготовляемыя Н. В. Савельевымъ, должны показать въ настоящемъ свѣтѣ событія того времени; нѣсколько лѣтъ прежде, этого нельзя бы было исполнить; но теперь, послѣ драгоцѣнныхъ актовъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею, этотъ трудъ уже значительно облегченъ. Важнымъ также источникомъ для исторіи смутнаго времени служить исторія Владислава, написанная его совре-

менникомъ, Кобѣржицкимъ, данцигскимъ кастеланомъ, *Historia Vladislai I, Poloniae et Sveciae Principis, ejus natales et infantiam, electionem in Magnum Moscoviae Ducem, Bella Moscovitica, Turcica, coeterasque res gestas continens, usque ad excessum Sigismundi III, Poloniae Sveciaeque Regis. Auctore Stanislao a Kobierzycko-Kobierzicki, Castellano Gedanensi etc. etc. 1655.* Это сочиненіе, доведенное авторомъ до кончины Сигизмунда, отличается удивительнымъ безпристрастіемъ, и мы надѣемся оказать существенную пользу любителямъ отечественной исторіи, помѣщая на страницахъ *Сына Отечества* извлеченіе изъ этой рѣдкой и для многихъ недоступной книги, искусно составленное И. П. Боричевскимъ.

Покойный исторіографъ очень много заимствовалъ изъ Исторіи Кобѣржицко - Кобѣржицкаго, и потому, не желая повторять того, что уже извѣстно по извлеченіямъ Карамзина, переводчикъ началъ съ того времени, на которомъ остановился Карамзинъ, то есть съ 1611 года. Обстоятельства, не прямо касающіяся нашего отечества, представлены въ сокращеніи; напротивъ, изображеніе событій, объясняющихъ нашу отечественную исторію, переведены вполнѣ. Описание смерти Янунова включено потому, что разнорѣчить съ описаніемъ Карамзина, который, на основаніи нашихъ источниковъ, полагалъ, что подложное письмо было написано по согласію Госѣвскаго съ Заруцкимъ; а Полякъ, современникъ, Кобѣржицкій приписываетъ этотъ замысль только одному Госѣвскому. Которое же показаніе справедливѣе — это будетъ разсмотрѣно въ біографіи Янунова. Но мы напередъ скажемъ читателямъ, что рѣшеніе этого вопроса сниметъ одно изъ пятенъ, омрачающихъ Заруцкаго передъ потомствомъ: Полякъ, знавшій весь ходъ дѣлъ, и въ то же время приписывая злодѣйство своему соотечественнику, не можетъ быть подозрѣваемъ въ пристрастіи.

Ред. С. О.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Событія 1611 — 1616.

Побѣды въ Московіи, вѣзтіе Смоленска и плѣнь Василя Шуйскаго такую произвели радость въ Польшѣ, что, казалось, помutilи мысли и помѣшали разсудокъ короля и вельможъ: они твердо были увѣрены, что побѣжденная Московія скоро будетъ подѣ польскимъ скипетромъ; увѣренность въ несомнѣнной побѣдѣ приводила въ такой восторгъ, что многіе уже толковали о преобразованіи Московіи въ польскую провинцію. Немного было такихъ, которыхъ занимала мысль о жалованьи воюющему войску и объ успѣхахъ возстанія Русскихъ. Обсудивъ это внимательно и безпристрастно, можно было бы увидѣть, что жалованье войску поставитъ республику польскую въ большія затрудненія; а возстаніе Русскихъ, которые со дня на день болѣе и болѣе увеличивали свои силы, скоро затмитъ блескъ побѣдъ польскаго оружія. Но государственные чины мало заботились о Русскихъ, презирая врага, столько разъ побѣжденного, и надѣясь легко покорить его опять; на жалованье войску думали послать пока небольшую сумму, которою можно было бы поддержать войну въ землѣ неприятельской, а остальное выслать войску изъ доходовъ и налоговъ побѣжденного государства; сверхъ-того надѣялись, что война скоро кончится. Но въ то время,

когда торжествовали въ королевскомъ дворцѣ и на сеймѣ, Московія, вздохнувъ свободнѣе, и одушевляясь не столько собственной силою и мужествомъ, сколько раздорами соперничествовавшихъ между собою польскихъ вождей, истребляла побѣдоноснаго Ляха. Я скоро предложу читателю, какимъ образомъ народъ, потрясенный внутренними неурядицами, призвавшій къ себѣ уже государя отъ иноземцевъ, сраженный оружіемъ, возсталъ изъ своего униженія и пришелъ въ первобытное состояніе. Судьба, какъ-бы забавляя христіанскій міръ зрѣлищемъ необыкновенныхъ переворотовъ въ великомъ сѣверномъ государствѣ, поддерживала побѣдоноснаго Ляха до извѣстнаго времени, потомъ свела его со сцены, а Московіи возвратила прежніе ея обычаи и законы; дала ей государя изъ древнѣйшихъ туземцевъ, утвердила его власть, и оставила ее нынѣ царствующимъ потомкамъ Михаила Романова.

Необыкновенная дѣятельность и мужество доблестнаго вождя Александра Госьвскаго не безъ успѣха останавливала со дня на день распространявшееся возстаніе Русскихъ; а непріятеля, стремившагося къ Москвѣ, извнѣ удерживали войска Николая Струса, который часто счастливо съ нимъ бился. Не смотря на то, упорный Москаль стоялъ крѣпко, и теряя войновъ въ битвахъ, не терялъ надежды истребить Поляковъ, зашѣвшихъ въ Москвѣ. Они были предметомъ народнаго изступленія, и взволновавшаяся Московія въ скоромъ времени вся готова была ринуться на месть. Ляпуновъ, завладѣвъ половиною Бѣлаго Города, уже грозилъ тяжкою осадою; въ лучшихъ укрѣпленіяхъ, въ Крымгородѣ и Китайгородѣ, онъ посадилъ гарнизонъ. Съ одной стороны Ляпуновъ одушевлялся отъѣздомъ короля въ Польшу; а съ другой, сокрушаясь о паденіи Смоленска, боялся, чтобы побѣдоносный непріятель не обратилъ своего оружія къ Москвѣ,— и если бъ это сбылось, то нѣтъ ничего вѣрнѣе, что при колебаніи умовъ робкихъ,

а особенно мятежныхъ, возстаніе Русскихъ непремѣнно рушилось бы*.

Въ продолженіе шести мѣсяцевъ со времени отъѣзда короля въ Польшу, то есть, съ Іюля по Декабрь, обѣ стороны сражались храбро; но, не смотря на мужество Поляковъ, непріятель безпрестанно нападалъ живѣе и живѣе: его одушевляла усталость утомленнаго Поляка, врага прежде высокоумѣрнаго, теперь готоваго бросить все и бѣжать въ отечество; сверхъ-того Русскимъ извѣстны были частые раздоры Поляковъ, о которыхъ уведомяли ихъ и переметчики и шпионы.

Между-тѣмъ Госѣвскій часто умѣлъ дѣлать тщетными замыслы непріятеля, останавливалъ его пылъ, и не упускалъ ничего, что принадлежало къ заботамъ его власти, и чѣмъ отличается дѣятельность храбраго вождя. Противъ Ляпунова, самаго мужественнаго и сильнаго воеводы русскаго, онъ употребилъ необыкновенную хитрость: Донскіе Казаки составляли значительную часть непріятельскаго войска; ихъ привелъ гетманъ Заруцкій, всею душою преданный вдовѣ самозванца. Ляпуновъ обманывалъ гетмана надеждою, что, по изгнаніи Поляковъ, сынъ Марины будетъ возведенъ на престолъ. Госѣвскій, желая ослабить и силы Ляпунова удаленіемъ отъ него Казаковъ, и войскамъ чужеземнымъ внушить подозрѣніе къ Русскимъ, поддѣлался подъ руку и печать Ляпунова, и написалъ отъ его имени воззваніе къ народу — въ назначенный день неожиданно возстать всѣмъ и истребить Казаковъ, до послѣдняго. Воззваніе вручено было человѣку, знавшему тайну; оно досталось въ руки Казакамъ, и произвело ужасное волненіе. Тотчасъ Ляпунова позвали на судъ; напрасно онъ клялся всѣмъ священнымъ, что ничего подобнаго не писалъ, что это ковы враговъ; напрасно

* Не надобно забывать, что это говорить Полякъ, враждебный нашему отечеству. Ненависть имѣетъ свою логику.

призывалъ Бога въ свидѣтели своей невинности, — разсвирѣпѣвшіе Казаки убили его. Русскіе были поражены страхомъ; а Казаки съ той поры не довѣряли Русскимъ. И такъ продѣлка Госѣвскаго сошла съ рукъ удачно — погибъ Прокопій Ляпуновъ, мужъ отличавшійся тѣлесною красотою, заботливостію въ дѣлахъ, заслужившій въ народѣ славу челоуѣка искуснаго и опытнаго въ войнѣ.

Но эта неожиданная и ужасная гибель воеводы не отняла духа у Русскихъ: на его мѣсто тотчасъ избрали Трубецкаго, осторожнаго, искусно умѣвшаго пользоваться случаями къ нападеніямъ.

Частыя сшибки осажденныхъ въ Москвѣ Поляковъ съ непріателемъ, недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ и труды истощали силы; особенно усиливавшійся голодъ угрожалъ бѣдствіями больше самаго непріателя. Предусмотрительный умъ Госѣвскаго нашелъ средство противъ этой гидры: онъ вошелъ въ сношеніе съ старостою усвятскимъ Иваномъ Сапѣгою, и тотъ великодушно предложилъ свою помощь; взялъ отъ Госѣвскаго избранныхъ отъ всѣхъ хоругвий всадниковъ, и, присоединивъ ихъ къ своимъ войскамъ, пустился въ набѣги для собранія сѣстныхъ припасовъ. Русскіе знали это, и радовались, какъ будто прогнали Сапѣгу, который, засѣвши съ противоположной стороны столицы, часто тревожилъ ихъ: силы осажденныхъ уменьшились, отдѣленіемъ цѣлой половины воиновъ для подрѣзленія Сапѣги; непріатель же расчелъ, что сей послѣдній не скоро воротится, потому что провіанта надобно было искать въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Московіи, а вблизи театра войны частые переходы войскъ истребили все. Пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ, непріатель дружно напалъ на осажденныхъ; наступалъ съ такимъ жаромъ и презрѣніемъ смерти, что даже засѣвшихъ въ Бѣломъ Городѣ, которые еще отбивались, заставлялъ бросить укрѣпленіе; пресѣкъ входъ въ крѣ-

пость, и безирестанно болѣе и болѣе стѣснялъ нашихъ въ Москвѣ.

Положеніе ихъ становилось хуже и хуже: силы непріятеля возрастали; голодъ усиливался; правда, они не отчаивались въ помощи Сапѣги, но, доведенные до крайности, тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали его. Возвратясь, Сапѣга далъ знать Госѣвскому черезъ шпіоновъ о своемъ планѣ: когда онъ вступитъ въ бой съ Русскими, Поляки, засѣвшіе въ укрѣпленіяхъ внутри Москвы, должны сдѣлать отчаянную вылазку; и не медля, во многихъ мѣстахъ, завязавъ самое жаркое дѣло съ Русскими, преимущественно нападая на тѣ пункты, гдѣ непріятель старался пресѣчь сообщеніе съ осажденными. Въ кровавой сѣчѣ, дружины Сапѣги, презирая смерть, прорывались чрезъ русскіе ряды и открывали себѣ путь съ такою силою, что русскіе, бросивъ укрѣпленія, снабженныя всѣми воинскими припасами, дали тылъ, а Поляки съ быстротою ввели обозъ съ провіантомъ. Въ то же самое время осажденные сдѣлали вылазку, и привели непріятеля въ совершенный ужасъ: не понимая, откуда у Поляковъ взялось столько духа и силы, онъ полагалъ, что въ крѣпость тайно введены новыя войска. Русскіе не знали, что бѣшенство голоднаго желудка было лучшимъ вспоможеніемъ осажденныхъ. Пораженный непріятель, сгустивъ свои дружины, преслѣдуемый Поляками, выгѣсненъ былъ изъ Бѣлаго Города, занятіе котораго стоило ему столько пота и крови. Въ этотъ счастливый день, казалось, не трудно было бы въ конецъ поразить непріятеля и одержать совершенную побѣду; но военачальники не думали объ ней, узнавши, что приближается Ходкевичъ, и слава побѣды могла бы быть приписана его помощи.

Вѣсть о приближеніи главнаго гетмана Ходкевича съ ливонскими войсками была принята Поляками съ большимъ неудовольствіемъ, или потому, что не привыкли быть подъ властью военачальника литовскаго, они не

хотѣли ему повиноваться; или, привыкну къ своеволію, боялись Ходкевича, извѣстнаго строгостію военной дисциплины. Нужно догадываться, что противъ Ходкевича вооружили Поляковъ люди подсланные воеводою смоленскимъ, старостою брацлавскимъ, Яковомъ Потоцкимъ: не терпя соперника, онъ считалъ себя обиженнымъ, что король Сигизмундъ верховное начальство надъ войскомъ въ Московіи ввѣрилъ не ему, а Ходкевичу, и мучился мыслию, что соперникъ можетъ покрыть себя славою, тогда какъ онъ одинъ хотѣлъ наслаждаться ею безъ всякаго совмѣстничества, и, пользуясь благосклонностію короля, располагать по своей волѣ и войскомъ и совѣтамъ. Несогласіе вождей было явно; личныя неудовольствія они предпочли общей пользѣ, и все стало стремиться къ безднѣ погибели. Непріятель торжествовалъ побѣду за побѣдой, поражая Ляха, недавно пожившаго лавры.

Эти обстоятельства и снабженіе крѣпости провіантомъ сдѣлали войско безопаснымъ; или оно, будучи поставлено въ необходимость часто биться съ непріателемъ, тяготилось войною; или, что вѣроятнѣе, жаждало своеволія, къ которому привыкло въ станѣ самозванца, и въ которомъ закоснѣло по случаю отсутствія короля. Наконецъ войско послало на сеймъ пословъ, которые съ обычнымъ высокомеріемъ прямо сказали королю, что онъ ожидаетъ прибытія великаго князя Московскаго, королевича Владислава, и если король замедлитъ отпустить его, то войска бросятъ русскую столицу и потребуютъ отъ республики жалованья, заслуженнаго за столько лѣтъ; войско еще потерпѣло до 6 Января (1612 года), но послѣ король уже не долженъ надѣяться на помощь войска.

По приказанію короля, изъ древней казны князей московскихъ войску довольно роздано было серебра, золота и драгоцѣнной рухляди. При бережливости, войско могло бы этимъ содержаться больше, нежели на сколь-

ко достало бы годового жалованья; но Поляки предавались разврату, мотали безъ счету, и презирали увѣщанія короля. Напрасно начальники убѣждали подождать, пока прїѣдетъ королевичъ; не срамитъ отечества, въ которое готовы вторгнуться съ мятежемъ; обратиться къ образу мыслей, достойному воиновъ, и наглостию не помрачать своей славы, которую прїобрѣли въ теченіе столькихъ лѣтъ: это говорено было глухимъ, жаждавшимъ одного своеволия. Въ назначенный день, 6 Января, войско постыдно бросило станъ, и вышло изъ Московіи съ шумомъ и угрозами. Осталась небольшая часть воиновъ, которые, получивъ остатки въ конецъ разграбленной казны московскихъ князей, обѣщались еще поவிноваться.

Уменьшеніе войска сильно огорчило Ходкевича, отличавшагося строгостию военной дисциплины; но онъ не терялъ надежды удержать крѣпость, если, съ уходомъ мятежной сволочи, оставшіеся ветераны въ военномъ дѣлѣ сохранятъ повиновеніе. По просьбѣ Ходкевича и по волѣ Якова Потоцкаго, на помощь явился хмѣльницкій староста Николай Струсъ съ значительнымъ числомъ пѣхоты и конницы. Этимъ Потоцкій думалъ вырвать у Ходкевича пальму сохраненія московской столицы, надѣясь, что войско будетъ зависѣть отъ его мановенія, а государствомъ будетъ управлять его племянникъ (сынъ родной сестры) Струсъ, который сумѣетъ поддержать и увеличить свою славу. Струсъ, дѣйствуя по видамъ Потоцкаго, и гордясь своимъ геніемъ, не прежде ввелъ свои войска въ столицу, какъ ему вѣрено было верховное управленіе и крѣпостью и всѣмъ гарнизономъ. Ходкевичъ жаловался, что этимъ унижается Госѣвскій, и оказывается пренебреженіе къ его достоинству; но, противъ воли, долженъ былъ притвориться, что уступаетъ необходимости и своею личностію жертвуетъ общему благу; между-тѣмъ какъ Госѣвскій былъ не прочь уступить власть Струсу: умный и пред-

усмотрительный, онъ втайнѣ радовался, что освобождается отъ власти, боясь подвергнуть опасности свою славу, добытую въ теченіе столь многихъ лѣтъ; притомъ онъ предвидѣлъ гибельныя послѣдствія необузданности войска и соперничества начальниковъ, и былъ увѣренъ, что Струсь, съ такимъ усиліемъ помогающійся главнаго управленія, будетъ наказанъ за свое неуваженіе къ честности.

Съ перваго дня вступленія Струса въ Москву открылась вражда. Одни одобряли, что онъ присланъ на мѣсто Госѣвскаго, и поставленъ соперникомъ Ходкевичу; другіе это порицали, и, раздѣлившись на партіи, безпрестанно между собою ссорились. Та и другая партія стали дѣйствовать отдѣльно, какъ-бы не имѣя участія въ общемъ дѣлѣ, нища собственной славы, и не дорожа мнѣніемъ противниковъ; а между-тѣмъ все клонилось къ гибели. Не смотря ни на что, Ходкевичъ пользовался случаями къ нападеніямъ, цѣлое дѣло занималъ непріятеля спибками, и часто среди боя ввозилъ осажденнымъ съѣстные припасы. Послѣднимъ дѣломъ Ходкевича было мужественное нападеніе въ Сентябрѣ мѣсяцѣ на Русскихъ, которые держали Поляковъ въ осадѣ. Прежде всего онъ смѣло вовлекъ непріятеля въ перестрѣлку, потомъ быстро двинулся внутрь стѣнъ, выбилъ Русскихъ изъ укрѣпленій, открылъ путь въ крѣпость, ввелъ за собою 500 человекъ пѣхоты Невяровскаго, только-что прибывшаго, и уже хотѣлъ ввезти 400 возовъ съ провіантомъ, когда утомленное войско остановилось на минуту, чтобъ собраться съ силами, а Русскіе, пользуясь этимъ, напали густыми массами, и отбили обозъ. Струсь, начальникъ гарнизона, оставался хладнокровнымъ зрителемъ, и съ своими дружинами не двигался съ мѣста, или не желая раздѣлить побѣду съ Ходкевичемъ, или не считая нужнымъ спѣшить на помощь, когда весь успѣхъ могъ быть приписанъ гетману, распорядившемуся настоящимъ дѣломъ. Поляки

понесли такую значительную потерю, что ее ничѣмъ уже нельзя было вознаградить. Колесо фортуны повернулось—надежда завладѣть цѣлымъ московскимъ государствомъ рушилась невозвратно.

Послѣ, всѣ усилія Ходкевича поправить дѣло были бесполезны, потому—что въ войскѣ Сапѣги, увлеченномъ примѣрами буйныхъ товарищей, открылся мятежъ. Ревность и несогласіе начальниковъ усилили дерзость и неистовство войска, до того, что оно, крича о жалованьи и наградахъ, бросило Москву. Между тѣмъ 24 Сентября 1612 года смерть похитила доблестнаго усятскаго старосту Ивана Сапѣгу. Въ Крымгородѣ, въ Золотой Палатѣ московскихъ князей, скончался горой, истощенный воинскими трудами и заботами, и растерзанный горестію, что безпрестанные мятежи необузданнаго войска уничтожили всѣ его побѣды. Съ его смертію войско не знало уже препонъ своему буйству.

Ничто не могло быть ужаснѣе положенія Поляковъ, оставшихся въ Москвѣ: Струсъ въ раздорѣ съ Ходкевичемъ рѣшительно забылъ объ общемъ благѣ, и предался личностямъ. Не смотря на то, Ходкевичъ отправился въ дальній нуть за провіантомъ, потому—что вблизи ничѣмъ нельзя было поживиться. Русскіе узнали объ отбытіи гетмана, и предвидя, что снабженіе Поляковъ провіантомъ можетъ продолжить войну безъ всякой для нихъ пользы, приняли всѣ мѣры, чтобы у осажденныхъ отнять самую надежду на помощь. Сильнымъ напоромъ заняли укрѣпленія, захватили всѣ входы въ крѣпость, засѣли кругомъ, и держали Поляковъ въ такой осадѣ, что не осталось никакихъ средствъ ни вырваться изъ крѣпости, ни подать помощь, и развѣ только прямо съ неба можно было понасть къ осажденнымъ. Нввый кликъ къ брани пронесся по всей Московіи, и подъ стѣнами столицы явилось больше ста тысячъ вооруженныхъ людей.

Ходкевичъ воротился съ обозомъ, но засталъ осаду

совершенно въ другомъ видѣ: крѣпость была окружена со всѣхъ сторонъ новыми укрѣпленіями; за рѣкою, откуда осажденные ожидали помощи, непріятель разсыпалъ свою пѣхоту; по сую сторону рѣки устроены были батареи, и число русскаго войска непомярно увеличилось. Зная слабость своихъ силъ, Ходкевичъ видѣлъ, что рѣшимость на бой была бы не храбростью, а безуміемъ, оплакалъ роковое соперничество и раздоры, и повелъ свое войско на встрѣчу королю въ Вязьму.

Между-тѣмъ голодъ въ крѣпости достигъ ужасающей степени. Въ послѣдніе два мѣсяца, Сентябрь и Октябрь, осажденные питались только собаками, кошками, мышами, кожами, размоченными въ водѣ и раскрошенными на мелкія части, и — ужасъ обнимаетъ при одной мысли — пожирали другъ друга, даже откапывали недавно погребенные трупы!... Все, что только представляетъ ужаснаго Сагунтъ, все это повторялось съ Поляками въ Москвѣ; они теперь уже готовы были искать вѣрной смерти въ неравномъ боѣ, но Русскіе клятвенно обѣщались выпустить ихъ съ оружіемъ и имуществомъ. На этомъ условіи крѣпость сдана; но Русскіе забыли свою клятву: Струса, полковниковъ и ротмистровъ бросили въ тюрьму, прочихъ топили, вѣшали, рѣзали, и наслаждались местию.

Гетманъ Жолкѣвскій съ самаго начала говорилъ королю объ единственномъ средствѣ утушить московское возстаніе, — отпустить королевича Владислава, избраннаго въ цари, и заклиналъ Сигизмунда исполнить договоръ. Мысль Жолкѣвскаго поддерживали многіе магнаты, того требовало и просило войско — показать королевича народу и войску, и тѣмъ уничтожить всѣ смятенія, разстроить тайные замыслы недоброжелателей; но король оставался непреклоннымъ и слушался только тѣхъ людей, которые пользовались его благосклонностію. Теперь, когда возстаніе Русскихъ созрѣло, осажденные въ Москвѣ Поляки, извнѣ были поражаемы непріателемъ, вну-

три томълись голодомъ, буйствовали и бросили станъ, — Король понялъ, что дѣло приняло самый дурной оборотъ, и что скипетръ московской имперіи у королевича выпадалъ изъ рукъ. Теперь только король рѣшился отпустить сына на московское царство, и то по настоянію государственныхъ чиновъ, предвидѣвшихъ, какую бѣду навлечетъ себѣ нѣкогда республика отъ Московіи.

Когда все уже клонилось къ упадку, благоразумнѣйшіе думали, что еще можно пособить одною скоростію; но король все еще медлил и поѣхалъ съ королевою и со всѣмъ дворомъ, не спѣша, въ Вильну, въ намѣреніи оттуда выступить противъ непріятеля, а теплое время, удобное къ войнѣ, уже проходило. Открылось новое препятствіе: ветераны въ военномъ дѣлѣ и большая часть войска не хотѣли повиноваться, вкусивъ сладость мирной жизни, оуждали войну въ странѣ сѣверной, — и королевичъ Владиславъ, столько всѣми прежде желанный, у всѣхъ вышелъ изъ головы, а еще недавно клялись всѣ пролить за него послѣднюю кровь, и пожертвовать жизнію.

Главную силу королевскаго войска составляли два отряда нѣмецкой пѣхоты подъ начальствомъ Федора Денгофа и Урсенберга. Король также не отчаявался, что за нимъ послѣдуетъ конница, оставшаяся въ Смоленскѣ; но, прибывши въ Смоленскъ вмѣстѣ съ Владиславомъ, съ горестію увидѣлъ, что конница и не думаетъ ему повиноваться: свирѣпый духъ войска ни чѣмъ не могъ быть преклоненъ. Самъ король съ униженною благосклонностію говорилъ рѣчь къ войску, не успѣлъ ни въ чемъ и выѣхалъ изъ Смоленска въ сопровожденіи обыкновеннаго своего прикрытія. Уже послѣ его отъѣзда 1200 человекъ конницы, — или изъ жалости къ королевичу, оставленному въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и съ горстью людей готовому броситься въ среду враговъ, или по усильному убѣжденію начальни-

ковъ, — выступили въ походъ и догнали короля въ Вязьмѣ.

Среди такихъ-то обстоятельствъ, при выгѣздѣ изъ Смоленска случилось неблагоприятное предзнаменованіе: когда король приблизился къ воротамъ, называемымъ княжескими, висячія рѣшетки сорвались съ крючьевъ, упали и заградили путь; король долженъ былъ выгѣхать черезъ другія ворота. Это было предвѣстіемъ, что въ московское царство нѣтъ уже свободнаго пути.

Остановясь въ Вязьмѣ, между Смоленскомъ и Москвою, король опечаленъ былъ несчастіемъ осажденныхъ въ Москвѣ, и, со дня на день, ожидалъ Ходкевича съ войскомъ. По прибытіи его, король спрашивалъ: куда лучше направить войско? Гетманъ совѣтовалъ идти прямо на Москву, подать помощь осажденнымъ, а въ неприятеля вселить страхъ; онъ говорилъ, что еще есть бояре, преданные Владиславу, которые, узнавши объ его прибытіи, тотчасъ явятся, и такимъ образомъ присутствіемъ королевича и силою оружія можно уничтожить возстаніе. По повелѣнію короля войско двинулось, и, приблизившись къ Москвѣ, стало лагеремъ при селѣ Оедоровскомъ. Здѣсь получена печальная вѣсть, что осажденные, будучи обезсилены голодомъ и побѣждены Русскими, сдали имъ столицу; что, вопреки условій договора, Струсь и другіе начальники заключены въ тюрьму, а прочіе преданы смерти. Въ слѣдъ за тѣмъ прибыла тысяча челоувѣкъ конницы, посланныхъ впередъ къ Москвѣ; они объявили, что подъ самыми стѣнами Русскіе приняли ихъ, какъ враговъ, и не захотѣли вступить въ переговоры; почему, видя, что все потеряно, они не зазывали дѣла и воротились назадъ. Хотя слухъ о прибытіи королевича Владислава всюду разнесся, но ни одинъ изъ Русскихъ не явился для поздравленія избраннаго ими князя, чего очень хотѣлось королю; напротивъ, все приняло враждебный видъ: городъ былъ запертъ и наполненъ вооруженными людьми; королевскихъ

фуражировъ стерегли въ засадахъ; къ довершенію несчастія наступила жестокая зима, и отняла всякую возможность къ войнѣ. Уступая неблагоприятствующей судьбѣ, король пошелъ къ Смоленску, а оттуда печальный воротился въ Польшу съ потерю и славы и московскаго государства.

Таковъ былъ конецъ славнаго московскаго похода. Какъ въ началѣ — все радовало и подавало прекрасныя надежды; такъ послѣ — все пошло на оборотъ. Бѣда преслѣдовала Поляковъ на каждомъ шагу, успѣхъ смѣнился неудачей, надежды обманули, ожиданія великой побѣды исчезли, какъ дымъ. Напрасно человѣскій разумъ усиливался бы разгадать причины такой перемѣны въ святилищѣ вѣчности: онѣ извѣстны одному только Владыкѣ неба и земли, господствующему и надъ царями.

Судьба, сдѣлавъ неожиданный роковой переворотъ въ пользу Московин, отняла у Поляковъ всѣ способы къ вознагражденію своихъ потерь. Мало того, что ихъ выгнали изъ земли, гдѣ недавно все обнаруживало любовь къ избранному королевичу, и теперь кипѣло ненавистію, вихрь бури какъ-будто перенесся изъ Московин въ Польшу, и посредствомъ мятежнаго войска произвелъ опустошеніе. Заключивъ между собою постыдный союзъ, оно дало гибельный примѣръ, и вредъ, имъ нанесенный, на-долго останется памятенъ. Я кратко покажу причины мятежа.

Когда разнеслась вѣсть, что самозванецъ Дмитрій идетъ завоевывать свое царство, то многіе старые воины, полковники и ротмистры стали подъ его знамена. Частію манила ихъ надежда на богатую добычу, частію побуждала жажда мщенія за своихъ соратниковъ, прежде безчеловѣчно истребленныхъ Русскими; но въ этомъ войскѣ много было людей безпокойныхъ: одни промо-

тали свое состояніе, другіе были осуждены, иные наконецъ боялись правосудія, ихъ преслѣдовавшаго, а всѣ—привыкли къ грабежу и буйству. Они-то волновали войско, производили смятенія, бунты, и распространили неповиновеніе къ начальникамъ, тѣмъ болѣе, что Дмитрій поблажалъ имъ, обѣщая огромное жалованье и щедрыя награды. Когда прибылъ въ Московію король, то войско еще болѣе стало развращено ожиданіемъ новаго жалованья, и надеждами на награды. Жолкѣвскій, какъ опытный вождь, предвидѣлъ неизбѣжную бѣду для республики, когда это войско воротится домой, и представлялъ королю, что онъ напрасно теряетъ дорогое время подъ Смоленскомъ; что лучше крѣпость осадить слегка, а съ прочимъ войскомъ спѣшить къ Москвѣ и захватить бразды правленія, когда и Русскіе добровольно призываютъ ихъ и благопріятный ходъ дѣлъ побуждаетъ къ тому; когда, такимъ образомъ Сигизмундъ будетъ рѣшителемъ спора между двумя претендентами на московскій престолъ, то польскія войска добровольно пристанутъ къ нему. Но воевода брацлавскій Иванъ Потоцкій нашептывалъ Сигизмунду противное, льстил надеждою на скорое покореніе Смоленска, и отзывался объ немъ съ такимъ презрѣніемъ, что передъ людьми къ нему близкими не иначе называлъ Смоленскъ, какъ курятникомъ; но, въ отсутствіе Жолкѣвскаго, этотъ курятникъ такого задалъ ему трезвону, что и у куръ нельзя было не признать самыхъ острыхъ когтей. Потоцкій дѣлалъ приступы, возвращался разбитымъ, а неприятель смѣялся надъ его безсильнымъ презрѣніемъ. Войско, отозванное отъ Дмитрія, также не принесло королю никакой пользы: всегда высокомерные и своевольные, воины безпрестанно съ надменностію требовали жалованья, не хотѣли повиноваться вождямъ; постоянно утруждали короля своими депутаціями; потомъ, оказали презрѣніе и къ власти Жолкѣвскаго, и едва, по убѣжденію Александра Зборовскаго, подкрѣпили его въ Клу—

шинской битвѣ; въ послѣдствіи, будучи введены въ Москву, безпрестанно волновались, буйствовали и требовали денегъ. Желая укротить эту гидру, король чрезъ пословъ позволилъ взять московскую казну, и, сообразивъ сколько кому причитается жалованья, раздѣлить ее всѣмъ безобидно. Наконецъ завладѣли сокровищницею нѣкогда счастливой Московіи, вскрыли богатства многихъ царей, хранившіяся столько вѣковъ. Тутъ въ первый разъ увидѣли добычу изъ опустошенной Ливоніи, золото и серебро Великаго Новгорода, на трехъ-стахъ возахъ привезенное побѣдителемъ Васиіемъ, подати и налоги, собравныя съ русскаго народа, и дань богатыхъ провинцій. Невозможно съ подробностію исчислить, сколько было массивныхъ золотыхъ статуй, столовъ, бисера, кубковъ, чашъ, золотыхъ крестовъ, осыпанныхъ драгоценными камнями, роговъ единорога и прочихъ богатствъ могущественнѣйшей Имперіи, которыхъ остатки еще до-сихъ-поръ хранятся у вельможъ; прочее расточено мотовствомъ наслѣдниковъ. Такихъ огромныхъ богатствъ очень бы достаточно было войску въ замѣнъ слѣдовавшаго ему жалованья; но расточительность военовъ все спустила съ рукъ въ полгода или немножко больше. Удовольствовавшись золотомъ, войско на нѣкоторое время затихло: по-видимому водворилось повиновеніе и мужество противъ непріятеля; но скоро опять открылось своевоіе, утомленіе войною, и опять настоятельное требованіе жалованья, жалобы на медленность прибытія Владислава на царство, отъ котораго и надѣялись получить жалованье. Наконецъ мятежники, схвативъ знамена, отправились въ Польшу, за ними послѣдовали, какъ сказано выше, легіоны Сашъги; смоленскій гарнизонъ дошелъ до высшей степени дерзости, и, составивъ заговоръ, бросилъ свой постъ.

Три отряда мятежниковъ назвали себя конфедератами, и, какъ гибель, разлились по отечеству. Вояны Дмитрія, прозванныя отъ столицы *столчными*, основали

свое мѣстопробываніе на Руси во Львовъ *: выбрали себя новаго начальника, котораго они называли маршалкомъ, Юсифа Леклинскаго; учредили новую республику; дали ему для совѣта полковниковъ и ротмистровъ; составили условія конфедераціи, и всѣ приняли присягу: повиноваться маршалку, общую опасность отражать общими силами, и не прежде успокоиться, какъ истребовавъ жалованье до послѣдней копѣйки. За тѣмъ, по военному совѣту, раздѣлили между собою на участки королевскія имѣнія, а въ Малой Польшѣ и помѣстья духовенства; ужаснымъ образомъ угѣсняли жителей, наложивъ тягчайшіе налоги, и опредѣлили собирать ихъ до-тѣхъ-поръ, пока сумма сбора не составитъ слѣдующаго жалованья. Легіоны Сапѣги съ своимъ маршалкомъ Иваномъ Калинскимъ точно такимъ же образомъ поселились въ Брестъ и сосѣднихъ староствахъ, и завладѣли имуществами королевскими и церковными. Войска смоленскія также вступили въ конфедерацію, выбрали себя маршалкомъ Збигнѣва Сильницкаго, и опустошали Великую Польшу и Пруссію.

Вездѣ раздавались стenanія бѣдныхъ, крестьянъ и горожанъ, отъ которыхъ буйное войско требовало сверхъ мѣры не только сѣстныхъ припасовъ, но и денегъ. Мятежники рыскали по полямъ, селеніямъ и городамъ; вездѣ искали добычи, а гдѣ нечего было расхищать, тамъ насыщали свое любострастіе; словомъ — дѣлали, что хотѣли. Такое несчастное положеніе было причиною того, что король, подвигнутый общими жалобами, назначилъ сеймъ. Тутъ послы отъ провинцій стenanали, порицали безразсудно предпринятый походъ, безъ всякой осмотрительности, не подумавъ о необходимыхъ издержкахъ: это поджигало лютость войскъ, которыя столько разъ требовали жалованья, получали щедрія

* Столицу Галиціи, *Львовъ*, наши русскіе географы, въ подражаніе Нѣмцамъ, называютъ искаженнымъ нѣмецкимъ словомъ *Лембергъ*.

обѣщанія; но, не видя исполненія ихъ, тѣмъ болѣе предавались своеволю. Далѣе, послы жаловались, что войска Димитрія безразсудно были отъ него отозваны, и тѣмъ обременилась республика и потеряла общее довѣрїе; обвиняли виновниковъ этого дѣла, и требовали, чтобы они, давши войскамъ Димитрія обѣщанія, отвѣчали своимъ имуществомъ, а не вся бы республика страдала отъ безразсудства двухъ или трехъ человекъ. Земскіе депутаты выставляли нужды народа, опустошеніе провинцій, недостатокъ въ деньгахъ, съ такимъ жаромъ, что оставалось закрыть сеймъ и убраться поскорѣе домой; но многіе умѣреннѣйшіе въ мнѣніяхъ остановили ихъ, сказавъ, что уже поздно изслѣдывать причины постигшаго бѣдствія, когда мятежныя войска завладѣли всѣми провинціями и опустошаютъ ихъ, грабя больше, нежели сколько имѣютъ виновники отзыва ихъ отъ Димитрія; что прежде всего нужно освободить народъ отъ страха, а послѣ уже разсудить о началѣ зла, и наказывать за безразсудство упорнаго совѣта. Споры и несогласія кончились тѣмъ, что наконецъ сеймъ опредѣлилъ заплатить конфедератамъ жалованье.

Надѣнность этихъ мятежниковъ возросла до того, что они, отбросивъ всякое уваженіе къ королю, презирая и власть сената и государственныхъ чиновъ, уже съ угрозами требовали не одного жалованья, но безконечныхъ подарковъ и наградъ, всего, больше десяти милліоновъ злотыхъ. Но какъ на уплату этой суммы не довольно было налоговъ, собранныхъ по опредѣленію предшествовавшихъ сеймовъ; то король опять созвалъ чины въ Варшаву, для сужденія о деньгахъ. Ихъ взяли частію изъ общественнаго казначейства, сколько было въ наличности; частію добыли подъ залогъ нѣкоторыхъ вещей; частію собрали посредствомъ вновь увеличенныхъ налоговъ; наконецъ отъ щедрости духовенства и правительственныхъ лицъ; едва-едва могли наполнить бездонную харибду, и усмирить конфедера-

товъ, которые безнаказанно буйствовали больше двухъ лѣтъ. Стыдно и жалко, что Польша, какъ-бы обреченная на рабскую покорность, сдѣлалась данницею незначительной толпы негодяевъ; потомство съ горестію прочтетъ, что едва ли и пятнадцать тысячъ человѣкъ властвовали надъ могущественною державою, какъ-бы наложивъ на нее узду. Наша свобода, или лучше *своеволие* причиною того, что покровительствуютъ явному буйству и медлятъ наказывать злодѣяніе *.

Между-тѣмъ въ Московіи партія преданныхъ королю со дня на день ослабѣвала; Русскіе, освободясь отъ всякаго страха, постановили перервать связь съ королевичемъ Владиславомъ, за то, что онъ, будучи избранъ въ цари, требовалъ отъ нихъ покорности, какъ отъ своихъ подданныхъ, и не смотря на клятву Жолкѣвскаго, обманулъ ихъ ожиданія, не прибывъ на царство, когда они надѣялись, что его присутствіе одушевитъ ихъ отечество, а могущество защититъ отъ угнетавшихъ Россію несчастій. Отрекшись такимъ образомъ отъ повиновенія Владиславу, Русскіе единодушно избрали царемъ Михаила Феодоровича, сына ростовскаго митрополита, находившагося въ плѣну въ Польшѣ, и охотно приняли присягу на вѣрность новому царю. Онъ едва вышелъ изъ отрочества, но предпочтенъ прочимъ потому, что происходилъ отъ крови древнихъ московскихъ князей. Жолкѣвскій нѣкогда имѣлъ подозрѣніе, что Михаилъ можетъ домогаться царства; но видя, что такіе смѣлые замыслы не соотвѣтствуютъ юнымъ его лѣтамъ, особенно безъ совѣта и подпоры отца, (котораго гетманъ удалилъ, подъ предлогомъ посольства, вмѣстѣ съ Голицынымъ, человѣкомъ безсильно-честолюбивымъ), счелъ труднымъ, чтобы отрокъ вступилъ на престолъ волнующейся Московіи, когда многіе безпокойные умы раз-

* Важное свидѣтельство современника и родоваго Поляка.

дѣлились на партіи, имѣли свои желанія, и можетъ-быть также стремились къ власти.

Первымъ дѣломъ новаго правительства было убійство Марины, супруги самозванца Дмитрія, которая, при помощи преданнаго ей Заруцкаго, еще имѣла свою партію, и была поддерживаема Донскими Казаками. Но когда преданные ей, частію были подкуплены, частію разбиты, Марина изъ Калуги бѣжала съ своимъ ребенкомъ въ Астрахань. Эта обширная провинція, смежная съ Персією, еще оставалась вѣрною Маринѣ и сыну ея; но изъ Москвы поспѣшно отправленъ былъ Иванъ Одоевскій поймать бѣглецку, привести Астраханцевъ въ повиновеніе новому государю, и взять съ нихъ присягу. Одоевскій быстро исполнилъ свое дѣло. Народъ охотно покорился Михаилу Феодоровичу; Марину Заруцкій посадилъ—было на корабль, и повезъ въ Персію, но князь Одоевскій поймалъ ихъ. По приговору правительства, Марину задушили, сына ея повѣсили, а Заруцкаго посадили на колы. Знаю, говорятъ будто бы Марину опустили въ рѣку подъ ледъ, но я держусь повѣствованія Жолкѣвскаго, которому совершенно извѣстны московскія дѣла.

И такъ въ Московіи не осталось причинъ къ опасенію: съ единодушнымъ избраніемъ Михаила престѣлись поводы къ внутреннимъ раздорамъ, а восстановленная власть князей стала умирять угнетенное государство; области отдохнули отъ убійствъ и опустошеній, и подъ прочнымъ правленіемъ одного начали приходить въ прежнее состояніе. Напротивъ того, Польша, раздраемая мятежемъ, какъ-бы искупала московскіе грабежи своею гибелью; истощенная и обезсиленная, казалось, она не скоро придетъ въ силу, и будетъ думать объ отмщеніи и войнѣ. Это побуждало Русскихъ быть смѣлѣе и смѣлѣе. Они набрали войска, перенесли свое оружіе въ Литву, въ 1615 году, и сильно приступили къ Смоленску.

Незадолго передъ тѣмъ, въ 1614 году, они послали блистательное посольство къ императору Матѳею, умоляя его о посредничествѣ для примиренія съ Польшею; о томъ же ходатайствовалъ и турецкій султанъ черезъ своего посла. Императоръ немедленно отправилъ Якова Гейделя съ полномочиємъ на польскій сеймъ, но онъ нашелъ, что государственныя чины соскучились войною. Трактовать съ Русскими о вѣчномъ мирѣ или перемиріи назначены первенствующие сенаторы и военачальники, и отправились съ Гейделиемъ въ Московію; но Русскіе уже не имѣли охоты къ миру. Послы застали Смоленскъ въ крѣпкой осадѣ, и Русскіе напрягали всѣ силы взять городъ. Они тѣмъ больше надѣялись на успѣхъ, что Польша, не имѣя ни денегъ, ни войска, не могла подать помощь осажденнымъ. Русскіе очень хорошо знали это, но, чтобы не выказать своего варварства, послали отъ себя пословъ (какъ-бы оказывая тѣмъ честь императору), и назначили мѣсто и время для совѣщаній. Наши послы прежде всего сказали, что самое лучшее средство къ восстановленію желаннаго согласія состоитъ въ томъ, чтобы Русскіе изъявили покорность законному своему князю Владиславу, котораго избрали сами добровольно, и которому клялись въ вѣрности. Тогда Русскіе, съ ропотомъ неудовольствія, отвѣчали, что Владиславъ напрасно домогается своихъ правъ, когда онъ, въ противность присягѣ Жолкѣвскаго, обманулъ ихъ ожиданія медленностію явиться на царство, и честолюбіемъ своего отца. «Пусть знаетъ королевичъ», говорили Русскіе, «что мы, избравъ великимъ княземъ Михаила Феодоровича, не только будемъ ему повиноваться, но положимъ за него жизнь, и прольемъ кровь до послѣдней капли.» За тѣмъ, когда послы предложили договариваться о перемиріи или вѣчномъ, пенарушаномъ мирѣ, Русскіе отвѣчали, что Поляки легко могутъ имѣть миръ, но не иначе, какъ на тѣхъ условіяхъ, которыя будутъ имъ предложены; и

предложили нѣсколько пунктовъ съ такою гордостью и презрѣніемъ, что они казались не средствами, а крайностью. Не трудно догадаться, какой конецъ имѣло это совѣщаніе. Коротко говоря, Русскіе соглашались на миръ съ Польшею въ такомъ только случаѣ, если имъ сданы будутъ Смоленскъ и всѣ завоеванныя крѣпости, и заплатятъ король и чины миллионъ сто тысячъ (вѣроятно золотыхъ), за разграбленную казну, сожженную Москву и опустошеніе государства; сверхъ того, они требовали, чтобы о правахъ Владислава на московскій престолъ не было и помину.

Это происходило тогда, когда умы Поляковъ, угнетенные и сокрушенные, ужасались самой мысли о войнѣ, и потому Русскіе были увѣрены, что имъ можно предлагать условія, какія угодно. Когда послы узнали, что Русскіе не уступаютъ ничего изъ предложенныхъ условій, то прервали и совѣщанія и переговоры.

Между-тѣмъ Смоленскъ, тѣснимый непріятелемъ и томимый голодомъ, находился въ крайней опасности. Попеченіемъ главнаго гетмана литовскаго Карла Ходкевича, при помощи оршанскаго воеводы Александра Сапѣги, два раза съѣстные припасы были ввезены въ городъ съ величайшимъ усиліемъ среди мечей непріятеля; и эти геройскіе подвиги, на память потомству, внесены въ кодексъ законовъ (*Constitutiones 1616 Lithuaniae*). Въ третій разъ, когда осажденные были уже совершенно истощены, но еще одушевлялись надеждою на отечество и любовью къ славѣ, Янушъ Кипка, воевода перновскій (*Ragnaviensis*), снабдилъ ихъ съѣстными припасами; а храбрый и воинственный Александръ Гоевскій, послѣ многихъ стычекъ и сраженій, вытѣснилъ непріятеля изъ укрѣпленій и принудилъ снять осаду. Доблестный освободитель Смоленска получилъ отъ короля Сигизмунда титулъ воеводы смоленскаго, который и носилъ до смерти.

Наконецъ, въ 1616 году, чины пробудились отъ

тяжкаго сна: частію ихъ тревожили дѣйствія непріятеля, который наводнилъ страны, смежныя съ Литвою, и они устрашились видомъ пылающихъ сель и городовъ; частію, ихъ одушевила мысль о прежней славѣ и лютость гордаго врага, который столько разъ былъ прежде побѣждаемъ. На сеймѣ опредѣлена война. По общему согласію всѣхъ, начальство надъ войскомъ ввѣрено королевичу Владиславу, и ему дозволено мечемъ отыскивать свои права. Чины не одобряли образа прежняго похода, повергшаго республику въ такую бѣду, и, наученные недавнимъ несчастіемъ, назначили къ королевичу Выборныхъ, мужей знатныхъ происхожденіемъ и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, съ тѣмъ, чтобы они присутствовали на военныхъ совѣтахъ, вмѣстѣ съ вождями располагали ходомъ войны, и въ свое время во всемъ отдали отчетъ сейму. Вотъ ихъ имена: луцкій епископъ Андрей Липскій, воевода белзскій Станиславъ Заровинскій, воевода сахарчевскій Константинъ Плихта, канцлеръ великаго княжества литовскаго Левъ Сапѣга, староста сремскій (Sremensis) Петръ Опалинскій, староста мозырскій Валтасаръ Стравинскій, сынъ воеводы люблинскаго Марка Собѣскаго Яковъ Собѣскій и Андрей Мединскій. Слухъ о войнѣ мгновенно пролетѣлъ по всей Польшѣ, и принятъ былъ съ восторгомъ. Но въ тайной инструкціи ограничена была власть Выборныхъ и опредѣленъ срокъ войны. Я самъ видѣлъ подлинникъ этой инструкціи, подписанной примасомъ архіепископомъ гнѣзненскимъ Лаврентіемъ Гембицкимъ, канцлеромъ королевства Феликсомъ Крицкимъ, канцлеромъ великаго княжества литовскаго Львомъ Сапѣгою и маршалкомъ провинціальныхъ депутатовъ Яковомъ Щавинскимъ, и кратко изложу ея содержаніе.

Въ началѣ чины изъясняютъ, что они, съ согласія и по волѣ короля, всенародно объявляютъ Русскимъ войну; но, частно, желаютъ единственно скорѣе покоя: къ

этому побуждаютъ несчастія и убытки, бывшіе слѣдствіемъ недавняго неудачнаго похода. Далѣе, слѣдуетъ форма присяги: Выборные къ королевичу обязываются всѣ постановленія, въ инструкціи изложенныя, соблюдать вѣрно и нелицемѣрно; и какъ на военныхъ совѣтахъ, такъ и въ переговорахъ съ непріателемъ о мирѣ дѣйствовать искренно, чистосердечно, ко благу и выгодамъ республики. Деньги, назначенныя чинами и собранныя собственно на этотъ походъ, а ни на какое другое употребленіе, ввѣряются попеченію Выборныхъ; только съ ихъ вѣдома и по ихъ назначенію, деньги будутъ расходуемы и раздаваемы казначеями королевства и великаго княжества литовскаго. Выборные должны смотрѣть, чтобы деньгамъ, на сеймѣ назначеннымъ, соотвѣтствовали и военныя издержки и число войска; послѣднее ни въ какомъ случаѣ не должно быть увеличиваемо, а войны не смѣютъ требовать жалованья больше обыкновеннаго и назначеннаго сеймомъ. Полковники и ротмистры должны находиться при своихъ хоругвахъ въ полномъ ихъ составѣ, безъ всякаго уменьшенія. Войско должно быть приведено въ извѣстность до послѣдняго человѣка. Если несчастный оборотъ военныхъ дѣйствій и необходимость вести войну далѣе опредѣленнаго срока истощатъ суммы, на этотъ предметъ сеймомъ назначенныя; то Выборные обязаны стараться воспользоваться случаемъ, если представится, заключить съ непріателемъ миръ и уладить дѣло на приличныхъ условіяхъ. Выборные должны внушать Владиславу, чтобы онъ не чуждался славнаго мира, больше сообразовался съ выгодами республики, нежели ввѣрялся неизвѣстности успѣховъ войны. Но если судьба откроетъ королевичу путь на русскій престолъ, то заклинать его всѣмъ священнымъ, чтобы онъ, памятуя о королѣ и отечествѣ, присягою подтвердилъ тѣ условія, которыя онъ подписалъ собственною рукою и обѣщалъ соблюсти свято.

Послѣ такой тайной инструкціи приступлено набору войска: со всѣхъ сторонъ стекались дворянство подъ знамена Владислава противъ Турковъ. Эти приготовления продолжались остальное время года, и походъ отложенъ до слѣдующаго 1617 года.

Въ назначеніи главнаго вождя встрѣтилось затрудненіе. Взоры многихъ были обращены на Степана Жолкѣвскаго, который уже прославился укрѣпленіемъ Московіи, пріянялъ присягу за королевича Владислава избраннаго Русскими на престолъ, заключилъ союзъ и заслужилъ уваженіе Русскихъ. Но Жолкѣвскій, съ другой стороны, помня, что король презрѣлъ его, не принялъ ихъ уже поздно, когда дѣло получило оборотъ, а съ другой опасаясь не только потери обрѣтенное имъ у Русскихъ уваженіе, но и подверженія укорамъ въ клятвopреступленіи, рѣшительно отказался отъ начальства надъ войскомъ, подъ предлогомъ угрожающей войны съ Турками, потому-что Селимъ паша съ сильнымъ войскомъ приближался къ границамъ Руси (то есть Галиціи), для отмщенія за казни Казаковъ.

Наконецъ, Карлу Ходкевичу, главному гетману польскому, король ввѣрилъ и королевича Владислава верховную власть надъ войскомъ.

Съ латинскаго

И. Боршевскаго

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Современная Исторія

и

Политика.

=

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

—

Въ прошлой книжкѣ, мы говорили, что существованіе нынѣшняго министерства во Франціи упрочено, по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, значительнымъ большинствомъ, утвердившимъ адрессъ, составленный въ его смыслѣ. Между-тѣмъ измѣненіе, сдѣланное въ этомъ адрессѣ по предложенію одного изъ приверженцевъ министерства, господина *Жака Лефевра*, имѣло важныя послѣдствія; но о нихъ мы будемъ говорить далѣе. Теперь расскажем другія битвы, которыя оно принуждено было выдержать, и выдержало съ успѣхомъ. Депутаты оппозиціи безпрестанно дѣлали новыя предложенія, затрудняли ими министерство, волновали партіи и отнимали время у палаты до того, что доселѣ не утвержденъ еще

№ 3. Отд. II.

1/4

ни одинъ важный законъ, хотя уже болѣе мѣсяца прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ палаты открыты.

Господинъ *Ганнеронъ* сдѣлалъ предложеніе, имѣющее цѣлю устранить изъ палаты большую часть чиновниковъ. Въ сущности оно состоитъ въ слѣдующемъ. Депутаты, не занимавшіе въ день своего избранія публичныхъ должностей съ жалованьемъ, не могутъ принимать такихъ должностей, пока остаются депутатами и еще годъ послѣ того. Изъ этого исключаются только должности министровъ, ихъ помощниковъ, генеральныхъ директоровъ въ министерствахъ, пословъ и немногія другія. Депутаты, состоящіе въ службѣ, не могутъ быть повышаемы иначе, какъ въ очередь и притомъ съ соблюденіемъ строжайшей постепенности. Генералъ-прокуроры, генералъ-адвокаты и ихъ помощники при всѣхъ судахъ кромѣ кассационнаго, парижскаго королевскаго и счетной палаты, главные инженеры, директоры, начальники отдѣлений и вообще всѣ чиновники министерствъ не могутъ быть депутатами.

Другой оппозиціонный депутатъ, господинъ *Дюко*, предложилъ даровать право избранія всѣмъ лицамъ, внесеннымъ во второй списокъ присяжныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Должность присяжныхъ исправляютъ: во-первыхъ всѣ избиратели, то есть, лица, не моложе двадцати-пяти лѣтъ, платящіе не менѣе двухъ-сотъ франковъ податей; во вторыхъ, лица, хотя не платящіе такой суммы податей, но имѣющія званіе нотариусовъ, адвокатовъ, членовъ ученыхъ обществъ, утвержденныхъ правительствомъ, докторовъ медицины и прочая. Первые называются обыкновенно *sensitaires*, то есть, плательщиками ценса, вторые *saracités*, способными. Этимъ-то лицамъ господинъ *Дюко* предлагалъ даровать право участвовать въ выборахъ депутатовъ.

Извѣстно, что предложеніе депутата тогда только можетъ быть сдѣлано формально, то есть, прочтено въ публичномъ засѣданіи, когда на это изъявили свое согла-

сіе по-крайней-мѣрѣ три изъ девяти отдѣленій, на которыя палаты раздѣляются по жребію, и потому оно прежде всего должно быть рассмотрѣно въ отдѣленіяхъ. Министерство не противилось публичному чтенію проектовъ господъ *Ганнерона* и *Дюко*, и пренія о первомъ изъ нихъ начались въ засѣданіи десятаго Февраля. Предложеніе защищали одни только депутаты оппозиціи и притомъ все люди почти безвѣстные, за исключеніемъ только одного изъ бывшихъ министровъ, остроумнаго графа *Ремюза*. Противъ проекта говорили господа *Ладьеръ*, *Ламартинъ*, нѣкоторые другіе депутаты и министры *Вильменъ* и *Дюшатель*. Господинъ *Ладьеръ*, доказывалъ, что первая часть предложенія господина *Ганнерона* не что иное, какъ изложенный другими словами проектъ господина *Ремильи* о запрещеніи депутатамъ принимать должности, приносящія жалованье; вторая, проектъ господъ *Моена* и *Пажеса* о несовмѣстности нѣкоторыхъ должностей съ званіемъ депутата; и тотъ и другой проектъ уже однажды отвергнуты палатою. Притомъ, это предложеніе противно хартіи, на основаніи которой чиновники могутъ вступать въ палату, а депутатъ, получившій какую-либо должность, снова подвергается выбору. Ежели искательство и стремленіе къ занятію должностей дѣйствительно оказываютъ пагубное вліяніе на общественные нравы, то, конечно, противъ этого надобно принять мѣры; но въ этомъ ли заключается источникъ зла, отъ котораго страдаетъ Франція? Не скорѣе ли въ страсти къ популярности, страсти, которая представляетъ въ превратномъ видѣ самыя добросовѣстныя намѣренія, самыя безкорыстныя мнѣнія, которая заставляетъ человѣка совѣтоваться не съ совѣстію, а со своею партією, или съ газетою, которую онъ обыкновенно читаетъ; не въ страсти ли унижать чужія достоинства, въ зависти, которая ничего не уважаетъ, для которой нѣтъ ничего священнаго, которая не щадитъ ни самыхъ благородныхъ характеровъ, ни самыхъ національныхъ

знаменитостей? Что же вы не предложите проекта для искорененія этихъ плачевныхъ болѣзней? вскричалъ господинъ *Мадьеръ*. Краснорѣчивый депутатъ маконскій (*Ламартинъ*) утверждалъ, что предложеніе господина *Ганнерона*, имѣющее цѣлю охранить независимость мнѣній депутатовъ, не нужно и не дѣйствительно; не нужно, потому-что система подкуповъ и обольщеній со-всѣмъ не такъ распространена во Франціи, какъ въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Англіи; не дѣйствительно, потому-что одинъ только личный характеръ депутата можетъ ручаться за независимость его мнѣній и дѣйствій. «Если бы, сказалъ онъ, нашелся депутатъ, который бы продалъ свой голосъ, который бы цѣнилъ свое мѣсто выше званія депутата, онъ не долго пользовался бы уваженіемъ и вскорѣ на всѣхъ скамьяхъ отъ него стали бы удаляться, чтобы не запятнать себя его стыдомъ. Будемъ имѣть болѣе довѣрія, присовокупилъ онъ, къ общественному чувству и особенно къ гласности. Гласность — Немезида новѣйшихъ временъ. Судъ ея совершается иногда медленно, но избѣжать его невозможно. Она достаточнымъ образомъ наказываетъ безсовѣстныхъ въ странѣ, гдѣ общественное мнѣніе могутъ общественно и непреклонно. Ей должны мы вѣрится, а не мелочному острацизму, который стѣснитъ націю въ выборѣ ея представителей.» Въ заключеніи, изобразивъ, какъ величайшее зло настоящаго времени, недостатокъ даровитыхъ и безкорыстныхъ государственныхъ людей, господинъ *Ламартинъ* сказалъ: «Не допустимъ, милостивые государи, чтобы государство на будущее время могло быть лишено услугъ хотя одного человѣка съ талантомъ, хотя одного человѣка, одареннаго мужествомъ. Пламенно желая чистоты въ политическомъ тѣлѣ, я рѣшительно противлюсь предложенію, потому-что оно не очиститъ, а исказитъ его.» Рѣчь господина *Ламартина* возбудила живѣйшее одобреніе въ палатѣ. Послѣ него говорили еще нѣкоторые оппозиціонные депутаты и

двое министровъ, *Вильменъ* и *Дюшатель*; они, какъ и ихъ приверженцы, утверждали, что единственная цѣль этого предложенія — способствовать паденію нынѣшняго министерства и составленію новаго управленія въ смыслѣ лѣвой стороны. Наконецъ президентъ предложилъ обыкновенный вопросъ: намѣрена ли палата принять это предложеніе въ разсмотрѣніе, то есть, нарядить для этого комиссію? По требованію двадцати министерскихъ депутатовъ, къ большому неудовольствію оппозиціи, положено было подавать голоса посредствомъ бѣлыхъ и черныхъ шаровъ. Результатъ оказался слѣдующій: полное число подававшихъ голоса было триста-восемьдесятъ-пять; слѣдственно необходимое большинство составляли сто-девяносто-три голоса; въ пользу предложенія господина *Ганнерона* оказалось сто-девяносто голосовъ; противъ него сто-девяносто-восемь; такимъ образомъ оно отвергнуто большинствомъ только восьми голосовъ.

Въ засѣданіи четырнадцатаго Февраля приступлено было къ разсмотрѣнію предложенія господина *Дюко* о дарованіи избирательнаго права лицамъ, внесеннымъ во второй списокъ присяжныхъ. Пренія продолжались два дня. Приверженцы проекта, въ числѣ которыхъ находились два депутата, замѣчательные по своему таланту и вліянію, и обыкновенно поддерживающіе министерство, именно, господа *Ламартинъ* и *Дюфоръ*, утверждали, что при разсмотрѣніи нынѣшняго закона о выборахъ, предполагалось по временамъ измѣнять его, увеличивая число избирателей; что нынче для этого самое благоприятное время, потому-что Франція наслаждается спокойствіемъ и политическія страсти утихаютъ; что этотъ проектъ не представляетъ ни малѣйшей опасности, потому-что лица, принадлежащія ко второму списку присяжныхъ, по своей образованности и своему положенію въ свѣтѣ, не могутъ быть врагами общественнаго порядка; что, наконецъ, лицъ, которымъ предполагается предоставить право избранія, не болѣе двадцати-

тысячъ и потому допущеніе ихъ къ выборамъ не можетъ измѣнить большинства, не можетъ быть почитаемо реформою слишкомъ рѣшительною. Противники предложенія господина *Дюко*, министры *Дюшатель* и *Гизо* и многіе депутаты охранительной партіи утверждали, что оно совершенно бесполезно, потому—что число избирателей, по естественному порядку вещей, постепенно распространяется, и съ 1831 года, то есть, со времени существованія нынѣшняго закона о выборахъ, увеличилось слишкомъ до 60,000 человекъ; что главное изъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ Франція, есть непостоянство, непрочность, измѣнчивость всего, лицъ, мнѣній, законовъ, и что по этому уже одному переменна въ законѣ столь новомъ, какъ тотъ, на которомъ основана система выборовъ, есть вредъ, и вредъ весьма важный; что по малому числу лицъ, которымъ предполагается даровать право избирательства, эта переменна не можетъ произвести значительнаго блага; что тѣ изъ этихъ лицъ, которые одарены талантами и ревностно занимаются своимъ дѣломъ, рано или поздно приобрѣтутъ состояніе и поступятъ въ число избирателей, платящихъ положенное количество податей, а остальные, увлекаясь честолюбіемъ и даже корыстными видами, легко могутъ стремиться къ разрушенію нынѣшняго порядка вещей, чтобы возвыситься на развалинахъ всего существующаго: что, наконецъ, это предложеніе, точно такъ же какъ и проектъ господина *Ганмерона*, не что иное, какъ попытка ниспровергнуть кабинетъ, или, какъ выразился одинъ изъ ораторовъ, камень, брошенный въ голову министерства. Господинъ *Гизо*, между прочимъ, сказалъ: «Защитники проекта надѣются, съ помощію реформы выборовъ, низвергнуть министерство; но, пока большинство палаты не измѣнитъ своей общей политики, мы будемъ стремиться къ предположенной цѣли и не уступимъ нашимъ противникамъ; непрерывныя нападки и затрудненія всякаго рода не остановятъ насъ на пути,

на который мы однажды вступили. Нынѣшній кабинетъ образовался подъ вліяніемъ двухъ идей, которыя состоятъ въ томъ, чтобы возстановить доброе согласіе между Франціей и другими европейскими державами, возвратиться къ духу порядка, и тѣмъ упрочить внутреннее благоустройство. Эти двѣ великія цѣли стоять того, чтобы кабинетъ употребилъ для достиженія ихъ всевозможную твердость и энергію, не взирая на препятствія и упорное противоборство оппозиціи.» Наконецъ приступлено было къ собиранію голосовъ и результатъ балотировки изумилъ не только оппозицію, но и министерскую партію, которая не ожидала столь рѣшительнаго торжества, тѣмъ болѣе, что двое изъ самыхъ даровитыхъ ея членовъ, господа *Дюфоръ* и *Ламар-тинъ*, поддерживали предложеніе господина *Дюко*. Въ пользу его оказалось 193 голоса, противъ 234; слѣдственно проектъ отвергнутъ большинствомъ 41 голоса.

Газеты, сообщая своимъ читателямъ пренія, происходящія въ палатахъ, излагаютъ почти вполнѣ рѣчи депутатовъ своей партіи, но сокращаютъ, а нерѣдко и искажаютъ рѣчи своихъ противниковъ. Для отвращенія этого, господинъ *Гольбери* предложилъ издавать отъ палаты бюллетень, въ которомъ бы рѣчи всѣхъ депутатовъ излагались вполнѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ вѣрныхъ и подробныхъ разборахъ и разсылать этотъ бюллетень безденежно ко всѣмъ избирателямъ, для того чтобы они могли имѣть ясное понятіе о мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ своихъ депутатовъ. Это предложеніе, послѣ непродолжительныхъ преній, въ засѣданіи шестнадцатаго Февраля, принято въ разсмотрѣніе, передано въ отдѣленія, и для составленія доклада объ немъ, назначена коммиссія.

Палата разсматривала въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, и наконецъ утвердила значительнымъ большинствомъ голосовъ, проектъ закона о продолженіи привилегіи рунанскаго банка.

Министръ публичныхъ работъ представилъ въ засѣ-

даніе палаты депутатовъ седьмага Февраля, давно ожидаемый проектъ закона о желѣзныхъ дорогахъ. Въ рѣчи своей по этому предмету, онъ сказалъ, между прочимъ слѣдующее: «Предлагаемъ вамъ проектъ закона, имѣющей цѣлю соединить огромною сѣтью желѣзныхъ дорогъ Востокъ Франціи съ Западомъ, Средиземное Море съ Океаномъ. Исполненіе проекта столь гигантскаго, конечно, есть дѣло времени; но весьма важно приступить къ нему нынѣ же, и приступить съ ревностію; мы увѣрены, что васъ не устрашатъ жертвы, которыхъ плодами будутъ выгоды всякаго рода.» Говоря о дѣятельности въ этомъ отношеніи Соединенныхъ Штатовъ, Англии, Бельгии, Пруссіи, Австріи, (о Россіи онъ еще не зналъ) господинъ *Тестъ* старался доказать, что если Франція не хочетъ отказаться отъ мѣста, которое занимаетъ между европейскими державами, то она не должна отставать отъ другихъ государствъ, въ дѣлѣ, которое столь близко касается до ея матеріальныхъ выгодъ. Сущность министерскаго проекта заключается въ слѣдующемъ. Предполагается устроить систему желѣзныхъ дорогъ отъ Парижа въ направленіяхъ: къ бельгійской границѣ черезъ Лилль и Валансьенъ; къ Англии черезъ береговой пунктъ, который еще не опредѣленъ; къ германской границѣ черезъ Стразбургъ; къ Средиземному Морю черезъ Ліонъ, Марсель и Сеттъ; къ Океану черезъ Бордо и Нантъ. Дороги будутъ устроены при содѣйствіи правительства, департаментовъ, черезъ которые онъ будутъ проходить, общинъ и частной промышленности. Кромѣ добровольныхъ пожертвованій со стороны мѣстныхъ жителей, департаменты и общины, черезъ которые желѣзныя дороги будутъ проходить, платятъ двѣ трети суммы, потребной на пріобрѣтеніе земель и строеній; остальную треть уплачиваетъ правительство; оно же принимаетъ на свой счетъ производство земляныхъ и искусственныхъ работъ. Поставку шинъ и другихъ матеріаловъ, равно какъ содержаніе

дороги предполагается предоставить частнымъ компаниямъ, которымъ за то дорога отдается на откупъ. Цѣны за перевозку путешественниковъ и тяжестей опредѣляются съ общаго согласія правительства и компаний. По истеченіи срока откупа, шпанамъ и другимъ матеріаламъ производится оцѣнка, и новая компания, берущая дорогу на откупъ, вознаграждаетъ прежнюю за всѣ ея издержки. Мѣры для обезпеченія прімотра за дорогами, пользованія ими, опредѣляются правительствомъ. Издержки на устройство предполагаемыхъ дорогъ, по предварительному исчисленію будутъ простираться кругомъ до ста пятидесяти тысячъ франковъ на километръ (около версты), а исполненіе всего предпріятія, которое намѣреваются окончить въ десять лѣтъ, обойдется въ тысячу-двѣсти милліоновъ. Господинъ *Тестъ* объявилъ, что министръ финансовъ не нуждается въ особомъ кредитѣ для начатія работъ; на первый случай достаточно будетъ капиталовъ, хранящихся въ кассѣ погашенія долговъ и внутренняго займа (выпуска билетовъ государственнаго казначейства.)

При разсмотрѣніи этого проекта въ отдѣленіяхъ, мнѣнія на счетъ его были чрезвычайно разнообразны. Всѣ согласны въ томъ, что невозможно отлагать долге предпріятія столь важнаго, что оно необходимо должно принести безчисленныя выгоды разнаго рода; но мнѣнія раздѣлялись, какъ скоро дѣло дошло до подробностей исполненія. Тутъ возстали и забушевали мѣстныя выгоды: каждый депутатъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы желѣзныя дороги проходили, если не по той общинѣ, то по крайней-мѣрѣ по тому департаменту, гдѣ онъ избранъ. Столкновеніе различныхъ и часто противоположныхъ выгодъ было столь сильно, что многіе и понинѣ сомнѣваются, чтобы министерству удалось согласить всѣ мнѣнія и составить въ пользу свою большинство; нѣкоторые даже думаютъ, что это дѣло, которое уже столько разъ не удавалось, будетъ имѣть не болѣе успѣха и нынче, и

что въ нынѣшнемъ году не принято будетъ никакихъ дѣятельныхъ мѣръ по этому предмету. Между-тѣмъ, комиссія, избранная для разсмотрѣнія проекта, состоитъ, если не изъ рѣшительныхъ приверженцевъ министерскаго проекта, то по-крайней-мѣрѣ изъ людей, которые согласны съ нимъ въ главномъ, именно въ необходимости нынче же опредѣлить какія дороги, и какими средствами, имѣютъ быть устроены на первый случай. Говорятъ однако же, что большинство комиссіи намѣрено совершенно измѣнить предложенный министерствомъ проектъ и устранить частныя компаніи отъ участія въ постройкѣ и управленіи желѣзныхъ дорогъ, для того чтобы эти важные пути сообщенія были въ полномъ распоряженіи правительства.

Министръ внутреннихъ дѣлъ (графъ *Дюшателъ*) представилъ палатѣ, въ засѣданіи дватцать-третьяго Февраля, проектъ закона, которымъ правительство требуетъ милліона франковъ въ добавокъ къ суммѣ, назначенной по бюджету на секретные расходы. Въ рѣчи своей онъ говорилъ, что палата уже при нѣсколькихъ случаяхъ разсматривала всѣ дѣйствія министерства по внѣшней и по внутренней политикѣ и доказала ему свою довѣренность, и что потому этотъ проектъ закона, не долженъ служить поводомъ къ продолжительнымъ преніямъ. «Считаю излишнимъ, сказалъ онъ, напоминать вамъ, о безразсудныхъ покушеніяхъ разныхъ злоумышленниковъ; небольшое число недовольныхъ, стремящихся при каждомъ случаѣ къ безнорядкамъ, возбудило живѣйшія опасенія въ государствѣ. Эти люди угрожали королевской власти, старались потрясти основанія, на которыхъ покоится гражданское общество. При такихъ обстоятельствахъ, необходимость закона, который дастъ правительству возможность наблюдать за ихъ планами, предупредить ихъ покушенія, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.» Для разсмотрѣнія этого проекта назначена была комиссія, которая въ докладѣ своемъ

изъявила желаніе, чтобы впредь сумма, требуемая ежегодно на секретные расходы полиціи, была вносима въ бюджетъ. Но между-тѣмъ желаніе министерства, чтобы этотъ законъ былъ утвержденъ безъ преній, кажется, не исполнится, потому-что многіе ораторы оппозиціи уже записались, чтобы говорить противъ него.

Во второй книжкѣ этого журнала, мы уже говорили, что генералъ-губернаторъ французскихъ владѣній въ Африкѣ, господинъ *Бюжо*, дѣйствуетъ весьма успѣшно. Племена, еще державшіеся стороны *Абдъ-эль-Кадера*, одно за другимъ покоряются Французамъ. Въ началѣ Февраля взятъ и разрушенъ фортъ *Лебдонъ*, или *Ла-Фрасна*, въ десяти часахъ пути на югъ отъ *Тремесена*. Это былъ послѣдній укрѣпленный пунктъ на второй линіи Эмира. Самъ онъ, по слухамъ, находится въ марокскихъ владѣніяхъ, близъ границы.

Въ Парижѣ скончался нашъ извѣстный дипломатъ, графъ *Поццо-ди-Борго*, который долгое время былъ посломъ, сначала тамъ, а потомъ въ Лондонѣ.

— Въ предъидущей книжкѣ, мы сообщили нашимъ читателямъ рѣчь, которою королева великобританская открыла собраніе парламента. Отвѣтныя адреса на эту рѣчь, въ Англіи никогда не подають повода къ продолжительнымъ преніямъ, и нынче они приняты были въ обѣихъ палатахъ, въ одно засѣданіе; но еще прежде этого одинъ изъ министровъ, хранитель печати, герцогъ *Букингемъ*, (болѣе извѣстный подъ прежнимъ своимъ титуломъ маркиза *Чандоса*) не согласный съ сэромъ *Робертомъ Пилемъ* на счетъ законовъ о хлѣбѣ, вышелъ въ отставку. Мѣсто его заступилъ молодой человекъ, герцогъ *Буклейнъ* или, если вамъ угодно, *Боклюъ* (*Bussleugh*), перъ и глава знатнаго дома *Скоттовъ*.

Несоразимѣрность народонаселенія Великобританіи съ пространствомъ земли, и бѣдность, господствующая въ низшихъ классахъ народа, заставляютъ весьма многихъ Англичанъ, Шотландцевъ и въ особенности Ирланд-

цевъ, покидать свое отечество и переселяться въ другія части свѣта. Эти переселенія, безъ всякаго пособія со стороны правительства, непрерывно увеличиваются. Съ 1836 по 1840 ежегодно переселялось отъ 75 до 80 тысячъ человѣкъ. Въ 1840 переселилось 90,743, а въ первые девять мѣсяцевъ минувшаго года уже 106,745 человѣкъ. Для обезпеченія участи этихъ несчастныхъ, министръ колоній, лордъ *Стандей*, представилъ парламенту два билля, изъ которыхъ однимъ опредѣляются условія перевозки ихъ на купеческихъ корабляхъ, а другимъ облегчаются для нихъ средства приобрѣтенія земель въ англійскихъ колоніяхъ. Вице-президентъ коммерческой палаты, господинъ *Гластонъ*, представилъ билль, которымъ пошленная система въ британскихъ владѣніяхъ Сѣверной Америки, Вестъ-Индіи и на Островѣ Святаго Маврікія совершенно измѣняется. Около шестидесяти лѣтъ существовала тамъ запретительная система, которая нанесла большой вредъ англійскимъ колоніямъ. Министерство намѣревается отмѣтить ее. Эта мѣра — та же самая, которую предлагало министерство виговъ, и потому нѣтъ никакого сомнѣнія, чтобы она не была утверждена парламентомъ.

Наконецъ, въ засѣданіи нижней палаты, девятаго Февраля, сэръ *Робертъ Пиль* сдѣлалъ давно ожидаемое предложеніе объ измѣненіи законовъ о хлѣбѣ. Въ рѣчи своей по этому предмету онъ старался доказать, что господствующая въ Великобританіи бѣдность не должна быть приписываема существующимъ законамъ о хлѣбѣ, но происходитъ отъ множества различныхъ причинъ, изъ которыхъ каждая можетъ породить весьма важныя затрудненія; что требованіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ на англійскія фабричныя произведенія уменьшились въ слѣдствіе разстройства тамошнихъ финансовъ, нарушенія дружественныхъ сношеній между обоими государствами, опасенія Европейскихъ войнъ, и разныхъ другихъ причинъ; что

торговые кризисы неизбежны во всѣхъ коммерческихъ государствахъ, гдѣ требованія на рабочія руки непрерывно уменьшаются по причинѣ постоянного усовершенствованія машинъ; что, впрочемъ, не смотря на нынѣшнее затруднительное положеніе фабричной и торговой промышленности, нельзя отчаиваться въ будущности коммерческаго благосостоянія и величія государства. Далѣе министръ говорилъ о томъ, на какіе классы народа должна имѣть наиболѣе вліянія переменна въ законахъ о хлѣбѣ, и объявилъ, что правительство не считаетъ возможнымъ удовлетворить требованія безусловныхъ приверженцевъ свободной торговли, и совершенно отгнѣнить пошлину, взимаемую за ввозъ хлѣба; что оно будетъ всѣми силами противиться установленію постоянной пошлины, потому—что не только годы но цѣлые періоды изобилія и недостатка смѣняютъ другъ друга, и потому въ изобильные годы, когда Англія въ состояніи продовольствовать своихъ жителей собственнымъ хлѣбомъ, постоянная пошлина чрезвычайно вредила бы земледѣлію. По—этому министерство предлагаетъ только понизить въ нѣкоторыхъ случаяхъ переменную пошлину, взимаемую при ввозѣ хлѣба, и принять мѣры для точнѣйшаго опредѣленія среднихъ цѣнъ, увеличеніемъ числа мѣстъ, въ которыхъ собираются свѣдѣнія по этому предмету. (По нынѣшнимъ законамъ, при средней цѣнѣ хлѣба, по пятидесяти—одному шиллингу за кварталъ, взыскивалось тридцать шесть шиллинговъ восемь пенсовъ привозной пошлины; сэръ Робертъ Пилъ предлагаетъ взимать только по двадцати шиллинговъ, понижая эту пошлину, какъ и прежде, соразмѣрно возвышенію цѣны хлѣба, такъ чтобы при цѣнѣ въ семьдесятъ—три шиллинга за кварталъ и болѣе, взыскивалось только по одному шиллингу съ квартала).

Само собою разумѣется, что это предложеніе не пріобрѣло одобренія ни поземельныхъ владѣльцевъ, которые страшатся всякой перемены въ нынѣшнемъ, весь-

ма выгодномъ для нихъ законѣ о ввозѣ хлѣба, ни радикаловъ, которые требуютъ разрѣшенія беспошлиннаго ввоза, ни приверженцевъ прежняго министерства, полагающаго назначить постоянную пошлину. Оно подало поводъ къ жаркимъ и продолжительнымъ преніямъ, и въ журналахъ и въ палатахъ, которыя однако же клонятся въ пользу министерства. Такъ лордъ *Джонъ Россель* предлагалъ палатѣ объявить, что она не можетъ принять проекта правительства, потому—что онъ основанъ на тѣхъ же самыхъ началахъ, которыя составляютъ основаніе нынѣ существующихъ законовъ и, по всей вѣроятности, будетъ имѣть тѣ же самыя послѣдствія. Пренія объ этомъ предложеніи продолжались три дня и наконецъ оно отвергнуто большинствомъ ста—двадцати—четырехъ голосовъ. Потомъ господинъ *Вилльерсъ* предлагалъ совершенно отмѣнить пошлину взимаемую съ привознаго хлѣба, господа *Сибторнъ*, *Христоферъ*, *О'Бринъ*, *Блаккъ* и иные дѣлали разныя другія предложенія, но всѣ они были отвергнуты, и наконецъ, въ засѣданіи двадцать—пятого Февраля, министерское предложеніе принято большинствомъ трехъ—сотъ—восьми голосовъ противъ ста—четырехъ, потомъ рассмотрѣна въ комитетѣ палаты, и четвертаго Марта сэръ *Робертъ Пиль* представилъ билль свой объ этомъ предметѣ.

Извѣстно, что срокомъ ратификаціи договора, заключеннаго между пятью великими державами объ искорененіи торга неграми—невольниками, назначено было двадцатое Февраля. Въ этотъ день лордъ *Абердинъ*, въ верхней, и сэръ *Робертъ Пиль*, въ нижней палатѣ, объявили, что ратификаціи русскаго, австрійскаго и прускаго правительствъ получены, а французское правительство отказалось отъ ратификаціи трактата. Впрочемъ оба министра изъявили надежду, что оно со—временемъ послѣдуетъ примѣру другихъ державъ, почему и протоколъ по этому предмету остался открытымъ, то есть не заключенъ окончательно. Вотъ послѣдствія предложенія господина

Асфебра, принятаго Французскою палатою депутатовъ при разсмотрѣніи проекта адреса.

Въ верхней палатѣ во все это время не происходило ничего особенно замѣчательнаго. Только лордъ *Кэмпбл*, бывшій при прежнемъ министерствѣ генералъ — прокуроромъ, представилъ три билля о реформѣ въ составѣ верхней палаты и суднаго комитета тайнаго совѣта, въ тѣхъ случаяхъ, когда они образуютъ апелляціонныя суды, а также о преобразованіи судопроизводства въ коммерческомъ судѣ. Пренія объ этомъ предметѣ еще не кончены.

Англійскія дѣла въ Индіи находятся въ весьма плохомъ положеніи. Въ Афганистанѣ вспыхнуло возстаніе. Извѣстно, что эта страна населена независимыми племенами, которыя не имѣютъ между собою ни какихъ постоянныхъ сношеній, плохо повинуются центральному правительству и промышляютъ грабежомъ. Съ 1839 года, въ Кабулѣ, столицѣ Афганистана, царствуетъ предводитель племени Дураніевъ, шахъ *Суджа*, возведенный на престолъ Англичанами. Вскорѣ по воцареніи его, другое могущественное племя, Гильдши, возстало на защиту своего промысла, стѣсненнаго британскими войсками. Гильдши дѣйствовали весьма успѣшно и простирали набѣги свои до самаго Кабула. Не имѣя возможности обуздать эти племена, Англичане рѣшились купить ихъ покорность, и Афганы обѣщали, за извѣстную сумму, не грабить каравановъ. Но постоянныя выдачи такого рода были очень тягостны для казны, и потому англійскій посланникъ при дворѣ шаха *Суджи*, сэръ *Вильямъ Макъ-Найтенъ* (Mac-Naghten) почелъ необходимымъ уменьшить ихъ. Восточному племени Гильдшиевъ послано было менѣе условленной суммы. Немедленнымъ слѣдствіемъ этого было общее возстаніе, которое кончилось тѣмъ, что всякое сообщеніе между Афганистаномъ и Индією прекратилось. Англійскіе от-

• См. С. О. № 2, стр. 21 и начало этой статьи.

ряды, расположенные въ разныхъ мѣстахъ Афганистана, окружены со всѣхъ сторонъ возставшими туземцами; нѣкоторые изъ этихъ отрядовъ истреблены, другіе содержатся въ тѣсной блокадѣ, такъ, что объ нихъ нѣтъ ни какихъ извѣстій, и, легко можетъ-быть, что они подверглись той же участи. Между-тѣмъ и въ самомъ Кабулѣ вспыхнуло страшное возмущеніе. Англійскіе офицеры умерщвлены въ своихъ домахъ, а нѣкоторые передъ глазами самаго шаха *Суджи*. Въ числѣ послѣднихъ находится сэръ *Александръ Борнестъ* (Burnes) извѣстный своими превосходными сочиненіями объ Индіи. Сэръ *В. Макъ-Нэйтенъ* и шахъ *Суджа* со своими приверженцами и частію британскихъ войскъ заперлись въ Бала-Гиссарѣ, цитадели Кабула; остальные Британскія войска расположились въ укрѣпленномъ лагерѣ. Это было 2 Ноября. Съ-тѣхъ-поръ происходили почти ежедневныя сраженія, при чемъ Англичане лишились двадцати восьми офицеровъ, не считая генераль-маіора *Эльфинстона*, главнаго командира британскихъ войскъ въ Афганистанѣ, который умеръ отъ болѣзни, и около двухъ-тысячъ солдатъ. Полчища туземцевъ, окружающащихъ Кабулъ, простираются до тридцати тысячъ чело-вѣкъ. Подать помощь осажденнымъ, или снабдить городъ съѣстными припасами не было ни какой возможности, и потому въ Кабулѣ свирѣпствовали страшный голодъ и заразительныя болѣзни. Между-тѣмъ старшій сынъ *Достъ-Мохаммедъ-Хана*, прежняго владѣтеля Кабула, свергнутаго съ престола Англичанами, *Укбаръ* или *Акбаръ-Ханъ*, принялъ начальство надъ возставшими племенами, и это еще болѣе воспламенило ихъ. Ежедневныя сшибки происходили съ переменнымъ счастьемъ; наконецъ, 25 Декабря, британскія войска потерпѣли сильное пораженіе, и господинъ *Макъ-Нэйтенъ* принужденъ былъ приступить къ переговорамъ. По приглашенію Афгановъ, онъ отправился въ ихъ лагерь съ четырьмя капитанами. Ему предлагали выйти изъ Кабу-

ла, покинувъ свои знамена, артиллерійскія орудія, и оставивъ въ видѣ заложниковъ всѣхъ англійскихъ женатыхъ офицеровъ съ ихъ семействами. Само собою разумѣется, что онъ не могъ принять столь постыдныхъ условій и объявилъ рѣшительно, что скорѣе умретъ, чѣмъ согласится на нихъ. Завязался споръ и въ это время коварный *Акбаръ-Ханъ* застрѣлилъ его изъ пистолета. Капитанъ *Трефортъ* обнажилъ саблю и бросился на убійцу, но былъ изрубленъ въ куски. Чтò сталося съ прочими капитанами, сопровождавшими посланника, еще неизвѣстно. Послѣ этого британскимъ войскамъ, находившимся въ Кабулѣ и изнемогавшимъ отъ голода и болѣзней, не оставалось ничего болѣе, какъ принять предложенныя Афганами условія и отретироваться въ Джеллалабадъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, доходящимъ до конца Декабря, весь этотъ отрядъ истребленъ на пути возставшими племенами.

Мы старались, по возможности, представить въ связи эти печальныя для Англичанъ событія; но надобно замѣтить, что рассказъ нашъ, большею частію, основанъ на частныхъ письмахъ, помѣщенныхъ въ газетахъ. Англійское правительство скрываетъ депеши, полученныя имъ отъ остъ-индскихъ начальствъ, и въ послѣднее время объявило только то, что *Макъ-Нэйтенъ* дѣйствительно убитъ. — Извѣстія изъ Китая несравненно благопріятнѣе. Перваго Октября англійскія войска взяли Тшинхае, главный городъ острова Чусана. Во время восьми-мѣсячнаго отсутствія Англичанъ, Китайцы сильно укрѣпили и городъ и весь островъ. Не смотря на это, городъ, послѣ двухъ часовой битвы, принужденъ былъ сдать. Десятаго Октября, Англичане взяли городъ Тшинхай при устьѣ рѣки Нинпо, а тринадцатаго числа заняли безъ сопротивленія и городъ этого имени. Послѣ этого англійскій уполномоченный, сэръ Генри *Поттингеръ*, отправился въ Кантонъ, чтобы наказать тамошнихъ вѣроломныхъ мандариновъ, которые вопреки

заклоченному ими перемирію, возстановили укрѣпленія и снова ввели въ городъ свои войска. Потомъ онъ поѣдетъ въ Остъ-Индію, чтобы ускорить отправленіе подкрѣпленій или, лучше сказать, новой арміи, съ которою онъ намѣренъ весной атаковать столицу Китая, Пекинъ.

— Въ заключеніе нашей статьи, мы должны возвратиться въ Европу и рассказать читателямъ событія, случившіяся въ послѣднее время въ Португаліи. Извѣстно, что отецъ нынѣшней королевы, Донны Маріи да-Глоріи, Донъ Педро Браганскій, даровалъ Португальцамъ въ 1836 году хартію. Въ 1839 году эта хартія была отмѣнена и принято новое уложеніе, болѣе благопріятное для партій эксальтадосовъ, или восторженныхъ. Съ тѣхъ-поръ неоднократно дѣлались покушенія въ пользу хартіи Дона Педро; но всѣ эти попытки не имѣли успѣха. Въ Январѣ нынѣшняго года, хартисты, или приверженцы хартіи Дона Педро, собрались въ Оporto, смѣнили тамошнія начальства, овладѣли властію и учредили юнту. Министръ *Коста-Кабраль*, посланный туда, чтобы потушить мятежъ, присоединился къ хартистамъ и пошелъ на Лиссабонъ. Четырнадцатаго Февраля, авангардъ опортскихъ войскъ достигъ Ленріи, лежащей въ 20 англійскихъ миляхъ на сѣверъ отъ Лиссабона; но тутъ остановился, потому-что въ слѣдствіе просьбы нѣкоторой части лиссабонскаго народонаселенія, королева, десятаго числа возстановила хартію Дона Педро, назначила герцога *Терсейру* первымъ своимъ министромъ, а *Коста-Кабраля* пригласила въ столицу и наименовала его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это уже четвертая или пятая перемѣна правленія въ Португаліи, въ послѣднія десять лѣтъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Русская Словесность.

=

ДВА АНГЕЛА.

—

Безъ звѣздъ и безъ луны синѣло небо Мая,
Прозрачной полумглой,
И темною землей
Влаѣла тишина вечерняя, нѣмая!
Тамъ высоко полки небесныхъ силъ
Съ земли кого-то ждали,
И нѣкій духъ изъ міра восходилъ
Къ божественной скрижали,
Къ той Книгѣ бытія,
Гдѣ пишутъ ангелы въ чертахъ неизгладимыхъ,
Строки не затая,
№ 3. Отд. III.

Дѣянiя избранниковъ любимыхъ.

Отжившая душа

Безъ трепета прочла всю мзду своихъ дѣянiй,

И, узы разрѣша,

Грядеть, свободная, на праздникъ ликованiй.

Пришелелицу томить небесная печаль;

Она склонилась долу —

И внемлетъ сонмъ духовъ, глаголу

Земной сестры: «по мнѣ грустно, мнѣ мнѣ жаль,

• Моихъ сиротъ-любимицъ злополучныхъ —

• И — больше всѣхъ — одной!

• Душѣ ль ея больной

• Томиться жертвою и нуждъ и бѣдъ догучныхъ?

• И радостнаго дня —

• Дня печальное — мечтою неразвитой

• Не встрѣтить безъ меня!

• Кто будетъ ей теперь опорой и защитой?»

— Я! — голосъ прозвучалъ.

Торжественно изъ сонма благодатныхъ

Одинъ, въ дыму кадильницъ ароматныхъ,

Какъ радуга возсталъ.

Впервые просiла

Улыбкой райскою утѣшенная тѣнь,

И гимномъ излила

Святой восторгъ.... Зажегся новый день:

Не въ хижину, въ роскошную обитель

Къ зеркальному окну,

Слетѣлъ, какъ дымъ, какъ облако, хранитель,

И — въ нѣкую жену,

Любимицу небесъ, онъ чудомъ благодати

Себя преобразилъ,

И — первый подвигъ былъ —

Успокоенiе скорбящаго дитяти.

Та дивная жена,

Съ душою ангела и праведной и нѣжной,

Величiя полна,

Явилась матерью сиротѣ безнадёжной.

Надеждой расцвѣта,

Подъ сѣнью ангела не чувствуя утраты
 Такъ радостно въ завѣтныя палаты
 На зовъ бѣжить дитя!

Елисавета Шахова.

=

МОРОЗЪ.

—

Чу! съ двора стучится въ ставни:
 Узнаю богатыря.
 Здравствуй, другъ, знакомецъ давній!
 Здравствуй, чадо Декабря!
 Дымъ изъ трубъ ползеть лѣниво;
 Снѣгъ подъ полозомъ визжитъ;
 Солнце блѣдное спѣсиво
 Сквозь туманъ на мѣрь глядитъ.

Я люблю сей благодатный,
 Острый холодъ зимнихъ дней.
 Сани мчатся. Кучеръ статный,
 Окрыливъ молодыхъ коней,
 Бодръ и красенъ; кровь играетъ —
 И окладисто-горда
 Серебрится и сверкаетъ
 Въ снѣжныхъ искрахъ борода.
 Кони полны рьяней прыти,
 Дымъ — въ ноздряхъ, въ ногахъ — мятель;
 А она-то? — Посмотрите!
 Какъ мила теперъ Адель!
 Сколько блеску хладъ ей придалъ!
 Други это ужъ не тотъ!
 Блѣдный, мраморный вашъ идолъ:

Въ этомъ ликѣ жизнь цвѣтеть;
 Членовъ трепетомъ и дрожью
 Обличень завѣтный жаръ,
 И изъ устъ, дышавшихъ ложью,
 Бьетъ теперь чистѣйшій паръ;
 Грудь — въ движеніи волнистомъ;
 Нѣги полное плечо,
 Кроясь въ соболѣ пушистомъ,
 Шевелится горячо.
 Лѣтней, яркою денницей
 Пышно искрятся глаза
 И по шелковой рѣсницѣ
 Брызжетъ первая слеза!

Кто жъ сей мраморъ, на досугѣ,
 Оживилъ? — Таковъ вопросъ.
 Это онъ — не льститеся, други, —
 Это онъ — сѣдой морозъ!
 Жадно лили онъ щиплетъ
 И въ лице, въ замѣнь ихъ, сыплетъ
 Пламя свѣжихъ, алыхъ розъ.
 Лишь его гигантской мочи
 Эти гибельныя очи
 Удалось пронять до слезъ!

В. Бенедиктовъ.

=

ЗАДАЧА И ВРЕМЯ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ГОЛЛАНДСКАГО).

ИЗЪ СХИМСГЕЙМЕРА *.

Ты говоришь любовь — *ничто* :
 Но можно ли ничѣмъ цѣняться ?
 Такъ стало — *все* ? Но развѣ всѣ
 Довольны званіемъ влюбленныхъ ?
 Любовь — *вода* ! Но не она ль
 И зимній холодъ важигаетъ ?
Оюмъ ? Но всѣхъ ли жжетъ она ?
 Не *воздухъ* ли ? О, нѣтъ ! во вдохахъ
 Не иснаряется любовь.
Земля — родникъ цвѣтовъ, плодovъ ?
 Но той морозъ опасенъ зимній,
 А для любви морозовъ нѣтъ.
Добро ? Но развѣ нѣтъ въ ней горя ?
 И такъ, любовь есть *зло* ? Но кто жъ
 Рѣшится въ злѣ искать услады ?
 Не *жизнь* ли ? Отчего же смерть
 Уноситъ всѣ любви отрады ?
 Такъ *смерть* ? Но развѣ не изъ ней
 Родится столько жизней новыхъ ?....
 Друзья ! кто мой вопросъ рѣшить,
 Тому — вѣнокъ любви въ награду
 И мной дѣвы поцѣлуй !

П. Корсаковъ.

=

* Кстати можемъ сообщить пріятное извѣстіе. П. А. Корсаковъ намѣренъ вскорѣ издать *Новую Нидерландскую Антологію*, въ которой будутъ помѣщены въ переводахъ, лучшихъ, избранныя произведенія нидерландскихъ поэтовъ. Ред. С. О.

ЗАВѢТНЫЯ ЧУВСТВА.

Бываютъ дни, — печаль мнѣ грудь волнуешь,
 Въ глазахъ темно, и тяжело мнѣ дышать;
 Но пусть она тамъ, на сердцѣ, бушуетъ,
 Ей съ устъ моихъ улыбки не согнать!
 О, я горда! Никто во вѣкъ не встрѣтитъ
 Слезы въ моихъ потупленныхъ очахъ,
 Въ моихъ рывахъ смущенья не замѣтитъ,
 Ни блѣдности, ни краски на щекахъ;
 Я знаю: здѣсь, въ толпѣ блестящей, модной,
 Мнѣ не найти участія слезамъ,
 А я горда; на смѣхъ толпы холодной
 Завѣтныхъ чувствъ моихъ я не отдамъ.
 Я скрою ихъ; въ глубь сердца не заглянетъ
 Никто, никто!... Печальный жребій мой
 Пойметъ лишь тотъ, кто невзначай заставитъ
 Меня одну съ поникшей головой.

....аа.

МАРЦИАНЪ.

ВАЛЛАДА.

Новый въ Африкѣ владыка!
 Царь Вандаловъ побѣдилъ....
 Не постыдно, но велико
 Пораженъ римскихъ силъ!

Въ плѣнѣ, нѣтъ разбитой рати,
 Предъ дворцомъ врага стоитъ....
 Ихъ въ рабы вандальской знати
 Царь суровый раздавить!

Ждутъ, пождутъ. Изнемогая
 На полуденномъ жару,
 Разлеглася плѣнныхъ стая
 По широкому двору.
 Нѣтъ имъ тѣни, нѣтъ прохлады!
 Сердце горестью кинить;
 И отъ солнца нѣтъ преграды —
 Солнце топить и варить.

Смотритъ царь въ окно, дивится:
 Чтò такое? Въ ясный день,
 Подъ открытымъ небомъ зрится
 На одномъ изъ Римлянъ — *тѣнь!*
 Отъ чего? Надъ нимъ высоко,
 Распахнувши сѣни крылъ,
 Роковой орелъ широко
 Свой полетъ остановилъ!

Какъ? Орелъ своею тѣнью
 Служитъ бѣдному рабу —
 Кроетъ царственною сѣнью
 Злополучную судьбу!
 Царь зѣницы отверзаеть,
 Свыше въ умъ ударилъ свѣтъ....
 Мудрый царь разумѣваетъ
 Тотчасъ знаменья завѣтъ.

«Молви: кто ты?» — «Нынѣ плѣнный, —
 Прежде блескомъ осіянь!
 Я Аспара *приближенный*,
 Мое имя — Марціанъ!» —
 Плѣнникъ важный — это ясно:
 Силенъ въ Римлянахъ Аспаръ!

«Такъ орломъ ты ненапрасно
Былъ лелѣянъ въ душный жаръ!»

— «Мнѣ до смерти было душно....
И Господь орла прислалъ,
И орелъ меня послушно
Подъ святую сѣнь пріязль!» —
«Что же значить осѣньенье?»
— «Властелинъ судьбы моей!
Чуда тайное значенье,
Въ волѣ, въ милости твоей!» —

«Умертвить тебя не трудно!
Но тогда — зачѣмъ орелъ?
И тогда бы безразсудно
Противъ Господа я шелъ!
Нѣтъ! скажу, безъ словъ излишнихъ:
Плѣнникъ, рабъ мой Марціанъ!
Ты теперь съ совѣтъ Вышнихъ
Въ императоры набранъ!

«Ты избавленъ мною казни:
Долгъ сыновній за тобой!
Такъ клянись, въ святой пріязни
До конца пребыть со мной!»
Поялся изъ вольной груди
И колѣно приклонилъ....
«Встань! иди! ты воленъ! буди
Императоръ!...»

И онъ былъ!

Баронъ Розень.

=

ПАКЕТЪ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ МОЕГО ДѢДА.

=

«Секретно и весьма нужное.»
(Съ затылка пакета).

=

(ОКОНЧАНИЕ).

—

Прошелъ первый взрывъ восхищенія, и Петръ Федоровичъ, вернувшись послѣ обѣда къ себѣ въ комнату, предался снова своимъ любимымъ мечтамъ. Перемена службы, вниманіе большаго человѣка, надежды на будущее, ожиданіе милостей, — все это только-что разыгрывало больше его мечты. Далеко занесся Петръ Федоровичъ, и съ высоты мнимаго величія не забывалъ своихъ милыхъ сердцу..... Напротивъ того, онъ подавалъ имъ руку, увлекалъ вмѣстѣ съ собою, крутился въ вихрѣ счастья, и роль первой дамы въ этомъ мечтательномъ

вальсъ занимала, разумеется, прелестная, дивная, дорогая Фанни.

Постучались въ дверь и вопросъ: «можно ли войти къ вамъ, Петръ Федоровичъ?» сдѣланный тоненькимъ голоскомъ, снялъ Петра Федоровича съ верхушки его мечтательнаго блаженства. Грустно было разочарованіе для чиновника собственной канцеляріи его свѣтлости, дотога грустно, что онъ даже не откликнулся. Но серебряный голосокъ зазвенѣлъ снова, повторивъ вопросъ, и Петръ Федоровичъ, волею неволею, долженъ былъ встать и отворить дверь, отвѣчая съ досадою: Можно. Ахъ! это ты, Параша! Можно, можно.....

— Да, я, Петръ Федоровичъ, та же самая Параша, какъ и прежде, но вы не тѣ же, Петръ Федоровичъ.

— Ангельчикъ! душечка, крошечка!....

— Стыдно, стыдно, Петръ Федоровичъ! Все расскажу Федось Александровичъ.

— Кому?

— Федось Александровичъ.....

Петръ Федоровичъ молчалъ, вытаращивъ глаза.

— Ну, Фанни, какъ вы ее кличете по барскому....

— А..... Фанни.....

— Да, Фанни.... Чтò, небойсь, нелюбо стало, или черезъ чуръ ужъ видно любо?.....

Петръ Федоровичъ не слышалъ этой выходки съ черной лѣстницы по прямому пути и, задумавшись, сѣлъ молча въ кресла. Бойкая, но добрая, Параша подошла къ нему.

— Чтò задумались, Петръ Федоровичъ? спросила она съ участіемъ, и потрепавшая его по плечу: сколько ни думайте, а безъ меня не обойдетесь. Дѣло хитрое.....

Петръ Федоровичъ снова вытаращилъ глаза.

— Да, да, не обойдетесь. Узнала, батюшка, я вашу зазнобушку, смекнула на кого вы меня променяли; но я не въ васъ, не злопамятна; а по старой дружбѣ, напротивъ, готова пособить вамъ.

— Да откуда же ты узнала, Параша?

— Догадалась, Петръ Федоровичъ, но были и наущнички..... Да что мнѣ васъ обманывать: я не разъ, почитай, засыпала у замочной щелочки вашей двери. Слышала ваши вздохи; видѣла какъ вы расхаживаете, плачете, рвете на себѣ волосы, и все съ крикомъ: «Фанни! Фанни! дивная Фанни!...» И что въ ней дивнаго, думала я..... Но, пускай по-вашему. Я узнала одно только, что вы разлюбили меня, мало того, и не любили никогда.... Разъ, какъ-то, когда васъ не было дома, я прокралась къ вамъ въ комнату, и ужъ какъ мнѣ было горько взглянуть на изорванный мой шнурокъ.... ниточки болтались, бисеринки сыпались.... Сердце замерло, я заплакала и, — видитъ Богъ, не солгу, — сама сказала себѣ: «Дура, ты, дура, Парашка! да что ты за пара ему?....»

Воспоминаніе разрушило твердость великодушной чернавки: она невольно заплакала. Но послѣ короткой паузы, переломивъ себя, прибавила съ притворной веселостью: — Да что я, рюмить, что ли пришла? Со мной ужъ кончено; надо выручать дружка.....

Петръ Федоровичъ вздохнулъ, и, не говоря ни слова, моталъ головой.

— Что вздыхать, что тосковать? начала снова Параша: этимъ не пособишь. Кручина безъ высказу только маетъ, говорила моя покойная бабушка. Да и кто жъ васъ знаетъ, что вы любите.... Можетъ быть, и не оставили бы безъ отвѣта....

— Ахъ, Параша!.....

— Чтò «ахъ», надо смолвиться, свидѣться..... разумѣется не при всѣхъ, и не на пару словъ, а такъ, чтобы наговориться до сыта..... Да чтò, въ самомъ дѣлѣ учить чтò ли васъ..... Тогда увидите, какъ обойдутся съ вами, на да или на нѣтъ.....

— Ну, а если на нѣтъ?.....

— Это ужъ мое дѣло. Намекну нынче, назову завтра, стануть спрашивать, а я, ну да ужъ Богъ съ вами, Петръ Ѳедоровичъ, не расскажу про васъ бывалаго, не скажу про васъ и дурнаго....

Петръ Ѳедоровичъ ожилъ отъ радости.

— Въ самомъ дѣлѣ, Параша, ты, одна ты единственная моя благодѣтельница! (Петръ Ѳедоровичъ въ восторгѣ сдѣлался неблагодарнымъ, позабылъ о тетущкѣ.) Ангельчикъ, душечка, Параша, будь моей свахой, дружкой; поговори обо мнѣ Фанни, умасли ее, обморочь; смастери свадебку..... Оставлю тебя въ горничныхъ, сдѣлаю управительницей, напишу отпускную, надѣлю приданымъ, выдамъ за-мужъ, все, все, чтò захочешь.....

— Ну, Петръ Ѳедоровичъ, не водись съ вами, такъ бы, можетъ-быть, и взманилась на какого-нибудь парня блокураго, а то, теперь какъ-то совѣстно..... Сослужу вамъ службу безъ зарокъ и обѣщаній. Уластся, сами не забудете.....

— Душечка!.... И Петръ Ѳедоровичъ, обнявъ, хотѣлъ-было поцѣловать Парашу.

— Полно, Петръ Ѳедоровичъ, цето испорчу, а не пособлю дѣлу.....

— Виновать.....

— То-то же, виновать. Летѣлъ куликъ, не ворочайся: подстрѣлять.....

И Параша съ необыкновеннымъ достоинствомъ вышла изъ комнаты.

Что съ нею случилось? думалъ Петръ Федоровичъ: откуда взялась доброта, откуда степенность?

Не понималъ Петръ Федоровичъ, какъ не пойметъ каждый, невѣрующій въ достоинство и, иногда, безкорыстное великодушіе женщинъ всѣхъ націй, всѣхъ сословій, — безъ различія.

=

Насталъ двадцать осмой день Апрѣля 1791 года, день памятный въ исторіи праздниковъ, роскоши и великолѣшя вѣка Екатерины Второй. За нѣсколько сутокъ къ ряду не спалъ Петербургъ, все обшивалось, снаряжалось, хлопотало, суетилось, словомъ, готовилось къ назначенному балу и маскараду у свѣтлѣйшаго, въ Таврическомъ Дворцѣ.

Но, кажется, нигдѣ, какъ въ домѣ вдовы Гельмерсонъ, или отъ непривычки, или отъ излишней ужъ радости, не было такой тревоги и хлопотъ. Не мудрено: все были новички въ дѣлъ, начиная отъ самой Анны Ивановны, которая хотъ и имѣла хорошій кругъ знакомыхъ, однако жъ рѣдко посѣщала блистательное общество и публичные праздники, а тутъ вдругъ балъ, и еще маскарадъ, и у самого свѣтлѣйшаго.....

Анна Ивановна, съ раннего утра, при помощи двухъ доморощенныхъ парикмахеровъ, засѣла за уборный столикъ, и только къ полудню отодвинулась отъ венціанскаго зеркала, съ цѣлымъ садомъ на головѣ.

Всего было довольно въ этомъ волшебномъ раѣ изъ волосъ, съ примѣсью цвѣтовъ, зелени и пудры. Пастушки, пастушки, собачки и овечки торчали у каждаго шиньона и недоставало только настоящаго соловья, а можно было бы его спрятать въ одной изъ боковыхъ буклей, какъ въ клѣтку, и очарованіе было бы полное.

— Дурно, дурно! воды... проговорила Анна Ивановна, и въ изнеможеніи, но осторожно, прислонилась къ бархатной подушкѣ раззолоченнаго кресла.

Подали воды. Анна Ивановна пригубила.

— Агаша! Агаша! поди, посмотри, что дѣлаетъ Фанни?

— Сейчасъ отъ нихъ, сударыня; причесываются.

— Ахъ, ты, Господи мой! Ну ужъ, задали намъ работу съ этимъ праздникомъ..... А! что я сказала? Не слушать, не слушать! слышите ли? не слушать.... Дайте еще воды.....

Подали опять воды. Анна Ивановна выкушала полстакана и, опираясь на руку служанки, шатаясь, доплелась до софы.

— Поди, Агаша, посмотри еще, что дѣлаетъ Фанни; боюсь, чтобы не опоздала; да возьми въ коробочкѣ, нальво, брилліантовыя пряжки, и отнеси ихъ Петрушѣ. Скажи, что въ нихъ танцоваль его прадѣдъ, Величаевъ, въ первой асамблеѣ Петра Великаго. Понимаешь?..... Ничего не понимаешь, переврешь, ну, да Богъ съ тобой..... Пошла.

И облокотившись руками на двѣ штофныя подушки, не касаясь головой до спинки софы, Анна Ивановна вздремнула.

Гораздо рѣзвѣе шло дѣло въ уборной Фанни, да

и бесѣда, сопровождавшая туалетъ, была занимательнѣе и веселѣе. Молодость смѣялась тому, что сокрушало старость. Великое дѣло — три десятка лѣтъ меньше или больше.

— Ха! ха! ха! какъ это странно, настоящій корабль! ни дать ни взять, какъ у насъ, въ Брокъ. Параша, накрень его немножко на бокъ и прикрѣпи, а нето онъ соскочитъ и ушлыветъ въ Новый Свѣтъ за корницей.

Параша повиновалась, но, поправляя, не могла не замѣтить: — Ахъ, барышня, барышня, зачѣмъ вы надѣли на себя эту рогатину. Неужели такъ носить?

— Носили прежде, а мы ихъ дразнимъ, и будь это просто балъ, а не маскарадъ, такъ бы нашлось много и нынѣшнихъ причесокъ, отъ которыхъ хоть умереть со смѣху.

— Зачѣмъ же трогать стариковъ, барышня?

— Круговая порука, Параша; мы дразнимъ и смѣемся надъ ними, надъ нами будутъ смѣяться и дразнить, кто послѣ жить станетъ, а чего добраго и переймутъ еще и у насъ, и у нихъ: на свѣтъ все случается... Ай, ай! ты уколола меня въ самое темя, Параша...

— Голубушка моя, виновата, простите меня... Ахъ, я безрукая!... И что со мною сдѣлалось? Васъ заслушалась, Федосья Алексѣевна, вы такъ умно рассуждаете....

— Ну, Федосья Алексѣевна, можетъ-быть, и умно, а Фанни какъ умветъ, безъ хитростей....

— Нѣтъ, нѣтъ, Фанни Алексѣевна, возразила горничная, поправивъ свою ошибку въ имени: рѣчей вашихъ точно не наслушаешься. Справедливо, что смѣ-

шно со стороны глядѣть хоть бы на ваши подушки подъ косами, или фижмы съ распорками, а ужъ мужчины какъ одѣваются, умора да и только.

— Не говори этого, Параша, кто какъ умѣетъ; известно, что нашъ Петръ Федоровичъ не мастеръ...

— Ну, ему, бѣдняжкѣ, можетъ-быть, и не до того, Фанни Алексѣевна....

— Бѣдняжкѣ?... Отъ чего же онъ бѣдняжка?... спросила Фанни, обернувшись вдругъ къ своей горничной.

— Кажется такъ, Фанни Алексѣевна, отвѣчала хитрая чернавка, опустивъ глаза въ землю: при васъ и при тетушкѣ онъ совсѣмъ другой, а посмотрѣть на него, когда онъ одинъ....

— А ты видишь его одного?

— Въ саду, когда онъ прогуливается подъ вечеръ... Жалость смотрѣть на него, Фанни Алексѣевна... плачетъ, стонетъ, вздыхаетъ, по-нашему сказать, у него, видно, больно щемитъ ретивое....

— А чтó это значить?

— Это значить..... да какъ вамъ сказать, Фанни Алексѣевна: онъ любитъ, то есть, кого-нибудь просто...

— Ха! ха! ха! да это и по-нашему то же самое значить. Какая ты смѣшная, Параша.... Дай мнѣ шпильку.... Въ кого же это влюбленъ Петръ Федоровичъ?

Какъ ни бойка была горничная, но вопросъ Фанни, а главное шутливый тонъ, съ которымъ онъ былъ сдѣланъ, смутилъ ее и, держа шпильку въ рукахъ, она смотрѣла съ удивленіемъ на свою барышню.

— Въ кого же, Параша; ты, кажется, все знаешь?

— Не даромъ Богъ навѣсилъ уши, барышня, отвѣчала горничная, съ возвратившеюся смѣлостью:

слышишь безпрестанно: «Фанни! Фанни! милая, дивная, Фанни!» такъ и знаешь, въ кого влюбленъ....

— Въ меня, Параша?

— Да-съ....

Фанни посмотрѣла пристально въ глаза горничной и, обернувшись снова къ зеркалу, не спрашивала и не смѣялась. Неожиданная новость въ свою очередь озадачила и ее. Прошло болѣе получаса молчанія. Туалетъ шелъ кое-какъ. Фанни не заговаривала, Параша также, боясь испортить дѣло и думая, что и безъ того слишкомъ далеко зашла въ своемъ новомъ званіи посредницы въ любви.

Наконецъ надобно же было нарушить молчаніе, хоть по необходимости.

— Параша, подай робронду.

Робронда была надѣта и зашнурована. И какъ хороша была въ ней Фанни! какъ красиво, ловко стягивалъ корсажъ ея прекрасную талію!

По-видимому, туалетъ Фанни былъ совершенно конченъ, до бездѣлицы все было на мѣсть, прилажено, приколото, надѣто, взято, не исключая и коробочекъ съ румянами, бѣлилами и пудрой. Но вдругъ Фанни обернулась и сказала: — Параша! кафтанъ....

— Какой кафтанъ? спросила горничная, съ приторнымъ простодушіемъ.

— Какъ какой? Мужской.... Развѣ ты забыла, что я тебя приказывала?

— Я думала вы шутили, барышня....

— Какія шутки! Кафтанъ. А то и маскарадъ не въ маскарадъ, говорила мнѣ тетушка....

Это фактъ, мои почтенные читатели, а иначе не было бы интересно.... Спросите вашихъ бабушекъ, онѣ подкрѣпятъ историческую его вѣрность.

— Да гдѣ же я возьму вамъ кафтана, не съ дѣдушки же снять, да и придется ли онъ вамъ?

— Параша, найди мнѣ кафтанъ!.... закричала плачевнымъ голосомъ Фанни: я на тебя понадеялась, сама не подумала, не сказала тетушкѣ, она разсердится, разбранитъ и не возьметъ меня. Параша, найди мнѣ кафтанъ.... Параша, сбѣгай къ Петру Федоровичу и попроси.... Что это?....

— Кафтанъ.... и какой еще: алый бархатный.... говорила, какъ-бы поддразнивая, Параша: надѣньтека, сударыня, этотъ можетъ-быть и придется....

— Откуда, Параша?

— А тотъ самый Петръ Федоровичъ, надъ которымъ вы подшучиваете иногда, догадался и еще давеча, утромъ, самъ прислалъ его.... И какой новенькій, ненадѣванный, съ иголочки.

— Бѣдненькій Петръ Федоровичъ, умненькій Петръ Федоровичъ, говорила Фанни, напавшая сверхъ амазоны вождедѣнный кафтанъ: а я вѣдь иногда надъ нимъ подсмѣивалась.... Скажи ему, Параша, да непременно скажи, что я его очень, очень.....

И Фанни остановилась, покраснѣла.

— Нѣтъ, ничего не говори, я сама ему скажу.... Маску, маску, Параша!...

И не прикрѣпивъ, а придерживая ее рукою, Фанни схватила платокъ, перчатки, хлыстикъ, и выбѣжала изъ уборной.

— Славную штучку выдумали эти Нѣмцы, сказала въ полголоса Параша: когда совѣстно, покраснѣешь: надѣлъ ее, и ничего не видно....

Въ гостиной назначена была сходка для всѣхъ трехъ. Петръ Федоровичъ явился первый и не задержалъ уже за коверъ, какъ прежде, даромъ что пло-

хо видѣлъ сквозь маленькія шелки забрала своего шлема. Петръ Федоровичъ былъ одѣтъ рыцаремъ безъ страха и упрека, какъ гласилъ девизъ на его блестящемъ кованомъ щитѣ, и, какъ неопытный еще въ своемъ новомъ званіи, боялся больше всего сидѣть и вставать, и потому все ходилъ, размахивая перчаткой и метая головой. Отъ этого движенія, перья на шлемъ ужасно какъ колыхались, и Петръ Федоровичъ, смотря на нихъ въ зеркало, былъ очень доволенъ и ими и собой.

— А гдѣ же пряжки? спросила Анна Ивановна, окинувъ съ ногъ до головы Петра Федоровича: развѣ тебѣ не отдавала ихъ Агаша?

— Да куда же было надѣть ихъ, тетенька? Думалъ—было на руки, да никакъ не прицѣпишь къ этимъ налокотникамъ: они желѣзные, тетушка...

— То-то и есть—желѣзные! Вотъ, если бѣ послушался меня, да нарядился пастушкомъ, а не рыцаремъ, такъ бы и имъ нашлось мѣсто. Ну, да добро, возьми ихъ себѣ и береги на память, а то онѣ завалились бы у меня. А! насилу-то. И ты явилась, продолжала тетушка, оглянувшись и увидѣвъ Фанни: мы тебѣ ждемъ вотъ ужъ полчаса. Подойди ко мнѣ. Мило, очень мило, нечего сказать; прическа удивительная, кафтанъ прелесть, а гдѣ же шляпа?

— Прижметъ наколку, маменька...

— Не бѣда, можешь потомъ снять и носить въ рукахъ.... Параша, принеси шляпу Петра Федоровича...

Параша побѣжала. Фанни поморщилась. Петръ Федоровичъ чуть не прыгалъ отъ радости снова угождать, по его мнѣнію, да черенаха мѣшала.

Въ эту минуту столовые часы заиграли маршъ....

— Сколько бьетъ? спросила Анна Ивановна.

— Пять, отвѣчалъ Петръ Федоровичъ.

— Пять! пять! закричала Анна Ивановна: ахъ, ма-тушки мои, опоздали! поѣдемте, опоздали....

И Анна Ивановна, безъ оглядки, бросилась къ дверн. Данила Семеновичъ открылъ обѣ половинки, и съ помощью двухъ гайдуковъ не свелъ, а снесъ свою барыню къ каретѣ. Еще промедлили нѣсколько минутъ у недѣзда, и Петръ Федоровичъ, по совѣсти, могъ изъ нихъ взять по-крайней-мѣрѣ пять на душу, — усаживаясь особенно въ линею. Наконецъ экипажи, запряженные каждый въ шесть лошадей цугомъ, тронулись съ мѣста и исчезли, повернувъ къ Невѣ.

Вся челядь Анны Ивановны, высълавшая посмотре-ть на парадный выѣздъ своей барыни, давно уже разошлась, — кто къ дѣлу, кто въ кабакъ съ пріятелемъ, — одна только Параша смотрѣла еще долго въ окно, смотрѣла и плакала. Повечерью на дворъ; а она все сидѣла, да плакала. Видно грустно было ей!... Параша, когда бѣгала за шляпой въ комнату Петра Федоровича, то увидѣла опять какъ-то свой шнурокъ.... ниточки распустились, бисеръ разсыпался.... Парашѣ и стало снова грустно....

==

Давно уже толпа масокъ, числомъ до трехъ-ты-сячъ, — говоримъ, какъ точный историкъ праздника, — собралась въ залахъ Дворца Таврическаго. И мож-но было одному только подивиться, какъ люди еще бродили, а не стояли неподвижно на одномъ мѣстѣ, изумленные чудесами волшебнаго замка.

Безконечная колоннада, въ два ряда, отирывала входъ въ двѣ новыя залы, нарочно во дворецъ для этого праздника построеныя. Между колоннъ и столбовъ висѣли ложи, отделанныя внутри штофомъ и бархатомъ, а снаружи золотыми и серебряными цѣпами и гирляндами. Въмѣсто люстръ, со свода были спущены огромныя шары, и необыкновенный блескъ ихъ, отражаясь и дробясь въ тысячъ зеркалъ, не свѣтилъ, а ослѣплялъ зрителей. Однако же вошедшему непримѣтно хозяину, изъ боковой комнаты, показалось, что все еще мало свѣта и, подозвавъ къ себѣ адъютанта, онъ шепнулъ ему на ухо: *«Десять тысячъ свѣчъ прибавить...»* Приказаніе тотчасъ же передали, и уже дѣло художника было приноровить его къ изобрѣтенному имъ прежде освѣщенію. Черезъ десять минутъ въ залъ стѣло еще свѣтлѣе. Великолѣпіе этого покоя, назначеннаго для танцевъ, довершали вазы изъ чистаго каррарскаго мрамора и печи изъ драгоценнаго лазоревика. Но любопытная толпа перебѣжала скоро во вторую залу, — залу по названію только: это былъ рай, завѣтный уголокъ въ очарованномъ саду Армиды. Померанцевыя, лавровыя и миртовыя деревья разливали повсюду свой пріятный запахъ; между вѣтвей ихъ порхали, шибетали и пѣли птички. Далѣе видѣлись зеленые холмы, и въ примыкавшихъ къ нимъ бассейнахъ рѣзвились и плавали серебрястыя и золотыя рыбки. Всѣ дорожки, убитыя и усыпанныя настоящимъ пескомъ, сходились у главнаго грота, украшеннаго зеркалами, съ мраморной купальней внутри. Пovyше и сзади грота на ступенькахъ возвышался сквозной алтарь, окруженный восемью колоннами, которыя поддерживали сводъ его. Передъ алтаремъ, посреди яшмовъ

выхъ чашъ, освѣщенная античными лампами, на порфировомъ подножii съ золотою надписью: *Матери Отечества и мль премилосердой*, стояла статуя Екатерины Второй изъ паросскаго мрамора, въ цвѣтахъ и лавровомъ вѣнкѣ. Здѣсь объяснялась тайна, здѣсь былъ ключъ невиданнаго доселѣ праздника, который давалъ благодарный подданный и вельможа своей монархинѣ и благодѣтельницѣ. Отъ алтаря шелъ лабиринтъ, запутанный съ большою хитростію и украшенный жертвенниками *благодарности и усердія*, статуями великихъ мужей, драгоценными сосудами, вазами, памятниками искусства древнихъ и новыхъ временъ, и примыкавшій наконецъ къ большому зеленому лугу, на которомъ стояла высокая пирамида, обдѣланная въ золото, съ гранеными цѣпочками и вѣнцами изъ прозрачныхъ каменьевъ, и поддерживавшая лучезарный вензель Екатерины II.

Толпа, выбѣжавъ изъ лабиринта, остановилась какъ-бы околдованная. Но часы пробили шесть, вошла Императрица, вошелъ дворъ, и очарованные очнулись отъ волшебнаго сна. Во-первыхъ, они увидѣли ту, которая была для нихъ краше и величавѣ всего въ этомъ мiрѣ; была, наконецъ, виною этого праздника; а потомъ всѣ взглянулись другъ на друга какъ-бы вспомнивъ, что и они участники и даже дѣйствующія лица въ немъ. И какъ всегда отъ великаго одинъ только шагъ къ смѣшному, какой-то амуръ, дитя, лѣтъ въ дватцать пять, въ тюникѣ съ фижмами, обшитой цвѣтами и гирляндами, поторопившись дать дорогу Императрицѣ, поскользнулся, упалъ и разсмѣшилъ окружающихъ. Бѣдиджку подняли и, за-мертво отъ страха и ушиба, вынесли изъ дала. Всѣ однако же, какъ-будто сго-

ворвались, разошлись и разсылись по мѣстамъ, и Высочайшая Посѣтительница, съ приготовленнаго ей трона, хоть на мгновение, могла уловить въ спокойствіи общій тонъ великолѣпнѣйшаго зрѣлища. Но загремѣли пушечные выстрѣлы, заиграла музыка, раздались клики: «ура!» и въ комнатахъ, и на амфитеатрѣ, построенномъ противъ дворца, снова все ожило, заходило, заговорило, закрутилось въ вихрь непринужденной веселости, и настоящій маскарадъ начался.

— Матушки мои, куда это насъ несутъ? спрашивала Анна Ивановна, идя сзади Петра Федоровича и скользя рукой по его латамъ: в зачѣмъ ты надѣлъ на себя эту проклятую скорлупу? Не за что и ухватиться..... Ототрутъ! ототрутъ меня.....

— Не бойтесь, тетушка, не бойтесь; я проведу васъ.....

— Да куда?

— А къ танцамъ, тетушка. Посмотрите-ка, какъ хорошо тамъ и просторно: паръ тридцать танцуютъ балетъ и мнѣ рассказывали, что сочинилъ его самъ свѣтлѣйшій князь, начальникъ мой..... Вы видите, Фанни Алексеевна?

— Она-то видитъ, а я ничего, кромѣ твоихъ перьевъ и латъ, сказала снова жалобнымъ голосомъ Анна Ивановна: пропусти меня..... пропусти, Петруша.....

Петръ Федоровичъ толкнулъ, слегка, налокотникомъ двухъ какихъ-то пастушковъ, стоявшихъ около него, и, повернувшись самъ бокомъ, продвинулъ впередъ свою тетушку.

— Спасибо, Петруша! Спасибо, вотъ тутъ очень хорошо..... А то ты мнѣ своими перьями смахнулъ.

всю пудру на лицо. Теперь я какъ-будто бы прозрѣла за-ново....

Балетъ, — въ которомъ участвовали знатныя дамы, — кончился. Въ прилегающей комнатѣ, украшенной коврами и гобелиновыми обоями, стоялъ золотой слонъ, въ богатой погонѣ, испещренной алмазами, изумрудами и яхонтами, и обшитой широкою жемчужною бахромою. Хоботь слона былъ на пружинахъ, и, къ крайнему удивленію всѣхъ зрителей, ворочался, какъ-бы настоящій. Вдругъ карликъ Персіянинъ, въ характерной одеждѣ, сидѣвшій до-тѣхъ-поръ неподвижно на слонѣ, ударилъ въ колоколь, и всѣ смодкли, какъ-бы въ ожиданіи, что будетъ? Явился хозяинъ и не въ первый разъ, но такъ, что въ первый разъ наконецъ всѣ его увидѣли, въ богатомъ зломъ кафтанѣ, въ черномъ, кружевномъ, домино, но безъ шляпы..... Усыпанная драгоценными камнями, она была тяжела для рукъ вельможи, и адъютантъ несъ ее сзади..... Потемкинъ подошелъ къ Императрицѣ, къ Великимъ Князьямъ, и потомъ, обойдя другихъ своихъ гостей, по второму колоколу повелѣлъ самъ всѣхъ въ театръ.

Представленіе началось пантомимнымъ балетомъ. Задняя картина представляла восходящее солнце, по серединѣ котораго, въ зеленыхъ лаврахъ, снова блистало вензельное имя Екатерины II. Поселяне и поселянки въ самыхъ живописныхъ группахъ, простирая руки къ лучезарному свѣтилу, высказывали мимикой за всѣхъ, за всю толпу, за весь народъ, свою любовь и преданность *Славу ума и добра — мудрой Правительницею царства нашего*, — какъ было написано вокругъ вензеля блестящими буквами изъ радужныхъ огней.

— Жаль, что эти носыляки не всё такъ молоды и хороши, какъ ты, прекрасная амазонка, сказалъ пилигримъ, сидѣвшій на скамьѣ рядомъ съ Фанни: тогда балетъ дѣйствительно былъ бы изумителенъ.

Петръ Федоровичъ услышалъ, узналъ голосъ, и ни капишонъ, ни *кафтанъ* пилигрима, усеянный тысячею раковинъ, не скрылъ отъ него врага, врага кровнаго, Александра Рѣжнева. Петръ Федоровичъ закусилъ губу и потрясъ своимъ тяжелымъ щитомъ. Но Фанни понравилась эта свобода въ маскарадѣ заговаривать и отвѣчать каждому, знакомому и незнакомому.

— Страненъ ты мнѣ, пилигримъ: отъ чего же ты думаешь, что я непременно молода и хороша собой?....

— Ревность твоего кавалера убѣждаетъ меня въ этомъ. Кто онъ, не знаю, но щитъ не-даромъ дрожить въ рукъ рыцаря.... Онъ ревнуетъ къ каждому нескромному взгляду на свою даму, и она должна быть непременно красавица. Знаю я ихъ нравы: пилигримъ и рыцарь искони друзья и братья между собой.....

Рыцарь Петръ Федоровичъ давно уже потерялъ терпѣнiе, и первая мысль его была дать хорошаго туза щитомъ пилигриму Александру Сергѣевичу, но приличiе удержало его. Петръ Федоровичъ наклонился на-ухо къ противнику и, дрожащимъ отъ досады голосомъ, прошепталъ ему: — Вспомните, Рѣжневъ, что вы еще въ долгу у меня, вспомните, что и не мѣсто разсчитываться; прошу васъ, оставьте меня и мою даму въ покоѣ.

— Петръ Федоровичъ!

— Александръ Сергѣевичъ....

- Такъ вотъ эта пялчица, кухар....
- Замолчишь ли ты, подлець?....
- До свиданья, Петръ Фѣдоровичъ.....
- Когда угодно, Александръ Сергѣевичъ.....

Пилигримъ отвернулся, рыцарь успокоился, Фанни все слышала.....

Пантомимный балетъ кончился.....

За балетомъ шла комедія, названія которой нѣтъ въ хронографъ праздника; за комедіей давали драматическій балетъ, подъ названіемъ: *Купецъ смирскій*, — доморощеннаго, русскаго издѣлія, въ которомъ было всего, не исключая и кваснаго патриотизма. На площади, въ Смирнѣ, купецъ торговалъ невольниками всѣхъ націй, но изъ русскихъ не было. Замысловатая вещь, и на нее-то именно напиралъ сочинитель балета. Занавѣсъ упалъ и все общество воротилось въ залы, тѣ же залы, но ихъ уже не узнавали.... Стѣны раздвинулись, слились въ одинъ необъятный квадратъ, въ одно необозримое пространство, и *сто тысячъ свѣчей* освѣщали его. Карнизы, окна, простѣпки, устьяны были кристалльными, блестящими шарами; огромныя люстры, канделябры, разноцвѣтные фонари увеличивали блескъ. Вездѣ сверкали брилліантовыя звѣзды, или раскидывались радуги рубиновъ, изумрудовъ, сибирскихъ хрусталей, и безчисленныя зеркала, хрустальныя пирамиды, нарочно для этого устроенныя, отражали ихъ. Никто не върилъ глазамъ своимъ, никто не постигалъ этого очаровательнаго превращенія. Даже сама Императрица, обратясь къ своему любимцу хозяину, спросила его: *Неужели мы тамъ, гдѣ и прежде были?....*

Именитый хозяинъ на вопросъ отвѣчалъ не слова-

ми, а дѣломъ и, по русскому обычаю хлѣбосольтва, по данному имъ знаку, исчезъ театръ, а на мѣстѣ его явились столы для ужина, совершенно накрытые, убранные, съ золотой и серебряной посудой, съ блестящимъ хрусталемъ, съ дорогими кушаньями. Все дѣлалось само-собой, безъ видимой прислуги. Даже кушанья большою частью исчезали и смѣнялись одно другимъ безъ помощи рукъ официантовъ, машинной прямо съ кухни, изъ-подъ пола. Только и позавидовалъ бы свѣтлѣйшему въ томъ, что онъ могъ ѣсть, во-первыхъ, не одинъ, а въ большомъ обществѣ, а главное не опасаясь, что за нимъ стоитъ и слушаетъ лакей.

Въ то же самое время открылись и всѣ двери на балконъ и террасу дворцовую. И фейерверкъ, иллюминація въ аллеяхъ сада и на прудѣ, подъ говоръ и гулъ живой, пестрой толпы простаго народа, также принимавшаго участіе въ весельи, подъ громъ и раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, подъ звуки роговъ и пѣсень, снова привлекли вниманіе утомленной и вроголодавшей публики.

Прошло болѣе двухъ часовъ, а публика все еще ѣла и любовалась, не думая, кажется, что надобно же когда-нибудь перестать ѣсть, перестать любоваться и дать покой хозяину. Императрица и другіе высокорожденные гости давно уже уѣхали, но публика все еще бродила, ѣла, танцевала, и не собиралась расходиться.

— Пускай ихъ веселятся, говорилъ хозяйнѣ, обращаясь къ своимъ приближеннымъ: не тушить огней до утра. Будемъ спорить съ солнцемъ; я не боюсь его послѣ нашего русскаго: проводили одно, встрѣтимъ и другое: торопиться некуда.....

Так удивлялъ и умищлъ князь Потемкинъ жителей береговъ Невы, какъ выражается историкъ его жизни: но и онъ не давалъ другаго подобнаго праздника ни прежде ни послѣ. И действительно: въ первый и единственныйъ разъ приснился петербургскимъ горожанамъ этотъ волшебный сонъ, подъ общимъ названіемъ бала и маскарада. Исчезъ онъ съ зарей утренней, но не исчезъ изъ ихъ памяти.

Стали расходиться и разъезжаться. Анна Ивановна, боясь толкотни, поджидала, пока разрѣднется толпа, и потому еще оставалась.

— Фанни! надѣнь шаль *, и выйди на воздухъ, а не стой въ дверяхъ, на сквозномъ вѣтру: простудилась.

Фанни повиновалась, закуталась и вышла на террасу. Петръ Федоровичъ, въ должности кавалера, последовалъ за ней.

Устала Фанни, утомилась, бродила еще глазами, по окружающимъ ее предметамъ, и остановилась на потухавшемъ почти щитѣ, въ главной аллѣе сада.

— Не хотѣла бы я быть на мѣстѣ этого шкалика, сказала она, снимая маску, въ половину сама себѣ, въ половину обращаясь къ Петру Федоровичу: сгорѣть, такъ ужъ вмѣстѣ со всеми, — скучно одному.....

— А мнѣ хоть бы въ двоемъ..... Жить и умереть въ двоемъ.....

— Съ кѣмъ это, Петръ Федоровичъ?....

— Съ кѣмъ—нибудь, Фанни Алексѣевна.....

— Ахъ, Петръ Федоровичъ, вы все наводите на себя..... а я говорю вамъ.... вотъ объ этомъ шкаликѣ — видите ли!.... Ну, слава Богу, потухъ.....

* Потемкинъ первый извелъ это обыкновеніе.

Петръ Федоровичъ вздохнулъ.

— О чемъ вы вздыхаете, Петръ Федоровичъ? Не о шкаликъ ли? Стыдно, стыдно рыцарю вздыхать отъ такой бездѣлицы..... Скажите мнѣ лучше..... Да кстати, чтобъ не забыть, кто этотъ пилигримъ, съ которымъ вы давеча поссорились, кажется?

— Самый подлый, гнусный человекъ..... отвѣчалъ отрывисто Петръ Федоровичъ.

— Вы съ нимъ знакомы?

— Къ несчастію, былъ-съ.....

— Вы съ нимъ нынче завели ссору, или еще прежде?

— Прежде.....

— И вы станете драться?

— Непременно.

— За что?

— Зато, что онъ смѣлъ.... Зато, что онъ могъ... Зато..... не могу сказать, Фанни Алексѣевна.....

— Почему же, Петръ Федоровичъ?

— Потому-что я несчастливъ, жалокъ..... потому-что я влюбленъ.....

— Въ кого, Петръ Федоровичъ? Не въ горничную ли тетеньки, или мою..... Парашу?....

— Вотъ за это-то самое я и буду драться съ Александромъ Сергѣевичемъ Рвжневымъ, зато, что онъ смѣлъ подумать, будто-бы я влюбленъ въ горничную, въ паличницу, въ Парашку, тогда, какъ я люблю...

— Карета бригадирши Гельмерсонъ готова! раздалось у подъезда.

— Дѣти! дѣти! скорѣе, скорѣе!.... кричала Анна Ивановна: карета готова; поѣдьте.....

— Я догадалась, Петръ Федоровичъ, сказала въ полголоса Фанни: догадалась, кого вы любите, но дай-

те же опомниться, — вѣдь только-что догадалась....
 Можетъ-быть и я.....

— Фанни! Петруша! скорѣе, скорѣе! пока не
 нахлынули.....

Карета катилась, линия также. Анна Ивановна
 ворчала. Фанни дремала. Петръ Федоровичъ то-
 нулъ въ мечтахъ блаженства.

=

— Весело было на праздникъ? спрашивала Пара-
 ша, раздѣвая свою барышню, вернувшуюся наконецъ
 изъ спальни Анны Ивановны, гдѣ еще провели онѣ
 болѣе часа въ воспоминаніяхъ и разсказахъ о томъ,
 что видѣли врознь, на балѣ.

— Весело..... Не знаю..... отвѣчала разсвѣнно
 Фанни.

— Какъ, не знаю?....

— Да, не знаю..... Весело..... Не помню.....
 Скучно..... Параша, кто это такой Рѣзневъ?

— Негодяй, сударыня; былъ пріятель молодому
 барину, да повздорили, кажется.....

— Они хотятъ драться.

— Такъ что жъ? пускай ихъ.....

— До смерти, Параша, на шпагахъ.....

— До смерти?... А вамъ жаль, Фанни Алексѣе-
 вна?....

— Очень.....

— Петра Федоровича?...

— Обоихъ..... Прощай, Параша; не буди меня
 рано.

— Лжетъ, видитъ Богъ, лжетъ, думала про себя горничная: обонхъ..... Нѣтъ, Фанни Алексѣевна, не обморочите: знаю кого..... Видишь, какъ скоро привязалась, только-что провѣдала о любви его, и жалеть ужъ стала..... Да какой же счастливый этотъ Петръ Федоровичъ!....

И проходя мимо, корридоромъ, Параша съ досады, со всею злобою обманутой любви, стукнула кулакомъ въ дверь комнаты измѣнника.....

Петръ Федоровичъ проснулся, вскочилъ....

Страшное пригрезилось Петру Федоровичу, и стукъ Парашы въ дверь былъ не самою важною причиною его пробужденія. Главная.....

Въ двухъ только случаяхъ жизни и начинаетъ человѣкъ откровенничать, выворачиваться на изнанку, вспоминать безъ хитростей бывалое и рассказывать про себя другимъ или самому себѣ, — когда онъ или очень грустенъ, или ужъ черезъ чуръ веселъ, что-нибудь изъ двухъ. Воротившись съ бала, Петръ Федоровичъ былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и, какъ завидный счастливецъ, припомнилъ прошлыя всѣ подробности своей жизни и не мечталъ уже о будущемъ, а съ какою-то самоуверенностью поговаривалъ: «Какая разница, чортъ возьми, какая разница!....»

Раздѣвшись Петръ Федоровичъ, не съѣлъ по-прежнему въ кресла, въ которыхъ иногда проводилъ ночь напролетъ, въ слезахъ и грусти, а прямо, безъ мечтательной тоски, вскочилъ на постель и вмѣсто обыкновенной жалобы: «Горько мнѣ! горько жить на свѣтѣ!» прошептавъ въ восхищеніи: «Чудесно! чудесно! обѣщалась любить...» завернулся въ одѣяло и заснулъ тотчасъ же сномъ сладкимъ и спокойнымъ.

Начались свидѣнія..... У кого ихъ не бываетъ; а Петръ Федоровичъ, какъ известно читателямъ съ первой главы нашей новѣсти, былъ искони ихъ взысканнымъ любимцемъ.

Сначала ничего. Все шло своимъ порядкомъ: сперва пролетѣлъ маскарадъ, какъ самое свѣжее воспоминаніе, со всеми малѣйшими подробностями, сценами, масками, костюмами, не исключая *Дня* и *Ночи*, которые очень заняли Петра Федоровича и даже разсмѣшили своей выходкой: *День* вздумалъ гнать *Ночь*, въ подражаніе природѣ, — оттуда рядъ остротъ, шуточекъ, коверканій, одно другаго пошлѣе, каррикатурнѣе. Но вдругъ, къ удивленію Петра Федоровича, въ этихъ герояхъ балаганнаго фарса онъ узнаетъ своихъ двухъ прежнихъ начальниковъ: молодыхъ секретарей генералъ-полицеймейстера..... Уцѣпилось воображеніе, маскарадъ пошелъ въ сторону, закрутилась какая-то кутерьма, и изъ нея составилось нѣчто въ родѣ прежней его дежурной комнаты, въ которой по-прежнему, горѣли сальные огарки, топилась печь, лежали ворохи тюковъ и пакетовъ... Петръ Федоровичъ даже во снѣ былъ недоволенъ этою пережвной декораций и перевернулся на другой бокъ, но лицомъ къ лицу къ какому-то старику, въ не-русскомъ платьѣ, блѣдному, худому, съ широкими ранами на груди, на горѣ, изъ которыхъ еще текла свѣжая, теплая кровь..... Петръ Федоровичъ счелъ это привидѣніе за маску, бросился, хотѣлъ было схватить его, но старикъ тихо отвелъ его руку и проговорилъ медленно, но весьма ясно: «Не оскорбляй сѣдинъ моихъ, сынъ мой, ты и безъ того много, много виноватъ передо мной.....»

Петръ Федоровичъ очнулся, а тутъ какъ-разъ, въ

эту минуту, Параша еще стукнула въ дверь, и встревоженный ясновидецъ вскочилъ съ постели, озираясь въ волненіи вокругъ себя.

Ставни были закрыты, шторы опущены и въ комнату, хоть и днемъ, было не свѣтлѣе, чѣмъ ночью.

Скоро однако жъ успокоился Петръ Ѳедоровичъ и, завертываясь снова въ одѣяло, потягиваясь и зѣвая, пробормоталъ: «Что это мнѣ пригрезилось?... Какой старикъ..... И нашло время куролѣсить мое воображеніе..... Тутъ счастье..... надежда..... Фанни моя..... любовь.....»

И, еще разъ зѣвнувъ, Петръ Ѳедоровичъ заснулъ.

«Да, будетъ твоею.....» отвѣчалъ ему голосъ, какъ-бы подслушавъ его. И на томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, явился тотъ же старикъ: «будетъ твоею,» продолжалъ онъ, наклонившись къ Петру Ѳедоровичу: «но и раны эти, и эта кровь также будутъ твоими, пока ты будешь сообщникомъ злодѣевъ, которые ихъ нанесли и пролили. Пока ты изъ ложнаго стыда, а потомъ больше отъ небрежности, не откроешь ихъ злодѣйства...»

Петръ Ѳедоровичъ метался во снѣ..... Но неотвязный старикъ продолжалъ шептать ему на ухо: «Фанни будетъ твоею, будетъ невѣстой, женой, другомъ, чѣмъ хочешь, но, сынъ мой, прежде всего она дочь моя, дочь бѣднаго старика Фанъ-Остада, честнаго купца голландскаго, убитаго въ землѣ вашей. Можно было бы открыть убійцъ его, и думали, и хотѣли добрые люди, извѣщали васъ, но ты скрылъ извѣстіе, и смерть моя не наказанною предана забвенію..... Ищи, ищи руки моей дочери, доищешься, станешь подъ вѣнецъ съ нею; но и я стану между вами, и расскажу людямъ о твоёмъ

преступленіи, мало того, уличу тебя актомъ, который передъ тобой, но ты и позабылъ объ немъ....»

Петръ Федоровичъ застоналъ и открылъ глаза. Но онъ не былъ уже въ постели, а, завернувшись въ одеяло, сидѣлъ въ креслахъ. Ставни были открыты, шторы подняты. Передъ нимъ лежала развороченная портфель, и поверхъ всѣхъ бумагъ — отношеніе ревельскаго губернатора къ санктпетербургскому генералъ-полицеймейстеру, за N 303.

Петръ Федоровичъ судорожно схватилъ бумагу, прочелъ ее нѣсколько разъ, потомъ привсталъ, отперъ шкафъ, спряталъ ее особенно и, оглянувшись вокругъ себя мутными глазами, въ забытьи, снова упалъ въ кресла.

Всего было по-немногу въ этомъ странномъ приключеніи съ Петромъ Федоровичемъ: и воображенія, и сновидѣнія, и сомнамбулизма, и чего-то такого, чему не вѣрятъ люди; но оно оттого не мѣнѣе случается.....

=

Нѣсколько дней уже лежалъ Петръ Федоровичъ, больной, въ постели. Начиналась нервическая горячка, но докторъ, — знаменитый въ то время горячками, — боролся съ нею и падѣлся побѣдить. Никто не зналъ причины болѣзни Петра Федоровича, никто и не догадывался. Она казалась вѣсѣмъ странною, тѣмъ болѣе, что у больнаго въ первыхъ пароксизмахъ горячки, былъ непонятный капризъ: передъ тѣмъ какъ начинаться бреду, Петръ Федоро-

вить какъ-бы управлялъ имъ, какъ-бы удерживалъ его, умоляя всѣхъ и каждого оставить его одного въ комнатѣ. Разумѣется, что сперва не соглашались на это, но Петръ Ѳедоровичъ настаивалъ; его убѣждали, онъ сердился и, послѣ жаркихъ преній, всё-таки оканчивалось тѣмъ, что воля больного исполнялась. Когда всѣ уходили, Петръ Ѳедоровичъ вставалъ, осматривалъ двери, подходилъ къ шкафу, иногда вынималъ бумагу, а иногда читалъ ее наизусть, и потомъ съ послѣднею фразою, или на словахъ *заръзанъ* и *обобранъ*... кидался въ постель и, въ изступленіи ничего уже не помня, билъ себя въ грудь, рвалъ волосы и бредилъ роковымъ сномъ, или подробностями кроваваго дѣла, съ которымъ онъ такъ неожиданно познакомился.

Докторъ узналъ объ этомъ мнимомъ капризѣ больного и разсердился—было на глупую снисходительность здоровыхъ, но Параша тотчасъ же успокоила его эскулаповскую строгость.

— И! помилуйте, сударь, да кто жъ его слушается?.. сказала она: пускай всѣ уходятъ, да я-то сижу подъ столомъ, пока онъ расхаживать изволитъ..... А успокоится, я и выльзу; или забредить — я опять-таки тутъ..... Да и нѣтъ ничего особеннаго: бредить какъ обыкновенно всѣ горячечные, тѣмъ, что больше по сердцу: дѣлами, службой и.....

— И?.....

— И..... Да почему жъ и не сказать, вѣдь вы докторъ: и своей зазнобушкой....

— А кто это такой?..... спросилъ докторъ, Нѣмецъ.

— Ну, ужъ это не моя тайна и дѣло.....

— А! понимаю, понимаю.... Зознобъ, колодно.... Я буду дать потогонной..... Онъ поправится.....

Не знаю этимъ ли, или другимъ средствомъ, только дѣйствительно больной былъ спасенъ опытнымъ врачомъ отъ смерти. Горячка прошла, бредъ миновался, Петръ Федоровичъ всталъ съ постели, началъ бродить, укрѣпляться въ силахъ, словомъ, выздоровѣлъ совершенно, — тѣломъ; но душою..... нѣтъ! Петръ Федоровичъ былъ по-прежнему боленъ припадками гораздо важнѣйшими, — моральнаго разстройства. И сердечная его тайна, которая была для него прежде пріятно томительна, которую еще такъ недавно и неожиданно высказалъ онъ существу любимому, — эта тайна сдѣлалась для него теперь источникомъ мученій, тайной страшною..... Прежде встрѣча съ Фанни, была для него праздникомъ; теперь онъ бѣгалъ ея, какъ тѣни отца ея Фанъ-Остада, приснившейся ему въ роковомъ сновидѣніи. Прежде ласковое слово наивной Голландки звучало для него пѣсней райской птички, теперь — упрекомъ возмущенной совѣсти, могильною рѣчью той же грозной тѣни. Затрудняясь на каждомъ шагу, какъ вести себя, что говорить, какъ избѣгать Фанни, какъ увертываться отъ ея вниманія и предупредительности, Петръ Федоровичъ былъ истинно жертвою душевной пытки. Онъ проклиналъ и себя, и свою нескромность, и услужливость Параши, а главное, свою несчастную судьбу и случай, которые навели его на эту пытку, отравили ему лучшія минуты жизни, омрачили улыбающуюся будущность. Сомнѣваться въ видѣніи, которое такъ перевернуло все существо его, не могъ Петръ Федоровичъ: слишкомъ былъ ясенъ голосъ

его беспокойной совѣсти, слишкомъ встревожено воображеніе, чтобы дать мѣсто какому-нибудь противорѣчающему умствованію; напротивъ, безпрестанно думая объ этомъ призракѣ, Петръ Федоровичъ прирастилъ какъ-бы его къ себѣ, и онъ сдѣлался его спутникомъ, двойникомъ, безотвязнымъ преслѣдователемъ, его собственною тѣнью. Могло ли родиться сомнѣніе въ подобномъ состояніи ума и души?..... И Петръ Федоровичъ, если позволялъ себѣ разсуждать, такъ это объ одномъ только, — именно: зачѣмъ случилось съ нимъ все это тогда, когда онъ былъ счастливъ и спокоенъ? Зачѣмъ не прежде, или послѣ?.... Какъ заснуть на цвѣтахъ, а проснуться на горячихъ угольяхъ?...

И эти разсужденія Петра Федоровича доказывали только то, что онъ не силенъ вообще въ философіи, ни даже въ самыхъ обыкновенныхъ практическихъ истинахъ жизни, такъ гдѣ ужъ тутъ до софистическихъ умствованій!..... Иначе какъ бы не знать, что все скверное и дѣлается съ нами именно тогда, когда мы его не ожидаемъ; что радость манитъ насъ за-частую, а горе изъ-за угла бьетъ по лбу..... Въ слѣдствіе чего, онъ, Петръ Федоровичъ, погнался было за дочерью, а встрѣтился лицомъ къ лицу, со встревоженной тѣнью отца, успокоить которую легло на него теперь тяжкимъ, но неизбѣжнымъ долгомъ.

— Невыносимо! говорилъ Петръ Федоровичъ, входя какъ-то въ свою комнату: зачѣмъ я съ ней встрѣтился? Зачѣмъ гулялъ въ саду? Зачѣмъ взялъ этотъ цвѣтокъ?.... Я опять не буду спать спокойно: старикъ не дастъ мнѣ.....

«Не старикъ, а совѣсть.....» какъ-бы шепнулъ кто-то сзади.

Петръ Федоровичъ хотъ и привыкъ къ этимъ неожиданнымъ отвѣтамъ своего таинственнаго собесѣдника, но всё-таки не могъ не встревожиться, отошелъ отъ шкафа къ открытому окну, сълъ и, съ невольнымъ чувствомъ страха, сталъ озираться вокругъ и заглядывать въ примыкавшую аллею сада. Откуда ни взялась Фанни, веселая, безпечная, раскраснѣвшаяся отъ бѣганья, Фанни съ лейкой въ рукахъ, и безъ дальнихъ околичностей обдала съ ногъ до головы водой Петра Федоровича. Печальный мечтатель вскочилъ, Фанни взглянула на него, захохотала и исчезла изъ виду.

«Что́ я за несчастный!» сказалъ, отряхиваясь, Петръ Федоровичъ: «куда дѣться, куда бѣжать отъ ихъ преслѣдованій? Отецъ пугаетъ, грозитъ; дочь заигрываетъ..... Укоры и упреки съ одной стороны; ласки и привѣтливость, какъ на зло, съ другой..... Точно обмороченъ я, точно лукавый снова подстрекаетъ меня на дурное.....»

Петръ Федоровичъ, отряхаясь и обтираясь платкомъ, былъ болѣе чѣмъ смѣшонъ и жалокъ, хотя вовсе не думалъ о комической ситуаци, и говорилъ отъ чистаго сердца, мало того, съ какимъ-то опасеніемъ что его подслушаетъ и непременно отвѣтитъ таинственный собесѣдникъ; но отвѣта не было. Петръ Федоровичъ заговорилъ опять, но нѣсколько смѣлье: «Что́ я имъ сдѣлалъ, за что́ они меня преслѣдуютъ?..... Ошибка молодости, шалость, глупость, любопытство..... развѣ ужъ это такое дѣло, что надобно сживать за него со свѣта человѣка?... И кто жъ не ошибался въ своей жизни?.....»

Петръ Федоровичъ, сдѣлавъ этотъ вопросъ, бросилъ мокрый платокъ, и сталъ скоро ходить по комнатѣ, а въ ушахъ у него звучалъ отвѣтъ таинственнаго гостя: «Ошибались, но раскаявались и заглаживали свои проступки, а не скрывали ихъ.....»

«Я раскаяваюсь! клянусь Богомъ, раскаяваюсь!» закричалъ Петръ Федоровичъ, остановившись въ отчаяніи: «Но какъ поправить дѣло?... Пойти, объявить, признаться, выдать самого себя?.... Осрамить, уничтожать..... И какъ начать, какъ сказать?..... Совѣстно! стыдно! страшно!..... Ни за что! ни за что!.....»

Петръ Федоровичъ снова сталъ ходить по комнатѣ, а въ ушахъ такъ и раздавалось: «Совѣстно..... страшно..... а не совѣстно нарушить долгъ службы и чести?..... Не страшно взять чужой грѣхъ на душу?.....»

«Невыносимо! невыносимо!.....» сказалъ Петръ Федоровичъ въ ужасномъ волненіи и, прикинувъ руками и головой на спинку креселъ, заплакалъ. Въ эту минуту ударилъ колоколъ приходской церкви ко всенощной. Петру Федоровичу пришла мысль помолиться.....

Вернувшись изъ церкви, Петръ Федоровичъ былъ несколько задумчивъ, но не такъ тревоженъ и мраченъ, какъ обыкновенно. Отказавшись отъ чаю и ужина, онъ просидѣлъ и прописалъ цѣлый вечеръ въ своей комнатѣ. Всѣ улеглись спать въ домъ Анны Ивановны, а огонь горѣлъ еще въ спальнѣ Петра Федоровича. Наконецъ, дописавъ довольно длинное письмо, Петръ Федоровичъ запечаталъ его и, не сдѣлавъ адреса, оставилъ, какъ есть, по срединѣ письмен-

наго стола. Потомъ всталъ, открылъ конторку, вынулъ деньги, накопленные его экономіею отъ щедрыхъ подарковъ благодѣтельной тетушки. Петръ Федоровичъ отсчиталъ триста рублей, и положилъ ихъ въ свой книжникъ. Но не однимъ письмомъ и деньгами ограничились неожиданные сборы Петра Федоровича: не прошло часа, какъ небольшой чемоданъ съ необходимымъ бѣльемъ и платьемъ, застегнутый и замкнутый, лежалъ также на столѣ.

Куда собирался, на что рѣшился Петръ Федоровичъ?... Часа два тому назадъ, когда еще онъ разговаривалъ самъ съ собою и съ своимъ таинственнымъ собесѣдникомъ; вѣроятно можно было бы вывѣдать его тайну, а теперь..... Петръ Федоровичъ былъ, — чтобы не повторить стараго сравненія «нѣмъ какъ рыба», — молча спокоенъ и рѣшителенъ, и никакое любопытство въ мірѣ, не исключая и чернавки Параши, не проникло бы ни цѣли, ни причины этой рѣшимости. Жаль, что ничего не мерещилось Петру Федоровичу.....

Петръ Федоровичъ, собравшись совсѣмъ, не увхалъ еще, а легъ въ постель и, противъ обыкновенія, въ первый разъ заснулъ крѣпко и спокойно, послѣ роковой, страшной для него ночи.

Суэта была въ домъ Анны Ивановны: наступилъ день, давно ожидаемый, день семейнаго праздника, — золотой свадьбы ея родителей.

Давно ужъ намъ слѣдовало бы познакомить нашихъ читателей съ этою почтенной, рѣдкою четой не только въ наше время, но и ближайшее къ настоящему патриархальному. Иванъ Антоновичъ и Марья Степановна Трудниковы, доживъ до осьмидесяти лѣтъ, были постоянно счастливы своею неизмѣнною дружбой и самою ибжною, пастушескою любовью.

Хотя надобно сказать, что Иванъ Антоновичъ, принявъ привычку, во время семилѣтней войны, пить кофе, — женился на Марьѣ Степановнѣ именно потому, что, выучившись въ Польшѣ, она была мастерица варить его; однако жъ скоро эта кофейная привязанность превратилась въ гораздо сентиментальнѣйшую, и Иванъ Антоновичъ нашелъ рай невѣдомаго, восхитительнаго блаженства въ Марьѣ Степановнѣ, рай, какого и не подозревалъ, гоняясь въ молодости за кофейницами.

И въ день брачнаго золотаго юбилея, предупредительная дочка не потеряла изъ виду этого перваго повода ихъ пятидесяти-лѣтняго супружескаго счастья. Съ утра, рано, на томъ же самомъ столикѣ, въ томъ же самомъ серебряномъ кофейникѣ, за которыми они сидѣли за пятьдесятъ лѣтъ, стоялъ горячій кофе, и Марья Степановна должна была сама подчивать Ивана Антоновича.

Пробило восемь часовъ; старушка вышла изъ спальни. Бѣлый узорчатый чепецъ, шелковая кофта, такая же юбочка составляли ея нарядъ, но всего замѣчательнѣе въ этомъ щеголеватомъ, хоть и утреннемъ костюмѣ, были вышитыя, бархатныя туфли, отороченныя пунцовымъ кантикомъ, съ кисточками изъ бѣлаго шелка, широкими, пышными. Очень

правились эти кисточки Марья Степановна, до-того нравились, что она не сводила съ нихъ глазъ; но услышавъ шипѣнье кофейника на канфоркѣ и взглянувъ на него, она какъ-бы вспомнила что-то и, сказавъ съ улыбкой: «Экая умница Нюточка.....» пошла и сѣла за столъ. Вошелъ Иванъ Антоновичъ.

Дряхлѣ былъ старичекъ, сѣдые волосы пожелтели, ноги, или вѣрнѣе сказать, ножки, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, чуть поддерживали довольно тучное его тѣло; но Иванъ Антоновичъ, для такого радостнаго дня, собралъ все свои силы и дошелъ скорѣе обыкновеннаго до своихъ кресель.

— Тише! тише, Иванъ Антоновичъ! Это ручка..... вотъ подушка.... Садитесь.....

— Не разглядѣлъ, Марья Степановна, не разглядѣлъ отъ радости..... Вѣдь какой день-то нынче!.... Что это?....

— Кофе, Иванъ Антоновичъ; кушайте: сама налила вамъ.....

— Сама? голубушка моя! сама..... Дай ручку, Марья Степановна, ручку.....

— А помнишь, Иванъ Антоновичъ, какъ въ первый разъ вмѣстѣ кофе пили, въ Вильнѣ? Сколько лѣтъ тому! Я думаю побольше пятидесяти.....

— Пятидесяти..... Господи ты мой! Какъ скоро прошло это времячко.... Прожили, какъ пѣсенку спѣли..... Благодарю тебя, матушка Марья Степановна, за уходъ, покой и утѣхи..... осыпала ты меня.....

И старички, оба прослезившись, поцѣловались.

Успокоившись, Иванъ Антоновичъ вышилъ, съ суха-

рями, свою чашку кофе и съ большимъ вниманіемъ сталъ смотрѣть вокругъ себя.

— Матушка Марья Степановна, какъ это сдѣлалось? Все какъ-будто по-прежнему..... Вотъ и эти стульчики, софа..... Вотъ и этотъ столикъ, кофейникъ..... Матушка Марья Степановна, и эта картина съ часами, съ музыкой.... Слышите, Марья Степановна, играть.....

Марья Степановна слушала и смотрѣла на свои туфельки съ кисточками.

— А! Марья Степановна!... продолжалъ, восхищаясь старикъ: знаю, знаю, кто все это уладилъ.... Анна, наша добрая Анна..... Это ея затѣя..... Тѣшить стариковъ, любить ихъ.... Машенька, Машенька, этакую намъ съ тобой дочку Богъ далъ!

— Слава Богу, слава Богу! проговорила Марья Степановна съ чувствомъ, и налила Ивану Антоновичу вторую чашку кофе.

Кончилась обѣдня въ домово́й церкви Анны Ивановны и, по обѣщанію, въ ознаменованіе золотой свадьбы ея родителей, вышло 'изъ церкви шесть паръ счастливецъ, шесть паръ молодыхъ. Наслаждалась Анна Ивановна, глядя на великую радость своихъ, въ полномъ смыслѣ, домочадцевъ, безъ различія, родныхъ, слугъ и крестьянъ, а старички, для которыхъ все это дѣлалось, были еще болѣе счастливы счастіемъ другихъ. Поздравляя молодицъ, развеселившаяся Марья Степановна желала имъ ни больше ни меньше, какъ дожить до того, до чего она дожила, прибавляя въ шутку: «Лишь бы мужнинъ вѣкъ не бѣжалъ впередъ».... А Иванъ Антоновичъ подсмѣиваясь поддакивалъ: «Да, да, молодицы, лишь бы бабій вѣкъ не запаздывалъ....»

Молодицы краснѣли, не зная сами отъ чего, парни ухмылялись также не смысля, а домашній шутъ Савельичъ, взявъ еще больше воли, какъ бываетъ это обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, бѣгалъ между слугъ и господъ безъ разбору и безъ совѣсти кричалъ на весь домъ: «Всѣ дураки! всѣ дураки! Всѣ черезъ чуръ счастливы....»

По окончаніи поздравленій, дворня разошлась по людскимъ и усѣлась за приготовленные столы, на которыхъ полною чашей раскинулась щедрость ихъ доброй госпожи; а сама госпожа со своими стариками-молодыми, въ сопровожденіи самыхъ короткихъ знакомыхъ, приглашенныхъ на праздникъ, въ ожиданіи обѣда, отправилась гулять въ садъ.

Всѣ точно были дураки, соображаясь съ мнѣніемъ Савельича, мнѣніемъ старымъ, впрочемъ, будто счастье спутникъ одной только глупости.... Но въ этомъ жилищѣ счастья было одно существо и несчастливое, стало быть, умное.

Проснувшись съ такою грустью на сердцѣ, какой еще ни разу не испытывала; проплакавъ все утро, какъ никогда еще не плакала, Параша стояла цѣлый часъ уже у дверей комнаты Петра Федоровича; прислушивалась и ничего не слышала....

— Чтó это такое? Дверь заперта внутри задвигкой, а не слышать его въ комнатѣ.... Не спать ли онъ?.... Да быть не можетъ; не показывался ни въ церкви, ни въ покояхъ барыни, а, кажись, нужно бы....

И Параша, нагнувшись къ замочной щелкѣ, стала пристально все высматривать въ комнатѣ.

— Нѣтъ.... нигдѣ нѣтъ... Постель разворочена... А! Окно отперто!...

Параша опростелась бросилась въ садъ и черезъ минуту была уже у окна, а потомъ въ комнату Петра Федоровича.

— Что бы это значило?... Шляпа тутъ, шинелька, хлыстикъ также... Но гдѣ же его картузь теплый? гдѣ канцелярскій плащъ, который онъ еще недавно передѣлалъ на дорожный, гдѣ сапоги плисовые?...

И Параша кинулась къ притворенному, но не запертому шкафу съ платьемъ.

— Ничего нѣтъ, кромѣ шитыхъ кафтановъ... Не обокрали ли?... Но за чѣмъ же оставили бы дорогую одежду, а взяли простую и старую? Кажется эта была бы по-прибыльнѣе....

Рѣшивъ такимъ образомъ, Параша притворила шкафъ и отошла отъ него къ письменному столу Петра Федоровича. Все было на мѣстѣ, не исключая и бисернаго ея снурочка, въ томъ же положеніи, въ томъ же плачевномъ видѣ... Параша съ сердцемъ схватила его и положила въ карманъ передника...

— А! что это?... Письмо... но къ кому? Отъ кого?... Неужели отъ Петра Федоровича?...

— Барышня! барышня! закричала она, вдругъ взглянувъ въ окно и увидѣвъ проходившую мимо Фанни: пойдите сюда?...

— Кто меня зоветъ?

— Я, я, барышня; пойдите сюда...

— Какъ это можно, Параша! Что подумаютъ!....

А гдѣ Петръ Федоровичъ?...

— Не знаю... да что же вы нейдете?...

— Куда, Параша? Какимъ образомъ?...

— Сюда, Фанни Алексѣевна, въ окошко, какъ я.... или нѣтъ, ступайте въ корридоръ, я отопру задвижку и впушу васъ...

Сказано, сдѣлано.

— Вѣдь Петра Федоровича нѣтъ, Фанни Алексѣевна... По всему видно, что уѣхалъ... картуза, плаща, сапоговъ дорожныхъ, какъ не бывало..... Вотъ только и осталось, что шитые кафтаны — да письмо. Распечатайте, прочтите; все узнаемъ...

— Помилуй, Параша, какъ это можно...

— А что же, Фанни Алексѣевна, почему знать отъ кого и къ кому?.... А можетъ—быть еще и простая бѣлая бумажка; онъ же подшутилъ, проказникъ...

— Посмотримъ, посмотримъ...

Распечатали.

— Что, Фанни Алексѣевна, отъ кого?

— Отъ него...

— Къ кому?

— Къ ней... Ахъ, что мы сдѣлали съ тобою, Параша...

— Что жъ такое, Фанни Алексѣевна, начали, такъ ужъ не ворочаться... Прочтите, я послушаю...

— Какая ты безстрашная, Параша!...

И Фанни, начала:

«Милостивая Государыня,

«Дражайшая тетушка и благодѣтельница

«Анна Ивановна,

«Я несчастливъ! несчастливъ, потому—что сдѣлалъ «дурное дѣло, въ слѣдствіе чего стало со мною «Богъ знаетъ что такое.... Тетушка, Анна Ивановна, «не хотѣлъ я платить вамъ злымъ за благое, за «ваши ласки и любовь, огорченьемъ; но жребій чело- «вѣка—сѣдло, ѣздитъ на немъ судьба, а человекъ — «лошадь, и я самая жалкая кляча, на какой ко- «гда либо ѣзжалъ случай.....»

— Понимаешь, Параша? Петръ Федоровичъ говоритъ, что онъ лошадь!....

— Неужели?.... Дальше, барышня..... дальше.....

«Я поступилъ дурно,» продолжала Фанни: «но кто же могъ ожидать, что къ моему проступку прильнетъ чужое, тяжкое преступленіе, и что за всѣхъ сдѣлаюсь отвѣтчикомъ я, за всѣхъ меня накажетъ совѣсть, что мнѣ стануть казаться на яву и во снѣ, и днемъ и ночью — вымолвить страшно — чѣртики! чѣртики, дражайшая тетенька!»

— Что это такое, Параша?.....

— Съ нами крѣстная сила!.... Дальше! дальше.....

«Не утаю отъ васъ, дражайшая тѣтушка, и сердечной моею муки: въ ней-то, можетъ-быть, и причина всѣхъ моихъ напастей, но я рѣшился перенести горькую мою участь. Не увижу уже предмета обожаемаго, но не разлюблю его, не вернусь къ вамъ, хотя онъ такъ близокъ къ вамъ.....»

— Параша!

— Слышу, Фанни Алексѣевна.....

«Все противъ меня, дражайшая тѣтушка, и въ такую минуту, когда я наименѣе ожидалъ того..... Изъ бѣдняка сдѣлался зажиточнымъ, вашими щедротами; изъ несчастнаго обожателя сталъ счастливейшимъ, если красота и хитрость не совмѣстны между собою..... Изъ полиціи перешелъ къ свѣтлѣйшему, вашимъ же ходатайствомъ, и явился уже къ начальникамъ по командѣ.... И всѣ блага, какъ нарочно, были дарованы мнѣ судьбой для того только, чтобы отнять и отнять разомъ.... Не грѣшу упрекомъ, не виню никого: самъ виноватъ; но и не открою вамъ вины моей, пока не заглажу ея; не явлюсь на глаза, пока не очищу совѣсти.....»

— Какой онъ честный, Параша.....

— Какой рѣшительный, барышня.....

«Въ заключеніе сихъ строкъ моихъ, прошу васъ, «дражайшая тетушка, оставить въ секретъ письмо «мое.....»

— Параша!....

— Барышня!....

«Въ особенности отъ Фанни Алексѣевны: ея «судьба крѣпко связана съ моею тайною, и неза- «глаженное мое преступленіе, если не безъ послѣд- «ствій для нея, то по-крайней-мѣрѣ не безъ тяж- «кихъ, горестныхъ, воспоминаній.....»

— Что я сдѣлала, Параша!....

— Не знаю, барышня.....

«За симъ, честь имѣю пребыть съ совершен- «нымъ почтеніемъ.....»

— Ну, это ужъ извѣстное окончаніе:

«Покорный племянникъ Петръ Ѳедоровъ Ли- «пинъ.....»

— Параша! я отнесу письмо къ маменькѣ.....

— Какъ угодно, барышня.....

— Сейчасъ же, Параша.....

— Хоть сію-минуту.....

— Я рѣшилась, иду.....,

— Ступайте, ступайте, барышня.....

— Нѣтъ, Параша, совѣстно..... Возьми письмо, дѣлай съ нимъ что хочешь.....

И раскраснѣвшаяся отъ волненія Фанни, ур- «нивъ письмо, выбѣжала изъ кабинета быстро, безъ «оглядки, какъ-будто самъ Петръ Ѳедоровичъ по- «гнался за ней.

— То-то же «рѣшилась!» говорила Параша, под- «нимая съ полу темную исповѣдь Петра Ѳедоро-

вича: вишь, какіе оба рѣшительные.... мнѣ-то что? Станетъ ли васъ обоихъ до конца, а что-то не доброе повисло надъ вами..... А, ты Параша!... а?... уххаль, и хотъ бы словечко на память.....

И, спрятавъ письмо въ карманъ, въ тотъ же самый, гдѣ лежалъ и снурокъ, Параша съ грустью пошла въ-слѣдъ за барышней, правда гораздо тише, но также не спокойнѣе.....

Въ хлопотахъ и суетахъ около старичковъ, въ безпрестанныхъ сюрпризахъ домашняго изобрѣтенія, Анна Ивановна не замѣтила отсутствія Петра Федоровича, и только въ половинѣ обѣда, окинувъ со вниманіемъ хозяйки все общество, спросила вдругъ, встревожившись: — А гдѣ же Петруша?....

— Не можемъ знать-съ отвѣчали слуги.

— Незнаю... отвѣчала и Фанни, но краска измѣнилась ей.

— Не можемъ знать!... Подите справьтесь.... Что съ тобою, Фанни?....

— Ничего, маменька.....

И краска уступила мѣсто блѣдности.

— Что это значить, Фанни? То краснѣешь, то блѣднѣешь; здорова ли ты?....

— Я? я, слава Богу, здорова.... Нѣтъ, нездорова.... точно.... нездорова.... извините, маменька....

И, поблѣднѣвъ еще больше, Фанни встала, хотѣла было выйти изъ столовой, но, не дойдя до дверей, зашаталась и упала. Всѣ засуетились, бросились къ ней, подняли ее и отнесли въ спальню. Жаль было Аннѣ Ивановнѣ оставить стариковъ своихъ, но любовь къ питомицѣ, пуще чѣмъ къ родной дочкѣ, пересилила, и она невольно поспѣшила за нею.

Привели въ чувство Фанни, и разспросы пошли по-

лицейскимъ порядкомъ. Было сначала замѣшательство, потомъ, какъ слѣдуетъ въ подобномъ случаѣ, и заперательство; привели и Парашу къ допросу, но наконецъ двѣ виновницы, лицомъ къ лицу, на очной ставкѣ, должны были высказать всю истинную правду.

— Гдѣ, гдѣ письмо? Подавай сюда.....

Параша вынула его изъ кармана.

— Этакая дурочка, хорошо, что нѣтъ прорѣхи: пожалуй, проронила бы.....

И, надѣвъ очки, Анна Ивановна принялась читать то въ слухъ, то про-себя, то понижая, то возвышая голосъ, сообразно тону, мыслямъ и выраженіямъ письма. Наконецъ окончивъ чтеніе, она опустила руки и, взглянувъ съ недоумѣніемъ на окружающихъ, воскликнула въ изумленіи: — Что за белиберда! Да онъ съ ума сошелъ.....

— Сбѣжалъ, матушка, сбѣжалъ, нынче утромъ, со двора... говорилъ, входя, запыхавшійся, пьяненькій Семенычъ: садовникъ Василій самъ видѣлъ, какъ онъ вылѣзъ изъ окна, прошелся по аллеѣ, взглянулъ на окно барышни да на ваше, постоялъ, подумалъ, потомъ схватилъ чемоданчикъ подъ мышку, да и былъ таковъ..... Все видѣлъ, все видѣлъ, матушка.....

— Кто, Данило Семеновичъ?

— Василій садовникъ, матушка, Василій садовникъ.....

— Да кого?....

— Да все же его, матушка, молодого барина, Петра Федоровича.....

Огорченная, вернулась Анна Ивановна въ столовую и сколько ни желала скрыть свои чувства, чтобы

не разстроить праздника, но не могла.... И все въ этотъ день какъ нарочно заколодѣло и перевернулось вверхъ дномъ: пирогъ яблочный не взошелъ; шампанское не хлопнуло; къ тому же, Иванъ Антоновичъ принялъ его за цимлянское и, сказавъ, что холодно, поперхнулся..... Съ Марьей Степановной также не обошлось безъ неприятностей: Данила Семеновичъ немножко выпилъ не въ мѣру за своимъ людскимъ обѣдомъ и, обнося виномъ, облилъ ея штофное платье. Старушка взглянула, ахнула, да такъ и зарыдала..... Стали, было утѣшать.... какія утѣшенія: «Мое журу! мое журу!» хоть ты что хочешь; съ тѣмъ и бросили.....

Вечеръ былъ еще скучнѣе обѣда. Фанни занемогла и не выходила изъ спальни, и тысячеклѣтній гросфатеръ съ менуэтами и англесами отложили въ сторону.

Грустно было Аннѣ Ивановнѣ смотреть на эти неудачи за неудачами.

— Ну, ужъ удружилъ мнѣ дорогой племянничекъ, нечего сказать! говорила она входя, поздно вечеромъ, въ свою спальню: и нашелъ время дурачиться! Отъ чего только пришла ему эта блажь въ голову? И что это такое?... Любовь? не любовь. Дурь? не дурь.... Въ карты, вѣрно, проигрался.....

Такъ рѣшила Анна Ивановна. Но не такъ соображала Фанни обстоятельства этого побѣга, и, какъ бы вторя мыслямъ барышни, разсуждала объ немъ и ея горничная, лежа за перегородкой.

=

Уходившись, однако же и Анна Ивановна стала на доброхотиве. Прошелъ первый пылъ негодованія, и доброй тетущкѣ стало жаль своего племянничка.

— Что бы это за проступокъ тайный? спрашивала она на другой день, перечитавъ разъ шесть къ ряду письмо Петра Федоровича: быть не можетъ, чтобы проигрался, да мой Петруша не отличить бубнового туза отъ червоннаго: вѣдь я его знаю.... А должно быть что-нибудь очень важное, если онъ такъ разстроился. Бѣдняжка!.... И письмо-то написалъ какъ отуманенный; горько, видно, было ему сердечному.....

И Анна Ивановна седьмой разъ принялась за чтеніе письма.

— *Не явлюсь на глаза, пока не очисти совѣсти...* Да не здѣсь ли онъ гдѣ-нибудь скрывается, у друзей своихъ, въ городѣ?.... а такъ отводитъ только отъ поисковъ.... Нѣтъ! нѣтъ, Петруша, что ты это задумалъ? Чего ты меня боишься? Я не буду корить тебя..... Что за дѣло! кто не спотыкался въ молодости, лишь бы узнать только, что такое: беда можетъ—быть еще и поправная..... Марeutка! Марeutка!... Пошли кого-нибудь посмышленѣе, — хоть Терентья, что ли, — ко всѣмъ знакомымъ Петра Федоровича, чтобы онъ узналъ, изъ подъ-руки, умненько: нѣтъ ли его, дескать, тамъ? Понимаешь? Умненько!....

— Понимаю.....

Посылали, развѣдывали, не напрасно: не открыли слѣдовъ Петра Федоровича..... Прошелъ и день, и два, и недѣля, послѣ его отъѣзда, а куда онъ дѣлся, все еще не было извѣстно. Въ домѣ Анны Ивановны, наконецъ поуспокоились, хоть и не охладѣли

къ памяти самопроизвольнаго изгнанника. Только всякій по своему толковалъ и думалъ о причинѣ его страннаго побѣга.

— Съ отчаянія, барышня, больше не отъ чего!... говорила Параша, переменяя кормъ любимымъ канарейкамъ Фанни.

— Отъ чего же съ отчаянія?....

— Отъ любви, барышня, а къ кому, вамъ и скзывать не надобно.....

— Да помилуй, Параша, я только-что узнала, собиралась и, кажется, собралась любить его, но зачѣмъ же онъ уѣхалъ?....

— То-то вы и полюбили, какъ онъ уѣхалъ, а какъ былъ на глазахъ, такъ только смѣшки, да шуточки.....

— Чтò ты все коришь меня, Параша? Мнѣ и такъ грустно.....

И Фанни, отвернувшись отъ горничной и канареекъ, скрывая слезы, отошла къ окну.

— Плачетъ, сказала шопотомъ Параша: видно, и впрямь стало жаль..... Да пускай себя; не все жъ одной Парашкѣ отдуваться..... сохнуть, блѣднѣть, мучиться, глаза проплакивать..... Пусть нотоскуеть, помается, поспадеть съ тѣла, а то, вишь, все румянькая, пуленькая, какъ сайка московская.....

«Скверная Парашка!....» сказалъ бы всякій, подслушавъ этотъ монологъ зависти, ревности и досады: «какъ желать, чтобы такое чудное, очаровательное созданіе, мучилось и дурнѣло отъ чего бы то ни было....» А какъ хороша, какъ бы на зло, была Фанни въ эту минуту!

Чувство грусти нисколько не повредило правильнымъ чертамъ ея прекраснаго личика, и слезы, дро-

жа жемчужинами на длинныхъ рѣсницахъ, не скатывались: имъ, видно, было очень хорошо на черныхъ, полныхъ жизни и огня, глазкахъ..... Коралловый ротикъ, пухленькая ручка, поддерживавшая головку, и локотокъ съ заманчивыми ямочками, опиравшійся на спинку стула, доканчивали это живое подобіе одного изъ волшебныхъ созданій чудотворнаго Фанъ-Дейка.

Но вдругъ Фанни, услышавъ стукъ подъѣзжавшаго экипажа и взглянувъ въ окно, встревожилась и даже засуетилась.

— Параша, взгляни, пожалуйста, кто это?....

— Одну-то въ первый разъ вижу, сказала Параша разсматривая гостей, а другаго, дивлюсь, что и вы не признали, — это бывшій пріятель молодаго барина, Александръ Сергѣевичъ Рѣжневъ.

— Рѣжневъ? Чему жъ удивляться, я видѣла его разъ только, и то онъ былъ въ маскѣ. Какой онъ красавецъ.....

— Красавецъ? Ну, ужъ нашли, барышня.....

— Красавецъ..... утвердительно возразила Фанни, но вошедшій лакей прервалъ начинавшійся споръ барышни и чернавки.

— Къ матушкѣ пожалуйста, пріѣхали гости.....

Фанни побѣжала и не слышала новаго возраженія своенравной чернавки: — Послѣ этого и Полканъ нашъ тоже красавецъ: такой же брылястый.....

Въ гостиной сидѣли Анна Ивановна, какая-то раз-франченна, хоть и въ лѣтахъ уже, дама и Александръ Сергѣевичъ Рѣжневъ.

— Сто лѣтъ не видались, Анета, говорила франтиха, слегка придерживая пальцемъ отлѣпившагося тирана, мушку: чтожъ, что живу на провинціи? каж-

дый годъ , кажется , гошу у васъ въ Питеръ , да все какъ-то не сходились.....

— Не мудрено, Амеиса Павловна, я не выѣзжаю, сижу, почти, все дома, а кто вспомнить, милости просимъ.

— Да вѣдь гдѣ же найти тебя, Анета? Къ счастью, я еще встрѣтилась вотъ съ нимъ, моимъ кавалеромъ и дальнимъ родственникомъ: онъ недоумилъ меня, сказалъ, что ты здѣсь, назвалъ домъ твой, улицу, оказалъ большую мнѣ услугу, но я всё-таки проѣздила раза три даромъ: не мастерица я разбирать вашихъ ерлыковъ домовъ и улицъ. У насъ нѣтъ еще этого на провинціи..... И рѣшилась наконецъ взять его персонально, да онъ и самъ, правду сказать, напросился: желаетъ познакомиться. Прошу любить да жаловать. Малый славный, шалунъ, повѣса.....

И провинціальная франтиха потрепала вѣеромъ по нарумяненной щекѣ своего селадона. Та же рука сорока-лѣтней вѣтрянцы придерживала и мушку, но Амеиса Павловна позабыла объ этомъ и *тиранъ* упалъ къ ногамъ *утѣшителя невинности*.

— Благодарю за честь, сказала Анна Ивановна: но кажется, мы знакомы уже и прежде, по-крайней-мѣрѣ по наслышкѣ, если не лично: господинъ Рѣжневъ пріятель моему племяннику.....

— Другъ, сударыня, самый искренній другъ.....

Въ эту минуту вошла Фанни.

— За пріятное знакомство отвѣчу вамъ такимъ же: рекомендую мою воспитанницу.

Рѣжневъ всталъ и расшаркался заклатымъ петиметромъ. Амеиса Павловна кивнула головой, но потомъ тотчасъ же нагнулась на ухо Аннѣ Ива-

новнѣ и шепнула: «Грѣшки, Анета, старые грѣшки?....»

Анна Ивановна въ пятьдесятъ лѣтъ покраснѣла, и на безстыдную выходку своей пріятельницы отвѣчала почти съ негодованіемъ и громко:—Это моя воспитанница, Амѣиса Павловна, воспитанница Фанни, дочь голландскаго купца Фанъ-Остада.....

— Чья? чья, матушка?....

— Фанъ-Остада.... сиротка..... чужестранка..... Длинная исторія, Амѣиса Павловна, очень длинная. Когда-нибудь послѣ.....

Беседа шла нѣсколько времени въ однихъ только намѣкахъ, пустыхъ вопросахъ и отвѣтахъ, но провинціальная барыня одушевила ее своей новой выходкой, хоть также не надолго:

— Такъ ты, Анета, не гостья больше моднаго свѣта? какъ говорить какой-то стихотворецъ.....

— Отвыкла, не выѣзжаю.

— И тебѣ не скучно?

— Привыкла къ домашней жизни, люблю семью мою; нахожу въ ней достаточно удовольствій и не тянусь въ модное общество.....

— Семья, семья! возразила предоброжелательно Амѣиса Павловна; скажи пожалуйста, да что, развѣ у тебя пріюты, пансіоны...

— Ни то, ни другое, а отецъ, мать на рукахъ, воспитанница, какъ видишь, на лице, да племянникъ...

— А! племянникъ! сказала модница: еще давеча хотѣла спросить, да перебила вотъ эта Фанья... Что онъ у тебя такое? Носятся очень дурные слухи: говорятъ, что онъ мотъ, пьяница, картежникъ и даже сбѣжалъ со двора?...

— Уѣхалъ, Амѣиса Павловна... А что касается

до качествъ душевныхъ и поведенія, то друзья его, вѣрно, лучше насъ съ тобою знаютъ, каковъ мой племянникъ, и господинъ Рѣжневъ...

—Рѣжневъ! перебила вдругъ Аменса Павловна, но потомъ смутившись и стараясь замаять впечатлѣніе, которое произвела своимъ восклицаніемъ, продолжала: Рѣжневъ, да что жъ онъ за оцѣнщикъ? вмѣстѣ шалили, вѣроятно, вмѣстѣ повѣсничали... но молва...

— Молва вретъ, и ты за нею... перебила въ свою очередь Анна Ивановна, разсердившись.

— Ну! всцѣшка... сказала Аменса Павловна, смѣясь и заминая кашу: по старому, матушка, по старому... Прощай! Прощай, Анета! А то и разбранишь еще пожалуй, какъ бывало... До свиданія...

— До свиданія...

— Кавалеръ!

— Къ услугамъ вашимъ.

Рѣжневъ раскланялся почтительно съ Анной Ивановной, еще почтительнѣе съ Фанни, и послѣдовалъ за своею дамой.

— Старая дура! сказала въ-слѣдъ разсерженная хозяйка, когда уже гости вышли и сѣли въ карету: Семенычъ! не принимать, этой госпожи, когда пріѣдетъ — дома нѣтъ, или въ церкви... слышишь? да передай это швейцару и людямъ.

— Слышите-ли, говорилъ Семенычъ, выходя въ переднюю и обращаясь къ прочимъ слугамъ: не принимать барыни, что уѣхала... Понимаете ли?

— Понимаемъ... А барина? спросилъ Терентій.

— Дурь ты, голова, понимаешь, а не разсуждаешь: баринъ не барыня: принимать...

И словно подслушалъ Александръ Сергѣевичъ

мудрое рѣшеніе Данила Семеновича: пріѣхалъ въ другой разъ, въ третій, сталъ часто ѣздить, каждый день, и даже наконецъ надобѣль Аннѣ Ивановнѣ своими посѣщеніями; но она не имѣла уже духу распорядиться рѣшительно и отказать ему отъ дома такъ, какъ отказала Амѣнсѣ Павловнѣ. Бывали однако жъ объ этомъ толки въ ея семейномъ комитетѣ, даже споры; но, къ счастью Рѣжнева, «на лѣвой сторонѣ» былъ сильный голосъ, была заступница. Анна Ивановна не рѣшилась огорчить Фанни..

Рѣжневъ нравился ея воспитанницѣ, его болтовня занимала ее, и мишура моднаго свѣта, которую онъ разсыпалъ щедрою рукой передъ нею, ослѣпляла неопытную дѣвушку.

Прошло болѣе мѣсяца послѣ отъѣзда Петра Федоровича и перваго пріѣзда и знакомства Александра Сергѣевича. Къ одному Фанни болѣе и болѣе становилась равнодушна, къ другому, напротивъ, сильнѣе и сильнѣе привязывалась, хотя герой этой новой страсти былъ не болѣе, какъ ничтожный волокита, съ девизомъ: «кружу голову!...» по обыкновенію того времени; а кому, съ какою цѣлью, до этого не было дѣла. Каждой новой побѣдѣ была готова отмѣтка въ журналѣ моднаго развратника: «какова ни есть, и та къ счету...» Такъ волочились наши дѣды, такъ волочился и Рѣжневъ.

Разъ, какъ-то, подѣ вечеръ, молодые люди сидѣли въ гостиной. Фанни играла на клавирѣ, Рѣжневъ надувалъ ей въ уши. Приятность этой бесѣды дошла бы, можетъ-быть, до восхищенія, но, къ счастью неопытной вѣтреницы и къ крайней досадѣ селадона, тутъ же ходила изъ угла въ уголъ и Анна Ивановна. Не кроткая, снисходительная Анна Ивановна, а напро-

тивъ, недовольная и даже пресердитая. Давно уже наскучила ей эта безконечная увертюра изъ «Калифа багдадскаго», подъ которую перешептывались молодые люди. Слышна была музыка, но, что напѣвалось подъ нее, то ускользало отъ ушей заботливой и опасавшейся уже маменьки. Наконецъ потерявъ все терпѣніе, Анна Ивановна, остановившись, сказала съ сердцемъ воспитанницѣ:—Перестань играть, Фанни! все одно, да одно: скучно...

Увертюра кончилась, но съ нею кончился и речитативъ любовный... такъ, что Анна Ивановна, обратившись къ Рѣжневу, чуть-чуть-было не сказала: «а вы что жъ? продолжайте...» да спохватилась.

Прошло нѣсколько минутъ, Анна Ивановна успокоилась, перестала надзирать за Фанни и, задумавшись вовсе о другомъ, снова стала ходить по комнатѣ. Исподоволь, тихонько, какъ-бы украдкой, началась и снова музыка, но другая.... Сперва первая, томная какая-то, мотивы, потомъ легенькій пассажъ, потомъ другой; но уже нѣсколько по-шумнѣе, такъ-что вздохавшій пастушокъ не задержался завести и свою пѣсенку.... Вдругъ, изъ-подъ пальчиковъ прекрасной Фанни, рассыпалась горохомъ внушительная варіація, Рѣжневъ отвѣчалъ ей такимъ же залпомъ любезностей; шумные, дикіе аккорды смѣнили варіацію; приторныя любезности уступили мѣсто порывамъ страсти, и, наконецъ, этотъ разговоръ по нотамъ, дошелъ въ своемъ кресчендо до того, что Фанни сбилась и забыла ноты, а Рѣжневъ забылся и воскликнулъ въ восторгѣ: «Я Зефиръ, будьте моею Флорой!...»

— Чтò, чтò такое?... спросила Анна Ивановна, очнувшись отъ своей задумчивости и поймавъ наконецъ

окончаніе любовнаго изъясненія: Кто Зефиръ? Кто Флора?...

Рѣжневъ смутился, Фанни еще больше, но въ эту минуту вошелъ лакей и отвлекъ вниманіе преслѣдовательницы — дуэны...

— Изъ Ревеля письмо, сударыня....

— Изъ Ревеля?... отъ друзей, отъ близкихъ....
Подай, подай сюда...

И въ пылу родственной привязанности, позабывъ о накрытыхъ преступникахъ—любовникахъ, Анна Ивановна съела, надѣла очки и принялась читать съ большимъ вниманіемъ:

Быстро перевернула первая страничка. Слезы показались отъ умиленія на глазахъ Анны Ивановны. Чувства признательности родныхъ глубоко тронули ея благотворительную душу. Но, читая дальше, она вдругъ оживилась еще болѣе и почти вскрикнула отъ восхищенія: Фанни! Фанни! Петруша-то нашъ въ Ревель.... Поди, поди сюда, прочти сама.... Фанни подошла, но Анна Ивановна, не отдавая ей письма, сказала съ возрастающимъ волненіемъ: «Погоди, погоди, дай дочитаю.... Что это? Фанни! Фанни! Посмотри, не ошиблась ли я?... Нѣтъ! нѣтъ! о Боже! Онъ въ казamatъ....»

И, выронивъ письмо, бѣдная старушка, почти безъ чувствъ, упала на спинку кресель. Фанни, также не менѣе встревоженная, подняла съ пола роковое извѣстіе и прочла, трепеща отъ страха, слѣдующія строки: «вашъ «племянникъ, Петръ Федоровичъ Липинъ, пріѣхалъ къ намъ въ Ревель, не знаемъ почему бѣгалъ нашего дома и за какое-то очень дурное дѣло попался въ не-
«доброе мѣсто...»

И это-то слово: *не доброе мѣсто*, Анна Ивановна перевела *казаматомъ*, и не ошиблась....

Не для эффекта, а дѣйствительно Петръ Федоровичъ, увлеченный своею горестною судьбою, сидѣлъ въ казаматѣ, но не за новое дурное дѣло, а только за дальнѣйшія послѣдствія извѣстнаго уже намъ стараго проступка.

Пріѣхавъ въ Ревель.... Но надобно сказать, зачѣмъ поѣхалъ туда Петръ Федоровичъ. Странная мысль посѣтила его наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга. Ему пришло въ голову, будто-бы онъ самъ можетъ открыть слѣды убійцы Фанъ-Остада, отыскать преступниковъ, объявить объ нихъ правительству и, потомъ уже, сознаться въ своемъ проступкѣ и выжидать помилованія, во-первыхъ, какъ-бы за услугу правительству, а потомъ, за добровольное, хотя позднее раскаяніе. Но последнее обстоятельство было вторымъ дѣломъ въ его рѣшимости, главнымъ оставалось по-прежнему непреборимое желаніе и необходимость успокоить возмущенную тѣнь Фанъ-Остада. Для этого-то онъ собрался и пріѣхалъ въ Ревель, какъ на мѣсто, гдѣ совершено было убійство.

Безтолковый былъ городокъ Ревель, особливо для Русскаго, не знавнаго по-нѣмецки, и въ то время. Петръ Федоровичъ въ первые дни не только ничего не могъ начать по своему дѣлу, но едва отыскалъ себѣ квартирку, по близости къ присутственнымъ мѣстамъ, въ *Ванногородѣ*. Жаль, что Петру Федоро-

вичу не приходила въ голову мысль о коловратности и брэнности міра житейскаго. Въ другое время зтотъ Вышгородъ, древній ревелскій замокъ, эти присутственныя мѣста, расположенныя во дворцѣ нѣкогда сильныхъ королевичей шведскихъ, какою бы могли быть пищею для философскаго и историческаго разсужденія?... Не удивлялся также Петръ Федоровичъ ворохамъ ельника, которыми усыпаны были улицы и подъѣзды всѣхъ домовъ. Всякому другому показалось бы, что весь городъ вымеръ, судя по нашему русскому обычаю, хотя по ревелскому это значило вовсе не то. «*Очищаютъ воздухъ*», отвѣтилъ бы каждый ревелскій Нѣмецъ. Но Петру Федоровичу было не до обычаевъ: и день и ночь преслѣдуемый своимъ предпріятіемъ, какъ самый отчаянный слѣдственный приставъ, онъ пустился въ свой уголовный поискъ.

Скоро однако жъ убѣдился Петръ Федоровичъ, что, не говоря о другихъ препятствіяхъ, достаточно было одного незнанія языка, чтобы не найти не только концевъ его дѣла, но даже трактира, въ которомъ можно было пообѣдать или позавтракать съ голдухи, послѣ тщетныхъ изслѣдованій. Напрасно Петръ Федоровичъ ходилъ каждый день на пристань; разсматривалъ и подслушивалъ всѣхъ; заводилъ знакомства съ шкиперами голландскими, въ половину на языкъ имъ самимъ изобрѣтенномъ, въ половину на пантомимахъ; недѣльная, безуспѣшная попытка доказала ему, что съ Нѣмцами нельзя имѣть дѣла, не бывши Нѣмцемъ, въ слѣдствіе чего Петръ Федоровичъ перемѣнилъ тотчасъ же планъ свой и рѣшился итти путемъ болѣе правильнымъ. Не на долго однако жъ стало и этого новаго плана; и вся мудрость его, со-

стоявшая въ томъ только , чтобы отыскать кого-нибудь изъ русскихъ чиновниковъ,—другаго русскаго челоуѣчества не было еще въ то время въ Ревель, — и посовѣтоваться съ нимъ. Это оказалось также бесполезнымъ.

Прошло болѣе двухъ недель пребыванія Петра Федоровича въ нѣмецкомъ городѣ. Прогуливаясь какъ-то, съ своимъ новымъ планомъ въ головѣ, и съ сигарой во рту, по обычаю ревельскому, онъ плюнулъ на фризовую шинель чиновника, выходившаго изъ дома присутственныхъ мѣстъ.

— Mein Herr!...

— Нѣмец!...

И Петръ Федоровичъ отвернулся было. Но фразу обиженнаго нѣмецкаго самолюбія смѣнило чистое русское восклицаніе.

— Ба! ба! ба! Какими судьбами, Петръ Федоровичъ?...

И фризовая шинель уцѣпилась за коротенькій плащъ героя нашей повѣсти.

— Сергій Фарафонтьевичъ!

— Петръ Федоровичъ!

— Вы какимъ образомъ?

— По охотѣ....

Лгалъ Сергій Фарафонтьевичъ... Выгнанный, за дурное поведеніе, изъ канцеляріи генералъ-полицеймейстера, онъ промытарилъ цѣлый годъ во внутреннихъ губерніяхъ и наконецъ пошелъ, по неволѣ, а не по охотѣ, служить во вновь приобрѣтенную губернію. Формуляръ его, по снисходительности стараго начальника, былъ чистъ, выдумать причину отставки не штука, и онъ успѣлъ втереться безъ претензій са-

мымъ мелкимъ чиновничкомъ въ канцелярію рижскаго губернатора.

— Здоровы ли, Петръ Федоровичъ?...

— Какъ видите?...

— Расскажите же, пожалуйста, зачѣмъ, и какъ вы тутъ?... Да вотъ и кстати гербергъ... Петръ Федоровичъ! Не погнушайтесь, зайдемте пофришты-кать....

Зашли... Въ-началѣ было какъ-то неловко Петру Федоровичу въ этомъ грязномъ притонѣ веселія и мамона. Смѣсь Нѣмцевъ и русскихъ чиновниковъ, стукъ билліардныхъ шаровъ, флаги вина, кружки кальте-шале, тарелки бутербротовъ, чѣканье, *тренки*, крики, *брудершафты* и русскіе: *за здоровье!* — все это, привело его въ какой-то невольный ужасъ; но стаканъ шнапсу и небольшая тарелка форшмаку, а главное, радостное убѣжденіе, что онъ попалъ наконецъ въ центръ ревельско-русскаго чиновничества, придали ему бодрости, помирили его мысленно съ предсѣдящимъ обществомъ.

Петръ Федоровичъ ограничился, однако жъ, однимъ собесѣдникомъ, радъ былъ въ душѣ возобновленію стараго знакомства съ Сергѣемъ Фарафонтычемъ и не шелъ ни на какія новыя связи, а были уже приглашенія....

— Такъ-то, любезнѣйшій Петръ Федоровичъ, говорилъ чиновникъ губернаторской канцеляріи, послѣ двухъ кружекъ кальте-шале: вы, здѣсь не то, что бы для *блэзиру*, а по дѣлу? Вотъ оно чтò!..

— Да, да, Сергѣй Фарафонтьевичъ, оно не то-что, бы животрепещущее, назойливое, а такъ, знаете, старенькое..... отвѣчалъ Петръ Федоровичъ, стараясь поддѣлаться подъ тонъ своего собесѣдника: Да

нѣтъ ли, гдѣ у васъ, тутъ уголка особеннаго, я бы вамъ и рассказалъ кое-что, пожалуй?

— Для чего же..... Эй, медхень! не слободна ли, вонъ тамъ, эта цимерхень, знаешь, угольная?.....

— Ja, ja, sein Negt!.... были, да ушли.....

И медхень взяла уже шинели гостей, чтобы перенести ихъ въ назначенную комнату.

— Пойдемте же, Петръ Федоровичъ.

— Сейчас! сейчасъ, любезнѣйшій.

И, шепнувъ что-то на ухо трактирной служанкѣ, Петръ Федоровичъ послѣдовалъ за старымъ своимъ товарищемъ.

На столѣ явилась бутылка мадеры.

— А! такъ, вотъ оно что, у васъ есть дѣло..... воскликнулъ Сергѣй Фарафонтьевичъ, вовсе не думая о дѣлѣ, а о бутылкѣ: посмотримъ.....

— Да, любезнѣйшій мой товарищъ, посмотрите, и посоветуйте, мало того, пособиите.....

И Петръ Федоровичъ наполнилъ стаканы.

— Откушайте, Сергѣй Фарафонтьевичъ, а я пока начну вамъ мою длинную исторію. Не поскучайте.....

«Этакой ласковый сталъ! А послѣднее время, въ Питерь, какъ-было носъ задралъ», думалъ про себя Сергѣй Фарафонтьевичъ и распорядился мадерцей.

— Длинная исторія, любезнѣйшій товарищъ, всего въ ней: уголовныхъ и исковыхъ казусовъ, а главное то, что она имѣла мѣсто здѣсь, въ вашемъ Ревель, и какъ не явилось ни истцевъ, ни преслѣдователей, то и предано забвенію. Теперь же, продолжалъ Петръ Федоровичъ, вспомнивъ совершенно тонъ и духъ канцелярскаго краснорѣчія: теперь же, такъ-какъ, оказался таковой, то онъ и желалъ бы

пояснений, и по всей строгости законовъ изслѣдованія онаго дѣла.

— То есть, вскопнуть его..... Можно, можно, Петръ Федоровичъ.....

И Сергѣй Фарафонтьевичъ самъ уже распорядился налить себѣ другой стаканчикъ мадерцы.....

— И совершенно не трудно, любезнѣйшій товарищъ.... сказалъ, вдругъ одушевившись, Петръ Федоровичъ, какою-то новою мыслью: и вы, вотъ какъ есть, Сергѣй Фарафонтьевичъ, можете лучше чѣмъ кто-либо, повернуть всѣмъ этимъ дѣломъ и выложить его, что называется, какъ на блюдечкѣ.....

— Почему жъ, почему жъ и нѣтъ, Петръ Федоровичъ, скажите только, какъ.....

— А вотъ какъ, Сергѣй Фарафонтьевичъ: есть у меня бумажка небольшая, мѣсто ей не здѣсь, а только надобно отправить ее отсюда и непременно изъ вашей губернаторской канцеляріи, понимаете ли?

— Понимаю, но куда?

— А куда, будетъ надписано, Сергѣй Фарафонтьевичъ..... главное, что, можетъ быть, она пойдетъ заднимъ числомъ, и не настоящимъ, а истекшимъ уже годомъ.....

— А за какимъ же номеромъ?

— Ну, извѣстно, Сергѣй Фарафонтьевичъ, какой на бумагѣ, такой выставите и на пакетъ.....

— Такъ что же тутъ особенно важнаго-то?

— А казенная печать, Сергѣй Фарафонтьевичъ...

— Вотъ оно что? Гм.... да, трудненько-таки будетъ стилиснуть ее изъ стола экзекуторскаго, да ужъ какъ-нибудь на дежурствѣ..... Петръ Федоровичъ, велите-ка подать еще бутылочку....

Подали, выпили и поднялись прощаться.

— Такъ до свиданія, любезнѣйшій товарищъ.

— До свиданія, Петръ Ѳедоровичъ, да и не откладывайте въ долгій ящикъ, завтра приносите, завтра и покончимъ дѣло.

— Сергѣй Фарафонтьевичъ! воскликнулъ съ чувствомъ Петръ Ѳедоровичъ; чтò перепадетъ на руку, пополамъ, по братски.... А что я не даромъ хлопочу по этому казусу, такъ ужъ возьмите одно въ умъ, любезнѣйшій: изъ Питера въ Ревель! А? Въ Ревель!....

— Да ладно, ладно, Петръ Ѳедоровичъ, приносите бумажку-то..... Выпьемъ бутылочку и порѣшимъ.

— Выпьемъ! выпьемъ, Сергѣй Фарафонтьевичъ, и не одну, — рѣшите только... .

И собутыльники, пожавъ другъ другу руки, разстались.

— Чудная мысль пришла мнѣ въ голову, думалъ про себя Петръ Ѳедоровичъ, идя домой. И что я такъ мучился, чтò хлопоталъ? Ужъ вѣрно у правительства больше средствъ открыть слѣды и преступленія, и преступниковъ, чѣмъ у меня?.... Я чтò такое? Частный человѣкъ... Виновать только, что промедлилось дѣло, но годомъ прежде, годомъ послѣ, бѣда еще небольшая... По-крайней-мѣрѣ никто не скажетъ, что я скрылъ совершенно извѣстіе о смерти этого несчастнаго... Получать, подумаютъ, завалось на почтѣ... Примутся не за бумагу уже, а за дѣло самое, а это-то и главное... Да и кому придетъ въ голову, что я... ну, и какъ это... спалилъ, что ли?... Единственный теперь человѣкъ, который узнаетъ мою тайну, — и то на столько, на сколько я захочу,—это Сергѣй Фарафонтьевичъ, да я его потоплю въ мадерѣ, и по неволѣ заставлю молчать...

— А совесть твою, чѣмъ заглушишь ты, не виновомъ ли также?... какъ-бы спросилъ кто-то, идя рядомъ съ Петромъ Федоровичемъ, въ отвѣтъ на его энергическую выходку.

Петръ Федоровичъ оглянулся, никого не было... Петръ Федоровичъ остановился, поблѣднѣлъ, какъ-бы вспомнилъ что-то, но стараясь самъ себя разубѣдить, что ему снова откликнулся голосъ его таинственнаго собесѣдника, сказалъ и уже не про-себя, а въ-слухъ: «Лишь бы не раздумалъ Сергѣй Фарафонтьевичъ, а дѣло кончено...» И пошелъ дальше.

Не раздумывалъ Сергѣй Фарафонтьевичъ, а хуже, думалъ злое, сходя пьяненькій съ лѣстницы герберга: «Экой гусь лапчатый! пріѣхалъ изъ столицы, да хочеть насъ морочить на провинціи... Кто его знаетъ, попалъ теперь въ собственную канцелярію свѣтлѣйшаго, весьма вѣроподобно, что еще и подкапывается, ревизуетъ, по приказанію высшаго начальства... Все можетъ-быть... если ужъ да ты просто мошенникъ, Петръ Федоровичъ, такъ извини, любезнѣйшій, заманю, да такъ и вacroю, хоть ты выставь дюжину... Теперь только сталъ ласковъ и ухочивъ, можетъ-быть еще и съ зловреднымъ умысломъ, а прежде, — помнишь, какъ отказался подежурить за меня, — и въ какую еще оказію... Упокой твою душу, Ефстигней Сазонтовичъ, по милости этого шематона не удалось и помянуть тебя порядкомъ...»

И, заплакавъ, Сергѣй Фарафонтьевичъ отправился также домой.

Какъ условились, такъ и сошлись на другой день, ухищренные другъ противъ друга, пріятели. Тотъ же гербергъ, тѣ же бутылки, та же мадера, тѣ же ласки и вѣжливость со стороны Петра Федоровича, то же

дружеское обращеніе Сергѣя Фарафонтьевича и съ бутылкой и съ своимъ кліентомъ.

— Вотъ эта бумага, началъ первый, и совершенно по-видимому простодушно, Петръ Ѳедоровичъ: докончите ваши милости, любезнѣйшій, старый мой товарищъ.....

— Чтó же это, такое?

— Пакетъ.

— А бумага?

— Она въ немъ, Сергѣй Фарафонтьевичъ..... Слегка только запечатана, а вы ужъ приложите настоящую казенную печать, запишите въ разсылную книгу, да и отправьте.....

— Понимаю, понимаю, сказалъ Сергѣй Фарафонтьевичъ, боясь какъ бы не вселить подозрѣнія, дальнѣйшими разспросами. Пожалуйте же ее, Петръ Ѳедоровичъ..... Ба! ба! ба! Да это въ знакомые наши заповѣдные луга..... *Въ канцелярію санктпетербургскаго генераль-полицеймейстера, ревельскаго губернатора рапортъ.....* Это чтó такое! *Секретно и весьма нужное.....* Можете быть спокойны, Петръ Ѳедоровичъ..... будетъ доставлено; запечатаю, запишу и отправлю немедленно.....

— Другъ! товарищъ!

— По гробъ..... Но, Петръ Ѳедоровичъ. теперь надобно выпить за мѣсто нашего стараго общаго служенія: за полицію. Ура!....

И друзья выпили.

— За нашего прежняго начальника. Ура!

Друзья еще выпили.

— За нашихъ новыхъ начальниковъ. Ура!

— Нѣтъ, нѣтъ, товарищъ, порознь: сперва за одного, потомъ, за другаго.... За свѣтлѣйшаго, ура!

— Не уступлю. За губернатора, ура!....

И эти ура, эти непрерывные тосты, эти придирки выпить, самые хитрые и убедительные съ одной и съ другой стороны, кончились тѣмъ, что Петръ Ѳедоровичъ, какъ слабѣйшій, очутился подъ столомъ, а Сергѣй Фарафонтьевичъ, хоть и стоялъ еще на ногахъ, однако жъ отложилъ всѣ свои дальнѣйшія дѣйствія до утра, не рѣшаясь въ подобномъ видѣ явиться къ начальству.

Очнулся Петръ Ѳедоровичъ на другой день, ничего не подозревая; но около обѣда, вмѣсто Сергѣя Фарафонтьевича, который обѣщался прійти къ нему на квартиру съ извѣстіемъ объ отправленіи пакета, явился полицейскій чиновникъ и повелъ его прямо въ губернаторскій домъ.

Не стали вдаваться въ подробности дѣла, спросили только, кто онъ и за чѣмъ прибылъ въ городъ Ревель? Оказалось, что Петръ Ѳедоровичъ въ попыхахъ, занятый только своими планами, по неопытности, выѣзжая изъ Петербурга не взялъ съ собою ни вида, ни увольненія изъ того мѣста, гдѣ служилъ. Въ слѣдствіе чего самъ губернаторъ призналъ нужнымъ задержать его и, какъ бѣглеца, какъ самозванца, какъ подозрительнаго человѣка, имѣвшаго виды на казенную печать, *по доносу друга и товарища*, впредь до изслѣдованія дѣла, посадить въ казематъ. Резолюція строгая, по формѣ; но исполненіе ея было еще формальнѣе и менѣе снисходительно: Петра Ѳедоровича заковали въ кандалы, и, безъ всякой пощады и разбора, заключили въ самомъ глубокомъ крѣпостномъ рavelинѣ.

Молва есть вездѣ; молва была и въ Ревель. Исторія съ Петромъ Ѳедоровичемъ, распространившись по всемъ околоткамъ, прилегающимъ къ чиновничьему, дошла и до родственниковъ Анны Ивановны, и онито, какъ мы видѣли съ читателемъ, увѣдомили объ ней свою благодѣтельница. Кратко, если хотите, но лучше чѣмъ бы съ прибавками, съ какими она ходила по городу, и достаточно, чтобы приподнять добрую старушку и заставить ѣхать на выручку своего племянника.

Медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ наша повесть, катилась бричка Анны Ивановны по ревельской, только-что учрежденной, почтовой дорогѣ.

— Теперь только пришло мнѣ въ голову, сказала Анна Ивановна, поправляя сзади пуховую подушку, спросить тебя Фанни: о комъ это намекалъ въ своемъ письмѣ Петруша. Помнишь? *«Переключи мою горькую участь, не увижу предмета обожаемаго, но не разлюблю его...»* Кого это Фанни?...

Фанни смѣшалась, хотѣла было сказать — незнаю, но взглянувъ на Парашу, сидѣвшую противъ нея въ бричкѣ, смутилась еще больше и отвѣчала какъ бы не понимая, сама что: меня, маменька..... Я думаю меня..... а можетъ-быть и нѣтъ.....

Какъ ни задумчива была Анна Ивановна, но не могла безъ смѣха выслушать этого наивнаго признанія; даже Цараша, мрачная, скучная и больше

всѣхъ можетъ-быть встревоженная судьбою Петра Федоровича, не выдержала и улыбулась.

— Такъ тебя, Фанни?... повторила Анна Ивановна, продолжая смѣяться: почему же ты такъ думаешь?....

— Онъ самъ говорилъ мнѣ, маменька, вотъ и Параша знаетъ.

— Когда же это?

— Сто разъ, маменька.... И на балѣ у свѣтлѣйшаго, и въ саду, и вотъ даже черезъ Парашу.....

— Параша!.... Вольничать вздумала, мутить..... Вишь, какая сваха..... А нѣтъ, чтобы прійти, да сказать барынь..... А въ деревню, не хочешь?....

Параша поблѣднѣла, Фанни испугалась, но Анна Ивановна, на одну минуту могла только быть строгой, переѣнила тотчасъ же свой тонъ и съ прежнеею ласковостью начала снова допрашивать Фанни:

— Ну, а ты, Фанни, отвѣчала ему?...

— Какъ это, маменька?

— Ну, это значить, любила ли его?....

— Сперва, какъ брата, а потомъ, простите, маменька, стала любить больше.....

— А Рѣжневъ-то?.... Куда ты этого дѣла?.... Востры же вы, нынѣшнія дѣвушки, даромъ что на взглядъ такія невинныя: васъ стагетъ и на двухъ, видно..... А помнишь Зефира и Флору?....

— Я заблуждалась, маменька, возразила съ достоинствомъ Фанни: Рѣжневъ кружилъ мнѣ голову, а не любилъ меня..... Когда случилось съ нами горе, вмѣсто того, чтобы утѣшать насъ, онъ пересталъ къ намъ ѣздить и первый началъ звонить по городу, что нашъ родственникъ сидитъ въ казематъ..... Теперь я не люблю его и убѣдилась, что

не любила и прежде, а обманывалась и обманывалась..... простите меня, маменька.....

— Милая моя Фанни!....

— Маменька!....

Но бричка остановилась и помѣшала развязкѣ семейной Дидеротовской драмѣ.

Перемѣнивъ лошадей въ Ямбургѣ, — въ этомъ спорномъ мѣстѣ бывалой русской удали съ храбростью тевтонскою, — посмѣявшись на почтовой станціи надъ лубочною картиною, гдѣ красовался воръ съ пѣтухомъ подъ мышкой, въ переговорахъ съ бабой, а внизу надпись: «*Молчи, баба, я тебя не слушаю и сею пѣтуха, ожаря, скушаю*» — путники повхали дальше.

Невъроятно была спокойна Анна Ивановна, даже не задумчива, какъ въ началѣ пути. Ей не могла прійти въ голову вся тягость, весь ужасъ положенія племянника и, испугавшись въ первыя минуты слова казямать, она скоро перевела его другимъ, не такъ страшнымъ и унижительнымъ. Фанни раздѣляла какъ-бы веселое расположеніе духа своей благодѣтельницы и разными шуточками, островами надъ тѣмъ, надъ другимъ, старалась поддерживать его. Одна только Параша, какъ ундина, оставленная своимъ рыцаремъ, была скучна, уныла и, какъ та же нѣмецкая русалка въ своей тоскѣ и грусти, казалось, сейчасъ такъ бы и разлилась слезами, какъ та волнами, да не смѣла: барыня сидѣла напротивъ.

Скоро однако жъ душевное и физическое расположеніе трехъ путешественницъ начало склоняться къ одному и тому же итогу, — къ дремотѣ. Давно уже стали мелькать грязные лачуги эстонскія, какъ-

бы насаженные по дорогѣ, вмѣсто верстѣ; давно просиѣно въ-дали знаменитое поле Магольмское; давно исчезъ замокъ Везенбергъ, но шпиль Олая мелькнулъ только, потому-что колокольня сгорѣла не за долго до этого. Да и не для кого бы: наши путешественницы въѣхали сонныя въ Ревель.....

Никогда и никакой не можетъ быть хорошѣ казать. Въ описываемую нами эпоху еще менѣе думали объ удобствахъ этого грознаго мѣста заточенія, куда иногда увлекаютъ человѣка пороки и страсти. Но казать, въ которомъ сидѣлъ Петръ Федоровичъ, былъ въ особенности дуренъ; вѣроятно, потѣшавшееся нѣкогда въ немъ тевтонское рыцарство, своими варварскими выдумками и изобрѣтеніями довело его до этой степени совершенства; но, отъ чего бы то ни было, только трудно представить себѣ что-нибудь мрачнѣе, сырѣе и грязнѣе этого подземелья.

— Да! Маклакъ, говорилъ одинъ изъ колодниковъ, обращаясь къ товарищу: не думалъ я такъ скоро попасть къ вамъ въ гости; не привольное, кажись, гнѣздышко, а притянуло....

— Диво, Оома, что ты горюешь: притянуло и отпустить.... Развѣ тебѣ въ первый разъ?....

— Въ первый, не въ первый, грѣшить нечего... Да все какъ-то не то, Маклакъ; много лишняго..... И галстухъ, и подвязки..... Вѣдь, не лыко, братъ:

железные, не снимешь.... Нѣтъ, Маклакъ, и толковать нечего: прежде было свободнѣе.....

Маклакъ, усъщенный Маклаковъ, взглянулъ невольно и на свою колодку съ цѣпями, потрясъ ею съ злобой и, убѣдившись страшнымъ звукомъ, лучше, чѣмъ рѣчью Оомки, что не такъ-то легко освободиться, не возражалъ товарищу.

— Не буди новичка: сказалъ, подсмѣиваясь Оомка: что, братъ, Маклакъ? Видно и тебя задѣло за живое.....

Маклакъ еще сильнѣе брякнулъ цѣпью и дѣйствительно разбудилъ другаго молодаго колодника, спавшаго отъ него по-одалъ.

И кто бы узналъ въ этомъ казamatномъ новичкѣ, какъ называлъ его Оомка, въ этой жертвѣ, неумолимо караемой закономъ и судьбою, въ этомъ блѣдномъ, худомъ, истомленномъ, съ впалыми глазами, съ небритой бородой, словомъ, въ настоящемъ важномъ преступникѣ, безъ важнаго только преступленія, кто бы узналъ нашего бѣднаго Петра Федоровича?.....

Окинувъ вокругъ себя болѣзненнымъ взглядомъ, Петръ Федоровичъ взялъ кувшинъ съ водою и напился, потомъ посмотрѣлъ на свои кандалы, на лица нѣкоторыхъ товарищей своего заключенія и, какъ-бы повторивъ мысленно, въ сотый разъ можетъ-быть, горестное убѣжденіе, что онъ и гдѣ онъ, заплакалъ и обернулся къ сырой стѣнѣ казамата.

Бесѣда колодниковъ началась снова.

— Что жъ не говоришь ничего товарищъ, только что побрякиваешь? Видно, любо? спросилъ Оома, потягиваясь на солому.

— Чтобы такъ было любо тому, кто взманилъ

меня первый на дурное дѣло..... Пусть будетъ проклятъ, окаянный! Служилъ бы себѣ безъ него честно и вѣрно, ни чѣмъ не тужилъ бы, не зналъ бы ни муки, ни горя.....

— Экъ, о чемъ распустился, Маклакь! А еще меня сталъ, давеча, уговаривать. Мнѣ такъ одно нѣйдетъ въ умъ и досадно: зачѣмъ ловять не на дѣлѣ, а на бездѣлѣ,—тогда какъ не ждешь ничего и идешь на грабежъ, какъ за вечернею чаркой. Кажись, какъ бы попасться: собрались во время, пошли дружно, хоть и среди бѣла дня, а все жъ никто не подкарауливалъ, и въ оказію-то преважнѣйшую. Я чаю, помнишь, али слышалъ, въ самое-таки пожарище Олаево. Нелегкая помогала намъ. Бу-ря такъ и ходила по городу, срывала крыши съ домовъ, сносила прохожихъ на улицахъ. Вдругъ молонья продрала по тучамъ, ударила въ кровлю колокольни Олаевой и обняла ее всю; слизала до чиста все, что было снаружи; потомъ,хватила во внутрь, и ужъ тутъ-то пошла потѣха. Колокола, мѣдныя кровли башенокъ, свинцовыя рамы оконъ, узорчатыя стекла, все такъ и таяло воскомъ, дождало брызгами, неслось огненнымъ потокомъ. Другимъ было страшно; намъ любо, мы выжидали. Наконецъ каланча подгорѣла, закачалась, замаялась въ дыму и пламени, и вдругъ, какъ пекло раскаленное, рухнула черезъ улицу..... Одни обомлѣли, другіе выбѣжали изъ домовъ, на которые легла долговязая, а мы за дѣло. Сперва къ людямъ въ гости, да что найдешь у Нѣмцевъ! Шарили, шарили, да толку мало. Мнѣ попался парикъ, по нашему сказать, пономаря ихняго. Забылъ въ торопяхъ,

видпо..... Шапку снесло вѣтромъ, я взялъ да и надѣлъ его, вмѣсто шапки.... Пошли къ Олаю въ гости. По пеплу, по угольямъ, въ неостывшія еще двери добрались мы до нутра кирки. Чудное дѣло: кажись было все цѣло, а до чего ни дотронешься, или расплывется или разсыплется..... Брони кованныя, шишаки, мечи, утвари, ворганы, что, знаешь, бывало гудять на всю *бритую* улицу (*Breite Strasse*), все погорѣло.... Поживились однако жъ молодцы не однимъ слиткомъ золота и серебра, хоть брали, да обдувались: были еще горяченькія.... Я тоже схватилъ съ виду кружку вкладную, не знаю, какъ ужъ она уцѣлѣла; каленая только была, бестія, да нешто.... Жегся, а ни гугу, даромъ, что незвѣнѣла, знаешь, какъ расплавилась, такъ и застыла, видно, а всё-таки денежки. Схватилъ и думалъ: «будетъ съ меня...» Прошло этакъ часъ работы. Гдѣ пожива, тамъ въ охотку, дѣло идетъ скоро. Нашинскіе стали уже собираться по добру, по здорову, я также съ моею кружкой, да норовилъ какъ бы особнякомъ, боялся сглазу.... Гляжу выхождь и по всему главный въ кирку, шире какъ-то и свободнѣе. Я шмыгъ въ него, дальше, дальше и ужъ, этакъ сказать, перебѣжалъ шаговъ двадцать, какъ вдругъ, откуда ни возмись, что-то сверху, хватъ меня по башкѣ, по спинѣ, да и придавило къ горячимъ плитамъ. Послѣ вспомнилъ, что это было, оно самое, ну, знаешь, ребро Олаево..... И не ребро, а просто китовина, что возять къ намъ изъ-за моря въ Архангельскую Пристань. Товарищи разошлись, я остался за-мертво на паперти, а очнулся, какъ видишь, въ добромъ мѣстѣ, не чая и не гадая сойтись съ тобой.... И, всё-таки, говорю тебѣ, Мак-

лакъ, не горюю, что попался, а что попался-то почитай ни на чемъ, вотъ-что горько.... Бывало, мясничаетъ гдѣ-нибудь въ захоластьѣ: пищать, и въ усь не дуешь: рѣжешь себѣ, да помалчиваешь. Вотъ, хоть бы взять, и съ тобою, помнишь, твою первинку... Голландца-то, что уходили мы у пристани, что жь? Концы въ воду и въ поминѣ послѣ небыло....

Давно уже разсказъ разбойника привлекъ вниманіе всѣхъ другихъ колодниковъ, кромѣ Петра Федоровича, но послѣднее обстоятельство и его озадачило, словно кто шепнулъ ему: «Слушай.» И Петръ Федоровичъ слушалъ, хотя изъдали, однако повернувшись отъ стѣны прямо лицомъ къ разсказчику.

— Помнишь ли это дѣло, Маклакъ? продолжалъ Оомка: кажись, на душѣ у тебя не такъ-то много грѣховъ, запомнать трудно?....

— Помню, Оома, но что тебѣ за охота тревожить бывшее. Мнѣ и безъ того эта первинка мерещится походя вмѣстѣ съ окаяннымъ, что сманилъ меня на нее.....

— Ха! ха! ха! А окаянный-то, какъ ни въ чемъ не бывалый, дружище. Насъ подкупилъ, нашими руками спровадилъ хозяина, заграбилъ всё его доброе, а самъ живетъ себѣ припѣваючи, и чортъ ему не братъ. Я его встрѣтилъ, передъ пожарищемъ. Онъ ничего, не зачеченился: далъ цѣлковикъ на водку, по старому знакомству. Сказывалъ, что торгуетъ хорошо, каждый годъ ѣздитъ въ Ревель, только ужь не подъ кличкой Киндергука, а другою, кажись, Бранта, не то Дранта.... Вотъ этакъ что-то, какъ онъ сказывалъ. У нихъ, видишь ты, это случается. И не голландскимъ ужь

купчиною, а американскимъ.... Чудовый народъ эти Нѣмцы: перекрестится и горюшки мало, словно жить начнетъ за-ново. Да, да, Маклакъ, вотъ тутъ и знай, что сходить съ рукъ, что не сходить....

Долго еще ораторствовалъ Оомка, самый внимательный его слушатель, Маклакъ, спалъ уже крепкимъ сномъ; наконецъ и рассказчикъ, какъ-бы вмавившись на товарища, также захрапѣлъ. Въ эту минуту, въ одномъ изъ угловъ каземата зашевелился кто-то, потомъ приподнялся, сталъ на колѣни и произнесъ тихимъ, но явственнымъ голосомъ: «Неисповѣдимы, о Господи! пути премудраго Твоего промысла! Прости ропоть, слабость и киченіе духа моего и помоги, о Господи! рабу виновному раскаяться и уразумѣть вполнѣ благодѣнь Твою!...»

Анна Ивановна Гельмерсонъ, пріѣхавъ въ Ревель, убѣдилась тотчасъ же въ справедливости своихъ опасеній на счетъ Петра Федоровича, и вторично перевела фразу письма своимъ родственникамъ *не доброе мѣсто* казематомъ, но уже по словамъ дѣйствительности и несомнѣнной истины. Добрая старушка не потеряла однакожь присутствія духа, тотчасъ обратилась къ самому губернатору и, какъ женщина съ толкомъ, разсудительная, почтенная, вразумила строгаго начальника, что если ея племянникъ и виноватъ, то все еще не въ такой степени, чтобы сидѣть въ казематѣ вмѣстѣ съ закоренѣлыми преступниками. Убѣжденія, просьбы и ручательство почтенной старушки имѣли успѣхъ, и Петръ Федоровичъ по приказанію губернатора изъ каземата былъ немедленно переведенъ, разумеется, съ освобожденіемъ отъ цѣпей и колодокъ. въ караульную присутственныхъ мѣсть.

Говорятъ, что свѣтъ дневной больше всего поражаетъ выпущенныхъ заключенниковъ, что они плачутъ, смѣются, радуются ему, какъ дѣти, не переносятъ иногда его, задыхаются, падаютъ въ обморокъ и Богъ знаетъ еще до чего доходитъ будто-бы ихъ восхищеніе. Петръ Федоровичъ, выходя изъ казамата, хотъ и не на полную пока свободу, обрадовался однако же, со всеми вышеименованными признаками радости, но не свѣту Божію, а чернилицъ, перу и бумагъ, которыя ему дали по приказанію дежурнаго офицера.

Озабоченный, взволнованный, не поблагодаривъ даже за вниманіе офицера, Петръ Федоровичъ тотчасъ же съѣлъ и занялся своею работою. Болѣе двухъ часовъ писалъ Петръ Федоровичъ, а все еще не было конца его записки, въ которой онъ излагалъ всѣ случившеся съ нимъ, со всеми подробностями, начиная отъ вступленія на службу, до самаго освобожденія изъ казамата. Здѣсь не было уже мѣста ни намѣкамъ, ни утайкѣ, ни уверткамъ; напротивъ того самая строгая истина руководила перомъ Петра Федоровича. Онъ чистосердечно сознавался въ умышленномъ вскрытіи пакета и потомъ въ желаніи загадать этотъ проступокъ еще важнѣйшимъ злоупотребленіемъ казенной печати. Дойдя до описанія своего страшнаго видѣнія и преслѣдованій тѣни Фанъ-Остада, Петръ Федоровичъ старался быть сколько возможно яснымъ и правдоподобнымъ, безъ умствованій; но умно и сильно объясняя это чудное событіе на основаніи предвѣчной истины Всемогущества Божіаго, окончилъ свою записку подробнѣйшимъ извѣстіемъ однихъ колодникахъ, находящихся въ казаматъ, и о неожиданномъ ихъ со-

знаніи въ преступленіи, которое имѣло такую тѣсную связь съ его судьбою, и которое такъ давно было уже предано забвенію.

Петръ Ѳедоровичъ положилъ перо и вздохнулъ такъ, какъ не вздыхалъ еще ни разу въ продолженіе почти двухъ-лѣтней пытки, тревоги и мученій. Ему видимо стало легче и, осматриваясь вокругъ себя съ радостною улыбкой, онъ какъ-будто искалъ кого-нибудь, съ кѣмъ бы подѣлиться своимъ чувствомъ.

Вошелъ караульный офицеръ. Но Петръ Ѳедоровичъ въ порывѣ умиленія не бросился къ нему на шею, а спросилъ кротко: Что угодно?

— Васъ спрашиваетъ какая-то молодая дѣвушка; хоть на это нѣтъ разрѣшенія начальства, но нѣтъ и особеннаго запрещенія. Я прикажу впустить ее....

— Ахъ, это, вѣрно, отъ моей тетушки; впустите, господинъ офицеръ....

Вошла Параша, а офицеръ изъ скромности, или по снисходительности, вышелъ.

— Параша!

— Петръ Ѳедоровичъ! Боже мой! Боже мой! Что съ вами сдѣлали? Какъ исказили васъ! Куда дѣлись ваши русыя кудри, что мнѣ еще бывало жаль, когда вы и подъ парикъ-то ихъ запрячете?... А теперь отрезали, и вовсе нѣтъ сердечныхъ...

—Ничего, ничего, Параша, отвѣчалъ Петръ Ѳедоровичъ, краснѣя за свою арестантскую прическу: посмотри, за-то какая борода выросла, окладистая, хоть въ кучера къ тетенькѣ... Ну, что тетушка?

— Ничего, Петръ Федоровичъ, успокоилась маленько, но все еще въ страхъ...

— Въ страхъ? Да чего жъ она теперь боится?...
А что....

И Петръ Федоровичъ остановился.

— Ну, ну, договаривайте, договаривайте.... Да не надо: знаю и безъ васъ, о комъ вы хотѣли спросить... Здорова, здорова! не беспокойтесь; но также немножко грустить...

— Грустить? Фанни грустить? По комъ?...

— Ну, разумѣется, по васъ... Будто не знаете...

— Неправда, Параша...

— Видитъ Богъ, такъ, Петръ Федоровичъ; что мнѣ васъ обманывать, и прежде не дѣлала этого, какъ бывало вамъ и не по сердцу меня слушать, а теперь изъ чего таить и морочить: влюблена, право слово, влюблена, души не слышитъ...

— Параша! Ангельчикъ!... Да нѣтъ, нѣтъ, Параша. Рано еще объ этомъ... Послѣ... Параша, скажи мнѣ: ты отъ себя пришла, повидаться со мною, или нѣтъ ли какого дѣла, тетушка не наказывала ли чего-нибудь?

— Есть, есть, Петръ Федоровичъ, но пожалуйста потише, есть дѣло очень важное... Бѣда, какъ бы не подслушалъ кто....

И Параша встала и осмотрѣла двери и всѣ углы комнаты.

— Ну, Параша?...

— Ну, Петръ Федоровичъ, вотъ что такое... И Параша, вернувшись на прежнее мѣсто, продолжала шопотомъ: тетушки тутъ и въ поминѣ нѣтъ: это наша выдумка, въ двоимъ съ барышней: мы положили, Петръ Федоровичъ, что ежели да ваше дѣло, — а

какое оно, Богъ его знаетъ, — рѣшать какъ-нибудь не такъ, или паче чаянiя къ какой ни на есть бѣдѣ приговорять васъ, хоть бы вотъ этакъ только остаться на всю жизнь, какъ вы есть теперь, некрутомъ, ну, что жъ не хорошо... Такъ ужъ лучше тогда, по нашему, вамъ взять да и бѣжать...

— Мнѣ бѣжать?...

— Да, да, Петръ Федоровичъ, бѣжать, другаго нечего дѣлать. Мы ужъ и придумали какъ и куда. Намѣднн мы гуляли съ Фанни Алексѣевной по пристани, кораблей тьма тмушая, невѣсть откуда ихъ наѣхало. Барышня-то ходила, ходила, смотрѣла, смотрѣла, да и высмотрѣла и корабль, а на кораблѣ и матроса знакомаго. Не говоря ни слова на лѣсенку, да и къ нему. «Кто ты?» — Матросъ. «Откуда?» — Издалеча. — «Кто хозяинъ?» — Да теперь Брантъ...

— Брантъ?...

— Да Брантъ, Петръ Федоровичъ. Да что съ вами, вы какъ-будто вдругъ поблѣднѣли?

— Ничего, ничего, Параша.... Дальше...

— Дальше, Петръ Федоровичъ, Фанни Алексѣевна и подумала, послѣ ужъ нашего разговора, объ васъ: а что, если бы они, дескать, взяли его съ собою, въ случаѣ надобности, вѣдь не дурно бы; да и ну опять спрашивать матроса: давно ли они здѣсь, съ чѣмъ пріѣхали, какъ торговали, все по ихнему, Петръ Федоровичъ; Фанни Алексѣевна еще не отвыкла, — да долго ли еще тутъ пробудутъ?

— Ну, ну, Параша...

— Да что съ вами дѣлается, Петръ Федоровичъ? Ну, что ну?...

— Долго ли они тутъ пробудутъ?...

— Дней десять, сказали, да ужь этому будетъ недѣля.....

— Недѣля? Время еще не потеряно!... сказалъ въ сильномъ волненіи Петръ Ѳедоровичъ, и вскочилъ съ мѣста: Параша! молчи объ этомъ, молчи обо всемъ, что выдумали вы съ Фанни... Молчи, если любишь ее, твою барыню, если любишь меня, Параша.... Вотъ бумаги, возьми ихъ, спрячь сюда, за пазуху, отнеси къ тетушкѣ и скажи, чтобы сейчасъ же ѣхала къ губернатору и подала ихъ отъ моего имени, прибавь, что отъ этого зависитъ судьба моя, что каждая минута медленности можетъ быть моимъ несчастіемъ, понимаешь ли Параша? Теперь ступай...

— Такъ прощайте, Петръ Ѳедоровичъ...

— Ступай, ступай скорѣе...

И почти насильно Петръ Ѳедоровичъ выпроводилъ Парашу.

— Слово и дѣло! сказалъ онъ потомъ, обратившись къ вошедшему офицеру: слово и дѣло къ самому губернатору; доложите господинъ офицеръ.

— Но губернаторъ занятъ теперь....

— Господинъ офицеръ, нѣтъ занятія выше дѣла о жизни, чести и спокойствіи челоуѣка. Доложите, господинъ офицеръ.

Черезъ полчаса Петра Ѳедоровича позвали къ губернатору; въ то же время доложили и о пріездѣ вдовы, бригадирши Анны Ивановны Гельмерсонъ. Для спасенія племянника не полѣгнлась, не пощадила себя тетушка. Да и для кого не сдѣлала бы того же самаго эта добродѣтельная старушка.

Трудно было бы повѣрить, что это чужое добро и ближняго кровь такъ въ прокъ пошли, гля-

дя на толстое брюхо и красную рожу Киндергука, подъ кличкою Бранта, сидѣвшаго въ кругу своихъ собесѣдниковъ, въ одномъ изъ маленькихъ ревелскихъ клубовъ. А все портеръ, утучняющій портеръ: онъ удобрилъ чрево и задобрилъ совѣсть Киндергука....

— Патрикъ! портеру, да побольше, сказалъ подложный Брантъ, потирая съ чувствомъ руки: одной бутылкой не вспѣнишь моря и не разшевелишь вѣтра, а они намъ нужны съ завтрашняго утра.

— Вѣтру давай Богъ, но ужъ моря-то пѣнить не длячего, возразилъ одинъ изъ пассажировъ: всё-таки лучше, когда оно по-спокойнѣе.

— Эхъ, сударь, ѣдете на край свѣта, а думаете о переулкѣ, гдѣ живетъ ваша любезная.... Волны боится; какой это морякъ!... Нью-Йоркъ-то не рукой подать.... готовьтесь и къ бурѣ, и къ штилю, и къ голоду и холоду, а можетъ-быть еще и на завтракъ какой-нибудь акулъ....

— Акулъ! Ни за что, — я не ѣду, господинъ Брантъ....

— Ха! ха! ха! ужъ онъ испугался! Патрикъ, налей господину, авось будетъ смѣлѣе....

— А что, господинъ Брантъ, спросилъ другой изъ собесѣдниковъ: далеко до вашего Нью-Йорка?

— Да какъ сказать, господинъ Кноть, въ вашъ Ревель больше разу въ годъ не съездишь....

— А давно ужъ вы тутъ снуете взадъ и впередъ, господинъ Брантъ?

— Не такъ давно, господинъ Кноть; года два не больше.

— Года два только? Ну, это дѣло другаго рода, а то вѣдь и наскучить.

— Наскучить! хе! хе! хе! Видно, у васъ очень много денегъ, господинъ Кноть, что ужъ и скучно даже хлопотать изъ-за нихъ..... А мы такъ не изъ богатыхъ, батюшка, и не поскучаемъ никогда прошляться хотъ на край свѣта, хотъ на дно морское, лишь бы добыть копѣйку. Изъ копѣекъ рубль....

— Дѣльно, дѣльно, Брантъ, сказали нѣкоторые изъ собесѣдниковъ: изъ копѣекъ рубль....

— Изъ рубля, два, прибавилъ особнякомъ Фирбсъ, и думалъ что очень умно прибавилъ....

— Да развѣ я противъ этого? началъ снова Кноть: хорошо господину Бранту подшучивать: самъ большой, самъ хозяинъ, самъ можетъ и рискнуть и промыслить; а тутъ что станешь дѣлать? Не везетъ! Хотъ умирай прикащикомъ....

— Прикащикомъ? подхватилъ мнимый Брантъ: да кто же изъ насъ не былъ имъ; главное, какимъ прикащикомъ.... Служи правдой хозяину, радѣй объ его интересъ, — изъ благодарности не забудеть, а судьба, въ награду, и самого дотянетъ до хозяйскаго званія....

— Какъ солнце, какъ мѣсяцъ, ясно....

— Какъ мои вѣсы, вѣрно....

— Какъ любское право, справедливо....

— И какъ мѣтко въ Кнота....

— Самъ виновать! самъ виновать....

— Дѣльно....

— Стойте! стойте, братцы! накрылъ торжественно Брантъ эти похвалы ему и колкости, посыпавшіяся на Кнота: я не хочу ни споровъ, ни ссоры. Господинъ Кноть помогъ мнѣ сбыть пеньку

и потому малый славный. Патрикъ! Чашу съ пуншемъ, на мировую и на прощанье!...

— Bravo! bravo, Брантъ! закричали одни. Vivat! vivat, Брантъ! подхватили другіе, — и небольшое общество загороднаго клуба одушевилось неожиданно и шумно.

Давно, въ углу той же комнаты, въ черномъ длиннополомъ сюртукѣ, въ очкахъ, въ самой скромной прическѣ, сидѣлъ какой-то человекъ незнакомый, ни Бранту, ни его собесѣдникамъ, и, по-видимому въ самомъ беззаботномъ расположеніи духа, пилъ пиво, курилъ сигару и перелистывалъ Morgen-Blatt. Брантъ и его гости только и замѣтили незнакомца, когда вошли; но потомъ, въ споръ, разговорахъ, послѣ нѣсколькихъ стакановъ портеру, и позабыли все объ немъ. Но незнакомецъ, какъ-бы напротивъ, именно и сталъ только тогда обращать на нихъ вниманіе, когда они потеряли его изъ виду, и хозяинъ общества былъ, кажется, главною мѣтою. Изъ-за облаковъ дыму своей сигары, перелистывая журналъ, постукивая стаканомъ, онъ не терялъ ни одного движенія Бранта, не проронилъ ни одного слова и даже закусилъ губу, чтобы не улыбнуться, услышавъ его выходку о прикащикъей вѣрности....

Но въ это время внесли чашу съ пуншемъ. Собесѣдники стихли, какъ-бы изъ уваженія къ пламеньющему фаросу разгульной жизни, а незнакомецъ всталъ и вышелъ. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ снова появился въ дверяхъ, но уже не одинъ, а съ товарищемъ, также незнакомымъ обществу Бранта, и въ ту самую минуту, какъ Брантъ взялъ ложку, чтобы разлить по стаканамъ пуншъ собесѣдникамъ, незнакомецъ крикнулъ: сюда, сюда,

Фанъ-Остадъ!... и втокнулъ товарища въ боковую комнату. Мнимый Брантъ, какъ ни свылся съ своимъ преступленіемъ, но при имени Фанъ-Остада вздрогнулъ и выронилъ ложку. Новые гости услылись за поданный ужинъ, но такъ, что первый только незнакомецъ былъ видѣнъ, а товарищъ его точно какъ-бы спрятался за дверь. Напрасно заглядывалъ Брантъ, прислушивался. Кромѣ веселыхъ, безпечныхъ выходокъ, кромѣ живыхъ огненныхъ глазъ того изъ собесѣдниковъ, который сидѣлъ противъ него и разыгрывалъ роль аментріона, онъ ничего не встрѣчалъ и не слышалъ. Странно и страшно показалось Бранту, однако жъ, скрывая свое смущеніе, онъ разлилъ по стаканамъ пуншъ, вмѣшался въ шумъ и говоръ своихъ гостей, хотя ухомъ и исподтишка глазами былъ все-таки по-прежнему въ прилегающей комнатѣ, у стола таинственныхъ собесѣдниковъ. Незнакомецъ говорилъ и по-русски, и по-нѣмецки, и по-голландски, но такъ правильно, бойко, чисто, что трудно было бы угадать, который изъ этихъ трехъ языковъ былъ его природнымъ. И притомъ такъ ясно, громко, что всѣ его анекдоты, шутки, вопросы и отвѣты, можно было слышать не только въ соседней, но и во всѣхъ комнатахъ. Зато товарищъ его вовсе или не говорилъ или такъ тихо, что и Брантъ ничего не могъ подслушать, хотя главный смыслъ разговора былъ и безъ того достаточно понятенъ. Таинственный незнакомецъ какъ-бы бесѣдовалъ за двоихъ и изъ его вопроса всегда можно было догадаться, что отвѣчалъ другой, или наоборотъ, о чемъ онъ спрашивалъ на отвѣтъ его. Всю эту мистификацію прикрывали какъ нельзя исправнѣе, тосты, чеканье,

опорожненные стаканы и бутылки; но уже совершенно сдѣлало ее не мистификаціею для озадаченнаго Бранта восклицаніе, или, правильнѣе, воззваніе незнакомца: Чтѣ, Фанъ-Остадъ, не выдержалъ, напился, дремлешь, спишь?... Не хочешь ли теперь поискать Киндергука?... А, чтѣ?... Найдешь.... Ха! ха! ха! найдешь.... Да я думаю, покажи тебѣ его лицомъ къ лицу, такъ ты не узнаешь.... Узнаешь?... Ха! ха! ха! Ну, да, узнаешь!... Спи пока, а я посмотрю, что дѣлается въ залѣ, тамъ, кажется, такъ же раскутились....

И незнакомецъ, шатаясь, вышелъ къ Бранту и его собесѣдникамъ.

Брантъ былъ блѣденъ, какъ полотно, не пилъ пуншу и, ссылаясь на сильную головную боль, брался уже за шапку.

Незнакомецъ, хоть и пьяный, по-видимому, не пропускалъ ни одного его движенія. Брантъ всталъ, простился съ гостями, расплатился съ трактирщикомъ и вышелъ; незнакомецъ, не считая, оставилъ на столѣ кошелекъ, вернулся въ комнату, взвалилъ товарища на плеча и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ въ слѣдъ за Брантомъ.

Странно показалось поведеніе незнакомца оставшимся еще гостямъ Бранта, въ особенности, его щедрость, притворное, какъ оказалось, опьяненіе и наконецъ, какъ-бы преслѣдованіе ушедшаго ихъ собесѣдника; но послѣдняя выходка съ упившимся своимъ товарищемъ, эта группа живаго человѣка, почти съ мертвымъ трупомъ, разсѣяло всѣ сомнѣнія: всѣ рѣшили въ одинъ голосъ, что онъ съумасшедшій и расхохотались.

Ночь была темная; накрапывалъ дождикъ. Близъ

ко было Бранту, но отъ волненія ли внутренняго, или отъ темноты, никогда эта дорога не казалась ему такою длинною. Ноги его какъ-то скользили, подкашивались, оступались, а въ головѣ такъ и ходили обрывки разговора незнакомца вмѣстѣ съ хмвлемъ и воспоминаніями о прошедшей жизни.

«Быть не можетъ», думалъ онъ: «неужели ожилъ Фанъ-Остадъ?... Неужели рука моя дрогнула, а товарищи-то..... Нѣтъ, нѣтъ, быть не можетъ!....»

Въ эту минуту на другой сторонѣ узкой улицы послышались шаги и мелькнула огромная фигура чело­вѣка; Брантъ, или Киндергукъ, встревожился и остановился, но фигура опередила его и исчезла. Долго всматривался Брантъ, прислушивался; ничего не было ни видно, ни слышно. Брантъ пошелъ дальше, своей дорогой, а черныя его думы, своей.

«Но откуда же эти подробности, это случайное сходство въ именахъ? Ну, пускай, онъ Фанъ-Остадъ: отчего непременно у него есть такой же, какъ я, Киндергукъ?... И онъ ищетъ этого Киндергука, преслѣдуетъ, какъ видно.... Нѣтъ, нѣтъ! Скорѣе прочь отсюда... Завтра же... А то тутъ, какъ разъ еще встрѣтишься съ знакомыми съ того свѣта... Громъ, молнія! Чтò это?»

И ужъ не мысленно, а громкимъ голосомъ закричалъ Брантъ, споткнувшись на чтò-то и растянувшись у самаго входа къ пристани. И въ ту же минуту, какъ-бы въ отвѣтъ на его восклицаніе, отозвался кто-то тихимъ, умирающимъ голосомъ: Киндергукъ! Киндергукъ! Не дави меня, не мучь еще больше, развѣ мало ножа?....

— Адъ и демоны! закричалъ Брантъ, вскакивая,

и бросился—было бѣжать, но голосъ раздался снова:

— Киндергукъ! Киндергукъ! не покидай меня одного, не бросай въ чужой земль; снеси, хоть тѣло мое на родину, Киндергукъ! Я прошу тебя, похорони только меня.

— Замолчишь ли ты неугомонный старикъ! закричалъ, вернувшись, Брантъ: я похороню тебя.

И схвативъ, по его мнѣнію, живой еще трупъ Фанъ-Остада съ того самаго мѣста, гдѣ онъ нѣкогда думалъ, что зарѣзалъ его, Киндергукъ побѣжалъ къ вырытому въ близости доку. Въ это самое время показались, изъ-за угла той же улицы, нѣсколько человѣкъ и бросились въ-слѣдъ за Киндергукомъ. Оставалось нѣсколько шаговъ до дока; Киндергукъ добѣжалъ уже до рѣшетки, поднялъ съ большимъ усиліемъ свою жертву и былъ готовъ бросить ее въ воду, но въ эту минуту жилистые руки схватили его сзади и надъ ухомъ Киндергука раздался знакомый голосъ:

— А! душегубецъ! Знаешь, куда прятать концы? знаешь, какъ справляться, хоть съ мертвой, но всё-таки уликой..... Вязать его! Вязать, ребята!

И незнакомецъ, который былъ никто иной, какъ губернаторскій сыщикъ, самъ началъ первый крутить руки Киндергуку.

Преступникъ стоялъ, какъ ошеломленный, и смотря на выпущенную уже жертву, шепталъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: — Не брошу, Фанъ-Остадъ, не брошу! Разгони только ихъ, разгони нечистыхъ.

Сыщикъ, расхохотавшись, думалъ—было разрушить суевѣрную мысль Киндергука, толкнулъ ногой мнимого Фанъ-Остада и кукла покатила, оста-

вивъ слѣдъ мочаль и охлопокъ. Но напрасно: суетвѣріе уступило мѣсто еще ужаснѣйшему состоянію души чловѣка: Киндергукъ вдругъ обезумѣлъ и, взглянувъ на куклу, рванулся—было къ ней съ воплемъ: «Похороню, похороню, Фанъ-Остадъ! Закрой только, закрой твои тяжкія раны!»

Переодетые драгуны сдѣлали свое дѣло, связали и повели несчастнаго.

И долго еще послѣ показывали въ ревельскомъ домѣ сумасшедшихъ чловѣка, который возился съ куклой и затыкалъ, чѣмъ попало, прорѣхи и дыры, приговаривая: «Похороню, похороню, Фанъ-Остадъ! Закрой только твои тяжкія раны!»

Давно уже была отправлена въ Петербургъ летучка съ «самонужнѣйшимъ» отъ ревельскаго губернатора. Необычайность казуса, стеченіе небывалыхъ обстоятельствъ, даже послѣдняя ловкая выходка его сыщика все, показалось губернатору достойнымъ идти не обще-принятымъ, обыкновеннымъ путемъ судопроизводства, а экстреннымъ, на который, какъ областной начальникъ вновь прибрѣтеннаго края, онъ имѣлъ полное и законное право. Докладъ былъ посланъ въ собственные руки министра, канцлера Безбородко, на высочайшее благоусмотрѣніе Государыни Императрицы.

Прошло болѣе мѣсяца. Губернаторъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта, хотя и неудовлетворительнаго;

даже, можетъ-быть, замѣчанія и выговора, по его соображеніямъ, но не говорилъ объ этомъ никому, ни своему секретарю, ни безпрестанно навѣщавшей его Аннѣ Ивановнѣ.

Каждый день пріѣзжала справляться добрая старушка, спрашивая: «Нѣтъ ли чего-нибудь новенькаго, ваше превосходительство, скажите?» И каждый разъ, получая въ отвѣтъ одно и тоже короткое «нѣтъ», возвращалась домой грустная, печальная, даже брюзгливая, какъ-бы не прежняя Анна Ивановна.

Семья родственниковъ ея мужа, вмѣстѣ съ Фанни старались наперерывъ утѣшить свою благодѣтельница. Напрасно. Въ отвѣтъ на все эти ласки, предупредительность и стараго и малаго, врозь и гурьбой, только и слышно было: «Петруша! милый мой Петруша! Чтò-то съ нимъ будетъ!» Потомъ вздохи, оханье и наконецъ, заканчивали все слезы, и самыя горькія слезы.

Скорѣе можно было разсердить Анну Ивановну въ ея разстроенномъ, душевномъ состояніи, чѣмъ утѣшить, и то было полезно. И никому не удавалось это такъ искусно, какъ Парашъ, и день и ночь переранивавшей съ кухаркой, съ которой не поладила съ самаго пріѣзда.

Разъ, какъ-то, Анна Ивановна не повхала утромъ къ губернатору отъ сильной головной боли. Оставшись дома, она, по обыкновенію, сидѣла и плакала. Малютки-дѣти, сами не зная отъ чего и почему, ютились около нея и цѣловали ей руки. Фанни разрывалась, смотря на горе своей благодѣтельница. Добрые старики, Нѣмецъ и Нѣмка, сидѣли въ груст-

ной задумчивости. Вдруг послышался шумъ въ кухнѣ.

— Опять повздорило ханово племя.... Что будешь съ нимъ дѣлать? сказала Анна Ивановна и, бросивъ платокъ, которымъ утирала слезы, пошла, разсердившись, прямо на шумъ. Отворила дверь и что же? Кухарка тянетъ за одну ногу гуся, а Параша за другую, и бѣдный гусь потому только не кричить, что мертвый.

— Что вы это? А! Парашка?....

— Да чего, сударыня, щипать не умѣеть: я ей указала, а она и взбѣленилась.

— Да какое тебѣ дѣло? Ты всегда начинаешь ссору, всегда первая браниться!....

— Помилуйте, сударыня, когда жъ я бранилась? Я только ей сказала: цѣпная собака, а она меня и шельма-то, и каналья.... Кто же бранится?

Анна Ивановна не выдержала и расхохоталась. Въ эту минуту подъѣхала коляска къ подъезду.

«Губернаторъ! губернаторъ пріѣхалъ!» раздалось въ передней и огласилось по всемъ комнатамъ. «Губернаторъ! губернаторъ!» закричали дѣти и, побѣжавъ за Анной Ивановной, потащили ее за платье изъ кухни. Она хотѣла-было поклониться дѣйствительно вошедшему губернатору; но, увидѣвъ сзади его Петра Федоровича, обомгѣла и не знала, что дѣлать, радоваться или плакать. Напрасно она хотѣла прочесть въ глазахъ подсудимаго рѣшеніе его участи: Петръ Федоровичъ зналъ о томъ столько же, сколько и она. Губернаторъ послалъ за нимъ, посадилъ съ собою въ коляску и, не сказавъ ни слова, привезъ къ тетушкѣ.

— Батюшка, ваше превосходительство! восклик-

нула, наконецъ образумившаяся, Анна Ивановна: что случилось? что привезли вы: горе или радость?

— Милость, Анна Ивановна, милость монархини! сказала торжественно губернаторъ.

И, вынувъ изъ кармана свой докладъ, прочелъ на поляхъ написанное рѣшеніе: «Гдѣ Богъ караетъ, тамъ молчатъ законы человѣческіе. Злодѣи не ушли отъ суда Божьяго. Подсудимому Петру Ѳедорову Липину самому свой проступокъ загладить представляется.»

Всѣ слушатели упали на колѣни, молились, плакали, потомъ повторяли милостивое рѣшеніе Монархини, наконецъ, какъ-бы вспомнивъ виновника и горя и радости, всѣ бросились въ тотъ уголь, гдѣ стоялъ Петръ Ѳедоровичъ. Первый хватился самъ губернаторъ, за нимъ Анна Ивановна, но Петра Ѳедоровича не было; слышны были только слова его съ послѣднихъ ступенекъ лѣстницы: «Заглажу, Государыня! Клянусь Богомъ и честью Русскаго, заглажу!»

—

Тревожно проснулись жители Ревеля перваго Мая 1790 года. Давно уже не было слышно и заревой пушки съ кровянаго вала, а вдругъ загудѣла въ ушахъ цѣлая канонада.

Чичаговъ справлялся съ Шведомъ.....

— Не проглотятъ насъ, не проглотятъ! кричалъ храбрый адмиралъ, смотря на подвинувшуюся уже шведскую армаду: даромъ что изъ мною, Богъ за-

щитникъ мой! И открылъ сильную пальбу съ своего любимаго *Ростислава*.

Шведскій флотъ, состоявшій изъ дватцати трехъ кораблей и осьми фрегатомъ, спустившись на однихъ верхнихъ парусахъ, при попутномъ вѣтрѣ, быстро вплылъ въ ревелскую рейду, и думалъ задавить нашу малочисленную флотилію, но канонада съ *Ростислава* уже охладила храбрость шведскихъ героевъ.

— Не давать имъ опомниться! закричалъ снова *Чичаговъ*, и съ *Ростислава* передалась и заревѣла канонада по всему флангу.

Шведы, какъ нарочно, вытягивались въ линію на убой. Потеря и порча сопровождала каждый ихъ шагъ, каждое движеніе, наконецъ, наскучивъ неожиданнымъ пораженіемъ вмѣсто побѣды на вѣрное, вице-адмиральскій шведскій корабль, какъ на выскочку, поровнявшись съ *Ростиславомъ*, сѣкнулся съ нимъ, но еще не такъ плотно, какъ бы желалъ *Чичаговъ*, и картечный залпъ съ шканцевъ, перебивъ кучу людей, сокрушивъ гротъ и форъ-стенги, принудилъ его удалиться со срамомъ.

Болѣе трехъ часовъ продолжалось уже дѣло. Шведы нѣсколько разъ наседали на насъ всеми своими силами, но видя наконецъ невозможность разорвать наши линіи, не только взять, или сдѣлать какой-нибудь вредъ Ревелю, тѣмъ же порядкомъ ушли одинъ за однимъ и стали за островами *Наргеномъ* и *Вульфомъ*.

Сильно было встребленіе непріятельское, но еще сильнѣе была ихъ надежда на непремѣнную побѣду. За ужиномъ у *Чичагова* пльнные офицеры, взятые вмѣстѣ съ однимъ кораблемъ, который съѣзъ на

мель во время дѣла, рассказывали, что они даже заготовили визитныя карточки для жителей Ревеля.

«Что дѣлать! что дѣлать! отвѣчалъ храбрый адмиралъ: вы ошиблись въ расчетъ; на все воля Великаго Хозяина міра....»

Такъ отшучивался доблестный начальникъ, угощая своихъ пльннхъ и дѣтой, какъ называлъ онъ обыкновенно сподвижниковъ-героевъ.

— Большая потеря, большая потеря, говорилъ онъ, выходя подвечеръ на верхній декъ своего Ростислава и, обращаясь къ нѣкоторымъ офицерамъ: не побранили бы насъ.... А вамъ, господинъ докторъ, много работы?

— Довольно-таки, ваше превосходительство.

— Есть тяжело раненые?...

— Одинъ отчаянный....

— Кто такой?

— Рядовой, Петръ Липинъ.

— Липинъ?...

— Да, ваше превосходительство; врядъ-ли вынести: руки какъ не бывало.

— Жаль бѣдняка, продолжалъ адмиралъ съ участіемъ: а все рука, эта шалуныя рука.... напроказничала за живо, хочетъ нашутить и смертью.... Жаль, жаль, если умретъ Липинъ: онъ уже загладилъ свой проступокъ и заслужилъ милость царскую. Послушайте, докторъ, я вамъ скажу по секрету....

И адмиралъ нагнулся на ухо доктору: — Мнѣ хотѣлось бы, докторъ, чтобы вы спасли его....

— Но, ваше превосходительство....

Чичаговъ отвернулся и ничего ужъ не слушалъ.

И прекрасно сдѣлалъ.

Крѣпкое сложеніе Петра Федоровича разрушило

всѣ сомнѣнія доктора и исполнило желаніе добраго адмирала лучше всѣхъ средствъ эскулапа. Черезъ полгода, отставной мичманъ Липинъ сидѣлъ живехонекъ съ молодою женою въ своей семьѣ и, удерживая рѣзвую Фанни, которая увивалась около него, приговаривалъ посмѣваясь: «Тише, тише, Фанни, не тревожь шалуны; я хотѣлъ бы вовсе позабыть объ ней....»

П. Каменскій.

=

ЛУНА И СТИХИ.

КИТАЙСКАЯ КОМЕДИЯ, ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

*основанная на истинномъ произшествіи, написанная
въ Кяхтѣ и доставленная въ Петербургъ въ чайномъ
лицкѣ.*

—
юА

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ, богдоханскій казначей, экзаменованный наиверней.

ЮЙ-ЛАНЬ, его дочь.

ЦЯ, горничная.

ИХУ-ДИНЬ-ДИНЬ } стихотворки, мен-
КОНЬ-ФУ-ДЗИНЬ } ди Юй-лани.

МІАО-МІАО

МННЬ-ДЖАНЬ, капитанъ полка барсовъ.

ЦИНЬ-ЦИНЬ-ДЗИНЬ, главный астрономъ при богдоханской обсерваторіи.

СЫ-ЧУАНЬ, Глазъ или оберполковнейстеръ пекинскій.

ГЛАНТАЙ.

Шесть помощниковъ астронома.

Стража.

Дѣйствіе происходитъ въ Пекинѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ. Въ сторонѣ бесѣдка.

ЮЙ-ЛАНЬ и ЦЯ, гуляютъ.

ЮЙ-ЛАНЬ, въ неприятномъ расположеніи духа, склоняя голову то на одну, то на другую сторону, шиплетъ пѣвотокъ, который держитъ въ рукахъ, и вздыхаетъ.

Ахъ!...

Ця, идетъ въ двухъ шагахъ позади ея.

Вамъ скучно, сударыня?

Юй-лань.

Ахъ!...

Ця, подходите ближе.

Не прогнѣвайтесь, сударыня...: право, я не изъ любопытства спрашиваю.... пожалуйста, не сердитесь.... О чемъ вы это вздыхаете? Чтѣ съ вами сдѣлалось? Ужъ не больны ли вы? Вѣдь вы — моя госпожа, прелестная Юй-лань, дочь высокостепеннаго мандарина, великаго казначея Вынь-ченъ-дзы, а я — ваша нижайшая раба и горничная, Ця: я по естественному порядку вещей должна быть повѣренной всѣхъ вашихъ тайнъ. Такъ скажите же мнѣ, сударыня, о чемъ вы такъ тяжело вздыхаете? Право, я не изъ любопытства спрашиваю....

Юй-ла.

Ахъ, я знаю, милая Ця, ты очень добрая дѣвушка, но....

Ця.

Но....

Юй-лань.

Но ты не можешь помочь моему горю.

Ця.

Почему знать, можетъ-быть и помогу. Если жъ нѣтъ, такъ мы вмѣстѣ съ вами придумаемъ что-нибудь. А не придумаемъ, такъ вмѣстѣ поплачемъ. Во всякомъ случаѣ вы по-крайней-мѣрѣ душу облегчите, когда раздѣлите печаль со своею вѣрною рабой.

Юй-лань.

Ты знаешь, что батюшка хочеть выдать меня замужъ....

Ця.

Чтѣ жъ, развѣ это бѣда?

Юй-лань.

Конечно, потому-что я не люблю тѣхъ, за кого онъ меня выдаетъ.

ца.

Тѣхъ? Развѣ онъ выдаетъ васъ за нѣсколькихъ вѣругъ?

юй-лань.

Ахъ, какая ты несносная болтушка! Я разсержусь на тебя....

ца.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не сердитесь, сударыня! Вѣдь я пошутила!

юй-лань.

Какъ можно такъ шутить!...

ца.

Простите, простите, сударыня! Я вамъ ручки поцѣ-
лую, простите!

юй-лань.

Ну.... ты знаешь, что ко мнѣ сватаются три жени-
ха, — вотъ тѣ, что были вчера у батюшки. Они всѣ
трое ученые, всѣ трое одного чина и всѣ трое стихо-
творцы. Батюшка всѣхъ ихъ одинаково любитъ, и хо-
четъ, чтобы я непременно вышла за одного изъ нихъ.
Онъ велѣлъ—было мнѣ самой выбрать любого жениха,
но я ихъ всѣхъ тронхъ терпѣть не могу, такъ какъ
же мнѣ выбирать? Я сказала, что не могу. Вотъ ба-
тюшка и придумалъ другое средство. Женихи всѣ трое
сочинители, стихотворцы, такъ онъ и предложилъ, что-
бы каждый написалъ стихи, какъ на экзаменъ для по-
лученія ученой степени, и кто лучше другихъ напи-
шетъ, тотъ и получить мою руку. Батюшка большой
знатокъ въ стихахъ; онъ самъ будетъ экзаменаторомъ.
Сегодня назначено испытаніе. Сегодня рѣшится моя
участь, и я буду принадлежать одному изъ этихъ ду-
раковъ....

ца.

Помилуйте, сударыня, какъ можно такъ бранить со-
чинителей?

ЮИ-ЛАНЬ.

Они того стоятъ, милая. Ты не повѣришь, какой это несносный народъ!

ЦЯ.

За что же вы такъ не любите ихъ?

ЮИ-ЛАНЬ.

За то, что они пишутъ ко мнѣ стихи, вздорные, пустые, стихи, которые не стоятъ этого общипаннаго цвѣтка. (Бросаетъ цвѣтокъ.)

ЦЯ.

Что вы, сударыня! За то, что пишутъ стихи? Да вѣдь это очень мило, прелестно! Ахъ, я очень люблю стихи! Если бъ Сань-чу, нашъ садовникъ, — который общаетъ жениться на мнѣ, — умѣлъ писать стихи, я полюбила бы его въ-десятеро больше теперешняго. Ахъ! я часто мечтаю, какъ бы это было пріятно, чудесно, когда бы мой женихъ стихами пропѣлъ мнѣ нѣжное признаніе въ любви!... Право, если какой-нибудь ученый или студентъ напишетъ мнѣ посланіе, хорошенькіе стихи... тогда.... я не знаю, что со мною будетъ.... я думаю, я измѣню своему Сань-чу!

ЮИ-ЛАНЬ.

Фи! какъ тебѣ не стыдно, Ця?

ЦЯ.

Ахъ, сударыня, мнѣ кажется, что на свѣтѣ нѣтъ ничего прекраснѣе ученаго, который умѣетъ сочинять стихи! Я не понимаю, за что вы ихъ ненавидите.

ЮИ-ЛАНЬ.

Я тебѣ сказала, что именно за стихи. Нынче ни одна порядочная дѣвушка во всей Поднебесной Имперіи не читаетъ сочиненій этихъ господъ.

ЦЯ.

Отчего же?

ЮИ-ЛАНЬ.

Оттого что они ужасно скучны, оттого что всѣ эти господа пишутъ на одинъ ладъ; у всѣхъ одна и та же

замашка, однѣ и тѣ же предметы, однѣ и тѣ же выраженія, даже однѣ и тѣ же рѣмы; у всѣхъ однѣ и тѣ же поношенныя, истертыя мысли и чувства или, правильнѣе, вовсе нѣтъ ни мысли ни чувства, — а про умъ и говорить нечего. Ну, что можетъ быть умнаго въ этихъ сотняхъ тысячъ посланій къ Дѣвѣ, къ Ней, къ Лунѣ, къ Поэту, къ Демону и къ Генію; въ этихъ описаніяхъ тоски, нѣги, кудрей и разочарованій, на которыхъ наши стихотворцы каждый день портятъ столько бумаги? Вездѣ тѣ же жалобы, Богъ знаетъ, на кого и на что; у всѣхъ то же разочарованіе, та же пустота и ледъ въ сердцахъ, адъ въ груди, раскаленная лава клокочетъ въ крови. Какая умная дѣвушка рѣшится выйти замужъ за такого господина, у котораго сердце пустое, у котораго пустое сердце набито льдомъ, какъ погребъ! А вѣдь все лгутъ, прикидываются. Наконецъ, когда такой господинъ увидитъ, что его не слушаютъ и не читаютъ, онъ разсердится, и тогда совсѣмъ бѣда. Онъ становится «непонятнымъ» поэтомъ, и тотчасъ садится писать жалобы, стихи къ самому себѣ, къ поэту; тутъ онъ начинаетъ браниться; грозитъ раздавить, уничтожить весь міръ, всѣхъ людей, и не уничтожаетъ только потому, что презираетъ все и всѣхъ, и съ сожалѣніемъ смотритъ на презрѣнную толпу, которая его не слушаетъ и не понимаетъ.

пн.

Ахъ, Боже мой! какія страсти—ужасти! Но, скажите, сударыня, отчего же у сочинителей бываетъ ледъ въ сердцахъ и адъ въ груди?

кой-гавъ.

Оттого что у нихъ въ головѣ туманъ, а иногда и совсѣмъ пусто.

пн.

Вотъ чудеса! Я что-то не совсѣмъ понимаю.

ЮИ-ЛАНЬ.

Прочитай по-больше стиховъ, такъ поймешь.

ИЯ.

Однако жъ, я всё-таки думаю, что быть за-мужемъ за сочинителемъ — очень интересно. Хотѣлось бы по-крайней-мѣрѣ попробовать....

ЮИ-ЛАНЬ.

Не совѣтую: это очень скучно.

ИЯ.

Почему жъ вы знаете? Развѣ вы испытали?

ЮИ-ЛАНЬ.

Жениховъ испытала, а мужей еще нѣтъ. Но мнѣ рассказывали подруги, особенно маленькая Дзю-хоа, что вышла за того толстоголового мандарина, котораго ты иногда видала у батюшки. Ужасный человекъ! Дзю-хоа говорить, что онъ и день и ночь пишетъ стихи.

ИЯ.

И день и ночь! Ну, этого слишкомъ много. Ужъ пусть бы днемъ, а ночью-то зачѣмъ писать?

ЮИ-ЛАНЬ.

Такая ужъ страсть. Онъ совсѣмъ измучилъ бѣдную жену: безпрестанно заставляетъ слушать свои стихи, и сердится, когда она дремлетъ при его чтеніи. Сверхъ-того, онъ очень скоръ на любовь: чуть только увидитъ гдѣ-нибудь женщину или дѣвушку, тотчасъ пишетъ стихи подъ заглавіемъ «къ Дѣвѣ», — если она дѣвушка, — или просто «къ Ней», — если замужняя, — и начинаетъ описывать, какъ его терзаютъ страсти, какъ въ пемъ влокочетъ кровь....

ИЯ.

Ну, вотъ это въ самомъ дѣлѣ не хорошо!

ЮИ-ЛАНЬ.

Да, бѣдная Дзю-хоа сначала совсѣмъ отчаявалась. Насилу я ее увѣрила, что это все вздоръ, пустяки, не стоитъ беспокоиться.

цѣ.

Какъ такъ ?

Юй-лань.

Да такъ; оттого что ея мужъ лжетъ, какъ и всѣ другіе. Этими господами нѣкогда и влюбиться порядочно: у нихъ все время уходитъ на дѣланіе стиховъ. Какая же тутъ опасность для жены? Только скука, потому-что они всѣ старье болтають.

цѣ.

Какъ все старье ?

Юй-лань.

Я тебѣ сейчасъ говорила, что они повторяють одно и то же: чтѣ одинъ сказалъ, то и другіе всѣ говорятъ. Дзю-хоа не знала этого: она очень мало читала чужихъ стиховъ, потому-что ей жестоко надоѣли свои, домашніе; она не знала, что стихи, которыми нынѣшніе сочинители описываютъ себя, свое очарованіе и разочарованіе, свои страсти и своихъ дѣвъ, выдуманы въ глубокой древности, семь тысячъ лѣтъ назадъ. Тогда это было ново и хорошо, а теперь стало старо и до крайности пошло.

цѣ.

Скажите! Я также не знала этого. Покорно васъ благодарю, сударыня; вы сегодня многому научили меня.

Юй-лань.

Погоди, я тебя еще совсѣмъ вылечу отъ страсти къ стихамъ.

цѣ.

Какъ! Развѣ это болѣзнь?

Юй-лань.

Конечно, болѣзнь, и очень опасная: ты можешь такъ пристраститься, что сама начнешь писать вздоръ стихами.

цѣ.

Не можетъ быть! Но какъ же вы меня вылечите?

Юй-лань.

У меня есть много собраній стихотвореній, и новыхъ и старыхъ. Я тебѣ прочитаю нѣсколько..... или нѣтъ, ты скоро уснешь, когда будешь только слушать; притомъ, мнѣ самой всегда дѣлается дурно отъ этихъ стиховъ. Я лучше тебя заставлю читать, а сама сяду въ другой комнатѣ и запру дверь, чтобы слышать только твой голосъ, безъ словъ, которыя мнѣ такъ надоѣли. И я ручаюсь, что, когда прочтешь двѣ-три книжки, ты получишь такое же отвращеніе отъ стиховъ, какъ я, и тогда будешь совсѣмъ здорова.

Ця.

Ха, ха, ха, ха! Какъ это забавно! Попробуемъ, попробуемъ. Однако жъ, сударыня, мы, кажется, заболтались. Не пора ли вамъ одѣваться? Я думаю, вашъ батюшка, мой великій господинъ, скоро придетъ.

Юй-лань.

Ахъ, Ця, ты мнѣ напомнила мое несчастное положеніе! Время уходитъ, а я ни на что не могу рѣшиться, не могу придумать никакого средства къ спасенію отъ этой напасти. Ахъ, я очень несчастна!

Ця.

И! полноте, сударыня! Не отчаявайтесь.

Юй-лань.

Что же мнѣ дѣлать? научи меня, Ця!

Ця.

Да скажите батюшкѣ просто, что вы не хотите выйти ни за котораго изъ этихъ жениховъ.

Юй-лань.

Помилуй! Какъ это можно? Это было бы противно правиламъ мудраго Мынь-дзы и Уставу о десяти тысячахъ церемоній, которымъ меня учили.

Ця.

Да, конечно, на-прямки прекословить нельзя, не годится: непокорность къ родителямъ большой порокъ, говорить мудрый Мынь-дзы. Впрочемъ, оно и не нуж-

но: вы можете только сказать, что не любите, не въ состояніи любить никого изъ этихъ жениховъ; что вы готовы повиноваться волѣ родителя, жертвуете собою, но чувствуете, что будете несчастны; что это погубить, убьетъ васъ. Батюшка испугается, прогонитъ своихъ ученыхъ и позволитъ вамъ выйти за того, кого вы любите.

ЮИ-ЛАНЬ.

За кого же бы это?

ЦЯ.

Полноте, полноте, сударыня! Не притворяйтесь. Будто я не знаю!

ЮИ-ЛАНЬ.

Да что жъ ты знаешь?.... Кого, ты думаешь, я....

ЦЯ.

Кого вы любите?.... Да ужъ договаривайте.

ЮИ-ЛАНЬ.

Ну, кого я люблю? Говори.

ЦЯ.

Да хоть бы того молодого капитана барсовъ, богдоханской гвардіи, отъ котораго у меня есть письмецо къ вамъ.

ЮИ-ЛАНЬ, живо.

Письмо отъ Минь-джана?.... Давай!

ЦЯ.

Я боюсь, не противно ли это будетъ правиламъ мудраго Мынгъ-дзы и Уставу о десяти тысячахъ церемоній.....

ЮИ-ЛАНЬ.

Послушай, я разсержусь на тебя!

ЦЯ.

Не сердитесь, не сердитесь, сударыня! Я пошутила.

Вынимаетъ и отдаетъ письмо.

ЮИ-ЛАНЬ, беретъ и поспѣшно развертываетъ его.

Вотъ, этотъ, по-крайней-мѣрѣ, просто пишеть, въ прозѣ, какъ и должно писать умному человѣку.

Читаетъ.

«Прекрасная Юй-лань, душистая бѣлая лилія моя! Я воротился изъ похода, гдѣ, въ кровопролитныхъ сраженіяхъ съ непріателемъ, растратилъ все свое мужество, которымъ вооружился, чтобы перенести тягость разлуки и продолжительное, можетъ-быть тщетное, ожиданіе счастья обладать тобою. Терпѣніе мое истощилось; у надежды опустились крылья; я погружаюсь въ бездонную пропасть отчаянія. Позволь мнѣ, бѣлая лилія, увидѣться съ тобою, чтобы насладиться ароматомъ твоего дыханія, услышать сладостное слово утѣшенія и изъ ясныхъ очей твоихъ принять въ сердце свѣтлый лучъ надежды. Твой, до гроба, капитанъ барсовъ *Мимь-джань.*»

Про-себя.

Что это значитъ? И онъ начинаетъ писать высокими слогами.... Хоть не стихами, а всё-таки кудреватю, надутю. Онъ, вѣрно, познакомился съ какимъ-нибудь сочинителемъ, или много читаетъ стиховъ. Я ему запрещаю это. Притомъ онъ «погружается въ бездонную пропасть отчаянія». Это ни куда не годится! Это ни на что не похоже! Онъ непременно долженъ оставить всѣ подобныя глупости: мужчинѣ ни въ какомъ случаѣ не прилично отчаяваться.

ца.

Сударыня, что прикажете отвѣчать господину капитану?

Юй-лань.

Развѣ онъ сейчасъ ждетъ отвѣта?

ца.

Онъ ужъ больше часу стоитъ за садовымъ заборомъ.

Юй-лань.

Такъ что жъ ты раньше не сказала?

ца.

Да я думала, что вы выйдете за-мужъ за одного изъ

тѣхъ ученыхъ, такъ оно было бы противно правиламъ.....

Юй-лань.

Опять?....

ца.

Не буду, не буду, сударыня! Но, вотъ видите, господинъ Минь-джанъ очень храбрый и красивый молодой человекъ; онъ командуетъ полкомъ барсовъ; однако жъ не пишетъ стиховъ, а мнѣ хотѣлось.....

Юй-лань.

Глуная ты..... Я непременно вымечу тебя отъ страсти къ стихамъ. Поди скорѣе, скажи ему, чтобы пришелъ на минутку, покуда батюшка не воротился. Бѣги проворнѣе.

ца.

Слушаю, сударыня.

Убѣгаетъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Юй-лань, одна, садится на скамью и задумывается. Черезъ минуту приходитъ минь-джанъ.

минь-джанъ, на ависценѣ.

Я — Минь-джанъ, капитанъ и командиръ полка барсовъ богдаханской гвардіи, самого страшнаго и славнаго полка всей поднебесной рати. Я вчера воротился изъ похода, гдѣ ходилъ по колѣно во вражьей крови и крошилъ непріятелей, какъ фарфоръ. Я смертельно влюбленъ въ прелестную Юй-лань, дочь мандарина Выньченъ-дзы, и непременно хочу жениться на ней. Но отецъ ея не позволяетъ, вотъ бѣда. Впрочемъ, Юй-лань назначила мнѣ свиданіе: это значитъ, что она меня любитъ. Теперь мнѣ остается только узнать, какимъ образомъ можно будетъ склонить упрямаго старика на нашъ бракъ.

Медленно, церемонно, подходитъ къ Юй-лани и три раза кланяется; Юй-лань встаетъ и столько же разъ присѣдаетъ. Они смотрятъ другъ на друга. Молчаніе.

МИНЬ-ДЖАНЪ.

Младшій братецъ, съ позволенія старшей сестрицы, пришелъ повидаться съ нею и спросить о здоровьи.

ЮЙ-ЛАНЬ.

Младшая сестрица очень рада видѣть старшаго брата. Но она боится, что принятіе такого посѣщенія безъ вѣдома родителя противно правиламъ, въ которыхъ ее воспитали, и въ такомъ случаѣ покорнѣйше просить извиненія.....

МИНЬ-ДЖАНЪ.

О! что касается до меня, то старшая сестрица можетъ быть увѣрена, что я не возьму за это нарушеніе правилъ. Я, младшій братецъ, пришелъ узнать, позволено ли мнѣ надѣяться, что старшая сестрица, прелестная Юй-лань, желаетъ быть моею женой?

ЮЙ-ЛАНЬ.

Младшей сестрицѣ очень пріятно будетъ выйти замужъ за такого храбраго и прекраснаго молодого человека, каковъ старшій братецъ, капитанъ Минь-джанъ, и она всѣми силами будетъ стараться получить на это согласіе своего родителя.

МИНЬ-ДЖАНЪ.

Въ такомъ случаѣ прежде наше привѣтствіе ни куда не годится, и я покорнѣйше прошу прекрасную Юй-лань дать мнѣ мѣсто на скамьѣ и привѣтствовать меня какъ показано въ Уставѣ о десяти тысячахъ церемоній, въ параграфѣ «О привѣтствіяхъ жениха и невѣсты».

ЮЙ-ЛАНЬ.

Младшая сестрица съ удовольствіемъ спѣшитъ исполнить желаніе старшаго брата.

Минь-джанъ садится на скамью, а Юй-лань отходитъ на нѣсколько шаговъ и перемонно три раза присѣдаетъ. Минь-джанъ на каждое присѣданіе слегка киваетъ головой. При третьемъ привѣтствіи посѣщяно прибѣгаетъ горничная.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТЪ ЖЕ И ЦЯ.

ЦЯ.

Идеть! идеть! Вашъ батюшка идеть, сударыня!

ЮЙ-ЛАНЬ.

Ахъ, Боже мой! (къ Минь-джану) Бѣгите, бѣгите скорѣй! Бѣда, если онъ теперь увидитъ васъ!

МИНЬ-ДЖАНЪ.

Какъ! мнѣ бѣжать?... Мнѣ, капитану барсовъ, бѣжать? Развѣ я трусъ? Я никогда не бѣгалъ! Я грудью встрѣчу всякаго врага....

Обнажаетъ саблю.

ЮЙ-ЛАНЬ.

Помилуйте, что вы дѣлаете? Какой тутъ врагъ! Это мой батюшка, вашъ будущій тестъ! Но вамъ нельзя съ нимъ видѣться, пока онъ не приготовленъ. Уйдите поскорѣй! Вы меня погубите.....

МИНЬ-ДЖАНЪ.

Но какъ же мнѣ уйти, не простившись? Это противно Уставу о десяти тысячахъ церемоній.....

ЦЯ.

Пожалуйста, безъ церемоній! Уйдите, уйдите скорѣй!

МИНЬ-ДЖАНЪ.

Но когда же мы опять увидимся?....

ЮЙ-ЛАНЬ.

Ужо, ужо; приходите вечеромъ....

ЦЯ.

Къ садовому забору. Мы вамъ подадимъ знакъ.

Минь-джанъ торопливо кланяется три раза и уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Юй-лань и ця поспѣшно усѣлись, одна на скамьѣ, другая на травѣ, а при входѣ вынь-чинъ-дзы встаютъ, отходятъ на нѣсколько шаговъ и церемонно привѣтствуютъ его. Юй-лань, присѣдая, поглядываетъ въ ту сторону, куда ушелъ Минь-джанъ.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ, ПЫХТЯ, СЕДЯТСЯ НА ОКАМЬКУ.

Уфъ! усталъ..... надобно отдохнуть. Чтѣ ты все въ сторону смотришь, Юй-лань?

ЮЙ-ЛАНЬ.

Кто?... Я, батюшка?... Здѣсь сидѣла птичка, которая сейчасъ слетѣла.....

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ.

А! птичка?..... Да, я знаю, ты любишь птичекъ.

ЮЙ-ЛАНЬ.

Люблю, батюшка.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ.

Ну, вотъ, скоро не одиѣхъ птичекъ будешь любить. Сегодня тебѣ послѣдній день сидѣть въ домѣ отца. Сегодня послѣ обѣда будетъ рѣшено, кому быть твоимъ мужемъ, а тамъ, послѣ испытанія, тотчасъ же и свадьбу справимъ. Я уже все приготовилъ..... А какіе женихи—то! чудо! Славные люди, ученые люди, умные люди! Любого выбирай..... Правду сказать, это не легко. Я не удивляюсь, что ты не могла рѣшиться: я самъ не зналъ, да и теперь не знаю, которому изъ нихъ отдать преимущество. Да, вотъ, я придумалъ это средство, — чтобъ стихи написали..... Остроумное средство..... и безобидное: кто проиграетъ, самъ виноватъ: не пиши хуже другихъ. О! они напишутъ! Вотъ стихи—то будутъ! Вѣдь всѣ трое мастаки писать, собаку съѣли. Посмотримъ, кто кого перехитритъ. А я буду главнымъ экзаменаторомъ! Я, экзаменованный мандаринъ, богдоханскій казначей, Вынь-чень-дзы, я буду оцѣнивать и судить, какъ самъ Десять-тысячь-лѣтъ на годичномъ испытаніи, передъ раздачею ученыхъ степеней..... Ха, ха, ха, ха! какъ это весело! А потомъ у меня будетъ зять, самый ученый изъ ученыхъ, умный изъ умныхъ, поэтъ изъ поэтовъ. А! какъ тебѣ это нравится, Юй-лань?

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДАМ.

Хе, хе, хе! пустяки, пустяки!.... дѣвичья скромность. Конечно, ты должна такъ говорить: не даромъ же тебя учили правиламъ Устава о десяти тысячахъ церемоній. Но я отецъ; я знаю, что мнѣ должно дѣлать.

ЮИ-ЛАНЬ.

Ахъ, батюшка, увольте меня отъ этого брака..... Право, я не могу любить никого изъ нихъ.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДАМ.

Э! вотъ забавно! Да какъ же бы ты смѣла любить кого-нибудь до свадьбы? Ты знаешь, что это противно правиламъ. Успѣешь еще полюбить, когда выйдешь замужъ.

ЮИ-ЛАНЬ.

Виновата, батюшка; я не то хотѣла сказать..... Я хотѣла.....

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДАМ.

Что же ты хотѣла?

ЮИ-ЛАНЬ.

Ахъ, батюшка, умоляю васъ, избавьте меня отъ этихъ жениховъ!.... Я ихъ ненавижу..... я ихъ терпѣть не могу!

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДАМ.

Пустяки, пустяки! Полно; ты ужъ слишкомъ много церемонишься.

ЮИ-ЛАНЬ.

Клянусь вамъ, батюшка, что это не церемонія. Я ихъ всѣхъ тронхъ ненавижу! Вы меня несчастною сдѣлаете, если принудите.....

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДАМ.

Вотъ, увидимъ, увидимъ. Бьюсь объ закладъ, что, когда они прочитаютъ свои стихи, ты съума сойдешь отъ радости. Я знаю, они всѣ трое напишутъ такъ хорошо, что мнѣ опять невозможно будетъ рѣшиться на

выборъ, и тогда ты ужъ сама, какъ хочешь, выби-
рай.

Юй-лань.

А если они напишутъ дурно?

Вынь-чень-дзы.

Дурно! дурно! Да какъ это возможно? Они могутъ
написать, одинъ превосходно, другой по-слабѣе, но ду-
рно никто не напишетъ. За это я ручаюсь.

Юй-лань.

Однако жъ, если напишутъ дурно, тогда вы отка-
жете имъ?.... Общайте, батюшка!

Вынь-чень-дзы.

Ну, пожалуй, общаю. Да что за странная прихоть?
(Про-себя). Впрочемъ, вѣдь я судья: что хочу, то и ска-
жу. (Громко.) Пойдемъ же теперь. Пора приготовляться.
Напередъ еще надобно помолиться предкамъ, чтобы при-
вели наше дѣло къ доброму концу.

Юй-лань, про-себя.

Я буду молить, чтобы избавили меня отъ дуракогъ.

Вынь-чень-дзы, къ горничной.

Ця, поди, приготовь жертву и поставь благовоныихъ
свѣчей къ молебню.

ця.

Слушаю, сударь.

Уходить; за нею Вынь-чень-дзы и Юй-лань.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Красное крыльцо бодоханскаго дворца.

Цинь-цинъ-дзыанъ стоитъ у ступеней; шесть его помощниковъ
въ отдаленіи.

Цинь-цинъ-дзыанъ.

Я — Цинь-цинъ-дзыанъ, главный астрономъ при бог-
доханской обсерваторіи. Я ученѣйшій, знаменитѣйшій
мужъ и глубокомысленнѣйшій философъ во всей Под-

небесной Имперіи. Я изучилъ всѣ великія истины, заключающіяся въ пяти классическихъ книгахъ; я проглотилъ всю книжную мудрость славнаго предка моего Кхунъ-дзы; Великая Наука и Обыкновенная Середина знакомы мнѣ какъ свои пять пальцевъ. Умиѣ меня нѣтъ. Слава моя доселѣ была непомерна, а теперь стала еще больше. Я пришелъ къ высокому крыльцу богдоханскому за весьма важнымъ дѣломъ, а именно, чтобы предварить Сына-Неба о грозящей ему и всѣмъ намъ великой опасности. Я сдѣлалъ великое открытіе. Я нашелъ, что луна измѣнила свой видъ, къ явному несчастію для всего Серединнаго Государства и, слѣдовательно, для всего міра; потомъ я открылъ и разъяснилъ причину этого измѣненія, отыскалъ древнюю никому неизвѣстную рукопись, которая служить мнѣ неопровержимымъ авторитетомъ и доказательствомъ несомнѣнности моего открытія и правильности моихъ заключеній. Я великій человѣкъ, въ этомъ никто не смѣетъ сомнѣваться.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

сы-чуань, сходять съ крыльца; цинь-цинъ-дзянъ, отступаетъ задомъ на нѣсколько шаговъ, потомъ оба сходятся и кланяются по три раза.

сы-чуань.

Честь имѣю рекомендоваться; я — Глазь богдоханскій, экзаменованный мандаринъ Сы-чуань; я зорко наблюдаю и стерегу чистоту нравовъ, порядокъ, благочиніе, тишину и безопасность великой столицы Поднебесной Имперіи.

цинъ-цинъ-дзянъ, про-себя.

Да, славно стержешь! Глазь-то ты глазь, да слѣпой. Если бы не я, все Серединное Государство скоро опрокинулось бы вверхъ дномъ.

СЫ-ЧУАНЬ.

Старшій братецъ не прогнѣвается, если младшій братецъ спроситъ, зачѣмъ изволили пожаловать?

ЦИНЬ-ЦИНЬ-ДЗЯНЬ.

Младшій братецъ готовъ сдѣлать преждевременному всякое удовольствіе. Но причина моего приходу должна покуда остаться въ тайнѣ.

Кланяется одинъ разъ; сы-чуань отвѣчаетъ ему двумя поклонами.

Молчаніе.

СЫ-ЧУАНЬ.

Весь ученый приказъ переполохался отъ вашего донесенія. Сто экзаменованныхъ мандариновъ и триста ученыхъ магістровъ немедленно занялись разсмотрѣніемъ дѣла, подъ предсѣдательствомъ самаго Сына Неба, который уже нѣсколько часовъ ни пьетъ, ни ѣстъ, всё читаетъ. Дѣло должно-быть важное?

ЦИНЬ-ЦИНЬ-ДЗЯНЬ.

Очень важное.

СЫ-ЧУАНЬ.

Да, конечно; нашъ знаменитѣйшій астрономъ и величайшій философъ Цинь-цинъ-дзянъ даромъ не прійдетъ къ высокому богдоханскому крыльцу! Какое-нибудь новое, великое открытіе.....

ЦИНЬ-ЦИНЬ-ДЗЯНЬ.

Чрезвычайно великое открытіе!.... Я.... Гмъ!.... Ну, да впрочемъ, почему жъ не сказать такому умному и образованному мандарину, каковъ зоркій глазъ богданскій!.... Однако жъ, прошу, до времени, не пересказывать.

СЫ-ЧУАНЬ.

Ни, ни! никому!

ЦИНЬ-ЦИНЬ-ДЗЯНЬ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Занимаясь составленіемъ календаря и таблицы предсказаній, съ означеніемъ счастливыхъ и несчастныхъ дней, на нынѣшній годъ, я, по обыкновенію, наблюдалъ теченіе небесныхъ свѣтилъ и

замѣтилъ, что луна съ нѣкотораго времени свѣтитъ не ясно. Что такое? Я смотрѣть, смотрѣть, усиливъ телескопы, гляжу..... луна насупилась, нахмурила брови, морщится; во всемъ выраженіи написана досада. Что за чудо! Смотрю, соображаю, что бы это значило? Не носится ли подъ луною облако падающихъ звѣздъ? не ударилъ ли ее въ лобъ какой-нибудь большой аэролитъ? не задѣла ли ее хвостомъ за носъ какая-нибудь комета? Нѣтъ. Все чисто, и всѣ другія планеты спокойны. Стало-быть, причина неудовольствія луны находится на землѣ. Я допрашивать своихъ помощниковъ и учениковъ, не смотрѣлъ ли кто на луну, въ телескопъ, въ непоказанное время? Нѣтъ, тоже нѣтъ. Вотъ я тотчасъ въ книгахъ рыться, въ древнихъ рукописяхъ. Рылся, рылся, и нахожу..... Что жъ бы вы думали?

СЫ-ЧУАНЬ.

Не могу знать.

ЦИнь-цинь-дзянь.

Причина-то, причина-то, отчего луна хмурится..... Какъ вы полагаете?

СЫ-ЧУАНЬ.

Ничего не придумаю.

ЦИнь-цинь-дзянь.

Отъ стиховъ!

СЫ-ЧУАНЬ.

Можетъ ли быть! Какъ это такъ?

ЦИнь-цинь-дзянь.

Вотъ, слушайте. Рылся, рылся, говорю я, въ рукописяхъ, перебралъ всѣ кладовыя, и наконецъ, въ темномъ подвалѣ, нашелъ по вѣду очень древнюю рукопись, состоящую изъ нѣсколькихъ тонкихъ досчечекъ, свернутыхъ въ трубку. Смотрю..... Драгоценнѣйшая находка!.... Рукопись относится къ глубочайшей древности, къ временамъ до-историческимъ; писана въ-половину іероглифами, въ-половину гвоздеобразными буквами.

Я тотчасъ обтеръ пыль, и давай разбирать.... Я въ совершенствѣ знаю всѣ неизвѣстные языки и читаю іероглифы и гвоздеобразное письмо такъ же бѣгло какъ Уставъ о десяти тысячахъ церемоній: мнѣ это ни по-чемъ..... Вотъ, разобралъ. Чтѣ же?... О, великое открытіе! великое, превеликое открытіе!.... Это — древнее преданіе, которое..... Да вотъ, у меня, есть китайскій переводъ..... Слушайте.

Вынимаетъ изъ кармана бумагу и читаетъ.

«Писано сіе»..... году и числа нѣтъ: въ глубокой древности чиселъ не выставляли..... «Писано сіе въ предостереженіе и моученіе многочисленнымъ потомкамъ нашимъ на будущія времена. Знайте и вѣдайте, чтѣ случилось на землѣ, когда мы жили. Отъ начала міра у земли было семь спутниковъ, семь лунъ, семь сестеръ, которыя со всѣхъ сторонъ съ любовію смотрѣли на землю и освѣщали ее непрерывно. И не было тогда на землѣ ночи, не было мраку, не было и зла. Люди блаженствовали. Но, къ несчастію всего рода человѣческаго, неизвѣстно въ какомъ болотѣ родилось племя плохихъ стихоплетовъ и дюжинныхъ книжныхъ дѣлъ мастеровъ, которые, — съ радости, что увидѣли свѣтъ, — принялись писать плаксивыя, мнимо-восторженныя и надутыя посланія къ семи сестрамъ, и такъ надоѣли имъ пустыми, безсмысленными, стихами, что шесть лунъ, одна за другою, оставили землю и перешли къ другой планетѣ, Сатурну, гдѣ имъ гораздо спокойнѣе и привольнѣе, потому-что тамъ никто не пишетъ стиховъ. Съ-тѣхъ-поръ на землѣ явились ночь, мракъ и всякое зло, потому-что одна луна не можетъ со всѣхъ сторонъ освѣщать ее и не успѣваетъ усмотрѣть за всѣми дѣйствіями человѣческими. О потомки! вземите гласу предковъ вашихъ! Не пишите плохихъ стиховъ, бойтесь оскорбить послѣднюю луну! Нето и она уйдетъ отъ васъ къ Сатурну; вы погрузитесь въ

совершенный мракъ, и тогда конечная гибель ваша неизбежна!»

Молчаніе. Цинь-цинъ-дзянь пристально смотритъ на Сы-чуаня; тотъ стоитъ неподвижно, въ оцѣпененіи.

Цинь-цинъ-дзянь.

А?... что?... что скажешь на это?

Сы-чуань, мало-по-малу приходя въ себя озирается по верху. Великій Духъ!.... И это все отъ стиховъ?

Цинь-цинъ-дзянь.

Разумѣется отъ стиховъ. Я открылъ.....

Сы-чуань.

Бѣда, бѣда, бѣда!.... Я всегда ненавиждѣлъ стихи. За меня, на экзаменахъ, всегда другіе писали..... Я отродясь не написалъ ни одного стиха, ни худаго ни хорошаго.

Цинь-цинъ-дзянь.

Ты и не виновать, что луна хмурится.

Сы-чуань.

А она дѣйствительно разсердилась и хочетъ уйти?

Цинь-цинъ-дзянь.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія. Я открылъ.....

Сы-чуань.

И спасенія нѣтъ ни какого?

Цинь-цинъ-дзянь.

Открывъ это, я обо всемъ донесъ богдохану. Не знаю, какъ онъ рѣшитъ. Я, съ своей стороны, думаю, что надобно немедленно истребить всѣхъ стихотворцевъ.

Сы-чуань.

Да, да! и я такъ думаю. Истребить, истребить всѣхъ до одного, чтобы и духу не было!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же. На крыльцо выходитъ глашатай, съ бумагою въ рукахъ. глашатай, поднимая бумагу.

Благоговѣйте предъ симъ!

Всѣ кланяются три раза. Глашатай сходитъ внизъ и останавливается на нижней ступени. Цинь-цинъ-дзянь, со своими помощниками, подходитъ къ нему и принимаетъ бумагу.

ГЛАШАТАЙ.

Сынъ Неба, намѣстникъ Великаго Духа, великій богдоханъ, царь царей и повелитель Серединнаго Государства, разсмотрѣвъ докладъ своего раба, главнаго астронома Цинь-цинъ-дзяна, и приказываетъ ему явиться завтра на большой выходъ, для полученія награды за усердную службу, а теперь идти ему домой и возложить упованіе на Великаго Духа и на немсчерпаемую мудрость Десяти-тысячъ-лѣтъ.

Цинь-цинъ-дзянь, съ помощниками, кланяется три раза и уходитъ.

ГЛАШАТАЙ.

А зоркому Глазу великой столицы Серединнаго Государства Десять-тысячъ-лѣтъ повелѣваетъ немедленно явиться въ тронную, для полученія приказа.

Сы-чуань кланяется и уходитъ въ-слѣдъ за глашатаемъ.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Тотъ же садъ съ бесѣдкою, что въ первомъ явленіи.

Ця приноситъ корзину съ цвѣтами, убираетъ или бесѣдку, зажигаетъ благовонныя свѣчи, обметаетъ пыль со скамьи, потомъ, въ раздумьѣ отходитъ къ другой сторонѣ.

Странное дѣло! какое дѣйствіе производятъ стихи, когда ихъ много читаешь! И нѣжное есть, и жалобное, и страшное, а все спать хочется! Часа три я читала сегодня, и чуть не уснула. Барышня говоритъ, что мнѣ нуженъ еще одинъ урокъ, много два, и тогда я совсѣмъ вымечусь отъ страсти къ стихамъ. Можетъ-быть. Она, для перваго разу, надавала мнѣ все мрачныхъ, страшныхъ; все жалобы да возванія къ самому себѣ, къ поэту, къ гению, къ демону; все такіе раздражительныя, дикіе..... Уу!..... Это, говоритъ барышня, въ новѣйшемъ вкусѣ. Особенно сильно поразило меня одно мѣсто, гдѣ поэтъ говоритъ:

• Адъ въ груди моей хлопочетъ,
Сердце вадулось, лопнуть хочеть....»
Брррры!.... страшно!
Бѣжитъ и сталкивается съ Юй-ланью.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ЦЯ И ЮЙ-ЛАНЬ.

ЮЙ-ЛАНЬ.

Тише! Чтѣ ты, чего ты испугалась?

ЦЯ.

Нѣтъ, не то чтобы испугалась, а такъ, дрожь про-
бѣжала.

ЮЙ-ЛАНЬ.

Отчего же?

ЦЯ.

Да вспомнила стихи, которые давеча читала.

ЮЙ-ЛАНЬ.

Стихи? А! тебя ужъ дрожь беретъ отъ стиховъ! Ну,
это хорошо. Значитъ, переломъ болѣзни близокъ. Ты
скоро будешь совсѣмъ здорова.

ЦЯ.

Вы думаете? А какой же это будетъ переломъ?

ЮЙ-ЛАНЬ.

Когда ты начнешь засыпать отъ стиховъ.

ЦЯ.

Да я, сударыня, ужъ сегодня чуть не уснула!

ЮЙ-ЛАНЬ.

О! стало-быть, исцѣленіе подвигается быстро. Бо-
лѣзнь твоя была не опасна.

ЦЯ.

Когда же я узнаю, что я совсѣмъ здорова?

ЮЙ-ЛАНЬ.

Тогда, когда тебѣ при чтеніи стиховъ сдѣлается дур-
но, тошно. Но оставимъ это. Намъ надо заняться дѣ-
ломъ. Гадкіе женихи скоро прійдутъ; начнется испыта-

ніе. Ужъ не знаю, возможно ли будетъ отличить, который изъ нихъ глупѣе. Но батюшка непременно хочетъ сегодня справить мою свадьбу. Все уже приготовлено, какъ ты знаешь, и жертвы принесены, и возліанія сдѣланы. Вопросъ только въ томъ, кто женихъ. И этотъ вопросъ я хочу рѣшить по своему. Если мнѣ не удастся увѣрить батюшку и доказать ему, что его стихоплеты дураки; если, наконецъ, я не уснѣю упротить, умолить его, то я упаду въ обморокъ.... ты поддержи, чтобы мнѣ не ушибиться.... потомъ растрепли себѣ волосы, плачь, кричи, что я умерла, убита; называй меня несчастною жертвой отцовской жестокости... У батюшки чувствительное сердце: онъ прогонитъ сочинителей и согласится на все, чтобы воскресить меня. Это рѣшительная минута. Ты убѣги за чѣмъ-нибудь, — хоть за водой, — и подай Минь-джану знакъ, чтобы пришелъ сюда, а я между-тѣмъ по-маленьку очнусь. Понимаешь?

ца.

Понимаю, сударыня, какъ нельзя лучше понимаю. Славную сыиграемъ штучку! Всѣхъ проведемъ!

ЮЙ-ЛАНЬ.

Уйдемъ же поскорѣй. Кажется, одинъ стихоплетъ ужъ пожаловалъ.

Поспѣшно уходить.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Пху-дннъ-дннъ, міао-міао и конъ-фу-дзянъ, со свертками въ рукахъ, одинъ за другимъ приходятъ и уходятъ.

Пху-дннъ-дннъ, обращаюсь къ бесѣдкѣ.

Люблю тебя, красавица земная,
 Люблю я болѣе чѣмъ жизнь въ предѣлахъ рай!
 Умѣй же оцѣнить мой ласковый привѣтъ.
 Гордись: въ тебя влюбленъ любовникъ музъ, поэтъ!

Выходить на авансцену.

Я — Пху-дннъ-дннъ. По званію я — ученый, по чи-

ну — магистръ, по занятіямъ — поэтъ. Я человекъ знаменитый; меня нельзя не знать. Я издалъ дюжину большихъ поэмъ, — славныхъ поэмъ, — и пять-сотъ мелкихъ стихотвореній, изъ которыхъ каждое стоитъ поэмы или драмы. Я величайшій поэтъ своего времени. Меня и критиковать не смѣютъ. Такъ, изрѣдка, только задѣваютъ мимоходомъ. Да что мнѣ критики? Пхе! дрянь! врали! писаки!

И постигли ль эти моли
Эту грудь одушевленья,
Изъ которой противъ воли
Рвется гений вдохновенья?
Нѣтъ, не имъ сіе понять,
Что безсмертія есть видъ!
Имъ сосудъ не можно знать
Тотъ, въ которомъ гений скрытъ!

Гдѣ имъ!... Да что, и говорить не стоить. Всѣхъ раздавлю, если только захочу. Вотъ, хоть бы и эти дурачё, — безтолковая трещетка Конъ-фу-дзянь и вѣчная плакса Мiao-miao, — вздумали состязаться со мною, соперничать! Ха, ха, ха! соперничать со мною! Вотъ забавно. Какъ же я лихо озадачу ихъ! Я просто-на-просто описалъ свою первую ночь брака, въ прекрасномъ воззваніи къ лунѣ. Сегодня же погода ясная, ночь будетъ лунная, оно и очень къ-статіи.... Но, кажется, кто-то изъ моихъ соперниковъ идетъ? Я не хочу показать, что поторопился приходомъ. Такому лицу, какъ я, приличнѣе явиться послѣ всѣхъ. Пойду, покуда, протвержу еще свои стихи, чтобы потомъ лучше прочесть.

Уходя.

Туманною и мрачною мглою
Одѣлся вѣчный небосклонъ....
Остальнаго не слышать за отдаленіемъ.

miao-miao, входя и замѣтивъ уходящаго, прислушивается.

А! пустоголовый враль Пху-динь-динь ужъ здѣсь? Первый? Разумѣется: онъ вездѣ первый! Гдѣ пообѣдать, гдѣ позавтракать, гдѣ у кого перебить что-ни-

будь, онъ вездѣ вперед! И сюда пришелъ первый. Да здѣсь, братъ, не удастся. Вѣдь я не кто другой! Я — Мiao-miao, великій поэтъ-философъ, и притомъ ученый магистръ не хуже кого-нибудь.... Я, изъ великодушія, довольно часто уступалъ побѣду другимъ, но теперь хочу торжествовать самъ, и восторжествую непременно.

Но гдѣ же ты, богиня павья,
Кивотъ священнаго огня,
Ты, дава чаръ и вдохновенья
Ужель покинула меня?

Правда, не покинула: она меня еще не любила, и потому не могла покинуть. Она меня еще не любила..... О, это ужасная мысль! Мнѣ по справедливости можно сказать, что я

Почувствовалъ несчастій бремя!
Какъ лава закипала кровь,
И сердцемъ заиграли страсти!
Причиной всѣхъ моихъ несчастій
Къ тебѣ, жестокая, любовь!....

Но я утѣшаюсь тѣмъ, что сегодня кончатся мои страданія. Мои стихи непременно должны быть лучше всѣхъ. Я одержу побѣду и буду счастливымъ супругомъ прелестной Юй-лани.... и, главное, хованномъ ея имѣнiя. Приданое будетъ хорошее: Вынь-ченъ-дзы богаты, очень богаты,—не даромъ казначей. Хотѣлось бы узнать, что такое написали тѣ двое, и сообразить, не нужно ли будетъ нѣсколько усилить выраженiя, чтобы тронуть отца и дочь, довести ихъ до слезъ, и вѣрнѣе восторжествовать. Впрочемъ, я, на всякій случай, прибавлю еще что-нибудь къ своей «жалобѣ». Перечитаю еще разъ.... Но здѣсь помѣшаютъ; уйду по-дальше.

Уходя.

Какъ быстро пролетѣло время
Безпечной юности моей....

Остальваго не слышать.

конь-фу-дзянь входитъ испѣвалъ.

Вездѣ тебя
Лишь вижу я,
Другъ милый мой!....

А! еще никого здѣсь нѣтъ? Я первый! Прекрасно. Я этимъ воспользуюсь. Я первый увижу прелестную Юй-лань и ея отца, и мнѣ удастся словечка два-три напередъ замолвить. Оно все лучше. На однѣ стихи надежда плоха.... хотя мои стихи прекрасны, превосходны... лучше меня лирическихъ стиховъ никто не пишетъ, это извѣстно.... Досадно только, что мало покупаютъ: все почти даромъ отдаешь. Да вотъ женюсь, такъ самъ напечатаю полное собраніе, напечатаю великолѣпно и буду продавать дешево. Можно: денегъ будетъ много. Да! вотъ славно заживу! Поселюсь со всѣмъ у Вынь-ченъ-дзы.... Юй-лань не пойдетъ же ко мнѣ на чердакъ жить.... Впрочемъ можно купить другой домъ. Да къ чему? не нужно: и этотъ хорошъ: довольно великъ. Чудо не жизнь будетъ! Вынь-ченъ-дзы самъ привыкъ жить роскошно: славно обѣдаетъ,— всегда блюдъ двадцать,—такъ ужъ конечно онъ не оставитъ меня поститься. Въ добавокъ у меня будетъ еще миленькая жена. Да, въ самомъ дѣлѣ, Юй-лань очень мила.... Ахъ, если бъ она поскорѣе вышла!

Явись, явись ко мнѣ, о дѣва красоты,
О ты, къ кому стремятся всѣ мои мечты!

Явись, тебя призываетъ страстный, пламенный, восторженный лирикъ, знаменитый Конь-фу-дзянь, котораго стихи разсѣяны по всѣмъ альбомамъ, альманахамъ и журналамъ цѣлой Поднебесной Имперіи, какъ цвѣты по полю.

Прійди, прійди, о другъ молодой
Прійди въ чертогъ ко мнѣ златой!....

А! вотъ, кажется, она идетъ.... Надобно стать въ живописную позицію.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ЦЯ; ПОТОМЪ ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ И ЮЙ-ЛАНЬ.

ця, присѣдая, къ Конь-фу-дзяну.

Мой господинъ, высокостепенный мандаринъ Вынь-чень-дзы, прислалъ меня узнать, собрались ли господа ученые.

конь-фу-дзянъ.

Я собрался, и весьма желаю....

пху-дннь-дннь и мiao-мiao, перебивая его, поспѣшно выходить изъ-за деревьевъ.

Собрались! собрались!

ця, присѣдая.

Я тотчасъ доложу объ этомъ моему господину.

Уходить. Оставшіеся взаимно привѣтствуютъ другъ друга церемонными поклонами. Приходятъ Вынь-чень-дзы и Юй-лань. Стихотворцы кланяются имъ по три раза. ТѢ отвѣчаютъ по одному. Ця въ продолженіи этой церемоніи остается позади своихъ господъ.

вынь-чень-дзы.

Какъ я радъ, что вижу васъ, друзья мои, великіе, знаменитые поэты, слава и цвѣтъ поэзій всей Поднебесной Имперіи! Какъ я радъ, какъ я радъ, что насталъ наконецъ этотъ вождѣнный день.... Не отвѣчайте, не отвѣчайте друзья мои! Оставьте лишнія церемонія. Вамъ не должно развлекаться: вамъ предстоитъ важное дѣло. Каждый изъ васъ пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы побѣдить, слѣдовательно не долженъ растрачивать по-напрасну силы, нужныя для борьбы. Скажите только, кому изъ васъ угодно начинать? Мы готовы слушать.

Садится въ дочью на скамью. Ця становится возлѣ. Пху-дннь-дннь и мiao-мiao молча кланяются другъ другу и знаками просить начать.

мiao-мiao, продолжая кланяться.

Не угодно ли вамъ?...

пху-дннь-дннь, такъ же.

Нѣтъ, помилуйте!...

МІАО-МІАО.

Сдѣлайте одолженіе!....

ПХУ-ДННЬ-ДННЬ.

О, вы знаете, что я всегда готовъ отдать вамъ преимущество.

МІАО-МІАО.

Помилуйте, да вѣдь мы здѣсь соперники.

ПХУ-ДННЬ-ДННЬ.

Всѣ-равно; сдѣлайте одолженіе!....

КОНЬ-ФУ-ДАННЬ.

Да позвольте, господа, я начну. Что тутъ долго торговаться.

ПХУ-ДННЬ-ДННЬ И МІАО-МІАО.

Извольте! извольте!

КОНЬ-ФУ-ДАННЬ, про-себя.

Начало главное дѣло. Первый прійдешь, первый и возмешь. Мои стихи такъ милы, что я непремѣнно одержу верхъ.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЫ.

О, дочь моя, какъ я счастливъ! Какъ ты будешь счастлива! Какое наслажденіе, какое блаженство! Слушай, слушай!

КОНЬ-ФУ-ДАННЬ развертываетъ свою бумагу и, откашлявшись, читаетъ.

КЪ НЕЙ.

Вездѣ тебя
Лишь вижу я,
Другъ милый мой!
Во снѣ предъ мной
И въ день, всегда,
Какъ тѣнь одна,
Слѣдишь за мной,
Мутишь покой.
Въ тиши ночной,
Въ глуши лѣсной,

При ясномъ днѣ
 И при лунѣ,
 Однѣ мечты
 Со мной: ты, ты!
 Къ тебѣ, другъ мой,
 Къ тебѣ одной,
 Звездъ златой,
 Бѣгу душой!
 О, будь моею!
 Къ волнъ кудрей
 Горнѣ любовь,
 Клокочетъ кровь;
 Мой тяжекъ вздохъ...
 О, кто бы могъ
 Столь хладнымъ быть,
 Не полюбить!

Молчаніе.

вынь-чуть-ды.

Все?... Ахъ, какъ это мило! какъ это прелестно! восхитительно! Какая игривость! какая живость!

юй-лань, тихо.

Какой вздоръ! какая безтолковщина!

ця, такъ же.

А болтаетъ ловко.

юй-лань, такъ же.

Да, только и есть, что болтаетъ.

миао-миао, про-себя.

Ну, этого я сотру первыми четырьмя стихами, съ лица земли сотру. А послѣ моихъ стиховъ никто не захочетъ слушать чьихъ бы то ни было. (Громко, къ Плу-динь-диню.) Преждеродившійся былъ столь вѣжливъ и обаятеленъ, что предлагалъ мнѣ впередъ начинать?...

пху-динь-динь.

Сдѣлайте одолженіе, старшій братецъ!...

мiao-мiao, помолчавъ, читаетъ тихо, плавно, выразительно.

ЖАЛОБА.

Какъ быстро пролетало время
 Безпечной юности моей!
 Я скоро на груди своей
 Почувствовалъ несчастій бремя.
 Какъ лава закипала кровь,
 И сердцемъ заиграли страсти.....
 Причиной всѣхъ моихъ несчастій —
 Къ тебѣ, жестокая, любовь!

юй-лань, тихо.

Ахъ, мнѣ дурно! Я боюсь, что упаду въ обморокъ
 прежде нежели нужно.

ца, такъ же.

Да, правда; и мнѣ что-то тошно.

мiao-мiao, продолжаетъ.

О, посмотрите жъ, для поэта,
 Едва настало жизни лѣто,
 И гдѣ жъ, и гдѣ жъ его тепло?
 Въ очахъ ужъ нѣтъ любви магнита;
 Поблекли юныя ланиты,
 Въ усмашкѣ колкой горе скрыто,
 И думъ перунами, чело
 Какъ море бурное изрыто;
 И жаръ восторговъ молодыхъ,
 Давно въ груди его затихъ.
 Мнѣ все здѣсь кажется постылымъ,
 Угрюмымъ, дикимъ и унылымъ.
 Я не пляняюсь ни луной,
 Ни бирюзовою волной;
 Забыта нѣга сладострастья,
 Противны ласки юныхъ дѣвъ,
 Ихъ обольстительный напѣвъ
 Ужъ не дарить, какъ прежде, счастья.
 Дождусь ли я блаженства вновь,
 Узнаю ль снова я любовь!

Юй-лань, почти въ-слушь.

Фи! фи! что за гадость! Да еще какъ безстыдно!

вынь-чень-дзы, заглушая ее неистовымъ рукоплесканіемъ.

Браво! браво! чудо! чудо! превосходно! очаровательно! несравненно!

Міао-Міао съ самодовольнымъ видомъ посматриваетъ во всѣ стороны. Конъ-фу-дзянь, въ досадѣ кусаетъ губы, а Пху-днь-днь смотритъ на обонхъ съ презрительною улыбкой.

вынь-чень-дзы, къ Пху-днь-днюю.

Ну, теперь ваша очередь. Пожалуйте! Чѣмъ-то вы насъ порадуете?

пху-днь-днь, про-себя.

Да, что-то онъ скажетъ на мои стихи, когда ужъ тутъ столько накричалъ?

Выступаетъ впередъ, принимаетъ живописное, небрежное, положеніе и, не развертывая своей бумаги, начинаетъ декламировать.

КЪ ЛУНЬ.

Туманною и мрачною мглою
 Одыся вѣчный небосклонъ;
 И тучъ громадныхъ пеленою
 Весь горизонтъ загроможденъ.
 И вотъ луна, какъ-бы ошибкой,
 Взошла и міръ даритъ улыбкой.
 Какъ уютельно-свѣтло
 Ея роскошное чело.
 Она, какъ дѣва, въ мракъ ночи
 Свои провзительные очи
 На землю съ лаской навела,
 И разбросала кудрей волны,
 На мрачный лѣсъ, молчанья полный,
 И страсть въ груди моей зажгла.
 И будто дѣва молодая,
 Глядитъ она, восторгомъ тая.
 Ея волшебный дивный свѣтъ,
 Какъ обольстительный привѣтъ,
 Какъ поцѣлуй, какъ тайный трепеть

Младой красы, небрежный лепеть
И вдохновительный напавъ
Волшебныхъ и роскошныхъ дзвъ.
Луна, луна! О какъ могу я
Тобой прельщаться, не тоскуя!

Молчаніе. Пху-дзвъ-дзвъ окладываетъ всѣхъ торжествующимъ
взглядомъ.

вмь-чнь-дзы, рукоплещеть.

Прекрасно! высоко! гениально! Вы первый поэтъ во
всей Поднебесной Имперіи.

юй-лань, въ сторону.

Какъ надутъ! Какой вздоръ! Это первый враль Се-
рединнаго Государства.

ця.

Я ровно ничего не поняла.

юй-лань.

И не мудрено.

вмь-чнь-дзы, повторяя стихи.

Какъ поцалуй, какъ тайный трепеть
Младой красы, небрежный лепеть
И вдохновительный напавъ
Волшебныхъ и роскошныхъ дзвъ...

Превосходно! А эти кудри, разсыпанные на лѣсъ.
Молодой человекъ, вы — великій поэтъ.

пху-дзвъ-дзвъ кланяется съ самодовольною улыбкой.

Вы мнѣ льстите....

вмь-чнь-дзы.

О, нѣтъ! ни сколько! Повторяю вамъ: молодой чело-
вѣкъ, вы — великій поэтъ. Вы одержали побѣду надъ
двумя великими поэтами, стало-быть, вы въ-тройнѣ ве-
ликій поэтъ.....

конъ-фу-дзвъ и мiao-мiao.

Какъ?.... что?.... что это значитъ?.... что онъ го-
ворить?....

вмь-чнь-дзы.

Какъ мнѣ ни жаль вашихъ даровитыхъ, гениальныхъ,

соперниковъ, которыхъ я лично уважаю и люблю столько же сколько васъ, однако жъ я долженъ отдать вамъ преимущество, признать васъ побѣдителемъ.....

Иху-дннь-дннь кланяется.

конь-фу-дзянь, къ Мiao-miao.

Что онъ говоритъ?.... что онъ говоритъ?....

miao-miao, перебивая, къ Ень-чень-ды.

Нѣтъ, позвольте!.... позвольте!... не торопитесь!....

иху-дннь-дннь, къ Вынь-чень-ды.

Вашъ судъ не можетъ быть несправедливымъ. Вы, послѣ Сына-Неба, образованнѣйшій и просвѣщеннѣйшій человекъ въ Поднебесной Имперіи. Вы умѣете оцѣнить истинное дарованіе, и мы подчиняемся вашему рѣшенію, какъ слѣдуетъ покорнымъ сыновьямъ подчиняться волѣ отца.....

miao-miao.

Нѣтъ! нѣтъ! погодите!.... Этого дѣла нельзя рѣшить такъ скоро..... Я не говорю, что вашъ судъ несправедливъ..... но..... вы могли увлечься минутнымъ впечатлѣніемъ..... вы могли ошибиться..... Притомъ, одной пьесы слишкомъ мало, для того чтобы оцѣнить писателя по достоинству. Я предлагаю прочесть еще что-нибудь.

конь-фу-дзянь.

Да, да! прочесть еще что-нибудь! Одной пьесы слишкомъ мало.

иху-дннь-дннь.

Пожалуй. Я согласенъ. Мы представимъ на разсмотрѣніе всѣ свои сочиненія, и пусть количество пьесъ покажетъ, на чьей сторонѣ перевѣсъ.....

miao-miao.

Нѣтъ, извините; это не годится. Дѣло идетъ о качествѣ, а не о количествѣ. Количество пьесъ тутъ ничего не покажетъ.....

конъ-фу-дзянь.

Ничего не покажетъ! ничего не покажетъ! И я говорю.....

миао-миао.

Вольно вамъ было столько бумаги измарать. Да что въ томъ толку: вашихъ сочиненій никто не читаетъ....

пху-дннь-дннь.

Какъ!.... моихъ сочиненій не читаютъ?... Кто смѣетъ это сказать? Вашихъ, сударь, вашихъ никто не читаетъ, потому-что они приторны, пошлы, скучны.....

вынь-чепъ-дзы.

Господа, господа! Что вы это.... помилуйте.....

миао-миао.

Мои? Извините! Ваши надуты, вздорны!....

конъ-фу-дзянь.

Пусты, чопорны, нелъпы!....

вынь-чепъ-дзы, махая обѣими руками.

Шш..... шш..... полноте, полноте!.... шшш.

пху-дннь-дннь.

Такъ можетъ судить только презрѣнная толпа!.... такъ могутъ говорить только люди, лишенные всякой способности понимать изящное..... невѣжды.....

миао-миао, наступая на него съ грознымъ жестомъ.

Какъ?..... что?.... какъ вы смѣете?....

конъ-фу-дзянь, такъ же.

Что вы сказали?.... Я вамъ покажу!....

Дѣвушки съ отвращеніемъ отворачиваются и отходятъ въ глубину сцены.

вынь-чепъ-дзы, въ страхѣ, обращаясь то къ тому, то къ другому.

Помилуйте!.... что вы, что вы?.... Господа! какъ вамъ не стыдно? Оставьте пожалуйста, оставьте споръ... (Умоляющимъ тономъ) Развѣ этого нельзя кончить полюбовно?.... Вы знаете, что я всѣхъ васъ уважаю..... Я никого не намѣренъ оскорблять..... Я сознаюсь, что поторопился.....

пху-дннь-дннь.

Неправда! неправда! Вы рѣшили какъ должно, и не можете переѣнить мнѣнія!...

миао-миао.

Нѣтъ, нѣтъ! вы поступили опрометчиво.....

конъ-фу-дзянь.

Необдуманно, неразумительно.....

вынь-чень-дзы.

Да, помиуйте!....

миао-миао.

Это пристрастїе!....

конъ-фу-дзянь.

Это несправедливость!....

вынь-чень-дзы.

Да какъ же.....

миао-миао.

Вы должны обдумать, хорошенько вникнуть.....

конъ-фу-дзянь.

Да, да! вы должны обсудить со вниманїемъ.

вынь-чень-дзы.

Я готовъ.....

пху-дннь-дннь.

Нѣтъ, нѣтъ! вы рѣшили, и дѣло кончено. Вы сказали слово, и не можете взять его назадъ. Дѣло кончено.

миао-миао.

Нѣтъ, нѣтъ, не кончено!

конъ-фу-дзянь.

Не кончено! не кончено!

вынь-чень-дзы, съ крикомъ, стараясь заглушить всѣхъ.

Да перестаньте шумѣть! Дайте слово сказать толкомъ! Что вы это въ самомъ дѣлѣ? Если не хотите ни какъ поладить, такъ я принужденъ буду выгнать

вась всѣхъ, потому—что я всѣхъ вась одинаково люблю, и не хочу никого передъ другимъ обижать. Успокойтесь. Полноте спорить. А браниться—то ужъ вовсе вамъ не пристало. Какъ это можно!... Ну, вотъ, поутихли, такъ какъ-разъ и поладимъ. Я ужъ сознался, что поторопился; давайте же снова. Читайте, я буду слушать. Кто былъ послѣдній, тотъ пусть теперь начинаетъ, а кто былъ первый, тотъ пусть будетъ послѣднимъ. Господинъ Пху-дннь-дннь, не угодно ли вамъ начинать?

МІАО-МІАО.

Нѣтъ, нѣтъ, позвольте! Это не годится. Такимъ образомъ я опять буду второй, по прежнему. Нѣтъ, дайте, я теперь начну. Я былъ второй, такъ мнѣ теперь слѣдуетъ быть первому, а кто былъ послѣднимъ, тотъ пусть будетъ вторымъ.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ.

Да, да; въ самомъ дѣлѣ, такъ лучше: такъ вы всѣ помѣняетесь мѣстами. (Къ Пху-дннь-днню и Ковъ-фу-дзяну) Вѣдь вы согласны, господа?

ПХУ-ДННЬ-ДННЬ.

Пожалуй; мнѣ все равно; я на все согласенъ.

КОВЪ-ФУ-ДЗЯНЬ.

И я тоже, и я тоже. Я не люблю спорить ни съ кѣмъ, а съ вами и подавно. Вы знаете, какъ я вась люблю и уважаю. Самый покорнѣйшій сынъ не можетъ такъ любить отца, какъ я люблю вась.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ.

Вѣрю, вѣрю; знаю. (Про-себя) Охъ! бѣда мнѣ.... что-то будетъ?..... Я вижу, трудно быть экзаменаторомъ. (Къ Міао-міао) Ну, пожалуйста, начните; я слушаю.

МІАО-МІАО.

Сейчасъ, сейчасъ. (Про-себя) Мнѣ теперь, главное, нужно уничтожить впечатлѣніе, произведенное послѣдними стихами Пху-дннь-дння, и я, навѣрное, востор-

жествую. Для этого нужно что-нибудь глубокое, трогательное, возвышенное.... Что же может быть возвышеннѣе, трогательнѣе, зрѣлища растерзанной души поэта? Да, я прочту имъ «Разочарованіе». Это всего лучше. Оно будетъ особенно эффектно по контрасту съ хвастовствомъ этого пустозвона.

Выступая на середину и, послѣ минутнаго молчанія, декламируетъ.

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Въ пустынь сумрачной и дикой
 Стоитъ угрюмая скала,
 Ея высокаго чела,
 Увѣчаннаго повилкой,
 Накрытаго грядою тучъ,
 Не озаряетъ солнца лучъ;
 Въ груди ея не сердце, камень;
 Ея не грѣетъ страсти пламень.
 Но страшнѣе грозный великанъ.
 Заключоталъ въ груди вулканъ,
 Потоки льются жаркой лавы,
 И мѣръ трепещеть. Всюду страхъ!
 Толпа презрѣнная во прахъ!
 Тебѣ ль скала давать уставы!
 Но смолкъ вулканъ, и снова онъ,
 Сокрывъ въ груди громовый стонъ,
 Стоитъ угрюмъ, какъ призракъ хладный,
 Какъ демонъ, въ мукъ безотрадной...
 Таковъ поэтъ! Его тоска,
 Какъ дно пучины глубока.
 Его живыя вдохновенья
 И жаръ восторговъ молодыхъ,
 Его гремящій, вольный стихъ,
 Любви волшебной упоенья,
 Его бывалыя видѣнья,
 И славы дѣвственныя призывъ,
 Все, все прошло! Страстей порывъ
 Замокъ. Безсмысленной толпою

Огонь волмана позабытъ,
 Лишь иногда, подчасъ, порою,
 Подземный гулъ его гремитъ,
 И чернь презривную страшитъ.
 Но пѣснь тоскливая поэта
 Не встрѣтитъ братскаго привѣта,
 И не важечъ ужъ ей любви
 Въ молодой, дѣвической крови.
 Ему несносны люди-братья
 И ихъ холодныя объятія.

Молчаніе.

вынь-чень-дзы, глубоко вздохнуть.

Ахъ!.... Бѣдный, бѣдный молодой человѣкъ!.... О, злые, о, пегодные люди! Неужто въ васъ нѣтъ ни крошки чувства, ни капли состраданія? Это вы, вы доводите великихъ, гениальныхъ, людей до такого горестнаго состоянія!.... Но, нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! еще не всѣ чувствительныя сердца охладѣли на землѣ. Здѣсь, здѣсь, въ этой груди, ты всегда найдешь нѣжное участіе; изъ этихъ устъ всегда услышишь ласковый привѣтъ дружбы..... Прийди, прийди въ мои объятія, милый сынъ! Я помирю тебя со свѣтомъ и жизнью, я.... О! обними меня, мой другъ!....

Хочетъ обнять мiao-мiao.

пху-дннь-дннь, останавливая его,

Позвольте, позвольте! теперь не время для дружескихъ лобзаній. Не угодно ли вамъ сказать свое мнѣніе о стихахъ господина Мiao-мiao, и слушать дальше.

вынь-чень-дзы.

Мое мнѣніе о стихахъ? Да это стихи превосходныя, удивительныя! я лучше ихъ никогда не слыхивалъ....

пху-дннь-дннь.

Вы чрезвычайно скоры на заключенія. Смотрите, опять не увлекитесь, не поступите необдуманно.

вынь-чень-дзы.

Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь: я думаю, я очень думаю. Извольте начинать; кажется, ваша очередь.

ИХУ-ДНЬ-ДНЬ.

Слушайте, и судите по совѣсти. Я прочту вамъ стихи подъ заглавіемъ «Поэтъ.»

Выступаетъ на середину и декламируетъ.

Гремящей пѣсни слышенъ гласъ:
 Стоитъ поэтъ, главою склонясь.
 Подъ вѣчно-яркими звездами,
 Надъ взгроможденными скалами
 Одинъ онъ, въ грозной вышинѣ,
 Стоитъ одынный во мглѣ!
 Поэта лирное бряцанье,
 Струнъ вдохновенныхъ стройный звонъ —
 Какъ вихря въ дебряхъ завыванье,
 Какъ громъ волкана, бури стонъ
 Иль отзывъ яростной пучины,
 Бѣгущей съ гибельной стремнины,
 На уstraшенные равнины.
 Такъ токомъ яростнымъ кипитъ,
 На міръ поэта пѣснь гремитъ.
 Тогда вѣнды ему сплетаетъ,
 И жадный преклоняетъ слухъ
 И лавръ безсмертья обвиваетъ
 Его чело. Какъ дивный, духъ,
 Кого въ сей міръ послали боги,
 Онъ всѣхъ влечетъ въ свои чертоги.
 И тамъ, объемя сонмъ вѣковъ,
 Онъ раскрываетъ міръ незримый,
 И блескомъ огненныхъ стиховъ,
 Упорно гениемъ водимый,
 Онъ озаряетъ мглу земли,
 И слава ждетъ его вдали,
 Светлѣй денницы золотистой,
 Ярче молвіи огнистой.

Молчаніе.

внѣ-чѣвъ-дѣмъ, закрывая глаза руками.

Ослѣпительно! ослѣпительно!..... Боюсь сравнивать,
 боюсь даже говорить.... боюсь поступить необдуманно.
 (Къ Коню-фу-дану.) Читайте ужъ и вы поскорѣ.....

читайте, читайте.... добивайте до конца.... ужъ такъ и быть.... А тамъ.... увидимъ.

конъ-фу-дзянь.

Извольте; сейчасъ начну. Да что бы вамъ такое про-
честъ? Дайте подумать.... что лучше?....

вынь-чень-дзы.

Все равно! читайте, читайте только!

конъ-фу-дзянь.

Да не знаю, что бы выбрать.... Такая пропасть вер-
тится на умъ.... Позвольте.... вотъ, хоть это я вамъ
прочту. Стихотвореніе подъ заглавіемъ «Мечта.»

Становится въ позицію и, откашлявшись, декламируетъ.

Бурями бѣдствій, любовью, мечтами,
На моръ свѣтломъ я въ жизни молодой
Долго носимый судьбой и страстями,
Мрачно ждалъ смерти, убитый душой.
Вдругъ предъ собою я призракъ увидѣлъ:
Дѣва, какъ ангелъ, стоитъ на волнахъ;
Райскіе звуки рѣчей я услышалъ,
Мнилось, что звуки родились въ мечтахъ....
Пѣна лобзала стопы у чудесной;
Бура вѣвѣвала ей кудри власовъ;
Очи свѣтились лавурью небесной;
Перси бѣлѣлись снѣгами холмовъ....

Ахъ!.... досадно!.... не припомню дальше.... Перси
бѣлѣлись снѣгами холмовъ.... Кудри вились.... Нѣтъ,
не то! Этакая досада! никакъ не могу вспомнить!....
Перси бѣлѣлись.... Нѣтъ! Ну, я прочту вамъ что-ни-
будь другое.

вынь-чень-дзы.

Пожалуй, прочтите другое. Впрочемъ, и этого почти
довольно. Жаль, что не упомяните конца. А прекрасная
вещь, чудесная вещь. Надо отдать справедливость.

конъ-фу-дзянь.

Да, я самъ думаю, что это одно изъ лучшихъ моихъ

произведеній. Досадно, что забыть. Ну, да вотъ, я прочту другое. «Къ Дѣвѣ.»

Поэта пламенныхъ созданій
 Не бойся, дѣва; сила ихъ
 Не отучить твоихъ желаній
 И не понизитъ думъ твоихъ.
 Когда въ воздушные соблазны
 И безграничныя мечты....

И безграничныя мечты..... (Ударивъ себя по лбу.) О
 какая несчастная память!.... И это забыть! Такъ по-
 звольте же, вотъ еще другое. «Тоска.»

ПЛУ-ДНЬ-ДНЬ.

Да вы, никакъ, хотите заставитьъ насъ выслушать
 всѣ свои неконченныя сочиненія?

КОНЪ-СУ-ДЯНЪ.

А вамъ ужъ страшно стало?.... Впрочемъ, вы може-
 те и не слушать: это до васъ не касается; я не вамъ
 читаю.

ПЛУ-ДНЬ-ДНЬ.

О! не воображайте, будто я боюсь вашего соперни-
 чества!

КОНЪ-СУ-ДЯНЪ, поклонившись ему съ насмѣшливой улыбкой.

ТОСКА.

Летѣли дни какъ облака....
 Душа болѣзненно страдала,
 И ужъ жестокая тоска
 Младую грудь мою терзала!
 И предо мною дольній міръ
 Облекся въ саванъ погребальный.
 Но сердца пламенный кумиръ
 Не улетѣлъ, какъ вздохъ печальный,
 Какъ поцѣлуй любви прощальный!....
 И равнодушенъ ко всему,
 И хладною душой тоскуя,
 Я не стремлюся ни къ чему,

Былыхъ восторговъ не пойму я.
 Одна любовь, какъ лучъ святой,
 Въ моей душѣ еще пылала
 И сердца холодъ гробовой
 Воспоминаньемъ согревала.....
 Но вотъ она.... я ожилъ вновь;
 И страстью закипѣла кровь.
 Опять былые сны возстали.
 Она моя! уста шептали.
 Я къ ней опять стремлюсь душой,
 Опять мечтаю я порой
 И вновь восторгъ меня ледветъ,
 Крыломъ вѣрнымъ осѣня,
 Опять мнѣ грудь живить и грѣтъ
 Святило огненное дня!
 Въ ея лицѣ лилейно-аломъ
 Улыбка, и лазурь въ очахъ,
 И подъ воздушнымъ покрываломъ
 Лилось золото въ кудряхъ.
 Она, казалось, понимала
 Земной, нескладный лепетъ мой,
 И внемля мнѣ, своей главою
 Она въ молчаньи помавала.
 Я погрузился въ небеса.....
 Но помнила мнѣ краса,
 И снова я, съ тоской холодной
 Остался въ мирѣ одинокъ.
 Зову любовь мольбой бесплодной,
 Клянусь весь миръ, себя и рокъ.

Молчаніе.

вынь-чепъ-дзы, опрокидывался на спинку скамьи.

О! пощадите! пощадите!.... Умру отъ восторга! право, умру! Не могу больше..... Кончено!

пу-дны-дны.

Помилуйте, гдѣ же кончено? Вы должны сказать, кто побѣдитель!

вынь-чепъ-дзы, зажмурившись и указывая обѣими руками на Конфу-дзина.

Кончено.... кончено.... онъ!... онъ!

ПХУ-ДНЬ-ДНЬ.

Какъ онъ!.... онъ? Конъ-фу-дзянь? Что вы, что вы?..
вы забыли....

МІАО-МІАО.

Да, сударь, да! вы забыли мои стихи..... вы опять
поступаете несправедливо, пристрастно.....

КОНЪ-ФУ-ДЗЯНЬ.

Совершенно справедливо, совершенно безпристраст-
но.....

МІАО-МІАО.

Вздорь! вздорь! этому не бывать!

КОНЪ-ФУ-ДЗЯНЬ.

Будеть! будеть!

ПХУ-ДНЬ-ДНЬ.

Не бывать! не бывать!

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ.

Господа, господа.... да что же мнѣ дѣлать?.

ПХУ-ДНЬ-ДНЬ.

Слушать, слушать! и судить безпристрастно!...

МІАО-МІАО.

Вы забыли мои стихи.....

ПХУ-ДНЬ-ДНЬ и МІАО-МІАО.

И мои! — и мои!....

Пху-днь-днь, Міао-міао и Конъ-фу-дзянь поднимаютъ Вынь-ченъ-
дзы со скамейки и тащатъ, по очередно, каждый къ себѣ.

міао-міао, притащивъ къ себѣ, за руку.

Таковъ поэтъ! Его тоска

Какъ дно пучины глубока.

Его живыя вдохновенья

И жаръ восторговъ молодыхъ....

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ.

О!.... о!....

пху-днь-днь, такъ же, съ другой стороны.

Поэта дурное бряцанье,

Струнь вдохновенныхъ стройный звонъ —
 Какъ вихря въ дебряхъ завыванье,
 Какъ громъ волкана, бури стонъ.....

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ.

О!... о!...

КОНЬ-ДУ-ДЗЯНЬ, такъ же, схвативъ его за воротъ.

И снова я, съ тоской холодной,
 Остался въ миръ одинокъ.
 Зову любовь мольбой бесплодной,
 Клянусь весь миръ, себя и рокъ!...

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ, вырвавшись и упавъ на скамейку.

Ухъ!... не могу!... не могу, право, не могу больше!...
 Пощадите!.... Охъ!... совсѣмъ измучился.... Дочь, поди
 сюда.... поди.... Какъ хочешь, ты сама должна вы-
 брать себѣ жениха.... Я не могу.... не въ силахъ....
 Охъ!... никогда не буду экзаменаторомъ.... Трудная о-
 бязанность.... И голова, и бока, и всѣ кости заболѣ-
 ли.... Дочь! Юй-лань, слышишь, поди сюда! Выбериай
 жениха!

ЮЙ-ЛАНЬ, медленно подходитъ.

Батюшка!....

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ.

Слушать не хочу!

ЮЙ-ЛАНЬ.

Я уже сказала вамъ....

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ.

Знать не хочу! Выбериай!

ЮЙ-ЛАНЬ.

Батюшка, помилуйте!....

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЗЫ.

Дочь! отецъ приказываетъ тебѣ выбрать жениха изъ
 трехъ прекраснѣйшихъ молодыхъ людей, изъ трехъ
 великихъ поэтовъ. Выбериай, или....

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

тѣ же, глашатай, за нимъ сы-чуань, со сенткомъ желтой бумаги и стража, двѣнадцать человекъ, съ бамбуковыми палками.

глашатай, прерывая рѣчь Вынь-ченъ-дымъ и указывая на Сы-чуаня.

Благоговѣйте предъ семь!

Всѣ кланяются три раза. Пришедшіе не отвѣчаютъ.

СЫ-ЧУАНЬ.

Кто здѣсь читалъ стихи?

СОЧИНИТЕЛИ, вмѣстѣ.

Я! — Я! — Я!

СЫ-ЧУАНЬ.

Нѣтъ ли еще кого?

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЫМЪ.

Нѣтъ, никого. Я даже не знаю никого, кто бы могъ написать такіе стихи, какъ они пишутъ.

СЫ-ЧУАНЬ.

Покажите же, что это за стихи.

СОЧИНИТЕЛИ.

Зачѣмъ? — Начто? — Вотъ новости!

СЫ-ЧУАНЬ.

Какъ зачѣмъ?... какъ начто? Развѣ вы не знаете, что я—Сы-чуань, зоркій, пронизательный глазъ богдоханскій, который долженъ видѣть всѣ явныя и тайныя дѣйствія подданныхъ Сына-Неба?... который долженъ наблюдать за доброю нравственностію, благочиніемъ и сохраненіемъ порядка въ столицѣ Серединнаго Государства? Тотчасъ подайте ваши стихи!

Пху-диль-диль нехота подаетъ свой свертокъ.

СЫ-ЧУАНЬ, развернувъ.

Ну, такъ и есть! къ лунѣ!..... прямо къ лунѣ! (Къ Пху-диль-дилью.) Позвольте узнать ваше непроизносимое?

ПХУ-ДИЛЬ-ДИЛЬ.

Экзаменованный магистръ Пху-диль-диль.

СЫ-ЧУАНЬ.

Звонкое имя (Указывая стражъ на Пху-дннь-дннь.) Взять его!

ПХУ-ДННЬ-ДННЬ.

Какъ!.... за что?.... что я сдѣлалъ?..... За что меня взять?

СЫ-ЧУАНЬ.

Увидишь за что. (Передавая стихи глашатаю.) Отмѣть на этомъ сто.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДАМ, ПРО-СЕБЯ.

Что это значить?.... что это значить?....

СЫ-ЧУАНЬ, КЪ МІАО-МІАО.

Ну, ты что? Давай!

МІАО-МІАО, ПОПЯТИВИНЬСЯ.

Помилуйте, да меня-то за что?.... я-то чѣмъ виновать?

СЫ-ЧУАНЬ.

Полно толковать! Давай! (Береть у него стихи.) Это что? (Чтаетъ.) «Жалоба». Какъ быстро пролетѣло..... какъ лава закипѣла кровь.... къ тебѣ, жестокая, любовь.... ужъ нѣтъ любви магнита... поблекли юныя ланиты.... и думъ перунами чело.... изрыто.... и жаръ восторговъ молодыхъ.... мнѣ все здѣсь кажется постылымъ... унылымъ... я не плѣняюсь ни луной...» А! (Къ стражъ.) Взять его! (Къ глашатаю.) На этомъ отмѣть пятьдесятъ. (Къ Міао-міао.) А какъ тебя зовутъ?

МІАО-МІАО.

Міао-Міао.

СЫ-ЧУАНЬ.

То-то ты мяучишь какъ голодная кошка.

Ця, тихо, къ Юй-ланн.

Что это значить, сударыня?

№ 3. Отд. III.

10%.

ЮИ-ЛАНЬ, ТИХО.

Молчи; кажется, это что-то очень хорошее.

СЫ-ЧУАНЬ, КЪ КОНЬ-ФУ-ДЗЯНУ.

Ну, ты, любезный, что скажешь?

Беречь у него стихи.

КОНЬ-ФУ-ДЗЯНЬ, ПРО-СЕБЯ.

Что-то тут не ладно. Нельзя ли как-нибудь вывернуться? Жаль, что я еще не знаю, въ чемъ дѣло.

ВЫИЬ-ЧЕНЬ-ДАМЪ, ПРО-СЕБЯ.

Что за чудо! Что тут дѣлается, я совсѣмъ не понимаю?

СЫ-ЧУАНЬ, РАЗВЕРТЫВАЕТЪ БУМАГУ И ЧИТАЕТЪ.

«Къ ней».... Да у нихъ сначала не скоро доберешься до луны: всегда почти въ конецъ запрятана. Дай, прочту съ конца: смыслъ-то тотъ же будетъ. «Не любить.... столь хладнымъ быть.... могъ.... вздохъ.... клокочетъ кровь.... горитъ любовь.... душой.... златой.... другъ мой.... ты, ты.... мечты.... и при лунѣ....» Вотъ оно! (Къ Конь-фу-дзяну.) Какъ тебя зовутъ?

КОНЬ-ФУ-ДЗЯНЬ.

Конь-фу-дзянь.

СЫ-ЧУАНЬ.

Хорошъ! Этакую чепуху нагородилъ! Ни сверху внизъ, ни снизу вверхъ, нѣтъ никакого толку. (Къ стражъ и глашатаю.) Взять его! Отмѣть пятьдесятъ.

СОЧИНТЕЛИ, ВМѢСТѢ.

Да что же это такое? — Что это значить? — На что это похоже?

СЫ-ЧУАНЬ.

Молчать!... Глашатай, читай указъ.

ГЛАШАТАЙ, ПОДХОДИТЬ КЪ СЫ-ЧУАНЮ, СТАНОВИТСЯ НА КОЛѢНИ, ПРИНИМАЕТЪ ЖЕЛТЫЙ СВИТОКЪ И, ВЫСТУПИВЪ НА СЕРЕДИНУ, ПОДНИМАЕТЪ ЕГО НАДЪ ГОЛОВОЙ.

Слушайте! слушайте!

Всѣ кроиъ глашатаи падають на колѣни и девять разъ кланяются.

глашатаи, развернувъ бумагу, читають громогласно:

«Указъ отъ великаго богдохана, намѣстника Великаго Духа, Сына-Неба, обладателя міра, государя государей и повелителя Серединнаго Государства, мудрѣйшаго и славнѣйшаго изъ владыхъ, великаго Джинъ-джунъ-ши-хоанъ-дзи, изъ династїи Тай-дзинъ, — всѣмъ поданнымъ Поднебесной Имперїи.

«Изъ доклада моего раба, главнаго астронома Цинь-цинъ-дзяна и изслѣдованїя дѣла ученымъ приказомъ великою моею богдоханскою премудростїю усмотрѣно, что плохіе стиходѣи и дюжинные книжныхъ дѣлъ мастера дѣйствительно были причиною тому, что шесть лунъ, въ вѣкахъ минувшихъ, уже оставили землю, наскучивъ глухими стихами этого негоднаго племени, какъ о томъ гласитъ древнее преданїе. Нынѣ, по показанїю ученаго моего раба Цинь-цинъ-дзяна, послѣдняя оставшаяся у насъ луна обрѣтается въ крайнемъ неудовольствїи на нелѣпныя посланїя и бессмысленныя возгласы стиходѣлателей, хочеть также оставить землю и перейти къ Сатурну, гдѣ живутъ ея старшія сестры. Посему, для отвращенїя могущаго произойти отъ того великаго бѣдствїя и грозящей всему Серединному Государству опасности, я, Сынъ-Неба, по неизмѣримои мудрости моей, разсудилъ: настражайше запретить всей неугомонной породѣ бездарныхъ стиходѣвѣвъ и дюжинныхъ книжныхъ дѣлъ мастеровъ, и вообще всѣмъ поданнымъ Сына-Неба, чтобы отнюдь не дерзали писать никакихъ посланїй и возгласовъ къ лунѣ, и въ другихъ стихахъ не смѣли бы употреблять во зло имени луны, слово, которое приказываю почитать отнынѣ священнымъ и неприкосновеннымъ, наравнѣ съ именами Великаго Духа и его намѣстника. Ослушники противу сего да страшатся моего гнѣва и крѣпкаго наказанїя. Симъ указомъ я, Сынъ-Неба, по необъятной мудрости и неисчерпаемой милости моей, утверждаю законъ.

на вѣчныя предбудущія времена: во-первыхъ, буде кто осмѣлится въ плохихъ, безтолковыхъ стихахъ, употребить слово луна, то такового отбить бамбуками по пятмъ, — дать ему пятьдесятъ ударовъ, — и отправить на годъ въ тяжелую работу; во-вторыхъ, буде кто дерзнетъ написать бессмысленное посланіе или нелѣпный возгласъ, непосредственно обращенный къ лунѣ, то такового весьма отбить бамбуками по пятмъ, — дать ему сто ударовъ, — надѣть рогатку на шею и отправить на три года въ тяжелую работу. **Исполняйте сіе!»**

Между слушателями движеніе.

ГЛАШАТАЙ.

Слушайте! слушайте! Дополнительная статья. Такъ-какъ Поднебесная Имперія не можетъ существовать безъ стиховъ, которые необходимы на испытанія для полученія ученыхъ степеней, то я, Сынъ-Неба, по непостижимой мудрости моей, приказываю: вообще позволить писать стихи, съ тѣмъ однако же, чтобы стихи были толковые, заключающіе въ себѣ какой-нибудь смыслъ, чтобы предметы, описываемые стихами, были благородные, достойные поэзіи; чтобы вообще всѣ поэтическія произведенія имѣли какую-нибудь цѣль, стремились бы къ распространенію изящнаго вкуса, просвѣщенія, къ посѣянію чистой нравственности, къ поощренію добродѣтели и къ усовершенствованію человѣческаго рода. Всякаго же, кто будетъ писать стихи, не соблюдая вышеперѣченныхъ условій, хотя и избѣгнетъ запрещенныхъ формъ, я, Сынъ-Неба, по бездонной мудрости и паразитической милости моей, приказываю разжаловать въ школьники и отдать для обученія въ мѣстное приходское училище. Буде же кто окажется совершенно неспособнымъ, то такому дать землю и плугъ, или иное орудіе, чтобы пахалъ или занимался инымъ какимъ полезнымъ ремесломъ. **Исполняйте сіе!»**

Между слушателями движеніе. Юн-лань тихо говорить съ горничною та уходитъ.

глашатай, ставъ на колѣни, отдасть указъ Сы-чуаню и беретъ у него другую бумагу.

Слушайте! слушайте еще! (Читаетъ). «Приказъ ученому моему богдоханскому рабу, мандарину Сы-чуаню, зоркому глазу и блюстителю благочинія въ столицѣ Серединнаго Государства. Передавая указъ о дурныхъ стиходѣяхъ и книжныхъ дѣлъ мастерахъ, для надлежащаго исполненія, я, Сынъ-Неба, по невѣроятной мудрости моей, приказываю тебѣ: во-первыхъ, исполнять оный указъ съ величайшею точностію; во-вторыхъ, считать его дѣйствительнымъ къ заднимъ числамъ на семь дней и впредь на вѣчныя времена. А посему, для умиловленія прогнѣванной луны и для примѣра потомкамъ, я, Сынъ-Неба, по неизмовѣрной мудрости и неподобной милости моей, приказываю тебѣ, рабу моему, изловить всѣхъ плохихъ стиходѣевъ, которые въ-продолженіи прошедшей недѣли поступали противъ моего богдоханскаго указа, отбить ихъ бамбуками, какъ слѣдуетъ и отправить въ работу, копать новый каналъ, что проводится поперегъ всей Поднебесной Имперіи. Пусть они дѣлаютъ хоть что-нибудь путное для другихъ и для себя. Исполняй сіе!»

Молчаніе. Пху-дннь-дннь, Конъ-су-дзянь и Мiao-miao въ ужасѣ.

сы-чуань, взявъ бумагу отъ глашатая.

На основаніи этого приказа, я, ученый, экзаменованный мандаринъ Сы-чуань, зоркій, проникательный глазъ богдоханскій, блюститель общественнаго порядка и благочинія въ столицѣ Серединнаго Государства, беру васъ, уличенныхъ стиходѣевъ, подъ стражу, для поступленія съ вами, какъ приказано. (Къ стражѣ.) Ведите ихъ!

Пху-дннь-дннь, Конъ-су-дзянь и Мiao-miao, въ совершенномъ уныніи уходятъ со стражею. За ними Сы-чуань и глашатай.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕЙСТВИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЭМЪ И ЮЙ-ЛАНЬ.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЭМЪ СТОИТЬ НЕПОДВИЖНО И СЪ НЕДОУМВЛЕНІЕМЪ СМОТРИТЬ
ВЪ-СЛѢДЪ УХОДАЩИМЪ.

ЮЙ-ЛАНЬ, ТОЛКАЯ ЕГО.

Батюшка! батюшка, что съ вами?

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЭМЪ, ПРИХОДИ ВЪ СЕБЯ.

Охъ!... Да, дочь моя, скажи мнѣ, что со мною дѣ-
лается? Мнѣ кажется, что я сплю и вижу безтолковый
сонъ.

ЮЙ-ЛАНЬ.

Какой безтолковый сонъ, батюшка! Неужто вы не
поняли? Десять-тысячь-лѣтъ издавъ благодѣтельный у-
казъ, которымъ запрещается писать плохіе стихи.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЭМЪ.

Да, да!... Но развѣ эти стихи были плохи?

ЮЙ-ЛАНЬ.

Конечно, плохи, когда самъ Сынъ-Неба такъ ска-
залъ.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЭМЪ.

Да, конечно, конечно!... Но за кого же я теперь
отдамъ тебя за-мужъ, когда на твоихъ жениховъ на-
дѣли рогатки и послали копать каналъ?

ЮЙ-ЛАНЬ.

Ахъ, батюшка, отдайте меня за капитана барсовъ,
Минь-джана!

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЭМЪ.

Какъ! чтобы я, ученый, экзаменованный мандаринъ,
отдалъ дочь за какого-нибудь капитана барсовъ, за
солдата, который не умѣетъ написать двухъ стиховъ?
Никогда!

ЮЙ-ЛАНЬ.

Батюшка!... Вѣдь вы видѣли, что бываетъ съ тѣми,
кто пишетъ стихи.

МЫНЬ-ЧЕПЪ-ДЗЫ.

Ну, пусть не пишеть, а только чтобы умѣль писать, чтобы былъ ученый.

ЮЙ-ЛАНЬ.

Минь-джанъ умѣеть писать стихи, право, умѣеть! Онъ только потому не пишеть, что Сынь-Неба не велеть.

МЫНЬ-ЧЕПЪ-ДЗЫ.

Ну, коли умѣеть....

ЮЙ-ЛАНЬ.

Вы отгадите меня за него? Да, да, батюшка, вы отгадите меня за Минь-джана?... Не правда ли?... да, да!

МЫНЬ-ЧЕПЪ-ДЗЫ.

Дочь, вспомни, что ты дѣлаешь! Ты поступаешь противъ Устава о десяти тысячахъ церемоній!.... Какъ можно дѣвушка въпрашивать себѣ жениха? На что это похоже!....

ЮЙ-ЛАНЬ.

Ахъ, батюшка, простите! Вы сами не велѣли мнѣ переменитьсь.

МЫНЬ-ЧЕПЪ-ДЗЫ.

Не велѣлъ! не велѣлъ!... Ты все бросаешься изъ одной крайности въ другую. Значить, ты не хорошо вникала въ правила мудраго Мынь-дзы, который.....

ЮЙ-ЛАНЬ.

Ну, батюшка-душенька, оставьте покуда правила.... Я потомъ положу девяносто земныхъ поклоновъ, чтобы наказать себя за нарушение ихъ. Только обѣщайте выдать меня за-мужъ за Минь-джана.... Вотъ онъ идетъ.... Ахъ, какъ къ-статн!....

МЫНЬ-ЧЕПЪ-ДЗЫ.

Идетъ!.... кто идетъ?.... какъ идетъ?... откуда идетъ?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢЖЕ, ЦЯ И МИНЬ-ДЖАНЪ.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЫ.

Что вамъ угодно, сударь? Зачѣмъ вы пришли? Кто вы таковы?

ЮЙ-ЛАНЬ.

Батюшка, будто вы не знаете?.... Это онъ, Минь-джанъ!

МИНЬ-ДЖАНЪ, ПОКЛОННИВШИСЯ ТРИ РАЗА.

Я — Минь-джанъ, капитанъ барсовъ непобѣдимой богдоханской гвардіи, служившій прежде въ судейскомъ приказѣ, въ чинѣ экзаменованнаго кандидата, но перешедшій въ военную службу, потому-что оказался неспособнымъ къ крючкотворству и не умѣлъ брать взятокъ. Я люблю дочь вашу, высокостепенный мандаринъ, и намѣренъ жениться на ней, если это вашей милости не будетъ противно....

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЫ.

Ты служилъ въ судейскомъ приказѣ?... Былъ экзаменованнымъ кандидатомъ?.... Стало-быть, тебѣ не далеко было до магистра, и ты умѣешь писать стихи?

МИНЬ-ДЖАНЪ.

На экзаменѣ я писалъ и стихи и философскія разсужденія.

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЫ.

А хороши были стихи?

ЮЙ-ЛАНЬ.

Прекрасны, батюшка, прекрасны!

ВЫНЬ-ЧЕНЬ-ДЫ.

Ты почему знаешь?

ЮЙ-ЛАНЬ.

Я читала. Они напечатаны!

ВЫНЬ-ЧЕТЬ-ДЫ.

Ну, хорошо. Я испытывать не стану, потому—что сейчас былъ указъ объ этомъ.... Хорошо. Я согласенъ. Надобно же справить свадьбу, когда всѣ приготовления ужь сдѣланы. Ця, подай рисоваго вина!..

ЮЙ-ЛАНЬ.

Погодите, погодите, батюшка! Одну минуточку.

ВЫНЬ-ЧЕТЬ-ДЫ.

Ну, вотъ!... То торопить, то погоди! На тебя не угодишь... Все крайности, крайности...

ЮЙ-ЛАНЬ, къ Минь-джану, присѣдая.

Вы, покуда, еще не совсѣмъ мой женихъ, такъ я, младшая сестрица, покорнѣйше прошу васъ, старшій братецъ, поклониться мнѣ, какъ водится между братцемъ и сестрицей, а потомъ выслушать маленькую просьбу.

МИНЬ-ДЖАНЪ.

Младшій братецъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность и считаетъ особеннымъ удовольствіемъ исполнять все, что прикажетъ ему такая миленькая старшая сестрица. Кланяется ей три раза; она три раза присѣдаетъ.

ЮЙ-ЛАНЬ.

Теперь младшая сестрица проситъ старшаго брата обѣщать, что онъ въ жизнь свою не станетъ писать стиховъ.

МИНЬ-ДЖАНЪ.

Младшій братецъ обѣщаетъ это съ удовольствіемъ.

ЮЙ-ЛАНЬ.

И не водиться съ стихотворцами!...

МИНЬ-ДЖАНЪ.

И не водиться съ стихотворцами!...

ЮЙ-ЛАНЬ.

Ничего у нихъ не перенимать!...

МИНЬ-ДЖАНЪ.

Ничего у нихъ не перенимать.

ЮЙ-ЛАНЪ.

И не писать вычурнымъ, надутымъ слогомъ.....

МИНЬ-ДЖАНЪ.

И не писать вычурнымъ, надутымъ, слогомъ.

ЮЙ-ЛАНЪ.

Младшая сестрица проситъ, чтобы старшій братецъ поклонился.

МИНЬ-ДЖАНЪ.

Младшій братецъ клянется глазами старшей сестрицы.

ЮЙ-ЛАНЪ.

Ну, хорошо. Теперь извольте състь. Я буду привѣтствовать васъ, какъ правила Устава о десяти тысячахъ церемоній велеть невѣстѣ привѣтствовать жениха.

Минь-джанъ садится на скамейку; Юй-ланъ отходитъ на нѣсколько шаговъ и потомъ три раза передъ нимъ присѣдается. Онъ, въ отвѣтъ, столько же разъ слегка киваетъ ей головой. Занавѣсъ опускается.

Писалъ сію комедію и въ дѣйствительности событія свидѣтельствуешь приложеніемъ своей руки

Иванъ Ивановичъ сынъ **Деревяшкинъ.**

Кяхта.
1841.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Иностранная Словесность.

=

ХИТАНОЧКА.

=

ПОВѢСТЬ СЕРВАНТЕСА.

—

(ОКОНЧАНИЕ).

Въ одно прекрасное утро, когда Хитаночка съ бабушкой и прочія Хитанки шли въ Мадридъ, для сбора жатвы, въ небольшой долинь, шагахъ въ пяти-стахъ отъ города, онѣ увидѣли красиваго молодого мужчину, богато одѣтаго по дорожному: шпага его и кинжалъ, какъ жарь горѣли; шляпа украшена была богатой тесьмой и разноцвѣтными перьями. Увидѣвъ его, Хитанки остановились и принялись его разсматривать, удивляясь, что такой красивый молодецъ зашелъ объ эту пору въ такое мѣсто гѣшкомъ и одинъ. Онъ приблизился къ нимъ и, обратясь къ старой Хитанѣ, сказалъ ей: Заклинаю тебя жизнью, любезная, сдѣлай мнѣ удовольствіе, отойдите въ сторону и выслушайте, ты и Пресіоса, пару словъ, которыя касаются вашей пользы.

№ 3. Отд. IV.

3/.

— Если не нужно далеко сходить съ дороги и долго оставаться, то пожалуй, отвѣчала старуха, и кликнувъ Пресіосу, отошла съ нею и съ молодымъ человѣкомъ шаговъ на двадцать отъ другихъ.

— Я такъ плѣненъ умомъ и красотою Пресіосы, сказалъ молодой человѣкъ: что, послѣ долгихъ усилій и борьбы, принужденъ былъ рѣшиться на настоящій мой поступокъ. Я дворянинъ, мой сеньоры. (Всегда долженъ буду васъ называть сеньорами, если небо исполнить мое намѣреніе). А что я дворянинъ, это можетъ доказать орденъ, который на мнѣ. Тутъ, распахнувъ свою епанчу, онъ раскрылъ на груди одинъ изъ самыхъ почетныхъ орденовъ Испаніи.

— Я сынъ такого-то; (по уважительнымъ причинамъ имя его здѣсь не объявляется). Нахожусь подъ его опекой и покровительствомъ. Я у него сынъ единственный, и потому ожидаю хорошаго маіоратства. Отецъ мой хлопочетъ теперь при дворѣ о мѣстѣ; объ немъ ужъ положено, и онъ имѣетъ почти вѣрныя надежды на успѣхъ. Но не довольствуюсь моимъ званіемъ и дворянствомъ, о которыхъ, по сказанному мною, вы должны теперь имѣть понятіе, я желалъ бы быть самымъ значительнымъ вельможею, чтобы возвысить смиренную Пресіосу, содѣлавъ ее своею равною, своею повелительницею. Я нищу ее не шутя; въ истинной любви, которую я къ ней питаю, шуткамъ и мѣста нѣтъ: я только и желаю что служить ей въ угоду: ея воля — мнѣ законъ. Передъ нею сердце мое изъ воску; она на немъ можетъ оттиснуть что хочетъ; а сохраняться будутъ эти оттиски не такъ, какъ на воску; но, напротивъ, такъ, какъ будто бы они вырѣзаны были на мраморѣ, котораго твердость противится разрушительной силѣ времени. Если вы мнѣ вѣрите, вы оживите мою надежду; если же не вѣрите, ваше сомнѣніе повергнетъ меня въ безконечную тревогу. Меня зовутъ такъ-то: имя моего отца я уже сказалъ вамъ. Домъ, въ которомъ онъ живетъ,

въ такой-то улицѣ, и его можно распознать по такимъ-то и такимъ-то примѣтамъ. У насъ довольно сосѣдей, у которыхъ можете освѣδοниться; впрочемъ, на это вамъ сосѣди и не нужны: наше имя и званіе не такое темное, чтобы ихъ не знали во всѣхъ барскихъ домахъ и при самомъ дворѣ. Вотъ сто золотыхъ эскудовъ; пусть они будутъ свадебнымъ подаркомъ и знакомъ всего того, что я намѣренъ дать вамъ; кто отдаетъ сердце, тотъ не долженъ дорожить имуществомъ.

Пока дворянчикъ говорилъ, Пресіоса пристально смотрѣла на него, и, безъ сомнѣнія, его рѣчь и наружность не показались ей непріятными. Она обратилась къ старухѣ и сказала:

— Извини, бабушка, что я беру смѣлость отвѣчать этому влюбленному господину.

— Говори, что хочешь, внученька, отвѣчала старуха: я знаю, что ты на все смышлена.

— И Пресіоса сказала: Хотя я, сударь, Хитанка, не благородная, однако у меня тутъ сидитъ причудливый умшико, который высоко летаетъ. Меня не увлекаютъ обѣщанія, не соблазняютъ подарки, не трогаютъ покорность, не пугаютъ хитрости влюбленныхъ; мнѣ, правда, еще нѣтъ пятнадцати лѣтъ, — которые, по счету бабушки, минуть въ Михайловъ день, — да разсудкомъ-то я постарше, и понимаю больше, чѣмъ бы можно было ожидать отъ моего возраста, — болѣе по врожденнымъ способностямъ, чѣмъ въ слѣдствіе опытности. Какъ бы то ни было, я знаю, что новенькая любовная страсть молодыхъ людей — припадокъ безумія, въ которомъ они, ни во что не ставя всѣ препятствія, безразсудно стремятся къ предмету своихъ желаній и, обыкновенно, повергаются въ бездну горя и заботъ вмѣсто того, чтобы обрѣсть рай наслажденія. Когда они достигнутъ желаемаго, то, при обладаніи предметомъ страсти, жаръ простываетъ, и если потомъ глаза разсудка провидятъ, такъ, пожалуй, еще стануть ненавидѣть то, что прежде обожали. Опа-

сеніе - подобной участи раждаетъ во мнѣ такую осторожность, что я не вѣрю ни какимъ словамъ и сомнѣваюсь во многихъ дѣлахъ. У меня только одно сокровище, которымъ я дорожу больше жизни: это честь моя и невинность. Я не продамъ его ни за обѣщанія, ни за подарки, потому-что это былъ бы торгъ; а если такое сокровище продажное, такъ оно не большаго стѣитъ. Хитростью и обманомъ у меня его тоже не возьмутъ: скорѣй пойду съ нимъ въ могилу, а можетъ-быть и на небо, чѣмъ подвергнусь опасности, за сонныя грезы и пустые призраки, отдать его на порчу и поруганіе. Невинность такой цвѣтокъ, который, если можно, не должно позволить помять и воображенію: какъ скоро и легко вянетъ роза, сорванная со своего стебелька! Одинъ ее въ руки возьметъ, другой понюхаетъ, третій обшлеплетъ, и наконецъ она совсѣмъ погибнетъ въ грубыхъ рукахъ. Если, вы, сударь, пришли сюда съ одной этой цѣлью, то достигнете желаемаго не иначе, какъ связавъ себя узами брака: если невинность должна преклониться, такъ только подъ это святое иго. Въ такомъ случаѣ она не погибаетъ, но употребляется такъ, что изъ нея пронстекаетъ благополучіе. Если вы хотите жениться на мнѣ, я согласна; но только со многими условіями и предварительными объясненіями. Прежде всего мнѣ надобно узнать, точно ли вы тотъ, за кого себя выдаете; потомъ, когда это окажется истиннымъ, вы тотчасъ должны оставить домъ вашихъ родителей, промѣнять его на нашъ таборъ и одѣться по нашему, по хитански; должны провести два года въ нашемъ обществѣ, для того, чтобы мы оба имѣли время взаимно ознакомиться. Если вы, по минованіи этого срока, останетесь довольны мною и я вами, тогда я буду вашею женой. Но до-тѣхъ-поръ вы должны обращаться со мною какъ съ сестрой, а я буду услуживать вамъ какъ преданная раба. Не забудьте также, что во время этого искуса, можетъ-быть вы откроете глаза, — которые

теперь у васъ, кажется, ослѣпли или по-крайней-мѣрѣ отуманены, — и увидите, что вамъ должно бѣжать того, за чѣмъ вы теперь такъ горячо гонитесь. Тогда, если вы воротите свою потерянную свободу усерднымъ раскаяніемъ, ваша вина будетъ вамъ прощена. Если хотите на такихъ условіяхъ вступить рядовымъ въ нашъ полкъ, такъ дѣло въ вашихъ рукахъ; если же не исполните хоть одного изъ нихъ, такъ и не получите ни одного пальца моей руки.

Слушая слова Пресіосы, молодой человѣкъ, внѣ себя отъ удивленія, сталъ въ тупикъ, устремилъ глаза въ землю, и не зналъ, что отвѣчать. Видя это, Пресіоса снова повела рѣчь: — Это дѣло не такъ маловажно, чтобы его можно было рѣшить въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, которыми намъ дано располагать: ступайте, сеньоръ, въ городъ и обдумайте на-просторѣ, что вамъ въ настоящемъ случаѣ полезнѣе. Вы, если хотите, всегда можете видѣться и говорить со мной на этомъ мѣстѣ: я каждый праздникъ этою дорогою хожу въ Мадридъ.

На это молодой человѣкъ отвѣчалъ: — Когда небо вложило мнѣ въ душу любовь къ тебѣ, моя Пресіоса, я рѣшился дѣлать для тебя все, чего бы ты ни потребовала; но мнѣ никогда и въ голову не приходило, чтобы ты стала просить отъ меня того, чего теперь просишь. Однако жъ, когда тебѣ угодно, чтобы я одѣвался и велъ себя по твоему вкусу, такъ считай меня съ этой же минуты Хитаномъ и подвергай всѣмъ испытаніямъ, какимъ только хочешь: ты всегда найдешь меня такимъ, какимъ я теперь себя показываю. Я перемѣню одежду, если хочешь; даже желалъ бы сдѣлать это теперь же. Я нимѣю случай ѣхать во Фландрію, и этимъ обману родственниковъ, возьму у нихъ денегъ, чтобы попрактиковать нѣсколько дней, и потребую недѣлю срока, для приготовленія къ отъѣзду. А что касается до моихъ провожатыхъ, то я такъ ихъ проведу, что они же бу-

дуть помогать мнѣ въ моемъ предпріятіи. Объ одномъ только прошу, — если смѣю о чемъ просить тебя, — какъ освѣдомишься сегодня о званіи моемъ и моихъ родителей, такъ ужъ не ходи больше въ Мадридъ. Я боюсь, чтобы какой-нибудь изъ множества возможныхъ тамъ случаевъ не похитили у меня счастья, которое мнѣ такъ дорого стоитъ.

— Какъ бы не такъ! отвѣчала Пресіоса: Надо вамъ знать, сударь, что моей золотой воли никогда не должны ограничивать, ни стѣснять подозрѣнія ревности; впрочемъ, разумѣтся, я не думаю пользоваться ею такъ неблагоуразумно, чтобы съ перваго взгляда нельзя было видѣть, что моя воля соединена съ чистой нравственностью. Первою обязанностью, которую я наложу на васъ, будетъ то, что вы должны имѣть ко мнѣ неограниченную довѣренность. Замѣйте, что ревнивые любовники — либо дураки, либо безсовѣстные.

— Да въ тебѣ, дѣвка, просто бѣсъ сидитъ, молвила тутъ старая Хитанка: Смотри пожалуй! насаждала такихъ вещей, что и саламанкскому профессору не по плечу: и о любви знаетъ, и объ ревности и о довѣренности! Что за чудо! Ты меня изъ ума выводилъ; я слушаю тебя, какъ какую бѣсноватую, которая говорить по Латынѣ, не учась.

— Полно тебѣ, бабушка! отвѣчала Пресіоса: все что я говорю, пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что вертится у меня при этомъ въ мысляхъ.

Весь умъ, который обнаруживала Пресіоса, все, что говорила она, казалось какъ масло на огонь, плававшій въ груди влюбленнаго барича.

Наконецъ они ворѣшили на томъ, что черезъ недѣлю опять увидится тутъ же: онъ прійдетъ сказать, въ какомъ положеніи его дѣла, а онѣ будутъ имѣть время удостовѣриться въ справедливости того, что онъ говорилъ теперь. Молодой человекъ, вынувъ маленькій, золотомъ шитый, кошелекъ, въ которомъ, по его словамъ,

было сто золотыхъ эскудовъ, отдалъ старухъ. Пре-
сиоса ни подъ какимъ видомъ не хотѣла, чтобы та ихъ
взяла. Но хитанка на это сказала:

— Молчи, дитятко: это самое лучшее доказательство
преданности молодого барина: онъ отдалъ оружіе въ знакъ
побѣды надъ нимъ. Притомъ, всякое даяніе благо.
Вспомни пословицу: «на Бога надѣйся, да и самъ не
плошай.» Я не хочу положить на себя охулки, уронить
вѣковую славу хитанъ, что они куска мимо рта не про-
несутъ. Чтобы я отказалась отъ сотни эскудовъ! Отъ
сотни эскудовъ, которые можно зашить въ оборванную
юбочку, не стоящую двухъ реаловъ, и быть спокой-
ною такъ, какъ спокоенъ тотъ, кто пользуется десятин-
нымъ правомъ на эстремадурскія пастбища. А если,
чего Боже сохрани, кому изъ нашихъ дѣтей, внуковъ,
или родственниковъ случится попасть въ руки право-
судія, чье заступничество умоливить судью и секре-
таря лучше этихъ эскудовъ? Три раза меня, за три раз-
ные проступка, чуть не посадили на осла для наказанія
плетью; въ первый разъ меня спасъ серебряный кув-
шинъ, въ другой — нитка жемчугу, а въ третій—сорокъ
осьмерныхъ реаловъ, которые я размѣняла на кварталы,
приплативши двадцать реаловъ промѣну. Вѣдь наша
должность, душа моя, очень опасна; въ ней часто встрѣ-
чаются случаи, гдѣ насъ скорѣе всего защищаетъ и
охраняетъ необоримое оружіе великаго Филиппа. Не
должно обѣгать его столбовъ. За дублонъ о двухъ ли-
цахъ проясняется угрюмое лицо прокурора и укромно
ощущаются всѣ служители смерти, которые нападаютъ на
насъ, бѣдныхъ хитанокъ, какъ гарпіи. Они больше
любятъ щипать и обдирать насъ, чѣмъ разбойниковъ по
большимъ дорогамъ: какъ наша сестра ни оборвана,
они никогда не повѣрятъ, чтобы она была бѣдна; го-

* На испанскихъ монетахъ, на оборотной сторонѣ, изображены
Геркулесовы столпы, съ надписью: plus ultra.

ворять, что хитанка все равно, что куртка неряхи Бельмонтца: грязная, въ лохмотьяхъ, а набита дублонами.

— Ради Бога, бабушка, довольно; пора кончить исчисленіе законовъ въ подкрѣпленіе твоего желанія остаться съ деньгами. Ты, пожалуй, доберешься наконецъ и до законовъ о казенной собственности. Оставь деньги у себя на здоровье, и дай Богъ, чтобы они оттуда, гдѣ ты ихъ схоронишь, никогда не вышли на свѣтъ, и чтобы не было имъ надобности выходить. Однако жъ подругамъ нашимъ надо что-нибудь дать: съ которыхъ поръ онѣ насъ ждуть; я думаю, ужъ соскучились.

— Не видать имъ этихъ денегъ, какъ ушей своихъ, закричала старуха: баринъ добрый посмотреть, не осталось ли у него какой мелкой серебряной или мѣдной монеты, и раздасть имъ: онѣ и тѣмъ будутъ довольны.

— Есть, сказалъ молодой человѣкъ, и вынулъ изъ кармана три осьмерныхъ реала, которые и роздалъ тремъ дѣвушкамъ хитанкамъ, и онѣ такъ были рады, какъ какой-нибудь сценической писатель, котораго послѣ состязанія съ другимъ, на перекресткахъ величаютъ побѣдителемъ (victor, victor). Въ заключеніе, какъ сказано, они согласились сойтись черезъ недѣлю и звать молодого человѣка, когда онъ вступитъ въ хитанство, Андреемъ Кавальеро: и у хитанъ были молодцы, которые такъ прозывались. Андрей (мы теперь такъ и будемъ его звать) не посмѣлъ поцѣловать Пресіосу, но пославши ей со взглядомъ душу, безъ души, если можно такъ выразиться, съ ними разстался и пошелъ въ Мадридъ. Хитанки, довольныя какъ нельзя больше, сдѣлали тоже. Пресіоса, немножко тронутая, болѣе добротой, чѣмъ любовью щедрого Андрея, уже желала удостовѣриться точно ли онъ тотъ, за кого себя выдавалъ. Она вошла въ Мадридъ, и, прошедши нѣсколько улицъ, встрѣтилась съ нажемъ, сочинителемъ купле-

товъ, украшенныхъ эскудомъ. Она подошла къ нему съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ.

— Ну что, Пресіоса, прочла ли ты куплетъ, что я недавно далъ тебѣ.

На это Пресіоса сказала:—Прежде чѣмъ я вамъ отвѣчу, прошу васъ, ради того, что вамъ всего дороже, скажите мнѣ правду на одинъ вопросъ.

— Это такая просьба, отвѣчалъ пажъ: что хоть бы стоило мнѣ жизни, я не откажусь исполнить.

— Такъ вотъ она въ чемъ: скажите мнѣ правду, молвила Пресіоса: поэтъ ли вы?

— На это я тебѣ скажу, Пресіоса, что имени поэта заслуживаютъ немногіе, потому и я не поэтъ, а любитель поэзіи, и въ случаѣ нужды, не хожу за стихами къ другимъ. Тѣ, что я тебѣ далъ, мои, такъ же какъ и эти, которые теперь прошу тебя взять; но отъ этого я еще не поэтъ; да и слава Богу.

— Развѣ быть поэтомъ такъ худо? спросила Пресіоса.

— Не худо, отвѣчалъ пажъ: да мнѣ не совсѣмъ правится отчужденіе отъ свѣта, въ какомъ долженъ жить поэтъ: съ поэзіей надѣо обращаться какъ съ драгоценной вещью; хозяинъ не носитъ ея каждый день, не показывается всѣмъ, на каждомъ шагу, но только тогда, когда должно и нужно показать. Поэзія — прекрасная дѣвушка, невинная, скромная, умная, острая, молчаливая, которая держитъ себя въ границахъ самой строгой нравственной чистоты; она — подруга уединенія; съ нею бесѣдуютъ ручьи, утѣшаютъ ее луга, разсѣваетъ ея грусть зелень деревьевъ, радуютъ ее цвѣты; наконецъ, она веселитъ и учитъ всѣхъ, кто съ нею ведетъ знакомство.

— Со всѣмъ этимъ, отвѣчала Пресіоса: я слышала, что она очень бѣдна, чуть не нищая.

— Скорѣй на-оборотъ, сказалъ пажъ: нѣтъ поэта, который бы не былъ богатъ, потому что всѣ они довольны своимъ состояніемъ: это такая философія, ко-

торой достигаютъ немногіе. Но что тебя побудило, Пресіоса, сдѣлать этотъ вопросъ?

— Да то, отвѣчала Пресіоса, что какъ я считаю всѣхъ, или большую часть, поэтовъ бѣдняками, то меня удивилъ золотой эскудъ, который вы вложили въ свои стихи. Но теперь, когда я узнала, что вы не поэтъ, а только любитель поэзіи, то, можетъ-быть, вы и богаты, хотъ это и сомнительно, потому-что съ вашимъ пріемомъ писать куплеты, не долго спустить богатство. Говорятъ, нѣтъ поэта, который бы умѣлъ сберечь свое добро, или накопить богатство.

— Я не изъ такихъ, возразилъ пажъ: я ни богатъ, ни бѣденъ. Не жалѣя расхода и не ставя его въ бухгалтерскую книгу,—какъ Генуезцы, когда даютъ обѣды,—могу дать одинъ и два эскуда кому захочу. Такъ прійми же, дорогая жемчужина, эту другую бумагу и этотъ другой, вложенный въ нее, эскудъ, не заботясь о томъ, поэтъ ли я или нѣтъ. Мнѣ только хочется, чтобъ ты думала и вѣрила, что тотъ, кто это тебѣ подноситъ, желалъ бы обладать сокровищами Мидаса, для того чтобы отдать ихъ тебѣ.

И тутъ онъ вручилъ ей бумажку. Ощупавъ въ ней эскудъ, Пресіоса сказала: — Эта бумажка много лѣтъ проживетъ: въ ней двѣ души: одна въ эскудѣ, другая въ стихахъ, въ которыхъ всегда пропасть душъ и сердець. Однако знайте, господинъ пажъ, что я не люблю имѣть дѣло со столькими душами, и если вы не вынете одной, будьте увѣрены, что не прійму другой: я расположена къ вамъ, какъ къ поэту, а не какъ къ щедрому барину. Такимъ образомъ мы долго съ вами будемъ жить въ ладахъ. Впрочемъ, безъ эскуда, какъ бы онъ хорошо ни былъ отчеканенъ, легче можно обойтись, чѣмъ безъ хорошей чеканки въ романсѣ.

— Ну, отвѣчалъ пажъ: если ты хочешь, Пресіоса, чтобы я былъ бѣденъ противъ воли, такъ не отвергай же той души, которую я отдаю тебѣ въ этой бумагѣ: и

возврати мнѣ эскудъ; но только дотронься до него, и я буду хранить его у себя, какъ святыню, до конца жизни.

Пресіоса вынула изъ бумажки эскудъ, а бумажку спрятала: она не хотѣла читать ея на улицѣ. Пажъ отправился предовольный собой, воображая, что Пресіоса ужъ плѣнена, потому что говорила съ нимъ такъ долго и ласково.

А Пресіоса, намѣреваясь отыскать домъ Андреева отца, нигдѣ не хотѣла остановиться для пляски, и въ скоромъ времени пришла прямо въ указанную, очень ей знакомую, улицу. Она прошла половину этой улицы и, взглянувъ на желѣзный золоченный балконъ, который описали ей какъ примѣту, увидѣла на немъ господина лѣтъ пятидесяти, почтенной и важной наружности, съ цвѣтнымъ орденскимъ крестомъ на груди. Лишь только онъ увидѣлъ Хитаночку, то закричалъ: «Взойдите, милыя; вамъ здѣсь будетъ подарокъ.» На эти слова вышли на балконъ трое другихъ господъ, и между ними влюбленный Андрей. Увидѣвъ Пресіосу, онъ поблѣднѣлъ и чуть не лишился чувствъ: такъ его поразило неожиданное ея появленіе. Всѣ молодыя хитанки пошли на верхъ; осталась внизу только старая, для того, чтобы узнать отъ людей, правду ли говорилъ Андрей. При входѣ хитанокъ въ залу, старый господинъ говорилъ прочимъ: — Это, вѣрно, та красавица-хитанка, о которой говорить весь Мадридъ?

— Да, отвѣчалъ Андрей: и безъ сомнѣнія подобной красавицы нигдѣ не видали.

— Такъ говорятъ, примолвила Пресіоса, которая, входя, услышала это: но въ самомъ дѣлѣ люди ошибаются цѣлою половиною настоящей цѣны. Хорошенькая, вѣрю этому; но чтобъ я была такая красавица, какъ говорятъ, и не воображаю.

— Клянусь жизнью сына моего донъ Вани, сказалъ

старикъ: ты еще краше чѣмъ говорятъ, миленькая хитаночка!

— А кто этотъ сынъ вашъ донъ Ваня? спросила Пресіоса.

— А вотъ этотъ молодець, отвѣчалъ старикъ: что стоитъ подлѣ тебя.

— А я, право, думала, сказала Пресіоса: что ваша милость клялись двухлѣтнимъ мальчикомъ: смотрите-ка какой Ваня! Какой милочка! Да онъ, ей-ей, могъ бы ужъ быть женатымъ; если не лгутъ линіи его лба, такъ и не пройдетъ трехъ лѣтъ, какъ онъ женится, и совершенно по своей склонности, если только до тѣхъ поръ она не исчезнетъ, или не перемѣнится.

— Ладно! вскричалъ одинъ изъ присутствовавшихъ: хитанка знаетъ толкъ въ линіяхъ.

Въ это время три молодья хитанки, вошедшія съ Пресіосой, отошли въ уголъ залы, и, сблизивъ лица, начали шептаться между собой такъ, чтобы ихъ не подслушали. Кристина сказала:

— Дѣвушки, вѣдь это тотъ баринъ, что далъ намъ, сегодня утромъ, три осьмерныхъ реала!

— Да, онъ, отвѣчали тѣ: однако не станемте ему объ этомъ напоминать, ни говорить, если онъ самъ не вспомнитъ: поѣзду знаешь? Можетъ-быть онъ не хочетъ, чтобы знали объ этомъ.

Покуда это происходило между тѣми тремя, Пресіоса отвѣчала на замѣчаніе объ линіяхъ.

— Что я вижу глазами, то мнѣ уже напередъ сказываетъ пальчикъ. Я безъ линій знаю о сеньорѣ донъ-Ванѣ, что онъ немножко влюбивъ, пылокъ, торопливъ и охотникъ сулить вещи, которыя едва ли могутъ сбыться; дай Богъ, чтобы онъ не лгалъ: это бы было хуже всего. Ему предстоитъ дальняя дорога. Впрочемъ, лошадь думаетъ одно, а ѣздокъ другое; человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; думаешь, что будешь въ Оньесѣ, а очутишься въ Гамбоа.

На это донъ Хуанъ отвѣчалъ:

— Признаюсь, хитаночка, ты во многомъ угадала мой характеръ; но, если ты думаешь, что я способенъ ко лжи, то ты далеко отступила отъ истины, потому что я хвалюсь вѣрностью въ данномъ словѣ во всѣхъ случаяхъ жизни. На счетъ дальней дороги ты не ошиблась: Богъ дастъ, дня черезъ четыре, черезъ пять, непременно побѣду во Фландрію, хотя ты и грозилъ мнѣ, что я сверну съ дороги; я не хотѣлъ бы, чтобы мнѣ помѣшало какое-нибудь несчастье.

— Молчите, сударикъ, отвѣчала Пресіоса, и молитесь Богу: Онъ все сдѣлаетъ къ лучшему. Знайте, что я вовсе не знаю того, о чемъ говорю, а если иногда попадаю на правду, такъ дивиться нечему: я говорю много, все, что въ голову придетъ. Одного бы только я желала, — убѣдить тебя отложить путешествіе, успокоить свое сердце, и остаться при родителяхъ, чтобы доставить ему спокойную старость. Не люблю я этихъ рысканьевъ во Фландрію да изъ Фландріи, особенно когда ѣдутъ такіе молоденькіе люди, какъ ты. Порости, дружокъ, еще немножко, понакопи силы для поднятія военныхъ трудовъ; тѣмъ больше, что и дома у тебя есть съ кѣмъ воевать, есть съ кѣмъ бороться: въ твоей груди довольно сильный непріятель. Успокойся, буйная головушка: знаешь пословицу — женись да оглядывайся? Оглянись, да одумайся, пока есть время. А между-тѣмъ подай-ка намъ милостыню. Я увѣрена, что ты изъ хорошей семьи, и если еще съ этимъ соединяется въ тебѣ правдивость, такъ я запою отъ радости, что угадала все, что тебѣ сказала.

— Я ужъ прежде сказалъ тебѣ, душа моя, отвѣчалъ донъ Хуанъ, который хотѣлъ сдѣлаться Андреемъ Кавальеро: что ты отгадала все вѣрно и права во всемъ, кроме опасенія, будто я не твердъ въ словѣ: въ этомъ ты, безъ сомнѣнія, ошибаешься: слово, данное въ полѣ, я выполню въ городѣ, и гдѣ угодно, безъ напоминаній.

Кто склоненъ колжи, тотъ не можетъ называться дворяниномъ. Батюшка подастъ тебѣ милостыню; а я уже отдалъ сегодня утромъ все, что у меня было, нѣкоторымъ дамамъ, за которыхъ не побьюсь объ закладъ: столько ли онѣ умѣютъ льстить, сколько онѣ прекрасны, особенно одна изъ нихъ.

Услышавъ это, Кристина, съ прежней таинственностью сказала прочимъ хитанкамъ:

— Слышите, дѣвушки, даю голову на отсѣченіе, если онъ говоритъ не о тѣхъ трехъ осьмерныхъ реалахъ, что далъ намъ утромъ.

— О, нѣтъ! отвѣчала одна изъ двухъ: онъ толкуетъ о дамахъ, а мы не дамы: если онъ такъ любитъ правду, какъ говоритъ, такъ и въ этомъ бы не солгалъ.

— Ложь, возразила Кристина: которая говорится безъ вреда кому-нибудь и въ пользу того, кто ее произносить, не такъ важна. Однако жъ со всѣмъ тѣмъ я вижу, что здѣсь намъ ничего не даютъ и не заставляютъ плясать.

Въ это время вошла старая хитанка и сказала: — Полно, внучка, ужъ поздно, а у насъ есть что дѣлать и о чемъ поговорить.

— А что, бабушка? спросила Пресіоса: сынъ или дочь?

— Сынъ, и прехорошенькій, отвѣчала старуха: пойдемъ, Пресіоса, ты услышишь суція чудеса.

— Дай Богъ, чтобъ остался живъ, сказала Пресіоса.

— Ужъ объ этомъ заботятся, отвѣчала старуха. При томъ, до-сихъ-поръ роды были правильны, и малютка — словно купидончикъ.

— Родила развѣ какая сеньора? спросилъ отецъ Андрея.

— Да, сударь, отвѣчала хитанка: но роды были такъ тайны, что ихъ знаютъ только Пресіоса, я, да еще одна особа, и потому мы не можемъ сказать, кто.

— Да мы и не хотимъ знать, сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ: — несчастна та, которая вѣбруетъ тайну свою вашимъ языкамъ, а честь — вашей помощи.

— Не всѣ мы люди дурные, замѣтила Пресіоса: можетъ-быть между нами есть не одна хитанка, которая скромностью своей и любовью къ правдѣ можетъ похвалиться столько же, сколько самый знатный господинъ въ этой комнатѣ. Пойдемте, бабушка; здѣсь объ насъ худо думаютъ, а мы не воровки, не мошенницы.

— Не сердись, Пресіоса, сказалъ отецъ: по-крайней-мѣрѣ объ тебѣ нельзя подумать худаго: твое личико сильно говоритъ въ твою пользу и ручается за твои добрые поступки. Ну, Пресіосушка, попляши съ своими подружками: у меня для васъ приготовленъ золотой дублонъ о двухъ лицахъ, изъ которыхъ ни одно не можетъ равняться съ твоимъ.

Услышавъ это, старуха, сказала:

— Ну, дѣвушки, полы за поясъ, да потѣшите господь.

Пресіоса взяла сонахи, и дѣвушки пошли вертѣться, дѣлать круги, заплетать цѣпи, съ такой пріятностью и ловкостью, что за ножками своими увлекали глаза всѣхъ зрителей, особенно Андреевы, которые такъ и бѣгали за Пресіосными ножками, какъ будто бы онъ тамъ искалъ своего счастья. Однако судьба возмутила его блаженство такъ, что оно превратилось въ адъ. Случилось, что въ пылу пляски у Пресіосы выпала бумажка, которую ей далъ пажъ. Ее тотчасъ поднялъ тотъ, что былъ невыгоднаго мнѣнія о хитанкахъ. Развернувъ бумагу, онъ сказалъ: «Дѣло! вотъ у насъ сонетикъ. Полно плясать: послушаемъ стиховъ. Судя по первой строкѣ, они, кажется, не глупы.» Пресіосъ это было непріятно, потому-что она не знала, что тамъ написано; она просила не читать и отдать ей бумажку; но всѣ ея просьбы только подстрекали лю-

богъство Андрея слышать содержаніе стиховъ. Наконецъ дворянинъ прочелъ ихъ въ-слухъ. Вотъ она.

Когда игру я слышу Пресіосы:
По воздуху несется сладкій звукъ;
Жемчужины она роняетъ съ рукъ,
И разсыпаетъ съ устъ роскошныхъ розы.

Душа полна восторга и волненья,
И жадно взоръ за пляскою слѣдитъ.
Какъ дивны всѣ красавицы движенья!
Какъ далеко молва объ ней гремитъ!

И волосокъ ея, какъ цѣпь стальная,
Сковать бы могъ хоть тысячу сердець.
Амуръ кладетъ къ ногамъ ея всѣ стрѣлы.

Ея глаза, какъ солнце ослѣпляя,
Даютъ ей власть. И купидонъ—хитрецъ
Тѣмъ солнышкомъ дивитъ свои предѣлы.

— Ей-ей, сказалъ прочитавшій сонетъ: поэтъ, который написалъ эту вещицу, очень милъ.

— Онъ не поэтъ, сударь, а пажъ, и очень любезный и добрый человекъ, возразила Пресіоса.

— Что ты сказала, Пресіоса! Это не похвала пажу, а копия, пронзающая сердце Андрея, который ихъ слышаетъ. Оглянись, жестокая: онъ безъ чувствъ, чуть живой сидитъ въ креслахъ, съ холоднымъ потомъ на лбу. Андрей любитъ тебя не такъ легко, чтобъ его не поразило магійшее твое невниманіе. Подойди къ нему пожалуйста и шепни ему на ухо слова два-три, которыя бы дошли прямо къ сердцу и привели бы его въ себя. Не-то начни-ка приносить каждый день по сонету въ похвалу себѣ, и увидишь, каково ему отъ нихъ будетъ.

Все, что сказалъ дворининъ, въ самомъ дѣлѣ произошло. Андрея терзали тысячи ревнивыхъ мыслей. Онъ, правда, не упалъ въ обморокъ, однако жъ поблѣднѣлъ такъ, что даже и отецъ замѣтилъ и сказалъ:

— Что съ тобой, донъ-Хуанъ? Тебѣ, кажется, дурно: ты такъ переѣнился въ лицѣ.

— Пойдите, перебила Пресіоса: дайте мнѣ сказать ему на ухо нѣсколько словъ: онъ тотчасъ оправится, увидите.

И, подошедши, она шепнула ему, почти не шевеля губъ: Хорошо же твое хитанское мужество! Ну тебѣ ли, Андрей, вынести кисейную пытку*, когда ты не можешь стерпѣть маленькаго мученья отъ этой бумажки?

И сотворивъ надъ его сердцемъ съ поддюжины крестныхъ знаменій, она отошла отъ него. Андрей вздохнулъ посвободнѣе и показалъ, что слова Пресіосы помогли ему. Наконецъ дали Пресіосѣ дублонъ о двухъ лицахъ, и она сказала своимъ подругамъ, что размѣняетъ его и раздѣлитъ съ ними благороднымъ образомъ. Андреевъ отецъ просилъ, чтобы Пресіоса оставила ему на письмѣ слова, сказанныя ею донъ-Хуану: ему хочется-де ихъ знать на всякій случай. Она сказала, что съ удовольствіемъ повторитъ ихъ; что хотя онѣ кажутся вздоромъ, однако имѣютъ особенную силу прогонять дурноту и головокруженіе. Вотъ эти слова:

Ты, головушка, головка,
Крѣпче стой, прамѣй держись,
На терпѣнье обопрись,
Чтобъ держаться было ловко.
Добивайся
Дружбы близкой,

* Кисейная пытка, el tormento de losa, состояла въ томъ, что пытаемаго заставляли проглотить, съ водой, кисейную ленту.

Не склоняйся
 Къ мысли низкой.
 И при помощи небесъ
 Ты увидишь тѣмъ чудесъ.

— Эти слова, съ помощью шести крестовъ, сотворенныхъ надъ сердцемъ особы, у которой кружится голова, сказала Пресіоса: какъ рукой снимутъ болѣзнь.

— Старая хитанка, видя хитрость Пресіосы, изумилась, а Андрей еще болѣе: онъ увидѣлъ, что все это было изобрѣтеніе ея тонкаго ума. Сонетъ остался у господъ: Пресіоса не хотѣла его спросить, чтобы опять не расстроить Андрея: она безъ наставленій знала, что значить возбуждать подозрѣнія и муки ревности въ душѣ покорнаго любовника. Хитанки отправились и, уходя, Пресіоса сказала донъ-Хуану:

— А знаете, сеньоръ, что дни теперешней недѣли всѣ счастливы для отъѣздовъ; ни одинъ не предвѣщаетъ худа. Отправляйтесь какъ можно скорѣе: васъ ждетъ жизнь вольная, свободная и очень пріятная, если вы съумѣете къ ней примѣниться.

— Ну, по-моему, походная жизнь не такъ-то свободна, отвѣчалъ донъ-Хуанъ: въ ней больше подчиненности, чѣмъ свободы; со всѣмъ тѣмъ однако я сдѣлаю то, что задумалъ.

— Вы увидите больше, нежели думаете, отвѣчала Пресіоса: пошли вамъ Богъ все, чего заслуживаетъ ваша добрая душа.

Эти послѣднія слова утѣшили Андрея; а хитанки ушли, довольныя какъ нельзя больше. Онѣ размѣняли дублонъ и раздѣлили между собой по-ровну, хотя старая ихъ командирша всегда брала себѣ полторы доли изъ того, что набиралось, какъ по старшинству, такъ и за то, что она была компасомъ, которымъ тѣ руководствовались въ океанѣ-морѣ плясокъ, заказныхъ забавъ и плутней.

Наконецъ насталъ день, въ который Андрей Кавальеро явился рано утромъ на мѣсто перваго своего свиданія, на наемномъ мулѣ, безъ слуги. Онъ нашелъ тамъ Пресіосу и ея бабушку, которыя, узнавъ его, встрѣтили очень привѣтливо. Онъ ихъ просилъ вести его въ таборъ, пока еще не взошло солнце и не обнаружилъ примѣтъ его, въ случаѣ, если бы его стали искать. Хитанки, какъ женщины осторожныя, пришли однѣ; теперь поворотили назадъ и вскорѣ достигли своихъ шатровъ. Андрей вошелъ въ одинъ, самый большой въ таборѣ, и его тотчасъ приближали смотрѣть чело-вѣкъ десять или двѣнадцать хитановъ, все молодыхъ, удалыхъ, статныхъ, которымъ старуха ужъ донесла, что къ нимъ прійдетъ новый товарищъ, не имѣя, однако, нужды внушать, чтобы хранили тайну: они, какъ ужъ сказано, хранятъ ихъ съ удивительною точностью и предусмотрительностью. Хитаны не упустили взглянуть на мула, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Мула-то можно продать, въ четвергъ, въ Толедѣ.

— Вотъ этого ужъ не будетъ, сказалъ Андрей: нѣтъ наемнаго мула, который бы не былъ знакомъ всякому испанскому погонщику.

— Э! сеньоръ Андрей, сказалъ одинъ изъ хитановъ: да хоть бы у этого мула было больше примѣтъ, чѣмъ у дня передъ преставленіемъ свѣта, мы такъ его преобразимъ, что и родная matka не узнаетъ, ни хозяинъ, который его вскормилъ.

— Какъ бы то ни было, отвѣчалъ Андрей, а въ этотъ разъ надобно поступить по моему: мулаэтого надо убить и зарыть тамъ, гдѣ бы и костей его нельзя было видѣть.

— Грѣхъ какой! сказалъ другой хитанъ: лишитъ жизни невинную тварь! Не говори, добрый Андрей, не испытавши: возьми, взглядишь въ мула хорошенько, такъ, чтобы всѣ его примѣты отпечатались въ твоей памяти, и

отдай мнѣ его: если черезъ два часа узнаешь его, такъ отколоти меня какъ бѣлаго негра.

— Ни подѣ какимъ видомъ не соглашусь, сказалъ Андрей: оставить мула въ живыхъ, хоть вы и больше убѣдите меня въ возможности преобразованія: я безпрестанно буду бояться открытія, если его не покроетъ земля. А если вы хотите этого для выручки денегъ, такъ я вступаю въ ваше братство не такъ голъ, чтобы не могъ заплатить за право товарищества больше того, чего стоютъ четыре мула.

— Ну, если такъ угодно сеньору Андрею—Кавальеро, сказалъ другой хитанъ, пусть же скотина умретъ безвинно, хотя, ей-Богу, мнѣ жаль ея, какъ но ея молодости, такъ и оттого, что мулъ долженъ быть ретивой: пѣтъ на бокахъ ни кожуры, ни ранъ отъ шпоръ.

Смерть мула отложили до ночи, а покуда занялись обрядомъ принятія Андрея въ хитаны. Это происходило такимъ образомъ. Очистили лучший въ таборѣ артельный шалашъ, убрали его вѣтвями и пахучимъ ситникомъ. Потомъ, посадивши Андрея на пень пробкового дерева, дали ему въ руки молотокъ и клещи, и при бречаньи двухъ гитаръ, на которыхъ играли два хитана, велѣли ему сдѣлать два прыжка. Въ слѣдъ за тѣмъ засучили ему рукавъ на одной рукѣ и, обернувъ ее новымъ шелковымъ кушакомъ, слегка затянули съ помощью палки, которую повернули два раза. При всемъ этомъ присутствовала Пресіоса и много другихъ хитанокъ, старыхъ и молодыхъ, изъ которыхъ однѣ смотрѣли на него съ удивленіемъ, другія съ любовью: таковъ былъ веселый характеръ Андрея, что даже хитаны полюбили его необыкновенно. По окончаніи же церемоніи, одинъ старый хитанъ взялъ за руку Пресіосу и, представивъ ее Андрею, сказалъ:

— Эту дѣвушку, цвѣтъ и сливки всей красоты хитанокъ, которыхъ только мы знаемъ въ Испаніи, отдаемъ тебѣ въ жены или въ подруги. Въ этомъ ты можешь дѣ-

латъ то, что тебѣ больше нравится: свободная и вольная наша жизнь не подчинена жеманнымъ нѣжностямъ и церемоніямъ. Посмотри се хорошенько и рѣши, любя ли она тебѣ. Если же найдешь въ ней, что тебѣ не нравится, такъ выбирай изъ всѣхъ этихъ дѣвушекъ ту, которая больше всѣхъ тебѣ по нраву. Которую выберешь, ту и отдадимъ тебѣ. Но знай, что, выбравъ, ты не можешь уже переменить се, ни заводить связей ни съ замужними, ни съ дѣвушками. Мы ненарушимо соблюдаемъ законъ дружества: никто не подбивается къ милой другаго. Мы живемъ свободные отъ ревности; хотя у насъ грѣхи случаются, однако жъ нарушенія супружеской вѣрности очень рѣдки. Когда мы замѣтимъ грѣхъ за своей женой или какую шалость за милой, то не ходимъ просить удовлетворенія въ судъ: мы сами судьи и управа своимъ женамъ и подругамъ. Мы убиваемъ ихъ и хоронимъ въ горахъ и степяхъ, какъ какое-нибудь вредное животное: родственники не мстятъ за такую кровь, родители не требуютъ удовлетворенія. Боясь этого, онѣ стараются хранить свое цѣломудріе, и мы, какъ я уже сказалъ, живемъ беззаботно. Мало у насъ предметовъ, которые бы не были общи, исключая только жены или подруги. Мы соблюдаемъ, чтобъ каждая изъ нихъ принадлежала тому, кому досталась. Такимъ образомъ у насъ разводитъ одна смерть и старость; кто хочетъ, тотъ можетъ бросить старую жену, когда самъ молодъ, и выбрать другую, которая бы соотвѣтствовала его лѣтамъ. Этимъ, и другими законами и уставами мы руководимся и живемъ весело. Все наше: поля, нивы, лѣса, горы, ручьи и рѣки; горы намъ даютъ даромъ дрова; деревья — плоды, виноградники — виноградъ, огороды — овощи, ручьи — воду, рѣки — рыбу, заповѣдныя рощи — дичь, утесы — тѣпь, ущелья — свѣжій воздухъ, пещеры — почлегъ. Для насъ буря — дыханье вѣтерка, снѣгъ — прохлада, ливень — купанье, громъ

— музыка, молнія — фейерверкъ; для насъ грубая земля — пуховикъ; наше тѣло защищено непроницаемымъ панциремъ огрубѣлой кожи; легкость нашихъ ногъ не задерживаютъ колодки, не останавливаютъ рвы и стѣны; духъ нашъ не ослабляютъ веревки, не потрясаютъ блоки, не убиваютъ тиски, не усмиряютъ дыбы: въ случаѣ надобности мы не дѣлаемъ различія между да и нѣтъ. Мы всегда предпочитаемъ муку признанію. Для насъ кормится по лугамъ выючная скотина и рвутся карманы у городскихъ жителей: нѣтъ орла, ни другой хищной птицы, которая бы быстрѣе бросалась на добычу, чѣмъ мы схватываемъ случая, представляющіе намъ какую-нибудь корысть. Ко всему этому, мы одарены счастливымъ свойствомъ, съ которымъ намъ все тринь-трава: въ тюрьмѣ мы поемъ, въ пыткѣ молчимъ; днемъ работаемъ, ночью воруемъ или лучше сказать, заботимся о томъ, чтобы никто своего добра не клалъ плохо. Намъ не беспокоитъ опасеніе потерять честь, и не тревожитъ жажда прирастить ее. Мы не хлопочемъ о составленіи себѣ партій, не заботимся о подачѣ просьбъ, не ухаживаемъ около магнатовъ, не добиваемся милостей. Эти шалаши и подвижные таборы намъ дороже раззолоченныхъ дворцовъ и пышныхъ чертоговъ; фламандскими картинами служатъ намъ тѣ, которыя раскрываетъ, на каждомъ шагу, передъ нами природа въ этихъ высокихъ скалахъ и снѣжныхъ утесахъ, широкихъ лугахъ и густыхъ лѣсахъ. Живя въ полѣ, мы по неволѣ дѣлаемся астрономами: спимъ почти всегда подъ открытымъ небомъ, оттого всегда знаемъ пору и время; видимъ, какъ зоря гонитъ съ неба звѣзды, и какъ она выходитъ съ товарищемъ своимъ разсвѣтомъ, оживляя воздухъ, освѣжая воду и увлажая землю; и въслѣдъ за ними солнце, *позлащая* (какъ сказалъ одинъ поэтъ) *холмы и разгнтая по горамъ золотыя кудри*. Мы не боимся ни замерзнуть отъ недостатка лучей его, когда оно ко-

свенно бросаетъ ихъ на насъ, ни сгорѣть, когда ужъ черезъ-чуръ печеть : для насъ все одно, что жаръ, что стужа; что урожай, что голодъ. Въ заключеніе сказать, мы — люди, живущіе своимъ промысломъ и художествомъ, и знать не хотимъ старинной пословицы : коли хочешь выгодно устроить свои дѣла, то ступай въ пономари, или садись съ товарами на корабли, или опредѣлись въ придворные псарн. Мы имѣемъ все, чего желаемъ, потомучто довольствуемся тѣмъ, что имѣемъ. Все это я сказалъ тебѣ, благородный молодой человекъ, для того чтобы ты зналъ, какую жизнь тебѣ предстоитъ вести и какой передъ тобою открытъ кругъ дѣйствій. Я тебѣ описалъ это только въ главныхъ чертахъ : со временемъ узнаешь пропасть другихъ вещей, достойныхъ вниманія не меньше тѣхъ, которыя теперь слышалъ.

Сказавъ это, краснорѣчивый старый хитанъ замолчалъ, а новичекъ сознался, что ему очень пріятно познакомиться съ такими похвальными уставами, говорилъ, что онъ намѣренъ немеленно вступить членомъ въ общество, котораго основанія такъ прочно утверждены на благоразуміи и глубокомъ соображеніи; и что ему только одного жаль, — зачѣмъ онъ раньше не зналъ такой веселой жизни. Съ этой минуты онъ-де отказывается отъ званія дворянина и отъ тщеславія своего знатнаго рода, и совершенно покоряется игу или, лучше сказать, законамъ хитанскаго общества; и что-де желаніе его жить съ ними еще пуще возбуждается тѣмъ, что его такъ богато награждаютъ правомъ на обладаніе Пресіосой, для которой онъ оставилъ бы короны и королевства. На это Пресіоса возразила :

— Хотя эти господа законодатели нашли, по своимъ законамъ, что я твоя, и отдали меня тебѣ во владѣніе, но я по закону моей воли, который сильнѣе всѣхъ другихъ законовъ, нахожу, что буду тебѣ принадлежать не иначе, какъ на условіяхъ, какія мы постановили между собой до твоего прихода сюда : прежде нежели будешь

обладать мною, ты обязанъ прожить два года въ нашемъ обществѣ, чтобъ тебѣ не пришлось потомъ раскаяться въ вѣтренности, а мнѣ за поспѣшность не остаться обманутою. Условія измѣняютъ законы. Назначенныя тебѣ мною ты знаешь. Если хочешь ихъ выполнить, то можетъ—статься, я и буду твоею, а ты моимъ. Если же нѣтъ, такъ мулъ твой еще не убить, платье твоѣ цѣло, а изъ денегъ ты не истратилъ еще ни полушки; отлучился ты недавно, дня не прошло: остальные часы его ты можешь употребить на то, чтобы обдумать хорошенько свое положеніе. Эти господа властны отдать тебѣ мое тѣло, но не душу: душа моя свободна, она явилась на свѣтъ свободною и будетъ такою до-тѣхъ—поръ, пока я хочу. Если ты останешься, я буду тебя уважать; если же уѣдешь отъ насъ, не уменьшу къ тебѣ своего уваженія: по моему мнѣнію любовные порывы бѣгаютъ безъ узды, куда не столкнутся съ разсудкомъ или съ разочарованіемъ; а мнѣ бы не хотѣлось, чтобы ты поступилъ со мною, какъ охотникъ, который настигнувъ зайца, бросаетъ его для другаго, который отъ него бѣжитъ. Глаза ошибаются: съ перваго взгляда имъ мишура кажется золотомъ; новскорѣ они усматриваютъ разницу между настоящимъ и поддѣльнымъ. Эта красота моя, которою ты говоришь, я обладаю и которую ты считаешь свѣтлѣе солнца и золота, вблизи тебѣ, можетъ—быть, покажется темною и, когда дотронешься до нея, найдешь мѣдъ вмѣсто золота. Два года тебѣ даю времени на то, чтобы ты разсмотрѣлъ и взвѣсилъ то, что будетъ тебѣ хорошо избрать, или справедливо — отвергнуть: какъ тебѣ нельзя освободиться отъ приобрѣтеннаго сокровища ничѣмъ, кромѣ смерти, то надобно время да и время, чтобы узнать да и разузнать его, и увидѣть въ немъ всѣ недостатки или добрыя качества. Я знать не хочу варварскаго и безнравственнаго обычая моихъ земляковъ бросать женъ и казнить ихъ, когда вздумается, и не намѣревалась дѣлать что-нибудь, достойное наказанія,

не хочу также жить съ человѣкомъ, который бы потомъ бросилъ меня по своей прихоти.

— Твоя правда, Пресіоса, сказалъ Андрей: и такъ, если хочешь, чтобъ я успокоилъ твой страхъ и разсѣялъ опасенія, поклявшися тебѣ не выходить изъ твоей воли, назначь только, какую мнѣ дать тебѣ клятву или обезпеченіе: я на все готовъ.

— Клятва и обѣщанія, которыя даетъ плѣнный, чтобы его освободили, рѣдко исполняются по полученіи воли, сказала Пресіоса. Таковы же, по моему мнѣнію, и клятвы и обѣты любовника: онъ для полученія желаемаго посулитъ Меркуріевы крылья и Юпитеровы перуны, которые мнѣ обѣщаль одинъ поэтъ и въ томъ клялся рѣкою Стиксомъ. Не хочу я клятвъ, сеньоръ Андрей, не хочу обѣщаній; хочу предоставить все сроку искуса, и мнѣ останется забота обороняться, когда вы вздумаете меня преслѣдовать.

— Пусть будетъ такъ, отвѣчалъ Андрей. Объ одномъ только прошу этихъ господъ и товарищей моихъ, — не принуждать меня ничего красть, хоть съ мѣсяць времени: мнѣ кажется, я не налажусь воровать, не получивши напередъ нѣсколькихъ уроковъ.

— Молчи, сынокъ, сказалъ старый Хитанъ: мы такъ тебя наостримъ, что будешь лихимъ соколомъ. А тамъ, войдешь въ смакъ, то такъ пристрастишься, что всѣ пальчики будешь облизывать: шутка ли выйти утромъ съ пустыми руками и воротиться вечеромъ въ таборъ съ добромъ ношей?

— Я видалъ, возразилъ Андрей: какъ нѣкоторые возвращались съ пустыми руками, въ сопровожденіи плетей.

— Не изловишь рыбы, не замочивъ удочки, возразилъ старикъ: все въ этой жизни подвержено разнымъ опасностямъ. Ремеслу Хитана грозятъ галеры, плети и висѣлица: но — бури бояться, по морю не ѣздить. Хорошо бы было, разсудивши, что война пожираетъ людей и лошадей, перестать держать войско. Вся забота въ томъ, чтобы

не пришлось плясать на воздухѣ въ цвѣтѣ молодости и при первыхъ подвигахъ; а что со спины у насъ сгоняють мухъ да заставляютъ на галерахъ пахать воду, такъ это намъ ни по чемъ. Отдохни, дружокъ Андрей, въ гнѣздышкѣ у насъ, подъ крылышками; еще успѣемъ научить тебя летать и туда, откуда не будешь возвращаться безъ добычи: ужъ я тебѣ сказалъ, что послѣ каждой кражи будешь пальчики облизывать.

— Такъ чтобы замѣстить, сказалъ Андрей: то, что я могъ бы накрасть въ то время, которое мнѣ дается на науку, я намѣренъ раздѣлить двѣсти эскудовъ между товарищами.

Едва онъ это вымолвилъ, какъ на него бросилась толпа хитанъ и, поднявъ его на руки, гаркнула: «Victor, victor! нашъ великій Андрей!» и прибавила: «да здравствуетъ Пресіоса, его милая невѣста!» Хитанки сдѣлали тоже съ Пресіосой, не безъ зависти со стороны Кристины и прочихъ бывшихъ тамъ дѣвушекъ: вѣдь зависть такъ же хорошо поселяется въ таборахъ кочевыхъ варваровъ и въ хижинахъ пастуховъ, какъ въ богатыхъ палатахъ. Досадно видѣть успѣхи ближняго, который, какъ намъ кажется, не лучше насъ.

Послѣ этого всѣ исправно поѣли, раздѣлили посуленные деньги по правдѣ и справедливости, и возобновили похвалы Андрею, превознесли красоту Пресіосы до неба. Смеркло; мула убили и закопали, такъ-что Андрей уже не могъ опасаться быть черезъ него открытымъ. Съ муломъ зарыли и сбрую, — сѣдло, узду и подпругу, — по обычаю Индѣйцевъ, которые погребаютъ съ собой самыя дорогія свои вещи. Андрей дивился всему что видѣлъ и слышалъ, и въ особенности природному уму хитанъ. Онъ рѣшился продолжать и исполнить свое предпріятіе, не слѣдуя однако жъ ихъ обычаямъ, или по-крайней-мѣрѣ уклоняясь отъ того всѣми возможными средствами; онъ надѣялся съ помощью своего кошелька освободиться отъ обязанности

повиноваться имъ въ дѣлахъ несправедливыхъ, къ которымъ его будутъ принуждать. Въ-слѣдъ за этимъ Андрей попросилъ хитановъ перемѣнить кочевье и удалиться отъ Мадрида, для того, что онъ боялся быть тамъ открытымъ. Они сказали, что у нихъ ужъ положено было двинуться въ толедскія горы и оттуда рыскать за оброкомъ по всей окрестной землѣ. Шатры сняли, и подвели Андрею ослицу, но онъ отказался, и хотѣлъ идти пѣшкомъ, чтобы прислуживать Пресіосѣ, которая уже сидѣла на своемъ ослѣ. Она радовалась, видя власть свою надъ ловкимъ стремяннымъ, и онъ, съ своей стороны, радовался не менѣе, будучи столь близокъ къ той, которой посвятилъ себя. Могуча сила твоя, сладкій богъ горечи (титулъ этотъ онъ приобрѣлъ по милости нашей лѣни и слабости)! Какъ скоро ты покоряешь насъ, и съ какимъ неуваженіемъ вертишь нами! Андрей — знатенъ, молодъ, уменъ, съ молодыхъ ногтей взрощенъ при дворѣ, въ богатствѣ, которыми обладаютъ его родители, — и вдругъ такъ перемѣнился, что обманулъ своихъ воспитателей и друзей, разрушилъ надежды, которыя возлагали на него родные; оставилъ дорогу во Фландрію, гдѣ ему слѣдовало показать собственную доблесть и прирастить честь своего рода, — и пришелъ повергнуться, какъ рабъ, къ ногамъ дѣвушки, которая, положимъ красавица изъ красавицъ, однако всё таки простая хитанка. Въ томъ-то и заключается преимущество красоты, что она самую свободную волю съ неодолимою силой влечетъ къ своимъ ногамъ.

Черезъ четыре дня хитаны пришли и расположили свой таборъ въ одномъ селѣ, въ двухъ миляхъ отъ Толедо, подаривъ напередъ деревенскому алькаду серебряный приборъ, въ удостовѣреніе того, что они ни у него, ни во всемъ его околоткѣ не станутъ ничего воровать. За тѣмъ всѣ старыя хитанки, нѣсколько молодыхъ и хитаны разсыпались по всѣмъ окрестнымъ

деревнямъ, по-крайней-мѣрѣ на четыре или пять миль отъ села, гдѣ утвердили главную свою квартиру. Съ ними пошелъ и Андрей, взять первый урокъ въ воровствѣ. Но сколько ни давали ему уроковъ, ни одинъ не пошелъ въ прокъ: напротивъ, онъ оставался вѣренъ своему благородному происхожденію: отъ каждой кражи, которую производили его наставники, у него душа поворачивалась; иногда даже, тронутый слезами обкраденныхъ, онъ изъ своихъ денегъ вознаграждалъ ихъ за похищенное. Хитаны приходили въ отчаяніе, говоря, что это — нарушеніе ихъ правовъ и законовъ, которые воспрепятствуютъ доступъ жалости въ ихъ грудь: изъ-за нея-де имъ надобно бы было бросить воровство, что совѣмъ не выгодно. Сообразивъ это, Андрей сказалъ, что хочетъ воровать одинъ, самъ по себѣ, не вступая ни съ кѣмъ въ товарищество: у меня, говорить, хватить ловкости вывернуться изъ опасности и достанетъ мужества для встрѣчи съ нею, такъ я и хочу всѣ выгоды и наказанія за свою кражу имѣть за собой, не раздѣляя ихъ ни съ кѣмъ. Хитаны старались отговорить его отъ этого намѣренія, представляя, что могутъ встрѣтиться случаи, гдѣ необходимо пособіе товарищей, какъ для нападенія, такъ и для обороны, и что одному невозможно поймать хорошую добычу. Но что они ни говорили, Андрей не хотѣлъ оставить своего намѣренія воровать одному: онъ хотѣлъ отдѣлиться отъ толпы и покупать на свои деньги какія-нибудь вещи, которыя бы могъ представлять вмѣсто краденныхъ, и такимъ образомъ принимать на свою совѣсть какъ можно менѣе грѣха. И съ этой-то хитростью, меньше чѣмъ въ мѣсяцъ принесъ онъ товарищамъ прибыли болѣе, чѣмъ четверо самыхъ знатныхъ изъ ихъ воровъ. Этимъ не мало утѣшалась Пресіоса, видя, что нѣжный ея любовникъ сталъ такимъ отличнымъ и ловкимъ мошенникомъ. Однако со всѣмъ тѣмъ она боялась, чтобъ съ нимъ не случилось

какой бѣды: она за всѣ сокровища Венеціи, не хотѣла бы видѣть его въ позорѣ, потому-что была восхищена добродушіемъ своего Андрея, и много обязана ему за усердныя услуги и щедрые подарки.

Съ небольшимъ мѣсяцъ хитаны оставались въ толедской области, гдѣ собрали порядочную жатву, хотя дѣло было ужъ въ Сентябрь. Оттуда перекочевали они въ Эстремадуру, потому-что эта земля и богата и тепла. Андрей занималъ Пресіосу нѣжными, занимательными, но скромными, разговорами, и она постепенно болѣе и болѣе пристращалась къ своему и умному и скромному обожателю; и его любовь возрастала въ той же мѣрѣ, — если ей еще оставалась возможность возрасти, — потому-что все въ Пресіосѣ было прекрасно, умно и очаровательно. Да и Андрей умѣлъ нравиться: онъ вездѣ прибрѣталъ первые награды и заклады въ бѣганья и скаканья; игралъ въ кегли, въ мячъ и въ городки, съ необыкновенною силой и ловкостью. Вскорѣ молва объ немъ разнеслась по всей Эстремадурѣ; не было деревни, гдѣ бы не говорили про молодчество, искусство и дарованія молодого хитана Андрея-Кавальеро. И рядомъ съ молвой объ немъ шла молва о красотѣ молодой хитаночки, и не было мѣстечка, села, ни деревни, куда бы ихъ не звали повеселить народъ и занять гостей на праздникахъ и званыхъ пирушкахъ. Такимъ образомъ весь таборъ богатѣлъ, жилъ весело и въ довольствѣ, а влюбленная парочка блаженствовала, когда любовалась другъ на друга.

Вотъ случилось разъ, что, стоя таборомъ въ дубовой рошѣ, въ сторонѣ отъ дороги, хитаны услышали въ полночь необыкновенно громкій лай собакъ. Нѣсколько хитановъ, и съ ними Андрей, пошли посмотреть, на кого лаютъ, и увидѣли, что какой-то человекъ, одѣтый въ бѣлое, отбивается отъ двухъ собакъ, которыя вцѣпились ему въ ноги. Его освободили, и одинъ хитанъ сказалъ:

— Какой чортъ занесъ тебя сюда, въ такую пору, и такъ далеко отъ дороги? Воровать, что ли, пришелъ? Нечего сказать, зашелъ въ доброе мѣсто!

— Я не воровать пришелъ, отвѣчалъ искусанный: и не знаю есть ли тутъ дорога или нѣтъ, хотя и вижу, что сбился съ пути; однако скажите мнѣ, господа, нѣтъ ли гдѣ здѣсь постоялаго двора или деревни, гдѣ бы мнѣ переночевать и перевязать раны, нанесенныя вашими собаками?

— Нѣтъ, не можемъ указать ни деревни, ни постоялаго двора, отвѣчалъ Андрей: но чтобы перевязать ваши раны и дать покой на эту ночь, найдется мѣсто и въ нашемъ таборѣ. Пойдемте къ намъ: мы хоть хитаны, однакожъ знаемъ состраданіе.

— Богъ васъ награди, отвѣчалъ раненый: ведите меня куда угодно; нога-то у меня крѣпко болитъ.

Андрей и другой сострадательный хитанъ (и между чертями нѣкоторые бываютъ хуже другихъ, и въ шайкѣ негодяевъ случаются добряки), подошли, взяли подъ руки незнакомца и повели. Ночь была мѣсячная; можно было разглядѣть, что прохожій былъ молодъ, красивъ лицомъ и хорошо сложенъ. Вся его одежда была изъ бѣлаго холста, а за плечами висѣла на такихъ же помочахъ котомка. Вотъ, пришли въ Андреевъ шалашъ или наметъ, и проворно разложили огонь. Тотчасъ прибѣжала Пресіюсина бабушка лечить раненаго, о которомъ ей ужъ дали знать. Она взяла отъ собакъ шерсти, подожгла ихъ на маслѣ, и положила на раны, обмывъ ихъ напередъ виномъ, а сверху приложила припарку изъ зеленаго жеванаго розмарину; перевязала хорошенько чистыми ветопками, перекрестила и сказала больному: «Спи, дружокъ; съ Божьей помощью все пройдетъ.» Покуда раненому дѣлали перевязку, Пресіюса стояла передъ нимъ и пристально на него смотрѣла, а онъ на нее, такъ, что Андрей замѣтилъ вниманіе, съ какимъ молодой человекъ на нее смотрѣлъ, и приписалъ всю

вину чудной красотѣ Пресіосы. По окончаніи перевязки, незнакомца положили на постель, изъ сѣна, и оставили одного, и никому пока еще не приходило въ голову разспросить, кто онъ и куда идетъ.

Едва они вышли, Пресіоса отвела Андрея къ сторонѣ и спросила: Помнишь, Андрей, бумажку, которую я выронила у васъ въ домѣ, когда плясала со своими подругами, и которая, кажется, тебѣ не понравилась.

— Помню, отвѣчалъ Андрей. Это былъ сонетъ въ похвалу тебѣ, и сонетъ не дурной.

— Такъ знай же, Андрей, сказала Пресіоса: что сочинитель этого сонета — молодой раненый, котораго мы сейчасъ оставили въ палаткѣ. Это несомнѣнно: я съ нимъ говорила въ Мадридѣ раза два или три, и онъ далъ мнѣ еще другой хорошенькій романсъ. Тамъ онъ ходилъ, кажется, въ нарядѣ пажа, но не просто, а какъ какой-нибудь любимецъ принца. Надобно тебѣ сказать, Андрей, что онъ — молодой человекъ умный, очень образованный и необыкновенно скромный. Не могу вообразить, какъ онъ сюда забрелъ и въ такомъ нарядѣ!

— Не можешь вообразить, Пресіоса? отвѣчалъ Андрей: просто, — та же сила, которая заставила меня пойти въ хитаны, переродила и его въ мельники, для того, чтобы отыскать тебя. Ахъ, Пресіоса, Пресіоса! я вижу, что тебѣ лестно имѣть не одного поклонника! Если такъ, убей же меня перваго, а потомъ отправишь и другаго; не приноси насъ вмѣстѣ на жертву своему лукавству или, лучше сказать, красотѣ.

— Боже мой! вскричала Пресіоса: такъ это твоя любовь, Андрей? Вотъ на какихъ тоненькихъ ниточкахъ держатся твои надежды и довѣренность ко мнѣ! Какъ же легко проникло въ твою душу мучительное жало ревности! Скажи мнѣ, Андрей: если бы я въ этомъ сколько нибудь хитрила или лукавила, неужто я не сумѣла бы умолчать и утаить, кто этотъ молодой че-

ловѣкъ? Неужели я такъ проста, чтобы дать тебѣ поводъ подозрѣвать меня въ неискренности моей доброты и моихъ намѣреній? Полно тебѣ, Андрей, ради твоей жизни! Постарайся—ка утромъ вывѣдать у этого мнимаго непріятеля твоего, откуда онъ и куда идетъ. Можетъ быть, твои подозрѣнія и не оправдаются: я не стою на томъ, что онъ непремѣнно тотъ, какъ я тебѣ сказала. А для полнаго твоего спокойствія, — если ужъ дошло до того, что я должна доказывать тебѣ свою невинность, — какимъ бы образомъ и съ какимъ бы намѣреніемъ ни пришелъ этотъ молодой человекъ, спровадь его поскорѣй: всѣ наши тебѣ слушаются; никто противъ твоей воли не захочетъ дать ему пристанища въ своемъ обозѣ. А если тебѣ не удастся, то я дамъ тебѣ слово, что не выйду изъ нашего шатра и не увижусь ни съ нимъ, ни съ другимъ кѣмъ, противъ твоей воли.

Потомъ она еще прибавила: Видишь ли, Андрей, меня не то оскорбляетъ, что ты ревнивъ, но ты изъ ревности сдѣлаешь глупость, вотъ что мнѣ больно.

—Для исцѣленія меня отъ безумства, Пресіоса, сказалъ Андрей: будутъ слабы или ничтожны всѣ представленія, отъ какихъ пустяковъ раждается и какъ покоитъ горькая и мучительная мнительность ревности. Со всѣмъ тѣмъ я сдѣлаю все, что ты велишь; и узнаю, если можно, чего надобно этому господину пажу-поэту, куда онъ идетъ или чего ищетъ: можетъ-быть найду какой-нибудь конецъ, чтобы распутать клубокъ; въ который, боюсь, я попалъ.

— Сколько я знаю, возразила Пресіоса: ревность никогда не даетъ разсудку свободно разсмотрѣть вещи, какъ онѣ есть: ревнивые вѣчно смотрятъ на выворотъ: вздоръ у нихъ ужасная важность, мелочь — великая вещь, подозрѣнія — несомнѣнная истина. Прошу тебя, Андрей, ради твоей и моей жизни, въ этомъ и во всемъ, что коснется нашихъ отношеній, поступай осмотрительно и

благоразумно; и если исполнишь это, я увѣрена, что отдашь мнѣ справедливость и вполне признаешь мое благоразуміе, скромность и искренность.

Она простилась съ нимъ и ушла. Андрей нетерпѣливо ждалъ дня, чтобы выпытать у раненаго тайну; но душа его не переставала волноваться тысячью безпокойныхъ и бурныхъ мыслей. Онъ никакъ не могъ представить себѣ, чтобы пажа привела сюда не красота Пресіосина: воръ воровское и думаетъ. Съ другой стороны, данное Пресіосой увѣреніе казалось ему столь надежнымъ, что необходимо заставляло его вѣрить: «ея мильгъ, добрымъ рукамъ все свое счастье».

Насталъ день. Андрею показалось, что утро наступало лѣтнимъ обыкновеннаго. Онъ пошелъ къ укушенному, спросилъ какъ его зовутъ, куда идетъ и какъ шелъ такъ поздно и такъ далеко отъ дороги? Притомъ не забылъ Андрей напередъ освѣдомиться, какъ онъ чувствуетъ себя и прошла ли боль отъ укушенія. Молодой человекъ отвѣчалъ, что ему лучше и что онъ не чувствуетъ никакой боли, такъ-что можетъ и въ путь отправиться. На спросъ же объ имени и о томъ куда идетъ, онъ сказалъ только, что его зовутъ Алонсо Уртадо и что онъ идетъ за нѣкоторымъ дѣломъ въ монастырь Пеньяде-Франской Божіей Матери, а чтобы скорѣе поспѣть, такъ шелъ и по ночамъ, заблудился и наткнулся на этотъ таборъ, гдѣ, какъ извѣстно, попался въ передѣлъ собакамъ.

Это объясненіе показалось Андрею вовсе неудовлетворительнымъ; подозрѣнія снова щекотали его душу, и онъ сказалъ раненному:

— Слушай, братъ! еслибъ я былъ судьей, а ты попалъ бы подъ мою власть за какое-нибудь преступленіе, я сталъ бы допрашивать, и ты далъ бы такой отвѣтъ, какъ теперь, такъ это заставило бы меня прижать тебя покрѣпче. Я не желаю знать, кто ты, какъ тебя зовутъ и куда идешь; однако совѣтую, если ужъ

нужно лгать, такъ лги такъ, чтобъ побольше походило на правду. Ты говоришь, что идешь къ монастырю Пенья-де-Франси, а оставляешь его въ право не меньше какъ на тридцать миль отъ нашего табора; идешь ночью, чтобы прибыть скорѣе, а держишь путь лѣсомъ, гдѣ и тропинокъ почти нѣтъ, нетолько дорогъ. Вставайка, почтеннѣйшій, научись лгать почище, и ступай съ Богомъ. А за этотъ добрый совѣтъ, что я тебѣ даю, скажи мнѣ правду еще на одинъ вопросъ, — конечно скажешь: ты лгать-то не мастеръ. Скажи, пожалуйста, не тотъ ли ты молодой человекъ, котораго я часто видалъ при дворѣ между пажами и дворянами, и который слылъ хорошимъ поэтомъ; который еще сочинилъ романсъ и сонетъ одной хитанской дѣвушкѣ, необыкновенной красоткѣ, ходившей нѣсколько времени назадъ по Мадриду? Скажи, пожалуйста: даю честное слово хитанскаго рыцаря хранить тайну, если ты найдешь это нужнымъ. Ты видишь, что заpiresтельство ни къ чему не поведетъ: это лицо то самое, что я видѣлъ въ Мадридѣ: громкая слава твоихъ дарованій, естественно, заставляла меня смотрѣть на тебя пристально, какъ на человека рѣдкаго и необыкновеннаго, и такимъ образомъ твоя фигура врѣзалась у меня въ памяти. Я тотчасъ узналъ тебя, хотя ты и не въ прежнемъ костюмѣ. Не тревожься, ободрись, не думай, что ты зашелъ въ шайку разбойниковъ; напротивъ, ты попалъ къ людямъ, которые съумѣютъ охранить и оборонить тебя отъ всего свѣта. Видишь ли, мнѣ пришла мысль, и, если я не ошибаюсь, то ты попалъ на свое счастье, встрѣтившись со мной. Мнѣ кажется, что ты, влюбившись въ Пресіосу (ту красавицу хитанку, которой ты писалъ стихи), пришелъ искать ея. За это я не осуждаю, напротивъ: хоть я и хитанъ, однако жъ опытъ научилъ меня, какъ далеко простирается могущество любви и какъ удивительны бывають превращенія, которыя она производитъ надъ тѣми, кого покоряетъ своей власти. Ес-

ли это правда, — въ чемъ не сомнѣваюсь, — такъ говори: вѣдь красотка хитанка здѣсь.

— Да, здѣсь: я ее ночью видѣлъ, сказалъ раненый.

При этомъ словѣ Андрей обмеръ: ему показалось, что подозрѣнія его совершенно подтвердились.

— Видѣлъ ее, примолвилъ молодой человекъ: однако не смѣлъ открыть ей свое имя: нельзя было.

— Стало быть, сказалъ Андрей, вы тотъ поэтъ, о которомъ я говорилъ?

— Да, отвѣчалъ тотъ; я не могу, и не намѣренъ зашираться: можетъ-быть, гдѣ думалъ потерять, тамъ еще выиграю, если въ лѣсахъ существуетъ вѣрность и гостепріимство въ горахъ.

— Безъ сомнѣнія существуетъ, отвѣчалъ Андрей: а у насъ, хитановъ, ведется и величайшая скромность на счетъ ввѣренныхъ тайнъ. Съ этой увѣренностью, сеньоръ, вы можете открыть передо мною свою душу: вы найдете во мнѣ то, что увидите, безъ всякаго двуличія. Дѣвушка — родственница мнѣ и обязана повиноваться моему волѣ, если вы желаете взять ее за себя: я и вся ея родня будемъ рады этому и одобримъ ваше намѣреніе. Если же хотите имѣть ее подругой, то мы не станемъ церемониться; имѣйте только деньги, потому-что въ нашихъ таборахъ корыстолюбіе—сильнѣйшая страсть.

— Деньги у меня есть, отвѣчалъ тотъ: въ рукавахъ надѣтой на мнѣ рубашки — четыре-ста золотыхъ эскудовъ.

Это было другимъ смертельнымъ ударомъ въ сердце Андрея: онъ заключилъ, что столько денегъ тотъ принесъ не на что другое, какъ на то, чтобы приобрести или купить благоволеніе его милой; и онъ уже не твердымъ голосомъ сказалъ:

— Порядочная сумма; вамъ остается только открыться и... за дѣло: красотка вовсе не глупа, тотчасъ смекнетъ, какъ выгодно ей сдѣлаться нашею.

— Э, пріятель! сказалъ на эти слова молодой чело-

вѣкъ: такъ я вамъ скажу, что перемѣнить нарядъ меня заставила вовсе не любовь, о которой вы говорите, ни привязанность къ Пресіосѣ: въ Мадридѣ есть красавицы, которыя могутъ и умѣютъ похищать сердца и покорять души, не хуже, а еще и лучше величайшихъ хитанскихъ красавицъ, хоть признаюсь, красота вашей родственницы и затмѣваетъ все, что я видѣлъ. То, что заставило меня перерядиться такимъ образомъ, идти пѣшкомъ и подверглось нападенію собакъ, — не любовь, а несчастіе мое.

Тутъ ужъ каждое слово молодого человѣка все болѣе и болѣе ободряло упавшаго духомъ Андрея: онъ увиѣлъ, что дѣло выходитъ не такъ, какъ онъ воображалъ. Но желая совсѣмъ выпутаться изъ хаоса предположеній, онъ усилилъ увѣренія, что тайна будетъ сохранена, и тотъ продолжалъ такимъ образомъ.

— Я жилъ въ Мадридѣ у одного вельможи, которому служилъ не какъ барину, а какъ родственнику. У этого вельможи былъ единственный сынъ и наследникъ, который какъ по родству, такъ и потому, что мы были съ нимъ однихъ лѣтъ и одинаковыхъ склонностей, обращался со мной по-дружески. Этотъ молодой человѣкъ влюбился въ одну благородную дѣвицу. Онъ бы съ радостью на ней женился, но воля его, какъ добраго сына, подчинена была волѣ родителей, искавшихъ ему партіи по-знатнѣе. Со всѣмъ тѣмъ онъ ухаживалъ за ней скрытно отъ всѣхъ глазъ, которые посредствомъ языка могли бы разгласить по городу тайну его любви: только я зналъ про это дѣло. Вотъ, одной ночью, которую несчастіе, кажется, предназначало для происшествія, о которомъ я вамъ сейчасъ расскажу, мы, проходя мимо оконъ той сеньоры, увидѣли подъ ними двухъ мужчинъ, по-видимому, не низкаго сословія, и родственникъ мой захотѣлъ узнать, кто они такіе. Но лишь только онъ направилъ къ нимъ шаги, какъ они схватились за шпаги, подняли щиты, и подступили къ

намъ. Мы сдѣлали тоже, и съ одинаковымъ оружіемъ напали другъ на друга. Сшибка продолжалась не долго, потому—что скоро два наши противника лишились жизни: два ловкіе удара, устремленные ревностью моего родственника, и тѣ, которые я нанесъ, защищая его, положили противниковъ на мѣстѣ: случай странный и рѣдкій. Торжествуя успѣхъ, котораго и не желали, мы пошли домой, забрали тайно всё, какія могли, деньги, и отправились въ монастырь Санъ-Херонима, въ ожиданіи дня, долженствовавшаго открыть происшествіе и пустить въ ходъ пересуды и догадки объ убійцахъ. Тамъ мы провѣдали, что объ насъ ничего не знали; однако жъ благоразумные монахи совѣтовали намъ не возвращаться домой и не подавать и не пробуждать противъ себя подозрѣнія обнаруженіемъ своего отсутствія. Но когда ужъ мы рѣшились послѣдовать ихъ совѣту, намъ сообщили, что господа придворные алькады взяли родителей дѣвицы и ее подъ стражу, и что изъ допрошенныхъ людей одна служанка показала, что къ ея барышнѣ ходилъ въ ночную пору и днемъ мой родственникъ; что съ этимъ свѣдѣніемъ пошли искать насъ, и какъ не нашли, а оказалось много признаковъ нашего бѣгства, то при дворѣ заключили, что мы убійцы двухъ дворянъ: они были дворяне и знатные. Напоследокъ, пробывъ въ обители двѣ недѣли, товарищъ мой въ монашеской одеждѣ, съ однимъ инокомъ, пустился въ Аррагонъ, съ намѣреніемъ уѣхать въ Италію, а оттуда во Фландрію, и ожидать тамъ послѣдствій дѣла. Я не захотѣлъ раздѣлить его судьбу и подвергнуть себя одному съ нимъ жребію, избралъ другую дорогу, и, въ одеждѣ послушника, пѣшкомъ, вышелъ изъ монастыря съ однимъ монахомъ, который разстался со мной въ Талаверѣ. Оттуда я пошелъ одинъ, гѣсомъ и полями, и шелъ до-тѣхъ-перъ, пока ночью не зашелъ въ дубовую рощу, гдѣ со мною случилось то, что вы видѣли. А если я сказалъ, что иду въ Пенья-де-Фран-

сію, такъ только для того, чтобы что-нибудь отвѣчать на вашъ вопросъ. Признаюсь, я не зналъ, гдѣ Пеньяде-Франсія; зналъ только, что она за Саламанкой.

— Да, отвѣчалъ Андрей: вы оставили ее въ-право миль на двадцать отсюда. Видите, какого бы вы дали крику, если бы туда пошли.

— Итти-то я хотѣлъ, возразилъ молодой человѣкъ, въ Севилью. Тамъ живетъ одинъ генуезскій дворянинъ, хорошій пріятель графа, моего родственника, который посылаетъ въ Геную большое количество серебра. Я думаю, онъ пріиметъ меня въ число людей, которые отвозятъ это серебро, и съ помощью этой уловки я надѣюсь безопасно доѣхать до Картахены, а оттуда отправлюсь въ Италію: въ тотъ городъ скоро придутъ за серебромъ двѣ галеры. Вотъ, любезный сеньоръ, моя исторія. Видите, могу ли я сказать, что приключеніе мое болѣе слѣдствіе настоящаго несчастія, чѣмъ какой-нибудь водяной любви. Когда бы ваши господа хитаны согласились взять меня съ собой до Севильи, если только они туда отправятся, такъ я бы имъ очень хорошо заплатилъ за это: знаете, съ ними мнѣ было бы безопаснѣе и спокойнѣе.

— О, возьмутъ, отвѣчалъ Андрей: если же вамъ съ нашимъ таборомъ нельзя будетъ ѣхать, потому-что теперь я еще не знаю, отправимся ли мы въ Андалусію, такъ можете ѣхать съ другимъ, съ которымъ, я думаю, мы встрѣтимся дня черезъ два или три. А когда дадите имъ нѣсколько изъ того, что везете съ собой, такъ можете облегчить себѣ и разныя другія трудности.

Тутъ Андрей пошелъ отъ него и сообщилъ хитанамъ, что разказалъ ему молодой человѣкъ, и чего желалъ, предлагая хорошую плату и вознагражденіе. Всѣ полагали оставить гостя въ таборѣ: только Пресіоса не соглашалась; а бабка ея сказала, что ей нельзя ѣхать въ Севилью, ни въ ея окрестности, по той причинѣ,

что, съ годъ или два назадъ, она сыграла въ Севильѣ шутку съ однимъ очень извѣстнымъ тамъ шапочникомъ, Тригильосомъ. Она велѣла ему сѣсть, голому, по шею въ бочку съ водой, надѣтъ на голову кипарисный вѣнокъ, и ждать двѣнадцати часовъ ночи, чтобы выскочить оттуда и схватить драгоценный кладъ, который, какъ она увѣрила его, хранился въ одномъ углу его дома. Какъ только, говорила старуха, услышалъ простякъ шапочникъ ударъ въ колоколъ, то, чтобы не пропустить счастья, такъ поторопился вылѣзть, что опрокинулся вмѣстѣ съ бочкой, ушибся и ссадилъ себѣ кожу во многихъ мѣстахъ. Вода хлынула, и онъ началъ кричать, что тонетъ. Тотчасъ сбѣжались жена его и сосѣди съ огнемъ, и видятъ, что онъ, отдуваясь отъ воды и барахтаясь на полу, проворно машетъ ногами и руками какъ слѣдуетъ пловцу, и кричитъ во все горло: «Помогите, господа, — захлебнусь!» Онъ такъ перепугался, что въ самомъ дѣлѣ боялся захлебнуться. Тѣ его схватили подъ мышки и освободили отъ великой опасности. Оправившись отъ страху, онъ разсказалъ шутку хитанки. Со всѣмъ тѣмъ онъ однако жъ принялся копать землю на указанномъ мѣстѣ и вырылъ яму въ сажень глубиною, не слушая людей, которые увѣряли, что я его обманула. Дай ему волю и не помѣшай сосѣдъ, онъ дорылся бы до того, что свалилъ бы и свой домъ, и сосѣдній: до фундамента онъ-было ужъ добрался. Эта исторія разнеслась по всему городу, и даже ребятишки стали указывать на чудака пальцемъ и разсказывали про его легковѣрность и мою продѣлку. Вотъ что разсказала старая Хитанка и чѣмъ отговаривалась, чтобъ не ѣхать въ Севилью. Хитаны, которые уже знали отъ Андрея Кавальеро, что у молодаго человѣка есть хорошія деньги, безъ затрудненія приняли его въ свое общество и согласились оберегать его и скрывать столько времени, сколько онъ захочетъ. Положили повернуть въ-лѣво и идти въ Ла-Манчу, а оттуда въ королев-

ство Мурсію. Позвали юношу и объявили ему, что 'думаютъ для него сдѣлать. Онъ поблагодарилъ за это и далъ на всѣхъ сто золотыхъ эскудовъ. Этотъ подарокъ сдѣлалъ Хитановъ мягче куньяго мѣха; только Пресіосъ не очень нравилось, что донъ-Санчо (такъ, юноша сказалъ, его звали) оставили въ таборѣ. Впрочемъ Хитаны переименовали его въ Клементія; такъ и мы теперь станемъ звать. Андрей также немного измѣнилъ свои мысли и не очень былъ доволенъ, что Клементій остался: ему казалось, что тотъ очень легко переимѣнилъ свое прежнее намѣреніе. Но Клементій, словно читалъ въ его душѣ, между прочимъ сказалъ, что радуется, что ѣдетъ въ мурсіиское королевство, потому-что будетъ близко къ Картахенѣ: оттуда, если придутъ ожидаемыя галеры, онъ легко можетъ отплыть въ Италію. Наконецъ, чтобы чаще видѣть его на глазахъ, видѣть его поступки и наблюдать мысли, Андрей захотѣлъ сблизиться съ Клементіемъ тѣснѣе, и тотъ принялъ его дружбу съ большою благодарностію. Они вездѣ были видѣсты, издерживали много, сыпали эскуды горстями; бѣгали въ-запуски, скакали, плясали и играли въ городки лучше всѣхъ хитановъ; хитанки любили ихъ чрезвычайно, а хитаны почитали какъ нельзя болѣе.

Черезъ нѣсколько времени таборъ оставилъ Эстремадуру, вступилъ въ ла-Манчу, и по-немногу подвигался къ мурсіискому королевству. Куда Хитаны ни приходили, вездѣ ихъ приглашали играть въ мячъ, въ городки, драться на рапирахъ, бѣгать въ-запуски, скакать и иначе показывать силу, проворство и легкость, и вездѣ выходили побѣдителями Андрей и Клементій. Во все это время, то есть, мѣсяца въ полтора слишкомъ, Клементій ни разу не имѣлъ, да и не искалъ случая говорить съ Пресіосой, до-тѣхъ-поръ, покуда его не пригласили раздѣлить бесѣду, которую вели она и Андрей. И Пресіоса сказала ему:

— Я узнала васъ, Клементій, съ перваго раза, когда

вы попали въ нашъ таборъ, и мнѣ тотчасъ пришли на память стихи, которые вы мнѣ дали въ Мадридѣ. Но я ничего не хотѣла говорить, не зная, съ какимъ намѣреніемъ вы пришли въ наши жилища. Когда же услышала о вашемъ несчастіи, мнѣ стало жаль васъ, и опасеніе мое миновало: я прежде думала, что какъ есть на свѣтѣ донъ-Хуаны, которые превращались въ Андреевъ, то могли быть и донъ-Санчи, которые назовутся другими именами. Я говорю вамъ такимъ образомъ потому, что Андрей сказалъ мнѣ, что онъ открылъ вамъ, кто онъ такой и съ какимъ намѣреніемъ сдѣлался хитаномъ.

И правда, что Андрей рассказалъ ему всю свою исторію, чтобъ ему было съ кѣмъ раздѣлить свои чувства.

—Видите, какъ вамъ полезно, что васъ здѣсь знали: по моему къ вамъ уваженію и по тому, что я вамъ сказала, васъ скорѣе приняли въ наше общество, въ которомъ дай Богъ исполниться всѣмъ вашимъ желаніямъ. За это доброе желаніе мнѣ хочется, чтобъ вы заплатили тѣмъ, что не станете порицать Андреева намѣренія или представлять неприличіе оставаться ему въ этомъ состояніи: хоть я и думаю, что его воля находится въ цѣпяхъ моей, однако мнѣ непріятно бы было замѣтить въ немъ хотя малѣйшій знакъ раскаянія въ своемъ поступкѣ.

На это Клементій отвѣчалъ: Не думайте, единственная Пресіоса, чтобы донъ-Хуанъ такъ вѣтрено открылъ мнѣ, кто онъ такой: я самъ его узналъ, его глаза открыли мнѣ его цѣль; я самъ ему сказалъ, кто онъ, и я же отгадалъ ему, что воля его взята въ сказанный вами плѣнъ; и онъ, почтивъ меня довѣріемъ, которое я заслужилъ, повѣрилъ мнѣ свою тайну. Онъ свидѣтель, одобрилъ ли я его предпріятіе и избраніе званія: я, Пресіоса, не такого короткаго ума, чтобъ не понималъ, какъ далеко простирается могущество красоты; а ваша, превосходя границы возможной прелести, достаточно оправдала бы и большія заблужденія, если дол-

жно называть заблужденіями поступки, основанные на столь уважительныхъ причинахъ. Благодарю васъ, сеньора, за то, что вы говорили въ мою пользу; я думаю, заплачу вамъ за это, если пожелаю вамъ видѣть благополучный конецъ этой любовной интриги и обладать вамъ — своимъ Андреемъ, а Андрею — своею Пресіосой по благословенію и съ согласія его родителей, чтобы отъ такой прекрасной четы пришлось намъ увидѣть въ свѣтѣ самые милые плоды, какіе только можетъ произвести благая природа. Вотъ, чего я буду желать, Пресіоса, и что всегда буду говорить вашему Андрею, а не то, что бы отвратило его отъ его добрыхъ мыслей.

Эти слова Клементій говорилъ съ такимъ одушевленіемъ, что Андрей пришелъ въ недоумѣніе, — умоумъ ли они внушены или, пожалуй, собственною страстью: адскій недугъ ревности такъ раздражителенъ, что даже солнечные лучи, касаясь мѣлаго предмета, могутъ ревнивца оскорбить и довести до отчаянія. На этотъ разъ однако жъ Андрей подавилъ свою ревность: онъ болѣе довѣрялъ Пресіосинной вѣрности, чѣмъ своему счастью: влюбленные всегда считаютъ себя несчастными до-тѣхъ-поръ, пока не достигаютъ цѣли своихъ желаній. Наконецъ Андрей и Клементій стали душевными друзьями: Андрея совершенно успокоивала честность Клементія и осторожность и благоразуміе Пресіосы, которая никогда не давала Андрею повода къ ревности.

Клементій имѣлъ способность къ поэзіи, какъ онъ это показалъ въ стихахъ, подаренныхъ имъ Пресіосѣ; Андрей также имѣлъ маленькую претензію на этотъ даръ, и оба были любители музыки. Разъ, когда таборъ расположился въ одной долинь въ четырехъ миляхъ отъ Мурсіи, они сошлись вечеромъ, провести время. Сидя оба, Андрей подъ пробковымъ деревомъ, а Клементій подъ дубомъ, съ гитарами въ рукахъ, вызванные вечерней тишиною, они начали пѣть поочередно строфы, прославляя въ нихъ красоту Пресіосы.

Прѣвцы, свободный и плѣненный, не думали еще, по-видимому, кончить, какъ вдругъ раздался голосокъ Пресіосы, которая подкралась сзади. Они остановились и, не шевелясь, не переводя духу, начали ее слушать. Она, — ужъ не знаю, экспромтомъ ли или сочинивъ заранее — какъ будто въ отвѣтъ имъ, съ очаровательной прелестью пропѣла слѣдующіе стихи.

Влюбленныхъ слушаая мечты,
Не принимаю въ нихъ участья.
Невинность лучше красоты!
Дарить невинность больше счастья.

Блестить эмаль и на мѣди.
Я дѣвушка не золотая;
Но сердце доброе въ груди.
Оно — эмаль. Я — мѣдь простая.

Зачѣмъ искать себѣ съ трудомъ
Къ почету и любви дорогу.
Иди къ добру, а въ остальномъ
Пусть будетъ, что угодно Богу.

Пресіоса кончила свое пѣніе; Андрей и Клементій встали и подошли къ ней. Между ними зашелъ живой, занимательный, разговоръ, и Пресіоса обнаружила въ немъ свой умъ, скромность и остроу, такъ, что тутъ Клементій совершенно извинилъ планы Андрея: до того онъ все еще видѣлъ въ его поступкѣ болѣе опреметчивую шалость молодого человѣка, чѣмъ благоразумную рѣшимость.

Въ слѣдующее утро таборъ поднялся; хитаны двинулись въ мурсійскій округъ и остановились въ одномъ селеніи, въ трехъ миляхъ отъ города. Тамъ съ Андреемъ случилось несчастіе, отъ котораго онъ чуть не лишился жизни. Внесши въ этомъ селеніи, по обыкновенію,

залогъ, — нѣсколько серебряныхъ вещей и посуды, — Пресюса, бабушка ея, Кристина, съ двумя другими хитанскими дѣвушками, и Клементій съ Андреемъ наняли квартиру въ гостинницѣ одной богатой вдовы, у которой была дочь лѣтъ семнадцати или восемнадцати, болѣе отличавшаяся вольностью обращенія, чѣмъ красотой. Для большей опредѣлительности, скажемъ, что ее звали Хуаной Кардучей. Она увидѣла хитановъ, когда они плясали съ хитанками, и чортъ ее соблазнилъ такъ крѣпко влюбиться въ Андрея, что она рѣшилась открыться ему въ любви и выйти за него замужъ, если онъ захочетъ, хотя бы всѣ ея родственники были противъ этого. Она стала искать случая къ объясненію, и нашла, когда Андрей зашелъ на задній дворъ посмотриѣть, не забѣжали ли туда два пропавшіе осла. Хуана подошла къ нему и торопливо, боясь, чтобы ее не увидѣли, сказала:

— Андрей! (она ужъ узнала его имя), я дѣвушка богатая: у моей матери нѣтъ другихъ дѣтей, кромѣ меня. Эта гостинница ея; у нея есть еще нѣсколько виноградниковъ и еще четыре дома. Я думаю, хорошо было бы, если бъ ты на мнѣ женился. Это въ твоей волѣ. Говори проворнѣе. Если ты уменъ, такъ останься, и увидишь, какъ мы заживемъ.

Андрея удивила рѣшительность Кардучи, и онъ живо, какъ она требовала, отвѣчалъ:

— Сударыня, я помолвленъ, да притомъ у насъ женятся только на хитанкахъ. Усердно благодарю васъ за милость; я ея не достоинъ.

Кардуча чуть-чуть на мѣстѣ не умерла при жестокомъ отвѣтѣ Андрея. Впрочемъ она бы еще поговорила съ нимъ, но вдругъ видитъ — входятъ во дворъ хитанки, и она, разстроенная, принуждена была ретироваться. Ею овладѣла жажда мщенія. Андрей; какъ человѣкъ умный, рѣшился обратиться по-добру по-здорову, чтобы чортъ, пожалуй, не шепнулъ чего дѣвкѣ на ухо: онъ ясно прочелъ въ глазахъ Кардучи, что

она и безъ супружескихъ узъ готова совершенно ему предаться, и боялся встрѣтиться съ нею глазъ на глазъ. Поэтому и сталъ онъ просить хитановъ уйти изъ селенія въ ту же ночь. Тѣ всегда его слушались; тотчасъ приступили къ дѣлу, вытребовали обратно залогъ и пустились въ дорогу. Карлуча, чувствуя, что съ отъѣздомъ Андрея она потеряетъ половину своей души, и видя, что ей не остается времени просьбами достигнуть желаемого, задумала удержать при себѣ Андрея силою. Для этого хитрилась она, улучивъ минуту, сунуть между вещей, принадлежавшихъ, какъ она знала, Андрею, нитку дорогихъ коралловъ и нѣсколько другихъ своихъ драгоценныхъ вещицъ. И лишь-только хитаны выбрались изъ гостиницы, она принялась кричать во все горло: Хитаны, дескать, украли у нея драгоценности. На крикъ явилась полиція и сбѣжался народъ; хитаны остановились; всѣ поклялись, что у нихъ ничего нѣтъ краденаго и вызвались развязать въ таборѣ всѣ узлы и выворотить карманы. При этомъ предложеніи старая хитанка сильно встревожилась, боясь, чтобы при обыскѣ не открылись Пресіосны монасты и Андреево платье, которыя она прятала какъ можно дальше. Къ счастью, добрая Карлуча очень скоро поправила дѣло: при осмотрѣ втораго узла она велѣла спросить, гдѣ багажъ того хитана, которой отлично пляшетъ: она-де видѣла, что онъ два раза заходилъ въ погоню: можетъ-быть, это онъ унесъ. Андрей понялъ, что она объ немъ говорила, и, усмѣхаясь, сказалъ:

— Вотъ, сударыня, мои пожитки; вотъ мой осель. Если отыщете тутъ, что у васъ пропало, я вамъ заплачу въ-семеро, и сверхъ того подвергаюсь наказанію, назначенному ворами закономъ.

Тотчасъ подошли полицейскіе служители, развьючили осла и, не долго шаривъ, нашли вещи. Андрея это такъ поразило, испугало, что онъ сталъ просто безмолвнымъ каменнымъ истуканомъ.

— Ну вот! вскричала Кардуча: вишь, какимъ невиненькимъ прикидывается.

Бывшій при этомъ алькальдъ разразился ливнемъ ругательствъ на Андрея и всѣхъ хитанвоу, называл ихъ отъявленными ворами и разбойниками. Андрей на все это не отвѣчалъ ни слова, стоялъ въ раздумьи объ не постижимомъ дѣлѣ, но никакъ не попадалъ на мысль, что это Кардуча сыграла съ нимъ такую коварную штуку. Въ это время подошелъ къ нему грубый солдатъ, алькальдовъ племянникъ, со словами:

— Видишь, какъ оторопѣлъ красавчикъ! Бьюсь объ закладъ, онъ скажетъ намъ кудрявую рѣчь и отопрется отъ покражи, которую нашли въ его бѣльѣ. Прекрасно сдѣлалъ бы тотъ, кто васъ всѣхъ сослалъ бы на галеры: лучше же этой сволочи служить королю, чѣмъ шляться изъ деревни въ деревню, скакать да плясать, да обворовывать честной народъ. Охъ! какъ хочется треснуть этого мерзавца: такъ вотъ и полетитъ вверхъ ногами.

И, безъ дальняго, онъ ударилъ Андрея со всего размаха въ щеку. Эта оплеуха образумила Андрея и заставила вспомнить, что онъ не Андрей Кавальеро, а дворянинъ донъ-Хуанъ. Онъ, въ бѣшенствѣ, съ необыкновенною быстротою, бросился на солдата, выхватилъ у него изъ ноженъ шпагу, и закололъ его.

Народъ вскрикнулъ; дядя алькальдъ въ бѣшенствѣ; Пресіоса — въ обморокъ; Андрей — ей помогаетъ. Всѣ схватились за оружіе, подступили къ убійцѣ: суматоха и крикъ увеличились. Андрей, занявшись Пресіосой, забылъ о собственной защитѣ. Случись же къ тому, что Клементія не было при бѣдственномъ приключеніи: онъ, забравъ свои пожитки, заранѣе выѣхалъ изъ города. Наконецъ Андрея стѣснили, схватили и сковали двумя тяжелыми цѣпями. Алькальдъ очень охотно тотчасъ же повѣсилъ бы его, если бѣ имѣлъ право. Но онъ долженъ былъ отправить его въ мурсійскій сулъ, вѣдомству котораго самъ подлежалъ. Андрей могъ

быть отправленъ не ранѣе другаго дня, и дотолѣ много натерпѣлся мукъ и поношеній отъ раздраженнаго алькальда, его подчиненныхъ и отъ всѣхъ обывателей. Алькальдъ захватилъ подѣ стражу всѣхъ, кого успѣлъ, хитанъ и хитанокъ: многіе однако жъ скрылись, и между ними Клементій, который больше всѣхъ опасался быть арестованнымъ и открытымъ. Наконецъ, съ протоколомъ о происшествіи и съ длинной вереницей хитановъ, алькальдъ и его подчиненные, провожаемые многочисленнымъ вооруженнымъ конвоемъ, отправились въ Мурсію. Въ числѣ подсудимыхъ была Пресіоса и, на лошака, бѣдняга Андрей, въ кандалахъ по поясу и по рукамъ, и съ колодками на ногахъ. Вся Мурсія высыпала смотрѣть арестантовъ: тамъ ужъ разнесся слухъ объ умерщвленіи солдата. Въ этотъ день Пресіоса такъ была хороша, что всѣ, кто только видѣлъ ее, ахали.

Молва объ ея красотѣ дошла до сеньоры коррехидорши, и она, любопытствуя ее видѣть, упросила мужа, чтобы этой хитанки не отводили въ тюрьму, также и прочихъ хитанокъ; Андрея же бросили въ тѣсный казематъ, который такъ былъ темень, что онъ, лишенный вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣта очей своей милой, думалъ, что ему ужъ не выходитъ оттуда, развѣ только въ могилу.

Пресіосу съ ея бабкой повели къ коррехидоршѣ. Та, только взглянула на нее, и сказала: «Ну, не даромъ зовутъ красоткой!» и подозвавши ее къ себѣ, нѣжно обняла, и не могла на нее наглядѣться. Спросили у ея бабушки, сколько дѣвушкѣ лѣтъ.

—Пятнадцать, отвѣчала хитанка, мѣсяцовъ безъ двухъ.

—Столько бы теперь было моей бѣдняжкой Констансѣ. Ахъ, мои милыя! Это дитя возобновило въ моей душѣ старую печаль, сказала коррехидорша.

Тутъ Пресіоса схватила руки коррехидорши и, цѣлуя, обливала ихъ слезами:

— Сударыня! говорила она: хитанъ, котораго взяли,

невиненъ; его вынудили: назвали его воромъ, а онъ не воръ; ударили его въ лицо, на которомъ явно написано благородство души. Ради Бога, сеньора, постарайтесь, чтобы ему оказано было правосудіе и чтобы господинъ коррехидоръ не торопился предавать его наказанію, которымъ грозятъ ему законы. Если вамъ доставила какое удовольствіе моя красота, спасите ее, избавивъ заключеннаго отъ гибели. Съ его жизнію кончится и моя: онъ мой женихъ. Соединеніе наше замедлили основательныя и похвальные причины. Если для примиренія противной стороны надобны деньги, весь нашъ таборъ продается съ аукціону и заплатитъ даже больше, чѣмъ спросятъ. Сударыня! если вы знаете, что такое любовь, если любите своего сунруга, скажитесь надо мной: я люблю нѣжно и честно.

Говоря это, Пресіоса ни на минуту не оставляла рукъ коррехидорши и не сводила съ нея глазъ, заливаясь горькими слезами. Коррехидорша держала дѣвушку, прижавъ къ своей груди и смотрѣла на нее также пристально, съ такимъ же чувствомъ, и не меньше ее плакала. Тутъ вошелъ коррехидоръ, и, увидѣвъ ихъ въ такомъ драматическомъ положеніи, удивился сколько ихъ плачу, столько и дѣвушкиной красотѣ, и спросилъ, объ чемъ онѣ плачутъ. Въ отвѣтъ на это Пресіоса упала передъ коррехидоромъ на колѣни и, обхвативъ его ноги, говорила:

— Будьте милосерды, сеньоръ, будьте милосерды! Если женихъ мой умретъ, и я умру. Онъ невиненъ. А если виновенъ, то казните меня. Когда же этого нельзя, продлите по-крайней-мѣрѣ судъ на столько, чтобы можно было найти средства поправить дѣло: авось, Богъ и помилуется того, кто согрѣшилъ не по злобѣ.

Слыша умныя рѣчи хитанки, коррехидоръ снова изумился, и еслибъ не постыдился слабости, такъ и самъ бы зарюмилъ. Между-тѣмъ, какъ это происходило, старая хитанка стояла и думала о многихъ и различныхъ

важныхъ предметахъ, и послѣ этой задумчивости и размышленія, сказала:

— Погодите немножко, государники мои болре; я сдѣлаю то, что горе ваше превратится въ веселье, хоть бы это мнѣ стоило жизни.

И съ этими словами проворно вышла, оставивъ присутствующихъ въ недоумѣніи. Въ продолженіе ея отсутствія, Пресіоса не переставала плакать и просить, чтобы продляли судъ ея жениха, намѣреваясь написать къ его отцу, чтобы онъ за него вступился. Хитанка возвратилась съ какимъ-то дарчикомъ подъ мышкой, и сказала коррехидору, чтобы онъ и его жена пошли съ ней въ особую комнату, затѣмъ, что ей надобно сообщить имъ по секрету важныя вещи. Коррехидоръ, думая, что она хочетъ открыть ему какую-нибудь сдѣланную хитанами покражу, для преклошенія его въ пользу подсудимаго, въ ту же минуту вышелъ съ нею и съ женой своею въ уборную. Тамъ хитанка, упавъ передъ ними на колѣни, сказала:

— Если радостная новость, которую я вамъ, мои кормильцы, намѣрена сообщить, не въ силахъ будетъ доставить мнѣ, въ благодарность, прощенія въ одномъ большомъ моемъ согрѣшеніи, я готова принять наказаніе, которому вамъ угодно будетъ меня подвергнуть. Но прежде, чѣмъ я открою вамъ тайну, скажите мнѣ, господа, знакомы ли вамъ вотъ эти вещицы.

И она подала коррехидору ларчикъ, гдѣ хранились Пресіосины вещи. Отворивъ его, коррехидоръ увидѣлъ тѣ дѣтскія монеты, о которыхъ было разъ сказано. Однако жъ онъ не понялъ, что это такое значитъ. Посмотрѣла на нихъ также коррехидорша, но и та не больше его поняла; только сказала:

— Это украшенія какой-нибудь малютки.

— Такъ; а какой она малютки, то сказано въ этой сложенной запискѣ.

Коррехидоръ проворно развернулъ бумагу и прочелъ:

«Дѣвочку звали Констансой де-Асеведо-и-де-Менесесъ: мать ея донья Гюмаръ-де-Менесесъ, а отецъ донъ Фернандо де-Асеведо, кавалеръ ордена Калатравы. Она попала въ день Вознесенія Господня, въ восемь часовъ утра, тысяча-пять-сотъ-девяносто-пятаго года. На ней были надѣты драгоцѣнныя вещи, хранящіяся въ этой шкатулкѣ.»

Лишь-только коррехидорша услышала содержаніе записки, какъ узнала вещи, прижала ихъ къ устамъ и, осыпавъ ихъ тысячью поцѣлуевъ, упала безъ чувствъ. Къ ней бросился коррехидоръ, не спросивши у хитанки про дочь. Пришедши въ себя, жена сказала:

— Добрая старушка! Ангель, не хитанка! гдѣ же хозяйка.... гдѣ малютка, которой принадлежать эти монисты?

— Она у васъ въ домѣ, отвѣчала хитанка: это та дѣвушка, что давеча васъ такъ растрогала, и которая, безъ всякаго сомнѣнія, ваша дочь, украденная мною въ Мадридѣ, въ тотъ день и часъ, какъ сказано въ запискѣ.

При этихъ словахъ, сеньора, видѣ себя, потерявъ туфли, бѣгомъ бросилась въ залу, гдѣ оставила Пресіосу, и нашла ее все еще въ слезахъ, окруженною дворовыми дѣвushками и служанками. Подбѣжала къ ней и ничего не говоря, разстегнула у ней на груди платье и взглянула, есть ли у ней подъ лѣвой грудью маленькое, родимое пятнышко. И нашла, что оно ужъ больше прежняго, потому-что съ лѣтами увеличилось. Въ слѣдъ за этимъ съ той же быстротой разула ее. Явилась ножка бѣлая, какъ слоновая кость или снѣгъ, и кругленькая, словно точеная. Сеньора увидѣла на ней, что искала: два послѣдніе пальчика на правой ногѣ соединялись тонкою кожицей, которой не хотѣли разрѣзать у ребенка, чтобъ не мучить его. Пятнышко, пальцы, монисты, показанный день похищенія, признаніе хитанки, сердечное потрясеніе и радость, которыя ощутили родители, когда ее

увидѣли, непоколебимо утвердили коррехидоршу въ мысли, что Пресіоса — дочь ея. Она схватила ее на руки и понесла въ комнату, гдѣ остался коррехидоръ съ хитанкою. Пресіоса была въ смущеніи, не знала, къ чему около нея такъ суетятся, и отчего коррехидорша такъ нѣжно обнимаетъ ее и цѣлуетъ. Наконецъ донья Гиомаръ пришла съ драгоценною ношей къ мужу и, передавъ ее съ рукъ на руки коррехидору, сказала:

— Вотъ твоя дочь Констанса! Это она, она! Не сомнѣвайся! Вѣрь мнѣ! Я видѣла знаки у нея на ногѣ и на груди. Меня увѣряетъ сердце. Оно мнѣ сказало о дочери, лишь только я взглянула на нее.

— Вѣрю, вѣрю, отвѣчалъ коррехидоръ, держа Пресіосу въ своихъ объятіяхъ: тѣ же самыя чувства, проникли и меня. Да притомъ однимъ чудомъ могли бы такъ вѣрно сойтись столько признаковъ.

Всѣ домашніе люди дивились и спрашивали другъ у друга, что это такое, и всѣ обманывались: никто изъ нихъ не могъ вообразить, что хитанка — дочь ихъ господъ. Коррехидоръ сказалъ женѣ, дочери и старой хитанкѣ, чтобы онѣ это происшествіе хранили въ тайнѣ до-гѣхъ-порѣ, покуда онъ самъ не обнаружитъ. Старухѣ же сказалъ что прощаетъ ей скорбь, которую она ему нанесла, похищеніемъ сокровища его души, ради того, что исправленіе ея вины возвращеніемъ дѣвочки важнѣе самаго преступленія, и что одно ему обидно, — зачѣмъ она, зная, какого Пресіоса званія, обручила ее съ хитаномъ, а больше всего — съ мошенникомъ и душегубцемъ.

— Вотъ то-то нѣтъ, батюшка, сказала на это Пресіоса: онъ не хитанъ и не мошенникъ, а хоть и пролилъ человѣческую кровь, такъ кровь того, кто его обезчестилъ: ему оставалось только показать, съ кѣмъ тотъ имѣлъ дѣло.

— Какъ! Онъ не хитанъ, душенька? спросила донья Гиомаръ.

Тутъ старая хитанка вкратцѣ разсказала исторію Андрея Кавальеро, объяснивъ, что онъ сынъ донъ-Франсиска де-Каркамо, кавалера ордена Сантъ-Яго, прозывается донъ-Хуаномъ де-Каркамо, и самъ кавалеръ того же ордена, и что она оставила у себя его платье, когда онъ перемѣнилъ его на хитанское. Разсказала также и сдѣланный Пресіосой съ донъ-Хуаномъ уговоръ выдержать двухъ-годичное испытаніе, чтобы рѣшить, отдать ли имъ другъ другу руку или нѣтъ. Выставила въ своемъ мѣстѣ добрую нравственность обоихъ и любезный характеръ донъ-Хуана. Этому отецъ съ матерью дивились столько же, сколько и обрѣтенію дочери. Коррехидоръ велѣлъ хитанкѣ сходить за донъ-хуановымъ платьемъ. Она пошла и возвратилась съ хитаномъ, который его принесъ.

Покуда она ходила, родители надѣлали Пресіосъ тысячи вопросовъ, на которые она отвѣчала такъ умно и мило, что хотъ бы они и не знали, что она ихъ дочь, такъ полюбили бы ее безъ души. Спросили ее, расположена ли она къ донъ-Хуану. Она отвѣчала, что не болѣе того, сколько ее обязывали чувства признательности къ тому, который для нее пренебрегъ всѣми обольщеніями знатности, и попалъ въ хитаны; но что эти чувства не выйдутъ изъ предѣловъ, которые имъ предпишутъ родители.

— Полно, Пресіосушка, сказалъ отецъ..... пусть имя Пресіосы останется при тебѣ въ память твоей потери и обрѣтенія..... я, какъ отецъ, ужъ позабочусь пристроить тебя такъ, чтобы будущее твое званіе согласно было съ твоимъ происхожденіемъ.

Слыша это, Пресіоса вздохнула. Мать, какъ женщина умная, догадалась, что это по миломъ донъ-Хуанѣ, и сказала мужу:

— Чтò жъ, сеньоръ; донъ-Хуанъ де-Каркамо развѣ не пара нашей дочери..... когда онъ ее любитъ?

Тотъ отвѣчалъ: — Сегодня только нашли, а ужъ ты

опять хочешь лишиться ея? Полюбujemy на нее еще немножко: вѣдь, какъ отдашь за-мужъ, такъ она будетъ уже не твоя, а мужнина.

— И то правда, сеньоръ, отвѣчала мать. Однако прикажите же донъ-Хуана-то вынудить: вѣдь онъ, бѣдняга, заброшенъ въ какомъ-нибудь казаматѣ.

— Вѣрно такъ, сказала Пресіоса: вору и душегубцу, особенно хитану, не отведутъ квартиры лучше.

— Я пойду къ нему, подъ предлогомъ вопроса, отвѣчалъ коррехидоръ и снова васъ прошу, сеньора, чтобы никто не узналъ этого происшествія, покуда я самъ не скажу.

Тутъ, обнявъ Пресіосу, онъ пошелъ въ тюрьму, гдѣ содержался донъ-Хуанъ, не позволивъ никому за собой слѣдовать, и нашелъ его съ колодками на ногахъ, съ цѣпями на рукахъ и съ желѣзнымъ ошейникомъ, котораго еще не сняли. Въ тюрьмѣ было темно; коррехидоръ велѣлъ открыть въ потолокъ отдушину, черезъ которую едва-едва проходилъ свѣтъ. Разглядѣвъ узника, коррехидоръ сказалъ:

— Чтò, какова клѣтка? Мнѣ бы хотѣлось упрятать сюда всѣхъ хитановъ, сколько ихъ есть въ Испаніи, чтобы раздѣлаться съ ними въ одинъ день, какъ Нерону хотѣлось раздѣлаться съ Римомъ, — однимъ разомъ. Знай, щекотливый мошенникъ, что я коррехидоръ здѣшняго города и пришелъ узнать отъ тебя, глазъ на глазъ, правда ли, что съ тобой сговорена одна, приведенная съ вами, хитанская дѣвушка?

Услышавъ это, Андрей вообразилъ, что коррехидоръ влюбился въ Пресіосу. Ревность — претонкое вещество: оно проникаетъ во всѣ тѣла, не раскалывая, ни разщепляя ихъ. Не смотря на это, онъ отвѣчалъ:

— Если она сказала, что сговорена, такъ правда; если же сказала, что нѣтъ, то и это правда, потому-что невозможно, чтобы Пресіоса солгала.

— А она такъ сильно любитъ правду? возразилъ корре-

хидоръ: для хитанки это не бездѣлица. Ну, хорошо пріятель: она сказала, что сговорена, но что еще не отдавала тебѣ руки. Она узнала, что за твое преступленіе ты долженъ умереть, и просила меня до твоей смерти обвинять ее съ тобой: она желаетъ чести остаться вдовой такого великаго мошенника, какъ ты.

— Такъ сдѣлайте поскорѣй, господинъ коррихидоръ, какъ она проситъ: обвинчавшись съ ней, я съ радостью переселюсь въ другую жизнь, когда покину здѣшнюю съ именемъ ея мужа.

— Видно ты крѣпко ее любишь? сказалъ коррехидоръ.

— Такъ, что выразить не могу. Кончайте же надо мной судъ, господинъ коррехидоръ. Я убилъ человѣка, который хотѣлъ меня обезчестить. Я обожаю эту дѣвушку, и умру съ радостью, если умру любимымъ ею, и знаю, что Богъ не лишитъ насъ своей милости, потому—что мы оба свято и точно сдержали то, что другъ другу обѣщали.

— Такъ сегодня вечеромъ я за тобой пришлою, сказалъ коррехидоръ: и ты обвинчаешься съ Пресіосою въ моемъ домѣ, а завтра въ полдень будешь на висѣлицѣ. Такъ исполню я законъ и ваше обоюдное желаніе.

Андрей поблагодарилъ его за это, и коррехидоръ, воротясь домой, рассказалъ женѣ, что происходило между нимъ и донъ-Хуаномъ, и о томъ, что намѣренъ сдѣлать. Во время же его отлучки, Пресіоса рассказала матери своей всю жизнь свою и какъ она всегда думала, что она хитанка и внучка той старухи; но что однако всегда считала себя гораздо выше тѣхъ, которые ее окружали въ хитанскомъ быту. Мать попросила, чтобы она сказала правду, она крѣпко ли любитъ донъ-Хуана де-Каркамо? Та, закраснѣвшись и потупивъ глаза, отвѣчала, что, считая себя хитанкой, разсуждая, что вышедши замужъ за такого знатнаго дворянина, каковъ донъ-Хуанъ де-Каркамо, улучшить свою участь, и узнавши потомъ на опытѣ его добрый нравъ и благородное сердце, иногда смотрѣла на него съ любовью;

но что всё-таки, какъ уже сказала, не будетъ знать въ этомъ никакой воли, кромѣ родительской.

Наступилъ вечеръ, и, часовъ въ десять, Андрея вывели изъ темницы, расковавъ ему руки и снявъ желѣзный ошейникъ, однако оставя длинную цѣпь, которая обвивала его съ головы до ногъ. Въ такомъ уборѣ онъ прибылъ незамѣченный никѣмъ, кромѣ тѣхъ, которые его вели, въ домъ коррехидора; они его тихо и осторожно впустили въ одинъ покой, гдѣ и оставили одного. Спустя немного къ нему вошелъ клирикъ и сказалъ, чтобы онъ исповѣдалъ свои грѣхи, потому-что въ слѣдующій день умретъ. На это Андрей отвѣчалъ:

— Съ большимъ удовольствіемъ. Только что же не обвинчаютъ меня напередъ! Если обвинчаютъ, такъ признаюсь, плохая меня ждетъ брачная постель!

Тутъ донья Гіомаръ сказала мужу, что онъ ужъ черезъ-чуръ мучить донъ-Хуана; просила, чтобы умѣрилъ свои хитрости, потому-что молодой человекъ, пожалуй, отъ нихъ и умретъ. Этотъ совѣтъ коррехидоръ нашелъ основательнымъ, и кликнувъ того, который исповѣдовалъ бѣдняка, сказалъ ему, что хитана надобно напередъ обвинчать съ хитанкой Пресіосой, а исповѣдать послѣ: тогда онъ предастъ себя въ руки Божіи отъ всего сердца; а часто милосердіе Господне проливается въ то время, когда почти всѣ надежды изсякнутъ. Итакъ Андрей перешелъ въ другую комнату, гдѣ находились только донья Гіомаръ, коррехидоръ, Пресіоса и двое слугъ. Но когда Пресіоса увидѣла донъ-Хуана въ такихъ тяжелыхъ кандалахъ, съ блѣднымъ лицомъ и съ глазами, на которыхъ замѣтны были слѣды недавнихъ слезъ, у ней сердце обмяло кровью, и она прижалась къ груди матери, стоявшей подлѣ нея. Та обняла дочь и сказала:

— Успокойся, душенька: все, что ты видишь, обратится на радость тебѣ и счастье.

Но Пресіоса, не вѣдая дѣла, не знала, какъ тутъ по-

черпнуть утѣшеніе. Старая хитанка была въ тревогѣ; прочіе предстоявшіе въ недоумѣніи ждали, чѣмъ все это кончится. Коррехидоръ сказалъ:

— Вотъ, батюшка, этого хитана и хитаночку потрудитесь обвинчать.

— Этого я не могу сдѣлать, отвѣчалъ тотъ: покуда не будутъ исполнены требуемыя на настоящій случай формальности. Гдѣ учинена окличка? Есть ли у васъ позволеніе на совершеніе обряда вѣнчанія?

— Совсѣмъ забылъ, сказалъ коррехидоръ: испрошу, испрошу позволеніе у викарія.

— Такъ покуда я не увижу дозволенія, отвѣчалъ священникъ: прошу извинить меня.

И не говоря болѣе ни слова, опасаясь какого-нибудь соблазна, ушелъ и оставилъ ихъ всѣхъ въ смущеніи.

Патеръ очень хорошо сдѣлалъ, сказалъ тутъ коррехидоръ: и можетъ-быть такъ дѣйствовало провидѣніе Божіе, чтобы отсрочить казнь Андрея: вѣдь онъ вѣнчается съ Пресіосой, такъ надобно напередъ сдѣлать окличку, а между-тѣмъ продлится время, которое счастливо развязываетъ многія странпыя трудности. При всемъ этомъ мнѣ бы хотѣлось узнать, если счастье устроить судьбу Андрея такъ, что онъ и безъ этихъ душевныхъ потрясеній и тревогъ можетъ стать мужемъ Пресіосы, то не пріятнѣе ли ему будетъ называться, вмѣсто Андрея Кавальеро, донъ-Хуаномъ де-Каркамо?

Услышавъ настоящее свое имя, Андрей сказалъ:

— Когда уже Пресіоса не захотѣла смолчать и открыла, кто я, такъ я скажу, что это счастье сдѣлало бы меня счастливѣйшимъ во вселенной: я не посмѣлъ бы болѣе желать никакого блага, кромѣ развѣ небеснаго.

— Хорошо же, сказалъ коррехидоръ: за благородство, которое вы обнаружили, сеньоръ донъ-Хуанъ де-Каркамо, я въ свое время сдѣлаю, что Пресіоса будетъ вашею законной супругою, а теперь вручаю ее вамъ, какъ дражайшее сокровище моего дома, жизни и души мо-

ей. Цѣните ее такъ, какъ цѣнили доселѣ: въ ней я отдаю вамъ донью Констансу де-Менесесъ, единственную мою дочь, которая, если равняется съ вами въ любви, такъ не уступаетъ вамъ и въ знатности происхожденія.

Андрей стоялъ, какъ громомъ пораженный. Донья Гиомаръ рассказала ему въ короткихъ словахъ, какъ ихъ дочь пропала и отыскалась. Тутъ донъ-Хуанъ еще болѣе былъ изумленъ, и, обрадованный выше всякаго выраженія, бросился обнимать своего тестя и тещу, называя ихъ своими батюшкой и матушкой, цѣловалъ руки Пресіосы, которая со слезами просила его рукъ. Тайна разрѣшилась; новость разошлась по городу съ выходомъ бывшихъ при происшествіи слугъ. Узнавъ объ этомъ, алькальдъ, дядя убитаго, увидѣлъ, что пути къ ищенію у него пресѣчены, потому-что строгость законовъ должна ослабнуть надъ зятемъ коррехидора. Донъ-Хуанъ надѣлъ свое дорожное платье, которое хранила хитанка; неволя превратилась въ свободу, желѣзные цѣпи въ золотыя; печаль арестованныхъ хитановъ—въ радость, потому-что на другой день ихъ отдали на поруки. Дядя убитаго согласился принять въ подарокъ двѣ-тысячи червонцевъ, отказался отъ своего иска и простилъ донъ-Хуана. А этотъ, помня о своемъ товарищѣ Клементіи, послалъ искать его. Однако его не нашли, и только дня черезъ четыре получили вѣрное свѣдѣніе, что онъ приютился на одной изъ двухъ генуезскихъ галеръ, которыя стояли въ картагенскомъ портѣ и, должно быть, уже отправились. Коррехидоръ сказалъ донъ-Хуану, что, по вѣрному извѣстію, отцу его, донъ Франсиску де-Каркамо, дали мѣсто коррехидора того города, и что хорошо было бы подождать его, чтобы бракъ совершился съ его согласія и благословенія. На это донъ-Хуанъ сказалъ, что онъ не выйдетъ изъ повиновенія ему, но что, однако, прежде всего желаетъ обручиться съ Пресіосой. Архіепископъ дозво-

лель совершить бракосочетаніе послѣ однократной оч-
лички. Городъ, очень любя коррехидора, въ день свадь-
бы сдѣлалъ праздникъ, съ иллюминаціей, играми и бо-
ями быковъ. Старая хитанка не захотѣла разстаться со
своей внучкой Пресіосой и осталась въ домѣ коррехи-
дора. Вѣсти о происшествіи съ знаменитою хитаночкой
и о выходѣ ея за-мужъ, дошли ко двору; донъ-Фран-
сиско де-Каркамо узналъ, что сынъ его сдѣлался хи-
таномъ, а Пресіоса та хитаночка, которую онъ ви-
дѣлъ. Красота ея извинила передъ нимъ легкомысліе
сына, котораго онъ считалъ пропавшимъ, когда узналъ,
что во Фландрію онъ не прибылъ; болѣе всего успоко-
ило его то, что онъ видѣлъ, какую хорошую сынъ со-
ставилъ себѣ партію, женившись на дочери такого знат-
наго и богатаго дворянина, каковъ донъ-Фернандо де-
Асеведо. Старикъ поспѣшилъ отъѣздомъ, чтобы поско-
рѣй увидѣть своихъ дѣтей, и черезъ двадцать дней уже
былъ въ Мурсіи. Съ его прибытіемъ возобновились ве-
селье и праздники, стали рассказывать про прежнее
жизье-бытѣе, и городскіе поэты, которыхъ въ Мурсіи
есть нѣсколько и очень хорошихъ, приняли на себя
трудъ прославить чудное приключеніе вмѣстѣ съ не-
сравненной красотой славной хитаночки. Такимъ обра-
зомъ написалъ поэму знаменитый лиценціатъ Посо,
въ стихахъ котораго слава Пресіосы продлится до скон-
чанія вѣковъ. Я и забылъ сказать: влюбленная трактир-
ница открыла судьямъ, что показаніе о кражѣ хитана
Андрея ложно, и призналась въ любви и въ винѣ сво-
ей, за что она не понесла никакого наказанія, потому-
что въ радости объ отысканіи молодыхъ погрѣблось
чувство мщенія и воскресло милосердіе.

Съ испанскаго П. Петровскій.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Науки и Художества.

=

ГУЦУЛЛЫ,

КАРПАТСКІЕ ГОРЦЫ.

Какъ ни драгоценна для каждаго своя отчизна, но должно сказать, что горные жители болѣе чувствуютъ любовь къ родному краю. Возьмемъ въ примѣръ Гуцулловъ, обитателей карпатскихъ горъ, въ странѣ между Буковиною и Венгрією. Трудно выразить привязанность ихъ къ роднымъ селамъ: будучи отдѣлены отъ нихъ, они скучаютъ, хвораютъ и часто, потерявъ надежду возвратиться, — умираютъ. Сколько разъ случилось, что Гуцулла, взятый въ рекруты, убѣгалъ домой единственно для того, чтобы хотя разъ еще взглянуть на родину, подышать ея цѣлительнымъ, сладостнымъ воздухомъ. Я самъ зналъ одного изъ нихъ, который восемь разъ бѣгалъ, но каждый разъ неудачно, потому что скорѣе попадался въ руки правительства. На во-

прось: что побуждало его, за видимо-безполезные побѣги, подвергаться тѣлесному наказанію? — онъ отвѣчалъ простосердечно:

— Бейте меня сколько хотите, а я всё-таки уйду. Нельзя же мнѣ не повидать своей хаты, не поѣсть баранины, и питаться у васъ однимъ коровьимъ мясомъ!

Баранина, квашеное молоко, хлѣбъ съ турецкимъ пшеномъ и овсяные блины составляютъ ихъ любимыя кушанья.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Станиславовѣ*, во время сильныхъ морозовъ, десять Гуцулловъ были взяты въ рекруты. Выломавъ окна въ домѣ, въ которомъ содержались, они ушли изъ-подъ караула. Когда же бросились на нихъ стражи, одинъ погибъ на мѣстѣ, а остальные девять, безъ всякаго оружія, въ однихъ холщевыхъ армякахъ и брюкахъ, ушли въ лѣсъ. Три дня скитались они, не смѣя приблизиться ни къ одной избѣ, питались кореньями, выкапывая ихъ изъ-подъ снѣгу; наконецъ совершенно изнуренные приблизились къ берегамъ Днѣстра; рѣка была покрыта льдомъ, который шелъ плотною массою. Трое бѣглецовъ погибли отъ болѣзней, голоду и изнеможенія; остальные также отчаивались, какъ вдругъ увидѣли женщину, несшую хлѣбъ и молоко; они отняли у нея все, подкрѣпили своей силой и, взявшись за руки, бросились въ Днѣстръ. Счастіе благопріятствовало имъ, и они достигли противоположнаго берега; но трое изъ нихъ, вскорѣ лишились силъ, погибли; остальные, достигнувъ ближайшей деревни, вбѣжали въ гумно и, сбросивъ мокрую одежду, обернулись въ солому. И все было забыто, когда, прибывъ въ свои горы, они вздохнули роднымъ возду-

* Станиславовъ, областной городъ въ Галиціи, надъ рѣкою Быстрицею; объ немъ часто упоминаютъ въ русскихъ пѣсняхъ. Здѣсь часто казнили разбойниковъ, въ особенности опрышковъ.

хомъ и за общимъ столомъ наѣлись до-сыта блиновъ изъ турецкаго пшена и баранины.

Ихъ любовь къ отечеству особенно хорошо рисуется въ пѣсняхъ, какъ отголоскахъ души и выразительныхъ картинахъ характера народа.

Гуцуллъ видитъ орла, парящаго въ поднебесьи, и сравниваетъ его съ собою, горюющимъ на чужбинѣ:

«Летитъ орелъ по надъ море, и ставъ голосыгы,
Горе жъ мыни на чужини, нигдѣ ся подиты.

Летитъ орелъ по надъ море, тай летывши крикнувъ:
Горе жъ мыни на чужини, що я не привыкнувъ.»

Гуцуллы гѣтомъ образуютъ сборища *опрышковъ*^{*}, и не смотря на кроткость своего характера, въ это время дѣлаются жестокими, въ особенности, когда хмѣль одо-лѣетъ ихъ.

Гуцуллы—опрышки суть осѣдлые хозяева деревень; всю зиму они живутъ въ своихъ хатахъ, весной же отправляются на разбой и грабежи.

Опасаясь, чтобъ зимою, по слѣдамъ, не открыли ихъ убѣжищъ, и притомъ не надѣясь въ это время на значительную добычу, по малому числу путешественниковъ, Гуцуллы не пускаются въ зимніе наѣды, предпочитая весенніе. Эти наѣды они также прославляютъ въ пѣсняхъ.

«На высокой полоници изродили рижки,

Та цы пійдемъ, пане брате, на весни въ опрышки!

А вробимо топорчики, та съ самою стали,

* Въ первый разъ названіе опрышковъ является во время Сигизмунда первого (1356). Вообще опрышками называютъ разбойниковъ въ карпатскихъ горахъ, со стороны венгерской и Буковины: здѣсь однако жъ нужно отличать опрышковъ отъ русскихъ Гуцуловъ, живущихъ въ горахъ между Венгрією и Валахією, и отъ польскихъ, между Венгрією и Краковымъ.

Та не клычмо мы никого, пїйдемы мы самы,
А вробимо топорчики, та съ самон миды,
Якъ поскочимъ у виконьци, та зазнаемъ биды!»

Вотъ подстрочный переводъ:

На высокой на поляхъ выросли рыжикки:
Ну, пойдѣмъ-ка, паны братья, весною въ опрышки!
Сработаемъ топорчики, да изъ самой стали,
Да не будемъ звать ни кого, а пойдѣмъ лишь сами;
Сработаемъ топорчики, да изъ самой мѣди,
И наскочимъ въ оконницы, такъ узнаемъ бѣды!

Выше сказано, что въ разбояхъ Гуцуллы жестоки, въ особенности когда вино отуманить ихъ головы. Находясь въ горахъ, я слышалъ разсказъ о томъ, какъ опрышки напали на домъ одного помѣщика. Недовольствуясь грабежемъ, они перебили всѣ стекла въ окнахъ, разбросали ихъ по полу и велѣли хозяину плясать по осколкамъ босикомъ. И бѣдный помѣщикъ по неволѣ долженъ былъ исполнить звѣрское приказаніе. Въ это время услышали крикъ единственной его дочери; разбойники поругались надъ нею, не смотря на отчаянные вопли несчастной, потомъ отвели отца въ садъ, заставили его выкопать для себя яму, убили и зарыли.

Пойманный разбойникъ смѣло и равнодушно идетъ на висѣлицу. Не разъ удивлялся я ихъ хладнокровію, даже въ послѣднія минуты жизни. Онъ нисколько не унываетъ, и часто въ веселомъ духѣ просить удовольствіенія самыхъ смѣшныхъ прихотей. Назадъ тому два года, вѣшали нѣсколькихъ опрышковъ; одинъ изъ нихъ попросилъ водки, и, проглотивъ порядочную порцію, спокойно отправился на висѣлицу. Другой хотѣлъ проститься съ своею любовницею, но когда ему отказали въ этомъ, онъ началъ просить, чтобы выкрашили по-крайней-мѣрѣ его висѣлицу: «*Не-хай каже яко панъ зину!*» были его собственныя слова.

Даже изъ самыхъ пѣсней ихъ можно ясно видѣть, какъ мало дорожатъ они жизнію.

Строгость законовъ наказываетъ смертью каждаго изъ опрышковъ, за малѣйшее преступленіе, за кражу нѣсколькихъ грошей. Есть гѣсня, въ которой они во-сигѣвають смерть одного изъ своихъ товарищей. Солдаты разбили шайку опрышковъ и одного изъ нихъ, *Пыльга*, поймали, отвели въ *Надворню** и тамъ повѣсили:

«Оны его та губили за топорецъ ясны,
А люде се дивовалы, якій же винъ красны:
Ой! люде се дивовалы, якій винъ хороши,
А паны се цудовалы килько мае гроши,
Не паше винъ чтеры роки, ни козы, ни вивци,
Льше свѣтавъ у кобивки били сорокивцы.»

Они-то его губили за топорецъ ясный,
А люди-то удивлялись да какъ же онъ краснѣ.
Ой! люди-то удивлялись какъ же онъ и статенѣ,
А господа-то дивились что, много виѣлъ денегъ,
Не пашъ онъ четыре года, ни козъ, ни овецъ,
Только скопиль въ ларець бѣлые сороковицы**

У Гуцуловъ, такъ же какъ, бывало, у Венгровъ, велся обычай, который теперъ однако уже преданъ забвенію: когда разбойникъ холостой былъ осуждаемъ на смерть, и дѣвица забрасывала ему платокъ на шею, то онъ, изъявля желаніе жениться на ней, освобождался тѣмъ отъ наказанія.

Тому лѣтъ шесть, нѣсколько опрышковъ, близъ венгерской границы, были приговорены къ казни. Женщина выскочила изъ толпы и забросила платокъ на шею одному взрослому дѣтинѣ; но ее отвели и попытка спасти преступника не удалась.

При поступленіи въ банду опрышковъ совершается присяга на пистолетъ: каждый изъ предводителей

* Надворное, мѣстечко въ станиславской области въ Галиціи.

** Сороковецъ: жители называютъ такъ *цямцимеръ*, который равняется сорока польскимъ грошамъ.

долженъ совершить подобную присягу, передъ своими товарищами, и свято соблюдать ее. Въ одной изъ пѣсенъ опрышковъ мы находимъ, какъ дѣвица, принуждаемая къ соблюденію тайны, совершивъ присягу надъ пистолетомъ, проклинала это пагубное орудіе, отнявшее у нея свободу дѣйствій, свободу языка: а для женщины это всего дороже!

«Заковала ми зозулька, та на перелети,
Присегала дивчиненька, та на пистолети:
Присегала, присегала, гадочки гадала.
Шобы того пистолетко куля розметала,
Та що я такъ молоденька на нимъ присегала.»

Закуковала мнѣ кукушка на перелетѣ.
Присегала дѣвушка на пистолетѣ,
Присегала, присегала, и зорожила,
Чтобы тотъ пистолетъ пуля разорвала,
За то, что я такая молоденькая на немъ присегала.

Одежда опрышковъ состоитъ изъ черной круглой шляпы съ широкимъ галуномъ, украшенной павлиньими перьями; черной рубахи, вываренной въ маслѣ для предохраненія отъ сырости; по праздникамъ же носятъ они бѣлые, вышитые разноцвѣтною шерстью, кафтаны; кожаный поясъ стягиваетъ станъ ихъ. Онъ такъ широкъ, что закрываетъ почти полгруды; торба ушита вся свѣтлыми пуговицами, брюки шерстяные краснаго цвѣта, ходаки на ногахъ, сзади за поясомъ топоръ, а спереди два пистолета; ножъ и ружье довершаютъ вооруженіе.

Мнѣ случилось однажды видѣть Гуцулла, который былъ нѣсколько лѣтъ предводителемъ опрышковъ въ Буковинѣ. Паконецъ онъ поселился въ своей деревнѣ и занимался кузнечнымъ мастерствомъ. Исполнинскій ростъ; суровое лицо; огромныя руки, густыя брови и страшныя, огнемъ блестящіе глаза, въ которыхъ ясно можно было

прочестъ дикую отважность, — все вполне соответствовало его прежнему промыслу. Выпить бутылку водки, ему было легче чѣмъ другому стаканъ воды.

Предводителя своего они называютъ *панемъ*, онъ своихъ товарищей *хлопцами* или *мальцами* (молодцами).

Изъ пѣсни о Добашѣ-синегорцѣ видно, что предводитель всегда чѣмъ-нибудь долженъ былъ отличаться отъ своихъ товарищей; кромѣ храбрости требовалась отъ него физическая сила, а потому каждый желающій принадлежать его шайкѣ, пытался съ нимъ силою. Предводитель опрышковъ, въ одеждѣ ни чѣмъ не отличается отъ товарищей своихъ, только оружіе его изящнѣе отдѣлкою, и тесьма на шляпѣ составлена изъ червонцевъ; чѣмъ длиннѣе тесьма, и слѣдовательно, чѣмъ болѣе на ней червонцевъ, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользуется предводитель.

Похищенные деньги и другія богатые вещи они зарываютъ въ землю; деньги, въ такомъ случаѣ, помѣщаютъ въ горшки или котлы; оттого по нынѣ часто случается горцамъ выкапывать подобные клады, оставленные прежними опрышками. Въ одной изъ народныхъ пѣсень мы видимъ, какъ ихъ предводитель смертельно раненный приказываетъ нести себя на Черную Гору, и говоритъ своимъ товарищамъ:

«Возьмите мене, занесите,
Въ Черногоры положите:
А сами ся разыйдите,
Срыбло, злото заберите,
А сами ся расходдайте.»
— Срыбла, злота не забрали,
Бо ихъ Ляхы разогнали.

«Возьмите меня, свесите,
Въ Черной Горѣ положите,
А сами разойдитесь,

Серебро, золото, заберите.
 А сами расходитесь.»
 — Серебра, золота не забрали,
 Ибо их Ляхи разогнали.

Вооруженные ружьемъ, въ-двоемъ или троємъ они садятся въ кустахъ, гдѣ находится опасная переправа или проѣзжая дорога, и ожидаютъ путниковъ,

Имя опрышковъ такъ ужасно для сосѣднихъ жителей, что не рѣдко въ двадцать, даже въ тридцать разъ сильнѣйшіе ихъ, не смѣли имъ противиться.

Въ подобныхъ случаяхъ, часто одинъ или двое, на вершинѣ при узкомъ проходѣ, останавливаютъ нѣсколькихъ проѣзжихъ, между-тѣмъ какъ остальные грабятъ ихъ имущество.

Чаще всего они нападаютъ на Армянъ, зная, что отъ нихъ почти всегда можно ожидать вѣрной помощи, не опасаясь съ ихъ стороны ни малѣйшаго сопротивленія. Нѣсколько разъ случалось, что одинъ опрышекъ останавливалъ болѣе двадцати человѣкъ Армянъ, и въ ущелии обиралъ ихъ каждого по одиначкѣ.

Черная Гора находится на границѣ станицславской и коломыйской областей, въ Галиціи, и извѣстна, какъ первый притонъ опрышковъ. Въ гуцульскихъ пѣсняхъ мы находимъ много воспоминаній объ ней.

Молодаго опрышка спрашиваетъ его любезная:

«А шобы ты, мій миленьки, такій веселенькій,
 Якъ у литы въ Черногори витерь студененькій.»

А что ты, мой миленькій, тѣкой веселенькій
 Какъ лѣтомъ на Черной Горѣ вѣтеръ холодиенькій.

Онъ отвѣчаетъ ей:

А шобы ты, моя мила, така веселенька,
Якъ у лѣты въ Черногори вода студененька.

А что ты, моя милая, такая веселенькая,
Какъ лѣтомъ на Черной Горѣ вода холоденькая.

Какъ прежде въ Украинѣ вельможи держали при своихъ дворахъ вооруженную стражу, составленную изъ казаковъ, противъ казаковъ же, такъ точно въ карпатскихъ горахъ, шляхта держитъ вооруженныхъ гайдуковъ Гуцулловъ, противъ Гуцулловъ опрышковъ: это молодые, дюжие и рослые парни, вооруженные всегда пистолетами, которые они носятъ за поясомъ. Часто случалось, что эти гайдуки уходили сами къ опрышкамъ или, будучи съ ними въ заговорѣ, помогали грабить своихъ господъ.

Почти вездѣ въ горахъ разставленные чердаки*, сверхъ того значительное число стражи, преслѣдовавшей ихъ, и неминуемая на висѣлицѣ смерть пойманнаго, искоренили почти совершенно опрышковъ; и въ этихъ горахъ, въ которыхъ за нѣсколько времени они дѣлали страшныя нападенія и грабежи, теперь спокойно ѣдетъ путникъ, и только шелестъ листьевъ, или топотъ пробѣжавшаго вепря, заставитъ вздрогнуть трусливаго и вспомнить ужасы прошедшаго.

Между опрышками, въ 1739 и 1741 годахъ, былъ одинъ изъ отчаянныхъ предводителей; это Алексѣй Добашъ, котораго имя долго наводило ужасъ на окрестныя страны; его упоминаютъ во многихъ пѣсняхъ, тѣмъ преданій осталась по немъ въ народѣ. Главнымъ его мѣстопробываніемъ была Черная Гора, откуда онъ разсы-

* Чердакъ — это маленький теплый домикъ, сдѣланъ для четырехъ или шести солдатъ, при немъ стоитъ столбъ, обернутый соломой, который въ случаѣ тревоги зажигается и этимъ дается знать другому чердаку о нападеніи опрышковъ.

далъ свои приказанія жителямъ ближайшихъ селеній, чтобъ они приносили ему яствы и питье, угрожая противъ ослушниковъ послать сотню своихъ опрышковъ, для наказанія. Что у него находилась огромная шайка, это доказываетъ нападеніе его на городокъ *Болеховъ*, — во время ярмарки, — который онъ совершенно разграбилъ.

Въ окружностяхъ Болехова (въ Галиціи, въ области стрійской) стоитъ на вершинѣ скалы небольшая деревянная церковь. Въ народѣ сохранилось объ ней слѣдующее преданіе.

По близости этой церкви, въ помѣстьѣ своемъ жилъ польскій шляхтичъ, не извѣстный по имени, но смѣлый и предприимчивый. Нѣсколько разъ Добашъ пытался напасть на домъ его, предвидя богатую поживу; но тотъ не переставалъ бодрствовать и всегда былъ въ готовности отразить непріятеля. Это разрушало всѣ планы Добаша. Осторожность помѣщика побуждала замыслы хитраго опрышка.

Но болѣе всего раздражала Добаша смѣлость шляхтича, который часто дѣлалъ, какъ на медвѣдя, облаву на его шайку, и иногда схватывалъ оплошныхъ опрышковъ, его товарищей.

Добашъ рѣшился наконецъ употребить всѣ средства и составилъ планъ вѣрнаго и страшнаго мщенія. Въ одинъ день извѣщаетъ онъ пана, жившаго не подалеку отъ шляхтича, чтобы тотъ приготовилъ ужинъ на тридцать человѣкъ для него и товарищей, потому что они приняли твердое намѣреніе посѣтить его послѣ заката солнца. Панъ тотчасъ далъ знать объ этомъ шляхтичу, который немедленно вооружился и, пригласивъ съ собою нѣсколько десятковъ своихъ товарищей, засѣлъ съ ними въ ближній къ дому пана оврагъ, откуда надѣялся сдѣлать внезапное нападеніе на шайку. Добашъ все это предвидѣлъ, и воспользовавшись своею вѣрно разсчитанною хитростію, нападетъ не на пана, какъ обѣщалъ, но на домъ шляхтича, оставшійся безъ всякой

защиты. Изъ бывшихъ тамъ людей нѣкоторыхъ перебилъ, другихъ прогналъ, расхитилъ все богатство, зажегъ домъ съ четырехъ угловъ, и удалился. Шляхтичь увидѣвъ зарево, разгадавъ планъ Добаша, немедля спѣшить къ своему дому со всею дружиною, и въ то время, когда былъ занятъ тушеніемъ пожара, опрышки пришли къ пану и потребовали ужина, извиняясь что опоздали два часа по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства.

Отважный и до крайности дерзкій разбойникъ Добашъ рѣшился однажды сдѣлать нападеніе на замокъ Потоцкихъ; но будучи разбитъ, принужденъ былъ бѣжать, и едва-едва успѣлъ скрыться отъ преслѣдователей.

Въ селѣ Турка (миля отъ Дрогобича, въ области самборской) черезъ рѣку на Лысой Горѣ, вмѣсто моста, для перехода положена была дубовая колода; эту колоду Добашъ выдолбилъ внутри и прятался туда въ опасныхъ случаяхъ. Однажды не удалось ему скрыться: его замѣтили, колоду зажгли, и тѣмъ заставили Добаша выйти; тутъ его поймали, но не на долго: онъ успѣлъ убѣжать.

Въ пѣсняхъ объ немъ, которыя и по нынѣ сохранились, изображаютъ послѣднія минуты жизни этого бандита. Степанъ Дзвинка (иначе называемый Жилинка) жилъ въ деревнѣ Коснячи, вмѣстѣ съ женою. Добашъ былъ въ нее влюбленъ, но она ему измѣнила. Съ тѣхъ поръ Гуцуллы поютъ въ своихъ пѣсняхъ, что не должно вѣрить, въ Коснячахъ, ни одной женщинѣ, ни дѣвицѣ, потому-что всѣ онѣ измѣнницы.

Преданіе говорить: всѣ возможные средства изыскивалъ Степанъ Дзвинка, чтобы умертвить Добаша, котораго, какъ говорили, ни одна пуля не могла пробить. Наконецъ онъ подговорилъ свою жену, чтобы она у самого опрышка вывѣдала этотъ секретъ.

Когда однажды Добашъ, заподчванный виномъ, былъ

на веселѣ, жена Дзвинки спросила: «Правда ли, что тебѣ ни одна пуля не можетъ сдѣлать вреда?»

— Да! отвѣчалъ онъ: и потому—то убить меня не очень легко. Нужно зарядить ружье серсбряною пулею, и сверхъ нея положить девять зеренъ пшеницы, которыя должны быть освящены.

Такимъ образомъ способъ былъ открытъ, передавъ Степану Дзвинкѣ, который исполнилъ все въ точности и мѣткимъ выстрѣломъ лишилъ Добаша жизни.

За два года передъ смертью, Добашъ велѣлъ сдѣлать на скалѣ крестъ съ надписью, который, говорятъ, и по нынѣ находится въ горахъ, на мѣстѣ, гдѣ до-сихъ-поръ живутъ Гуцуллы.

Сообщимъ гѣсно о Добашѣ, которая сохранилась до нашего времени у Гуцулловъ.

1.

Ой! по пидъ гай зелененьки
 Ходытъ Добашъ молоденьки,
 Ходытъ Добашъ по долини,
 По зеленый муравыни;
 На сопивки * выгрывае,
 Тай на нижку полегае:
 Топирцемъ ся подпиреае:
 Тай на хлопцы поклыкае.
 «Ой! вы хлопцы, вы молодцы!
 Ой, сходитъ ся синьгорцы:
 Будемъ раду споломъ маты,
 Де пійдемо рабуваты:
 Чи Бол'ехывъ, чи Дольнувъ?
 Коль Боле'хивъ розбивалы,
 Сребло, злото, розсіялы!
 Мидъ, горивку розливалы!

* Сопивка, сопѣлка, родъ свирѣли, въ большомъ употребленіи у горцевъ. Пт

Ой! ви хлопцы, ви молодцы!
 Пійдемо вси вразъ въ гости:
 Уставайте вси раненько,
 Убирайте ся борзенько:
 У постолы скираныи,
 И волоки шювковыи
 Тай пійдемо до Стефана Дзвинки,
 И до его красной жинки.»

ОПРЫШКИ.

Ой, Добашу! ты пане напгъ,
 Тамъ пригода буде на насъ:

ДОВАШЪ.

Но! на мене уважайте,
 По дви кулы набивайте:
 Станьте, хлопцы, пидъ ворота,
 А я пиду пидъ виконце.

2.

ДОВАШЪ.

Добры, вечеръ Стефанова,
 А вечера чи готова?
 Чи сплшь сердце, та чи чуешь,
 Чи Добаша заночуешь?
 Чи сплшь сердце, чи не чуешь,
 Ой, чи сама ти ночуешь?

СТЕФАНОВА.

Ой, я не спю, та все чую,
 Гайдамакы не зночую!
 Ой, я не спю, но все чую,
 Бо вечереньку готую:
 И вечера не готова,
 Бо Стефана не ма дома:
 Буде она дуже пльйна,
 И всимъ людямъ буде дывна.

ДОВАШЪ.

Чи ти выйдешь отвыраты,
Чи ся маю добываты?

СТЕФАНОВА.

Не кажу ся добываты,
И не пиду отвыраты :
Щебы сылки заживаты,
Мои двери разлупаты.

ДОВАШЪ, съ сердцемъ.

Пусти, суко, вразъ до хаты,
Шобъ двери не вывалати.

СТЕФАНОВА.

Въ мене двери тисовыи,
Въ мене замки сталевыи.

ДОВАШЪ.

Не помогутъ замки твое,
Якъ пидложу плечи мое.

—

Взявъ ся Довашъ добуваты,
Взялы замки видитаты:
Одне двери бывъ отворивъ,
А други льшь видхилывъ :
Стефанъ Двинка въ сердце видхилывъ.
Ще вставъ Довашъ, выйшовъ съ хаты,
Не мигъ кроку постунаты.

ДОВАШЪ.

Треба, хлопцы, уткаты,
Ей! ви хлопцы! ви молодцы!
Возмечь мене на топорци,
Приблизить ся близьше къ мени :

О! якъ-же тяженько мены.
 Вынести мя въ Черно-гору
 Положить мя на колоду
 Буде зимный витерь дуги,
 Буде мене голодути,
 Въ Черно-гору занесить мя:
 На дробный макъ рассичить мя!
 Най ся Ляхи не збыткують,
 Мое тило не чвертують.
 Возмечь мене въ Черно-гору,
 Положить мя тамъ пидь бука,
 Тамъ намъ буде всимъ разлука!

А вы хлопцы, вы молодци!
 Невисти ся не звирайте,
 Бо у ней только и вири,
 Якъ на води таи пини!
 Бо невеста и здрадае,
 Срибло, злото зобрае,
 И здоровля видыймае.

ОПРЫШКИ.

Ой, Добашу! Добашуку!
 Чомъ же сь не вбывъ тою суку?

ДОВАШЪ.

Якаже я го вбгыт мавъ,
 Колы я го ще кохавъ.

ОПРЫШКИ.

Ой, Добашу, ты пане нашъ,
 Велька пригода на насъ:
 Дежъ мы будемъ зымоваты,
 Того лита литоваты?
 Пишли бы ми въ Угерщину,
 Въ дал'екую Украину:

Но и тамъ ми зл'е зробилы,
И тамъ мы сы прешкодили.

ДОВАШЪ.

Ой, будете зимоваты,
Того лета литовати:
Въ Станислави на рыночку,
Въ тяжкихъ дѣбахъ, въ железочку.
Тамъ будете ночеваты,
Тамъ будете дни дневаты,
Тамъ будете ночеваты
Будутъ птицы тило рваты.

Впалы Ляхи, всихъ зобралы:
Руки назадъ повязалы
Руки назадъ повязалы
До коный поприпиналы.

Полагають что эту пѣсню составилъ самъ Добашъ, когда раненый былъ снесенъ на сосѣдную гору, близъ деревни *Кослячъ*, которую съ-тѣхъ-поръ называютъ *Добашевою Горюю*. Тамъ, играя на свирѣли, припѣвая эту пѣсню, онъ умеръ. Вотъ она въ подсрочномъ переводѣ.

1.

По роцѣ зеленой
Ходить Добашъ молодой,
Ходить Добашъ по долинь,
По зеленой муравѣ;
На свирѣли играя
И на ногу присядая,
Топоромъ подпираясь,
И молодцовъ скликаая.
Ей, вы хлопцы, вы молодцы!

Ей, сходитесь, синегорцы:
 Будемъ совѣтоваться вмѣстѣ,
 Да пойдемъ грабить:
 Болеховъ либо Долиновъ.
 Когда же Болеховъ разбивали,
 Серебро, золото, засіяли,
 Медь и горѣлка разливались!
 Ей! вы хлопцы, вы молодцы!
 Пойдемъ, всѣ вдругъ въ гости:
 Вставляйте всѣ раненько
 Да одѣвайтесь живенько:
 И (забирайте) постели кожанья
 И одѣяла шелковые,
 Да пойдемъ къ Стефану Дзвинкѣ
 И его красивой женкѣ.

ОПРЫШКИ.

Ой, Добашъ, ты панъ нашъ,
 Тамъ несчастье ожидаетъ насъ.

ДОБАШЪ.

Но на меня глядите,
 По двѣ пули кладите,
 Станьте, хлопцы, у воротъ,
 А я пойду подъ окошко.

2.

ДОБАШЪ.

Добрый вечеръ, Стефанова,
 А ужинъ, готовъ ли?
 Спишь ли ты, мое сердце, или бодрствуешь,
 Или Добаша на ночлегъ ожидаешь?
 Спишь ли ты, мое сердце, или не слышишь,
 Да одна ли ты ночуешь?

СТЕФАНОВА

Я не сплю и все слышу,
 Гайдамаковъ не пуцу на ночлегъ,
 № 3. Отд. V.

Я не сплю и все слышу,
 Потому что ужинъ готовлю,
 А ужинъ не готовъ,
 Потому что Стефана нѣтъ дома:
 А будетъ онъ большой и полный
 И всѣмъ людямъ въ удивленіе.

ДОБАШЪ.

Выйдешь ли ты отворять,
 Или мнѣ самому добиваться?

СТЕФАНОВА.

Не позволю тебѣ добиваться,
 И не пойду сама отворять.

ДОБАШЪ, съ сердцемъ.

Пусти, собака, тотчасъ въ хату,
 Чтобъ двери не выламывать.

СТЕФАНОВА.

У меня двери тесовыя,
 У меня замки стальные.

ДОБАШЪ.

Не помогутъ замки твои,
 Какъ подставляю плечи свои.

—

Принялся Добашъ добиваться,
 Начали замки отваливаться.
 Одни двери выломилъ,
 А другія лишь открылъ:
 Стефанъ Дзвинка выстрѣлилъ въ сердце.
 Еще стоялъ Добашъ; вышелъ изъ хаты,
 Но не могъ ни шагу сдѣлать.

Добашъ.

Нужно молодцы уходить ,
 Ей, вы хлопцы, вы молодцы,
 Возьмите меня на топорыки,
 Подойдите ближе ко мнѣ:
 Ахъ какъ тяжело мнѣ.
 Снесите меня на Черную Гору,
 Положите на колоду.
 Будетъ холодный вѣтеръ луть,
 Будетъ меня холодить,
 На Черную Гору снесите меня,
 На мелкія части разсѣките меня,
 Чтобъ Ляхи меня не терзали
 И мое тѣло не четвертовали.
 Возьмите меня на Черную Гору,
 Положите меня возлѣ бука,
 Гдѣ будетъ намъ всѣмъ разлука!
 А вы хлопцы, вы молодцы!
 Женщинѣ не довѣряйте:
 У ней вся вѣрность —
 Какъ на водѣ пѣна!
 Женщина измѣняетъ,
 Серебро, золото забираетъ
 И здоровье отнимаетъ.

Опрышки.

Ой, Добашъ! Добашъ!
 Отчего ты не убилъ эту собаку?

Добашъ.

Какъ же я могъ ее убить,
 Когда еще не пересталъ любить?

Опрышки.

Ой, Добашъ, ты панъ нашъ,
 Велика незгода наша:
 Гдѣ жъ мы будемъ зимовать,
 Гдѣ лѣто проживать?

Пошли бы мы въ Угерщину (Венгрію),
 Въ далекую Украину:
 Но и тамъ мы много зла сдѣлали,
 И этимъ себѣ повредили.

ДОВАШЪ.

Вы будете зимовать
 И лѣтомъ проживать
 Въ Станиславовѣ, на площади,
 Въ тяжелыхъ оковахъ, въ желѣзахъ.
 Тамъ будете ночевать,
 Тамъ будете дни дневать,
 Тамъ будете ночевать
 Будутъ птицы тѣло ваше рвать.

Напали Ляхи всѣхъ забрали,
 Руки назадъ связали,
 Руки назадъ связали,
 И къ лошадямъ привязали.

Шайка Добаша не долго существовала послѣ его смерти. Всѣ сообщники его были схвачены, исключая двохъ; наконецъ и тѣхъ поймали въ корчмѣ; напившись, они начали вспоминать былое, рассказывать о нападеніи на Болехово. Пойманные, они вспомнили, что въ тотъ день черная кошка перебѣжала ихъ дорогу.

Суевѣріе вообще есть отличительная черта Гуцуловъ. Голось кукушки при началѣ дѣла они считаютъ за счастливое предзнаменованіе; равнымъ образомъ онъ служитъ для сербскихъ гайдуковъ, какъ въ карпатскихъ горахъ для опрышковъ, сигналомъ выхода на промыслъ.

Имя Добаша, страшное для путешественниковъ карпатскихъ горъ, перестало пугать, когда вѣсть о смерти разбойника разнеслась по окрестнымъ странамъ. Память объ немъ осталась только въ пѣсняхъ и народныхъ преданіяхъ или сказкахъ. Прошло семьдесятъ шесть лѣтъ, другаго предводителя не являлось; но вотъ наступилъ 1818 годъ, и явился новый, подобный Добашу, опрышекъ.

Сначала малыми толпами Гуцуллы дѣлали свои набѣги; предводителя ихъ не было слышно; наконецъ разнеслось по всей странѣ имя Глонки, и толпы Гуцуловъ начали соединяться въ одну грозную дружину.

Глонка одаренъ былъ неимоверною силою; онъ ломалъ желѣзныя шины и подковы; къ этой силѣ присоедините наглую смѣлость, и вы получите полное объ немъ понятіе.

Лишь только пронеслись объ немъ слухи, всѣ жители удвоили въ домахъ своихъ стражу, которая бодрствовала день и ночь. Не смотря на это, многіе не могли спать спокойно.

Въ одной изъ большихъ деревень въ карпатскихъ горахъ, ближе къ Буковинѣ, жилъ нѣкто Сѣцехъ, который истребилъ много опрышковъ; услышавъ о Глонкѣ, онъ отправился преслѣдовать его; двоихъ изъ шайки захватилъ; съ остальными Глонка успѣлъ спастись.

Пойманныхъ на третій день повѣсили, и Глонка горбѣлъ мщеніемъ, смотря съ сосѣдственной скалы на смерть своихъ товарищей. Въ этомъ нападеніи Сѣцехъ кромѣ плѣнныхъ, получилъ въ добычу турецкій пистолетъ съ серебряною насѣчкою, — собственность самого Глонки, — которую, какъ видно, онъ прибрѣлъ, будучи на турецкой границѣ; но не въ этомъ еще его достоинство: онъ важенъ былъ тѣмъ, что на немъ всѣ вновь вступающіе совершали необходимую присягу.

Спустя нѣсколько дней послѣ, Сѣцехъ получилъ отъ

Глонки писано, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы пистолетъ былъ ему возвращенъ, и назначилъ даже мѣсто, куда его принести; въ противномъ случаѣ угрожалъ жестокою местию.

Сѣцехъ былъ увѣренъ, что онъ исполнить свое обѣщаніе, и потому велѣлъ призвать жившаго въ той деревнѣ, роднаго брата Глонки, и потребовалъ, чтобы онъ открылъ пребываніе своего брата опрышка; въ противномъ случаѣ грозилъ местию надъ нимъ и всею его роднею.

Испуганный Гуцулъ, тотчасъ указалъ убѣжище Глонки, въ сосѣднемъ лѣсу, на горѣ. Сѣцехъ обрадованный вѣстію, началъ придумывать, какъ его поймать или убить. Рѣшено было сдѣлать неожиданное нападеніе, но Глонка, какъ-бы предчувствуя, бодрствовалъ и сдѣлался гораздо осторожнѣе.

День клонился къ вечеру, когда явились къ Сѣцеху двое домашнихъ гайдуковъ, съ предложеніемъ, что они Глонку убьютъ или живаго доставятъ къ господину. Сѣцехъ обѣщалъ имъ за это достойную награду. Они отправились.

Среди густаго лѣса, въ пещерѣ между горами, слабо свѣтлѣлъ огонь, единственный собесѣдникъ Глонки. Двустольное ружье, двѣ пары пистолетовъ, топоръ и ножъ составляли вооруженіе; сумка на плечахъ и шляпа съ широкими полями, украшенная тесьмою червонцевъ, прикрывала лицо его, грозное и суровое.

Тихо приближались они къ страшному жилищу; однако жъ Глонка издали слышалъ шаги ихъ, два раза прилегалъ къ землѣ, чтобъ удостовѣриться, не обманывается ли его слухъ. Наконецъ увѣрившись, мгновенно вриготовился къ отраженію, и, взявъ ружье, направилъ въ ту сторону, откуда слышались ему, постепенно явственнѣе и ближе, шаги людей. Вотъ онъ уже замѣтилъ ихъ вдали, подавъ условленный сигналъ своей шайкѣ,

но не получивъ отвѣта, завелъ курокъ и ожидалъ враговъ.

Предъ нимъ явились двое молодыхъ гайдуковъ; на лицѣ ихъ видно было спокойствіе, они держали ружья въ рукахъ и не заботились объ оборонѣ.

— Хвала Всевышнему! сказали они, приблизившись.

— Во вѣки вѣковъ! отвѣчалъ Глонка, и опустилъ ружье, увидѣвъ передъ собою своихъ земляковъ и одноплеменцевъ. Осмотрѣвъ ихъ наблюдательнымъ взоромъ, онъ въ мигъ предугадалъ, что уступать ему въ силѣ, и потому первый подошелъ къ нимъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ рассказали они ему, что бѣжали со двора Сѣдеха и явились подъ его покровительство. Съ улыбкою радости принялъ онъ новопрішельцевъ, въ знакъ особеннаго расположенія подалъ имъ руку, потомъ прибавивъ нѣсколько сучьевъ къ горѣвшему костру, и для перваго знакомства, поподчивалъ гостей водкою.

Вступивъ съ ними въ дружескій разговоръ, онъ открылъ, что остался пока одинъ, а товарищей отправилъ искать добычи. Развеселившись, онъ прибавилъ громко:

— Ну, мальцы! поставьте ваши ружья къ сторонѣ; мы должны помѣряться силами: это мое обыкновеніе; я люблю самъ испытать силу cadaго вновь-вступающаго, для того, чтобы мнѣ судить объ немъ и не ошибиться въ надеждахъ, какія подаетъ онъ на будущее время.

Иванъ, старшій изъ нихъ, всталъ, выпрямился; Глонка схватилъ его въ половину, сжалъ такъ, что у бѣднаго Ивана глаза закатились и руки опустились; наконецъ, поднявъ вверхъ, Глонка бросилъ его далеко на траву и тотъ, совершенно разбитый, едва собрался съ силами, чтобъ встать на ноги.

Пыльшъ, меньшей, ниже ростомъ, но крѣпче, плюнувъ въ обѣ руки, первый подбѣжалъ къ Глонкѣ, схватилъ его въ половину и поднялъ. Опрышекъ, не могши опереть

своихъ ногъ, потерялъ чрезъ то силу, и долго не могъ побороть Пыльпа; наконецъ, попавъ одною ногою на пень, онъ, въ свою очередь, сжалъ Пыльпа такъ крѣпко, что тотъ упалъ на землю, почти безъ чувствъ.

Обрадованный своею побѣдою, онъ, не смотря на то, гораздо съ большимъ почтеніемъ началъ обращаться съ Пыльшомъ, Ивана же прозвалъ ребенкомъ.

Послѣ такой борьбы они продолжали пиръ, стаканы переходили изъ рукъ въ руки, между-тѣмъ Глонка отдохнулъ и, переведа духъ, снялъ съ головы шляпу, вытащилъ изъ торбы нѣсколько турецкихъ бобовъ и началъ бросать ихъ въ шляпу*. Послѣ чего обернулся къ нимъ и небрежно сказалъ: — Сегодня одинъ изъ насъ долженъ погибнуть!

Гайдуки перепугались, взглянули другъ на друга, и уже готовы были броситься на колѣни и сознаться въ своихъ замыслахъ, полагая, что онъ узналъ ихъ намѣреніе. Но въ ту же минуту утомленный опрышекъ началъ дремать. Это спасло ихъ; въ противномъ случаѣ отъ быстрыхъ и пронизательныхъ глазъ его, вѣроятно, не скрылся бы ихъ испугъ.

Глонка въ этотъ разъ выпилъ слишкомъ много, притомъ двѣ ночи сряду онъ бодрствовалъ и усталъ, мѣрясь въ силахъ съ гайдуками, а потому вставъ, прошелся, и, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ костра, сѣлъ подъ деревомъ, велѣлъ прибавить хворосту, чтобы огонь не потухъ, взялъ ружье въ руки, шляпу надвинулъ на глаза, опустилъ голову и заснулъ.

Гайдуки перешепнулись между собою и встали. Опрышекъ храпѣлъ подъ деревомъ, поникнувъ головою на руку съ ружьемъ.

Спрятавъ топоры за поясъ, гайдуки встали за кустарникъ и направили ружья въ грудь опрышка. Два

* Турецкая ворожба.

выстрѣла раздались и отразились эхомъ въ горахъ. Гайдуки не промахнулись.

Послѣ смерти Глонки не слышно было болѣе ни объ одномъ предводителѣ опрышковъ; вездѣ разставили чердаки, въ нихъ помѣстили стражу; устроили въ горахъ отличные дороги и теперь опрышки существуютъ въ однихъ пѣсняхъ и народныхъ преданіяхъ.

Высокія горы, покрытыя снѣгомъ; пѣнящіяся въ гранитныхъ руслахъ рѣки; темные лѣса; небольшое стадо; клочекъ земли, гдѣ свѣтса овесъ, картофель или турецкое пшено; небо туманное и свобода при нищетѣ; вотъ, весь нынѣшній міръ Гуцуловъ. Вотъ и пѣсни ихъ:

«Ой, ты, горо каменная, чомъ ся не лупаешь?
Ой, скажи ми, дивче, правду, въ кимъ ти ся кохаешь.
— Хыба-бы я дурна була, шобымъ ся лупала!
— Хыба-бы я дурна була, шобымъ ся признала!»

Ой, ты, гора каменистая, отчего ты не лопаешься?
Ой, скажи ты, мнѣ дѣвица, правду: въ кого ты влюблена?
(Гора и дѣвица отвѣчаютъ ему вмѣстѣ):
— Развѣ я худа, чтобы лопалась!
— Развѣ я глупа, чтобы призналась!

—
«Шобы горы раскопати, лиси порубати,
Шобы выдко до милаго, тай до іего хаты,»

Чтобы горы раскопать, лѣса vyrубить,
Чтобы видно было къ милому и къ его жилищу.

—
«Альбо горы розтупися, альбо мя прикрыйте;
Маєте мя разлучати, лишпа мя забыйте!»

Или горы разступитесь, иль меня прикройте,
Если должны меня разлучить, такъ лучше убейте.

«Тошили ся снѣги съ горы, на долини стали,
Любили ся сиве очи, а теперь перестали.»

Таяли снѣга съ горъ и на долини остановились,
Любили голубые глаза, а теперь перестали.

Избы Гуцулловъ почти всѣ курныя и изъ еловаго
лѣсу, ихъ они также воспѣвають въ своихъ пѣсняхъ:

«Ой, чого ты поскрышуешь, ты, едова хато!»

Какъ сосѣдній народъ Мазуры, такъ и Русскіе на-
смѣхаются надъ Гуцуллами въ своихъ пѣсняхъ—коло-
мыйкахъ.

«Якъ Гуцулла не любити? У Гуцулла вивцы,
У Гуцулла за поясемъ, писане топирци.
Тай якъ зачне жинку бити, бича не пѣтае,
Тай якъ утне межи плечи, ажъ душа минае!»

Какъ Гуцулла не любить? У Гуцулла овцы,
У Гуцулла за поясомъ, росписные топорики,
А какъ начнетъ битъ жену, то и плеть не спрашиваетъ,
Хватить между плечь, и душа вонъ.

Гуцуллы имѣютъ обыкновеніе носить за поясомъ топо-
ры съ деревянною рукояткою, украшенною искусною
рѣзьбою и росписанною разными красками, ихъ—то они
называютъ *писане топирци*. Краковяки и Сандомиряне
менѣ заботятся объ украшеніи своихъ дубинокъ, но
стараются только, чтобъ они были прочны и способны
въ битвѣ, для этого они искусно всаживаютъ въ нихъ

острые кремни; ударъ такою палкою часто наноситъ смертельныя раны.

Гуцуллы обыкновенно вмѣсто сапоговъ носятъ ходоки. Русскіе, сосѣды ихъ, по-этому смѣются надъ ними.

«Ей, Гуцуллы, ся легко вбуе, легко му ходиты.
Любка моя, солоденько, мушту ты любиты.»

Почти во всей части Россіи, лежащей между Днѣстромъ, Прутомъ и Саломъ, самая любимая народомъ пляска *коломыйка* и пѣсня того же названія; у Гуцулловъ также. Но въ коломыйкахъ Гуцулловъ, вѣрнѣе отражается ихъ бытѣ и родина.

Коломыйки (пѣсни и пляски) нужно отнести ко временамъ Славявъ; отъ нихъ получилъ названіе городъ Коломыя, извѣстный въ пѣсняхъ Гуцулловъ.

«Выгорѣла Коломыя, тише саме ыльмы,
Ой, любка, ма солоденька, тожь за тобовъ жильмы.»

Выгорѣла Коломыя, лишъ однѣ головни!
Ой, любезная, моя сладкая, тебя жаль мнѣ.

—
«Коломыя не помыя, Коломыя мисто,
Въ Коломыи хлопчатоньки, якъ пшеничне тисто.»

Коломыю не минуеть, Коломыя городъ,
Въ Коломыѣ молодые парни, какъ пшеничное тѣсто.

—
Коломыйку запальги, Коломыйка гарыгъ,
Такой мене за миленькимъ головинка больгъ.

Коломыйку зажгли, Коломыйка горить,
Такъ и у меня за миленькаго головка болить.

—
И такъ мы видимъ изъ этого, что Коломыя считалась у нихъ главнымъ городомъ, но этотъ городъ ле-

жить въ долинахъ, и потому Гуцуллы предпочитаютъ ему городъ *Куты*, лежащій въ горахъ.

У Гуцулловъ, равно какъ и въ цѣломъ Покуцѣ, находится какъ-бы отдѣльная каста слѣпцовъ, которыхъ еще въ юность родители добровольно ослѣпляютъ. Это обыкновеніе считается у нихъ даже нѣкотораго рода гордостью, что *дидъ* принимаетъ отъ диды всѣ его качества. Изъ нихъ многіе ходятъ, наигрывая на лирѣ; или же водятъ ихъ зрячіе мальчики, которые играютъ, между тѣмъ, какъ слѣпцы служатъ имъ для возбужденія состраданія въ нѣжныхъ сердцахъ.

Въ языкѣ и приговоркахъ Гуцулловъ, я слышалъ множество сравненій и пословицъ, въ особенности дидамъ посвященныхъ, въ которыхъ они занимаютъ главную роль. Этихъ дидовъ собирается значительное количество въ деревни *Матіевцахъ* надъ Прутомъ (одна миля отъ Коломыи). Тамъ слывутъ они, какъ древніе обитатели, и жителями называются *панѣнко*. Достоинно замѣчанія, что эти люди скопляютъ иногда огромныя богатства: ни одна дѣвушка въ тѣхъ странахъ не нарядится такъ хорошо, какъ дидова дочь. Кораллы и бирюза главное ихъ украшеніе.

Я видѣлъ стараго диды, у котораго вожатымъ былъ сынъ его, молодой парень. Обязанность его была: пѣть, играть на лирѣ и собирать подаяніе; старикъ пряталъ деньги въ огромныя кошельки, которые носилъ съ собою. Этотъ дидъ ослѣпилъ двухъ сыновей, чтобы оставить въ потомствѣ славу, что дидъ происходитъ отъ диды слѣпаго.

Въ двѣнадцати миляхъ отъ гнѣзда слѣпцовъ, не имѣютъ уже такого почтенія къ старикамъ. Я слышалъ слѣдующую пѣсню, въ которой не слишкомъ гордятся дидовскимъ хлѣбомъ и невыгодно отзываются объ немъ, а иногда, даже съ презрѣніемъ.

«Мы роду не дидовскаго,
Мы роду старосвѣцкаго:

Мы до васъ не ходилы;
 Каравая не просилы.»

Гуцулы вѣрятъ въ привидѣнія. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, пугало ихъ какое-то огромное привидѣніе, которое съ кладбища выѣзжало на черномъ жеребцѣ и прогуливалось по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ. Не давно у одной молодой женщины умеръ мужъ, который послѣ смерти, какъ увѣряютъ, сдѣлался привидѣніемъ и каждую ночь приходилъ лизать стекла ея оконъ. Несчастная вдова не знала сначала, что дѣлать, наконецъ, послушавшись совѣта одной старухи, когда привидѣніе, по обыкновенію, пришло лизать стекла, она ударила кулакомъ, осколки попали ему на языкъ, онъ пустился бѣжать, оставилъ по себѣ кровавый слѣдъ и съ-тѣхъ-поръ болѣе не показывался.

Между Гуцулами находятся старики, которыхъ называютъ *непростыми*, потому-что они очень ловко предсказываютъ будущность; есть колдуньи, которыя, какъ Гуцулы говорятъ, въ силахъ призывать бурю, грозу и дождь; нѣкоторыя изъ нихъ умѣли насылать на людей, какимъ-то тайнымъ образомъ, гадинъ, пресѣдующихъ ихъ на каждомъ шагу. На одну дѣвицу, близъ Прута, колдунья наслала лягушку: она съ крикомъ встрѣчала ее на каждомъ шагу, но дѣвица эта была не глупа, и постигла, что если она убьетъ лягушку, то непременно сама должна скоро умереть.

Схвативъ лягушку, она повѣсила ее въ трубѣ и подкуривала ее деревянными стружками собранными на девяти дворахъ, семи гробахъ и перекрестныхъ дорогахъ. Едва она въ полночь разложила огонь, какъ пришла съ горы колдунья, умоляя, чтобъ впустили ее въ хату; но прогнанная, она вмѣстѣ съ лягушкою сохла и наконецъ умерла.

Морь, язву и повѣтріе, Гуцулы представляютъ себѣ въ видѣ женщины, которая заставляетъ себя носить. Тотъ,

который ее носить, остается невредимъ, хотя бы вся деревня и весь городъ вымерли. За восемь лѣтъ, когда была холера, Гудулы видѣли ее въ видѣ женщины и съ-тѣхъ-поръ въ ихъ нарѣчїи явилось новое проклятіе: «шобъ тебе холера не минула».

Наканунѣ святаго Андрея дѣвнцы гадаютъ о женихахъ: ночью отправляются считать колья у забора; перенцятъ ощупью девять, десятый завязываютъ краснымъ гарусомъ; на другой день ранехонько осматриваютъ этотъ десятый колъ и изъ него выводятъ заключеніе: будетъ ли мужъ кривой или прямой, полный или худой.

Пригѣпляють свѣчки къ стѣнамъ, въ наклонномъ положенїи, подставляютъ подъ нихъ миску съ водою и падающимъ въ воду каплямъ говорятъ: иди! иди! (пуйдзь! пуйдзь!) или сиди! сиди! (сѣдзь! сѣдзь); прислушиваясь, которому изъ этихъ словъ соотвѣтствуютъ звуки падающихъ въ воду капель, они заключаютъ выйдутъ ли за-мужъ или нѣтъ.

Въ полночь выбѣгаетъ дѣвушка съ полною мискою горячей каши, садится въ воротахъ и зоветъ:

«Судзени
Не розгудзены!
Ходи исты кашу.»

Часто будущій мужъ, слыша призываніе, какимъ-то страшнымъ голосомъ или какъ-бы подземнымъ гуломъ отвѣчаетъ на призывъ: «прїйду!» и послѣ этого начинается описывать свои качества, что онъ хорошъ, красивъ, или дуренъ, какъ дядко, то есть, чертъ.

Подъ тремя отдѣльными горшками прячутъ чепецъ, четки и вѣнокъ. Замужняя женщина должна заняться этимъ приготовленіемъ. Наконецъ впускаютъ по одной дѣвицѣ въ хату, она приближается къ столу, поднимаетъ горшокъ и то, что находитъ подъ нимъ, предсказываетъ ея будущность: чепецъ — что на масляни-

цѣ выйдетъ за-мужь; вѣнокъ — что должна дожидаться цѣлый годъ; четки — что останется на всегда дѣвицею.

Пекутъ пирожное, которое называется *болабузи* и кладутъ въ рядъ, одно возлѣ другаго, потомъ выпускаютъ кошку, чье прежде она схватитъ, та прежде выйдетъ за-мужь.

Двѣ дѣвицы одною парюю желтыхъ сапоговъ, которые онѣ обыкновенно носятъ, мѣряютъ избу отъ стѣны до самаго порога. Который изъ нихъ прежде перевалится за дверь, той прежде выдти за-мужь.

У Гуцулловъ есть богини, такъ называемыя *мамуни*, которыя такъ портятъ людей, что они совершенно нѣмѣютъ и даже какъ-бы каменѣютъ; въ особенности нападаютъ онѣ на женщинъ. О богахъ подобнаго же рода я слышалъ въ стрійскомъ уѣздѣ. Тамъ ихъ называютъ *майки*; они вредятъ имъ при работахъ, въ особенности когда жены Гуцулловъ прядутъ, то майки рвутъ и путаютъ имъ нитки.

==

О ВАЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ, ОСОБЕННО ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Исторія есть священная книга народовъ, главная, необходимая.

Карамзинъ.

—

Былъ человѣкъ, который не просилъ у Господа ни славы, ни могущества, ни богатства, — просилъ одной только мудрости. Исполнилось его желаніе, и получилъ онъ отъ Господа не только мудрость, но и то, чего не просилъ: и богатство и силу. Самъ Богъ сказалъ ему: «Яко же ты, не бысть мужъ прежде тебѣ, и по тебѣ не возстанетъ подобенъ тебѣ.» И прославилась вездѣ мудрость царя Соломона. Но этотъ мудрѣйшій изъ смертныхъ основаніемъ мудрости человѣческой поставилъ знаніе прошедшаго, исторію. «Чаще многоаго искусства желаетъ, кто вѣсть древняя», сказалъ царственный мудрецъ. И слова его оправдались уваженіемъ всѣхъ великихъ людей къ исторіи. Не знать ея не то же ли, что вѣкъ оставаться младенцемъ, какъ написалъ Цицеронъ: *Nescire quid, antea quam natus sis, acciderit, id est semper esse puerum.*

Развивая передъ нами великую картину протекшихъ вѣковъ, исторія приводитъ насъ къ созерцанію судебъ міра и показываетъ, что, не смотря на случайныя обстоятельства, въ общемъ ходѣ событій господствуетъ правильность, постепенность; и что надъ хаосомъ происшествій видна десница Провидѣнія, которая все направляетъ ко благу человѣчества и премудро ведетъ его путемъ совершенствованія. Озаренная свѣтомъ христіанской философіи, исторія не скрываетъ зла; она показываетъ, что зло неразлучно съ человѣкомъ, какъ слѣдствіе его паденія; но въ то же время убѣждаетъ, что одному только *добро* суждена долговѣчность, между тѣмъ какъ зло, хотя бы временно и торжествовало, всегда гибнетъ, потому-что въ самомъ себѣ заключаетъ сѣмена разрушенія, и что *въ слѣдствіяхъ своихъ* обращается Промысломъ Небеснымъ въ *добро*, въ *благо*. Раскрывая свитокъ прошедшаго, исторія показываетъ множество событій бѣдственныхыхъ, ужасныхъ; но въ то же время раскрываетъ необходимость ихъ, какъ слѣдствія отступленія отъ вѣчныхъ законовъ развитія жизни и какъ неизбѣжной ступени для перехода въ лучшее, совершеннѣйшее состояніе: бѣдствіями духъ человѣческій очищается, какъ злато въ горнилѣ; въ нихъ онъ закаляется, какъ твердая сталь. И не въ годнуну ли общенародныхъ бѣдствій являются живительныя для человѣчества примѣры всѣхъ возвышенныхъ добродѣтелей: великодушія, самоотверженія, любви къ отечеству, мужества, вѣрности долгу и правдѣ? Провидѣніе располагаетъ судьбами народовъ: Творецъ міровъ есть вмѣстѣ не только Всемогущій, но и Всеблагій Отецъ человѣковъ:

•Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
Онъ святоварную печать благотворенія!
Низпосылаемый имъ ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ семена,

№ 3. Отд. V.

3

И обновленные — пышнее разцвѣтаютъ:

Какъ буря въ зной поля, бѣды ихъ возраждають *.

Доставляя намъ возможность сочувствовать всему, что есть высокаго и прекраснаго въ жизни человѣчества, исторія отрѣшаетъ насъ отъ условій нашей ограниченной личности, изъясняетъ насъ изъ тѣснаго, современнаго круга ежедневности и тѣмъ возвышаетъ въ насъ чувство человѣческаго достоинства. Указывая на все великое и прекрасное, исторія приучаетъ насъ освобождаться отъ мелочныхъ страстей; а кто свободенъ отъ нихъ, того душа всегда способна къ великимъ помысламъ, наполненная трепетнымъ наслажденіемъ отъ созерцанія міровой жизни. Когда же духъ нашъ, разумно проникая въ самую сущность разнообразныхъ явленій этой жизни, видитъ славные труды человѣчества и дивные пути Небеснаго Промысла; то, съ одной стороны, постигая свое родство со всѣми этими явленіями міровой жизни, исполняется благороднымъ, возвышающимъ душу сознаниемъ своего *божественнаго происхожденія*; съ другой стороны — замѣчая при всемъ могуществѣ силъ своихъ слабость и несовершенство ихъ, когда онѣ предоставлены самимъ себѣ, убѣждается въ томъ, что онъ здѣсь находится въ состояніи *паденія* и проникается чувствомъ смиреннаго довѣрія къ Провидѣнію, направляющему человѣчество къ таинственной цѣли бытія. Эта задача, надъ которою столько вѣковъ трудится философія, разрѣшается исторіею. На первыхъ страницахъ, она показываетъ, какъ возникъ человѣкъ изъ ничтожества и получилъ отъ Творца своего образъ и подобіе Божества; какъ онъ палъ; и какъ тогда же дано ему обѣтованіе о новомъ возрожденіи своего падшаго духа грядущимъ Искупителемъ; какъ совершилось это обѣтованіе и явился «Надежда народовъ **» Мессія, Вѣчное Слово Истины, облекшееся

* В. А. Жуковскій.

** Чаліе лямковъ.

плотию и примирившее въ лицѣ своемъ человѣчество съ Богомъ, постановивъ отсѣгъ, что цѣлю жизни должно быть — богоуподобленіе, а средствомъ къ тому — совершенствованіе: «Будите совершенни, яко же Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть,» сказалъ Божественный Спаситель.

Отсюда видно, какъ необходима исторія для полного человѣческаго образованія, какое важное вліяніе она можетъ оказывать на развитіе нравственныхъ силъ человѣка, и какое необоримое подкрѣпленіе доставляетъ она христіанству. Изображеніемъ религіозныхъ вѣрованій всѣхъ народовъ, исторія убѣждаетъ, что свѣтъ искони разсѣянъ былъ во всемъ мірѣ, но искаженъ человѣческими преданіями; и то, что въ христіанствѣ является въ полнотѣ истины, въ чистомъ, безпримѣсномъ, Божественномъ Откровеніи, то же самое промелькиваетъ у языческихъ народовъ, но потемненное, огрубѣлое, смѣшанное съ мѣстными разсказами. Исторія открыла, такъ сказать, развалины христіанства у всѣхъ племенъ міра, доказавъ тѣмъ великую, отрадную истину, что Богъ есть отецъ всѣхъ народовъ и ни единому народу не остался не явевъ. Углубляясь во мракъ древности, собирая преданія самыхъ различныхъ, самыхъ отдаленныхъ между собою племенъ, исторія обнаруживаетъ очевидныя искры свѣта, первоначально имъ сіявшаго. Она сличаетъ еогоническія сказанія Индійцевъ, Вавилонянъ, Персовъ, Египтянъ, Финикянъ, Грековъ, Кельтовъ, Скандинавовъ, Американцевъ и повсюду указываетъ на разсѣянные лучи единого первоначального свѣта. Такъ, напримѣръ, у Американцевъ найдены были нѣкоторыя истинныя мысли о твореніи міра, о первобытной исторіи человѣческаго рода и его паденіи; они имѣли даже образъ, называемый *Три въ Единомъ*, и Мексиканцы говорили путешественникамъ о *Богѣ, воплотившемся для блага человечества*. То или другое, въ большей или мень-

шей ясности, разсыяно въ преданіяхъ другихъ народовъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ они древнѣе. Не ясно ли отсюда, что всѣ народы одного происхожденія; что всѣ они первоначально наслѣдовали отъ своихъ общихъ прародителей ученіе и преданіе единое, первоначальное, une tradition mère *.

Показавъ, что религіозныя истины, развитыя въ Евангеліи, были нѣкогда общимъ достояніемъ всего первобытнаго человѣчества, исторія тѣмъ самымъ доказываетъ, что одно только христіанство составляетъ истинную религію. Она еще сильнѣе убѣждаетъ въ этомъ, когда представитъ тогдашнее состояніе языческаго міра и отсюда выведетъ *необходимость* появленія христіанства, для того чтобы вдохнуть новую жизнь въ человѣчество, призвать его къ жизни въ духѣ. Она изобразитъ величественное зрѣлище, какъ двѣнадцать бѣдныхъ рыбаковъ, вооруженныхъ только однимъ Словомъ Вѣчной Истины, безстрашно идутъ въ міръ, проповѣдать могучимъ и сильнымъ земли ученіе Распятаго, понесшаго на себѣ грѣхи міра; какъ воздвигаются жесточайшія гоненія на поклонниковъ Мессіи; и какъ благодать Всемогущаго невидимо осѣнила христіанъ и мало-помалу распространила и распространяетъ Евангельскую проповѣдь по лицу всей земли. Для полнаго убѣжденія въ Небесномъ покровительствѣ Небесному Откровенію исторія выставитъ только цифры, которыя однѣ сами за себя говорятъ въ пользу Евангельскаго ученія, такъ быстро проникающаго во всѣ страны, не смотря ни на какія препятствія. Невольное изумленіе овладѣваетъ душою, когда узнаемъ изъ свидѣтельствъ исторіи **, что въ I-мъ столѣтіи обратилось къ христіанству 500,000 человѣкъ, а во II-мъ столѣтіи вѣрующихъ было уже

* Баадеръ, Revision der Philosophema der Hegelschen Schule bezüglich auf das Christenthum. Stuttgart, 1839. Москвитянинъ, 1841.

** Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1841. № 8.

2,000,000, и чѣмъ далѣе шло христіанство, тѣмъ болѣе распространялось, не смотря на усилія враговъ подавить и уничтожить послѣдователей Евангельскаго ученія: въ III-е столѣтіе христіанъ считалось 5,000,000; въ IV-е столѣтіе 10,000,000; въ V-е 16,000,000; въ VI-е 20,000,000; въ VII-е 28,000,000; въ VIII-е 30,000,000, въ IX-е 40,000,000; въ X-е 50,000,000; въ XI-е 70,000,000; въ XII-е 72,000,000; въ XIII-е 75,000,000; въ XIV-е 81,000,000. Съ пятнадцатаго столѣтія христіанство, обезопасивъ себя въ Европѣ, начало отсюда разливать лучи свѣта на всѣ страны: въ XV-мъ столѣтіи было уже 100,000,000 христіанъ; въ XVI-мъ 125,000,000; въ XVII-мъ 185,000,000; въ XVIII-мъ 250,000,000; въ началѣ нашего, XIX-го вѣка, *двести шестьдесятъ миллионъ* поклонялись Божественному Искупителю, и съ каждымъ годомъ умножается число вѣрующихъ, такъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ оно увеличилось болѣе нежели десятью миллионами.

Поразительно это быстрое распространеніе христіанства; но исторія этимъ не ограничивается. Она спрашиваетъ: была ли какая религія, которая пользовалась бы такимъ видимымъ покровительствомъ Всемогущаго? перебираетъ всѣ различныя вѣрованія всѣхъ народовъ, и въ продолженіи семи-тысячелѣтней жизни человѣчества, не находитъ ничего подобнаго, утверждаетъ, что распространеніе христіанства есть событіе безпримѣрное, выходящее изъ границъ человѣческихъ средствъ, и потому возможное только для одного Божественнаго всемогущества. Исторія спрашиваетъ: какая религія, изъ всѣхъ вѣрованій, оказала человѣчеству столько благодѣяній, какъ христіанство? разсматриваетъ всѣ религіи, и, опять не находитъ ничего подобнаго, заключаетъ, что христіанство, которое такъ возвышаетъ духъ, такъ облагораживаетъ сердце, направляетъ волю ко

всему высокому и прекрасному, — должно быть низпослано свыше.

Но Тотъ, Кто возвѣстиялъ это Небесное Откровеніе, могъ ли быть простымъ смертнымъ? Исторія рѣшаетъ и этотъ вопросъ. Она представляетъ жизнь величайшихъ геніевъ политическаго міра, славнѣйшихъ законодателей, и показываетъ, что каждый изъ нихъ былъ предметомъ справедливаго удивленія и не менѣе справедливаго порицанія. Она изображаетъ всѣ величайшія событія, которыми гордятся народы: крестовые походы, лютерову реформацію, французскую революцію; всѣ знатнѣйшія учрежденія человѣческія: римскую республику, имперію, папство, рыцарство, конституціонныя правленія; вездѣ открываетъ слабую сторону, пяту Ахилла, и заключаетъ по всему, что человѣчество находится въ состояніи грѣха, въ состояніи паденія. Этотъ Ахиллъ всѣмъ тѣломъ безсмертный и уязвимый только въ одну пяту, — глубокомысленный языческій символъ грѣха человѣческаго. Но въ комъ же одномъ нѣтъ пяты ахилловой? противъ кого не сыщется словъ? кто въ исторіи человѣчества единъ совершенный? Только Христось, распятый на Голгоѣ! Могъ ли же этотъ Единный безгрѣшный родиться отъ грѣшнаго человѣчества? Вся исторія слабостію всѣхъ высочайшихъ геніевъ міра убѣждаетъ насъ въ томъ, что Христось возможенъ былъ только отъ Бога и есть Единородный Сынъ Его, ожидаемый всѣми народами Искупитель. Вотъ почему всѣ человѣческія событія измѣнчивы, ложны, а между тѣмъ христіанство пребываетъ неизмѣннымъ, вѣчнымъ, какъ возвѣщенное самимъ Словомъ истины и вѣчной жизни. Вотъ почему всѣ идеи человѣческія тѣсны для исторіи человѣчества, не могутъ вмѣститься въ нее, и только около одного христіанства собирается къ единству вся исторія человѣчества. Не ясно ли отсюда, что идея всеобъемлющаго христіанства, проникающая во всѣ элементы исторической жнз-

ни человечества, должна быть сама по себѣ идея Божественная.

Успокойте сердце убѣжденіями разума въ божественномъ происхожденіи христіанскаго Откровенія, исторія показываетъ намъ, какую силу сообщаетъ народамъ христіанство, даже въ отношеніи политическомъ. Двѣсти лѣтъ была Россія подъ игомъ Татаръ; восемь-сотъ лѣтъ владѣли Арабы Испанією; и, ни та, ни другая страна не остались въ рабствѣ у невѣрныхъ. Даже, небольшое племя Эллиновъ сохранилось и наконецъ избавилось изъ-подъ ига турецкаго. Остались только два племени: Сербы и Болгары, обитатели Балканскаго Полуострова, подъ властью поклонниковъ Магомета; но и тутъ, — замѣйте важное обстоятельство, — въ продолженіи слишкомъ трехъ-сотъ-лѣтняго ига, они не слились въ одинъ народъ съ азіатскими дикарями: они утратили политическую самостоятельность, утратили образованность; но, не смотря на всѣ гоненія, удержали народное бытіе, какъ отдѣльное племя, до-тѣхъ-поръ, пока благотворная десница единовѣрной Россіи даровала одному изъ этихъ племенъ почти совершенную свободу, и часть обширнаго племени сербскаго составила, подъ покровительствомъ Россіи, отдѣльное сербское княжество. Прочіе Сербы и Болгарское племя съ равною надеждою смотрятъ на единовѣрныхъ братьевъ, благоденствующихъ подъ сѣнію Двуглаваго Орла. Спрашивается: что отдѣлило Испанцевъ отъ Арабовъ, Россіянъ отъ Татаръ, Грековъ, Сербовъ и Болгаръ отъ Турковъ? Христіанство! Оно отдѣлило ихъ отъ невѣрныхъ, сохранило ихъ народное бытіе, укрѣпляло ихъ надеждами на лучшую будущность, и когда народъ закалился въ горнилахъ бѣдствій, подарало политическою самостоятельностью.

Изображая гражданскій бытъ древнихъ и новыхъ народовъ, исторія показываетъ, какъ далеко ушла христіанская Европа отъ древняго міра въ отношеніи про-

свѣщеніи, образованности и гражданскихъ правъ каждаго лица, какъ человѣка. Всѣмъ этимъ новѣйшіе народы обязаны христіанству. Всѣ религіи, кромѣ христіанской, будучи сдѣланы изъ вымысловъ, не имѣли никакой связи съ началами нравственности, и всегда стремились держать въ омертвленіи разумъ, страшась его свѣта. Дѣйствительно, его пробужденіе всегда предвѣщало упадокъ религіи, имѣющей ложное основаніе. Съ развитіемъ просвѣщенія въ древнемъ мірѣ, язычество сдѣлалось предметомъ заслуженнаго посмѣянія: человѣческія страсти мнимыхъ боговъ выказали человѣческое происхожденіе этихъ вѣроученій, — и, не смотря ни на какія усилія, алтари боговъ пали. Но этого мало: изображеніемъ слабостей мнимыхъ божествъ, потворствуя большей части пороковъ человѣка, язычество имѣло самое пагубное вліяніе на нравственность; оставаясь прикованною къ землѣ, къ слабостямъ и порокамъ, религія переставала быть религіею, то есть, воссоединеніемъ человѣка съ Богомъ. Она была орудіемъ жрецовъ. Не связанная съ основными началами нравственности, она не могла образовать высокаго понятія о человѣкѣ, какъ *человѣкъ*. Христіанство, напротивъ, будучи истиннымъ откровеніемъ Божества, не мертвитъ, но яснымъ свѣтомъ озаряетъ и умъ и чувство въ человѣкѣ, слѣдствіемъ чего было прямое направленіе воли къ добру. Христіанство, требующее духовнаго пониманія предписаній закона, само призываетъ человѣка къ размышленію, «испытанію писаній», какъ заповѣдалъ Божественный провозвѣстникъ Вѣчной Истины. Вотъ почему христіанство неминуемо влечетъ за собою развитіе умственныхъ способностей и, слѣдственно, просвѣщеніе. Возвѣстивъ человѣку великую истину о цѣли его бытія — богоуподобленіи, христіанство породило мысль о безконечномъ совершенствованіи. Человѣчеству явился идеалъ *Новаго человека* въ лицѣ Божественнаго Слова, облекающагося плотию,

Богочеловѣка, примирившаго въ себѣ человѣчество съ Творцомъ. Отсюда тѣснѣйшая связь христіанства съ основными началами нравственности, а въ слѣдствіе того — укрощеніе нравовъ, уваженіе къ лицу каждаго, какъ *человѣка*, посвящаго на себѣ образъ и подобіе Божества, смягченіе законодательныхъ мѣръ и стремленіе при сохраненіи и обезопасеніи общаго сохранить все частное, стремленіе къ соединенію общаго блага съ частнымъ.

Отсюда ясно видно, почему и сама исторія должна была принять въ новомъ мірѣ новое направленіе. У древнихъ, которые не имѣли понятія о человѣчествѣ, она естественно долженствовала быть простымъ собраніемъ разсказовъ о прошедшемъ, занимательныхъ или поучительныхъ. Съ этою цѣлію писали Геродотъ, Фукидидъ, Ливій, Тацитъ. Практическій умъ Римлянъ, въ лицѣ своего славнаго представителя, Цицерона, выразилъ это понятіе объ исторіи, сказавъ: *Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae et nuntia vetustatis*. Въ новомъ мірѣ, съ развитіемъ идеи христіанства, исторія уже не довольствовалась прежнимъ направленіемъ: христіанскій епископъ * торжественно провозгласилъ, что исторія должна быть развитіемъ судьбы Провидѣнія; юристъ новѣйшихъ временъ ** присоединилъ сюда мысль о постепенности развитія государствъ, какъ выраженіи вѣчныхъ законовъ Правды и Справедливости; наконецъ, въ эпоху всеобщаго скептицизма, разочарованія, является писатель, согрѣтый пламенною любовью къ человѣчеству, *** и высказываетъ мысль о постепенномъ совершенствованіи человѣчества, о поступательномъ движеніи его разума и всѣхъ способностей, проявляемыхъ въ наукѣ и искусствѣ. Боссюэтъ, Вико

* Боссюэтъ.

** Вико.

*** Гердеръ.

и Гердеръ опредѣляли новое направленіе исторіи, — быть полною картиною судебъ человѣчества, ведомаго судьбами Провидѣнія по пути совершенствованія; отсюда ея стремленіе къ строгости, послѣдовательности въ выводахъ, и, въ слѣдствіе того, философская критика событій; отсюда же дѣлается понятнымъ: почему въкъ нашъ обратилъ такое сильное вниманіе на исторію и далъ ей такое важное мѣсто въ сферѣ человѣческаго знанія.

Утомленный кровавыми событіями XVIII столѣтія, видя мечтательность умозрительныхъ, теоретическихъ построеній, которыя въ примѣненіи къ дѣйствительности, ведутъ только къ гибели и безплодному разрушенію, въкъ нашъ обратился къ изученію дѣйствительности, настоящаго быта народовъ; а для того необходимо было узнать тѣ стихіи, тѣ основныя элементы, изъ которыхъ сложилось наше настоящее, необходимо было узнать прошедшее, — исторію. Карамзинъ предчувствовалъ это, сказавъ: «Исторія есть *священная книга народовъ: главная, необходимая, зеркало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изясненіе настоящаго*», и, прибавимъ, разгадка будущаго, которое слагается изъ настоящей и прошедшей жизни народовъ. Не скажемъ, чтобы исторія была «примѣромъ будущаго» (какъ думалъ Карамзинъ); потому-что ни одно происшествіе не можетъ повториться со всѣми подробностями, по различію духа времени, состоянію народа, характеру дѣйствующихъ. Но есть событія подобныя, явленія аналогическія, и тутъ-то особенно важно изученіе исторіи, которое, при знаніи современныхъ обстоятельствъ, можетъ сообщить вѣрное направленіе дѣйствіямъ и полководца и политика. Вотъ почему, исторія всегда была предметомъ самаго тщательнаго изученія и Цезаря, и Фридриха Великаго, и Суворова, и Наполеона. «Безъ исторіи нѣтъ ни стратегіи,

ни дипломатинъ», сказалъ геніальный Суворовъ. И полководецъ и дипломатъ должны умѣть дѣйствовать на духъ народный, а духъ народный образуется въѣками, — исторіею народа; отношенія между народами возникаютъ не въ слѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, но порождаются всею прежнею жизнію народовъ, ихъ исторіею. Отсюда объясняется то вліяніе, какое имѣли на своихъ современниковъ и Цезарь, и Фридрихъ, и Суворовъ, и Наполеонъ. Точно то же въ политикѣ. «Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи, и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастье.» Изъ исторіи извлекли въ наше время мудрое правило, что законодательство тогда только можетъ быть прочнымъ и твердымъ, когда вытекаетъ изъ жизни и потребностей государства; что всякій насильственный переворотъ политическій вреденъ для государства, которое имѣетъ свои возрасты, въ слѣдствіе чего необходимое для одного народа нейдетъ для другаго. Отсюда стремленіе всѣхъ государствъ узнать стихіи своей прежней жизни и, въ слѣдствіе того, обращеніе къ народности, которая невозможна безъ исторіи. Наконецъ, всеобщее обращеніе къ Откровенію, которое одно могло уснокоить сердца народовъ послѣ волненій и безвѣрія прошлаго вѣка, выразилось библейскими обществами, и новыми успѣхами Евангелія внѣ Европы. Это возвращеніе къ Небесной Истинѣ заставило также обратиться къ исторіи, которая есть лучшій защитникъ христіанства.

* Карамзинъ.

Особенно важно изученіе исторіи для нашего юнаго поколѣнія славянскаго. Здѣсь, въ безпристрастномъ разсмотрѣніи прошедшаго, они увидятъ причины всѣхъ бѣдствій своихъ: взаимное отчужденіе, взаимную ненависть, и гибельное пристрастіе къ иноземному. Они увидятъ, какъ мнимые друзья того или другаго племени Славянъ, замыслили въ то же время гибель всѣмъ племенамъ славянскимъ, и личною мнимаго дружелюбія только прикрывали свои корыстные виды; какъ, посѣявъ междоусобія между славянскими государствами, сами потомъ воспользовались этими усобицами, и тяжкое иго налегло на Славянъ; и утрачена политическая самостоятельность на западѣ отъ Тевтоновъ, на югѣ отъ Турковъ. Вотъ поучительный урокъ для юнаго поколѣнія славянскаго, при взглядѣ на прошедшее. Исторія не скажетъ «забудьте прежнее»; нѣтъ! огненными чертами она вышетъ прошедшее на своихъ скрижаляхъ въ поученіе грядущимъ вѣкамъ. «Не забывайте прошедшаго, но извлеките изъ него правило для будущаго», скажетъ она. «Помните, что вы разбросанные члены одного великаго семейства; соединитесь же чувствомъ братской любви, взаимнаго уваженія: это предписываетъ вамъ Евангеліе, это предписываютъ вамъ собственныя ваши политическія выгоды; какъ святыню, храните свою народность отъ пагубнаго вліянія чужеплеменниковъ.»

Н. Савельевъ.

=

ЖИВОТНОМЪ МАГНИТИЗМЪ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!
Грибоедовъ.

=

I.

Первый и самый бѣглый взглядъ на развитіе чело-
вѣческой изобрѣтательности въ послѣднее пятидесяти-
лѣтіе удостовѣряетъ насъ, что ходъ ея столь быстръ,
успѣхи столь обширны и многообразны, что самое
напряженное вниманіе едва ли въ состояніи слѣдовать
за нею: нѣтъ ни одной отрасли нашихъ познаній, ко-
торая бы не усовершенствовалась, или даже совсѣмъ
не измѣнила бы своего вида и объема въ продолже-
ніи означеннаго времени, — и это замѣчаніе отно-
сится преимущественно къ тѣмъ наукамъ и искусствамъ,
которыя имѣютъ главною своею цѣлію вещественное
улучшеніе нашего состоянія. Соотвѣтствуя матеріаль-
ному направленію столѣтія, промышленность и прак-
тическое приложеніе ея достигли неимоверной высоты,

и ни мало не останавливаясь, продолжают развиваться. Изобрѣтеніе рождается за изобрѣтеніемъ, каждое старается опередить, вытѣснить соперниковъ и замѣнить собою всё предыдущія открытія; каждый годъ, каждый мѣсяцъ является съ новою данью этому направленію общества. То ли мы видали въ прошлыхъ вѣкахъ, въ которыхъ медленность, хладнокровная осмотрительность и въ особенности терпѣніе, отличали ученыхъ и художниковъ? Станетъ ли такого терпѣнія у нашихъ модныхъ писателей, у нашихъ длинноволосыхъ «артистовъ», чтобы посвятить десяти-лѣтіе, и даже всю жизнь, одному творенію, какъ это дѣлалось во время оно? Нѣтъ! Мы отличаемся какою-то жаждою жить скоро, отживать; какимъ-то лихорадочнымъ волненіемъ, торопливостью; намъ вѣчно *нѣкогда!*.... Этотъ странный характеръ выражается въ большей части новѣйшихъ изобрѣтеній: какаѣ цѣль желѣзныхъ дорогъ и паровозовъ? Выиграть время; мы не довольствуемся обыкновенною скорою ѣздой, лошади слишкомъ медленно двигаются для нашего нетерпѣнія; мы на рельсахъ летимъ съ быстротою урагана; пространства, разстоянія исчезаютъ для насъ¹. Путешествія, для которыхъ прежде требовалось нѣсколько мѣсяцовъ, теперь совершаются почти въ столько же дней; пароходы въ полторы недѣли переносятъ васъ изъ Лондона въ Нью-Йоркъ². Какаѣ цѣль телеграфовъ, соединя-

¹ Давно ли нашъ современникъ, Гёте, радовался, что онъ по превосходному баварскому шоссе промчался съ невозвратною быстротою. «Мы въ 39 часовъ, говоритъ онъ, проѣхали 24½ миль (171½ версты)! См. *Erste italien. Reise*, въ *Göthe's Werke* 1830, Т. XXVII, стр. 7.

² Американецъ *Robert-Fulton* (родился въ 1767 году) изобрѣлъ пароходы. Сначала изобрѣтеніе его принято было съ пренебреженіемъ, особенно въ Англии и Франціи, наконецъ онъ получилъ привилегію въ своемъ отечествѣ, но умеръ въ крайней бѣдности, въ 1815 году.

ющихъ волшебными своими объятіями противоположные края государствъ? Что такое дагеротипія, если не способъ выиграть время? Вѣдь снимаютъ же портреты въ нѣсколько секундъ, и въ мгновеніе ока составляютъ вамъ цѣлыя картины. Взгляните на бронзовыя медали, на барельефы, на статуи, дѣлаемые посредствомъ блестящаго изобрѣтенія нашего Якоби, — гальванопластики. къ чему вамъ литейныя заводы, горны, трудныя работы; вы ихъ замѣните теперь, въ вашемъ кабинетѣ, двумя проволоками, нѣсколькими мѣдными и цинковыми досечками и растворомъ синяго купоросу. Паровыя машины, въ которыхъ каменный уголь и вода замѣняютъ тысячи человѣческихъ рукъ, — какое ихъ назначеніе? Не то, чтобы руки отдыхали, предавались бы бездѣйствию и покою: напротивъ того, вездѣ недостатокъ въ рукахъ, вездѣ нуждаются въ работникахъ; черезъ машины мы только выигрываемъ время. Не стали ли Англичане теперь, въ послѣдніе мѣсяцы, валать сукна изъ шерсти, вмѣсто того, чтобы ткать ихъ: первый способъ и легче и дешевле, а главное черезъ него выигрывается время!

Да это далеко еще не все, что придумано нашимъ изобрѣтательнымъ вѣкомъ; прежде, въ старину, считали по столѣтіямъ и говорили: въ такомъ-то изобрѣтеніи часы; въ другомъ Джіонъ открылъ компасъ; тогда-то изобрѣтенъ порохъ, выдумано книгопечатаніе; тогда-то стали вязать чулки и дѣлать булавки, и тому подобное. А теперь? Воздушные шары и аэростатика²; громовыя отво-

¹ Изобрѣтеніемъ телеграфовъ прославился Французъ *Claude Chappe* (родился въ 1763 году и умеръ въ 1805). Въ 1792 году онъ предложилъ проектъ объ нихъ національному конвенту въ Парижѣ, и черезъ годъ уже устроена была первая телеграфическая линія.

² Аэростаты изобрѣлъ *Jacques Etienne Montgolfier*; онъ родился въ 1745 и умеръ въ 1799 года.

ды¹; освѣщеніе гасомъ²; предохранительное прививаніе оспы³, гальванизмъ⁴ и электромагнитизмъ; Жакаровы станки; литографія⁵; чугунные мосты; выдѣльваніе сахару изъ свеклы; литотриція⁶, и столько другихъ важнѣйшихъ открытій, появились въ самыхъ короткихъ промежуткахъ одно за другимъ. Многія изъ нихъ едва успѣли показаться, едва получили громогласныя хвалы удивленнаго міра, какъ уже и прошли, уже замѣнились другими легчайшими, удобнѣйшими способами, или вовсе оставлены. Такъ, напримѣръ, промышленность приготовленія свекловичнаго сахару давно ли стала распространяться, и вотъ уже вамъ доказываютъ, что ею не стоитъ заниматься, по-крайней-мѣрѣ въ Германіи; что за трудъ, посвящаемый на добываніе сорокатрехъ фунтовъ сахару изъ свеклы, вы теперь, по причипѣ непрерывно увеличивающейся дороговизны рабочихъ рукъ, можете получить 70 фунтовъ лучшаго колоніальнаго сахару, и что, слѣдовательно, гораздо выгоднѣе его покупать, а трудъ и руки посвятить другимъ работамъ⁷.

Нѣчто похожее представляется намъ въ политическихъ событіяхъ: какое различіе между нашимъ временемъ и прошлыми столѣтіями! Ксенофонтъ обез-

¹ Открыты Американцемъ Франклиномъ.

² Освѣщеніемъ гасомъ мы обязаны Лампадузу въ Германіи и Французу *Lebon* (около 1810 года).

³ Открыта или по-крайней-мѣрѣ методически описана и распространена англійскимъ медикомъ *Эдуардомъ Джеснеромъ* въ 1798 году.

⁴ Гальванизмъ случайно открытъ Итальянцемъ *Гальвани* въ 1791 году.

⁵ Литографію изобрѣлъ нѣмецкій актеръ *А. Зенефельдеръ*, въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

⁶ Французъ докторъ *Civiale* изобрѣлъ ее въ 1818 году.

⁷ См. газету *Augsburger Allgemeine Zeitung* за Сентябрь мѣсяцъ 1841 года.

смертилъ себя описывая отступленіе 10,000 Грековъ; имя Леонида и Термопилъ живутъ въ устахъ всѣхъ; отступленіе французскихъ войскъ изъ Москвы въ 1812 году, переходъ ихъ черезъ Березину, — перенесите ихъ въ древнюю исторію; и весь свѣтъ былъ бы наполненъ ими; нынче они исчезаютъ во множествѣ необыкновенныхъ событій.

Посреди такой неутомимой дѣятельности, глядя на безпрестанно умножающіяся пріобрѣтенія человѣческаго гениа, не худо намъ, пораженнымъ зрителямъ, останавливаться время отъ времени, составлять себѣ перечень и заключать свой балансъ; какъ говорятъ, чтобы не теряться въ безчисленности накопленныхъ фактовъ и идей. Поверхностные умы иначе могутъ подумать, что мы не только искусѣе, но и лучше, ближе къ совершенству, чѣмъ наши предки; что стоить намъ только сдѣлать одно, и можетъ-быть еще одно, и наконецъ послѣднее усиліе, чтобы достигнуть вершины, къ которой мы всѣ стремимся, и чтобы потомъ съ гордою самонадѣянностью указать на себя какъ на твореніе полное, конченное!... Ахъ! намъ не дано достигнуть этой вершины, этого совершенства, хотя мы безпрестанно и вѣчно къ нему приближаемся. То же самое дѣлалось и тысячу лѣтъ тому, то же будетъ и послѣ насъ: вѣка пройдутъ за вѣками, поколѣнія исчезнутъ за поколѣніями, и человѣкъ всё-таки не перестанетъ стремиться впередъ, и всё-таки путь, совершенный имъ, будетъ какъ песчинка на морскомъ берегу, какъ капля въ океанѣ, — ничѣмъ въ сравненіи съ путемъ, который останется ему пробѣжать!

Не забудьте также, что почти всѣ успѣхи новѣйшихъ временъ относятся только къ матеріальному нашему благосостоянію, и что мы нравственно вовсе не лучше своихъ предковъ. Что, болѣе ли ихъ мы укрѣпились въ вѣрѣ своей? Тверже ли наше упованіе на Бога, человѣколюбивѣе ли мы ихъ? Скажите, гдѣ наши ге-

ни, наши великіе поэты, наши Рафаэли, Тиціаны, Мурилло? Галванопластика ли, дагерротипы ли ихъ произведутъ? Не видимъ ли мы также, какъ народы въ политической жизни своей, послѣ бурныхъ волненій, послѣ неудачныхъ, купленныхъ кровью своею, опытовъ вздыхаютъ о прошедшемъ; какъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ введена мнимая свобода, обнаруживающаяся единственно въ судорожныхъ сотрясеніяхъ всѣхъ основаній общества, утомленные граждане обращаютъ завистливый взглядъ на *Сверь*, на наше отечество, гдѣ подъ мощнымъ скипетромъ Одного царствуютъ миръ и спокойствіе; гдѣ не знаютъ этихъ ораторовъ, скрывающихъ подъ личиною любви къ народу только собственное властолюбіе, честолюбивый эгоизмъ и низкія страсти свои; этихъ представителей, интригами или деньгами приобретающихъ право запутывать спокойный ходъ и успѣшное дѣйствіе правительства, и разрушающихъ преніями своими довѣріе и благоустройство въ государствѣ!... Не всѣ изобрѣтенія, какъ бы онѣ ни казались обширными, богатыми въ послѣдствіяхъ своихъ, сдерживаютъ данныя обѣщанія, выполняютъ справедливыя надежды и ожиданія: цѣль слѣдующихъ страницъ доказать вамъ эту истину на опытѣ.

Мы не затрудняемся въ выборѣ доказательствъ; со всѣхъ сторонъ онѣ намъ представляются; благосклонный читатель позволитъ мнѣ, медуку, заимствовать изъ моей науки предметы, о которыхъ я буду говорить здѣсь. И тутъ успѣхи послѣдняго пятидесяти-лѣтія были такъ же огромны какъ и ошибки многочисленны: вспльчивые преобразователи хотѣли выгнать все старое, замѣнить его новыми системами, необдуманнѣйшими теоріями—Кончилось тѣмъ, что основательные врачи опять возвратились къ ученію предковъ: Иппократъ, за 2000 лѣтъ создавшій медицину, теперь сіяетъ съ такою же, и большею, славою, чѣмъ когда либо.

Три открытія преимущественно обратили на себя вниманіе публики въ новѣйшее время. Каждое изъ нихъ выступило на поприще съ обѣщаніемъ произвести переворотъ всему существующему въ нашей наукѣ, и нашло себѣ многочисленныхъ защитниковъ и противниковъ, между которыми возникли войны, хотя и по-нынѣ неконченныя, однако потерявшія теперь прежній блескъ и участіе публики; онѣ вяло продолжаютъ въ кабинетахъ не многихъ ученыхъ. Честь этихъ открытій принадлежитъ Германіи, странѣ всегда столь же отличавшейся гениальностью своихъ идей, какъ и медленностью въ осуществленіи ихъ. Она обыкновенно предоставляетъ это другимъ народамъ, привыкшимъ менѣе размышлять и болѣе дѣйствовать. Имена трехъ изобрѣтателей вамъ всѣмъ извѣстны, — это *Дитонъ Месмеръ*, *Иосифъ Галль* и *Самуилъ Ганеманъ*; вы также знаете, что теоріи ихъ назывались *магнетизмомъ*, *френологією* и *гомеопатією*. Всѣ три знаменитые мужа, одаренные пламенною любовью къ своей идее, должны были оставить родной край, нѣмецкую землю, гдѣ ихъ не умѣли цѣнить, гдѣ ученія ихъ приняты были, какъ всѣ ученія въ Германіи — за умозрѣнія, за философскія спекуляціи, хорошія на бумагѣ, въ книгахъ; но гдѣ ихъ къ дѣлу не допустили. Всѣ трое они, по инстинкту, отправились въ *Парижъ*, въ тотъ новый Вавилонъ, гдѣ любятъ только новое. Тамъ ихъ осыпали ласками, богатствами, почестями и уже изъ Парижа германскія теоріи, украшенныя и обработанныя французскою ловкостью, усовершенствованныя французскимъ *savoir faire*, начали торжественное шествіе чрезъ раболопно подражающую Европу.

Предметомъ этихъ системъ былъ *человѣкъ*: Месмеръ хотѣлъ подчинить себѣ нравственно-чувственную его сторону (то, что его соотечественники называютъ *das Gemüth*), Галль имѣлъ въ виду преимущественно ум-

ственную его сферу и общественныя отношенія, Гансманъ присвоилъ себѣ физическую его сторону.

Мы рассмотримъ каждое ученіе порознь.

II.

Первое мѣсто, по порядку времени и по важности своего вліянія, занимаетъ *животный магнетизмъ*; но, чтобы понять причины произведеннаго имъ на публику впечатлѣнія, и условія, позволившія теоріи, — которая требовала отъ адептовъ безпредѣльнаго вѣрованія, — распространиться въ землѣ, пораженной совершеннымъ скептицизмомъ и безвѣріемъ, какою была Франція въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія, для этого намъ нужно будетъ предварительно взглянуть на состояніе общества и умовъ тогдашняго времени.

Въ жизни народовъ каждый вѣкъ, каждая историческая эпоха представляютъ намъ свой отличительный характеръ, одну общую черту, выражающіеся во всѣхъ событіяхъ, случившихся въ продолженіи извѣстнаго періода времени, и совокупно разсматриваемыхъ, — въ направленіи умовъ, въ ходѣ политики и литературы. Не смотря на безконечное различіе личныхъ наклонностей, образа мыслей, нравовъ, желаній и поступковъ, массы носятъ на себѣ неизгладимый отпечатокъ духа своего времени, и каждый въ частности безсознательно ему повинуется, хотя воображаетъ, что дѣйствуетъ съ совершенною свободою. Отдѣльные факты, будучи разсматриваемы съ такой точки зрѣнія, тогда представляются намъ уже необходимымъ послѣдствіемъ какого-то таинственнаго закона природы, и самый гениальный человекъ, по видимому, творящій совершенно независимо, тогда является только *орудіемъ*

этой высшей силы, — судьбы. Такъ, напримѣръ, слѣдуя за исполинскими войнами и кровавыми битвами, покрывшими поля тысячами убитыхъ въ началѣ XIX вѣка, можно спросить: самостоятельное ли челоуѣколюбіе Наполеона было причиною ихъ, или не скорѣе ли стремленіе природы уравнивить только отношеніе народонаселенія въ Европѣ, въ которой, какъ извѣстно, на десять умирающихъ родится двѣнадцать или тринадцать дѣтей? И не послужили ли всѣ стратегическіе таланты великаго полководца преимущественно къ исполненію этой цѣли Провидѣнія ¹? Аналогическое явленіе представляетъ намъ система медика Broussais, современника Бонапарту, хотя въ болѣе ограниченной сферѣ. Брюссѣ, имѣвшій такое вліаніе на состояніе новѣйшей врачебной науки, почти во всякой болѣзни находилъ *воспаленіе*, вездѣ почти употреблялъ кровопусканія и ніявки. Не видимъ ли мы тутъ, что воинъ и врачъ, хотя, по видимому, противоположными путями, стремились къ одной цѣли, что одинъ штыками, другой ланцетомъ проливали токи челоуѣческой крови, и вмѣсто того, чтобы дѣйствовать независимо, бессознательно исполнили требованіе природы — уравнивить число новорожденныхъ съ числомъ умирающихъ ².

¹ Весьма вѣроятно и многими учеными принято, что заразы, эпидемическія болѣзни, и тому подобнае, хотя составляютъ народныя несчастія для каждаго края въ особенности, однако жъ для всего челоуѣчества имѣютъ извѣстную цѣль, а слѣдовательно и свою относительную пользу.

² Подобное дѣйствіе природы, придающей массамъ выраженіе ненарушимаго закона, — хотя въ частности оно незамѣтно или неясно, — обнаруживается между прочимъ самымъ неопровержимымъ образомъ въ *отношеніи пола новорожденныхъ младенцевъ*. Разсматривая каждое семейство отдѣльно, мы кажется не находимъ никакого порядка и пропорціи, — въ однихъ домахъ встрѣчаешь только мальчиковъ, въ другомъ только дѣвочекъ и такъ далѣе, между-тѣмъ какъ статистическія таблицы новорожденныхъ, въ большихъ городахъ, столицахъ или въ цѣлыхъ губерніяхъ, удостовѣряютъ насъ,

Наше самолюбіе впрочемъ не должно оскорбляться этимъ: поэтъ творящій литературу своего времени, филозофъ дающій новыи видъ наукамъ, полководецъ, ученый, не теряютъ ни мало своей славы, если мы въ нихъ увидимъ только орудія Провидѣнія: не всѣхъ оно удостоиваетъ такой высокой чести, не на всякаго оно возлагаетъ великое порученіе просвѣтити, преобразовать свой вѣкъ!

Такимъ образомъ исторія представляетъ намъ эпохи, въ которыхъ народы увлекаемы были религіознымъ фанатизмомъ; другія, въ которыхъ царствовалъ рыцарскій, романтическій, духъ, другія отличавшіеся исключительнымъ воинственнымъ, меркантильнымъ направлениемъ осьмнадцатый вѣкъ въ этомъ отношеніи ознаменованъ безпредѣльнымъ легкомысліемъ (мы имѣемъ въ виду преимущественно Францію), страстью къ необузданнымъ забавамъ и увеселеніямъ; разслабленіемъ всѣхъ нравственныхъ подпоръ общества, узъ родственныхъ и супружескихъ; безсліемъ властей; разращеніемъ нравовъ и быстрымъ, слѣпымъ стремленіемъ къ печальной катастрофѣ, которая едва не сдѣлала одинъ эшафотъ изъ цѣлаго государства. Причины такого состоянія должно намъ искать особенно въ примѣрѣ и поведеніи высшаго общества, и въ ученіяхъ и вліяніи такъ называемыхъ «философовъ XVIII столѣтія».

Касательно первой изъ этихъ причинъ стоитъ только взглянуть на послѣдніе годы царствованія Лю-

что въ извѣстное время, въ полгода, въ три мѣсяца или въ мѣсяцъ на двадцать одного мальчика постоянно рождается двадцать дѣвочекъ. Во время пребыванія моего въ Берлинѣ, я, сравнивая официальные списки новорожденныхъ, нашелъ, что съ перваго Ноября 1836 года по тридцать первое Октября 1837 года тамъ родилось 5.146 мальчиковъ и 4.813 дѣвочекъ, и отношеніе выходитъ = 21 : 19,63. Берлинъ имѣетъ только съ небольшимъ 300.000 жителей; въ Лондонѣ пропорція была бы точнѣе и она выставляется чрезъ каждые два мѣсяца.

довика XIV, на управление регента, герцога Орлеанскаго и Людовика XV. Что же мы видим? Интриги фаворитокъ, непростительные денежные обороты Шотландца Law ¹ и его миссисиппійскія акціи; оргія всемогущаго кардинала Дюбуа ²; несообразное съ апостольскимъ призываніемъ поведеніе высшаго духовенства, оставлявшаго свои епархіи; чтобы предаться роскоши и разсѣянности парижской жизни ³; обращеніе многочисленныхъ аббатовъ, приготавливавшихся къ будущему поприщу не въ семинаріяхъ и академіяхъ, а въ щегольскихъ будуарахъ и гостинныхъ; законно введенная продажность и наследственность высшихъ судебныхныхъ и административныхъ должностей; расточительность вельможъ и подражающихъ имъ откупщиковъ государственныхъ оборотовъ (*financiers généraux*), — все это соединилось и произвело какое-то странное, намъ почти непостижимое состояніе умовъ: появился какой-то исключительный эгоизмъ, обращенный

¹ Law (John) былъ сынъ золотыхъ дѣлъ мастера и родился въ Эдинбургѣ, въ 1681 году. Онъ въ 1716 году учредилъ въ Парижѣ первый банкъ на 1200 акціяхъ, по 3000 ливровъ каждую; сначала ихъ брали охотно, но вскорѣ кредитъ ихъ упалъ и Лоу долженъ былъ бѣжать изъ Франціи. Онъ умеръ въ Венеціи, въ 1729 году.

² Dubois (Guillaume), первый министръ при регентѣ, былъ сынъ аптекаря и окончился въ 1723 году, послѣ «невыразимо безпутной» жизни. Сень-Симонъ (въ своихъ *Mémoires*) описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «Дюбуа былъ маленький, узенькій, худенькій человекъ, съ рысией фризюноіею; всѣ пороки, — вѣроломство, скудность, сладострастіе, честолюбіе, низкая истительность, — соединились въ его душѣ.... онъ приучился искусственной занкливости, чтобы успѣть во время разговора, проникать мысли другихъ,» и прочая. Richelieu (*Mémoires du duc de*) называетъ его «ce démon d'abbé.»

³ См. любопытное циркулярное предписаніе барона Breteuil, министра двора при Людовикѣ XIV, которымъ епископы приглашались возвратиться безвыгодно въ свои епархіи, въ современныхъ запискахъ (*Souvenirs de la marquise de Crequy*. Paris, 1840 года, и другихъ).

единственно на удовлетвореніе минутныхъ прихотей и страстей, и незаботящійся о послѣдствіяхъ; всѣ головы были какъ-будто вскружены; жизнь высшаго общества была непрерывная оргія; тогда на сценѣ большого свѣта совершались дѣйствія, являлись лица, которыхъ тѣмъ для насъ потерянь, и которыхъ въ наше время считали бы достойными «желтаго дома»! тогда игралъ роль чудака Гримо де-ла-Реньеръ, дававшій пышные обѣды въ залѣ, обитой чернымъ сукномъ, въ которой за столомъ каждаго гостя стоялъ гробъ съ надписью его имени¹; тому же времени принадлежатъ извѣстный шеваье д'Эонъ, драгунскій капитанъ, дипломатъ, кавалеръ святаго Людовика, который вдругъ, по предписанію министра, долженъ былъ на старости лѣтъ надѣть женское платье, «какъ единственно приличное его полу»²; маркизь де Садъ, котораго развратъ и безчеловѣчные пороки превышаютъ все, что самое разстроенное воображеніе можетъ выдумать адскаго, гнуснаго; онъ писалъ романы разливающіе убійственный ядъ

¹ *Grimod de la Reynière* (Alex.-Balthas.-Laurent) родился въ 1758 году и получилъ названіе «остроумнѣйшаго эпикурейца Франціи»; онъ учредилъ между-прочимъ судъ присяжныхъ знатоковъ, состоявшій изъ опытныхъ *gourmands*, актрисъ и тому подобныхъ, которые ежемѣсячно собирались въ трактирѣ и черными или бѣлыми шарами отдавали голоса относительно достоинства какого-нибудь новозобрѣтеннаго соуса или *ragu*; онъ умеръ въ 1818 году.

² *Chevalier d'Eon de Beaumont* (Charles-Génévieve-Louis-Auguste-André-Timotheé) родился въ 1728 году; онъ учился юриспруденціи и получилъ степень доктора правъ, практиковалъ потомъ какъ адвокатъ при парижскомъ парламентѣ; писалъ сочиненія, потомъ посланъ былъ дипломатическимъ агентомъ въ Санктпетербургъ, вступилъ, по возвращеніи, въ военную службу и получилъ за храбрость чинъ капитана и крестъ; наконецъ отправленъ былъ секретаремъ миссіи въ Лондонъ. Во время революціи онъ оставилъ Францію и жилъ въ Лондонѣ въ крайней нищетѣ, гдѣ и умеръ въ 1810 году. При вскрытіи тѣла его оказалось, что онъ дѣйствительно былъ — мужчина!

на все, что есть святаго для человека¹. Тогда же столь бурно провелъ свою молодость Мирабо, игравшій въ послѣдствіи такую важную политическую роль; сумасбродъ Анахарсисъ Клѣцъ, не опомнившійся даже подъ гильотиною².... Какіе примѣры для народа!

Но изъ всѣхъ вольт самое бѣдственное, самое пагубное, было вліяніе французскихъ философовъ, извѣстныхъ также подъ названіемъ *энциклопедистовъ*, которыхъ главами были Вольтеръ, Руссо, Дидеротъ, Гельвеційусъ, д'Аламберъ³, Гольбахъ и многіе дру-

¹ *Sade* (Donatien-Alphonse, Marquis de) родился 22 Іюля 1740 года. Онъ рано вступилъ въ военную службу, изъ которой потомъ выгнанъ былъ за дурное поведеніе. Въ 1772 году онъ въ *Aix* приговоренъ былъ къ смертной казни, но успѣлъ бѣжать; въ послѣдствіи его посадили въ Бастилію, въ которой онъ содержался три года. Онъ гордился своими, проклятія достойными, романами, которыхъ заглавія мы не смѣемъ поставить здѣсь. Наполеонъ велѣлъ заключить его въ домъ сумасшедшихъ, въ Жарантовъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1814 году.

² *Clootz* (Joh.-Baptist du Val-de-Grace, Baron von) родился въ 1755 году, въ Клеве, и на одиннадцатомъ году посланъ былъ въ Парижъ въ училище. Онъ всю жизнь свою предавался необузданному произволу разгоряченнаго воображенія, проповѣдывалъ матеріализмъ и дерзнулъ назвать себя атеистомъ. Онъ былъ казненъ Робеспьеромъ въ 1795 году и на эшафотъ просилъ, чтобы ему послѣднему отрубили голову, потому что онъ «желаетъ облудать еще нѣкоторыя философскія правила.»

³ *Voltaire* (François-Marie-Arquet de) родился двадцатаго Февраля 1684 года, въ Шатенѣ, подлѣ Парижа, и умеръ въ 1778 году тридцатого Мая.

Roussseau (Jean-Jacques) родился въ Женевѣ, въ 1712 году, и умеръ подлѣ Парижа, въ 1778 году.

Diderot (Denis), родился въ 1713 году и воспитывался у іезуитовъ; современники впрочемъ хвалятъ его характеръ; онъ умеръ въ 1784 году.

Helvetius (Claude-Adrien) родился въ 1715 году. Извѣстны его сочиненія «de l'esprit» и «de l'homme». чрезъ которыя онъ навлекъ себѣ много несприятностей. Умеръ въ 1771 году.

D'Alembert (Jean-Lerond), родился въ 1717 году и посвящалъ

гіе. Большая часть ихъ родилась въ бѣдномъ, подчиненномъ званіи. Природные таланты и приобретенныя познанія послужили только къ развитію въ нихъ неумѣреннаго честолюбія, желанія возвыситься надъ своею сферою, играть роль и участвовать въ наслажденіяхъ того круга, изъ котораго происхождение и состояніе ихъ исключали. Весьма многимъ это удалось. Нѣтъ страны гдѣ бы такъ легко можно было приобрести литературную извѣстность, какъ во Франціи: граціозная пѣсенка, водевильная арія, удачное острое слово, каламбуръ, ѣдкое четверостишіе, достаточны, чтобы заставить публику говорить объ васъ; нѣтъ также нигдѣ общества, котораго вкусъ былъ бы чувствительнѣе, вѣрнѣе, примчивѣе вкуса Парижанъ. Философамъ не трудно было овладѣть имъ. Но вмѣсто того, чтобы посвятить полученный ими отъ Бога геній и дарованія, на истинное просвѣщеніе своего вѣка, они предпочли льстить царствующимъ въ высшихъ классахъ страстямъ и порокамъ, и сдѣлаться участниками и зачинщиками заблужденій, противъ которыхъ они первые должны бы были возставать. Таковъ былъ мутный источникъ, изъ котораго они почерпали свое вдохновеніе, и тогда же появилось множество этихъ романовъ и стихотвореній, дышащихъ развратомъ и принятыхъ съ такою благосклонностью. *Grécourt*¹, младшій Кребилльонъ², Парни³, Louvet⁴, Laclos⁵, Бо-

себя математикъ; имѣя 24 года отъ роду, онъ избранъ былъ членомъ парижской академіи наукъ. Умеръ въ 1783 году.

¹ *Grécourt* (Jean-Bapt.-Joseph Vitlard de), родился въ 1684 и умеръ въ 1743 году. Его называли: «L'un des auteurs français les plus frivoles.»

² *Crébillon* (Claude-Prosper Joly de), родился въ 1707 году и былъ сынъ извѣстнаго драматурга; кромѣ его романовъ (le Serph и другихъ), извѣстнѣйшія сочиненія его были подложныя «lettres de la marquise de Pompadour depuis 1753 jusqu'à 1762; Paris. 3 vol.» Умеръ въ 1777 году.

³ *Parry* (Evariste) издавалъ въ 1787 году извѣстныя свои элегіи,

марше, и столько другихъ подобныхъ имъ, были тогда представителями модной литературы; тогда же издана была знаменитая *энциклопедія*, или изложеніе всѣхъ человѣческихъ познаній въ алфавитномъ порядкѣ, составленное подъ редакцію Дидерота и д'Аламбера⁶, и которое послужило только къ распространенію поверхностнаго образованія и тѣхъ вредныхъ, противообщественныхъ идей, о которыхъ мы еще поговоримъ ниже.

Но если большая часть литераторовъ и философовъ получила доступъ и голосъ въ высшихъ обществахъ, и приобрѣла почести и славу; то всѣ-таки остались еще многіе, очень многіе, которымъ это не удалось, которые съ равными дарованіями, съ равными заслугами и достоинствомъ, но съ меньшею ловкостью, можетъ-быть, или по недостатку связей и покровителей, не могли вырваться изъ зависимости и подчиненности. Ихъ пожирала безконечная зависть, невыразимая досада; они начали, какъ лисица въ баснѣ, бранить и порицать то, чего не могли достигнуть: они клеветою отомстили *аристократіи*, не приглашавшей ихъ на пышные обѣ-

и противорелигіозною поэмю на долго заградилъ себѣ входъ въ академію, которой однако жъ въ послѣдствіи сдѣлался членомъ. Онъ умеръ въ 1814 году.

⁴ *Louvet-de-Canotray* (Jean-Baptiste), назначенъ былъ для духовнаго званія, получалъ канонікатъ и даже читалъ проповѣди; известенъ его романъ *Fablas*. Онъ родился въ 1761 и умеръ въ 1798 году.

⁵ *Laclos* (Ch. de), родился въ 1741 году и былъ секретаремъ герцога Орлеанскаго; его называли «чудомъ разврата», что много значило въ тогдашней Франціи; онъ написалъ между-прочимъ «*Les Liaisons dangereuses*», и умеръ въ Италіи, въ 1803 году.

⁶ Вотъ заглавіе лежащаго передо мною экземпляра *Энциклопедіи*: *Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Mis en ordre et publié par M-r Diderot, etc., et M-r d'Alembert. Berne et Lausanne, 1780, 83 vol., in. 8°, à deux colonnes; есть изданія in. 4° и кажется также in. 1°.*

ды и въ блестящія свои собранія, двору не дававшему имъ пенсій. Нѣтъ страсти ядовитѣе, злѣе, обиженнаго авторскаго самолюбія; это огорченное самолюбіе придало имъ огонь и краснорѣчіе; разстроенные нравы большого свѣта снабдили ихъ богатыми матеріалами; средній классъ общества, знавшій этотъ свѣтъ только по наслышкѣ и описаніямъ, доставилъ имъ внимательныхъ читателей: и вотъ наши голодные реформаторы возстали противъ всего существующаго; противъ правительства, дворянства, духовенства, противъ вѣры и самаго общества! Конечно, были и злоупотребленія: многое нуждалось въ улучшеніи или совершенной перемѣнѣ, какъ несоотвѣтствующее болѣе духу времени, но вѣдь не о томъ заботились писатели: вѣдь они побуждаемы были единственно чувствомъ досады и бранили только то, въ чемъ сами не могли участвовать!...

Такимъ образомъ философы, слѣдуя по-видимому двумъ діаметрально противоположнымъ путямъ, одни льстя порокамъ общества¹, другіе нападая на нихъ, стремились къ одной цѣли: къ неограниченному скептицизму и совершенному, исключительному эгоизму. И тѣ и другіе отвергали всякое благородное стремленіе души; насмѣхались надъ всякимъ нравственнымъ чувствомъ; вездѣ они открывали только утонченное себялюбіе и жажду къ матеріальной выгодѣ. Они защищали ученіе *Locke*, что нѣтъ истиннаго познанія (*Erkenntniss*), если оно не заимствовано изъ опыта и дѣйствительности, посредствомъ органовъ чувствъ, и что всѣ познанія лишеныя такого вещественнаго основанія, — только химеры. Путь скользкій: горе тому, кто разъ на него ступилъ: онъ неминуемо ведетъ къ *безвѣрію*!...

¹ Прочтите для примѣра посланія и письма Вольтера къ старому доку де-Ришлѣ, въ запискахъ послѣдняго или сочиненіяхъ перваго.

Къ этому, какъ окончательному результату, и дошли французскіе писатели XVIII вѣка, а вмѣстѣ съ ними и ослѣвленное общество. Безконечно вредно было, и есть, въ этомъ отношеніи вліяніе Вольтера, умѣющаго скрыть свою поверхностность, многочисленныя ошибки и умышленныя измѣненія истины, подѣ самымъ остроумнымъ, блестящимъ и очаровательнымъ слогомъ. И этихъ людей называли философами, этихъ писателей, искавшихъ мудрости и славы въ отрицаніи Божества, въ поруганіи святыхъ обрядовъ религіи; старавшихся вселить въ души, вмѣсто утѣшающаго упованія на Провидѣніе, сомнѣнія, забывая, что онѣ тогда именно терзають сердца наши, когда мы наиболѣе нуждаемся въ спасающей помощи вѣры: въ несчастіи, на болѣзненномъ одрѣ, передъ смертью!

Въ этомъ духѣ писали тогда всѣ; молодые авторы выступали на литературное поприще съ «пикантными» брошюрами противъ христіанства; иначе нельзя было правиться модѣ, этой верховной власти въ прежней и въ нынѣшней Франціи, въ которой «un ridicule est pire qu'un vice!» Такъ дебютировалъ Дидеротъ, котораго книга, подѣ заглавіемъ: «Pensées philosophiques» (1746) публично сожжена была палачемъ; по тому же пути слѣдовалъ аббатъ Raynal¹; даже знаменитый сочинитель «духа законовъ» (L'esprit des lois), *Монтескѣ*², въ первомъ своемъ твореніи, «персидскихъ письмахъ», дерзнулъ пасмѣхаться надѣ вѣрою; однимъ словомъ, такъ думали и писали всѣ въ тогдашнее время. Признаки несчастна-

¹ *Raynal* (Guillaume-Thomas-François) родился въ 1713 году. Всѣмъ извѣстно его сочиненіе: «Histoire philosophique du commerce et des établissements des européens dans les deux Indes» (2-е изданіе 1781 года); парламентъ и сорбона въ Парижѣ преслѣдовали его за эту книгу. Умеръ въ 1796.

² *Montesquieu* (Charles de Sécondat, baron de Brede et de) родился въ 1689 году и умеръ въ 1755, въ Парижѣ; его «Lettres persanes» вышли въ 1721 году.

го вліянія Франціи обнаружилась и въ другихъ государствахъ; такъ мы, наприимѣръ, видимъ въ Германіи отличнаго писателя *Лессинга*¹, издающаго безбожное сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ «Вольфенбютельскихъ отрывковъ»; медикъ *Ла-Метри* написалъ книгу: «*Histoire naturelle de l'Âme*», дышащую грубѣйшимъ матеріализмомъ и безвѣріемъ; другое его сочиненіе «*L'Homme machine*», напечатанное въ Лейденѣ, тамъ же было публично сожжено, и авторъ долженъ былъ бѣжать. Великій Фридрихъ принялъ его къ себѣ, сдѣлалъ его своимъ лекторомъ и членомъ берлинской академіи, въ которой потомъ торжественно читано было надгробное слово², составленное самимъ королемъ по смерти *Ла-Метри*. Въ Англіи мы видимъ лорда *Гордона*³, изъ знаменитой фамиліи, принимающаго еврейскую вѣру въ Бирмингемѣ (1787); *Монтегю*, сынъ извѣстной сочинительницы «*Letters*» (4 тома, Лондонъ 1763 — 68), и внукъ герцога Кингстонскаго, перешелъ къ исламу послѣ самой странной и эксцентрической жизни⁴. То же

¹ *Lessing* (Gotthold Ephraim), сочинитель «*Назана*», «*Эмиліи Галотти*», и прочая, родился въ 1729 году. Онъ объявлялъ, что упомянутые *Wolfenbütteler Fragmente*, — изъ которыхъ особенное негодованіе возбудилъ 3-й отрывокъ, — найдены были имъ между рукописями библиотеки, которой онъ былъ директоромъ. Авторъ ихъ былъ извѣстный ученый *Реймарусъ*, въ Гамбургѣ.

² *Jean-Offroy de La Mettrie* родился въ 1709 году, во Франціи, и кончилъ курсъ медицины въ голландскомъ университетѣ; лучшимъ характеристическою этого «шарлагана» (такъ объ немъ отзывается биографъ его) послужитъ то, что даже *Вольтеръ* гаушался его грубаго атеизма!... Я видѣлъ въ кабинетѣ Фридриха Великаго, въ Санъ-Суси, подлинную рѣчь, писанную собственною рукою короля на сѣрой, грубой бумагѣ in 4°, съ узенькими полями; она стоитъ за стекломъ въ шкафу, на лѣво отъ дверей. *Ла-Метри* умеръ въ 1751.

³ *Lord Gordon* (George) сынъ герцога Гордона, родился въ 1780 году и умеръ въ 1793 году.

⁴ *Montague* (Eduard Wortley) родился въ 1715 году. Онъ три раза уходилъ изъ заведенія, въ которомъ воспитывался, сперва къ

сдѣлалъ знаменитый графъ *Вонзалъ*¹, австрійской службы фельдмаршалъ—лейтенантъ, получившій потомъ отъ султана титулъ Ахметъ—Паши. Герцогъ Рипперда², министр иностранныхъ дѣлъ въ Испаніи (1725), перешедшій сперва въ Голландіи отъ католицизма къ протестантской Церкви, принявшій потомъ опять католическую вѣру и послѣ нея вторично протестантскую, наконецъ, въ Мароккѣ, обратился къ магометанству, и предводительствовалъ тамошнимъ войскомъ противъ Испанцевъ.

трубочисту, у котораго пробылъ нѣкоторое время, и виѣсть съ которымъ лазилъ на крыши; потомъ къ рыбаку, заставлявшему его разносить рыбу по городу; наконецъ онъ напался юнгомъ на суднѣ, отправившемся въ Испанію, и тамъ пошелъ служить у Фурмана; англійскій посланникъ съ трудомъ убѣдилъ его возвратиться въ Лондонъ. Онъ потомъ въ Италіи принялъ католичество, наконецъ сдѣлался мусульманиномъ и умеръ въ 1776 году.

¹ Графъ *Вонзалъ* (Claude-Alexandre), изъ знатной фамилии, родился въ Парижѣ, въ 1672 году, и служилъ въ французскихъ войскахъ до чина полковника; потомъ перешелъ генералъ-майоромъ въ австрійскую армію, гдѣ сражался противъ своего отечества. Отличившись въ войнѣ противъ Турокъ (1716), его сдѣлали фельдмаршаломъ—лейтенантомъ, но онъ вскорѣ поссорился съ принцемъ Вагеніемъ, преданъ былъ суду и посаженъ въ крѣпость на годъ; по истеченіи этого срока его выслали изъ Австріи и онъ въ Константинополѣ обратился къ исламу. Онъ умеръ въ 1747 году.

² *Ripperda* (Johann-Wilhelm) родился въ 1689 году, въ Гренингенѣ, и служилъ нѣкоторое время полковникомъ въ нидерландской пѣхотѣ; въ Испаніи король Филиппъ V полюбилъ его и отправилъ посланникомъ въ Вѣну (1728); по возвращеніи въ Мадридъ онъ сдѣланъ былъ герцогомъ и грандомъ 3-го класса, и статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ; потомъ ему поручили и министерства финансовъ, военное и морское, такъ что онъ имѣлъ неограниченную власть, но вскорѣ его лишили всѣхъ достоинствъ и посадили въ крѣпость, изъ которой ему удалось бѣжать чрезъ два года. Въ Мароккѣ онъ между прочимъ занимался чеканкою фальшивой монеты. Умеръ въ 1737 году, въ Тетуанѣ. Нѣкоторыя подробности объ немъ находятся въ *Mémoires anecdotiques et historiques du duc de Richelieu*, Paris, 1820, въ IV томѣ.

Мы можем увѣрить читателя, что эти факты—историческіе, не выдуманые.

Такимъ образомъ распространилось безвѣріе, самое величайшее изъ общественныхъ золъ, если оно, переставая быть печальнымъ преимуществомъ немногихъ, считающихъ себя просвѣщенными, проникаетъ и утверждается въ народъ, и лишаетъ массы единственной нравственной опоры, дающей имъ силу переносить всѣ лишения, которымъ онѣ такъ часто подвержены, и противопоставляющей упованіе на будущую, лучшую, жизнь и богобоязнь всѣмъ соблазнамъ, которые ежедневно вооружаютъ бѣднаго противъ богатаго, низкаго противъ высшаго. Мы видимъ какія послѣдствія имѣло и теперь еще имѣетъ во Франціи уничтоженіе религіозности въ народѣ.

Но едва общество достигло вершины своего превратнаго стремленія, едва безвѣріе сдѣлалось общемою модою, и ученики энциклопедистовъ дошли до того, что въ глазахъ ихъ уже не было ничего святаго, ничего высокаго, ничего почтеннаго, какъ вдругъ (и тутъ представляется намъ самое любопытное психологическое явленіе, открывающее намъ новую сторону человѣческаго сердца), какъ вдругъ эти закоснѣлые атеисты впали въ противоположную крайность и начали предаваться самому грубому *суевѣрію*! Опять стали гадать, предсказывать будущность, вызывать мертвецовъ, заклинать духовъ и привидѣнія; хиромантія, некромантія, гастромантія, онейромантія¹, и всѣ заблужденія вѣковъ мрака

¹ Хиромантія предсказывала будущія событія и судьбу человека изъ ладоней, находящихся на его ладони; некромантія для той же цѣли вызываетъ тѣни усопшихъ; онейромантія занималась толкованіемъ сновъ; въ гастромантіи наполняли круглый хрустальный сосудъ чистою водою, и окружая его зажженными свѣчами, читали тихую молитву демону и предлагали ему вопросъ, потому беременная женщина или безпорочный мальчикъ должны были наблюдать всѣ пережвѣны, происходящія въ сосудѣ, изъ которыхъ

и невѣжества, получили новый кредитъ; появились чародѣи, алхимисты, искатели философскаго камня, и давно, казалось, забытый бредъ древней кабалы и гностическихъ ученій Востока замѣнилъ божественныя истины христіанства!

Неудивительно, что искусные обманщики успѣли воспользоваться этимъ направленіемъ умовъ; но прежде, нежели подробнѣе поговоримъ объ нихъ, не лишнимъ считаемъ объяснить въ короткихъ словахъ естественныя, психологическія причины такого, по-видимому, непостижимаго переворота. Всѣмъ извѣстно, что два превосходнѣйшіе философа древняго міра, Аристотель и Платонъ, держались противоположнаго мнѣнія касательно происхожденія нашихъ идей и понятій; первый полагалъ, что всѣ онѣ заимствуются нами изъ наружнаго міра посредствомъ органовъ чувствъ, что идеи (*είδη* — видъ, образъ, *είδω*, *video*, вижу) суть только отраженіе въ душѣ нашей внѣшнихъ впечатлѣній и предметовъ; что безъ органовъ чувствъ мы бы не имѣли никакихъ представленій. Платонъ, напротивъ того, полагалъ, что идеи рождаются вмѣстѣ съ нами, и существуютъ въ человѣческой душѣ прежде еще, нежели онъ могъ ознакомиться съ внѣшнимъ, вещественнымъ міромъ, почему онъ и называлъ эти идеи *врожденными*.

по происшедшимъ фигурамъ предсказывали будущность. Madame de Ségur совершенно серьезно рассказываетъ въ своихъ запискахъ (Т. VI брюссельскаго изданія, стр. 235), что въ то время какъ она содержалась въ тюрьмѣ, въ 1794 году, какой-то Дювивье, ученикъ Калиостро, предсказалъ ей и многимъ другимъ особамъ, посредствомъ гастромантии, смерть виконта Богарнѣ, перваго мужа Жозефины, со всѣми подробностями, и что все сбылось точь въ точь по словамъ чародѣя. Ришльѣ (*libr. cit.* Т. VI, стр. 19—35) описываетъ, какъ жившій у него въ домѣ, алхимистъ дѣлалъ при немъ слитки золота изъ глины, и дальше (тамъ-же, стр. 257 — 61) какъ въ Вѣнѣ ему предсказали будущность!....

Извѣстно также, что оба ученія нашли приверженцевъ между новѣйшими философами: такъ, напримѣръ, Декартъ и Лейбницъ слѣдовали теоріи Платона; Локе и Кондильякъ держались системы Аристотеля; но очевидно, что каждая изъ нихъ, будучи принята исключительно, даетъ результатъ невѣрный, и что только соединеніе ихъ ведетъ къ истинѣ. Нельзя, напримѣръ, сомнѣваться въ томъ, что не *все* идеи врожденны намъ, что, напротивъ того, многія и можетъ-быть большая часть ихъ, приобрѣтается чрезъ органы чувствъ, и что при недостаткѣ одного какого-нибудь органа (у слѣпорожденныхъ, глухонѣмыхъ и тому подобныхъ), цѣлый рядъ понятій теряется для сознанія и исчезаетъ изъ души. Но съ другой стороны такъ же неоспоримо, что въ насъ есть нѣкоторыя врожденныя идеи, не зависящія отъ опыта, не почерпнутыя изъ наружнаго міра, а глубоко-вкорененныя въ душѣ каждаго чело-вѣка; есть особенно *два* идеи, безъ которыхъ онѣ существовать не можетъ, и которыя противостоятъ всѣмъ покушеніямъ разсудка опровергнуть ихъ. Первая изъ этихъ идей заключается въ твердомъ, душевномъ убѣжденіи, что есть существа выше, мудрѣе, могущественнѣе насъ, хотя мы ихъ не воспринимаемъ посредствомъ нашихъ физическихъ орудій, — чувствъ; она составляетъ нравственное основаніе понятія о *Боги* и *спри*; вторая врожденная идея состоитъ въ не-менѣе глубокомъ убѣжденіи, что мы не должны слѣдовать однимъ лишь чувственнымъ влеченіямъ, и что хорошо и справедливо, когда мы поступаемъ не такъ, какъ намъ *хотѣлось-бы*, а такъ, какъ *должно* поступать. Понятіе этого нравственнаго долга, противопоставленнаго эгоистическимъ побужденіямъ страстей и собственной выгоды, называется *совѣстью*.

¹ Апостолъ Павелъ говоритъ о вѣрѣ, въ посланіи къ Евреямъ, V, 1: «Есть же вѣра упования извѣщеніе; вещей обличеніе невидимыхъ.» Какое прекрасное опредѣленіе!

Все это объясняет намъ причины, почему идея Божества и религіи существуютъ у всѣхъ народовъ, даже у самыхъ дикихъ, необразованныхъ, не вышедшихъ изъ первобытнаго состоянія природы и умственнаго дѣтства¹; и почему *совершенное безвѣріе*, при здоровомъ разсудкѣ, есть вещь рѣшительно невозможная. Если французскіе философы возстали противъ религіи, то они этого врожденнаго понятія не уничтожили, а только блестящими софизмами перемѣнили на время его объектъ: человекъ не можетъ не вѣровать, и слѣдовательно, вольнодумцы (*esprits-forts*, какъ *lucus a non lucendo*), должны были, отрекшись отъ христіанства, вѣрить въ магію, астрологію, тайныя симпатіи и гаданья. Тѣ же философы, которые дерзали отрицать существованіе Бога, съ суетвѣрнымъ благоговѣніемъ внимали хитрымъ предсказаніямъ какого-нибудь Калиостро и подобныхъ плутовъ. Я часто мысленно представляю себѣ, какъ эти парижскіе скептики, очаровавши, на вечерѣ, въ модномъ собраніи, краснорѣчивымъ защищеніемъ атеизма, должны были потомъ, возвращаясь домой въ темнотѣ, содрогаться при первомъ ударѣ полуночнаго колокола; съ какимъ трепетомъ и не смѣя оглядываться, они вѣрно прокрадывались мимо страшныхъ надгробныхъ памятниковъ, въ оградахъ католическихъ храмовъ, и какъ они при малѣйшемъ шорохѣ вѣрно возсылали горячія молитвы къ небу!....

Такъ создано человѣческое сердце².

¹ Увѣряютъ, будто Эскимосы вовсе не имѣютъ понятія о высшихъ существахъ; мы въ этомъ сомнѣваемся, но, если бы оно и было справедливо, то не забудьте, что всѣ понятія ихъ вообще не развиты, что они, напримѣръ, дагѣ шести не умѣютъ считать и называютъ всякое число выше десяти — множествомъ!

² Прочтите въ сочиненіи знаменитаго медика І. П. Франка (*System einer vollständigen medicinischen Polizey*, Wien. 1787 — 90,

III.

Наступило золотое время для тѣхъ искусныхъ, удалыхъ молодцовъ, которыхъ мы видимъ выступающими на сцену въ каждомъ столѣтїи, чтобы воспользоваться господствующими предразсудками и собрать богатую жатву съ народнаго легковѣрія. Появились графъ Сенъ-Жермень, Калиостро, Шрёпферъ, и столько другихъ, приложившихъ все стараніе, всю прибрѣтенную въ продолженїи бурной жизни опытность и познаніе чловѣческихъ слабостей, къ выполненію корыстолюбивыхъ видовъ своихъ. Роль, которую они играли въ тогдашнемъ обществѣ, и вниманіе, возбужденное ими въ цѣлой Европѣ, такъ характеристически обозначаютъ послѣднюю половину XVIII вѣка, что мы позволимъ себѣ скопировать каждую изъ нихъ нѣсколькими общими чертами.

Первое мѣсто, между этими промышленниками, по справедливости, принадлежитъ извѣстному графу *Сенъ-Жермену*, называвшему себя также маркизомъ де Бетмаръ. Онъ былъ одаренъ необыкновеннымъ умомъ и рѣдкими, удивительными талантами, которыми онъ на другомъ поприщѣ могъ бы прибрѣсти себѣ заслуженную славу. Происхожденіе и мѣсто рожденія его неизвѣстны, но кажется, что онъ былъ Португалецъ; онъ посвятилъ большую часть своей жизни путешествіямъ. Чрезвычайный его умъ, проницательность, ловкость и умѣнье открывать слабыя стороны каждаго, вездѣ прибрѣли ему довѣріе и расположеніе всѣхъ. Онъ получилъ доступъ къ разнымъ дворамъ, и искуснымъ об-

Т. II. р. 245) любопытный примѣръ, доказывающій какъ трудно уничтожить въ душѣ даже самаго просвѣщеннаго и вовсе не-суевѣрнаго чловѣка, внутреннее вѣрованіе въ существованіе міра недоступнаго для нашихъ чувствъ.

ращеніемъ вошелъ въ связи даже съ коронованными особами; такимъ образомъ онъ могъ узнать многія важныя политическія тайны, и взаимныя отношенія государствъ, которыми въ послѣдствіи съ хитростью умѣлъ воспользоваться. Пріятная наружность, блестящій даръ слова, отличныя манеры, знакомство съ многими физическими и химическими опытами, поражающими воображеніе, и тогда еще мало извѣстными въ публикѣ; знаніе многихъ языковъ и многочисленныя связи, тотчасъ открыли ему входъ въ высшій кругъ въ Парижѣ, куда онъ пріѣхалъ около семидесятихъ годовъ. Онъ утверждалъ, что ему отъ роду триста-пятьдесятъ лѣтъ, и что онъ сохраняетъ свою молодость употребленіемъ какого-то чаю (thé de St. Germain), посредствомъ котораго изъ семидесяти-лѣтней старухи можно было сдѣлать семнадцати-лѣтнюю красавицу; неудивительно, что всѣ, и въ особенности дамы, къ нему прильнули. Онъ дѣлалъ также искусственные алмазы, совершенно похожіе на настоящіе; мастерски игралъ на скрипкѣ, такъ, что казалось будто слышишь цѣлый оркестръ; умѣлъ писать въ одно и то же время обѣими руками на двухъ разныхъ листахъ бумаги, и такъ, что нельзя было различить одного почерка отъ другаго; онъ гадалъ, предсказывалъ будущія событія, что при его шарлатанствѣ и знаніи важныхъ государственныхъ секретовъ, ему не очень трудно было знать. Все это почиталось его современниками доказательствомъ сверхъестественнаго могущества. Выбывшись въ безчисленныя интриги, и обремененный долгами, Сент-Жерменъ наконецъ умеръ въ 1795 году, у гессенскаго ландграфа Карла, взявшаго его къ себѣ.

За нимъ и въ одно время съ нимъ, всеобщимъ вни-

² Этотъ чай, повывѣ употребляемый въ медицину, состоитъ преимущественно изъ александрійскаго листу (Senna), цвѣту бузины, и тому подобныхъ, и употребляется какъ слабительное.

маніемъ овладѣлъ не менѣе извѣстный графъ *Калио-стро*; который однако жъ стоитъ гораздо ниже своего собрата, и прибѣгалъ къ средствамъ еще болѣе предосудительнымъ, чтобы надувать публику. Онъ родился въ Палермо, въ 1743 году, и назывался собственно Джозеппе Бальзамо; его назначили было для духовнаго званія и отдали на воспитаніе къ монашествующимъ братьямъ сердоболія, у которыхъ онъ приобрѣлъ нѣкоторыя медицинскія познанія, весьма пригодившіяся ему въ послѣдствіи; но за дурное, развратное поведеніе онъ вскорѣ исключенъ былъ изъ ордена и возвратился въ Палермо, гдѣ началъ заниматься исканіемъ кладовъ и волшебствами. Онъ воспользовался удивительнымъ своимъ искусствомъ писать подъ чужую руку, чтобы составить подложный актъ для присвоенія себѣ чужаго имѣнія, но былъ открытъ и бѣжалъ изъ своей родины; на дорогѣ женился на дочери позументщика, прекрасной Лоренцѣ Феличчани, и началъ промышлять ея прелестями..... Принявъ титулъ графа Калиостра, онъ объѣздилъ съ нею почти всю Европу, за большія деньги училъ легковѣрныхъ составлять философскій камень и продавалъ дорогія лекарства, особенно какую-то «*Teinture de beauté et de longue vie*»; но одаренный меньшею ловкостью чѣмъ Сень-Жермень, и не смотря на красоту своей жены, онъ нигдѣ не могъ долго оставаться: всѣ весьма скоро убѣждались, что были обмануты имъ. Неудачный сбытъ эликсировъ, уменьшающееся число адептовъ и увядающія прелести состарѣвшейся Лоренцы, заставили его избрать другую дорогу: онъ вдругъ объявилъ себя главою и жрецомъ какого-то таинственнаго ордена, полу-мистическаго и полу-политическаго, открытаго имъ будто бы въ Египтѣ; сталъ играть роль магика, вызывалъ тѣни усопшихъ, лечилъ трудныя болѣзни безмездно, и такимъ образомъ снова успѣлъ приобрести ревностныхъ и вѣрующихъ приверженцевъ. Потомъ пустился опять путешествовать

по Европѣ, и надѣлалъ много шуму въ Митавѣ, Ригѣ, Лионѣ, Страсбургѣ и Парижѣ; тутъ за участіе въ несчастной исторіи ожерелья (*affaire du collier*) съ кардиналомъ Роганъ и графинею де-ла-Мотъ его посадили въ Бастилію (1785), и потомъ выслали изъ Франціи. Наконецъ, въ Римѣ, онъ какъ членъ запрещенныхъ обществъ и «вредный для католической Церкви еретикъ», приговоренъ былъ къ вѣчному тюремному заключенію, и умеръ въ крѣпости въ 1795 году¹. Каліостро во время перваго путешествія своего, познакомился въ Голштиніи съ Сенъ-Жерменомъ, который научилъ его нѣкоторымъ важнымъ штукамъ.

Подобную роль тогда же игралъ въ Германіи довольно извѣстный, хотя въ болѣе ограниченной сферѣ, Іоаннъ Георгъ *Шрѣнферъ*, занимавшій прежде довольно скромный постъ кандитера въ Лейпцигѣ. Обанкротившись, онъ съ удивительною дерзостью, въ своей же родинѣ, принялъ титулъ барона Ф. Штейнбаха и французской службы полковника, и взялся было преобразовать масонскія ложи; встрѣтивъ многія затрудненія, онъ обратился къ другому ремеслу, болѣе выгодному, и которымъ легче было получить приверженцовъ: онъ сталъ вызывать привидѣнія и души покойниковъ, и для этого употребилъ всевозможные способы, чтобы очаровать чувства и помрачить свободный разумъ адептовъ. Употребляемые напитки, таинственно убранныя и тускло освѣщенныя комнаты, наполненныя усыпительнымъ дымомъ, волшебные звуки музыки, оптическія зеркала, электрическія снаряды, человѣческія черепы, и тому подобное, должны были усилить дѣйствія чародѣя на воображеніе посѣтителей. Слава Шрѣнфера распространи-

¹ Подробности на счетъ Каліостро можно найти въ слѣдующемъ сочиненіи: *Leben und Thaten des Joseph Balsamo, sogenannten Grafen Cagliostro, aus den Akten des 1790 in Rom wider ihn geführten Processes*. Zürich, 1791, in 8°.

лась, и онъ нашелъ знатнаго покровителя, защитившаго его противъ всѣхъ преслѣдованій. Тѣмъ больше было удивленіе публики, когда узнали, что онъ осьмаго Октября 1774 года застрѣлился въ саду, за городомъ; изъ оставленныхъ имъ бумагъ увидѣли, что этотъ шагъ былъ имъ давно обдуманъ, и что недостатокъ въ деньгахъ и неудачи въ планахъ побудили его къ тому. Полагаютъ, что какъ Шрёпферъ, такъ и Севъ-Жерменъ и Калиостро были только слѣпыми орудіями партій, употребившей ихъ искусство для тайныхъ видовъ своихъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что вліяніе этихъ трехъ рыцарей промышленности обнаружилось и въ современной литературѣ. Романы госпожи Radcliff: (кто изъ насъ не читывалъ ихъ во время оно?) и подражателей ея, являются отпечаткомъ разгоряченнаго воображенія тогдашняго общества; но если эти романы теперь не соотвѣтствуютъ требованіямъ просвѣщеннаго вкуса, то сочиненіе Шиллера *Духовидецъ* (der Geisterseher) къ сожалѣнію не конченное, и котораго первую идею подали ему слухи о Калиостро, останется безсмертнымъ.

Казанова (de Seingaet), былъ aventurier еще низшаго разряда; онъ родился въ Венеціи, въ 1725 году, и былъ сынъ актрисы; вся жизнь его состоитъ изъ сплетенія безчисленныхъ приключеній и необыкновенныхъ происшествій; привлекательная наружность и свѣтская ловкость, безъ особеннаго ума, открыли ему входъ въ лучшія общества всей Европы: нѣтъ ни одной столицы гдѣ бы его не приняли хорошо, гдѣ бы онъ не имѣлъ ссоры, дуэли, любовныхъ интригъ; онъ жилъ доходами отъ гаданья и преимущественно карточной игры, и въ Парижѣ совершенно овладѣлъ довѣріемъ

¹ Miss Anna Radcliff известна столько же сочиненіями своими, какъ и бурною жизнью, богатою разными приключеніями.

богатой старухи, маркизы d'Ugrhé, у которой онъ въ разное время выманилъ огромныя суммы денегъ. Казанова провелъ послѣдніе годы своей глубокой старости у богатаго помѣщика въ Богеміи, и скончался въ 1803 году ¹.

Архенгольцъ въ своемъ описаніи Англійи и Италіи ², сообщаетъ намъ любопытныя подробности относительно какого-то доктора *Graham*, избравшаго предметомъ своихъ спекуляцій, — разумѣется денежныхъ, а не философскихъ, — чувственность публики. Онъ устроилъ у себя въ Лондонѣ *небесную постель* (*Himliches Bett*), украшенную золотомъ, драгоценными каменьями и штофами; она стояла на хрустальныхъ колоннахъ, въ залѣ наполненной благовонными куреніями, усыпавшими воображеніе и погружавшими его въ пріятныя мечты; извѣстная въ послѣдствіи лэди Hamilton, сіявшая тогда полнымъ блескомъ красоты и молодости, играла роль богини Гигіен ³, у Грезма, бравшаго по пятидесяти фунтовъ стерлинговъ (болѣе тысячи рублей ассигнаціями) за употребленіе его постели въ продолженіи одной ночи. *Искатели смѣлыхъ ощущеній*, богатые поѣты, актеры,

¹ Казанова оставилъ записки на французскомъ языкѣ, издавныя потомъ въ Лейпцигѣ въ двѣнадцать томовъ; они утомительны для читателя множествомъ интригъ, но представляютъ живую картину нравовъ XVIII столѣтія.

² *England und Italien*, von Archenholz. Leipzig, 1787; 5 томовъ, in 8°; второе изданіе.

³ *Lady Hamilton* была дочь бѣдной служанки и родилась около 1760 года; послѣ многочисленныхъ приключеній, нѣрѣдко оставлявшихъ ее безъ куска хлѣба, она вышла за англійскаго посланника въ Неаполь, сэра William Hamilton (1791), и въ послѣдствіи жила съ знаменитымъ Нельсономъ, но навлекла на себя презрѣніе, черезъ продажу и впечатаніе писемъ его къ ней. Она создала систему *attitud'овъ* посредствомъ искусной драпировки, которая возбуждала удивленіе всѣхъ художниковъ. Умерла въ 1818 году.

моряки, получившіе призовые преміи, стекались къ этому шарлатану.

Такимъ образомъ умы постепенно приготовились къ вѣрованію въ сверхъестественныя познанія и силы нѣкоторыхъ избранныхъ, въ явленія противурѣчащія здравому разсудку и опыту, и открыли дорогу появившемуся вскорѣ животному магнетизму. Между главными причинами такого расположенія общества, особенно во Франціи, должно считать поверхностное образованіе публики, не основанное на положительныхъ познаніяхъ; незнакомство ея съ новооткрытыми тогда физическими феноменами (галванизмомъ, электричествомъ и этому подобнымъ), не развитое еще состояніе естественныхъ наукъ, и, наконецъ, общее направленіе къ суевѣрію въ слѣдствіе религіознаго скептицизма. Мы видѣли выше, что Сень-Жерменъ и Калиостро уже дѣлали приложеніе этого суевѣрія къ врачеванію, но они занимались медициною только между прочими фокусами: два другихъ шарлатана посвятили себя исключительно ей, и они являются непосредственными предшественниками Месмера.

Первый изъ нихъ былъ католическій священникъ *Иоаннъ Иосифъ Гасснеръ*, принадлежащій къ извѣстнѣйшимъ заклинателямъ духовъ (*Geisterbanner*) новѣйшихъ временъ. Онъ родился въ 1727 году и вскружилъ себѣ голову чтеніемъ старыхъ фолиантовъ объ астрологіи, магіи и кабалѣ, будто удостовѣрившихъ его, что большая часть болѣзней происходитъ отъ присутствія въ тѣлѣ злаго духа, и что единственное средство къ исцѣленію ихъ состоитъ въ молитвахъ и заклинаніяхъ. Гасснеръ умѣлъ выбрать лучшій способъ, чтобы обратить на себя вниманіе. Кому не мило собственное здорovie? Кто не предпочитаетъ избавиться отъ недуга посредствомъ благословеній, на мѣсто противныхъ аптекарскихъ миктуръ и порошковъ? Гасснеръ, пользовавшій сначала только своихъ прихожанъ, вскорѣ сдѣлалъ

ся знаменитымъ, и констанцкій епископъ пригласилъ его къ себѣ, но убѣдившись тотчасъ, что онъ обманщикъ, совѣтовалъ ему возвратиться въ свой приходъ. Но кроткое исполненіе смиреннаго призванія духовнаго пастыря уже не удовлетворяло болѣе его честолюбія; въ 1744 году онъ получилъ приглашеніе въ Эльвангенъ отъ регенсбургскаго епископа; тамъ Гасснера ожидало безчисленное множество страждущихъ и любопытныхъ; и онъ сталъ исцѣлять разбитыхъ параличемъ, хромыхъ и слѣпыхъ, произношеніемъ одного только слова *cesset!* которому бѣсъ обыкновенно тотчасъ повиновался. Могущество заклинателя было такъ велико, что онъ по произволу могъ приказать пульсу больного перестать биться въ какой угодно части тѣла ¹. Назначили чиновника, который записывалъ въ протоколъ и свидѣтельствовалъ всѣ его леченія: не смотря на это, вскорѣ удостовѣрились, что все основано было на плутовствѣ; что Гасснеръ заставлялъ здоровыхъ людей за деньги представиться немощными, и что у пациентовъ неподкупленныхъ имъ, пользованіе только до-тѣхъ-поръ имѣло успѣхъ, пока воображеніе ихъ было разгорячено словами и приемами мнимаго чудотворца. Такимъ образомъ слава его упала и онъ умеръ въ 1779 году, потерявъ всякое уваженіе и довѣріе.

Около того же времени въ Парижѣ появился какой-то медикъ изъ Эльзаса, который исцѣлялъ всѣ болѣзни единственно приложеніемъ рукъ. Онъ пользовалъ безмездно, предоставляя произволу каждаго посѣтителя подарить что-нибудь «въ пользу бѣдныхъ.» Онъ черезъ это пріобрѣлъ неограниченное довѣріе въ простомъ народѣ; изъ цѣлой столицы къ нему стекались кучера, лакеи и кухарки, и увѣренность черни въ его искус-

¹ См. любопытную статью: von Zauberey, Teufeleien und Wunderkuren, въ сочиненіи I. П. Франка, system einer vollst. medic. Polizey, t. IV, p. 463.

ствѣ было такъ непоколебимо, что если больной не чувствовалъ облегченія отъ рукоприкладанія, то она это приписывала его упрямству и увѣряла, что онъ только притворяется неизлеченнымъ *. Парижской полиціи эти штуки наконецъ надоѣли, и шарлатана, котораго имени мы не можемъ припомнить, выслали изъ города. У него нашли болѣе 20.000 ливровъ одними мѣдными деньгами.

Наконецъ на сцену вступилъ Месмеръ.

* Souvenirs de la marquise de Crequy; éd. de Bruxelles, T. V, pag. 135.

А. Рафаеловичъ.

Одесса, въ Январѣ 1842.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Критика.

ВОЕННЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ЛЕКСИКОНЪ, издаваемый Обществомъ Военныхъ и Литераторовъ. — Часть V. съ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 659 и VIII страницъ, съ-8, съ картами и планами.

Къ числу важнѣйшихъ современныхъ литературныхъ предпріятій, послѣ *Энциклопедическаго Лексикона*, безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ *Военный Энциклопедическій Лексиконъ*, издаваемый Обществомъ Военныхъ и Литераторовъ подъ редакцію извѣстнаго своими познаніями генералъ-маіора, барона Л. И. Зедделера. Основанный въ 1837 году, онъ пріостановился было въ 1840 году, но случаю болѣзни редактора, принужденнаго отправиться за границу для возстановленія своего здоровья. По возвращеніи же барона Зедделера, это общепользное изданіе вновь двинулось, къ удовольствію своихъ многочисленныхъ подписчиковъ, довѣренность которыхъ была вполнѣ оправдана удвоенною дѣятельностью редакціи, быстрымъ выходомъ книжекъ и превосходнымъ выборомъ статей. Въ теченіе прошлаго

года, вмѣсто обѣщанныхъ четырехъ книжекъ, редакція выдала шесть: 15, 16, 17, 18, 19 и вотъ передъ нами уже 20-ая, которою оканчивается V томъ *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона*. Въ удовлетвореніе тѣхъ подписчиковъ, которые по какому-либо случаю не получили которой-нибудь книжки Лексикона, почтенный редакторъ объявилъ, что всѣ недостающія книжки онъ высылаетъ *безденежно* *.

Главный предметъ *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона* — теорія и исторія военнаго искусства; исторія войнъ, сраженій, осадъ; жизнеописанія достопамятныхъ полководцевъ; но, кромѣ всего этого, въ составъ Лексикона входятъ всѣ предметы, имѣющіе отношеніе къ военному дѣлу: всеобщая и политическая исторія, географія, статистика, естествознаніе. Такимъ образомъ это изданіе можетъ замѣнить для военныхъ дѣлу военную библіотеку, и притомъ за самую дешевую цѣну (по 10 рублей ассигнаціями за томъ, съ планами и картами). Все изданіе будетъ состоять изъ XII томовъ, слѣдовательно окончится непременно въ 1848 году. Государь Императоръ, въ поощреніе этого полезнаго изданія, повелѣлъ производить на Лексиконъ ежегодно по 10,000 рублей ассигнаціями.

Въ V томѣ Лексикона помѣщено множество прекрасныхъ, замѣчательныхъ статей по военному искусству и всѣмъ знаніямъ, имѣющимъ къ нему отношеніе. У насъ нѣтъ на русскомъ языкѣ ни словаря историческаго, ни географическаго, которые соотвѣтствовали бы нынѣшнему состоянію наукъ. *Военный Энциклопедическій Лексиконъ* замѣняетъ во многихъ отношеніяхъ не-

* Съ подобными требованіями должно обращаться къ редактору, его превосходительству, генералъ-маіору и кавалеру, барону Людвигу Ивановичу Зелделеру, живущему здѣсь въ Коломнѣ, въ Грязной улицѣ, въ домѣ статскаго совѣтника Никитина. Должно означить № бумаги, которою выписать Лексиконъ, какія книжки не получены, и наконецъ нынѣшній адресъ подписавшагося.

достатокъ въ этихъ словаряхъ. Прочитайте, напри-
мѣръ, хоть слѣдующія статьи на букву Д, и вы удо-
стоверитесь въ этомъ:

*Деволуціонная война — Дезе — Деккеръ — Де-ла-Гар-
ди — Дембе-Віельки — Демидовъ — Денневицъ — Дер-
фельденъ — Десантъ — Дефиля — Джеванъ-Булах-
ское сраженіе — Джеззаръ — Паша — Дибичъ-Забал-
канскій — Дмитрій-Донской — Дирнштейнъ — Диффе-
ренціальное исчисленіе — Дильръ — Дильстръ — Дождь
— Докъ — Долорукіе — Домбровский — Домонтъ —
Донъ — Дороховъ — Достъ-Мухаммедъ — Дохтуровъ
— Дрезденъ — Друзы — Дунай — Дюге-Труэнъ — Дю-
Гескленъ — Дюмурье — Дюнкы — Дюнкирхенъ — Дю-
рокъ — Дюссельдорфъ.*

Разверните буквы Е, Ж, З; тутъ вы найдете также
много важныхъ и любопытныхъ статей, написанныхъ
прекраснымъ языкомъ:

*Евекій-Савойскій — Епнатій-Коловратъ — Евреи
— Евфратъ — Европа — Егеря въ Россіи — Епи-
петъ — Египетскія экспедиціи 1798 — 1801, 1832,
1839 — Едмеры сибирскій, астраханскій — Екатери-
на I и Екатерина II — Екатеринославская губерніа
— Елецкіе князья — Елисавета Петровна — Елиса-
ветполь (Ганджа) — Емануель — Ермакъ, завоеватель
Сибири — Ефремовъ — Жалонеры — Жандармы —
Желтыя воды — Жеманъ — Жильцы — Жолкъв-
скій — Жомини — Жуберъ — Журданъ — Жур-
жа — Журналы — Заальфельдъ — Заборовскій — За-
жигательныя гранаты Зальца — Зама — Замоу-
скій — Зѣмокъ — Зануздываніе лошадей — Заполь-
скій миръ — Запорожье — Заруцкій — Засядко —
Зборашъ — Зборовскіе — Зборовъ — Звѣзды — Зейд-
лицъ — Земанъ-Шахъ — Земляныя работы — Зем-
ной шаръ — Наконецъ, въ «прибавленіяхъ» помѣщена
чрезвычайно любопытная статья *Желѣзныя дороги*. Въ
этой статьѣ показано устройство желѣзныхъ дорогъ,*

исчислены всѣ нынѣ существующія и проектированныя дороги, и въ заключеніе прекрасно развита мысль о вліяніи, которое желѣзныя дороги оказать могутъ на военныя дѣйствія. Эта статья имѣетъ теперь высокій современныи интересъ, и мы совѣтуемъ всѣмъ противникамъ желѣзныхъ дорогъ прочесть ее, для разъясненія превратныхъ своихъ понятій о такомъ важномъ государственномъ вопросѣ.

Изъ этого обзорѣнія видно, что *Военный Энциклопедическій Лексиконъ*, при недостаткѣ частныхъ историческихъ и географическихъ словарей, долженъ занимать высокое мѣсто въ современной литературѣ. Онъ вѣрно будетъ находиться въ библиотекѣ каждаго образованнаго человѣка; не говоримъ уже о военныхъ, для которыхъ онъ можетъ замѣнить огромное собраніе книгъ, заключаая въ себѣ все относящееся къ военному искусству. Прибавимъ еще, *Военный Энциклопедическій Лексиконъ* есть единственное собраніе русскихъ біографій, и какъ жаль, что гибнетъ память о множествѣ нашихъ героевъ отъ хладнокровія ихъ потомковъ! Почтенные сотрудники этого изданія, подобно А. В. Висковатову, часто должны повторять: «къ сожалѣнію, мы могли отыскать самыя неполныя и неудовлетворительныя свѣдѣнія» (томъ V, страница 501). Отчего же это происходитъ? Оттого, что свѣдѣнія почерпаются почти изъ однихъ официальныхъ источниковъ; частная жизнь, анекдоты, всѣ особенныя, замѣчательныя черты должны бы были получаться отъ родственниковъ, друзей, потомковъ, и что же? Тѣ именно, которые могли бы доставить богатый запасъ свѣдѣній, тѣ-то и молчатъ; проходятъ годы, и все исчезаетъ изъ памяти..... Неужели, напримѣръ, не осталось родственниковъ послѣ Николая Ивановича Демидова, одного изъ героевъ шведской войны 1808 года, Вильгельма Христофоровича Дерфельдена, ученика Румянцева и Суворова, Ивана Семеновича Дорохова, отличавшагося при Суворовѣ и

въ двѣнадцатомъ году? Дмитрія Сергѣевича *Дохтурова*, героя Смоленска и Малаго-Ярославца? Егора Арсеньевича *Емануэля*, отличавшагося въ войнѣ противъ Наполеона и на Кавказѣ? Ивана Александровича *Заборовскаго*, который во времена Екатерины Великой, очистилъ было для Русскихъ путь къ Андрианополю? Александра Дмитріевича *Засядко*, приобрѣвшаго незабвенное имя въ русской артиллеріи образованіемъ артиллерійскаго училища и предложеніемъ сформированія ракетной батареи? Засядко, о которомъ справедливо сказала *Военный Энциклопедическій Лексиконъ*, что если ракеты англійскія (Конгревовы) называютъ именемъ англійскаго генерала, то и *русскій генералъ имѣетъ точно такое же право въ Россіи на свои ракеты*, которыя были плодомъ его собственныхъ изысканій. — Не будь *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона*, и отъ равнодушія, соединеннаго съ ложною, неумѣстною скромностію, и послѣднія черты нашихъ героевъ изгладились бы для потомства. Пожелаемъ, чтобы потомки русскихъ героевъ, читая *Военный Энциклопедическій Лексиконъ*, воспламенились подвигами своихъ предковъ и родственниковъ, бросили неумѣстную скромность, и подѣлились съ соотечественниками разговоромъ о подвигахъ и частной жизни тѣхъ, чьи имена должны быть сохранены въ лѣтописяхъ русской славы.

Замѣтимъ еще, что въ книжкахъ, изданныхъ подъ непосредственною редакцію Л. И. Зедделера, всѣ статьи отличаются постепенно возвышающимся достоинствомъ. Пересматривая со всѣмъ вниманіемъ V томъ *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона*, мы замѣтили нѣсколько неточностей, которыя впрочемъ легко могутъ быть исправлены. Главная рѣка Моравіи названа *Мархъ* (стран. 214); если угодно, это правильно, но слѣдовало прибавить, что такъ ее называютъ племена тевтонскія, а у славянскихъ она извѣстна подъ име-

немъ *Моравы*. Это можно и должно будетъ оговорить подъ буквою М.

Вообще, славянская часть *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона* требовала бы гораздо тщательнѣйшей обработки; такъ, напримѣръ, Боруссы или древніе Пруссы причислены къ славянскому племени (стран. 322), хотя они принадлежали къ латышскому; а между тѣмъ многіе дѣйствительно славянскіе народы отданы другимъ племенамъ. Откуда напримѣръ заимствовано (стран. 322), что *Odessus* есть нынѣшняя Одесса, *Serhalonesus* вѣроятно Николаевъ, *Olbia* — Очаковъ? На сходство звуковъ нельзя много полагаться, тѣмъ болѣе, что многіе, одноименные съ древними, города находятся совсѣмъ на другихъ мѣстахъ, нежели на какихъ стояли въ древности города съ подобными же названіями. На латинскія названія также слѣдовало бы обратитъ большее вниманіе, а то встрѣчаются напримѣръ *Panticarases* и тому подобныя. Это вѣроятно Пантикапея.

Подъ нѣкоторыми статьями *необходимо* указанія источниковъ. Любопытно было бы, напримѣръ, знать источники, на основаніи которыхъ помѣщено сказанное въ статьѣ *Засѣчная стража* о числѣ конныхъ всадниковъ, и о томъ, что дворяне, избравшіеся въ засѣчные головы, должны были жить, не въ самыхъ заповѣдныхъ лѣсахъ, а на разстояніи 6 или не ближе 5 верстъ (стран. 570). Откуда заимствовано, что *Енисей*, рѣка текущая по Сибири, составляется изъ соединенія двухъ рѣкъ, выходящихъ изъ *Бухаріи* (стран. 424)? Извѣстно, что Бухара есть городъ, лежащій на югѣ отъ Оренбурга и киргизской степи; означенныя въ Лексиконѣ рѣки вытекаютъ изъ такъ называемаго китайскаго или восточнаго Туркистана.

«Ермукъ, мѣстечко въ Сиріи» (стран. 481), но гдѣ же именно? На картѣ, приложенной къ этой части съ

цѣлю объяснить военныя дѣйствія, описанныя въ Лексиконѣ, такого названія нѣтъ. Оріенталисты замѣчаютъ, что слово это имѣетъ вовсе не-арабскую форму и неправильно выражено русскими буквами съ латинской транскрипціи, которую вездѣ не худо бы присоединять въ скобкахъ. Кстати, и о картѣ Египта, которая также не совсѣмъ согласна съ текстомъ статей объ Египтѣ: Названія городовъ, въ статьѣ *Египетъ*, написанныя однимъ образомъ, въ слѣдующихъ статьяхъ объ *египетскихъ экспедиціяхъ* написаны уже иначе, отчего различныя названія однихъ и тѣхъ же мѣстъ можно принять за названія совсѣмъ другихъ городовъ; напримѣръ, *Гизе* и *Гизегъ*, *Рахманіе* и *Раманіе* (стр. 342 и 347). Чему же вѣрять?

Авторъ статьи *Едмей*, почтенный переводчикъ Шлёцера «Нестора», ссылается на *Лызлова Скифскую Исторію* (стр. 390), какъ будто можно сослаться на эту книгу, какъ на авторитетъ. Этотъ же изслѣдователь находитъ весьма вѣроятнымъ производство славянскаго слова *жупанъ* отъ турко-татаро-персидскаго слова *чобанъ*, произносимаго будто бы во многихъ русскихъ татарскихъ деревняхъ *жупанъ* (стр. 483). Напрасно авторъ не заглянулъ во вторую часть книги «Древніе и нынѣшніе Болгаре», Ю. И. Венелина: тамъ на стр. 14—29, онъ увидѣлъ бы значеніе этого слова во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, отыскалъ бы корень этого слова и всѣ производныя отъ него. Читая прекрасныя статьи о Востокахъ въ *Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, должно сожалѣть, что авторъ двухъ этихъ статей не посоветовался съ нашими оріенталистами. Въ статьѣ *Запорожье* (стр. 543) сдѣлана невѣрная ссылка на Д. Н. Бантыша-Каменскаго, который не сослался на Чемоданова, а предложилъ свою догадку, какъ гипотезу, — не болѣе. (*Исторія Малой Россіи*, Москва, 1830 года, томъ I, стр. 108 — 110). Прежде была

мода основывать историческія мнѣнія на созвучіяхъ, почему и авторъ «Исторія Малой Россіи» на шаткомъ основаніи созвучій: *Черкесы* (горцы Кавказскіе) и *Черкасы* (или запорожскіе и донскіе казаки) произвелъ послѣднихъ отъ Азіятцевъ и заставилъ перейти на Донъ и Днѣпръ въ XVI вѣкѣ, не обращая вниманія на то, что кавказскія племена, которыхъ мы называемъ Черкесами, сами себя зовутъ *Адями* или *Адехе*; слѣдовательно, на Днѣпрѣ и Донѣ должны бы были явиться Адиги, а не Черкесы. Притомъ, какъ принять эту кавказскую колонизацію XVI вѣка, когда начало казачества относится къ незапамятнымъ временамъ Руси. Авторъ статьи *Запорожье* говоритъ: «не отвергая послѣдняго (мнѣнія господина Бантыша-Каменскаго), скажемъ, что выраженіе запорожскіе Черкесы все равно, что російскіе Марсы (?); Запорожцы иногда называются черкасскими или каневскими вовсе не по происхожденію, а по мѣсту жительства, какъ и Заднѣпровцы» (стр. 543). Послѣднее справедливо, но если вы сами говорите, что они назывались не по происхожденію, то этими словами уже отвергаете гипотезу историка Малой Россіи, которая въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ въ основаніи ни какого факта и держится единственно на созвучіяхъ. Впрочемъ, исключая это неудачное примѣчаніе, вся исторія Запорожцевъ составлена очень хорошо, и мы обратили вниманіе на это примѣчаніе единственно для того, чтобы оно могло быть исправлено въ статьѣ «Казаки», которымъ безъ сомнѣнія возвратится ихъ русское происхожденіе. Употребленіе собственныхъ именъ иногда довольно странно: говорятъ, напримѣръ, *Донъ Жуанъ* или правильнѣе *Донъ Хуанъ Австрійскій*, а Лексиконъ пишетъ *Жуанъ д'Астрія* и нѣкоторыя другія.

Наконецъ обратимъ вниманіе редакціи на слово, который очень страдаетъ во многихъ, впрочемъ весьма любопытныхъ статьяхъ. Каково, напримѣръ читать

мѣста, подобныя хотъ слѣдующему: «*польза ихъ уменьшается, будучи слишкомъ подвержены порчѣ отъ партизанскихъ отрядовъ*» (стр. 635). Это нестерпимый галлицизмъ. Поэтическіе порывы нѣкоторыхъ господъ сотрудниковъ также слѣдовало бы остановить; что, напримеръ, выражаютъ слѣдующія строки: «Хортицкій Островъ и Подпольная страна были первымъ ихъ приютомъ, *метрополія* украинскихъ Казаковъ, первоначальной сѣчью Запорожцевъ. Тутъ образовался бытъ ихъ, вольный, удалой, независимый: отсель *выльзжали* они *толпами* смѣлыхъ наѣздниковъ, или *флотиліями* легкихъ чаекъ (челновъ). Такая жизнь Запорожцевъ вскорѣ *развила дикій цвѣтъ свой и разнесла его*» (стр. 510). Теперь и въ романахъ уже стараются избѣгать всякой напыщенности. Для пользы своего прекраснаго изданія, редакція должна бы была исправлять всѣ подобныя мѣста. Слогъ Лексикона долженъ отличаться правильностью и возможною простотою, которая несравненно пріятнѣе, нежели *дикій цвѣтъ* напыщенности.

Всѣхъ этихъ недостатковъ очень легко избѣгать въ слѣдующихъ книжкахъ, и редакція, принявъ для этого свои мѣры, поставила бы «*Военный Энциклопедическій Лексиконъ*» еще на высшую степень совершенства, которой онъ вполне заслуживаетъ.

Не сомнѣваемся, что почтенный редакторъ *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона* приметъ всѣ наши замѣчанія, какъ знакъ особеннаго вниманія къ его общеплезному изданію. Нельзя не благодарить его, за превосходный выборъ статей, и за храненіе отъ гибели подвиговъ русскихъ героевъ. Не будь *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона*, и — отъ равнодушія, соединеннаго съ неумѣстною скромностью, и послѣднія черты многихъ нашихъ героевъ исчезли бы невозвратно для потомства.

ИСТОРИЯ МАЛОЙ РОССІИ Д. Н. Бантыша Каменскаго. *Изданіе третье*. — Москва. 1842, въ типографіи Н. Степанова; въ I части XXIV, 518 и 80 стран.; во II части 200 и 51; въ III части 238 и 99 стран. въ-8.

На оборотѣ заглавнаго листа первой части мы прочитали: «Изданіе В. Логина. Печатано съ изданія втораго 1830 года», и душевно пожалѣли объ этомъ. Трудъ господина Бантыша Каменскаго безъ сомнѣнія очень почтенный; какъ собраніе матеріаловъ для будущаго историка Малой Россіи, книга эта и теперь не потеряла цѣны. Но, печатая новое, третье, изданіе своего сочиненія, автору должно было бы, кажется, исправить недостатки втораго изданія, уничтожить прежнія гипотезы о происхожденіи Казаковъ и прочее. Издатель также долженъ былъ бы знать, что къ исторіи *необходимо* оглавленіе и алфавитные указатели собственныхъ именъ, историческихъ и географическихъ, и вообще всѣхъ предметовъ, о которыхъ говорится въ книгѣ, — иначе очень трудно ея пользоваться. И что же? Ни авторъ, ни издатель, въ теченіе 12 лѣтъ, протекшихъ послѣ втораго изданія, не подумали объ этомъ: «Исторія Малой Россіи» является точно въ томъ же видѣ, въ какомъ была напечатана за 12 лѣтъ назадъ, въ 1830 году. По-прежнему, нѣтъ ни въ одномъ томѣ ни оглавленій, ни указателя; по-прежнему, «Казакъ появляются на Днѣпрѣ и на Дону *не прежде XV вѣка* (томъ I, стран. 96); по-прежнему «Запорожцы переселились за Днѣпръ съ *Кавказа*, гдѣ нынѣ обитаютъ Черкесы, народъ воинственный, *упражняющийся въ разбояхъ*» (томъ I. стран. 97); по-прежнему, время изгладило коренныхъ переселенцовъ» (тамъ же); наконецъ, по-прежнему, эти кавказскіе горцы превращаются въ Русскихъ. А между-тѣмъ нашихъ почтенныхъ Запорожцевъ знали еще Арабы, какъ туземцевъ нашего юга, какъ жителей страны днѣпровской и донской. «Тамъ» (при устьѣ этихъ рѣкъ), — говоритъ арабскій космографъ Демешки, —

«есть семь острововъ, называемыхъ островами Руссовъ; на нихъ живутъ разбойники и производятъ безпрестанные набѣги во всѣ стороны. Жители этихъ острововъ Русскіе; они христіане, и имѣютъ на своихъ островахъ города, деревни, виноградные сады и стада». Любители *переселеній народовъ*, хоть и съ горемъ пополамъ, а должны, — послѣ такого яснаго свидѣтельства, — отказаться отъ пріятной прогулки съ Кавказа на Донъ и Днѣпръ, и отъ занимательнаго превращенія Адиговъ въ Россіяны. Чрезвычайно любопытныя и въ высшей степени важныя свѣдѣнія, доставленныя историкомъ А. А. Скальковскимъ, нисколько не озаарили эту «Исторію Малой Россіи», и потому, сохраняя все уваженіе къ трудолюбивому автору этой книги, мы всё-таки съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія краснорѣчивой *Исторіи Малороссіи господина Маркевича*, которая съ такой выгодной стороны уже сдѣлалась извѣстною русскимъ читателямъ, по богатству новыхъ, важныхъ фактовъ, критическому взгляду и глубоко патриотическому чувству господина Маркевича.*

Прежде, когда Русскіе, — въ слѣдствіе чумы заморскихъ идей, провозглашавшихся философскими, — чуждались своихъ единоплеменниковъ, не сознавая величія племени славянскаго, и поставляли себѣ за честь благоговѣть только передъ чужеземнымъ; прежде была мода не иначе являться намъ въ исторіи, какъ *превращаясь* въ Славянъ изъ смѣси турецкихъ, татарскихъ, чухонскихъ и нѣмецкихъ племенъ. Теперь, слава Богу, это несчастное направленіе уступаетъ мѣсто народному, отечественному, и мы, сознавая достоинство своего племени, смѣло называемъ себя Россіянами и Славянами, и съ любовію простираемъ объятія къ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ братьямъ нашимъ, запад-

* Эта книга уже одобрена цензурою и должна скоро поступить въ печать. Она состоитъ изъ 4 огромныхъ томовъ.

нымъ Славянамъ, обитателямъ восточной Германіи, и южнымъ единовѣрнымъ братьямъ, Сербамъ и Болгарамъ. А вотъ кстати и книжка, писанная нынѣшнимъ болгарскимъ языкомъ.

Балгарскія книжицы, или на кое словенско племе собственно принадлежатъ Кириловската азбука? Сочини Василій Априловъ.—Одесса, 1844, въ градската типографія, 31 стр. съ-12.

Содержаніе этой брошюры то самое, что и русской, о которой мы говорили въ прошедшемъ нумерѣ *, и потому, не повторяя уже высказаннаго нами мнѣнія объ этомъ любопытномъ сочиненіи В. Е. Априлова, мы только выпишемъ нѣсколько строкъ, которыя могутъ показать, до какой степени нынѣшній болгарскій языкъ близокъ къ древнему болгарскому или нашему церковному. Выбираемъ то мѣсто, которое было уже приведено въ нашемъ журналѣ изъ русской брошюры господина Априлова.

Мы, Българетѣ, сме ¹, были первыте наставницы на Сербытѣ, и послѣ на Русситѣ книжността, ²; и просвѣтили сме, ги ³, сосъ ⁴ свѣтило на Истинната Вѣра, и имъ сме, предали Свѣщенното Писаніе на свойатъ языкъ, на който сичкитѣ ⁵, мы и до сега ⁶, славимъ Всевышняго. Грецитѣ были только посредници. За възмъдіе за таква услуженія, слабитѣ внуцы на старыта Българе просятъ сега ⁷, отъ сильныта вращельници ⁸, само вниманіе и участіе въ письменността имъ, която ся възрождава, и въ успѣхитѣ имъ на попрището образованія, което още ⁹, повѣче треба да сблиззе, и по яко да сварже ¹⁰ помежду си тѣзи ¹¹, двѣ клонове, ¹², ксито произрастувать отъ истыатъ великъ корень.

* Смыслъ Отечества часть I, № 2, отд. VI, критика, стр. 1—8.

¹ Сме, церковное *есмы*; — ², книжность-та, письменность; — ³, ги, церковное *и*, то есть, ихъ; — ⁴, сосъ, удвоеніе предлога *съ*; — ⁵, сичкитѣ, церковное *ескитѣ*; — ⁶, до сега, церковное *до сега* (дня), *теперь*; ⁷, сега, церковное *сега*; ⁸, вращельници, то есть, кредитки; — ⁹, още, церковное *еще*; ¹⁰, сварже, церковное *сважеть*, — ¹¹, тѣзи, церковное *тъ*; — ¹², клонове, то есть, вѣтви.

Въ концѣ этой книжки находимъ очень любопытное извѣстіе о распоряженіи царьградскаго патріарха, которому подчинены Болгаре въ церковномъ отношеніи. Между-тѣмъ какъ мы жалѣли о судьбѣ новой Греціи, забывалъ своихъ единовѣрныхъ братьевъ, *Американское Общество*, сострадая о Болгарахъ, напечатало 1840 года, въ Смирнѣ, *Новый Заѣтъ*, переведенный на нынѣшнее болгарское нарѣчіе іеромонахомъ Неоѳитомъ. Царьградскій же синодъ объявилъ, что между греческими духовными особами нѣтъ знающихъ по болгарски; въ слѣдствіе чего, не зная исправенъ ли болгарскій переводъ Новаго Заѣта, патріархъ разослалъ повелѣніе по епархіямъ — воспретить чтеніе Новаго Заѣта на славянскомъ языкѣ, и отобрать распроданныя книги священнаго писанія, переведеннаго Неоѳитомъ. «Тако Българетѣ загубиха възможността да разбиратъ ясно и понятво Священното Писаніе», — пишетъ В. Е. Априловъ.....

Кувьма Петровичъ Мирошневъ. *Русская быль временъ Екатерины II. Сочиненіе М. Н. Загоскина. Москва, 1842 года, въ типографіи Н. Степанова. Въ I части 240 стр., во II — 248, въ III — 279, въ IV — 290.*

Мы слышали, что какіе-то критики, кажется, на островѣ Мадагаскарѣ, очень усердно занимались года три или четыре сряду рѣшеніемъ важнаго, по ихъ мнѣнію, вопроса: существуетъ ли въ Россіи литература? По этому видно, что мадагаскарскіе жители гораздо еще меньше знаютъ наше отечество, чѣмъ обитатели Поднебесной Имперіи, ведущіе съ нами торговлю чаемъ. Существуетъ ли у насъ литература? Боже всемогущій! Такой вопросъ могъ прийти только въ голову какимъ-нибудь антиподамъ, которые, въ отношеніи къ намъ, ходятъ вверхъ ногами, у которыхъ въ то время полночь, когда у насъ полдень, у которыхъ за ужаснымъ отдаленіемъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о Россіи. Мадагаскарскіе ученые, какъ слышно, занимались еще разрѣ-

шеніемъ другаго вопроса: существуетъ ли въ Петербургѣ адмиралтейскій шпицъ? Бьемся объ закладъ, что если бы и у насъ за разсмотрѣніе такого нелѣпаго вопроса кто-нибудь вздумалъ приняться ученымъ образомъ, вооружась мадагаскарскою философіею и краснорѣчіемъ, то нашлись бы люди, которые бы сначала стали сомнѣваться въ существованіи адмиралтейскаго шпица, и потомъ, читая года три сряду мадагаскарскія статьи, начали бы говорить наконецъ: «Какой у насъ шпицъ въ Россіи! Да что это за шпицъ! Такіе ли шпицы за границей!» Если съ такимъ скептикомъ, сбѣгивъ съ толку мадагаскарскимъ краснорѣчіемъ, встрѣтится на Невскомъ Проспектѣ какой-нибудь его пріятель и пойдетъ съ нимъ отъ Анничкова моста къ Адмиралтейской Площади по Невскому Проспекту, то и тогда этотъ скептикъ будетъ стоять на своемъ, не смотря на то, что адмиралтейскій шпицъ будетъ у него постоянно передъ глазами. Его никто не переспоритъ. Онъ съ гордою насмѣшкою скажетъ пріятелю своему, поддавливаясь подъ тонъ мадагаскарскихъ писателей: «Мы не поймемъ другъ друга! Ваши понятія о шпицахъ слишкомъ отстали отъ вѣка. Шпицъ, какъ теперь понимаютъ его въ Европѣ и во всемъ образованномъ мірѣ, не есть то, что до-сихъ-поръ разумѣли подъ этимъ названіемъ. Взятый въ самомъ себѣ, какъ проявленіе обособленной идеи, въ безконечно-конечной сущности, онъ не можетъ быть понимаемъ въ моментѣ развитія для себя и по себѣ, и отсюда, какъ процессъ, какъ современное выраженіе индивидуальной художественности, въ силу акта стремленія объективной периферіи къ субъективному центру, сходящейся въ одну точку, становится какъ-бы напряженіемъ живаго и цѣлостнаго организма; слѣдовательно: исключается всякая возможность допустить то, что у насъ въ жалкой ребяческой самоувѣренности и, слѣдующимъ дѣтскимъ возгласамъ невѣжественной толпы, считали до-сихъ-поръ за шпицъ адмиралтейскій. Отсюда совер-

шенно ясно.... Но вамъ не понять меня, почтеннѣйшій!»

Скептикъ важно поклонится, надуется и пойдетъ по Невскому Проспекту назадъ, съ гордымъ видомъ, съ пріятною для его сердца увѣренностію, что онъ философъ, слѣдующій за вѣкомъ. А его пріятель, повѣсивъ голову, побредетъ далѣе и начнетъ раздумывать: «Можетъ-быть, онъ и правъ. Заграничныхъ, настоящихъ шпицовъ я не видалъ. Чтò же у меня передъ глазами такое, тамъ на концѣ проспекта? Можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ, это не шпицы, а такъ, простая башня, родъ обыкновенной колокольни, поддѣлка, слабое подражаніе....»

Хотя вопросы: существуетъ ли Русская словесность и существуетъ ли адмиралтейскій шпиць? равно глубокомысленны и напоминаютъ Хемницерова метафизика, сидящаго въ ямѣ и разсуждающаго о центральномъ влеченіи, о веревкѣ и сущности времени; но и у насъ явились критикъ, которые, подобно мадагаскарскимъ ученымъ, не знающимъ нашего отечества, начали разбирать не шутя одинъ изъ этихъ умныхъ вопросовъ и наконецъ, послѣ многихъ усилій, достигли вывода, что въ Россіи нѣтъ ни писателей, ни книгъ, ни литературы, ни читающей публики. Ужъ встаетъ бы разрѣшить за одинъ разъ и другой вопросъ и доказать, что нѣтъ у насъ, въ Петербургѣ, адмиралтейскаго шпица да и быть не можетъ. Но позвольте спросить: если нѣтъ у насъ литературы, то чѣмъ наполнили нѣсколько дюжинъ своихъ толстыхъ томовъ тѣ журналы, въ которыхъ печатались статьи съ мадагаскарскими взглядами; если нѣтъ у насъ писателей, то откуда брали эти журналы болѣе сотни именъ литераторовъ на страницы своей великолѣпной программы; если нѣтъ книгъ, то объ чемъ толкуютъ ежемѣсячно ваши критики, кого и за чтò бранятъ они, и кого и за чтò записываютъ часто въ геніи и жалуютъ, по своему бла-

гоусмотрѣнію, громадными талантами; если нѣтъ читающей публики, то для чего переводятъ столько бумаги и для кого печатаютъ каждый мѣсяцъ на русскомъ языкѣ книги и груды журналовъ? Не смѣшно ли послѣ этого читать разсужденія, что въ Россіи нѣтъ литературы; не забавны ли усилія тѣхъ, которые, во что бы то ни стало, стремятся доказать, что мы, Русскіе, живемъ покуда безъ словесности. Пускай эти господа доказываютъ свою любимую тему, пускай къ ней стремятся. Мы не имѣемъ права и не хотимъ мѣшать имъ въ достиженіи избранной цѣли, но можемъ ихъ увѣрить, что ни одинъ умный человѣкъ, съ ними никогда не согласится. Разсмотримъ по-ближе: кто провозглашаетъ, что въ нашемъ отечествѣ нѣтъ литературы, кто старается унижить и уничтожить всѣхъ русскихъ писателей живыхъ и мертвыхъ. Доказаны ли чѣмъ-нибудь права этихъ аристарховъ на голосъ въ области словесности?

Когда Пококурантъ, — такъ писалъ острякъ Вольтеръ, — высказалъ Кандиду⁹ все презрѣніе, которое онъ питаетъ къ Рафаэлю, Гомеру и Мильтону, то Кандидъ сказалъ про-себя, сквозь зубы: «Какой удивительный человѣкъ! Какой геній этотъ Пококурантъ! Ему ничто не нравится!»

Вольтеръ замѣтилъ, что въ его время люди, которые желали попасть въ геніи безъ всякихъ заслугъ и которымъ хотѣлось обратить на себя чѣмъ-нибудь вниманіе, беспощадно бранили то, чѣмъ всѣ восхищались. Такъ велось изстари, такъ было во времена Вольтера, такъ будетъ и впредь. Геростратъ, видя прекрасное зданіе и не умѣя самъ построить даже лачужки, заблагоразсудилъ сжечь прекрасное зданіе, чтобы прославиться. Пококурантъ Вольтера также въ своемъ родѣ маленькій Геростратикъ. Онъ чувствовалъ, что ему никогда не быть ни Рафаэлемъ, ни Гомеромъ, ни Мильтономъ, а прослыть человѣкомъ примѣчательнымъ страхъ хотѣлось. Что жъ тутъ дѣлать? Вотъ онъ и ухитри-

ся бранить и унижать Рафаэля, Гомера и Мильтона, да и попалъ въ Геростратики, добился кое-какой славы и заслужилъ даже названіе генія и удивительнаго человѣка. Чтò жь тутъ такое! Винить не за что! Это не варварскій поступокъ Герострата, а такъ, маленькая, невинная хитрость.

Были и будутъ и у насъ свои Геростратики и Покоуранты. Захотѣлось, наприимѣръ, кому-нибудь прослыть ученымъ, глубоко-знающимъ нѣмецкую философію и словесность; и онъ пишетъ, говоря о Пушкинѣ: «Чтò дѣлать! Мы всѣ геніи-самоучки... Ему не доставало только нѣмецко-художественнаго воспитанія.» Кто же послѣ этого не скажетъ вмѣстѣ съ Кандидомъ: «Удивительный человѣкъ этотъ критикъ. Видно, онъ самъ вполне воспользовался нѣмецко-художественнымъ воспитаніемъ, котораго недостатокъ замѣтилъ въ Пушкинѣ.» А между-тѣмъ никто не знаетъ, что этотъ критикъ едва-едва разбираетъ нѣмецкую грамоту по складамъ. Какъ Покоурантъ, невинный Геростратикъ, бранилъ Гомера и Мильтона, такъ и нашъ критикъ, съ нѣмецко-художественнымъ воспитаніемъ, принялся бранить и унижать Карамзина, обвиняя его въ дѣтскихъ взглядахъ и риторической шумихѣ; Державина, укоряя его въ невѣжествѣ, словомъ сказать всѣхъ нашихъ писателей, живыхъ и мертвыхъ, которые давно пользовались заслуженною славой, которыхъ имена всѣ произносили съ чувствомъ народной гордости, которые приобрѣли или приобрѣтали любовь и уваженіе своихъ соотечественниковъ. Было время, когда всѣ съ жадностію, съ восторгомъ читали произведенія остроумнаго Марлинскаго, и критикъ не преминулъ напасть съ ожесточеніемъ на Марлинскаго. Онъ, наперекоръ всему свѣту, вдругъ вздумалъ провозглашать, что у Марлинскаго «талантъ, избившійся и растрясшійся о пни и колоды выисканнаго остроумія; что у него каждая кофѣйка ребромъ, каждое слово завиткомъ,» и въ той же статьѣ, въ которой кри-

тикъ порицалъ Марлинскаго за вычурность, написалъ самъ: «Франція устыдилась самой себя, и съ ругательнымъ смѣхомъ начала указывать пальцемъ на жалкія развалины минувшаго времени, который какъ-бы не замѣчая великихъ переворотовъ, совершавшихся передъ ихъ глазами, даже при роковомъ переходѣ черезъ Березину, взмолившись на сукъ дерева, окостенѣлою рукою завивали свои букли и посыпали ихъ завѣтною пудрою, тогда какъ вокругъ нихъ бушевала зимняя вьюга мстительнаго сѣвера, и люди падали тысячами, оцѣпененные страхомъ и холодомъ. И такъ Французы, слишкомъ пораженные этими великими событіями, сдѣлались постепеннѣе и посолонднѣе, перестали прыгать на одной ножкѣ; это было первымъ шагомъ къ ихъ обращенію къ истинѣ.» Какое слоги! Какое критикъ, разбранившій Марлинскаго за вычурность, Карамзина за риторическую шумиху, Державина за невѣжество, и уничтожившій всѣхъ русскихъ писателей и всю русскую литературу! Развалины, не замѣчая переворотовъ, совершавшихся передъ ихъ глазами, взмолившись на сукъ, при переходѣ черезъ Березину, завиваютъ свои букли и посыпаютъ ихъ пудрою, тогда какъ вокругъ нихъ бушуетъ вьюга мстительнаго сѣвера и люди падаютъ тысячами, а Французы, слишкомъ пораженные этими событіями, перестаютъ прыгать на одной ножкѣ. Вотъ какъ надобно писать! Тутъ нѣтъ ни риторической шумихи Карамзина, ни незнанія Державина, ни вычурности Марлинскаго. Восхитясь своимъ краснорѣчіемъ и ученостью, критикъ въ концѣ своей статьи, нанесшей ударъ всей русской литературѣ, нешута написалъ: «И вотъ я не только у берега, а уже на самомъ берегу, и стою на немъ, съ гордостью и удовольствіемъ озираю пройденное мною пространство.» Въ самомъ дѣлѣ, какъ не возгордиться, совершивъ такой подвигъ, написавъ такую статью, гдѣ, какъ вы видѣли, Франція съ ругатель-

нымъ смѣхомъ указываетъ однимъ пальцемъ на развалины, которыя сидятъ на деревѣ, какъ птицы, и пудрятся; гдѣ васъ изумляетъ краснорѣчіе, высокая философія, образцовый слогъ, приближающійся къ поэзіи мадагаскарской, которая для людей тѣмныхъ, профановъ, по своей недоступной высотѣ кажется самою высокопарною, самою ученическою галиматеею. И подобные писатели не стыдятся кричать противъ Ломоносова, Карамзина, Державина, Дмитріева, Батюшкова, Загоскина, Марлинскаго, и другихъ литераторовъ, которыхъ талантъ и заслуги признаны цѣлою Россією; осмѣливались доказывать, что въ Россіи нѣтъ писателей, нѣтъ литературы! Каждый литераторъ, обратившій на себя вниманіе соотечественниковъ, непременно подвергался гоненію этихъ господъ, если только не имѣлъ счастья пользоваться ихъ дружбою и не искалъ ихъ покровительства. Чѣмъ блестяще былъ успѣхъ литератора, чѣмъ болѣе становился онъ любимцемъ читающей публики, тѣмъ ожесточеннѣе были на него нападенія. Этой участи не избѣжалъ и Загоскинъ. И могло ли быть иначе. Его *Юрія Милославскаго* разошлось пять изданій, всѣ его произведенія читались съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ, съ жадностію. Какъ же можно оставить его безъ вниманія, когда онъ знаетъ не хочетъ своихъ строгихъ критиковъ и смѣется надъ ними. И вотъ критики, которые сажаютъ развалины съ глазами и руками на сукъ при рѣкѣ Березинѣ, и посыпаютъ булки развалинъ пудрою во время бушующей вьюги мстительнаго сѣвера, принялись разбирать произведенія Загоскина и доказали яснѣе солнца, что Загоскинъ—писатель безъ дарованія, безъ остроумія, безъ слога, безъ всѣхъ тѣхъ достоинствъ, которые необходимы для человѣка «съ нѣмецко-художественнымъ воспитаніемъ». И какимъ тономъ, какимъ слогомъ писались и пишутся разборы произведеній литераторовъ, подобныхъ Загоскину? Казалось бы, о такихъ писате-

ляхъ всякому умному и благонамѣренному критику слѣдовало говорить не иначе, какъ съ уваженіемъ, и разбирать красоты и недостатки его произведеній скромно и справедливо. Ничего не бывало! Они ввели въ моду писать критики обо всѣхъ произведеніяхъ точно такъ, какъ-будто дѣло идетъ о неглѣпой осьмигривенной книжонкѣ, писанной для переднихъ и для Толкучаго Рынка. Они обыкновенно рассказываютъ самымъ неглѣпымъ слогомъ содержаніе новаго произведенія. И это будто разборъ, и это будто критика! Да противъ такой критики ничто не устоять на свѣтѣ. Возьмемъ, на примѣръ, хоть короля Лира, Макбета, Гамлета, что угодно, и разберемъ ихъ по этой методѣ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ тридесятимъ государствѣ, жилъ-былъ, изволите видѣть, нѣкій король Лиръ, у этого короля были три дочери. Про нихъ нельзя сказать, какъ въ сказкѣ объ Емелѣ, что двѣ изъ нихъ были умныя, а третья дура. Нѣтъ! Онѣ были всѣ три себѣ на умѣ. Вотъ и вздумалось королю ни съ того, ни съ сего, раздѣлить свое королевство между своими дочками. Кончилъ онъ дѣлежъ, а двѣ старшія дочери и прогнали почтеннаго родителя со двора. Дѣлать нечего! Пошелъ онъ, куда глаза глядятъ, и съ досады помѣшался. И началъ старикъ ругаться, ну вотъ такъ и рветъ и мечетъ, а его утѣшаетъ шутъ, да еще надъ нимъ подсмѣивается. Но довольно! Хорошаго понемножку. Перейдемъ теперь къ другому сочиненію того же знатнаго сочинителя, съ которымъ мы васъ, кажется, довольно познакомили.

Какой-то принцъ Гамлетъ увидѣлъ привидѣніе. Это его, натурально, озадачило и сконфузило. Вотъ онъ и началъ привидѣніе разспрашивать. Кто, де, вы таковы, позвольте узнать? — Я вашъ батюшка и сейчасъ только сюда прибылъ съ того свѣта, для нѣкоторыхъ личныхъ съ вами объясненій, отвѣчаетъ привидѣніе. — Такъ-съ, сказалъ Гамлетъ. Изволите видѣть, что со-

чинитель вѣрять въ привидѣнія!!!??? Дивимся и молчимъ. Какія дѣтскія понятія, какое суевѣріе!!! Вотъ и принялись они разговаривать и пробесѣдовали съ полчаса. Почтенное привидѣніе насаждало принцу разныхъ разностей съ три короба. Въ слѣдствіе чего Гамлетъ прикинулся помѣшаннымъ, а его возлюбленная Офелія Полоніевна въ самомъ дѣлѣ помѣшалась, прыгнула въ воду да и утонула. Вся эта исторія оканчивается тѣмъ, что батюшка Офелии умеръ, Офелія умерла, королева, родительница Гамлета, умерла, король умеръ, Лаертъ, братъ Офелии, умеръ, наконецъ и самъ герой трагедіи умеръ, всѣ умерли и живыхъ никого въ наличности не осталось. Вы видите, что эта трагедія вяла, скучна, невѣроятна, натягута, неестественна. Мы бы опрофанировали наше перо, если бъ стали разбирать эту книжонку сообразно современнымъ взглядамъ на искусство, еслибы стали прилагать къ ней міровыя идеи, открытія наукою. Гдѣ же кроется причина такого дѣтскаго направленія? Причина, кажется, тому землетрясенію, и въ яму скорое стремленію, центральное влеченію, воздушное давленіе.....

Понесъ Студентъ обычный бредъ....

Ахъ, извините! Мы сбились и начали было, забывшись, декламировать прелестную басню Хемницера: **Метафизикъ.**

Что если бы кто-нибудь вздумалъ разобрать такъ творенія Шекспира, какъ они разобраны выше? Незнакомый съ ними получилъ ли бы о Гамлетѣ и Лирѣ справедливое понятіе? Была ли бы какая-нибудь польза отъ подобныхъ разборовъ? А вѣдь они очень похожи на разборы критиковъ съ нѣмецко-художественнымъ воспитаніемъ, которые, въ доказательство своей учености и истиннаго краснорѣчія, посадивъ на древесный сукъ развалины съ глазами и посыпавъ имъ булки пудрою при вьюгѣ мстительнаго сѣвера, начинаютъ потомъ бранить всѣхъ русскихъ литераторовъ не ихъ

школы и однимъ взмахомъ пера уничтожаютъ всю русскую литературу. Подобнымъ критикамъ, которые уничтожили и Державина, и Карамзина, и Марлинскаго, и многихъ другихъ нашихъ писателей, возможно ли пощадить и Загоскина. Онъ не сажаетъ развалины, на сучья, не пудритъ имъ булки, онъ очевидно отстагъ отъ вѣка. Не смотря на это, мы прочитали его новый романъ съ такимъ удовольствіемъ, съ такимъ наслажденіемъ, какого давно не чувствовали. Отвергать талантъ въ Загоскинѣ такъ же было бы умно и основательно, какъ доказывать, что лучи солнца не свѣтятъ и не грѣютъ. Очень ошибаются тѣ критики, которые воображаютъ, что ихъ перо рѣшаетъ судьбу каждаго литературнаго произведенія; что это перо безъ апелляціи можетъ назначить каждому писателю мѣсто въ общемъ мнѣніи. Мы могли бы привести множество и заграничныхъ и домашнихъ примѣровъ, что никакіе критическіе нападки не могли помѣшать успѣху литературныхъ произведеній, заключавшихъ въ себѣ истинное достоинство, и что, наоборотъ, никакіе возгласы и похвалы не могли поднять и поддержать бездарность и посредственность. Не критика, а общій голосъ читающей публики, общее мнѣніе произноситъ всегда безошибочныя и окончательныя приговоры въ области словесности. Нашему брату, критику, литературному судѣ, всегда должно твердо помнить, что онъ самъ подсудимый, что его приговоры тогда только будутъ имѣть вѣсъ и силу, когда въ нихъ высказано безпристрастное, искреннее убѣжденіе, и когда притомъ въ нихъ отгадано и вѣрно передано мнѣніе верховнаго литературнаго судилища—образованной, читающей публики. Тутъ не помогутъ ни остроуміе, ни диктаторскій тонъ, ничто на свѣтѣ. Остритесь, сколько хотите, но если вы осмѣливаете то, что достойно похвалы и уваженія, ваши удачныя острооты посмѣшаютъ читателей, а все-таки не введутъ общаго мнѣнія въ ошибку. Если же ваши острооты, въ доба-

вокъ, носить на себѣ признакъ топорной работы, (а это случается нерѣдко) то онѣ, какъ брошенные вверхъ камни, попадутъ въ васъ самихъ. Не испугаешь верховнаго литературнаго судилища и диктаторскимъ тономъ, не подкупишь его и лестью. Одинъ литературный судья написалъ: «Наше дѣло размышлять, а толпа, масса должна слѣдовать данному направленію.» На диктаторскомъ языкѣ толпа значитъ публика. Мы воображаемъ, какъ испугалась публика такого рѣшительнаго возгласа, только до-сихъ-поръ ни разу не замѣтили, чтобы она шла по данному направленію. Напримѣръ, еѣ всѣми силами хотѣли направить къ убѣжденію, что Загоскинъ писатель безъ дарованія; а его романы достигаютъ *пятаго* изданія и становятся книгами народными, какъ басни Крылова. Чтѣ станешь дѣлать съ массой! Не слушается! Ужъ мы ли, критики, не философы; ужъ мы ли не доказываемъ краснорѣчиво, что никого нѣтъ на свѣтѣ добросовѣстнѣе, умнѣе, ученѣе и основательнѣе насъ. Толпа упрямится и не перестаетъ читать Загоскина! Это ужасно! Какъ послѣ этого не воскликнуть съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, что *missia* критика самая тягостная и неблагодарная. А разобрать дѣло хорошенько, такъ и выйдетъ на повѣрку, что самъ оскорбленный критикъ кругомъ виноватъ, и что масса, на которую онъ гнѣвается, совершенно права, какъ и всегда.

Кто у насъ первый заговорилъ въ романѣ живымъ, народнымъ языкомъ, кто умѣлъ соединить удивительную вѣрность этого языка съ требованіями чистаго вкуса, съ условіями изящнаго искусства? Чьи романы были первые проникнуты истиннымъ, благороднымъ патриотизмомъ? Въ чьихъ романахъ увидѣли вы въ первый разъ русское чувство и вполне народное, неподражательное направленіе? На эти вопросы и отвѣчать не нужно. Каждый непредубѣжденный читатель,

безъ нашего отвѣта, назоветъ Загоскина. Это нашъ второй, неподражаемый Крыловъ; только онъ выразился не въ басняхъ, а въ романахъ. Не всѣ его романы равнаго достоинства, но въ каждомъ, рѣшительно въ каждомъ, вы найдете множество первоклассныхъ красотъ и притомъ красотъ русскихъ, оригинальныхъ, ни у кого не заимствованныхъ. Басни Крылова, переведенныя на французскій языкъ, доказали, что онѣ непереводамы, что ихъ должно читать въ подлинникѣ; иначе нельзя понять и почувствовать всей ихъ прелести. То же слѣдуетъ сказать и о романахъ Загоскина. Не думайте, что народнымъ языкомъ писать легко; что только стоитъ подслушать, какъ говорятъ простолюдины, да и вносить все подслушанное прямо на страницы литературнаго промаведенія. Такъ и дѣлали подражатели Загоскина, которыхъ онъ увлекъ во множествѣ за собою, какъ Державинъ, какъ Пушкинъ, какъ всѣ истинные, высокіе таланты. Немногимъ изъ подражателей Загоскина посчастливилось, потому-что у нихъ самихъ было дарованіе, былъ вкусъ. Но зато въ безднѣ книгъ мы увидѣли только мужицкій тонъ разговора и болѣе ничего, такъ - что эти неудачныя копіи прискучали наконецъ публикѣ и охладили се нѣсколько къ самому подлиннику. Дорого бы дали и Державинъ, и Пушкинъ, и Загоскинъ, чтобы ихъ не провожала почетная свита подражателей. Оды Державина въ свое время чуть было не произвели лирическаго потопа. Изъ всѣхъ чернильницъ полились оды и оды. За стихотвореніями Пушкина потянулся, въ видѣ столбца нашихъ древнихъ грамотъ, безконечный листъ бумаги, исписанный четырехсторонными яббами. Тутъ были и поэмы, и посланія, и элегіи, въ которыхъ бездарные подражатели пересыпали жемчужины Пушкина, какъ въ калейдоскопѣ, перемѣшавъ ихъ съ бусами своего вздѣлія и съ битыми стеклами. За народными, прелестными картинами Загоскина, явилась бездна лубочныхъ картинокъ съ изобра-

женіемъ мужиковъ, извошниковъ, деревенскихъ бабъ, и прочее, и прочее.

Но не однѣ вѣрныя, народныя картины составляютъ достоинство произведеній Загоскина. Посмотрите, какъ слога его, при благородной простотѣ, живописенъ, какъ онъ чуждъ всякой напыщенности, натяжекъ, какъ онъ отчетливъ и оригиналенъ. Загоскинъ не подражаетъ никому, ни Англичанамъ, ни Нѣмцамъ, ни Французамъ. Онъ писатель вполне *русскій* и по чувствамъ, и по мыслямъ, и по ихъ выраженію. Какъ хорошо, какъ удачно обрисовываетъ онъ и выдерживаетъ характеры. Къ достоинствамъ произведеній Загоскина должно причислить еще то, что въ каждомъ изъ нихъ видна благородная любовь къ отечеству, самостоятельность своего, *русскаго* взгляда, прелесть вымысла, всегда согласная съ нравственною цѣлью. Мы знаемъ, что многіе мнѣ, вѣрнѣе сказать, немногіе, прочитавъ сказанное выше, закричатъ, что цѣль поэзіи не есть нравственное наставленіе, не есть убѣжденіе въ какой-нибудь истинѣ. Правда; но неужели съ другой стороны можно согласиться, что поэзія имѣетъ право пренебрегать нравственность, расписывать въ привлекательныхъ образахъ пороки и развратъ, и подчивать чело-вѣческій родъ ядомъ, поднося его, какъ нектаръ, въ золотой чашѣ, увитой розами. Покорнѣйше благодаримъ за такую поэзію! Поэзія должна возвышать, облагораживать, питать душу человѣка, никогда не измѣняя въ созданіяхъ свободной фантазіи вѣчнымъ идеаламъ *истины, добра и красоты*. Жалокъ, презрителенъ писатель, отъ произведеній котораго, каждый благообразный отецъ, каждая добродѣтельная мать берегутъ своихъ дѣтей, какъ отъ чумы. Любовь родителей къ дѣтямъ, вложенная въ сердца Творцемъ вселенной, лучше и вѣрнѣе всѣхъ философскихъ системъ, всѣхъ высокоумныхъ разсужденій, различаетъ и опредѣляетъ: что полезно и что вредно чело-вѣчеству. Какъ бы ни былъ

огроменъ талантъ писателя, какъ бы ни шумѣла про него слава, но онъ, повторяемъ, жалокъ и презрителенъ, если не остается вѣрнымъ въ своихъ твореніяхъ идеаламъ истиннаго, добраго и прекраснаго: онъ тѣмъ болѣе виновенъ, чѣмъ сильнѣе дарованіе, данное ему Богомъ и употребленное во зло. Нашъ философъ-баснописецъ не даромъ посадилъ такого сочинителя въ одинъ котель, а разбойника въ другой. Кстати намъ пришелъ теперь на память разговоръ, который мы имѣли лѣтъ съ десять назадъ, съ этимъ почтеннымъ философъ-баснописцемъ. Онъ жилъ тогда въ зданіи, принадлежащемъ Императорской Публичной Библиотекѣ. Въ нижнемъ этажѣ этого зданія существуетъ донинѣ рядъ книжныхъ лавокъ. Изъ кабинета баснописца была видна на дворѣ довольно высокая березка. Онъ говорилъ, сидя на турецкомъ диванѣ, въ утреннемъ халатѣ; я долго слушалъ и наслаждался. Разговоръ наконецъ коснулся цѣди поэзіи. Она не должна быть, сказалъ онъ послѣ многихъ, прекрасныхъ разсужденій: не должна быть пустымъ празднословіемъ; она должна выбирать предметы прекрасные, а что противно истинѣ и добру, то не можетъ быть никогда прекрасно. Пусть самый сильный талантъ обрабатываетъ предметъ вздорный или ложный и безнравственный. Мы читаемъ легкіе, искусные, прелестные стихи, и только; но въ нихъ не будетъ прелести поэзіи. Не въ легкости стиховъ, не въ одномъ искусствѣ все дѣло. Да вотъ, можно сдѣлать сравненіе. Видите ли тамъ березку? Если бы я достигъ такой легкости, (хоть это невѣроятно) что началъ бы прыгать черезъ эту березку, или достигъ бы такого искусства, напримѣръ, хоть въ стрѣльбѣ изъ ружья, что могъ бы изъ этого окна безъ промаха попадать въ правый глазъ каждому проходящему по улицѣ. Вотъ и началъ бы я сначала прыгать черезъ березку. Конечно всѣ бы удивились, всѣ бы книгопродавцы внизу высыпали изъ своихъ лавокъ. «Посмотрите-ка, Иванъ-то

Андреевичъ какъ прыгаетъ», сказали бы они: «это чудо!» А я себя прыгаю и такъ и этакъ. «Однако жъ для чего это онъ прыгаетъ?» начали бы наконецъ зрители спрашивать другъ друга. «Да Богъ вѣсть! А легко прыгаетъ!» Точно также можно сказать: легки стихи, куда, какъ легки, да для чего они написаны? И придется отвѣчать: Да Богъ вѣсть! Попрыгавши, вошелъ бы я въ комнату, сѣлъ бы къ этому окну и началъ бы стрѣлять изъ ружья въ прохожихъ. Хлопъ, и праваго глаза какъ не бывало! Въ правый глазъ такъ и попадаю безъ промаха. Наконецъ является ко мнѣ квартальный. «Пожалуйте, Иванъ Андреевичъ!» — Куда пожаловать? — «Да васъ велѣно взять.» — Какъ взять? За что? — «Да вы изволили перепятнать изъ ружья многихъ прохожихъ.» — Такъ что жъ! Я не хотѣлъ никому вредить, а хотѣлъ показать только свое необыкновенное искусство. — «Конечно, искусство ваше удивительное, но все-таки пожалуйте.» Такъ точно и писателей, съ безнравственнымъ, вреднымъ направленіемъ, не можетъ оправдать никакое искусство. Жаль только, что имъ не всегда можно сказать: Пожалуйте!

Эти двѣ басни, два аполога, были сказаны экспромтомъ, въ бѣгломъ разговорѣ. Просимъ извиненія у почтеннаго философа-баснописца, что мы изложили теперь на бумагѣ то, что столько лѣтъ хранили въ памяти, какъ сокровище.

При чтеніи романовъ Загоскина, никогда не придетъ въ голову вопросъ: для чего это написано? У него всегда есть цѣль и притомъ цѣль самая благородная и нравственная. Не станемъ здѣсь рассказывать содержаніе его *Мирошева*. Это было бы лишнее, потому-что всѣ любители словесности или уже читали, или непременно прочтутъ новое произведеніе любимаго романиста. Хотѣли мы выписать изъ *Мирошева* нѣсколько мѣстъ, для указанія замѣчательнѣйшихъ красотъ, но этихъ мѣстъ столько, что глаза разбѣгаются. Не знаешь, которое выбрать,

которому отдать предпочтене. Такъ и хочется перепечатать всего *Мирошова*. Одно изъ самыхъ существенныхъ достоинствъ каждаго романа: искусно обрисовать и удачно выдержать характеры дѣйствующихъ лицъ. Этимъ достоинствомъ, сверхъ всѣхъ другихъ, въ полной мѣрѣ отличается *Мирошевъ*. Одинъ только характеръ мелкопомѣстнаго дворянина Андрея Фомича Зарубкина, какъ намъ кажется, сначала описанъ несовѣмъ согласно съ характеромъ, который является изъ его дѣйствій въ продолженіе романа. На страницѣ 14 второй части, Зарубкинъ описанъ плаксою. Это описаніе напомнило намъ забавнаго, премилаго плаксу Мутовкина въ *Официальномъ Обѣдѣ*; но авторъ отступилъ отъ своего описанія и превосходно изобразилъ Зарубкина низкопоклоннымъ сплетникомъ, льстецомъ и попрошайкой. Такимъ образомъ всякое сходство съ Мутовкинымъ исчезло, и романъ отъ этого выигралъ. Замѣченную неточность описанія исправить легко при послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ безъ сомнѣнія будетъ два или три, а можетъ-быть и пять, по примѣру *Юрія Милославскаго*. Пять изданій! Какая это свѣлая, неопровержимая антикритика противъ всѣхъ филишникъ тѣхъ ученыхъ, краснорѣчивыхъ и строгихъ рецензентовъ, которые дѣлаютъ неслыханныя чудеса, уничтожая всю русскую литературу, отказывая Загоскину въ талантѣ и сажая завѣты и напудренные развалины на сукъ дерева, при рѣкѣ Березинѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Слѣсь.

ИРЛАНДСКІЯ ДРЕВНОСТИ. Въ Англіи вышла нынче книга подъ заглавіемъ: *Сочиненія, касающіяся Ирландіи*. Эта книга есть первое изданіе, сдѣланное ирландскимъ Археологическимъ Обществомъ. До-сихъ-поръ, немногіе принимались за изслѣдованіе ирландскихъ древностей, и увлекались мечтательными теоріями, которыя они напередъ рѣшались защищать, во что бы то ни стало. Валансей и его послѣдователи, какъ будто для того, чтобы доказать истину Вольтерова изреченія, что «этимологія есть такая наука, въ которой гласныя не значатъ ничего, а согласныя — очень мало», отыскивали словесныя сходства во всѣхъ возможныхъ странахъ на свѣтѣ и находили ихъ всего болѣе тамъ, гдѣ ихъ было всего менѣе. Ирландцы, по его мнѣнію, суть одинъ и тотъ же народъ съ Финикійянами, по силѣ одного мѣста у Плавта, которое поэтъ, по всей вѣроятности, предназначалъ служить образцемъ испорченнаго языка; съ Египтянами, потому-что рѣка Нилъ могла получить свое названіе отъ Гей Найалей или О'Нейлей; съ нѣкоторыми американскими племенами, потому-что въ Америкѣ найдены были украшенія, подобныя ирландскимъ; съ Скитами, Индійцами, Персіянами, и даже съ Китайцами. Пріятно перейти отъ такихъ гипотезъ о прошедшемъ къ дѣйствительнымъ остаткамъ ирландскихъ летописей, законовъ и поэзіи, которые, безъ изысканій

Археологического Общества, вскоре впали бы въ совершенное забвеніе.

Въ лежащемъ передъ нами томѣ находятся два сочиненія: первое, поэма, написанная въ 942 году, и имѣющая предметомъ своимъ путешествіе принца Эличскаго для изстребованія заложниковъ отъ топарховъ, или мѣстныхъ вождей, которые, вѣроятно, намѣревались воспротивиться переходу къ нему власти надъ Ирландіею.

Поэма сочинена Кормоканомъ, бардомъ, сопровождавшимъ своего повелителя въ этомъ походѣ; задана она въ ирландскомъ подлинникѣ, къ которому присоединены переводъ и множество примѣчаній, исполненныхъ топографической и исторической учености, и приносящихъ честь уму и трудолюбію переводчика, господина Доневана. Сверхъ того, она обогащена картою Ирландіи, на которой означены мѣста, упоминаемыя въ поэмѣ, и которая, притомъ, можетъ служить прекраснымъ изображеніемъ географическаго состоянія острова въ десятомъ столѣтіи.

Герой поэмы — Мѣирчиртахъ, изъ рода Намаля; его имя, народное въ Ирландіи, было смягчено въ Мѣрккертагъ, Мѣртагъ, Моранарти, Маврицій, и наконецъ въ Мортаймеръ. *Мѣрккертагъ* изображаетъ самымъ близкимъ образомъ ирландское произношеніе, и мы будемъ его придерживаться. Въ исторіи, герой этотъ именуется Мѣрккертагъ, кожаныи-одѣяніи, потому-что во время своего похода для собранія заложниковъ, онъ роздалъ своимъ воинамъ кожи, которыя должны были служить имъ вмѣстѣ и верхней одеждою, и палатками. Поэтъ не забылъ объ этомъ обстоятельстве, говоря о привалѣ на холмѣ Элиа (Алленъ), въ графствѣ Кельдерскомъ, гдѣ такая защита была очень нужна въ зимнюю ночь.

«Мы провели ночь на холодномъ Элиа; снегъ шелъ съ сѣверо-востока, а намъ, безъ различія званія (rank), служили домами *единственно* наши кряжкія кожаныя одѣяніи.»

Мѣрккертагъ, оставивъ свою резиденцію Армо, въ графствѣ Донегальскомъ, пошелъ къ *Анг-Клейату*, нынѣшнему Дублину. Тогда этотъ городъ занимали Датчане, называемые поэтомъ «Галлами», именемъ, которое природныя Ирландцы давали всегда иностранцамъ. Пришельцы

эти только недавно были принуждены признать верховную власть повелителя Ирландии, и потому, очевидно, было необходимо, взять отъ нихъ какое-либо обезпеченіе ихъ вѣрности.

• Мы провели ночь въ прекрасномъ Атъ - Клейнѣ, что было непріятно Галламъ (то есть, Датчанамъ). Въ этой сильной крѣпости находилась дѣвушка, душою которой былъ сынъ. Найала: она вышла и оставила за собою стѣны, не смотря на то, что ночь была постоянно дурная. Богатое пособіе въ обильномъ количествѣ сала и хорошаго, перваго сорта хлѣба, вмѣстѣ съ золотомъ, въ видѣ пени за убійство, даны были Датчанами Мёркертагу, сыну Найала; и были даны части говядины и отличный сыръ доброю и распрекрасною королевою; и съ щедростію былъ надѣленъ каждый вождь цвѣтнымъ плащемъ. Мы взяли съ собою богатаго *Сойтирика*, и на меня возложена была обязанность стеречь его; на него не надѣли ни цѣпей на руки, ни свѣтлыхъ, крапкнхъ оковъ на ноги.

Когда экспедиція достигла рѣки Флейода, въ Оссори, воины были гостепріимно приняты топархомъ этого графства, тестемъ Мёркертага.

• Мы провели ночь у свѣтлой Флейоде; мы получили кормъ и пиво, и свиньи присланы были въ нашъ лагерь гостепріимными вождями Оссори. Зато, и люди Оссори получили въ собраніи вознагражденіе за свое гостепріимство: никто изъ нихъ не возвратился домой, не получивъ въ подарокъ прелестной одежды.

Оппозиціи угрожала опасность, когда Мёркертагъ достигнулъ Магъ Феймина (Золотой Долины, въ графствѣ Тинширери). Келлаганъ, топархъ Мьонстера, былъ большой соперникъ Мёркертага, но не приготовившись къ борьбѣ, потому-что экспедиція была предпринята въ глубокую зиму, онъ отсвѣтовалъ своимъ подданнымъ сопротивляться Мёркертагу; не смотря на этотъ благоразумный поступокъ, онъ былъ уведень заложникомъ, обремененный оковами.

• Мы провели ночь въ Магъ Фейминѣ, увѣренно и спокойно, и ночь въ Канелѣ, что въ Мьонстера; здѣсь была нанесена большая обида людямъ мьонстерскимъ. Здѣсь, по срединѣ огромной долины, были выстроены про-

тивъ насъ три отряда храбрыхъ, башенные, закаленные, ужасные, и притомъ такъ, что каждый отрядъ стоялъ противъ другаго. Мы сбросили съ себя верхнія одежды, какъ слѣдуетъ подданнымъ добраго государя; а прекрасный, блестящій Мейрчиртахъ былъ въ это время занятъ игрой въ шахматы. Тогда мужественный Каллаганъ сказалъ (и это было для насъ побѣдой): о, люди Мьюнстера, люди знаменитые! не противьтесь потомкамъ Іогана. Пусть лучше пойду я къ нимъ заложникомъ. Вѣдь насъ перебьетъ всѣхъ по-одиначкѣ, этотъ благородный народъ Мейрчиртаха. Поэтому, мы взяли съ собой Каллагана справедливаго, которому была воздана должная почесть, а именно: кольцо въ пятнадцать унцій на руку и крашкя, желѣзная цѣпь на ноги.»

Послѣ того войны Мейрчиртаха плясали подъ звуки музыки, которая, вѣроятно, превосходила мавританскіе кастаньеты.

«Музыка играла у насъ въ долины и въ нашихъ палаткахъ, а мы, прислушиваясь къ звукамъ ея, плясали нѣсколько времени; я думаю, тяжелый шумъ производило потрясеніе нашихъ жесткихъ одеждъ.»

Потомъ войско отправилось домой, и когда оно достигло небольшого озера въ графствѣ Донегальскомъ, Мёркертагъ послалъ повелѣніе своей королевѣ, приготовиться къ принятію его самого и его невольныхъ гостей.

«Изъ зеленаго Лохана не в-ичъ (Lochan na p-each) отправленъ былъ въ Элнчъ пажъ, которому было поручено сказать черноволосой Дѣддэръ, чтобъ она послала женщинъ варубить тростнику.» Возстанъ, о Дѣддэра! (говорилъ ей пажъ) «въ твой домъ идуть гости, и ты прими каждого изъ нихъ, какъ слѣдовало бы принять монарха.»

Употребленіе тростника вмѣсто стульевъ и ковровъ еще до нынѣ повсемѣстно въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи.

«Изъ тростника сдѣланы были скамьи и на нихъ разставлены отчасти кушанья, но вся жареная баранина была положена на дверяхъ, снятыхъ съ петель, такъ, что всѣ мы могли сказать по справедливости, что въ этотъ день у насъ былъ открытый домъ.»

Счетъ яствъ на обѣдъ, давномъ Мёркертаговой коро-

левой заложникашъ, изложенъ бардомъ обстоятельно и съ похвальною точностію:

«Двѣсти свиней, — дѣло не шуточное, — да двѣсти коровъ и двѣсти быковъ были убиты на пиршествѣ въ Эличъ, для Мѣирчиртахъ и заложниковъ. Шестьдесятъ кадокъ творогу, успокоивавшихъ алчные взоры войска, да достаточное количество веселящаго меду, даны были великодушнымъ Мѣирчиртахомъ. Да двѣнадцать чановъ лучшаго меду дано было королямъ Эрива, и обѣдъ изъ ста разныхъ кушаньевъ былъ благородно данъ имъ королевой безъ возмездія. Творогъ и вся трехлиственная трава съ кусками масла были съедены. Да, по крайней-мѣрѣ, три боченка сыворотки были опорожнены на этомъ пиршествѣ, кромѣ паханья и съѣвшагося молока, какъ увѣряютъ достовѣрные писатели.»

Щедрость, показанная королевой при этомъ пиршествѣ, была вознаграждена Мѣркертагомъ съ большою лихвой изъ добычи, набранной имъ въ только-что оконченномъ походѣ; изъ этого мы узнаемъ косвеннымъ образомъ, что имущество мужа и имущество жены считались отдѣльными собственностями въ томъ періодѣ, когда была написана поэма. Бардъ оканчиваетъ свою поэму рассказомъ о выдачѣ плѣнныхъ монарху Ирландіи и похвалами Мѣркертагу за участіе его въ этомъ походѣ.

Свойство нравовъ, изображенныхъ въ этой поэмѣ, служитъ доказательствомъ такого состоянія общества, которое не на большое разстояніе удалено отъ варварства. Если войско, состоявшее только изъ тысячи человекъ, могло обойти всю Ирландію и вездѣ силою установить покорность, то это доказываетъ достаточнымъ образомъ, что кланы были разсыяны на далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго и что между нихъ топархами не существовало никакого начала соединенія. Плата скотомъ и добычей, данная Мѣркертагомъ королеву, подтверждаетъ мнѣніе Камбрензиса, что въ Ирландіи было мало, или вовсе не было, ходячей монеты.

Второе сочиненіе есть новое изданіе «Описаніе Ирландіи, 1589 года», Роберта Пена. На него можно смотрѣть, какъ на прибавленіе къ сочиненіямъ, помѣщеннымъ въ сборникѣ

къ Сомерса, и относящимся къ исторіи покушенія Елисаветы, основать колоніи въ Мьюнстеръ.

Объявленія о сочиненіяхъ, приготовленныхъ къ изданію ирландскимъ Археологическимъ Обществомъ, обѣщаютъ много хорошаго. Безъ сомнѣнія суммы Общества дадутъ ему возможность, осмотрѣть библіотеки твердой земли, для отысканія въ нихъ ирландскихъ манускриптовъ, вывезенныхъ въ разные времена за границу. Въ Императорской Визской Библіотекѣ, какъ видно изъ ея каталога, есть много такихъ манускриптовъ; также въ Библіотекахъ Эскуріальской, Ватиканской, и въ огромной библіотекѣ Миланской.

Мы нарочно привели выше нѣсколько мѣстъ изъ поэмы барда Кормокана. Сравните ихъ съ краснорѣчивыми мѣстами нашего пѣвца, въ *Словѣ о полку Игоревомъ*. Какая разница!

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ. *Герцогъ Веллингтонъ.* Достопамятный былъ день въ лѣтописяхъ Англіи тотъ, когда положенъ конецъ огромному вопросу объ уравненіи католиковъ въ правахъ съ протестантами. Эта мѣра, которою пять или шесть милліоновъ Ирландцевъ и другихъ подданныхъ Великобританіи вдругъ призваны были къ жизни гражданской и политической, страшно волновала умы: приверженцы господствующей Церкви испускали яростные крики; газеты партіи ультра-тори бѣсновались; *Morning Journal* и *Standart* утверждали, что король, подписавъ этотъ билль, подпишетъ свое отрѣченіе; что папизмъ покроетъ всю Англію пепломъ и развалинами и что для нея насталъ послѣдній день. Аристократія, почти вся, трепетала отъ негодованія, видя, что одинъ изъ дѣтей ея, слава ея и надежда, первый налагаетъ святотатственную руку на древнее почтенное званіе *State and Church* (государства и Церкви.)

Второго Апрѣля 1829, въ засѣданіи верхней палаты, съ министерской скамьи всталъ, посреди громкаго ропота торіевъ, человекъ высокаго роста, во фракѣ застегнутомъ до верху, сухой, худой и вытянутый, съ орлинымъ носомъ, чрезвычайно длиннымъ лицомъ, рѣзкими, но не очень выразительными чертами. Вотъ онъ начинаетъ говорить; рѣчь его безцвѣтна,

холодна, безъ одушевленія, но въ ней много точности, твердости, ясности; онъ говоритъ, что обстоятельства не позволяютъ ему долѣе сопротивляться желаніямъ Ирландіи; что уравненіе католиковъ въ правахъ съ протестантами, есть мѣра, конечно, опасная, но что война междоусобная была бы еще пагубнѣе. Билль принять. Этотъ человекъ, который рисковалъ своей популярностію, совершая противъ воли дѣло великое, и наканунѣ за это самое дѣло стончески страдалъ съ пламеннымъ Англичаниномъ, лордомъ *Винчельси*, есть *Артуръ Веллестлей*, герцогъ *Веллингтонъ*, председатель тогдашняго кабинета, нынѣшній министръ, тогда и нынче знаменитѣйшій, и особенно счастливѣйшій человекъ во всей Великобританіи, уважаемый аристократами, обожаемый народомъ. Въ гербѣ благороднаго герцога изображенъ девизъ: *Virtutis fortuna comites*. Если бъ этотъ девизъ былъ справедливъ, если бъ добродѣтель и счастье шли всегда рядомъ, *Веллингтонъ* былъ бы добродѣтельнѣйшій въ мірѣ человекъ, потому что врядъ ли кто другой пользовался счастіемъ столь дивнымъ и столь постоиннымъ. Родъ его не изъ древнихъ, а между-тѣмъ имя его затмѣваетъ знаменитѣйшія имена самыхъ старинныхъ нормандскихъ домовъ. Въ продолженіи двадцати-лѣтней войны онъ одинъ никогда не помыслилъ своего знамени ни пораженіемъ, ни даже отступленіемъ; не одаренный отъ природы вдохновеніемъ, священнымъ огнемъ, составляющимъ гевій, онъ восторжествовалъ надъ величайшимъ гевіемъ новѣйшихъ временъ; не имѣя большихъ способностей государственнаго человека, онъ совершилъ въ политикѣ то, чего не могли сдѣлать *Питтъ*, *Фоксъ* и *Камилъ*. Счастливый воинъ въ государствѣ съ правленіемъ представительнымъ, онъ никогда не былъ принужденъ бороться съ недовѣрчивостію, несправедливостію и неблагодарностію. Признательность отечества сравнилась съ его заслугами, если только не превзошла ихъ: Англія надѣлила его дворцами и помѣстьями, осыпала милліонами, сдѣлала богаче и важнѣе многихъ владѣтельныхъ особъ. Вся европейскіе государи наградили его почестями, титулами и отличіями и даже Франція вписала имя его въ списокъ своихъ маршаловъ. Этотъ человекъ заклятый врагъ демократіи и между-тѣмъ пользуется народной любовью, ничѣмъ ей не жертвуя. Правда, разъ или два, Джонъ Булю вадумалось-было по-

кидать камнями въ его окна; герцогъ задымалъ ихъ рѣшетками; а Джонъ Буль на другой же день оглашалъ воздухъ рукоплесканіями, какъ скоро *Веллингтонъ* появился, Джонъ Буль снова готовъ былъ боксировать совсѣмъ нѣтъ, кто бы осмѣлился злословить его героя. Еще недавно, когда герцогъ былъ боленъ, англійскіе журналы разсердились до-красна за то, что королева иной день забывала послать навѣдаться о его здоровьѣ.

Смѣшно однако жъ объяснять всѣ успѣхи *Веллингтона* судьбою, какъ дѣлаютъ Французы: это средство слишкомъ легкое и пустое, и здѣсь всё-таки приходится вспомнить знаменитое изреченіе нашего великаго *Суворова* о счастьѣ. Пройдите воинское и политическое поприще герцога *Веллингтона*, просмотрите, изданные года два назадъ, двѣнадцать томовъ депешъ, обнимающихъ его кампаніи въ Индіи, Давидѣ, Португаліи, Испаніи и Франціи, и вы будете поражены твердостью, стойкостью, неизмѣннымъ хладнокровіемъ, которыми онъ всегда отличался. *Наполеонъ* говорилъ о немъ: «счастье сдѣлало для *Веллингтона* гораздо больше чѣмъ онъ для него». Сужденіе слишкомъ строгое, несправедливое. Впрочемъ не мудрено: *Наполеонъ* говорилъ это уже послѣ Ватерлооскаго сраженія. Нельзя не признать, что если счастье много сдѣлало для герцога *Веллингтона*, то и онъ умѣетъ всегда держаться на высотѣ своего счастья; что если онъ не принадлежитъ къ тѣмъ гевіямъ, которые владычествуютъ надъ своимъ въкомъ и служатъ его представителями, то, по-крайней-мѣрѣ, онъ чловѣкъ съ большими дарованіями, который законно пріобрѣлъ добрую долю своей славы.

Артуръ Веллеслей третій сынъ *Жерара Колли Веллеслей*, Виконта *Морринтона*, котораго отецъ *Ричардъ Колли Веллеслей* получилъ въ 1746 году титулъ барона *Морринтона*. *Артуръ* родился въ Донганъ-Кэстлѣ, въ Ирландіи, перваго Мая 1769, въ тотъ самый плодотворный годъ, когда родились *Наполеонъ*, *Камилль*, *Сультъ*, *Шатобрианъ*, *Вальтеръ-Скоттъ* и множество другихъ знаменитостей разныхъ родовъ. Онъ сначала воспитывался въ Англіи въ итонскомъ университетѣ, а потомъ отправленъ былъ во Францію, въ анжерское военное училище, которое пользовалось въ то время нѣкоторой славою. Осемнадцати лѣтъ, въ 1787 году, онъ вступилъ въ во-

енную службу прапорщикомъ. Покровительствуемый родственниками, онъ быстро прошелъ все низшіе чины, и въ 1794 году пожалованъ въ подполковники. Первый походъ свой совершилъ онъ въ этомъ году подъ знаменами герцога Йоркскаго; во время отступленія изъ Голландіи командовалъ одною изъ бригадъ арріергарда и заслужилъ похвалы главнокомандующаго.

Въ 1796 году онъ отправился со своимъ полкомъ въ Индію; въ слѣдующемъ году старшій братъ его, лордъ *Морингтонъ*, въ послѣдствіи маркизъ *Веллеслей*, наименованъ былъ генералъ-губернаторомъ англійскихъ владѣній въ Остъ-Индіи, и молодой *Артуръ* получилъ возможность выказать свои воинскія способности, дѣйствуя независимо. Тогда только-что началась война компаніи съ знаменитымъ *Типпо-Саибомъ*. Маратскій низамъ вступилъ въ союзъ съ Англичанами и *Веллеслей* былъ назначенъ командующимъ союзныхъ войскъ подъ главнымъ начальствомъ сэра *Д. Гэрриса* (Harris). Говорятъ, что въ первомъ и весьма жаркомъ дѣлѣ, при атакѣ одного укрѣпленнаго лѣса, человекъ, который въ послѣдствіи прославился своимъ хладнокровіемъ среди величайшихъ опасностей, не могъ безъ нѣкотораго волненія слышать свистъ индѣйскихъ пуль и прибѣжалъ къ сэру *Д. Гэррису* донести о неудачѣ своей экспедиціи. Англійскіе біографы, рассказывая объ этомъ обстоятельстве, всегда припоминаютъ, что *Фридрихъ II* бѣжалъ съ поля битвы при Мольвицѣ. Какъ бы то ни было, но на другой день *Веллеслей*, оправившись, загладилъ свою неудачу и взялъ этотъ несчастный лѣсъ.

Четвертаго Мая 1799 года, Англичане, послѣ убійственнаго приступа, овладѣли Серингапатомъ, столицею Мисора; трущ *Типпо-Саиба* былъ найденъ подъ грудой развалинъ и *Веллеслей*, который одинъ изъ первыхъ вступилъ въ городъ, назначенъ комендантомъ его или губернаторомъ. Въ слѣдующемъ году онъ разбилъ на-голову предводителя партизановъ, *Гондіана Вауна* (Hondiah-Waugh), который съ пятью-тысячнымъ корпусомъ сдѣлалъ набѣгъ на земли компаніи. Сэра *Артура* хотѣли было назначить командиромъ корпуса, который, подъ начальствомъ генерала *Берда*, отправился съ береговъ Гангеса къ берегамъ Нила, чтобы противостать Французамъ въ Египтѣ: тогда *Веллингтонъ* и *Бонапарте* сошлись

бы пятнадцатью годами раньше. Тяжкая болѣзнь не позволила ему участвовать въ этой экспедиціи, которая впрочемъ и не достигла своей цѣли, потому-что пришла на мѣсто, когда Египеть былъ уже очищенъ Французами.

Последняя большая война въ Индіи началась въ 1803 году. Восточные Мараты возстали подъ предводительствомъ *Синдіаи* (Scindiah), человека хитраго и ловкаго, который безпрерывно тревожилъ Англичанъ, нападалъ на нихъ въ расплохъ, увлекалъ ихъ въ погоню за собою и всегда увертывался у нихъ изъ рукъ. Сэру *Артуру* поручено было настичь и разбить его вчтѣбы то ни стало. *Веллеслей*, распоряжаясь съ неутомимною дѣятельностію, наконецъ, двадцать-третьяго Сентября 1803 года принудилъ его остановиться въ Асси, чтѣ въ Деканѣ. У Маратовъ было десять тысячъ пѣхоты, предводительствуемой европейскими офицерами, сорокъ тысячъ конницы и сто орудій; у сэра *Артура* только шесть или семь тысячъ человекъ. Началось сраженіе упорное, кровопролитное; подъ *Веллеслеемъ* убили двѣ лошади; онъ лишился трети своихъ людей, но за то непріятель былъ совершенно подавленъ. Последняя, рѣшительная побѣда одержанная въ Аргаумѣ, окончила войну и принудила *Синдіаю* покориться. Жители Калькутты воздвигли монументъ въ честь *Веллеслею*; онъ былъ произведенъ въ генералы и пожалованъ кавалеромъ ордена Бани.

Года черезъ три послѣ того, въ 1806 году, побѣдитель асійскій, аргаумскій преспокойно обучалъ свою бригаду въ одномъ городѣ, въ Англіи. Однако жъ онъ не долго томился въ политическомъ бездѣйствіи: жители Ньюпорта, на островѣ Уайтъ, выбрали его въ члены нижней палаты. Въ этомъ же году онъ женился на молоденькой Ирландкѣ, миссъ *Пекемъ*, сестра графа *Лотфорда*. Объ этой женитьбѣ рассказываютъ анекдотъ, чрезвычайно характеристическій, если только онъ справедливъ. Говорятъ, что бракъ былъ рѣшенъ еще до отъѣзда сэра *Артура* въ Индію и тогда это была женитьба по любви; между тѣмъ миссъ *Пекемъ* заболѣла жестокою оспою, которая оставила на лицѣ ея страшные слѣды: она была не похожа на себя, когда сэръ *Артуръ*, уже охлажденный разлукою, возвратился

въ Англію: по любви жениться на прежней невѣстѣ было уже невозможно и онъ женился по чувству долга.

Въ 1807 году, когда пала партія *Фокса* и лорда *Гренвилла*, *Веллеслей* былъ наименованъ статсъ-секретаремъ Ирландіи; но онъ не долго носилъ это званіе. Положено было сдѣлать внезапное нападеніе на Давію, и *Веллеслей* былъ прикомандированъ къ экспедиціи, состоявшей подъ начальствомъ лорда *Каткарта*; онъ командовалъ въ дѣлѣ при Кіогѣ, гдѣ разбитъ датскій генералъ *Линсмарк*, а послѣ бомбардированія Копенгагена, ему поручено было принять капитуляцію города.

Доселѣ победы, одержанныя сэромъ *Артуромъ* въ Индіи, не дѣлали большаго шума въ Англіи; онъ былъ еще не на первомъ планѣ, и только съ этого времени, въ 1808 году, началось его блистательное воинское поприще. Испанія, занятая *Наполеономъ*, со всѣхъ сторонъ воставала. Португалія, въ которой владычествовалъ *Жюно*, начинала сбрасывать съ себя иго этого вѣтреннаго Аякса. Англія воспользовалась новымъ случаемъ къ борьбѣ съ *Наполеономъ*. Сэръ *Артуръ Веллеслей*, пожалованный въ генералъ-лейтенанты, назначенъ былъ командиромъ дивизіи, которая отправлена сначала въ Коронью. Довольно плохо принятый галлиційскими патриотами, онъ обратился къ Оporto и рѣшился высадить войска свои въ Португаліи. Первая стычка его съ корпусомъ *Жюно*, происходила въ Ролахъ; черезъ нѣсколько дней потомъ, именно двадцать перваго Августа, въ Виміеро, *Веллеслей* принудилъ *Жюно* къ поспѣшному отступленію на Лиссабонъ. На другой день внезапное прибытіе новаго главнокомандующаго, сэра *Ю. Дарлмплла* (Hugh Darlymple) помѣшало ему воспользоваться своею побѣдою. Тридцатаго того же мѣсяца, заключена была въ Синтрѣ знаменитая конвенція, по которой Французы должны были очистить Португалію и возвратиться во Францію на англійскихъ корабляхъ, но не военноплавными. *Наполеонъ* изъявилъ за это свое неудовольствіе генералу *Жюно*, а генералъ *Дарлмплль* былъ отланъ въ Англіи подъ военный судъ. Сэръ *Артуръ Веллеслей*, узнавъ объ этомъ, тотчасъ отправился въ Англію, чтобы защищать въ парламентъ конвенцію, за которую онъ не дол-

женъ былъ отвѣчать. Однако жъ сэръ *Ю. Дарлиманъ* былъ смѣненъ и на мѣсто его назначенъ самъ сэръ *Артуръ*. Онъ возвратился въ Лиссабонъ 22 Апрѣля 1809.

Между тѣмъ дѣла въ Испаніи приняли выгодный для Французовъ оборотъ и *Сультъ* вступилъ въ Португалію. Онъ взялъ приступомъ Опорто и, въ ожиданіи подкрѣпленій, заключился въ этомъ городѣ съ 21,000 человекъ. *Веллеслей* приблизился къ Опорто. *Сультъ* не пожелъ возможнымъ держаться тамъ. Онъ сжегъ все обозы, начиная съ своего собственнаго, и приказалъ солдатамъ, бросивъ все свои вещи, нести на себѣ одни съѣстные припасы. Такимъ образомъ онъ отправился черезъ горы, посреди непріятельской земли, отбиваясь на каждомъ шагу, и благополучно привелъ отрядъ свой въ Испанію. Смѣлость этого знаменитаго отступленія, изумила самого *Веллеслея* и онъ по нынѣ называетъ это движеніе чудомъ тактики.

Такимъ образомъ Португалія была совершенно очищена Французами и *Веллеслей* получилъ повелѣніе отступить въ Испанію, чтобы дѣйствовать совокупно съ испанскими войсками. Онъ прибылъ въ Альтарасъ, соединился съ испанскимъ генераломъ *Кузстою*, и двадцать перваго Іюля 1810 года сразился съ *Викторомъ* и королемъ *Іосифомъ* близъ Талаверы. Побѣда осталась нерѣшенной и объ партіи приписывали ее себѣ. Англійскій парламентъ положилъ объявить генералу *Веллеслею* благодарность отечества и назначилъ ему двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ. Король наименовалъ его перомъ съ титуломъ лорда виконта *Веллингтона Талаверскаю*. *Викторъ* принужденъ былъ отступить къ Мадриту; но *Веллингтонъ* не могъ двинуться впередъ, потому-что *Сультъ* и *Ней* шли на него съ превосходными силами изъ Эстрамадуры, а *Массена* вступилъ въ Португалію. *Веллингтонъ* поспѣшилъ переправиться за Тахо, чтобы прикрыть Лиссабонъ. Тогда-то устроилъ онъ знаменитыя торресъ-ведрасскія укрѣпленія, простиравшіяся отъ моря до Тахо, укрѣпленія, которыя считаются чудомъ фортификаціи и передъ которыми *Массена* остановился въ изумленіи. Не получая никакихъ пособій изъ Франціи, *Массена* не могъ удержаться въ Португаліи и принужденъ былъ отступить. *Веллингтонъ*, возведенный въ званіе маркиза *Торресъ-Ведрасскаю*, неутомимо преслѣдовалъ

Массену и въ-слѣдъ за нимъ перешелъ въ Испанію. Дѣйствія его въ Испаніи были рядомъ блистательныхъ побѣдъ. Онъ взялъ приступомъ *Сіудадъ-Родриго* (двѣнадцатаго Февраля 1812 года) за что получилъ отъ кортесовъ почетный титулъ испанскаго графа, и герцога *Сіудадъ-Родриискаю* а отъ принца-регента графское достоинство; потомъ овладѣлъ *Бадахосомъ* и, командуя значительною арміею, состоявшею изъ Англичанъ, Испанцевъ и Португальцевъ, рѣшительно вступилъ въ Кастилію; тамъ онъ, въ знаменитомъ *Арапильскомъ* сраженіи, разбилъ на-голову *Мармона* и потомъ занялъ *Мадридъ*. При вѣсти объ этомъ событіи, *Султъъ*, осаждавшій *Кадисъ*, поспѣшилъ соединиться съ преемникомъ *Мармона*, генераломъ *Сугамомъ* (*Souham*) и освободилъ, осажденный Англичанами, *Бадахосъ*, въ которомъ держался съ небольшимъ отрядомъ храбрый генералъ *Дюбретонъ*. *Веллингтонъ* расположилъ войска свои на португальской границѣ.

Между тѣмъ *Наполеонъ*, видя гибель своей арміи въ Россіи, постепенно вызывалъ французскія войска изъ Испаніи. Въ 1813 году лордъ *Веллингтонъ* отправился въ *Кадисъ*, чтобы вступить въ личныя сношенія съ регентствомъ, былъ наименованъ генералиссимусомъ соединенныхъ армій англійской, испанской и португальской, и получилъ власть неограниченную.

Тутъ началась блистательная кампанія 1813 и 1814 годовъ, которая составляетъ главное право *Веллингтона* на славу. Онъ шелъ по слѣдамъ французской арміи, состоявшей подъ командою *Иосифа-Бонапартя* и *Журдала*, разбилъ ее на-голову при *Витторіи* (двадцать перваго Іюня 1813 гола), за что принца-регента пожаловалъ его въ фельдмаршала, а кортесы подарили ему владѣвіе *Сотта-ди-Рома*. Чтобы возстановить дѣла свои въ Испаніи, *Наполеонъ* прислалъ туда *Султъа* съ подкрѣпленіемъ; но *Веллингтонъ* разбилъ и *Султъа* и принудилъ его перенестись обратно за *Пиренеи*. Въ слѣдъ за тѣмъ, крѣпости *Пампелуна* и *Санъ-Себастьянъ*, защищаемыя Французами, сдались побѣдителю и, въ Октябрѣ 1813 года, онъ вступилъ съ союзною арміею во Францію. Между тѣмъ *Наполеонъ* снова прислалъ *Султъа* изъ *Бауцена*, чтобы противустать *Веллингтону*, но всѣ усилія его были тщетны: онъ принужденъ былъ отступать, и въ послѣдній разъ сражался съ англо-ис-

панскою арміею близъ Тулузы, десятаго Апрѣля 1814 года, когда Франція была уже занята союзниками, Парижъ уже десять дней какъ сдался, *Наполеонъ* отрекся отъ престола и *Лудовикъ XVIII* уже возсѣлъ на тронъ своихъ предковъ.

Депеши *Веллингтона*, касающіяся до испанской войны, чрезвычайно важны для изученія его характера. Странный воинъ этотъ человекъ. Онъ не безстрашный рубака, какъ *Мюратъ*, *Ней*, или нашъ *Милорадовичъ*, не великій стратегистъ, не эпическая голова обильная созданіями гигантскими и внезапными, какъ *Наполеонъ*; онъ, просто, генералъ истинно англійскій. Въ немъ удивительное смѣшеніе флегмы, энергіи и стойкости. Онъ даетъ сраженія, но почти никогда не предлагаетъ ихъ. Въ нападеніи онъ иногда вѣлъ или неблагоразуменъ, но въ сопротивленіи всегда превосходитъ. Ничто его не удивляетъ, не смущаетъ, не волнуетъ: онъ точно также чуждъ энтузіасма какъ и малодушія. Замѣчательно, что въ этихъ двѣнадцати томахъ документовъ, касающихся до военныхъ дѣйствій, о славіи не говорится ни разу. Онъ не знакомъ съ могуществомъ воинскаго красноречія, или пренебрегаетъ имъ; но у него нѣтъ и высокой простоты *Нельсона*, который за часъ до Трафальгарской битвы, сказалъ своимъ морякамъ: «Англія надѣется, что каждый изъ васъ исполнитъ сегодня долгъ свой.» Сущность всехъ воззваній *Веллингтона* къ своимъ солдатамъ состоитъ въ слѣдующемъ: «Вы сыты, хорошо одѣты, жалованье получаете исправно: кто не исполнитъ своего долга, тотъ будетъ повѣшенъ.» Къ этому надобно еще присовокупить точность купеческую, любовь къ порядку, доходящую до мелочности, и самое строгое уваженіе къ мелкимъ, жалкимъ правамъ, которыя война такъ часто попираетъ ногами. Этотъ генералиссимусъ трехъ арій сводитъ цифры, какъ добрый бухгалтеръ, съ одинаковымъ хладнокровіемъ, равно тщательно, раздаетъ войскамъ награды и выговоры, шинели, сапоги, жалованье и съѣстные припасы.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытно письмо герцога къ лорду *Батурсту* изъ Сенъ-Жанъ-де-Люса. Генералиссимусъ горько жалуется министру: правительство, говоритъ онъ, оставляетъ меня въ совершенной нуждѣ; безъ денегъ побѣждать невозможно; армія вся въ долгахъ. Для довершенія картины, онъ прибавляетъ: «Я не сизю выйти изъ

дому, потому что кредиторы публично атакуютъ меня, требуя уплаты долга. • Надобно замѣтить, что *Веллингтонъ* находился тогда въ непріятельской землѣ и что было у него около ста тысячъ человекъ подъ ружьемъ; вспоминая какимъ образомъ нѣные генералы, особенно французскіе въ Италіи и Испаніи, платили долги свои, нельзя не уважать побѣдителя, который прачется отъ кредиторовъ своей арміи. Благодаря нравственной строгости *Веллингтона*, въ англійскихъ войскахъ всегда сохранилась совершенная дисциплина; но ему не легко было совладать со всякимъ сбродомъ Испанцевъ и Португальцевъ, которые бросились на Францію, какъ на добычу, которая должна вознаградить ихъ за все, что они терпѣли отъ Французовъ въ своей землѣ. • Я команду, пишетъ онъ въ одной бумагѣ, величайшими негодяями, (*greatest rascals*) какія только есть на свѣтѣ. • Чтобы эти люди не могли грабить, онъ по цѣлымъ днямъ держалъ ихъ подъ ружьемъ. Однажды, какой-то добрый человекъ изъ окрестностей Байонны въ письмѣ къ генералиссимусу, спрашиваетъ куда дѣвались лошади и охотничье ружье, отнятыя у него Испанцами; и лордъ *Веллингтонъ*, между двумя генеральными сраженіями, принимается отыскивать ружье и лошадь. Не могли отыскать ихъ, онъ пишетъ къ просителю письмо, исполненное самаго милого добродушія, сообщаетъ ему о своихъ тщетныхъ стараніяхъ и приглашаетъ его въ главную квартиру, чтобы видѣть отыскать ружье и лошадь. Любители историческихъ рѣдкостей дорого дали бы за это безподобное письмо.

По отреченіи *Наполеона*, *Веллингтонъ* поехалъ въ Парижъ; но въ этотъ разъ пробылъ тамъ не долго. Возведенный въ званіе герцога, онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ его приняли съ величайшимъ энтузіазмомъ, и вскорѣ потомъ былъ посланъ на вѣискій конгрессъ.

Пока конгрессъ совѣщался, получено было извѣстіе, что *Наполеонъ* снова во Франціи; сначала никто не вѣрилъ этому странному извѣстію и всѣ думали, что онъ погибнетъ при первыхъ шагахъ. *Веллингтонъ* зналъ его лучше, чѣмъ другіе, и сказалъ: • Если *Наполеонъ* во Франціи, то онъ уже въ Парижѣ. • Герцогъ тотчасъ предложилъ свои услуги конгрессу и былъ назначенъ главнокомандующимъ союзныхъ армій. Онъ послѣшно отправился въ Нидерланды, чтобы условиться

съ *Блюхеромъ* о планѣ кампаніи, и потомъ восторжествовалъ еще въ одной изъ тѣхъ гигантскихъ битвъ, которыя составляютъ Наполеоновскую Игіду.

Все знаютъ исторію, или, по-крайней-мѣрѣ, всѣмъ читалъ хоть одну исторію Ватерлооскаго сраженія; а какъ ихъ, по-крайней-мѣрѣ, пятьдесятъ, изъ которыхъ ни одна на другую не походить, то мы не станемъ, подобно многимъ кабинетнымъ стратегистамъ, разбирать, действительно ли Французы застали *Веллингтона* въ распlohъ на бивуакѣ, какъ говоритъ *Наполеонъ*, или нѣтъ, какъ говоритъ *Веллингтонъ*, и за нимъ *Вальтеръ-Скоттъ*; точно ли побѣда была уже на сторонѣ Французовъ, когда пришли Пруссаки, какъ говоритъ *Наполеонъ*; или еще не рѣшена, какъ говоритъ *Блюхеръ*; или на сторонѣ Англичанъ, какъ говоритъ *Веллингтонъ*; виноватъ ли *Груши*, какъ говоритъ *Наполеонъ*, или *Груши* невозможно было поступить иначе, какъ говоритъ *Груши* и прусскій генералъ *Мюфлингъ*.

Вѣрно только то, что англійская армія, уступавшая французской въ числѣ, выдерживала, не разстроиваясь, нѣсколько часовъ, упорныя атаки превосходныхъ войскъ, предводимыхъ величайшимъ полководцемъ новейшихъ временъ. *Наполеонъ* самъ говоритъ, что Англичане изумили его. Правда, онъ прибавляетъ, что распоряженія *Веллингтона* были ни на что не похожи; но въ такомъ случаѣ возможно ли, чтобы войска, какъ бы храбры они ни были, поставленныя въ невыгодное положеніе, командуемыя плохимъ генераломъ, могли выдерживать цѣлый день непрерывныя атаки кирасировъ *Келлермана*, натискъ старой гвардіи, предводимой *Неемъ* и маневры *Наполеона*! Достоверно, что, когда Пруссаки пришли и *Бюлловъ* атаковалъ арріергардъ, шотландскіе полки были почти уничтожены, но не отступали ни на шагъ.

Сравнивать этихъ двухъ полководцевъ не должно; да и нельзя: одинъ изъ нихъ герой несравненный, и самъ *Веллингтонъ* не разъ говорилъ о немъ: «онъ насъ всѣхъ поучить»; но справедливость требуетъ поставить противъ французскаго орла, сидящаго на высотѣ фермы Бель-Альянсъ, англійскаго леопарда, прижавшагося тыломъ къ склонамъ *Mont-Saint-Jean*. Одному принадлежитъ стреми-

тельность атаки, другому холодная стойкость сопротивленія. *Веллингтонъ* и не поморщился, когда весь его генеральный штабъ, за исключеніемъ только одного человѣка, палъ вокругъ него. Шесть-сотъ офицеровъ и тринадцать-тысячъ солдатъ лежали на полѣ битвы, раненые или убитые; если бѣ *Блюхеръ* не подошелъ во-время, то можетъ быть, англійская армія, истомленная долговременными усиліями и непрерывнымъ натискомъ непріятелей, принуждена была бы отступить, но сраженіе, во всякомъ случаѣ, было бы благородно проиграно.

Послѣдовавшія за тѣмъ событія такъ извѣстны, что мы не считаемъ нужнымъ рассказывать ихъ подробно. Къ чести *Веллингтона* надобно сказать, что онъ, подобно Императору Александру, былъ расположенъ къ мѣрамъ кроткимъ. Его назначили главнокомандующимъ арміи, которая осталась во Франціи, и по-этому онъ жилъ нѣсколько времени въ Парижѣ. Французы упрекаютъ его только въ томъ, что онъ былъ главнымъ виновникомъ строгаго заточенія *Наполеона* и самъ предложилъ для этого островъ Святой Елены. Зато *Наполеонъ*, въ предсмертный часъ свой, ослѣпленный ненавистію къ своему побѣдителю, унижился до того, что вписалъ въ свое завѣщаніе имя человѣка, который, въ 1818 году, сдѣлалъ покушеніе на жизнь *Веллингтона*. Больно и досадно! Какъ не вспомнить при этомъ о *Людвигѣ XVI*, который, въ завѣщаніи, простилъ судьямъ своимъ, и Принца Черномъ, который самъ прислуживалъ за столомъ побѣжденному королю!

Послѣ Ахенскаго мира, *Веллингтонъ*, осыпанный почестями и богатствами, возвратился въ Лондонъ. Съ этого времени начинается собственно политическая жизнь его. Засѣдая въ верхней палатѣ, онъ принялъ, въ министерство лорда *Ливерпула*, званіе гресмейстера артиллеріи. При вступленіи *Каннинга* въ министерство, *Веллингтонъ* былъ отправленъ на веронскій конгрессъ, и тамъ сильно противился вмѣшательству Французовъ въ дѣла Испаніи. Въ 1827 году, по кончинѣ герцога *Йоркскаго*, онъ былъ наименованъ главнокомандующимъ англійской арміи и вскорѣ сталъ явно противиться въ верхней палатѣ либеральному направленію *Каннинга*. По смерти этого знаменитаго государ-

ственного человѣка, слабое министерство лорда *Гудрича* не долго въ состояніи было противиться вступленію торіевъ въ кабинетъ, и въ Январѣ 1828, *Веллингтонъ* былъ наименованъ первымъ лордомъ казначейства (первымъ министромъ). Ораторомъ и представителемъ этого кабинета въ нижней палатѣ былъ сэръ *Робертъ Пилъ*. Торіи по рожденію и по сердцу, лордъ *Веллингтонъ* своимъ чистосердечіемъ и благородствомъ своего характера приобрѣлъ этому министерству любовь народную. Увлекаемый своими мнѣніями, онъ уступалъ, не скрывая своего отвращенія отъ нововведеній, но однако жъ уступалъ. Онъ поддерживалъ билль объ уравненіи католиковъ въ правахъ съ протестантами, а между-тѣмъ считалъ его пагубнымъ. Въ 1830 году, когда представленъ былъ билль о реформѣ выборовъ, лордъ *Веллингтонъ* объявилъ, что всѣми силами будетъ противиться всякому преобразованію и, при первомъ случаѣ, уступилъ мнѣнію министерства виговъ, состоявшему подъ предсѣдательствомъ графа *Грея*. Въ 1832 году, онъ снова сдѣлался членомъ кабинета подъ предсѣдательствомъ сэра *Роберта Пила*, но вскорѣ оставилъ свое мѣсто. Слѣдующій годъ, не смотря на разстроенное состояніе своего здоровья, онъ продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и нынѣ занимаетъ мѣсто министра, не имѣя впрочемъ никакого особаго департамента.

Веллингтонъ, конечно, не можетъ похвастаться великимъ государственнымъ человѣкомъ; но въ политикѣ, какъ и въ военномъ дѣлѣ, онъ отличается удивительною дѣятельностію, стойкостію и прямымъ, благороднымъ характеромъ. Когда герцога *Веллингтона* не ставеть, Англія лишится въ немъ знаменитѣйшаго своего военачальника со временъ *Мальборо* и если не политическаго генія, то, по-крайней-мѣрѣ, человѣка съ душой возвышенною.

Въ частной жизни его, все запечатлѣно воинственнымъ характеромъ; въ помѣстьѣ его, *Апплей-Гаузь*, всѣ стѣны увѣшаны картинами, изображающими его подвиги, начиная съ *Индіи* и до *Ватерлоо*; но всего охотнѣе вспоминаетъ онъ о своей испанской кампаніи, и въ бесѣдѣ со старинными пріятелями любитъ разговаривать о своихъ походахъ. Лордъ *Веллингтонъ* въ связяхъ со всѣмъ дипломати-

ческимъ корпусомъ, и особенно былъ друженъ съ нашимъ *Поццо-ди-Борго*; вообще онъ живетъ со всею пышностію настоящаго англійскаго аристократа.

ПАМЯТНИКЪ ЮРІЮ ИВАНОВИЧУ ВЕНЕЛИНУ, воздвигнутый Одесскими Болгарами, уже привезенъ изъ Италіи въ Одессу и скоро отправится въ Москву, на могилу покойнаго, въ Даниловскомъ монастырѣ. Этотъ рѣдкій ученый не былъ опѣненъ современниками; заслугамъ его на поприщѣ исторической критики только теперь начинаютъ отдавать справедливость. «Первый», говоритъ знаменитый Шлецеръ, «кто изгналъ изъ французской исторіи Пріама, изъ британской Брута, изъ нѣмецкой Ашкеназа Саксо и Франка, вѣрно отъ современниковъ своихъ былъ почтенъ за невѣрующаго и даже нажилъ враговъ; второе поколѣніе само уже начало сомнѣваться; а третье совершенно примирилось съ первымъ невѣрующимъ и даже сдѣлалось ему благодарнымъ.» Эта исторія сбылась въ наше время надъ Венелинымъ, который въ своихъ сочиненіяхъ дѣлалъ опыты возсозданія отдаленныхъ эпохъ русскаго народа. Редакція повторяетъ, что «по своему независимому положенію *Сынъ Отечества* не будетъ отголоскомъ какой-нибудь литературной партіи,» и что «самое названіе журнала налагаетъ на него обязанность стремиться къ главной цѣли: быть *вѣрнымъ* отголоскомъ общаго мнѣнія всѣхъ сыновъ отечества,» а въ слѣдствіе того, она рѣшилась познакомить ближе читателей *Сына Отечества* съ жизнію и трудами этого необыкновеннаго человѣка. Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ помѣстится объ немъ статья Н. В. Савельева; а до-тѣхъ-поръ читатели могутъ обратиться къ 44-му номеру Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, этой отличной газетѣ, издаваемой подъ редакціею А. Н. Очкина: тамъ уже напечатано полное свѣдѣніе о памятникѣ и о лицахъ, которые достойно почтили память Венелина.

Мы назвали *Санктпетербургскія Вѣдомости* отличною газетою, и спѣшимъ доказать наше мнѣніе, пользуясь случаемъ обратить на нихъ вниманіе читателей *Сына Отечества*. Прежде всѣхъ другихъ журналовъ и газетъ, знакомя русскую публику съ событіями заграничными и внутренними, *Санктпетербургскія Вѣдомости* чуждаются всяка-

го духа партій, раздирающихъ современную нашу литературу, и сообщаютъ самыя свѣжія и, главное, *варныя* свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ книжнаго міра. Въ Одессѣ, на примѣръ, вышла новая любопытная книга «Девница Ново-Болгарскаго образованія», написанная В. Е. Априловымъ; еще ни въ одномъ изъ нашихъ періодическихъ изданій никто и не извѣстилъ объ этомъ сочиненіи господина Априлова, а *Самтпетербургскія Вѣдомости* (№ 53) уже познакомили съ нею своихъ читателей. Пользуясь правомъ журнальнаго корсарства, мы рѣшились перепечатать статью Н. В. Савельева объ этой книгѣ. Читателямъ *Сына Отечества* конечно пріятно будетъ видѣть, какъ на горизонтѣ славянскаго міра загарается —

ДЕННИЦА НОВО-БОЛГАРСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ. «Цѣль этой книги», пишетъ Н. В. Савельевъ, «показать начало развитіе вновь возникающей болгарской образованности и познакомить Русскихъ съ тѣмъ изъ племенъ славянскихъ, которое, будучи съ нами одного происхожденія и одного вѣроисповѣданія, такъ мало извѣстно въ Россіи — къ стыду нашихъ ученыхъ. Передъ послѣднею войною съ Турціей, они только говорили о Грекахъ, не подозревая, что *славянское народонаселеніе Балканскаго Полуострова* (Сербы и Болгаре) *въ-четверо больше, нежели число всѣхъ Турковъ и Грековъ вмѣстѣ*. Воспоминанія о Византійской Имперіи вытѣснили память о могущественномъ царствѣ Всеболгарскомъ, и влатовѣнчаный левъ* Древней Болгаріи лежитъ еще на землѣ.

«Турецкое иго стерло всѣ слѣды образованности Болгаръ. Православныя церкви болгарскія срыты или обращены въ мечети; книги всѣ истреблялись; мало по малу болгарскій народъ погрузился въ совершенное невѣжество. Патриаршество болгарское уничтожено; а греческіе іерархи нисколько не заботились о народѣ, для нихъ чуждомъ. Училища всѣ были уничтожены; а при недостаткѣ ихъ, туземное болгарское духовенство не могло стать выше народа: всѣ высшія достоинства отдавались духовенству греческому. Къ тому же, политика турецкаго правительства

* Гербъ царства Всеболгарскаго.

не дозволяла Болгарамъ сооружать церкви; даже возобновленіе старыхъ церквей сопряжено было съ величайшими затрудненіями, требовало огромныхъ пожертвованій. Такія неблагопріятныя обстоятельства, немѣнне собственной іерархіи, недостатковъ церквей и болгарскаго бѣлаго духовенства, были причиною, что нѣные переходили въ магометанство, другіе прикидывались Греками, бросая все напоминавшее ихъ народность.

• Въ такомъ положеніи были несчастные наши братья по вѣрѣ и крови, подъ властію Турковъ. Магометанство губило Болгаръ, отъ которыхъ мы получили переводъ Св. Писанія и самую грамату*, съ которыми были нѣкогда въ непрерывныхъ сношеніяхъ и которые наконецъ начинаютъ пробуждаться отъ глубокаго сна.... Книга покойнаго *Юрія Ивановича Венелина* «Древніе и нынѣшніе Болгаре», напомнила свѣту о забытомъ, но нѣкогда славномъ племени, и послужила основаніемъ ихъ умственнаго возрожденія. Въ сочиненіи *В. Е. Априлова* мы находимъ самыя полныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Габровское училище, открытое втораго Января 1835 года, навсегда упрочено было приношеніями достопочтенныхъ ревнителей отечественной славы, господами *Априловымъ*, *Палаузовымъ* и другими. Графъ *М. С. Воронцовъ* исходатайствовалъ у Государя Императора позволеніе воспитывать на казенномъ иждивеніи въ Одесской Семинаріи четырехъ юношей изъ Болгаръ, которые, окончивъ курсъ, могли бы служить для единородцевъ преподавателями Слова Божія. Менѣе чѣмъ въ шесть лѣтъ открыто было въ Болгаріи 12 учебныхъ заведеній. Въ нихъ введена метода взаимнаго обученія; всѣ они получили учителей, таблицы, грамматику и прочія пособія изъ первоначальнаго своего расадника, мѣстечка Габрова. Дай Богъ только, чтобы грекоманія у Болгаръ мало по малу ослабвала и уступала мѣсто своему, отечественному, родному; изученіе староболгарскаго нарѣчія (или нашего церковнаго) необходимо и для очищенія нынѣшняго болгарскаго нарѣчія отъ турецизмовъ и грецизовъ,

* Кириллъ и Мееодій были природные Болгаре изъ города Солуны, см. «Болгарскіе Книжки», соч. В. Априлова (Одесса, 1840).

которые вкрались въ него, и для тѣснѣйшаго сближенія съ Россією.

«Во времена болѣе счастливыя», пишетъ господинъ *Априловъ*, «когда лучъ просвѣщенія, при помощи единокровной Россіи, озаритъ нынѣшнихъ чадъ Болгаріи, когда вся Россіе поставятъ себѣ въ нѣкоторую обязанность покровительствовать развивающемуся нынѣ желанію Болгаръ образоваться, а Болгаре будутъ обрабатывать кромѣ новой и старую свою литературу, они, можетъ-быть, принесутъ дань Россіи своими способностями и ревностію!»

Да исполнится желаніе почтеннаго патриота Болгарина! Россія всегда славилась благотворительностію: вѣдь помогали же Русскіе единовѣрнымъ Грекамъ; неужели откажутся вспомоществовать единовѣрцамъ и единоплеменикамъ своимъ, Болгарамъ? Примѣръ, поданный Государемъ Императоромъ, не останется безъ подражанія: Русскіе, конечно, окажутъ помощь возникающему образованію своихъ братій по вѣрѣ и крови.

«Любопытная книга *В. Е. Априлова*, вѣроятно, скоро получитъ здѣсь. Она будетъ продаваться въ пользу Габровскаго Училища, и, безъ сомнѣнія, найдется множество покупателей.»

Къ этимъ свѣдѣніямъ, для полноты, не худо присоединить новѣйшія извѣстія, полученныя въ Одессѣ, и напечатанныя въ книгѣ господина *Априлова* «Болгарскія книжницы», о которой мы говорили выше въ отдѣленіи *Критики* (стр. 9.)

НЕПОГРѢШИТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ПРАВОСУДІЯ. Въ началѣ 1684 года, (давно, но не въ томъ дѣлѣ) жилъ въ Лондонѣ богатый негодіантъ, ревностный приверженецъ Кромвеля. Онъ, не безъ причины, боялся возвращенія *Карла II*. Пени и конфискаціи его не страшили, но ему не хотѣлось, чтобы единственный сынъ его попалъ въ тюрьму, или чтобы, такъ называемые кавалеры, приверженцы фамиліи *Стуртовъ*, вызвали молодого человѣка на дуэль за мнѣнія престарѣлаго отца. Для безопасности, онъ вздумалъ удалить его, то есть, сына своего *Ричарда Ванбрука*, на время изъ Лондона, и *Ричардъ* отправился въ Норвичъ, къ своему товарищу и пріятелю *Джоселиму Стевардсу*. *Ри-*

чардъ путешествовалъ, по тогдашнему обычаю, верхомъ; лошадь у него была прекрасная; одежда не пуританская, а блестящая и богатая, какую носили кавалеры. Онъ ѣхалъ весело, не торопясь, останавливался въ каждой тавернѣ, ухаживая за хорошенькими дѣвушками, не забывая и вина. Добрый, любезный и благовоспитанный, *Ричардъ* былъ не умѣренъ въ питьѣ, какъ всѣ въ то время, молодые и старые.

Онъ пріѣхалъ въ Норвичъ подѣ-вечеръ, остановился передъ домомъ господина *Тремери*, дяди *Стевардса*, у котораго тотъ и жилъ; стукнулъ въ дверь бронзовою ручкой замка, и черезъ нѣсколько минутъ обрадованный *Джоселимъ* познакомилъ его съ дядею и со своей хорошенькой кузинею, *Сарою Тремери*. *Ричардъ Ванбрукъ* жилъ въ семействѣ приверженцевъ *Стuartовъ*; многіе родственники этой фамиліи дрались за дѣло *Карла II*, но по возвращеніи въ Лондонъ, вѣтренный король и не обратилъ на нихъ вниманія. Притомъ политическія распри имъ уже наскучили и они ласково приняли *Стевардсова* пріятеля. Веселый *Ричардъ* участвовалъ во всѣхъ забавахъ сосѣднихъ джентльменовъ, въ охотѣ, въ скачкахъ, въ долгихъ ужинахъ, приправляемыхъ пѣснями и неблагопристойными анекдотами. Всѣ его полюбили и особенно старикъ *Тремери*. Однажды, они сидѣли въ-двоемъ за дубовымъ столомъ, пили и толковали. *Ричардъ* рассказывалъ забавныя приключенія одного лондонскаго альдермена, но вдругъ остановился и сказалъ: — Что это у васъ за сокровище, мистеръ *Тремери*! — Канарское вино? — О, нѣтъ, въ милліонъ разъ лучше. — Ага, такъ, видно, моя *Сара* тебѣ приглянулась? — Да, отроду не видывалъ я такихъ прелестныхъ голубыхъ глазъ, такого бѣленькаго личика, такихъ черныхъ волосъ! — Да, она не дурна. — А что за таія, что за прелесть во всѣхъ движеніяхъ! Какъ обрадовался бы мой старикъ, если бъ я привезъ ему такую невѣстку; да, знаете ли, она была бы первую красавицею во всемъ Лондонѣ.

Старикъ *Тремери* перемѣнилъ разговоръ и налилъ *Ванбруку* вина. *Ричардъ* былъ богатъ; но мнѣнія отца его могли быть препятствіемъ этому союзу: «кавалеры» не охотно рождались съ круглоголовыми. *Ричардъ* не сталъ

болѣе настаивать и рѣшился поговорить прямо съ *Сарою*, которая была къ нему очень ласкова. На другой день, онъ пошелъ за нею въ садъ и сталъ говорить ей о своей любви и о предложеніи, которое сдѣлалъ отцу ея. — Такъ вы меня любите? сказала *Сара*, съ милымъ кокетствомъ, выслушавъ его восторженные возгласы. — О, больше всего на свѣтѣ, и одно ваше слово могло бы сдѣлать меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. — А этого-то слова я и не могу сказать, по множеству причинъ..... Я увѣрена, что вы не станете говорить мнѣ о любви, когда узнаете одного изъ вашихъ соперниковъ. *Джоселинъ* меня любить и батюшка хочетъ выдать меня за него.

Это было громовымъ ударомъ для бѣднаго влюбленнаго. *Ричардъ* увидѣлъ, что долгъ и дружба не позволяютъ ему и думать о *Сарѣ*; покраснѣвъ, поблѣднѣвъ и, не сказавъ ни слова, ушелъ въ свою комнату. Онъ заперся тамъ, чтобы пропустить первыя минуты скорби и потомъ принялся размышлять о своемъ положеніи. Онъ рѣшился вести себя, какъ слѣдуетъ благородному человѣку, рассказать все откровенно *Джоселину*, и потомъ уѣхать изъ дома, гдѣ его присутствие могло безпокоить его пріятеля. Часа черезъ два послѣ этого небольшого происшествія, которое должно было имѣть ужасное вліяніе на судьбу несчастнаго *Ричарда*, они вмѣстѣ съ *Стевардсомъ* поѣхали верхомъ гулять за городъ. Дорогою пріятели разговорились о своихъ обстоятельствахъ. — Очень благодаренъ тебѣ, любезный *Ричардъ*, сказалъ *Джоселинъ*, выслушавъ рассказъ его; но не уѣзжай отъ насъ; я не довольно счастливъ, чтобы быть ревнивымъ, и совѣты друга мнѣ очень нужны. — Да вѣдъ ты скоро женишься на *Сарѣ*? — Да, дядюшка хочетъ выдать ее за меня; но *Сара* тебѣ не все сказала. Я люблю ее, конечно, больше чѣмъ ты; мы вмѣстѣ выросли; жили разво только тогда, когда былъ въ школѣ; возвратившись домой, я любилъ ее по-прежнему и съ-тѣхъ-поръ любовь моя еще усилилась. Но она дружна со мною, какъ съ родственникомъ, и больше ничего. Съ-тѣхъ-поръ, какъ стали говорить о нашей женитьбѣ, она откровенно объяснилась и съ отцемъ и со мною. Она меня не любитъ..... Но какъ у старика *Тремери* есть имѣніе, которое намъ очень нужно

сохранить въ фамиліи *Стевардсовъ*, то ее, вѣроятно, принудятъ, а я не въ силахъ отказаться отъ руки дѣвушки, которую обожаю. — Такъ она любитъ другаго? — Да, и не тебя, мой милый, печально сказалъ *Джоселинъ*. — И ты знаешь своего соперника? — *Сара* не говорила объ этомъ ни мнѣ ни отцу; но ты знаешь: глаза влюбленнаго зорки. Я, кажется, угадалъ ея тайну. Соперникъ мой нѣкто *Форстеръ*, молодой джентельменъ, красавецъ собою, но безъ состоянія; онъ живетъ миляхъ въ десяти отъ Норвича. *Сара* никогда не говорила о немъ при мнѣ и, если я не ошибаюсь, *Форстеръ* теперь на твердой землѣ. Скажи мнѣ откровенно: что бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ? — Я всегда думалъ, любезный другъ, что есть препятствія, съ которыми благоразумный человекъ не долженъ бороться. Противъ меня — воля *Сары* и ея родственниковъ. Даю тебѣ слово, что я всѣми силами буду стараться забыть ее. Ты, *Джоселинъ*, дѣло другое; отъ твоей женитьбы зависитъ часть состоянія вашей фамиліи: женись на *Сарѣ*. Ты, можетъ-быть, напрасно думаешь, что она влюблена, а ежели и точно влюблена, то, выйдя за-мужь, забудетъ эту минутную страсть. — Ты не знаешь, что наша свадьба назначена скоро: дядюшка непремѣнно хочетъ кончить дѣло еще въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ.

Тогда было двадцать-пятое число и, слѣдственно, до свадьбы *Джоселина* оставалось не больше пяти дней. Чтобы развлечь своего пріятеля, *Ричардъ* предложилъ ему воротиться въ Норвичъ и поужинать въ тавернѣ Сентъ-Андре. Они остановились въ одной деревнѣ, чтобы дать отдохнуть лошадямъ и пропустить жарь. Часовъ въ семь, они снова пустились въ путь и къ-ночи остановились у таверны Сентъ-Андре. *Джоселинъ* отослалъ лошадей домой съ человекомъ, который съ ними ѣздилъ. *Ричардъ* потребовалъ особую комнату и ужинъ. Черезъ нѣсколько времени хозяинъ провелъ ихъ черезъ заднюю лѣстницу, въ павильонъ, стоявшій на дворѣ, довольно далеко отъ главнаго корпуса. Въ одной комнатѣ накрытъ былъ столъ, въ другой приготовлено было вино и разныя принасти, чтобы дѣлать *масусъ*, напитокъ, который тогда пили обыкновенно послѣ винъ.

Какъ скоро ужинъ подали, *Ричардъ* и *Джоселинъ* сѣли за столъ и отворили двери, чтобъ было не такъ жарко. Павильонъ этотъ стоялъ совершенно отдѣльно, такъ, что обыкновенные посѣтители таверны и слуги не могли и видѣть что тамъ дѣлается; во-второмъ этажѣ была еще комната, какъ имъ говорили, пустая.

Ужинъ начался довольно печально, но первые стаканы вина развеселили молодыхъ людей. Смотри же, *Джоселинъ*, сказалъ *Ричардъ*, черезъ годъ я буду крестить у тебя сына и мы съ митрисъ *Сарю Стewardсъ* посмѣемся, вспомянувъ о томъ, что было между нами нынче утромъ.

Джоселинъ обѣщалъ назвать перваго своего сына *Ричардомъ*. — Смѣшно беспокоиться, когда не все дѣлается такъ, какъ намъ хочется, сказалъ *Ванбрукъ*; живи, какъ живется; только вино надобно перемѣнять, когда оно не хорошо; а это, право, не дурно: выпьемъ!

Тутъ онъ привелъ нѣсколько стиховъ Горация, котораго тогда всѣ благовоспитанные молодые люди знали наизусть, и потомъ всталъ, чтобы велѣть подать свѣчей и еще вина. Мы говорили уже, что воздержность была не въ нравахъ того времени. *Ричардъ* такъ часто и усердно пилъ за здоровье друга своего *Джоселина*, миссъ *Саръ* и будущихъ дѣтей ихъ, что наконецъ совершенно опьянѣлъ. Комната, столъ и все прочее вертѣлись у него въ глазахъ; потомъ онъ уже никакъ не могъ поймать свой стаканъ; наконецъ голова его отяжелѣла, опустилась на столъ и онъ заснулъ богатырскимъ сномъ. Вино одно не могло бы произвести такого дѣйствія на молодого Лондонца; но *Ричардъ* въ этотъ день усталъ отъ ѣзды верхомъ и притомъ голова его была разгорячена солнцемъ. *Джоселинъ* былъ постарше *Ричарда*, да, видно, и пилъ меньше, и потому устоялъ. Онъ допивалъ послѣднй свой стаканъ, какъ вдругъ въ комнату явился какой-то молодой человѣкъ, подошелъ прямо къ нему и, схвативъ его за руку, сказалъ: *Джоселинъ Стewardсъ*, у насъ съ вами есть дѣло; намъ надобно рѣшить его. — Хорошо, хорошо, отвѣчалъ полупьяный *Джоселинъ*: для дѣла будетъ еще и завтра время, а теперь намъ недосугъ. Да, притомъ, товарищъ мой заснулъ. — Да, отвѣчалъ не-

знакомецъ: этотъ пьяница не долженъ слышать нашего разговора.

И онъ потащилъ *Стевардса* въ другую комнату.

— Сэръ *Джоселинъ*, сказалъ онъ, узнаете ли вы меня? Я *Джонъ Форстеръ*. Я влюбленъ въ вашу кузину *Сару Тремери*, и она меня любитъ. Вы это знаете, а между-тѣмъ, если бѣ оца не написала мнѣ, чтобы я пріѣхалъ, черезъ нѣсколько дней вы бы на ней женились. — Да таки и жениюсь, вскричалъ возбужденный *Джоселинъ*; *Ричардъ Ванбрукъ* тоже совѣтуетъ мнѣ жениться; мы съ нимъ цѣлый вечеръ шли за здоровье дѣтей, которыхъ я приживу съ *Сарою*; онъ ихъ будетъ крестить. — Сэръ *Ричардъ Ванбрукъ*, вскричалъ *Форстеръ*, этотъ лондонскій повѣса также вздумалъ влюбиться въ *Сару* и свататься за нее!

Форстеръ былъ человекъ чрезвычайно вспыльчивый; гнѣвъ повергалъ его въ опьяненіе, гораздо опаснѣе того, которое происходитъ отъ вина. Мысль, что его соперникъ пылъ за здоровье дѣтей, которыхъ будетъ имѣть отъ *Сары*, вывела его изъ себя. Онъ былъ почти увѣренъ, что лишается своей возлюбленной, зная, что господинъ *Тремери* никогда не согласится отдать ее за него; притомъ онъ и пришелъ не съ мирными намѣреніями. Видя, что *Джоселинъ* пьянъ, онъ забылся до того, что поднялъ на него руку. Но *Стевардсъ* предупредилъ ударъ и они сцѣпились. Вино придавало *Джоселину* необыкновенную силу; онъ повалилъ своего противника и держалъ его подъ собою. Но *Форстеръ*, сохранивъ все свое хладнокровіе, воспользовался благоприятною минутою и высвободился. Видя, что ему не сладить съ *Джоселиномъ*, онъ пустился бѣжать; тотъ его преслѣдовалъ. Оба были безъ шпагъ, потому-что лондонскій обычай носить всегда шпагу, тогда еще не распространенъ въ провинціяхъ. *Форстеру* не трудно было уйти отъ человека пьянаго, но онъ былъ возбужденъ. Проходя мимо спящаго *Ричарда*, онъ увидѣлъ его шпагу, выхватилъ ее изъ ноженъ, оттолкнулъ *Джоселина* снова во вторую комнату и опять началъ борьбу, въ этотъ разъ смертельную. Сначала онъ билъ своего противника только эфесомъ, но потомъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь, билъ плашмя, наконецъ кололъ. Видъ крови привелъ его въ испугъ,

и онъ остановился только тогда, когда несчастный *Стевардс* испустилъ духъ. Потомъ *Форстеръ* подошелъ къ *Ричарду*, который, не смотря на шумъ, спалъ мертвымъ сномъ. Онъ хотѣлъ-было привести его въ жертву своей безопасности, но вдругъ въ головѣ его сверкнула страшная мысль и онъ сдѣлалъ преступленіе еще гнуснѣе этого. Онъ осторожно вложилъ окровавленную шпагу *Ричарда* въ ножны и ушелъ такъ, что никто въ тавернѣ не видалъ его. *Форстеръ* тотчасъ выѣхалъ изъ города и еще до разсвѣта пробрался окольной дорогою домой. Всѣ спали; никто не зналъ, что онъ возвратился, даже сама *Сара*. Онъ тихонько прошелъ въ свою комнату, обмылъ кровь, которою былъ запятнанъ и имѣлъ причины надѣяться, что преступленіе его не будетъ извѣстно и что теперь ничто уже не помѣшаетъ ему жениться на *Сарѣ*. Когда мщеніе утолено, гнѣвъ утихаетъ и совѣсть начинаетъ свое дѣло. *Форстеръ* старался заглушать вопли ея софизмами. Онъ говорилъ самъ себѣ, что хотѣлъ не убить *Джоселина*, а вызвать его на дуэль и на другой день драться съ нимъ, и что притомъ онъ умертвилъ своего соперника, защищая свою собственную жизнь.

Между-тѣмъ *Ванбрукъ* проснулся. Голова его была тяжела; всѣ члены какъ-будто изломаны. Свѣчи уже догорали; онъ посмотрѣлъ на часы: было два. Онъ повелъ мутными глазами по комнатѣ и нигдѣ не видалъ *Джоселина*.

— Прошу покорно, подумалъ онъ: *Джоселинъ* оставилъ меня на полѣ битвы, а самъ, видно, уѣхалъ, чтобы повидаться съ миссъ *Сарою* прежде, чѣмъ она ляжетъ. Не хорошо: онъ бы долженъ былъ увести меня съ собою.

Торговаться съ ховяиномъ онъ былъ не намѣренъ и притомъ долгомъ считалъ заплатить щедро, какъ прилично столичному жителю, который захалъ въ провинцію. Онъ вынулъ изъ кармана кошелекъ, наполненный гинееми и бросилъ его на столъ. Потомъ, пошатываясь, сошелъ съ лѣстницы, дотащился кое-какъ до дому, и какъ у него былъ особый ключъ отъ его комнаты, то онъ добрался до постели, не разбудивъ никого; бросилъ шпагу на стулъ, раздѣлся, легъ и заснулъ мертвымъ сномъ. Черезъ несколько часовъ онъ пробудился отъ шума въ его комнатѣ;

открылъ глаза: постель его окружена полицейскими и констабль, протянувъ свою черную и бѣлую палочку, спросилъ: — *Ричардъ Ванбрукъ*, гдѣ пріятель вашъ *Джоселинъ Стewardсъ*? — *Джоселинъ Стewardсъ*? повторилъ *Ричардъ* въ изумленіи. — «Да, *Джоселинъ Стewardсъ*; вы провели вчера цѣлый день вмѣстѣ, вечеромъ вы завели его въ таверну Сентъ-Андре и онъ тамъ убитъ.» — Убить? *Джоселинъ* убить! вскричалъ *Ричардъ*.

Вмѣсто отвѣта, констабль взялъ со стула шпагу *Ричарда*, выдернулъ ее изъ ноженъ и показалъ присутствующимъ, что она обагрена кровью, которая еще не застывала!

Несчастнаго *Ричарда* заставили встать и, не позволивъ повидаться ни съ кѣмъ въ домѣ, отвели къ шерифу.

Норвичъ, имѣвшій въ то время около тридцати-тысячъ жителей, былъ населенъ фабричными работниками и частию дворянства герцогства норфолькскаго. Весь городъ изумился, когда разнеслась вѣсть объ убійствѣ *Джоселина*. Общее мнѣніе было въ пользу *Ричарда Ванбрука*; никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы молодой человекъ, принадлежащій къ одному изъ почетнѣйшихъ семействъ въ Лондонѣ, образованный, добрый, кроткій, въ состояніи былъ совершить такое гнусное преступленіе, умертвить своего друга, посреди веселаго пиршества. *Ричардъ*, сидя въ тюрьмѣ, не понималъ, что съ нимъ дѣлается; ему не вѣрилось, что *Джоселинъ* убитъ и онъ все ждалъ, что дверь тюрьмы отворится и *Стewardсъ* бросится въ его объятія.

Извѣстно, что ассизные суды въ Англіи не имѣютъ постоянныхъ засѣданій, а собираются на время. По несчастію для обвиненнаго, это время приближалось къ концу и потому положено было судить его какъ можно скорѣе, для того чтобы не отлагать дѣла до слѣдующаго собранія. Когда его привели въ судъ и по обыкновенію спросили: — Обвиненный, виновны ли вы или нѣтъ? онъ отвѣчалъ скромно, но твердымъ голосомъ: — Нѣтъ..... Я искренно любилъ несчастнаго молодого человека, о которомъ вся такъ жалуютъ, и пріѣхалъ изъ Лондона въ Норфолькъ только для того, чтобы повидаться съ *Джоселиномъ*. Мы были съ нимъ товарищи и пріятели съ са-

мага дѣтства. Странныя, непостижимыя обстоятельства обвиняютъ меня; но я полагаюсь на свою невинность, на пронипательность присяжныхъ и на правосудіе Того, Который все видитъ и будетъ судить меня послѣ васъ.

Призвали хозяина таверны Сентъ-Андре. Онъ объявилъ, что ничего не видалъ и не слышалъ, потому-что *Стевардса* и *Вамбрукъ* уживали въ особомъ павильонѣ, изъ котораго можно было выйти незамѣтно для живущихъ въ домъ; правда, что такъ же можно было и войти туда; но въ день убійства онъ никого не видалъ. На другой день рано утромъ, слуги пошли въ павильонъ, чтобы убрать тамъ, и нашли трупъ *Стевардса* и кошелекъ, который трактирщикъ и положилъ на судейскій столъ. *Ричардъ* сказалъ, что этотъ кошелекъ его и объяснилъ зачѣмъ онъ оставилъ его въ тавернѣ. Потомъ выслушали свидѣтелей. Вся они отзывались о подсудимомъ съ похвалою, но никто не могъ ничего сказать собственно о преступленіи. Судья замѣтилъ, что Провидѣніе всегда устроиваетъ такъ, что преступленію предшествуютъ какія-нибудь обличительныя обстоятельства, и они разсвѣчаютъ мракъ, которымъ окружаетъ себя преступникъ. Призвали господина *Тремръ* и дочь его. Оба были въ траурѣ и погружены въ глубокую горестъ. Старикъ, по чувству справедливости, сначала хвалилъ обвиненнаго и сказалъ, что *Вамбрукъ* съ самаго приѣзда своего къ нимъ, привлекъ къ себѣ общее расположеніе; что онъ всегда былъ очень друженъ съ *Джоселиномъ* и между ними не было замѣтно ни размолвки, ни малѣйшаго неудовольствія. — Но я долгомъ считаю, прибавилъ онъ, сообщить господамъ присяжнымъ обстоятельство, которое можетъ послужить къ открытію истины. Наканунъ смерти моего несчастнаго племянника, сэръ *Ричардъ* говорилъ мнѣ, что онъ любитъ дочь мою и просилъ руки ея. — Чтѣ жъ вы отвѣчали? спросилъ старшій присяжный. — Я уже давно намѣревался выдать дочь мою за *Джоселина* и, не сказавъ объ этомъ господину *Вамбруку*, переизвнилъ разговоръ.

Показаніе *Сары* было убійственно для *Вамбрука*. Она сказала, что въ самый день убійства, *Ричардъ*, подойдя къ ней въ саду, говорилъ ей о любви своей и просилъ ея

руки, прибавивъ, что онъ почти увѣренъ, что отецъ ея не будетъ противъ этого. Тогда она рассказала ему о намереніяхъ отца своего и о томъ, что *Джоселинъ Стewardсъ* ее любитъ; она даже упрекала *Ричарда* въ томъ, что онъ ищетъ руки дѣвушки, на которой хочетъ жениться его другъ. При этихъ словахъ, прибавила она, господинъ *Валбрукъ* измѣнился въ лицѣ и съ замѣтною досадою ушелъ въ свою комнату, не сказавъ болѣе ни слова. *Валбрукъ* просилъ позволенія объяснить это обстоятельство.

— Я дѣйствительно досадовалъ, сказалъ онъ, но отъ того, что невольно сдѣлался соперникомъ моего друга.

— Дай Богъ, чтобъ это было такъ, сказала *Сара* въ полголоса и опустила голову.

Зрители, которые, какъ мы уже говорили, были расположены въ пользу обвиненнаго, тотчасъ замѣтили впечатлѣніе, произведенное на присяжныхъ показаніемъ *Сары*; она сама увидѣла, что, можетъ-быть, порвала нить, которая еще привязывала несчастнаго *Ричарда* къ жизни, и эта мысль подѣйствовала на нее такъ сильно, что она упала въ обморокъ. Ее унесли.

Адвокатъ *Ричарда* началъ говорить. Онъ старался сначала разсвѣтъ неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное показаніемъ *Сары*, потомъ подробно рассказалъ все что было въ день убійства, до самаго того времени, когда *Ричардъ* заснулъ на столѣ въ тавернѣ; остальное тайна, которую покойный унесъ съ собою въ могилу. Адвокатъ прибавилъ, что какой-нибудь врагъ *Стewardса*, убійца, легко могъ пробраться въ отпертый павильонъ, и что это, вѣроятно, дѣйствительно такъ и было. Но даже и допустивъ, что *Стewardсъ* убитъ *Валбрукомъ*, чего адвокатъ ни какъ не думаетъ, послѣдній могъ совершить это преступленіе безъ сознанія, въ опьяненіи, въ одномъ изъ тѣхъ бышенихъ припадковъ полу-помѣшательства, когда больной или пьяный не помнитъ самъ себя и дѣйствуетъ не зная самъ что дѣлаетъ. Можетъ ли же правосудіе осудить человека за дѣйствіе преступное, но безсознательное, за несчастіе, о которомъ онъ самъ больше всѣхъ жалеетъ? Потомъ онъ говорилъ и противъ этого предположенія и старался убѣдить присяжныхъ, что ни одно

изъ показаній свидѣтелей, не доказываетъ виновности подсудимаго.

Между-тѣмъ окровавленная шпага, которою *Джоселинъ* былъ убитъ, лежала предъ глазами присяжныхъ и эта шпага принадлежала *Ванбрюку*. Показаніе *Сары*, доказывавшее, что между убитымъ и предполагаемымъ убійцею существовало любовное соперничество, непрерывно раздавалось въ ушахъ ихъ; они удалились въ комнату совѣщаній, черезъ часъ возвратились въ присутствіе и произнесли страшный приговоръ: «виновенъ».

Пріятели, которыхъ *Ричардъ* приобрѣлъ во время своего пребыванія въ Норвичѣ, и большая часть жителей, чрезвычайно жалѣли о немъ; они доказали въ этомъ случаѣ любовь свою къ справедливости и уваженіе къ чело-вѣческой жизни, святильнику, который, по выраженію *Шекспира*, можно задуть, но зажечь снова уже невозможно. Многіе изъ нихъ отправились въ Лондонъ, чтобы подать Карлу II прошеніе о помилованіи осужденнаго, или, по-крайней-мѣрѣ, объ отсрочкѣ казни для того, чтобы между-тѣмъ можно было заняться болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ дѣла, которое оставило сомнѣніе въ умахъ самыхъ просвѣщенныхъ людей и большей части норвичскаго народонаселенія. Но *Ричардъ* былъ сынъ чловека, который ревностно поддерживалъ дѣло Кромвеля; притомъ господинъ *Тремеръ* не добивался мести за смерть своего племянника, а родственники *Джоселина* напротивъ. Со смертію *Джоселина*, *Стевардсы* лишились иманія, которое они надѣялись сохранить въ своей фамиліи, посредствомъ женитьбы его на *Сарѣ*. Притомъ всѣ они любили его. *Стевардсы* тоже отправились въ Лондонъ, чтобы требовать мести; они говорили о своихъ заслугахъ, которыя еще ничѣмъ не были вознаграждены; о гнусности преступленія, совершеннаго посреди пиршества, надъ несчастнымъ, котораго завлекли въ таверну подъ личиною дружбы и напоили, чтобы легче съ нимъ справиться..... Они говорили, что жертвовали королю своей кровью, своимъ имуществомъ и теперь не требуютъ отъ него ни мѣсть, ни почестей, ни пенсій, а только казни гнуснаго убійцы. И притомъ этотъ убійца сынъ врага королевска-

го, бунтовщика, приверженца Кромвеля! Они склонили на свою сторону шерифа норфольскаго графства, и король отказался воспользоваться своимъ правомъ помилованія.

День казни наступилъ. Несчастнаго *Ричарда* одали въ траурное платье, посадили на телегу, обитую чернымъ, и повезли на площадь, гдѣ была приготовлена виселица. Улицы были наполнены народомъ. Жители Норфолька сбѣжались и съѣхались со всѣхъ сторонъ, чтобы видѣть героя кровавой трагедіи, которая слишкомъ мѣсяцъ занимала всѣ умы, и между-тѣмъ, какъ одни считали его несчастною жертвою ошибочности человеческихъ сужденій, другіе видѣли въ немъ человека съ злобнымъ сердцемъ, котораго любовь и ревность сдѣлали убійцею своего друга. Имя миссъ *Сары Тремери* было, разумеется, во всѣхъ устахъ; всѣ спрашивали, дѣйствительно ли она такъ хороша, чтобы могла возбуждать такую башеную любовь, и какъ *Ричардъ* былъ красавецъ собою, то многіе удивлялись, что она отвергла любовь его. Тѣ, которые были расположены въ его пользу, кланялись ему и изъявляли свою горестъ. Одинъ изъ нихъ пожалъ ему руку и сказалъ: «Милость ждетъ васъ на небесахъ.» — «И другъ мой *Джосеминъ* также», отвѣчалъ *Ричардъ*.

Несчастный молодой человекъ думалъ о томъ времени, когда онъ, счастливый и веселый, пріѣхалъ въ Норвичъ, и вся жизнь представлялась ему въ такомъ прекрасномъ видѣ; а теперь онъ покидалъ эту жизнь жестокимъ, постыднымъ образомъ, и сдѣлался предметомъ омерзенія. Онъ вспомнилъ также о господинѣ *Тремери* и *Сары*, и отъ души просталъ ихъ, хотя показаніе *Сары*, впрочемъ, справедливое, свело его на эшафотъ.

Между-тѣмъ, господинъ *Тремери*, не убѣжденный въ виновности *Ричарда*, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ его казни и выѣхалъ изъ города. *Сара* заперлась въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ комнатъ своего дома, а люди ихъ всѣ разошлись, чтобы посмотреть, какъ преступника повезутъ на казнь. Она оставалась одна и съ ужасомъ прислушивалась къ шуму, происходившему на улицѣ. Вдругъ ей показалось, что кто-то отворилъ дверь сосѣдней комнаты и она, въ испугъ, кликнула свою горничную: — *Дэбора*, это

ты? — Вы одинъ? сказалъ нужской голосъ, котораго она начала не узнала.

Она встала и, не зная, что людей никого дома нѣтъ, смело отворила дверь своей комнаты. Передъ нею стоялъ *Джонъ Форстеръ*.

— *Форстеръ!* вскричала она. О, какъ я рада вамъ, особенно сегодня. Мнѣ все думалось, что вы непременно сегодня прїѣдете, *Джонъ*. Я знала, что наша любовь не принесетъ намъ ничего кромѣ огорченій, но конечно, ни я, ни вы, не ожидали того, что случилось.... Вы слышали, какое у насъ несчастіе?

Она вдругъ остановилась, замѣтивъ, что *Форстеръ* чрезвычайно блѣденъ и что лобъ его покрытъ преждевременными морщинами. — Что это съ вами случилось, *Джонъ*, съ тѣхъ-поръ, какъ мы съ вами не видались? сказала она. Вы вѣдь, вѣрно, только-что воротились изъ Франціи? — «Пойдемъ, *Сара*, сказалъ *Форстеръ* мрачнымъ голосомъ. — Куда же? — Куда-нибудь, но только вонъ изъ Англіи; здѣсь я не могу жить, здѣсь воздухъ меня давить, свѣтъ ослѣпляетъ мнѣ глаза.»

Сара взяла его за дрожащую руку, подвела къ кресламъ и сказала:

— Успокойся, *Джонъ*, и потомъ уйди отсюда, теперь не время говорить о любви.... Повзжай въ *Форстергалъ*; подожди немножко, пока горестъ батюшки утихнутъ, пока онъ перестанетъ горевать о *Джоселинъ*....

— Ты любишь меня? сказалъ *Форстеръ*, вставая: — такъ пойдемъ же. Я не хочу видѣться съ твоимъ отцемъ; мы еще до ночи непременно должны выѣхать изъ Англіи. — «Покинуть батюшку! вскричала *Сара*. Развѣ я когда-нибудь общалась тебѣ это? Развѣ ты думаешь, что я въ состояніи бѣжать, бросить отца? — Пойдемъ, пойдемъ, *Сара*. — «Никогда!» — «Никогда? А чтожь ты говорила мнѣ въ письмѣ, которое и заставило меня обратиться въ *Норвичъ*? — «Я говорила, что ты долженъ заглушить любовь свою ко мнѣ, что я сама была бы счастлива, еслибъ могла забыть тебя.... Я писала, чтобы ты не прїѣзжалъ въ *Норвичъ*, *Джонъ*.» — «Однакожь я прїѣхалъ для тебя, *Сара*. — «Видно Богу не угодно соединить насъ, отвѣчала *Сара*, а

я не забуду своего дома.» — Прошу послѣ этого любить женщину! говорилъ *Форстеръ*, прохаживаясь большими шагами по комнатамъ: жертвуйте для нея спокойствіемъ, честью, совѣстью, даже жизни, и потомъ требуйте отъ нея награды: она холодно станетъ толковать вамъ о своемъ долгѣ. — «Я никогда не требовала отъ тебя такихъ жертвъ, *Джонъ*, сказала робко *Сара*». — А когда я принесъ тебѣ всѣ эти жертвы! вскричалъ *Форстеръ*, котораго сопротивленіе *Сары* приводило въ отчаяніе..... А! я вижу, ты меня не любишь.... ты жалѣешь о *Стевардсѣ*, которому не удалось отбить у меня твою руку.... а можетъ-быть и о лондонскомъ франтикѣ, который теперь пляшетъ на висѣлицѣ.

Непристойность такихъ словъ въ то время, когда несчастнаго *Ричарда* везли на казнь, возмутила доброе сердце *Сары* и она вспомнила также о своей родственной привязанности къ *Джоселину*; она пристально посмотрѣла на *Форстера* и сказала: — Да, я любила, очень любила бѣднаго *Джоселина*. — Ты любила его! вскричалъ *Форстеръ*, совершенно забываясь... Ты любила ихъ обоихъ... А я любилъ твоего *Джоселина*, прибавилъ онъ съ дикимъ хохотомъ, а твоего *Ричарда* за это повѣсять!»

Едва выговорилъ онъ эти слова, какъ *Сара* выскочила изъ комнаты и пустилась бѣжать. Въ лихорадочномъ своемъ волненіи, она бѣжала, едва прикасаясь ногами къ землѣ, толкая проходящихъ; бѣжала прямо къ площади, гдѣ происходила казнь. Черныя кудри волосъ ея, смоченныя потомъ, распустились и развѣвались по вѣтру, лице разгорѣлось, неподвижныя глаза смотрѣли прямо. Площадь была заставлена народомъ; миссъ *Тремери* прибѣжала туда въ то самое время, какъ лѣстницу, по которой несчастный *Ванбрукъ* взомелъ на висѣлицу, выдернули изъ подъ него и онъ, по англійскому выраженію, былъ «брошенъ въ вѣчность». *Сара* испустила страшный крикъ и упала на землю. Вся толпа повторила этотъ крикъ, трепеща отъ ужаса. *Сару* подняли, привели въ чувство, стали распрашивать; она ничего не могла объяснить: *Сара* помѣшалась!

Это новое несчастіе занимало весь городъ; всѣ старались

угадать, отъ чего оно случилось; между-тѣмъ, черезъ несколько часовъ, разнесся слухъ, что люди господина *Тремери*, воротившись домой послѣ казни, нашли *Форстера* при последнемъ издыханіи, въ комнату *Сары*: онъ зарвался. *Форстеръ* былъ католикъ; передъ смертью онъ потребовалъ священника, покаялся ему на исповѣди въ своемъ преступленіи и требовалъ, чтобы это показаніе было, послѣ смерти его, обнародовано.

Миссъ *Сара* уже не поправилась. Она умерла въ юныхъ лѣтахъ и въ томъ состояніи безсмыслія, которое показываетъ врачамъ, что умственные способности большаго угасли уже навсегда.... по-крайней-мѣрѣ въ этой жизни. Господинъ *Тремери* не на долго пережилъ несчастную дочь свою, и имѣніе его, котораго такъ хотѣлось *Стевардсамъ*, перешло въ ихъ фамилію.

ОХОТА НА ТИГРОВЪ. Дѣйствіе происходитъ въ тысяча-восемь-сотъ неизвѣстно какомъ году, на Коромандельскомъ берегу, по близости Мадраса, недалеко отъ Озера Тинневали. Дѣйствующія лица: *Мукуссамъ*, богатѣйшій изъ мадрасскихъ купцовъ; *Гева*, прекрасная жена его; *Креббсъ* и *Габріель*, путешественники, одинъ Англичанинъ, другой Французъ; Индійцы *Миртуръ* и *Гулабъ*; всѣ четверо гостятъ у *Мукуссамъ* въ его великодушномъ помѣстьи, всѣ четверо влюблены въ жену его, прекрасную *Геву*. Сообщивъ эти необходимыя свѣдѣнія, приступимъ къ дѣлу.

Циръ. — Завтра, на разсвѣтъ, господа, сказалъ *Мукуссамъ* гостямъ своимъ: на коней, и выберите лошадей получше. — Очень благодарны вамъ, набабъ *Мукуссамъ*, вы велики и великодушны, какъ *Ауэретъ-Зебъ*, вскричалъ Индѣецъ *Гулабъ*, который походилъ на слона въ человѣческомъ платьѣ. — За что это онъ его благодарить? спросилъ *Габріель* своего сосѣда *Креббса*. — За то, что *Мукуссамъ* сдержалъ свое слово; мѣсяца два назадъ, онъ обѣщалъ позабавить насъ охотою, и завтра мы поведемъ на охоту. — На что же охотитесь? — На тигровъ.... Другой дичи мы здѣсь не знаемъ. — Господинъ *Габріель*, сказалъ *Мукуссамъ* съ одного конца стола на другой, голосомъ, который звучалъ какъ тамтамъ: надежна ли ваша лошадь? — Да, господинъ *Мукуссамъ*, у меня лошадь хорошая. — А видѣла ли она ти-

гровъ? — Видѣла, отвѣчалъ *Габриэль* на всякой случай, а потомъ прибавилъ въ-полголоса: — И во снѣ не видѣвала, такъ же, какъ я.

Индѣецъ кивнулъ головою и, возвышая голосъ, сказалъ: — Завтра, друзья мои, какъ скоро послѣдняя звезда зайдетъ за гору Гоала, мы пустимся въ путь. Конюшни мои будутъ открыты во всю ночь; кто не надѣется на свою лошадь, тотъ можетъ взять одну изъ моихъ..... А теперь, господа, прощайте пока; дѣлайте, что вамъ угодно.

Въ тотъ часъ, когда бенгали просыпаются и начинаютъ свой утренній концертъ, двадцать пеоновъ верхами, съ карабинами за спиною, стояли уже, въ некоторомъ разстояніи другъ отъ друга, на пустынной дорогѣ, ведущей къ горѣ Гоала. Потомъ явились европейскіе охотники, всѣ въ бѣломъ и вооруженные, какъ крѣпости; послѣ нихъ Индѣйцы *Гулабъ* и *Мирпуръ*; наконецъ и самъ хозяинъ.

Мунуссами былъ въ костюмѣ *Кеверы*, бога богатства: голый до пояса, въ шараварахъ изъ алаго кашемира съ цвѣтнами, служивающихся къ нему и придерживаемыхъ около щекочетки золотыми кольцами. Онъ сидѣлъ на лошади, бѣлой, какъ слоновою костью; кончикъ хвоста былъ выкрашенъ у нея алою краскою, а на груди три жемчужныхъ ожерелья. *Мунуссами* и его конь, казалось, составляли одно нераздѣльное существо. Всадникъ управлялъ лошадыю одними кознями, а узла изъ алаго шелка висѣла какъ ненужное украшеніе. Въ одной рукѣ держалъ онъ карабинъ, другою бросалъ деньги нищимъ, *Видадасанамъ*, которые своими молитвами унижаютъ божество *Сакти*, страшное для охотниковъ.

Ударомъ въ кидуди (родъ барабана) поданъ былъ сигналъ, и охотники пустились во весь галопъ, къ сѣвернымъ горамъ.

Когда заря начала разливать по небу свои шафранные отблески, лошади пошли шагомъ. Глубочайшее безмолвіе царствовало въ этой пустынѣ, гдѣ, казалось, нога человѣческая не бывала; густой бархатъ высокаго дерна заглушалъ даже топотъ конскихъ копытъ. Зрѣлище было прекрасное. Сорокъ всадниковъ, безмолвные, какъ конныя статуи, пробирались по дѣвственному дугу, усыянному безчисленными цвѣтами, о которыхъ даже не упоминается въ Индѣйской Флорѣ. Вне-

реди красовался счастливый мужъ прекрасной *Гесы*, словно *Вишну*, обозрѣвающій свои пагоды; за тѣмъ слѣдовали двадцать пеоновъ въ красныхъ тюрбанахъ; шествіе заключали европейскіе ученые и путешественники, которые вѣхали парно.

Какъ Французъ и ученый, *Габриель* не могъ долго молчать. Онъ подвѣхалъ къ своему пріятелю, философу *Креббсу*, и сказалъ въ-полголоса:—Надобно быть сумасбродомъ, какъ этотъ Индѣецъ, чтобы покинуть хорошенькую жену и вѣхать гоняться за какими-то баснословными тиграми!.... Правду вамъ сказать, я не вѣрю въ тигровъ; я думаю, что они существуютъ только въ видѣ чучель или въ клеткахъ звѣринцевъ. Не лучше ли намъ воротиться?—Помилуйте! какой же солдатъ подаетъ въ отставку, когда непріятель передъ нимъ. Чтò же скажутъ объ насъ въ *Madras Review*?— Да если непріятель не существуетъ, такъ нѣтъ никакого стыда ретироваться отъ него.—Конечно, здѣсь непріятель дѣйствительно существуетъ. Видите, пеоны нюхаютъ по вѣтру и *Мунуссами* держитъ карабинъ на головѣ. Увѣряю васъ, мы въ тиграхъ по горло; весь лугъ изпещренъ тиграми. — А я даже не зарядилъ карабина и пистолета.—Ну, такъ зарядите поскорѣе, и не жалуйте пуль и пороха. — Готово. — Прекрасно; теперь милости просимъ, тигры. — Только я всё-таки не понимаю, чтò за охота этому *Мунуссами* гоняться за тиграми. — О, онъ себя на умъ: онъ, кажется, хочетъ попотчивать тигровъ однимъ или двумя обожателями жены своей; но здѣсь есть люди похитрѣе его.— Неужели?—Да помилуйте, ради Бога! вы, видно, ничего не видите? — Вижу поле и охотниковъ. — И только? — Больше ничего. — И вы не видите, что вокругъ насъ бушуютъ страсти, страсти кипучія, неумолимыя?—Послушайте, мой любезный *Креббсъ*, говорите пояснѣе. Надобно вамъ сказать, что я отроду не отгадалъ ни одной загадки. — Впрочемъ, не мудрено, что вы не видите вещи такъ ясно, какъ я. Вы еще недавно здѣсь, не успѣли оглянуться; а я живу у *Мунуссами* уже мѣсяца два; притомъ, я и пріѣхалъ сюда только для того, чтобы наблюдать человеческое сердце, въ этой странѣ, гдѣ цвѣты—деревья, ручьи — рѣки, рѣки — моря, собаки — львы, кошки — тигры, лошади — слоны. Разумѣется, что здѣсь и страсти не таковы, какъ у насъ; наши передъ здѣшними — дѣт-

скія игрушки; здѣшнія — лава, наши — теплая водица. По-вѣрьте мнѣ: самые ужасные тигры здѣсь не тѣ, которыхъ мы ищемъ. Посмотрите на этихъ двухъ Индѣйцевъ *Гулаба* и *Мирпура*. Они оба влюблены въ *Гесу* и боятся ея мужа. *Мунуссами* уже давно играетъ съ ними въ шахматы; до-сихъ-поръ побѣда склонялась на его сторону, но сегодня они сдѣлаютъ ему *мать*. — Неужели же они хотятъ убить его? — О нѣтъ, они для этого слишкомъ трусливы и осторожны: они предоставятъ это тиграмъ. — Но какъ же вы не предупредили его объ этомъ? — Онъ ничего и слышать не хочетъ. *Мунуссами* самъ все знаетъ, но ему хочется уличить ихъ, поймать на дѣлѣ; притомъ онъ надѣется на свою силу и ловкость. — Но мы станемъ защищать его. — Конечно, мы сдѣлаемъ все что можно; но мы съ вами къ этой охотѣ непривычны. — А его пеоны? — Пеоны всѣ до одного подкуплены *Гулабомъ*. Притомъ они тоже принадлежатъ къ сектѣ *Сием* и ненавидятъ *Мунуссами* за то, что онъ сдѣлался христіаниномъ ддятого, чтобы жениться на *Гесѣ*, потому-что она Голландка. Но полно болтать; теперь пора наблюдать за тиграми, четвероногими и двуногими.

Передъ охотниками разстиглась панорама, исполненная свѣжести и прелести. Казалось, невозможно, чтобы какая-нибудь кровавая мысль могла развиться посреди этой природы, тихой и дѣвственной, которая какъ-бы убиралась всѣми своими прелестями только для птицъ и солнца. Рѣчка *Лютхми*, окаймленная густой бахрамою дерна, выбѣгала изъ глубины таинственной долины и текла съ легкимъ журчаньемъ къ обставленному холмами горизонту, гдѣ она вдругъ исчезаетъ въ безднѣ, называемой *Гурулъ*. Это одно изъ чудесъ *Индіи*. *Лютхми* спускается по едва-замѣтному склону въ страшному *Гурулу* и вдругъ синюю, вертикальную скатертью падаетъ въ пропасть бездонную. Этотъ дивный водопадъ не сопровождается ни малѣйшимъ шумомъ; гулъ его исчезаетъ въ таинственныхъ недрахъ земли и не восходитъ до человѣческаго слуха. Только столбъ дыма поднимается изъ пропасти, по-видимому, скорее происходитъ отъ подземнаго огня, чѣмъ отъ пѣны водопада, разбивающагося въ неизмѣримой глубинѣ. Съ ужасомъ смотрите вы на эту массу воды, которая безмолвно исчезаетъ въ безднѣ, не пробуждая эха ни въ своей

могиль, ни по крутымъ склонамъ Гоала. На другомъ краю бездны, земля покрыта могущественною, роскошною растительностію: дикія деревья выбѣгаютъ изъ нея почти горизонтально и нагибаюся надъ бездною, кажется, хотять наполнить свою половину пропасти зеленымъ насадомъ густыхъ, раскидистыхъ вѣтвей своихъ.

Охотники остановились отдохнуть на берегу Люткми. Пеоны приготовили на деревъ завтракъ. *Мунуссами* отрядилъ троихъ опытныхъ ловчихъ, которые чувствуютъ присутствіе тигра обоняніемъ, какъ собаки узнаютъ приближеніе дичи. После завтрака разставили часовыхъ, какъ въ непріятельской землѣ, а гости *Мунуссами* расположились подъ тѣнію деревьевъ, чтобы подкрѣпить себя сномъ.

Подъ-вечеръ всѣ снова сѣли на коней: это, по мнѣнію Индѣйцевъ, самое удобное время для охоты на тигровъ; ловчіе воротились и *Мунуссами*, выслушавъ ихъ донесенія, расположилъ планъ атаки. Онъ приказалъ десятерымъ пеонамъ занять ущелья Раваны, населенныя тиграми, и согнать эту страшную дичь въ противоположную долину Люткми, гдѣ охотники будутъ поджидать ихъ, спрятавшись за кокосовыми деревьями.

Пеоны привязали лошадей своихъ и, натеревъ цвѣтами тюльпаннаго дерева обнаженные ноги свои, жесткія, какъ бронза, ицѣпкія, какъ когти орла, ползли по скаламъ Раваны. Съ этихъ неприступныхъ высотъ взоры пеоновъ погружались въ густыя купы лианъ и остролистника, гдѣ бенгалскіе звѣри скрываются; и какъ скоро тигръ, почуввъ непріятелей, поднималъ надъ листьями свою огромную голову и начиналъ съ судорожными движеніями ярости въ глазахъ, втягивать въ себя широкими ноздрями воздухъ, они бросали въ открытое логовище огромными каменьями, и страшное семейство начинало прыгать во всѣ стороны, выпуская яростный ревъ, распространявшій тревогу въ самыхъ таинственныхъ логовищахъ Раванскихъ ущелій.

Тигры, какъ и всѣ хищные звѣри, живутъ въ уединеніи, не имѣя никакого сообщенія съ сосѣдами. Весною самцы ведутъ между собой непримиримую войну; но прійскавъ подругу и обзаведясь логовищемъ, они какъ-бы заключаютъ между собою перемиріе и, только завидѣвъ сосѣда на ловлѣ

или водоносъ, приветствуютъ одинъ другаго страшнымъ ревомъ. Истиннѣе самохраненія и собственности заставляютъ ихъ оберегать владѣнія, данныя имъ природою; и потому при появленіи человека, который хочетъ выгнать ихъ оттуда, они забываютъ междоусобную вражду и дружно устремляются на общаго врага. Тогда они какъ бы заключаютъ между собою временный союзъ, который и прекращается вмѣстѣ съ опасностію. Таковы нравы бенгальскихъ тигровъ, прекраснѣйшихъ изъ животныхъ, не во гнѣвъ горлецу-человѣку.

Креббсъ и *Габріель*, стоя, какъ и другіе охотники, въ засадѣ, вдругъ почувствовали, что лошади ихъ начали дрожать, какъ будто на нихъ подуло лѣдистымъ сѣвернымъ вѣтромъ.

— Тигры! тигры! закричалъ *Мукссами*.

Смертная блѣдность покрыла лица многихъ Европейцевъ. *Креббсъ* и *Габріель* поддержали честь своихъ націй. Они погладили коней своихъ, которые прѣли ушами и храпали; потомъ осмотрѣли свои карабины и оба стали подлѣ *Мукссами*. Индѣецъ съ довольной улыбкою протянулъ къ нимъ руку.—Я не узнаю своихъ охотничьихъ лошадей, сказалъ онъ: онѣ дрожатъ какъ газели. (*Гулабъ* и *Мирнуръ* не изменились въ лицѣ и твердо выдержали подозрительный взглядъ *Мукссами*). — Это ты, *Мирнуръ*, выбиралъ лошадей? спросилъ онъ. *Мирнуръ* потрясъ головою.—Такъ, видно, ты, *Гулабъ*?—*Гулабъ* тоже сдѣлалъ знакъ отрицанія. Черные глаза *Мукссами* засверкали, какъ горящія уголья; теперь онъ уже не подзрѣвалъ измѣны, а былъ убѣжденъ въ ней; къ несчастію надобно было защищаться противъ непріятелей, пострашнѣе этихъ Индѣйцевъ.

Огромный тигръ, извергнутый ущельями Раваны, несся по равнинѣ, которая не представляла ему ни малѣйшаго убѣжища, и стремился къ тѣнистымъ берегамъ Лютхи. При каждомъ прыжкѣ онъ описывалъ въ воздухѣ огромный эллипсисъ, и зрителямъ, которыхъ взоры обнимали вдругъ по двадцати подобныхъ прыжковъ, (такъ они были быстры), казалось, что это цѣлый мостъ тигровъ изъ двадцати арокъ, на минуту появляющійся и тотчасъ исчезающій. Звѣрь вдругъ остановился шагахъ во стѣ отъ деревьевъ, за которыми скрывался непріятель, и испустилъ глухой ревъ, какъ звукъ органа, замирающій въ нѣвкихъ нотахъ. Золотисто-бурая шкура его блестяла на солн-

ца, какъ венеціанскій бархатъ, свѣтлоричневый съ черными полосками. Горизонтальный хвостъ его извивался какъ змѣя, а жесткая кожа морды; судорожно сдернувшись, выставила бѣлые зубы, острые какъ кинжалы.

Лошади испускали ржаніе похожее на стоны, выходящія изъ человеческой груди; гривы ихъ подымались какъ-будто слетенныя изъ живыхъ ящериць. Всадники боролись съ конями, чтобы удержать ихъ на мѣстѣ; но силы людей ослабѣвали и лошади, волнуемая страхомъ, уже не слушались нѣмыхъ вѣлній узды.

Мунуссам опустилъ карабинъ, и раздался выстрѣлъ. Тигръ испустилъ отрывистый ревъ, поднялся на заднія лапы, а передними схватился за морду и сильно потрясалъ ее, какъ-бы стараясь вырвать оттуда пулю, которою былъ раненъ. Потомъ онъ легъ на брюхо и, ползая, какъ удавъ, съ яростію терся мордою о дернъ; наконецъ вскочилъ и съ страшными прыжками, понесся къ рѣкѣ.

— Раненъ! раненъ! вскричалъ *Мунуссам*, и, съ пистолетами въ рукахъ, устремилъ коня своего въ погоню за тигромъ. Въ это самое время два другихъ тигра низверглись на равнину изъ ущелій Раваны.

Европейцы не могли долге совладать со своими лошадьми и понеслись къ озеру Тинневали съ бѣшеною быстротою, которую страхъ придавалъ ногамъ коней. *Креббс* и *Габріель* отважно соскочили на землю, чтобы не покидать *Мунуссам*. *Гулабъ* и *Мирнуръ* пустились въ слѣдъ за Европейцами, и всѣ эти бѣглецы въ минуту исчезли за кустарникомъ.

Креббс и *Габріель*, держа одною рукою надъ водою свои карабины и пистолеты и, гребя другою, переправились вплавъ черезъ Лютхи. Такимъ образомъ между ними и тиграми была рѣчка и они могли издали помогать своимъ оружіемъ набабу, который остался на другомъ берегу, одинъ со своими страшными противниками.

Увлеченный своей отвагою, *Мунуссам* продолжалъ гнаться за раненымъ тигромъ и настигъ его недалеко отъ Гурула. Тамъ звѣрь получилъ смертельный ударъ и издохъ, вырывая зубами куски дерна.

Мунуссам оглянулся и увидѣлъ, что остался одинъ.

Габріель и *Креббс* поступили неблагоразумно, когда, же

лая помочь неустрашимому Индѣйцу, лишили себя необходимаго пособія, представляемаго добрымъ конемъ въ этой страшной охотѣ. Они бѣжали по лѣвому берегу Лютхи; но болота и рытвины представляли имъ неодолимыя преграды и останавливали ихъ на каждомъ шагу. Притомъ рѣка въ этомъ мѣстѣ такъ быстра, что переплыть ее невозможно; да если бѣ имъ и удалось переправиться на правый берегъ, какую помощь могли они подать *Мунуссами*, когда новый ревъ, ужаснѣе прежняго, показывалъ имъ, что раванскія ущелья извергаютъ все свое хищное населеніе. Подстрѣкаемые неодолимымъ любопытствомъ, путешественники вѣзали на дерево, господствовавшее надъ всей окрестностью и *Креббсъ*, который первый добрался до вершины, сказалъ, указывая *Габріелю* на цѣлое стадо звѣрей: — Ну что, теперь вы видите, что тигры дѣйствительно существуютъ? — Они переплывутъ черезъ рѣку, сказалъ *Габріель*. — О нѣтъ, она только кажется спокойною, здѣсь теченіе ужасно быстро.... Но гдѣ же нашъ хозяинъ? — *Креббсъ!* *Креббсъ!* посмотрите сюда въ-право... Пеоны взяли своихъ лошадей и поскакали прочь: они также насъ покидаютъ. — Я зналъ напередъ!.... Негодяи! они выпустили тигровъ на *Мунуссами*, и теперь, кончивъ свое дѣло, спокойно повхали домой.

Крикъ отчаянія, крикъ нечеловѣческій, ужасный, какъ ударъ въ тамтамъ, крикъ какъ будто вылетѣвшій изъ груди бронзоваго великана, волнуетаго страшнымъ шумомъ, огласилъ всю окрестность. Этотъ крикъ испустилъ *Мунуссами*: онъ увидѣлъ, что и слуги его, пеоны, доселѣ вѣрные и неустрашимые, ему измѣнили. Онъ остался одинъ, съ тремя выстрѣлами въ рукѣ, а передъ нимъ цѣлая стая тигровъ, которые, какъ живой потокъ; съ ревомъ низвергались изъ раванскихъ ущелій. Тутъ *Креббсъ* и *Габріель* увидѣли несчастнаго Индѣйца. Понуждая коня своего, онъ несся къ мрачнымъ скаламъ, которыми обставленъ былъ горизонтъ.

— О, надобно помочь ему, во что бы то ни стало! вскричалъ *Габріель*, и хотѣлъ соскочить съ дерева. *Креббсъ* удержалъ его. — Куда вы? сказалъ онъ; вы видите, уже смеркается; намъ и въ часъ не добѣжать до *Мунуссами*, да при-

томъ прежде надобно убить штукъ двадцать тигровъ. Если вы рѣшаетесь на это, то я отъ васъ не отстану.

Габріель схватился обѣими руками за свои черные волосы и уже не сказалъ болѣе ни слова.

Ночь, которая въ тѣхъ странахъ спускается на землю очень быстро, наступала со всеми своими ужасами. Но при последнемъ мерцаніи дня наши путешественники могли еще видѣть послѣднія усилія несчастнаго Индѣйца. Онъ мчался на коня своемъ; стая тигровъ неслась за нимъ. Подскакавъ къ отвѣснымъ скаламъ, онъ вскочилъ стоймя на сѣдлѣ, какъ-бы стараясь вскарабкаться на скалы; но снова опустился на сѣдло и устремилъ коня назадъ къ прежней крутой дорогѣ; выстрѣливъ изъ обонхъ пистолетовъ, онъ на минуту разбѣгалъ тигровъ и благополучно пронесся между ними къ рѣкѣ; но они снова погнались за своей добычею и нѣкоторые изъ нихъ почти въ одно время съ нимъ упали въ тростникъ, растущій у рѣки. Безоружный *Мукссами* чувствовалъ на обнаженныхъ ногахъ своихъ жаркое дыханіе тигровъ; стоя какъ наездникъ на сѣдлѣ, онъ еще сопротивлялся нѣсколько времени, разбивая прикладомъ карабина протягиваемыя къ нему морды. Но окровавленный конь, терзаемый сзади когтями и зубами, помчалъ его къ *Гурулу*. Тигры не отставали. Лошадь зашаталась на искусанныхъ ногахъ своихъ. *Мукссами* оглянулся, увидѣлъ за собою двѣнадцать разверзтыхъ пастей и — кинулся въ бездонный *Гурулъ*.

ПТИЦЫ АРХИТЕКТОРЫ. Океанія можетъ быть названа страню чудесъ. На ея островахъ, разсыпанныхъ на поверхности моря подобно безчисленнымъ звездамъ на небѣ, растенія, цвѣты, плоды, животныя, отличаются новыми, невиданными формами. То, что считали прежде баснословнымъ, становится тамъ существеннымъ. Тамъ водятся четвероногіе звѣри, которые похожи и на птицъ и на пресмыкающихся, у которыхъ клювъ утиный, шерсть собачья и ядовитые бодцы; тамъ плаваютъ черные лебеди, летаютъ крылатые змѣи и бгаютъ безкрылыя птицы. Въ Англій издается тетрадами книга подъ заглавіемъ: *Птицы Австраліи*, сочиненіе Ж. Гоуда (J. Gould). Въ четвертой тетради, недавно вышедшей, содержатся, между прочимъ, рисунки и описаніе

двухъ породъ. Одна называется по латиня *Kitta holose-gisea*, другая *Chlamimidega maculata*. Эти птицы съ красивыми перьями и крылышками. Она примѣчательны тамъ, что весною слетаются большими стаями, и общими силами устраиваютъ нѣзъ вѣточекъ, втыкаемыхъ въ землю, родъ галерей, которую украшаютъ перьями и различными раковинами. За раковинами эти архитекторы летаютъ иногда очень далеко. Такимъ образомъ устроенная галерея обращается въ увеселительный замокъ и садъ. Строители прилетаютъ туда каждый день; тамъ крылатые кавалеры любезничаютъ съ крылатыми дамами, веселятся, прыгаютъ и празднуютъ весну.

==

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

—

Считаемъ долгомъ обратить вниманіе родителей на прекрасный журналъ: *Звѣздочку*, издаваемый госпожею Ишмиовой, которая давно уже известна своими литературными трудами, посвященными пользѣ маленькихъ читателей. Этотъ журналъ издается госпожею Ишмиовой съ начала нынѣшняго года при содѣйствіи многихъ нашихъ литераторовъ. Всѣмъ извѣстенъ недостатокъ на русскомъ языкѣ хорошихъ книгъ, названныхъ для дѣтскаго чтенія, и потому *Звѣздочку* можно назвать настоящею звѣздою первой величины.

—Недавно вышелъ въ свѣтъ новый романъ: *Два призрака*, сочиненіе Ф. Фастъ-Дима. Имя этого литератора голландское, но душа въ немъ русская, одаренная талантомъ замѣчательнымъ. По благородному патриотизму, по чисто-русскому слогу, мы ясно видимъ, что авторъ—нашъ землякъ. Мы имъ въ правѣ гордиться и низачто его

не уступимъ Голландіи. Его призраки должно причислить къ самымъ существеннымъ, приятнымъ явленіямъ Русской Словесности. Объ этомъ романѣ дадимъ отчетъ въ слѣдующемъ номерѣ Сына Отечества.

УДИВИТЕЛЬНАЯ НОВОСТЬ.

Издатель журнала: *Блазнамъренный*, А. Е. Измайловъ напечаталъ однажды: «До меня дошло ужасное извѣстіе, что я — выговорить страшно! — что я..... умеръ!» Потомъ издатель въ длинной статьѣ неопровержимо доказалъ, что онъ живъ, какъ нельзя болѣе, и что онъ и не думалъ умирать. Въ журнальномъ мірѣ не мало встрѣчается самыхъ странныхъ приключеній.

На дняхъ дошло до насъ не ужасное, а также довольно странное извѣстіе, что хоть не я, редакторъ, а издаваемый мною *Сынъ Отечества* умеръ. Чудеса! Намъ бы всего ближе знать объ этомъ, а мы только на дняхъ услышали, и то стороною, это печальное извѣстіе, словесно распускаемое нѣкоторыми *немногими*, которые по *многимъ*, важнымъ для нихъ, причинамъ не очень любятъ *Сынъ Отечества* и не очень желаютъ ему долголѣтія. Чтобы избавить этихъ *немногихъ* отъ лишней хлопоты, мы рѣшились напечатать ихъ словесное извѣстіе, для скорѣйшаго распространенія его, нисколько не ругаясь однако же съ нашей стороны за его достовѣрность. Сколько намъ извѣстно, *Сынъ Отечества* покуда живъ и здоровъ, и желаетъ искренно

всѣмъ своимъ собратамъ, любящимъ и не любящимъ его, здоровья, долгоденствія и всевозможныхъ благъ. Выходъ въ свѣтъ нынѣшней, мартовской книжки *Сына Отечества* нѣсколько замедлился отъ обстоятельствъ, совершенно не зависѣвшихъ отъ редактора. Это можетъ иногда случиться и впредь; но смѣемъ увѣрить почтенныхъ нашихъ читателей въ одномъ, что всѣ обѣщанныя программю двѣнадцать книжекъ *Сына Отечества*, по одной за каждый мѣсяцъ, выйдутъ *непрѣменно* въ теченіе года, и что редакторъ приложитъ всевозможное стараніе не столько о выходѣ *Сына Отечества* въ назначенный день и часъ, сколько о наполненіи журнала статьями занимательными и стоящими вниманія читателей.

Ред. С. О. К. Масальскій.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

**ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.**

Часть II.

№ 4. — АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 13 Апрѣля 1842 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

РЕДАКТОРЪ КОНСТАНТИЙ МАСАЛЬСКИЙ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

—
ОТДѢЛЕНІЕ I.

Русская Исторія.

=

СКАЗАНІЯ

ПОЛЬСКАГО ИСТОРИКА КОВЪРЖИЦКАГО

О ПОХОДАХЪ ПОЛЬСКАГО КОРОЛЯ СИГИЗ-
МУНДА И КОРОЛЕВИЧА ВЛАДИСЛАВА
ВЪ РОССІЮ.

—

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

—

Событія 1617 — 1618.

—

Съ наступленіемъ весны 1617 года Владиславъ изгот-
овился къ походу, и 5 Апрѣля краснорѣчивый архіе-
пископъ гнѣзненскій Лаврентій Гембицкій, въ присут-
ствіи короля, напутствовалъ его торжественною рѣчью.
Прежде всего архіепископъ благодарилъ короля за то,
что отпускаетъ въ Россію сына своего, одареннаго
столь возвышенными качествами, величайшую надежду

августѣйшаго дома, избраннаго великимъ княземъ московскимъ; потомъ, по праву примаса и первенствующаго князя, увѣщевалъ королевича соблюдать благочестіе и справедливость; обуздывать войско съ должною строгостію; различать мужество отъ безразсудства; быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ мужами важными, извѣстными своимъ благоразуміемъ; въ несчастіи не унывать, и одушевляться примѣрами своихъ предковъ, особенно королей Казимира, Иоанна Алберта и отца своего Сигизмунда; а прежде всего помнить объ отцѣ, которому сынъ и на престолѣ обязанъ почтеніемъ и повиненіемъ, по законамъ Божескимъ и человѣческимъ. Напутствіе архіепископъ заключилъ слѣдующими словами: «Иди, лучшая наша краса, куда ведетъ тебя счастливая судьба!»

Эта рѣчь, исполненная важности и вмѣстѣ умѣренности, убѣдительныхъ доводовъ и трогательности примѣровъ, исторгла слезы и у короля и у королевича. Среди всеобщаго молчанія Владиславъ началъ говорить кротко и краснорѣчиво: «Желаю преуспѣвать въ добродѣтеляхъ, которыя превозносили архіепископъ: я знаю, что онѣ приличны моему происхожденію, и составляютъ главную основу и силу государствъ. Никогда не забуду республики польской, и она можетъ ожидать отъ меня всего лучшаго, чего только пожелаетъ сама. Очень хорошо знаю, чѣмъ обязанъ покорный сынъ наияснѣйшему отцу; гдѣ бы я ни былъ, всегда сохраняю повиненіе добрѣйшему моему родителю, и до самой смерти буду питать нѣжнѣйшія чувства.»

Послѣ того, архіепископъ поднесъ королевичу, для подписанія, хартію (diploma). Я никогда не могъ ни видѣть ея, ни узнать ея содержаніе, и потому, излагая только обстоятельства мнѣ совершенно извѣстныя, не могу ничего сказать о ней.

На другой день архіепископъ совершалъ литургію въ варшавскомъ костѣлѣ. Владиславъ стоялъ передъ боль-

шимъ престоломъ. По прочтеніи молитвы о помощи Святаго Духа, онъ принялъ отъ архіепископа торжественно освященный мечъ и знамя. Потомъ отслужили молебенъ; въ присутствіи многочисленнѣйшаго стеченія народа, который частью сопровождалъ его, частью стоялъ на дорогѣ и смотрѣлъ изъ оконъ и крышъ домовъ. Королевичъ сѣлъ въ лодку, чтобы переправиться черезъ Вислу. Король, королева, шведскій инфантъ и весь дворъ проводили его 12 левкъ до Вилизишки, гдѣ Иванъ Гостомскій воевода иноврацлавскій (*Inovradislaviensis*) блистательно и радушно принималъ ихъ величества. Щедрый хозяинъ подарилъ королевичу сотню отборной пѣхоты, и обѣщался содержать ее на своемъ иждивеніи. Цѣлый день августѣйшій домъ провелъ въ увеселеніяхъ, а на другой отъправились король въ Варшаву, а королевичъ въ Люблинъ. Разставаніе было горестное: прощаясь, сынъ упалъ къ ногамъ отца, и крѣпко обнялъ его колѣна; а отецъ, заливаясь слезами, осыпалъ поцѣлуями его голову. Вельможи на-перерывъ старались показать свое расположеніе къ Владиславу, и сопровождали его до Люблина: воевода иноврацлавскій Иванъ Гостомскій, воевода русскій * Иванъ Данѣловичъ, кастелянъ вислицкій (*Visliciensis*) Рафалъ Лещинскій, маршалокъ королевства Николай Вольскій, казначей королевства Николай Данѣловичъ, королевскій шталмейстеръ Христофоръ Эбаражскій, староста брехтенскій (*Bratianensis*) Павелъ Дзялинскій, Яковъ Собѣскій и другіе дворяне. Предъ Люблиномъ королевича встрѣтилъ староста Фирлей (*Firlejus*) съ знатнѣйшимъ дворянствомъ, чиновниками и гражданами съ воинскими знаменами, а у самаго города епископъ каменецкій Казимирскій, кастелянъ виленскій Іеронимъ Ходкевичъ, князь Константинъ Острожскій и многіе другіе, въ сопровожденіи блистательной конницы и пѣхоты. Нѣсколько дней ко-

* Галицкій.

ролевичу представлялись чины; предсѣдатель парламента (Parlament) брестскій судья Мартинъ Тулибовскій отъ имени всѣхъ въ длинной рѣчи изъяснилъ чувства уваженія; а краковскій кастелянъ князь Иванъ Острожскій поздравлялъ съ прибытіемъ, и окончилъ желаніемъ счастливыхъ успѣховъ въ предпринятомъ походѣ.

Изъ Люблина королевичъ отправился въ Луцкъ, и во Владимірѣ, въ день Вознесенія Господня, посѣтилъ уніатскую церковь, слушалъ обѣдню, которую служилъ епископъ Мораковскій по восточному обряду; на молебнѣ освящено было знамя съ московскою живописью, и его королевичъ вручилъ русскому дворянину Евдокимову (Eudakino). Это очень радовало Русскихъ, и молва разгласила, что Владиславъ приноровляется къ русской вѣрѣ и русскому благочестію.

Владислава очень беспокоили остановки, потому-что, по причинѣ приготовленій Польши къ войнѣ съ Турками, онъ не могъ слѣдовать прямо въ Московію, принужденъ былъ долгое время прожить въ Луцкѣ, и большую часть своего войска отправить къ Жолкѣвскому. Уже съ войсками турецкими, молдавскими, волошскими и трансильванскими, которыя велъ Виолемъ Габоръ, Искендеръ — паша приближался къ предѣламъ Польши, когда Владиславъ, получивъ въ Луцкѣ письмо отъ короля, двинулся къ Кременцу, а на дорогѣ встрѣтилъ въ Дубнѣ, Андрея Шольдерскаго, посланнаго отъ Жолкѣвскаго съ извѣстіемъ, что, по мнѣнію гетмана, королевичъ безразсудно бросается на такую опасность, оставивъ послѣшно Луцкъ, гдѣ могъ быть въ безопасности; при этомъ Жолкѣвскій совѣтовалъ остановиться съ однимъ полкомъ въ Кременцѣ, а прочее войско прислать на помощь къ нему, подъ командою Мартина Казановскаго. Владиславъ не принялъ совѣта; въ то время онъ стоялъ лагеремъ въ двухъ миляхъ отъ Кременца, и, дабы не унизить себя, велѣлъ двинуться къ городу Збаражу; оттуда рѣшился послать войско къ Жолкѣвско-

му, а самому, укрѣпившись, оставаться съ пѣхотою. Здѣсь кстатѣ подошлѣли письма отъ литовскихъ вельможъ, особенно отъ канцлера Льва Сапѣги, который совѣтовалъ послать войско къ польскому гетману, а съ остальнымъ спѣшить въ Московію; того же мнѣнія былъ и главный начальникъ Владиславова войска Ходкевичъ, съ тѣмъ чтобы королевичъ оставилъ при себѣ нѣскольکو русскихъ дворянъ, перешедшихъ къ Владиславу. Но Жолкѣвскій не давалъ покою своими письмами, повторяя, что королевичъ не долженъ ничего предпринимать безъ воли короля. Владиславъ написалъ къ королю въ Литву, что онъ будетъ дѣлать все, что ни прикажетъ его величество, а въ ожиданіи отвѣта въ третій разъ расположился лагеремъ, при рѣкѣ и озерѣ Оронѣ. На третій день послѣ того, какъ королевичъ сталъ лагеремъ, получено приказаніе Сигизмунда спѣшить въ Московію. Владиславъ въ восторгѣ поручилъ Мартину Казановскому вести войско къ Жолкѣвскому: четыре сотни конныхъ пикинеровъ Казановскаго, Вровецкаго, Гнѣвосскаго и Козаковскаго; двѣ легко-конныя сотни Зардецкаго и Витославскаго; а прежде отправилъ двѣ сотни пикинеровъ Карсницкаго и Лиходовскаго, три легко-конныя сотни Рудэскаго, Рознятовскаго и Козики, и четыре-ста человекъ пѣхоты подъ командою опытнаго полковника Карсницкаго. Съ Владиславомъ остались четыре сотни пикинеровъ воеводы Сохачевского, маршала двора Владиславова Константина Плихты, воеводы белзскаго Станислава Жоравинскаго, старосты сремскаго (Sremensis) Петра Опалинскаго и Якова Собѣскаго; четыре легко-конныя сотни, столько же хоругвій рейтаровъ подъ командою Денгофа и Медона, двѣ-тысячи-четыре-ста человекъ пѣхоты полковниковъ Кохановскаго, Нѣваровскаго, Новомейскаго и Апельмана. Всѣмъ этимъ войскамъ Владиславъ назначилъ прибыть въ городъ Могилевъ на Днѣпрѣ въ шесть недѣль или немного позже, а самъ туда же

отправился скорѣе; но войско пришло нѣсколько позже назначеннаго срока.

Въ Могилевѣ Выборные держали совѣтъ; они положили попытаться склонить Русскихъ средствами кротости; для этого отправили королевскаго секретаря Ивана Рыдзицкаго въ столицу съ грамотою къ боярамъ и всѣмъ чинамъ. Въ грамотѣ было сказано, что великій князь Владиславъ идетъ на царство, на которое избралъ его добровольноу русскій народъ, и въ вѣрности принесъ присягу; что теперь Русскіе должны остерегаться, чтобы не запятнать себя постыднѣйшимъ вѣроломствомъ, и тѣмъ не навлечь на себя наказанія отъ Бога, который отмститъ за ужасное преступленіе; по-этому должны принять своего князя и государя, который приходитъ къ своимъ подданнымъ съ миромъ, и назначить мѣсто и время для совѣщаній о предметахъ, подлежащихъ рѣшенію.

Въ это время главный начальникъ Ходкевичъ находился съ своимъ литовскимъ войскомъ подъ Дорогобужемъ. Выборные тотчасъ послали къ нему, чтобы онъ приостановился штурмомъ, и держалъ бы городъ только въ осадѣ; иначе Русскіе, къ которымъ Рыдзицкій отправился съ мирными предложеніями, не будутъ имѣть довѣрія, если въ то же время гетманъ силою оружія будетъ домогаться гибели осажденныхъ. Но посольство Рыдзицкаго осталось безъ успѣха: въ Вязьмѣ его задержали, и онъ, не имѣя возможности слѣдовать далѣе, воротился ни съ чѣмъ; съ упорствомъ Русскихъ уже нужно было развѣдаться мечемъ, а не кроткими совѣтами.

Ходкевичъ увѣдомилъ Владислава, что нѣсколько тысячъ непріятелей спѣшатъ на помощь осажденнымъ, и королевичъ велѣлъ войску какъ можно скорѣе двинуться къ Смоленску. Когда остановились лагеремъ при Смоленскѣ, на противоположномъ берегу Днѣпра, тотчасъ явился и Ходкевичъ. На военномъ совѣтѣ пред-

ложенъ былъ вопросъ: куда прежде нужно обратить оружіе — на Дорогобужъ или на Вязьму? Гетманъ весьма благоразумно подалъ голосъ, что королевичу прежде всего пужень Дорогобужъ; эта первая крѣпость будетъ опытомъ судьбы Владислава; Дорогобужемъ очень дорожатъ Русскіе, и мать Михаила, по юности сына, принимающая участіе въ правленіи, опасаясь потерять этотъ важный пунктъ, прислала туда изъ столицы двѣсти дворянъ, а чтобы имѣть поручительство въ ихъ вѣрности, женъ ихъ оставила аманатами; сверхъ-того въ Дорогобужъ введено много стрѣльцовъ, которымъ за вѣрную службу и мужество обѣщаны щедрыя награды — права дворянства. Притомъ, снятъ осаду стыдно, и съ такимъ сильнымъ войскомъ, когда уже всюду пронесся слухъ о прибытіи самого королевича, нельзя отчаиваться въ успѣхѣ: осажденные или раздѣлятся на партіи, или, если рѣшатся перевѣдаться оружіемъ, должны быть разбиты. Тутъ королевичъ покажетъ примѣръ и милости и страха прочимъ крѣпостямъ русскимъ.

Совѣтъ Ходкевича былъ всѣми одобренъ, кромѣ люцкаго епископа Андрея Липскаго, и тѣмъ болѣе заслужилъ похвалъ, что увѣнчался счастливымъ успѣхомъ. На шестой день по снятіи лагеря, Владиславъ прибылъ къ Дорогобужу; непріятель, устрешенный слухомъ, что идетъ самъ королевичъ, противъ ожиданія сдалъ крѣпость. Тамъ начальствовали два воєводы Иванъ Адауровъ (Ododurus) и Ѳедоръ Семеновъ (Sumonus). Имѣсть съ Ходкевичемъ, котораго просили быть ходатаемъ за нихъ предъ королевичемъ, они вышли изъ города въ сопровожденіи почти тысячи дворянъ, стрѣльцовъ и прочихъ воиновъ; за ними слѣдовало духовенство съ крестами и иконами, а наконецъ толпа народа съ хлѣбомъ и солью въ знакъ привѣтствія и покорности. У палатки сидѣлъ Владиславъ на возвышенномъ сѣдалищѣ, окруженный придворными, полковниками,

ротмистрами и тѣлохранителями; онъ принималъ покорившихся, и цѣловалъ кресты, принесенные священниками. Воеводы, повергнуши къ ногамъ королевича знамена, пали на землю, и умоляли о пощадѣ, обѣщаясь загладить свои преступленія вѣрною службою. Отъ имени королевича отвѣчалъ канцлеръ великаго княжества литовскаго Левъ Сапѣга, что милостивѣйшій князь даритъ имъ жизнь, и прощаетъ ихъ безмѣрное преступленіе (!!!); теперь ихъ обязанность заслужить милость великаго князя повиновеніемъ и постоянною вѣрностію; если кого изъ дворянъ и войска призываютъ жены, дѣти или домашнія дѣла, то королевичъ отпускаетъ ихъ, въ надеждѣ, что они, испытавъ столько его благосклонности и милости, будутъ совѣтовать своимъ соотчичамъ, чтобы они, помня свою клятву, старались заслужить себѣ милость покорностію, и приняли избраннаго ими князя, если не хотятъ навлечь себѣ гибель. А если кто вступить въ службу, то будетъ получать жалованье и особую милость.

Пользуясь забвеніемъ прошедшаго и дозволеніемъ идти куда угодно, Федоръ Семеновъ (Sumonus) съ двумястами дворянъ отправился въ столицу; а королевичъ, чтобы еще болѣе распространить славу о своемъ милосердіи и щедрости, отпускаая ихъ, подарилъ каждому по два венгерскихъ червонца; прочіе съ воеводою Ададуровымъ (Ododurovo) остались въ службѣ Владислава.

Между-тѣмъ Ходкевичъ старался устроить дѣла въ Дорогобужѣ. Этотъ городъ лежитъ при Днѣпрѣ, около осьмнадцати миль отъ Смоленска, и прежде имѣлъ много жителей. Впугри на возвышеніи построена крѣпость, а на другомъ холмѣ устроено сильное укрѣпленіе для обороны жителей. Въ крѣпости гетманъ расположилъ пѣхоту Нѣвяровскаго, а въ укрѣпленіи — Аппельманову; онъ снабдилъ ихъ пушками, порохомъ, ядрами и

другими необходимыми принадлежностями крѣпостей, которыхъ въ Дорогобужѣ оказалось очень много.

Успѣхъ въ Дорогобужѣ побуждалъ Владислава предаться своему счастью и пожинать лавры побѣдъ, которыя облегчила бы предвѣстница — молва, и устрашила бы мятежные умы. По-этому епископъ Липскій и канцлеръ Сапѣга совѣтовали тотчасъ вести войска къ Вязьмѣ, напасть какъ можно скорѣе на войска, которыя, бывъ отправлены изъ Москвы на выручку осажденныхъ въ Дорогобужѣ, находились теперь при Вязьмѣ; изумленные неожиданною быстротою и устрашенныя вѣстью о прибытіи самого королевича, утверждалъ Сапѣга, они не выдержатъ напора сильнаго войска Владислава; разбитый непріятель распространить по Московіи страхъ и трепеть, ибо это войско, на которое и была вся надежда Русскихъ, состояло не больше какъ изъ четырехъ-тысячъ человекъ. Если же стать на зимнія квартиры при Дорогобужѣ, то фуражировать нужно будетъ вооруженною рукою, потому-что напередъ не позаботились чѣмъ кормить войска, находившіяся при Владиславѣ; напротивъ того Ходкевичъ свое войско разставилъ по селамъ и деревнямъ въ окрестностяхъ Смоленска, и раздѣлилъ имъ жителей по участкамъ. По-этому, говорили Липскій и Сапѣга, нужно ввѣриться счастью, выигрывать быстротою, и внушить народу, что онъ долженъ обратиться къ милосердію королевича: Дорогобужъ показалъ примѣръ другимъ крѣпостямъ, и звѣзда надежды блеститъ надъ Вязьмою; наконецъ, нужно помнить о республикѣ, чтобы не вовлечь ея въ продолжительную войну; а войско, оставивъ на одномъ мѣстѣ, можно приохотить къ праздности и бездѣйствію.

Противъ этого Ходкевичъ выставлялъ трудности наступающей зимы; говорилъ, что войско его, нуждающееся въ деньгахъ, не легко вызвать изъ занимаемыхъ имъ квартиръ; что только достатокъ въ продовольствіи

дѣласть его смирнымъ; и если двинуть его съ мѣста, то, обезсиленное, оно не въ состояніи будучи переносить трудности войны, сдѣлается упрямымъ. Основывать надежду покоренія Вязьмы на примѣръ Дорогобужа не позволяетъ наступающее холодное время, неудобное для открытой осады крѣпостей. По причинѣ безвременья не будетъ ни малѣйшаго успѣха, а стоять королевичу долгое время подъ Вязьмою неприлично. Зазимовать же въ Дорогобужѣ можно безъ ущерба чести: отсюда можно фуражировать на большомъ пространствѣ окрестностей, поставить въ удобныхъ мѣстахъ укрѣпленія и набѣгами утомлять непріятеля; а къ исходу зимы войско отдохнетъ, исправитъ свои нужды полученнымъ жалованьемъ, и тогда можно будетъ вывести его въ поле. Такъ говорилъ Ходкевичъ не столько по собственному убѣжденію, сколько по совѣту ротмистровъ и войска, которымъ не хотѣлось покинуть удобныя квартиры и запасы съѣстныхъ припасовъ.

Уже рѣшено было зимовать у Дорогобужа, какъ явились депутаты отъ имени гражданскихъ властей и жителей Вязьмы; они объявили Владиславу, что войска русскія, устрашенные прибытіемъ великаго князя, бѣжали къ Москвѣ, а Вязьмичи, помня присягу, изъявляютъ великому князю московскому Владиславу должную покорность, винятся въ своемъ преступленіи, испрашиваютъ милосердія князя, и вѣряютъ его милости себя и все, имъ принадлежащее. Обнадеживъ депутатовъ своею милостію, королевичъ отпустилъ ихъ, и въ то же время велѣлъ Шенну (Shino), Евдокимову (Eudokino) и вяземскому воеводѣ Ефимьеву (Eugutzicio) принять городъ, крѣпость и отъ жителей присягу, а въ слѣдъ за ними отправился и самъ, и прибылъ на пятый день. При вѣздѣ королевича въ городъ, войско выстроено было, для большей важности, въ боевой порядокъ, что инопле изъ Русскихъ внимательно замѣчали.

По взятіи Вязьмы, получено извѣстіе, что русскія

войска, миновавъ Можайскъ, пошли къ Москвѣ, а часть ихъ, бросивъ знамена, разсѣялась; что Можайскъ почти не имѣетъ гарнизона, крѣпость открыта и слаба, а жители хотятъ сдать ее Владиславу. И такъ судьба открывала королевичу путь на царство; оставалось только дѣйствовать съ быстротою, которая, подобно бурному потоку, отторгла бы отъ уstraшеннаго непріятеля города и крѣпости. Выборные совѣтовали какъ можно скорѣе послать часть войска занять Можайскъ, прежде нежели непріятель опомнится отъ бѣгства и страха. Но войско не хотѣло повиноваться, подъ предлогомъ бѣдности, недостатка въ продовольствіи, лошадахъ и деньгахъ. Вѣроятно, военачальники сами внушили такіа мысли войску, и на него свернули всю вину, чтобы самимъ остаться въ сторонѣ.

Здѣсь судьба первый разъ поблагопріятствовала Русскимъ, и стала спиною къ Владиславу. Сколь нужно было завладѣть Можайскомъ, — пунктомъ весьма важнымъ, вблизи отъ столицы, откуда можно было дѣлать нападенія, — открылось скоро, съ потерей и успѣха и времени. Русскіе, узнавъ, что Поляки дѣйствуютъ вяло, и не умѣютъ пользоваться счастьемъ, послѣшно возвратились въ Можайскъ, ввели туда сильный гарнизонъ, на случай нападенія построили новыя укрѣпленія, окружили городъ палисадами, и смѣло засѣли, надѣясь остановить стремленіе Поляковъ и замедлить ихъ побѣды.

Ходкевичъ, какъ сказано выше, съ наступленіемъ холоднаго времени размѣстилъ свое войско (литовское) на зимнія квартиры весьма удобно, раздѣливъ по артелямъ села и деревни въ вяземскомъ округѣ, и только нѣсколько отборнѣйшихъ хоругвий конницы и пѣхоты оставилъ въ Вязьмѣ для охраненія Владислава; чтобы развлечь непріятеля, назначилъ пунчты, на которыхъ нужно сдѣлать укрѣпленія, и войска, переходя съ мѣста на мѣсто, препятствовали бы нападеніямъ непріятеля, утомляли его своими набѣгами, и такимъ образомъ могли

свободно фуражировать. А какъ больше всего боялись можайскаго гарнизона, то Ходкевичъ приказалъ Рѣжицкому и Оporовскому * спѣшить къ городу Боровску (Сагович) въ шести миляхъ отъ Вязьмы и въ десяти отъ Можайска, сдѣлать тамъ крѣпостцу и содержать караулъ, а между-тѣмъ вывѣдывать, что дѣлается въ Можайскѣ, наблюдать за непріятелемъ и дѣлать развѣды по дорогѣ. Но ротмистры дѣйствовали вяло, особенно Рѣжицкій; на мѣсто Руцкаго прислали Оporовскаго. Войско, разсѣявшись по селеніямъ, не заботилось о своей безопасности, забыло военную дисциплину, не имѣло сторожевыхъ пикетовъ, а, къ довершенію бѣды, Рѣжицкій безразсудно употреблялъ крестьянъ для шпионства: ночью они подвели Русскихъ, которые живьемъ взяли Рѣжицкаго, пировавшаго съ своими товарищами. Напрасно прискакалъ Оporовскій на помощь, и, схвативъ знамя Рѣжицкаго, мужественно сразился; израненнаго, его взяли, многихъ убили, только часть спаслась бѣгствомъ въ Вязьму, всѣхъ прочихъ увели Русскіе въ плѣнъ. Конюховъ (Koniuschus), Русскій преданный Владиславу, казалось, поправилъ дѣло, вступивъ въ крѣпостцу съ двумя-стами человекъ конницы и пѣхоты, чтобы наблюдать за Можайскомъ; но скоро со всѣмъ своимъ войскомъ бѣжалъ въ Можайскъ, и вѣсть объ этомъ навела тѣмъ болѣе ужаса на Вязьму, что Конюховъ пользовался совершенною довѣренностію королевича.

Усилили караулы, въ укрѣпленія ввели побольше войска, всю пѣхоту венгерскую и нѣмецкую вывели въ поле, конницу поставили для охраненія Владислава, а все войско стояло на-готовѣ, какъ-будто непріятель уже находился передъ воротами Вязьмы. Русскіе безпре-

* Тутъ, по всей вѣроятности, ошибка, потому-что Оporовскій, какъ сказано ниже, въ послѣдствіи времени былъ назначенъ на мѣсто Руцкаго.

станно присылали то изъ Москвы, то изъ Можайска лазутчиковъ волновать жителей, и убѣждали отложиться отъ Владислава; для этого разсѣивали письма, за подписью духовенства, что присяга королевичу уже не имѣетъ силы, и что никому не должно повиноваться, кромѣ Михаила Теодоровича, которому присягнули недавно. Разсѣвателей писемъ открыли и наказали; а въ опроверженіе убѣжденій о ничтожности присяги Владиславу обнародовали грамоту архіепископа смоленскаго довольно строгую и грозную, — и на время все утихло.

Въ такомъ положеніи находились дѣла между Можайскомъ и Вязмою, когда пришелъ въ Калугу князь Пожарскій съ семью-тысячами отборнѣйшаго войска. Въ числѣ ихъ было пять-тысячъ конницы — остатокъ войска мужественнаго и опытнаго гетмана Заруцкаго. Пожарскій, опасаясь, чтобы они не перебѣжали къ Владиславу, роздалъ имъ съ возможною точностію жалованье, и ввелъ въ крѣпость, откуда труднѣе бѣжать, а наблюдать за ними среди окоповъ безопаснѣе и удобнѣе. Противъ войска Заруцкаго Владиславъ тотчасъ послалъ *Лисовчиковъ*, прозванныхъ такъ отъ имени ихъ прежняго начальника Александра Лисовскаго, извѣстнаго своею силою и смѣлостью, который во время междоусобій Московіи, рыскалъ по всему царству, доходилъ до горъ Рифейскихъ и неизвѣстныхъ народовъ*. Какъ самъ Лисовскій бросался на всѣ опасности, такъ приучилъ и своихъ солдатъ, и, какъ-бы обрeksi уже ихъ на вѣрную смерть, обыкновенно называлъ военнымъ терминомъ *погибіе* (*perditi*). Этимъ войскомъ по смерти Лисовскаго командовалъ Чаплинскій; воспитанный въ школѣ Лисовскаго, онъ равнялся своему учителю.

Получивъ повелѣніе Владислава, Чаплинскій съ изу-

* Преувеличеніе, хотя Лисовскій въ самомъ дѣлѣ заходилъ далеко.

нительною быстротою пролетѣлъ вдоль и поперегъ по всей Московіи *, разнося всюду страхъ и опустошеніе; искалъ войскъ Заруцкаго, поражалъ ихъ, и особенно отличился при Мещовскѣ (Mescerscum), куда они бѣжали: городъ не хотѣлъ сдаться; Чаплинскій взялъ его, а всѣхъ жителей истребилъ; войско заперлось въ крѣпости, онъ отнялъ воду; доведенное до крайности, войско предложило сдать крѣпость со всѣми снарядами, если Чаплинскій поклянется, что отпустить ихъ свободно. Зная, какъ важенъ этотъ пунктъ, Чаплинскій согласился, и гонецъ поскакалъ къ Владиславу съ вѣстью о побѣдѣ и съ плѣннымъ воеводою мещовскимъ, комендантомъ города и крѣпости **.

Въ Мещовскѣ отправили сремскаго воеводу Петра Опалинскаго съ сильнымъ отрядомъ конницы. Ему приказано было занимать непріятеля частыми набѣгами, и, снесясь съ Чаплинскимъ и Лисовчиками, построить укрѣпленія и осадить Пожарскаго; а если бы онъ обратился къ Москвѣ или къ Можайску, то завязать съ нимъ дѣло, и затруднять отступленіе. Опалинскій не дремалъ: построилъ крѣпостцу при Товарковѣ (Tovarckovia), въ четырехъ миляхъ отъ Калуги, хитростию выманилъ непріятеля изъ города, напалъ на него дружно, многихъ убилъ, пятьдесятъ человекъ взялъ въ плѣнъ, и въ томъ числѣ родственника князя Пожарскаго. Успѣхъ былъ бы еще блистательнѣе, если бъ Лисовчики, находившіеся въ засадѣ, не бросились въ бой раньше, нежели слѣдовало

Князь Пожарскій былъ вождь *осторожный, необыкновенно благоразумный и въ ратномъ дѣлѣ опытный* ***; будучи однимъ изъ главныхъ виновниковъ перваго возстанія Русскихъ, онъ воевалъ постоянно. Нападенія Опа-

* Опять преувеличеніе.

** Слѣдовательно, Чаплинскій нарушилъ клятву.

*** Отзывъ современника и Поляка, чрезвычайно важный для насъ.

линскаго князь Пожарскій отражалъ смѣло, и не разъ выходилъ изъ боя побѣдителемъ.

Пожарскій послалъ восемь—сотъ человекъ конницы и четыре—ста пѣхоты построить крѣпостцу между Боровскомъ и Калугою, въ четырехъ миляхъ отъ Товаркова. Русскіе принялись за дѣло дружно и работали скоро. Опалинскій выславъ противъ нихъ конные отряды Денгофа и Рамульта, но судьба благопріятствовала Русскимъ: Пововойскій и одиннадцать человекъ изъ отряда Денгофа были убиты, Хелмскій и Касмерскій были изранены; Поляки, потерявъ лошадей, дали тылъ, насколько не помѣшавъ работъ Русскихъ. По первой вѣсти Опалинскій прискакалъ на помощь, но было уже поздно. Это пораженіе Поляковъ, казалось, вознаградилъ Рамульть, убивъ вскорѣ послѣ того почти двѣсти Русскихъ, которыхъ Пожарскій отправилъ подъ командою извѣстнаго наѣздника Печонки (Pieschonki), на рекогносцировку; но когда уже побѣда клонилась на сторону Поляковъ, самъ Рамульть, отличный кавалерійскій начальникъ, палъ отъ руки стрѣльца, къ горести и Опалинскаго и всего войска.

Опалинскій и князь Пожарскій имѣли частыя стычки. Опалинскій съ Лисовчиками и съ своимъ войскомъ внезапно бросился къ Калугѣ, зажегъ городъ, а утраченный непріятель не посмѣлъ выйти на встрѣчу. Пожарскій послалъ отрядъ къ укрѣпленію при Товарковѣ, устроенному для охраненія провіанта, и защищаемому людьми Опалинскаго. Три дня Русскіе нападали; наконецъ укрѣпленіе взяли и сожгли. Защищавшіе понесли большой уронъ, но и Русскіе не обошлись безъ потерь.

Такимъ образомъ, не смотря на зимнее время, неудобное для войны, войска Владислава не оставались безъ дѣйствія: во многихъ мѣстахъ устроили укрѣпленія противъ непріятеля; лучшіе отряды конницы раз-

сыпались по всѣмъ областямъ Московіи за языками * и провіантомъ; пѣкоторые опустошали селенія и города, тревожили непріятеля; хотя и сами были иногда поражаемы, однако жъ возвращались съ добычею къ Владиславу. Особенно отличались въ набѣгахъ Лисовички подъ начальствомъ Чаплинскаго; нельзя пройти молчаніемъ и подвиговъ Соколовскаго и Якушевскаго, командовавшихъ легко-конными отрядами, которые часто побѣждали непріятеля; впрочемъ и другіе отряды также храбро сражались съ Русскими, мстившими за убійство своихъ соотчичей и опустошеніе страны. Русскіе, избѣгая открытой битвы, не разъ неожиданными нападеніями наказывали неосторожность Поляковъ, разсыпавшихся по селеніямъ.

Въ это время Ходкевичъ составилъ планъ взять хитростію Можайскъ, и хотя онъ не увѣнчался успѣхомъ, однако жъ заслуживаетъ быть извѣстнымъ, потому-что въ походѣ участвовалъ самъ Владиславъ. Судьба благопріятствовала покоренію Можайска; но, какъ выше сказано, строптивость войска, въ которой послѣ тяжко разскаивались, не допустила привести это въ исполненіе. Засѣвшій тамъ непріятель дѣлалъ удачныя вылазки; вожди Владислава увидѣли, что опасность, угрожающая гибелью, со дня на день увеличивается, тѣмъ болѣе, что Русскіе были очень осторожны; только изрѣдка и то съ большимъ трудомъ черезъ лазутчиковъ можно было узнать о ихъ замыслахъ. По плану Ходкевича, надобно было, взявъ нѣсколько отрядовъ войска, безъ малѣйшей огласки, сѣсть къ Можайску, и тамъ поступить слѣдующимъ образомъ: когда конные и пѣшіе караулы ночью будутъ въ полѣ за городомъ и крѣпостію, внезапно напасть на нихъ, на плечахъ ихъ ворваться въ городъ, зажечь дома, и среди смятенія,

* Добыть языка значило въ старину: захватить внезапно такихъ людей, отъ которыхъ можно что вывѣдать.

страха непріятеля и звука оружія, къ воротамъ крѣпости подложить петарду; въ это время извѣстныхъ хоругви пѣхоты должны броситься въ крѣпость. На случай, еслибы непріятель рѣшился смѣло вступить въ бой. взяли войско самое отборное, и въ достаточномъ числѣ, а именно: пять сотенъ конныхъ пикинеровъ Ходкевича, Госѣвскаго, Кишки, минскаго старосты Николая Зѣневича и Гембульта; три сотни рейтаровъ Медона, Клебецкаго и Гадени; три легко-конныя сотни; Лермунтъ и Бутлеръ вели по пяти-сотъ человекъ пѣхоты, столько же Нѣвяровскій, пять хоругвий Вареолема Новодворскаго и нѣсколько полевыхъ орудій.

Владиславъ горѣлъ желаніемъ участвовать въ этомъ походѣ, не смотря на разнорѣчіе Выборныхъ. Они прежде всего предложили на совѣтѣ вопросъ: согласно ли съ достоинствомъ королевича началствовать надъ войскомъ, дѣлающимъ нападеніе, и вмѣшиваться въ толпу солдатъ? Главный начальникъ гетманъ Ходкевичъ, кастелянъ сохачевскій Константинъ Плинта и Яковъ Собѣскій говорили, что хотя королевичъ и можетъ быть въ безопасности при войскѣ, одушевленномъ мужествомъ, но тутъ больше всего слѣдуетъ подумать о чести королевича, а нечаянный набѣгъ трудно совмѣстить съ честію. Если, по общему принятому обычаю, и главнымъ вождямъ запрещается быть въ подобныхъ случаяхъ, а войска ввѣряются начальникамъ дознанной храбрости; то тѣмъ болѣе неприлично это царственному юношѣ, и нужно опасаться, что король и республика потребуютъ отчета въ опрометчивости отъ тѣхъ Выборныхъ, которые согласятся на участіе Владислава въ настоящемъ походѣ. Сверхъ-того, тайныя набѣги составляютъ какъ-бы военное воровство, и должны быть предпринимаемы подъ именемъ лицъ неизвѣстныхъ; какъ же тутъ скрыть присутствіе самого королевича, и утаить отъ Вязьмы его отсутствіе? А если успѣхъ не будетъ соответствовать ожиданіямъ и нужно будетъ от-

уступить, не сдѣлавши ничего; то пострадаетъ слава королевича и придастъ бодрости непріятелю. Но какъ извѣстно было, что Владиславъ, стремясь къ славѣ, лучше согласенъ былъ не имѣть успѣха, нежели мужества; то епископъ луцкій Андрей Липскій сказалъ, что королевичъ непремѣнно долженъ участвовать въ походѣ, чтобы присутствіемъ своимъ возбудить рвеніе и любовь войска; что Владиславъ, добровольно вмѣшиваясь въ толпу войска и раздѣляя съ нимъ военные труды, долженъ быть почитаемъ даже выше королевской крови, и нисколько тѣмъ не нарушаетъ достоинства королевича. Напротивъ, это еще относится къ его славѣ, и воинственный юноша тѣмъ внушаетъ къ себѣ въ непріятеляхъ страхъ и уваженіе. Упражняться въ трудахъ и привыкать къ войнѣ не безславно, и въ древности великіе государи и князья вмѣняли себѣ это въ честь. Въ случаѣ неуспѣха не будетъ ни малѣйшаго ущерба достоинству королевича, ибо опытъ показываетъ, что неожиданныя и тайныя нападенія часто остаются безуспѣшными отъ самыхъ незначительныхъ причинъ, никогда впрочемъ не уменьшая чести и славы вождей. Когда же Ходкевичъ отправится съ войскомъ, то что можетъ быть порукою въ безопасности королевича въ Вязьмѣ?

Владиславъ ни мало не заботился объ этихъ спорахъ, и рѣшился отправиться, хотя бы Выборные на то и не согласились. Ходкевичъ противъ воли долженъ былъ уступить.

Ночью гетманъ повелъ войска; за нимъ послѣдовалъ и Владиславъ, ввѣривъ Харлинскому команду надъ пѣхотою и конницею, оставленною для охраненія Вязьмы. Шли всю ночь и на другой день къ полудню пришли къ городу Боровску (Саровиш) позже, нежели предполагали, потому что орудія и пѣхота не могли послѣдовать за конницею; дороги были дурны, и слѣдовательно нельзя было приступить къ Можайску въ назначен-

ное время. Въ двухъ мѣсяцѣхъ отъ Можайска попался на встрѣчу Бачинскій, котораго незадолго передъ тѣмъ послали въ Москву съ письмомъ къ боярамъ, и который ѣхалъ назадъ въ сопровожденіи пятидесяти всадниковъ, данныхъ ему изъ Москвы для охраненія. Передовые разъѣзды, встрѣтивъ ихъ, напали, разсѣяли, часть взяли въ плѣнъ, и послѣ уже увидѣли, что это было прикрытіе Бачинскаго.

Бачинскій сказалъ Ходкевичу, что походъ предпринять напрасно: Русскіе черезъ лазутчиковъ узнали о приготовленіяхъ, назадъ тому уже шесть дней; въ Можайскѣ Лыковъ съ восемью-тысячами отборной пѣхоты и конницы; городъ обведенъ рвомъ, окопанъ высокимъ валомъ и гарнизонъ мужественъ; сверхъ-того со всѣхъ сторонъ сдѣланы палисады, ямы, и нечаяннымъ приступомъ взять городъ нельзя. Перейти ровъ и валъ едва ли можно, особенно когда гарнизонъ, ожидающій нападенія, дастъ сильный отпоръ; и вообще, по его мнѣнію, Можайскъ взять можно только голодомъ. Всѣ надежды Ходкевича завладѣть Можайскомъ рушились: выставить противъ непріятеля знамена, которыхъ онъ не боится, было и неприлично и безславно; а жестокая зима и недостатокъ провіанта не позволяли и думать объ осадѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтили Бачинскаго, остановились на ночь, выславъ, изъ опасенія близости непріятеля, вокругъ разъѣзды; но непріятель преспокойно оставался въ Можайскѣ.

На другой день гетманъ повелъ войско назадъ; прошедши около четырехъ миль, расположились лагеремъ, и Ходкевичъ, давъ свободу тремъ плѣннымъ, написалъ черезъ нихъ къ Лыкову: «Я имѣлъ мысль отмстить за «долговременное задержаніе Бачинскаго, противу на-«родныхъ правъ, за нападенія ваши во время переми-«рія, и дошелъ до этого мѣста, будучи поставленъ въ «необходимость воевать; но, встрѣтивъ Бачинскаго и «получивъ черезъ него письмо съ изъясненіемъ надеж-

«ды на миръ, свертываю знамена, возвращаюся къ вашему великому князю Владиславу въ Вязьму, и донесу его высочеству о вашемъ желаніи мира; оттуда же тотчасъ пришлю съ отвѣтомъ остающихся у меня «двухъ плѣнныхъ.»

Такъ написалъ Ходкевичъ для того, чтобы печальное нападеніе и неудачу прикрыть благовиднымъ предлогомъ, и утаить присутствіе Владислава въ этомъ отрядѣ; однако жъ непріятель обо всемъ этомъ уже зналъ черезъ лазутчиковъ.

И такъ, не сдѣлавъ ничего, войска воротились въ Вязьму, полузамерзшія, истомленные голодомъ, потерявъ большую часть конницы и лошадей, а еще больше пѣхоты, потому—что отъ холода на дорогѣ умерло много людей.

Выборные во все это время старались узнать, нельзя ли какъ-нибудь уладить съ Русскими. Рыдзицкаго послали два раза—одинъ разъ изъ Вязьмы, другой—изъ подъ Можайска; но его не хотѣли ни принять, ни выслушать. Бачинскій былъ счастливѣе, и проникъ въ самую Москву съ письмами отъ Выборныхъ, которые напоминали Русскимъ присягу королевичу, и обѣщали его милости. Онъ привезъ отвѣтъ отъ русскаго народа, съ бранью даже на Владислава, ибо Русскіе терпѣть не могли, чтобы королевича называли ихъ княземъ; однако жъ отвѣтъ подавалъ нѣкоторую надежду на миръ. По—этому въ третій разъ отправили Рыдзицкаго склонить русскихъ бояръ къ переговорамъ при Вязьмѣ съ двадцатаго Января по двадцатое Апрѣля, а между тѣмъ прекратить военныя дѣйствія.

Подъ Можайскомъ Русскіе приняли Рыдзицкаго, но въ городъ не пустили, а отвели въ бокъ по дорогѣ къ Москвѣ, и на пути нарочно расположили войска, дабы показать свою силу. Лыковъ страдалъ Рыдзицкаго, съ необыкновенною надмѣнностію допрашивалъ: что везетъ онъ къ московскимъ боярамъ? и сказалъ, что

если онъ осмѣлится называть Владислава великимъ княземъ, то разсвирѣпѣвшій народъ разорветъ его на куски. Но Рьдзицкій, зная русскій обычай, оставался твердъ, не обращалъ вниманія на угрозы, и благополучно достигъ столицы.

Его ввели въ многочисленнѣйшее собраніе бояръ и народа, гдѣ онъ и изложилъ предметъ своего посольства; но, когда упомянулъ о присягѣ, данной Владиславу, избранному въ великіе князья, то преданные Михаилу заскрежетали зубами, прочіе хранили молчаніе и внимательно слушали. Когда Рьдзицкій объяснилъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, его отпустили весьма вѣжливо; а черезъ нѣсколько дней опять призвали и сказали, что съ избранными Поляками въ переговоры нельзя вступать до-тѣхъ-поръ, пока они не предъявятъ законнаго полномочія отъ короля и республики; послы русскіе не отправятся безъ приглашенія отъ имени всѣхъ Выборныхъ; краткостію же назначеннаго времени (съ двадцатаго Января по двадцатое Апрѣля) стѣсниться нечего: срокъ можно отложить далѣе; о трехъ-мѣсячномъ перемиріи и толковать бесполезно, пока польскія войска не выйдутъ изъ земли московской. Такой отвѣтъ данъ Рьдзицкому письменно, съ присовокупленіемъ, что въ слѣдъ за нимъ изъ Москвы отправится посолъ договариваться съ Выборными о мѣстѣ, времени и числѣ депутатовъ съ обѣихъ сторонъ для переговоровъ; что ему должно быть показано постановленіе о томъ всѣхъ Выборныхъ; а что касается до размѣна знатныхъ плѣнныхъ, то снѣшить нѣтъ надобности, развѣ Поляки возвратятъ Филарета и Голицына: въ противномъ случаѣ это отлагается до окончанія войны.

Такимъ образомъ Рьдзицкаго отпустили довольно благосклонно и скоро, что не въ обычай у Русскихъ.

Въ исходѣ Марта, Русскіе прислали посла своего Ивана Лаврентьевича Кондырева (Condiovus) съ дьякомъ Фодоромъ Степановымъ (Stephanus). Ихъ встрѣтили съ

почестями, ввезли въ городъ (Вязму) въ сопровожденіи двухъ-сотъ человекъ конницы, и приставами назначили Малинскаго и Неборовскаго. На другой день Кондыревъ переѣхалъ, между рядами венгерской и нѣмецкой пѣхоты, въ блистательно убранный домъ Льва Сапѣги, который въ то время былъ въ отсутствіи. Тутъ его приняли Выборные. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Кондыревъ сказалъ, что онъ присланъ отъ московскихъ бояръ условиться съ польскими Выборными о мѣстѣ, времени и числѣ лицъ, назначенныхъ съ обѣихъ сторонъ для переговоровъ; но при этомъ бояре требуютъ, чтобы польское войско было выведено изъ русской земли, и только подъ этимъ условіемъ согласны на трехмѣсячное перемиріе; потомъ объявилъ, что съ русской стороны послами назначаются Петръ Шереметевъ, Данило Мезецкій, Артемій Измайловъ и думный дьякъ Третьяковъ. Когда же въ титулѣ великаго князя Михаила Феодоровича онъ сталъ подробно исчислять всѣ земли и области, Выборные обидѣлись, подняли шумъ, начали свистать и кричать; но посолъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ сказалъ: «Можете дѣлать, что хотите, и обижаться чужими титулами, сколько вашей душѣ угодно.» Выборные опять начали говорить вѣжливо, спрашивали о здоровьи и о дорогѣ посла и дьяка, и простились съ ними учтиво, сказавъ, что совѣщанія отлагаются на нѣкоторое время, чтобы подумать. Послѣ собирались два раза, но не согласились о мѣстѣ переговоровъ, а посолъ не хотѣлъ принять вѣрительныхъ писемъ отъ имени республики и Выборныхъ, потому-что въ нихъ Владиславъ названъ былъ великимъ княземъ московскимъ. Между-тѣмъ, со дня на день, ожидали отъ короля распоряженія въ разсужденіи мира; оно еще не приходило. Какъ ни длили время въ ожиданіи этого распоряженія, но должны были дать отвѣтъ послу изустно, ибо письменнаго онъ не принялъ, потому-что въ немъ упоминалось о правахъ Владисла-

ва на великое княжество московское. Отвѣтъ былъ слѣдующій: «Войско польское не выйдетъ изъ земли «московской, какъ желаютъ бояре; а останется съ великимъ княземъ Владиславомъ, тѣмъ болѣе, что миръ не заключенъ и дѣла не приведены въ порядокъ. Если «войско будетъ выведено, то что можетъ быть порукою въ перемиріи? Это послужило бы только поводомъ къ прежнему упорству, и поставило бы Владиславу новыя препятствія къ открытію войны. По мнѣнію «выборныхъ, шестнадцатаго Іюня удобно открыть переговоры; а присягу въ безопасности договаривающихся можно отложить до съѣзда обѣихъ сторонъ. Что же «касается до мѣста переговоровъ, числа лицъ и вѣрительныхъ грамотъ — объ этомъ условиться черезъ гонцевъ за двѣ недѣли до открытія переговоровъ.»

Посоль и дьякъ отправились въ полной увѣренности, что скоро откроется война. Когда они еще находились въ Вязьмѣ, изъ Польши прибылъ гонецъ съ вѣстію, что сеймъ кончился благополучно, и для продолженія московской войны назначены деньги; количество ихъ нарочно увеличили передъ войскомъ, дабы его ободрить, а въ непріятеля вселить страхъ. Радостную вѣсть праздновали съ пушечными выстрѣлами и ликованіемъ въ станѣ; немногимъ только было извѣстно, что на продолженіе войны чины назначили сумму весьма ограниченную, потому-что не хотѣли войны, и въ тайномъ повелѣніи рукою королевскаго секретаря Якова Задзика было прибавлено: «Выборные должны стараться не «вовлечь республику въ продолжительную войну; они «обязаны употребить всѣ силы, чтобы война была кончена въ нынѣшнемъ году, и споры были рѣшены.» Это повелѣніе подписали архіепископъ гѣзненскій Гембицкій, канцлеръ королевства и главный гетманъ Жолкѣвскій, канцлеръ великаго князя литовскаго Левъ Сапѣга, и предсѣдатель депутатовъ на сеймѣ Христофоръ Веселовскій.

Король назначилъ сеймъ въ началѣ Февраля. Канцлеръ великаго княжества литовскаго Левъ Сапѣга сѣдѣвши ближайшею дорогою, чтобы на сеймѣ изобразить королю и чинамъ положеніе дѣлъ московскихъ и несчастное состояніе всего войска, требовать жалованья, совѣщаться о дальнѣйшемъ ходѣ войны; ибо войско, потерявъ терпѣніе отъ военныхъ трудовъ подъ грознымъ небомъ сѣвера, начинало волноваться. Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ Сапѣги, нѣсколько сотенъ литовской конницы съ 1 Декабря не хотѣли служить, потому—что прошелъ трехмѣсячный срокъ, назначенный для уплаты жалованья, и не смотря на поручительство Выборныхъ, что деньги будутъ выплачены, не двигались съ мѣста; даже письменное удостовѣреніе въ самой скорой уплатѣ нисколько не подѣйствовало. Владиславъ призвалъ къ себѣ недовольныхъ, и сказалъ имъ такую рѣчь: «Прекрасную заслуживаете похвалу за вашу непокорность, воины! если только еще должно называть «васъ этимъ именемъ. Того ли я ждалъ отъ польскихъ «дворянъ, которыхъ дознаваю и непоколебимую вѣрность королямъ и князьямъ, вы безчестите своевольствомъ, измѣняя сыну своего короля, дѣлвшаго съ «вами труды вдали отъ отечества, въ непріятельской «землѣ, оставляя его среди тысячи опасностей? Неужели больше заслуживали тѣ безчестные Димитрія, «обманщики подъ именами князей, за которыхъ сражались вы, безъ денегъ, утомленные и истощенные, за «которыхъ отдавали свою жизнь? И мнѣ не позволено «пользоваться такимъ же счастіемъ; мнѣ — крови королей вашихъ, рожденному и воспитанному въ польской землѣ, законно—избранному великимъ княземъ московскимъ! Откуда такая наглость? Когда уже казначей великаго княжества литовскаго должны въ непродолжительномъ времени доставить деньги; когда имѣемъ уже «королевское о томъ повелѣніе,—вы, не внимая ни чему, бѣжите стремглавъ и покрываете себя такимъ без-

«честіемъ — оставляя своего королевича? О, если бы я
«могъ написать что-нибудь болѣе отрадное и почетное
«къ королю, моему родителю! Я намѣренъ былъ писать
«къ королю, испрашивая его щедротъ за отличныя за-
«слуги войска; а теперь, противъ воли, долженъ про-
«сить уже не наградъ, а наказанія буйнымъ. Богъ да
«будетъ истителемъ за меня! — Онъ накажетъ вашу не-
«покорность. Да сонутствуетъ мнѣ счастливая судьба
«короля! Еще остались вѣрныя войска, которыя своимъ
«постоянствомъ заслужаютъ милость и щедроты короля;
«имъ вѣряю и свою безопасность и свое достоинство,
«тѣмъ съ большею увѣренностію, что они отличаются
«не только военными подвигами, но и вѣрностію и лю-
«бовью къ своему королю и его сыну. Ступайте! или
«опомнитесь и оказывайте повиновеніе, или, — если уже
«такъ суждено, — удалитесь и своимъ возмущеніемъ
«не замедляйте хода войны!»

Ротмистры и ихъ подчиненные, призванные къ Вла-
диславу, всю вину свернули на своихъ товарищей, го-
воря, что сами они ни въ чемъ невиноваты и не упу-
стятъ ничего къ укрощенію мятежа. На короткое время
все утихло, въ ожиданіи жалованья, обѣщаннаго коро-
левичемъ.

Льва Самбгу ожидалъ на сеймѣ еще болѣшій трудъ,
потому-что депутаты отъ провинцій не хотѣли вникать
въ московскія дѣла; а честолюбіе двухъ — трехъ че-
ловѣкъ перемutilо общественныя совѣщанія: по смер-
ти канцлера королевства Феликса Крицкаго король воз-
ложилъ этотъ санъ на Станислава Жолкѣвскаго, а Ге-
оргій и Христофоръ Зборажскіе, будучи тѣмъ обижены,
возбуждали безпокойства, и, прикрывая свою личность
предлогомъ государственной пользы, осуждали недавно
заключенный договоръ между Жолкѣвскимъ и турец-
кимъ Искендеръ — пашею при Буссѣ, и требовали у
Жолкѣвскаго отчета. Жолкѣвскій, основательно и бла-
горазумно изложивъ весь походъ, заслужилъ всеобщую

похвалу, и Збаражскіе ничего не выиграли. Не мало также было споровъ и за Генриха Фирлея: одни изъ депутатовъ поддерживали его желаніе остаться вице-канцлеромъ до будущаго сейма; , а другіе утверждали, что это противузаконно, потому—что Фирлей, сдѣлавшись епископомъ плочкимъ, тѣмъ самымъ получилъ высшее достоинство въ сенатѣ. Нѣсколько дней прошло въ спорахъ, и Фирлей, дабы не показать, что своимъ упорствомъ замедляетъ совѣщанія сейма, уступилъ вице-канцлерство луцкому епископу Андрею Липскому, который, по зову короля, спѣшилъ изъ Московіи на сеймъ, и прискакалъ къ концу.

Средь такихъ распрей, происшедшихъ отъ честолюбія частныхъ лицъ, общественныя дѣла оставались въ сторонѣ; Сапѣгъ трудно было поддержать предъ депутатами провинцій выгоды Владислава, и склонить ихъ на продолженіе войны. Хотя многіе говорили, что минувшее лѣто прошло безъ всякой пользы, потому—что лучшее войско отозвано было съ Мартиномъ Казановскимъ отъ Владислава въ Русь, и что это остановило успѣхи въ Московіи, однако жъ дѣло еще можно поправить, если поддержать королевича деньгами и новымъ выборомъ людей, особенно въ теперешнее время, когда непріятель заключился въ крѣпостяхъ, оставивъ свободнымъ для набѣговъ поля, почему и можно надѣяться въ непродолжительномъ времени преклонить упорство Русскихъ. Насилу можно было убѣдить чины назначить еще годъ длятого, чтобы или побѣдить непріятеля, или условиться съ нимъ о мирѣ, или, по—крайней—мѣрѣ, о перемиріи. По—этому назначили весьма ограниченную сумму: Поляки, утомленные безпрестанными налогами, жаждали мира и въ умахъ мелькала мысль о страшной войнѣ, о жалованьи, исторгнутомъ

• Въ Галицію.

вооруженною рукою, когда конфедераты заключили между собою союзъ на буйство.

Между-тѣмъ Владиславъ, перезимовавъ въ Вязьмѣ, узналъ о рѣшеніи сейма, о скоромъ прибытіи свѣжихъ войскъ, особенно тѣхъ, которыхъ въ прошлое лѣто подъ командою Казановскаго послалъ къ Жолкѣвскому, и получилъ извѣстіе, что на помощь къ нему спѣшатъ Запорожскіе Казаки. Обрадованный такими вѣстями, онъ велѣлъ готовиться войску, около начала Іюня итти противъ непріятеля, и предъ самымъ выступленіемъ въ походъ отправилъ въ Польшу іезуита Лѣсевскаго, своего духовника, съ тайнымъ порученіемъ къ королю и къ королевѣ.

Въ это время прибыли изъ Москвы нѣсколько гонцевъ, которые подавали надежду на переговоры о мирѣ, но съ хитростію, — по обычаю Русскихъ: подъ предлогомъ близости переговоровъ старались замедлить дѣйствія Владислава, и протануть время, удобное къ войнѣ. Выборные сильно негодовали, но иногда терпѣливо давали отвѣты на ихъ требованія. Когда Владиславъ совсѣмъ уже готовъ былъ двинуть войско, изъ Москвы присланъ былъ сановникъ, который толковалъ о мирѣ съ обычными выходками. Противъ обыкновенія, его продержали только нѣсколько часовъ и отпустили. Будучи въ Вязьмѣ, онъ смотрѣлъ на войско, проходившее въ боевомъ порядкѣ, и боязливымъ окомъ соображалъ ихъ число, чтобы донести своимъ.

Наконецъ выступили къ крѣпости за Вязьмою, которую укрѣпилъ и охранялъ храбрый ротмистръ Гадени. Владиславъ оставался тамъ три дня, осматривая войска, сходявшіяся съ разныхъ сторонъ.

Потомъ Ходкевичъ отправилъ впередъ Тимофея Микулина, нѣкогда бывшаго воеводою въ Можайскѣ, человека преданнаго и хорошо знавшаго мѣстность, для указанія дороги между Калугою и Можайскомъ; а самъ пошелъ въ слѣдъ за нимъ съ войскомъ. Это развлѣкло

и озаботило непріятеля, не знавшаго, куда бросятся польскія войска. Дошедши до Егорьевскаго (Jurkiejowia), гетманъ расположился лагеремъ на два дня. Какъ здѣсь расходилась дорога въ Калугу и Можайскъ, то Выборные и Ходкевичъ въ военномъ совѣтѣ разсуждали: которую избрать дорогу, и куда обратить оружіе? Ходкевичъ совѣтовалъ итти къ Калугѣ: тамъ лежатъ изобильныя и плодородныя земли при Окѣ, гдѣ истощенное войско легко можетъ добывать съѣстные припасы; тамъ стоятъ съ значительнымъ войскомъ Пожарскій, о которомъ можно было догадываться, что онъ преданъ Владиславу; * близостью и королевича и войска удобнѣе можно склонить его на свою сторону, и если только это удастся, то получится значительный перевѣсъ надъ непріятелемъ: увлеченные примѣромъ Пожарскаго, многіе изъявятъ покорность Владиславу; сверхъ-того по этому тракту находятся войска Опалинскаго и Казановскаго, которыя нужно притянуть какъ можно скорѣе. Но прочимъ присутствовавшимъ на сеймѣ показалось, что это значило бы заходить слишкомъ вдаль, и терять время, которое въ войнѣ не легко вознаграждать; такимъ движеніемъ поданъ будетъ непріятелю поводъ отрѣзать дорогу къ Вязьмѣ и занять войсками выгодныя мѣста; однимъ словомъ это воодушевитъ врага, потому-что войско королевича должно будетъ сражаться безъ всякой надежды, по отдаленности, на помощь. Отсюда заключали, что нужно броситься скорѣе на столицу: увидѣвъ столь многочисленное войско у самыхъ воротъ Москвы, Русскіе скорѣе всего раздѣлятся на партіи, а если вступить въ битву, то ихъ надобно побѣдить. Недостатка въ провіантѣ бояться нечего, ибо сопредѣльныя съ Можайскомъ области могутъ прокормить войско; только нужно вести дѣло серьезно, а не выбирать окольныя, далекіе пути. Это мнѣніе пре-

* Предположеніе Поляка.

возмогло голось Ходкевича. Но итти прямо къ столицѣ и Владиславу и Ходкевичу представлялось не совсѣмъ удобнымъ: обложить осадю Можайскъ, хорошо укрѣпленный и охраняемый сильнымъ гарнизономъ, равно какъ и взять его приступомъ казалось очень труднымъ: у Ходкевича не было ни осадныхъ пушекъ, ни стѣнобитныхъ орудій; а дѣлать безполезныя попытки не позволяла честь королевича, ибо народъ будетъ соразмѣрять свои дѣйствія съ его успѣхами; оставить же сзади столь важную крѣпость, откуда непріятель можетъ дѣлать гибельныя нападенія съ тыла, было бы не безопасно и безразсудно. По-этому гетманъ приказалъ войску итти къ Борису, крѣпости въ полуторахъ миляхъ вправо отъ Можайска, дабы отнять ее у непріятеля или вызвать изъ Можайска войска для помощи Борису, и вступить съ ними въ бой; послѣднаго очень желалъ Ходкевичъ.

Тутъ вѣвремя подоспѣли отряды Петра Опалинскаго и Мартина Казановскаго. Послѣдній медленно шелъ послѣ сраженія съ Искендеръ-пашею; но медленность эту вознаградилъ тѣмъ, что на пути завоевалъ Стародубъ, сильную крѣпость княжества сѣверскаго. Прибылъ и Чаплинскій съ своими Лисовчиками, и Кохановскій изъ Козельска; не имѣя достаточно людей, чтобы овладѣть этимъ городомъ, онъ счелъ за лучшее увеличить силы королевича нѣсколькими хоругвями своей пѣхоты.

Борисовъ былъ обнесенъ стѣною и крѣпость сдѣлана изъ камня, что рѣдко бываетъ въ Московіи: Русскіе строятъ укрѣпленія обыкновенно изъ бревенъ и присыпаютъ землею. Подлѣ крѣпости возвышалась церковь также каменная, обведенная широкимъ ровомъ и обнесенная валомъ. Крѣпость и церковь имѣли сообщеніе посредствомъ подземныхъ ходовъ, для того чтобы можно было передавать снаряды, и переводить гарнизонъ туда, гдѣ въ немъ окажется бѣльшая надобность, такъ, что если бы взята была крѣпость, церковь оста-

валась неприкосновенною, и на-оборотъ, если бы занята была церковь, то вновь нужно употребить всѣ усилія для покоренія крѣпости. Этотъ пунктъ, такъ сильно укрѣпленный, охраняли 1200 человекъ: изъ Можайска прислано 300 воиновъ опытныхъ; изъ деревень стеклось 800 человекъ надежныхъ и 50 человекъ перебѣжавшихъ съ Конюховымъ, которые обрекли себя на смерть, не надѣясь вымолить пощаду за свою измѣну. Ходкевичъ назначилъ несчастный приступъ 7 Юля, шелъ цѣлую ночь, и на разсвѣтъ явился предъ Борисовымъ. Но тамъ уже ожидали приступа, и засѣли за валомъ и стѣнами. Ходкевичъ былъ обманутъ переметчиками, которые увѣрили его будто - бы у крѣпости нѣтъ рва, и ворота даже не засыпаны землею. Два раза водилъ онъ войско на приступъ, и оба раза былъ отбитъ, потому-что осадныхъ пушекъ не было, а петарды, въ которыхъ и заключалась вся надежда, придвигали къ стѣнамъ безъ малѣйшаго успѣха. Простоявъ нѣсколько недѣль, по требованію Владислава и военнаго совѣта, Ходкевичъ пошелъ опять къ Можайску, производя во все продолженіе пути спибки съ непріателемъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Владиславъ со всею конницею сталъ недалеко отъ Лужицкаго (Luzecenski) монастыря, откуда дорога вела въ Рузу (Rusa). Средню поля заняла пѣхота съ пушками. — Положено было идти къ Можайску, для того чтобы, если представится возможность двинуться далѣе, не оставить въ тылу непріателя многочисленнаго и сильнаго; чтобы не пускать войска и запасовъ изъ Москвы, и тѣмъ остановить вылазки; и попытаться нельзя ли вызвать непріателя на бой, отъ чего зависѣлъ весь успѣхъ дѣла. Нѣкоторые утверждали, что если сдѣлать укрѣпленіе при Борисовѣ, и ввести туда гарнизонъ для наблюденія за крѣпостью, то скоро можно довести непріателя до необходимости сдаться; но Ходкевичъ полагалъ, что малочисленный гарнизонъ ничего не зна-

челъ бы, отдѣленіемъ же значительной части войска, можно себя ослабить, а это было весьма опасно, потому—что къ Боровску приближался опытный вождь Пожарскій съ тремя—тысячами свѣжаго войска.

Я уже сказалъ, что Русскіе отлично укрѣпили Можайскъ, и снабдили достаточно гарнизономъ; но особенно его обезопасилъ приходъ Лыкова, вождя свѣдущаго, который позади крѣпости сдѣлалъ укрѣпленіе и въ окопахъ съ брустверами, имѣвшихъ между собою сообщеніе, разсадилъ войска; такимъ образомъ могъ не только защитить крѣпость, но и дать сраженіе. Прибылъ и Мамстрюковичъ (Mastucius), который пользовался славою отличнаго воеводы; онъ засѣлъ въ укрѣпленіяхъ у противоположныхъ воротъ крѣпости съ конницею и пѣхотою. Это былъ цвѣтъ русскаго войска, которое Ходкевичъ всѣми силами старался заманить въ битву, надѣясь отчаяннымъ ударомъ уничтожить его, и тѣмъ лишить Русскихъ главной надежды и опоры. За неимѣніемъ осадныхъ орудій, онъ не смѣлъ открыто напасть на укрѣпленія; однако жъ не проходило дня безъ сраженія, и за—всѣмъ—тѣмъ никакою силою, никакою хитростію нельзя было вовлечь Русскихъ въ генеральную битву въ чистомъ полѣ. Случалось и обманывать Русскихъ; но иногда хитрости не удавались, когда ротмистры сгоряча бросались изъ засадъ невпопадъ, или опаздывали подать помощь нападающимъ, а Русскіе, ознакомившись съ эволюціями Поляковъ, уклонялись отъ рѣшительнаго боя, зная, что у Поляковъ скорѣе неостанетъ хлѣба, нежели смѣлости, между—тѣмъ силы ихъ отъ медленности ослабѣютъ, время пройдетъ по—пустому, и охладитъ пылъ храбрости. Подводя потери обѣихъ сторонъ подъ одинъ взглядъ, можно сказать, что непріятель потерялъ не много больше тысячи человекъ; Поляки понесли потери также малозначительныя, но гибельна была рана храбраго полковника Варемомея Новодворскаго, кото-

рый отъ пули стрѣльца лишился употребленія правой руки.

Лыковъ и Мамстрюковичъ, опасаясь истощить свои силы безпрестанными спибками, ввели свѣжія многочисленныя войска въ Можайскъ, ввезли орудія, порохъ, съѣстные запасы, а сами въ бурную, ненастную ночь, зажгли лагерь въ укрѣпленіи, и удалились съ невѣроятною быстротою. Польская пѣхота тотчасъ заняла брошенные укрѣпленія, гдѣ нашли довольное количество муки и овощей, которыя уцѣлѣли отъ пламени, и которыя неудобно было перевезти въ Можайскъ.

Между-тѣмъ, какъ Владиславъ цѣлый Августъ стоялъ со всѣми войсками при Можайскѣ, перваго Сентября прибыли изъ Польши, канцлеръ Левъ Сапѣга, ѣздившій на сеймъ, и каменецкій епископъ Адамъ Новодворскій, присланный на мѣсто вице-канцлера Андрея Липскаго. Слухъ и зрѣніе ихъ поразила ужасная бѣдность войска отъ неуплаты жалованья: кавалеристы не имѣли ни лошадей, ни прислуги, ни оружія, ни амуниціи; одни умерли съ голоду, другіе, по бѣдности, не имѣли даже необходимой одежды, и роптали, что уже въ продолженіе двадцати дней у нихъ не было во рту ни крохи хлѣба. Особенно нѣмецкая пѣхота, со дня на день приходя въ худшее положеніе, разстроивалась, и люди вездѣ падали отъ голоду.

Когда разнесся слухъ о прибытіи Выборныхъ, то надежда на полученіе денегъ на минуту заглушила въ несчастныхъ чувство горести. Но, едва объявлено было, что Выборные не привезли денегъ, войска опять начали стонать, проклинать тяжелую, неблагодарную службу, и укоряли Выборныхъ въ беззаботности, доведшей войско до несчастнаго состоянія нищеты, которой сами очевидные свидѣтели. Наконецъ воины толпою окружили жилище Выборныхъ; отъ имени всѣхъ, Клодзинскій (изъ отряда Казановскаго) въ длинной рѣчи съ плачемъ и воплемъ изобразилъ нужду, бѣдность, голодъ; требо-

валъ отпуска и заслуженнаго жалованья; говорилъ, что войны служить дольше не хотятъ и не смогутъ, потому—что нужда отнимаетъ волю, а законъ запрещаетъ продолжать службу безъ уплаты жалованья. Выборные старались успокоить приведенныхъ въ отчаяніе, отчасти надеждою на скорое полученіе денегъ изъ Польши, отчасти просьбами и убѣжденіями, которыя внушила самая необходимость. Войны оставались непреклонными: нужда заградила имъ слухъ, и надежда въ такой крайности нисколько не льстила. Послѣ многихъ споровъ, Выборные ровдали нѣсколько тысячъ (вѣроятно злотыхъ), для успокоенія, а прочее обѣщали выплатить къ двадцать—осьмому Октября.

Хотя войско, по истеченіи трехмѣсячнаго срока, до котораго обязалось повиноваться, освобождалось отъ долга подчиненности, и по праву требовало отпуска; но когда Выборные поручились, что жалованье будетъ Выплачено, и за ихъ службу король и чины будутъ благодарны, войны обѣщали дѣйствовать. Выборнымъ, въ тайномъ повелѣніи, строго было поставлено въ обязанность безъ воли короля и чиновъ не обязывать военныхъ къ службѣ, развѣ будутъ наличныя деньги, и потому имъ предстояло дать отчетъ въ новыхъ долгахъ; но крайность заставила преступить королевское повелѣніе, особенно потому, что до—сихъ—поръ въ Московіи дѣла шли медленно и безуспѣшно, и отпускъ войска сдѣлалъ бы безчестіе королевичу. Не смотря на то, многія сотни бунтовали, оказали презрѣніе къ Выборнымъ, отвергли ихъ письменное обязательство въ скорой уплатѣ жалованья, не хотѣли слушать ни убѣжденій, ни просьбъ, бросили службу и ушли въ Польшу. Кромѣ нѣсколькихъ сотенъ легкоконныхъ, ушли даже пикинеры Карсницкаго, кастеляна сохачевского Константина Плихты и кастеляна бельзскаго Станислава Жоравинскаго; а наконецъ и старосты сремскаго (Sremensis) Петра Опалинскаго. Помянутыя воеводы не удерживали своихъ под-

чиненныхъ, но сами остались при Владиславѣ, и своимъ присутвіемъ оказали королевичу большую услугу; а Опалинскій самъ ушелъ съ своею сотней. Скоро открылось, какой ужасный вредъ причинилъ этотъ безвременный уходъ войска: подобно какъ чрезмѣрное кровопусканіе приводитъ человѣка въ изнеможеніе, такъ отступление значительнаго числа пѣхоты и конницы совершенно ослабило силы королевича. Ходкевичъ увидѣлъ, что онъ находится въ большой опасности: если бы непріятель вступилъ въ сраженіе, едва ли и тысячу человѣкъ можно было бы вывести въ строй, потому что Лисовчики отправились фуражировать въ мѣста отдаленныя.

Находясь въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, Выборные послали канцлера Владиславова Андрея Шольдерскаго донести королю и архіепископу примасу королевства, что войско уменьшилось и истощено, по причинѣ неполученія денегъ и ухода многихъ въ Польшу, остальные волнуются и уже близки къ мятежу; что Владиславъ крѣпко стоитъ за свои права, тогда какъ не предвидится никакого успѣха, а настоящее положеніе тѣмъ опаснѣе, что они находятся въ самой внутренности Московіи, среди непріятеля, гдѣ нужно войско всегда готовое къ бою, а не такое, какъ нынѣшнее, которое терпитъ во всемъ нужду. По-этому, если король не пособитъ въ непродолжительномъ времени, то напрасно будетъ полагаться на ревность и неусыпность Выборныхъ; они объявляютъ, что не они будутъ виною послѣдствій настоящаго похода, угрожающихъ бѣдствіями, которыя они до-сихъ-поръ ревностно старались предотвратить.

Полтора мѣсяца стояло войско подъ Можайскомъ безъ всякой пользы, кромѣ сшибокъ, о которыхъ говорено, и отступления Лыкова и Мамстрюковича изъ передовыхъ укрѣпленій. Съ уходомъ ихъ не съ кѣмъ уже было и воевать. Оставалось взять Можайскъ; но неприступность

крѣпости, сила гарнизона и обиліе запасовъ, которыхъ достало бы на-долго, уничтожали и самую мысль о приступѣ. Не имѣя возможности ни взять Можайскъ, ни обложить его, какъ бы слѣдовало, Ходкевичъ съ горестію долженъ былъ снять осаду, потому-что недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ со дня на день былъ чувствительнѣе, а волновавшееся войско нужно было передвинуть въ лучшія мѣста. На военномъ совѣтѣ гетманъ предлагалъ поставить войско между Ка-лугою и Боровскомъ, гдѣ, при изобиліи съѣстныхъ припасовъ, можетъ оправиться; а теперь оно, будучи истощено голодомъ, неспособно ни къ нападеніямъ на города и крѣпости, ни къ сраженію въ открытомъ полѣ, почему и опасно показываться непріятелю на глаза, особенно когда нельзя даже быть увѣрену, что войны будутъ повиноваться. Выборные раздѣлились въ мнѣніяхъ. Послѣ долгихъ совѣщаній, согласились итти прямо къ Москвѣ, по слѣдующимъ причинамъ: король и чины назначили для войны одинъ годъ, котораго конецъ былъ уже не далеко*; войско обѣщалось служить только до будущаго Декабря, и удерживать его далѣе запрещено тайнымъ повелѣніемъ; по-этому всякая медленность вредна и нужно воспользоваться войскомъ пока можно: жалованье обѣщано въ исходѣ Октября. Чѣмъ оставлять войско въ бездѣйствіи, лучше вести къ столицѣ, прежде нежели осенніе дожди слѣлаютъ дороги непроходимыми, а зимнее время опять приведетъ воиновъ въ волненіе; по-этому нужно занимать ихъ войною, и не давать застаиваться на одномъ мѣстѣ; въ окрестностяхъ же Москвы и на дорогѣ недостатка въ провіантѣ быть не можетъ, теперь благоприятствуютъ и погода и кое-какая бодрость войска; притомъ же Владиславъ, явившись съ оружіемъ передъ воротами столицы, можетъ подѣйствовать на умы Русскихъ, устра-

*Этотъ военный совѣтъ былъ въ среднихъ числахъ Сентября.

шить Михаила и преклонить къ себѣ бояръ, напоми-
наемъ данной ими присяги.

Шестнадцатаго Сентября выступили въ походъ чрезъ
Рузу и Звѣнигородъ. Изобиліе въ сѣстныхъ припа-
сахъ нѣсколько воодушевило войска; Владиславъ же былъ
приведенъ въ восторгъ прибытіемъ пословъ отъ Запорож-
скихъ Казаковъ, о которыхъ не было никакого слуха. Они
сказали, что много одержали побѣдъ въ Московин, ог-
немъ и мечемъ опустошили вдоль и поперегъ лучшія
провинціи, взяли города Елецъ, Ливны и другіе, и вое-
водъ ихъ ведутъ съ собою въ цѣпяхъ; что войско За-
порожское состоитъ изъ двадцати-тысячъ человекъ,
находится теперъ между Коломною и Москвою, и ата-
манъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный только ожидаетъ
приказаній королевича, куда идти.

Эта неожиданная, какъ-бы съ неба упавшая помощь,
въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ восхитила
всѣхъ; пословъ принялъ ласково, одарили щедро, и от-
пустили съ приказаніемъ, спѣшить какъ можно скорѣе
къ столицѣ, для соединенія съ войсками королевича, ко-
торый чрезъ нѣсколько дней тамъ будетъ. Сверхъ-того
посланъ былъ Яковъ Мадалинскій поздравить Конаше-
вича и Казаковъ отъ имени Владислава съ одержанны-
ми побѣдами, вручить атаману подарки, знамя, литавры
и гетманскую булаву. Мадалинскій снабженъ былъ и
вѣрительною грамотою, чтобы переговорить о предме-
тахъ, подлежащихъ тайнѣ.

Отъ Звѣнигорода Владиславъ въ три дня прибылъ
къ Тушину, гдѣ Сагайдачный представилъ плѣнныхъ
воеводъ елецкаго и ливенскаго, вмѣстѣ съ перехвачен-
ными имъ русскими послами къ Перекопскимъ Татарамъ.
Въ отнятыхъ грамотахъ Русскіе щедрыми обѣщаніями
убѣждали Татаръ напасть на польскія области, чтобы
развлечь силы непріятели.

Прибытіе Конашевича было тѣмъ отрадіе, что
онъ несмеленно при самой Москвѣ началъ на русскій

отрядъ, многихъ положилъ на мѣстѣ, другихъ взялъ въ плѣнъ, и самого воеводу Бутурлина гетманскою булавою спихъ съ коня. — При семъ я долженъ сказать, что присоединеніемъ Казаковъ обязаны канцлеру великаго княжества литовскаго Льву Сапѣгѣ: ѣдучи на сеймъ, онъ изъ Орши послалъ къ казацкимъ старшинамъ убѣдительнѣйшую просьбу какъ можно скорѣе подать помощь королевичу въ войнѣ съ Русскими. Посланный донесъ Сапѣгѣ, въ Слонимѣ, что Казаки готовы исполнить его желаніе, и только ожидаютъ позволенія короля. Сапѣга отправилъ и разрѣшеніе и выпрошенные имъ на сеймѣ двадцать-тысячь злотыхъ, чтобъ заохотить Казаковъ.

Остановившись при Тушинѣ, Владиславъ остался здѣсь на нѣкоторое время, чтобы дожидаться денегъ, которыя уже были къ нему отправлены, и чтобы узнать расположеніе русскихъ бояръ, дворянъ и народа.

Русскіе еще удерживали королевича нѣкоторою надеждою на миръ изъясненіемъ согласія; подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ они думали протянуть дѣло, пока минетъ теплое время, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ослабѣетъ войско Владислава. Послѣ открылись ихъ замыслы: они хотѣли польскимъ войскамъ противупоставить зиму и голодъ, и съ твердою надеждою, что эти два ихъ союзника истребятъ Поляковъ, дили время въ пересылкѣ гонцовъ, и надменно спорили о мѣстѣ для переговоровъ. Наконецъ чрезъ Григорія Лацкаго назначили поле между Боровскомъ и Можайскомъ. Выборные не согласились, и желали, чтобы переговоры происходили гдѣ либо ближе къ столицѣ, потому-что русскіе послы въ самыхъ малозначительныхъ вещахъ посылають гонцевъ за разрѣшеніемъ бояръ и думы. Ушакова немедленно послали объявить боярамъ, что Выборные ѣдутъ къ Москвѣ для переговоровъ, которые гораздо удобнѣе назначить вблизи столицы. Владиславъ послалъ грамоты къ боярамъ и ко всѣмъ чинамъ, убѣ-

ждая вспомнить данную ему присягу, и лучше стараться повиновением заслужить его милость, нежели вѣроломствомъ навлечь на себя наказаніе. Эти грамоты необразованный народъ, неимѣющій понятія о вѣжливости *, принялъ съ презрѣніемъ; отвѣтъ ихъ еще больше презрительный, присланный чрезъ Оporовскаго, Вировскаго, Терлецкаго и Липскаго, получившихъ свободу при размѣнѣ плѣнныхъ, сильно огорчилъ Владислава; ибо, неговоря уже о мужицкихъ и варварскихъ выраженіяхъ, въ грамотѣ ** титулъ королевича князь *московскій* былъ замазанъ сажею съ саломъ (*atramentis sutorio*). Послѣ, когда Поляки укоряли Русскихъ въ такомъ неприличномъ поступкѣ, они упорно отрекались, что ничего подобнаго не дѣлали, присовокупивъ: «Мы уважаемъ, какъ слѣдуетъ, кровь королей и королевскаго сына Владислава; впрочемъ, онъ напрасно употребляетъ титулъ великаго князя, потому-что лишился права отъ *лживости* (именно эти слова употребили) и честолюбія отца своего. Въ милости его не нуждаемся, а наказанія отъ него совершенно никакого не боимся.»

Однако же нечаянная вѣсть о приближеніи Владислава къ Москвѣ встревожила бояръ: они тотчасъ прислали въ лагерь вмѣстѣ съ Ушаковымъ Волкова, для переговоровъ.

* Въ самомъ дѣлѣ, какая необразованность и неѣжливость — въ переведѣ же на русскій языкъ — *сърпность* Россіявъ, не хотѣвшихъ измѣнить избранному ими государю и презрѣвшихъ обольщенія враговъ!

** Значить — грамота была возвращена.

Съ латинскаго

И. Борисевскій.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Современная Исторія

и

Политика.

=

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

—

Читатели наши, можетъ-быть, помнятъ довольно странную исторію депутата *Изамбера*, который упрекалъ министра Юстиціи въ мнимыхъ злоупотребленіяхъ при выборѣ присяжныхъ, и въ доказательство, приводилъ на память мѣста изъ секретнаго письма ріомскаго генераль-прокурора къ министру, которое почтенный депутатъ добылъ какимъ-то, видно, не совсѣмъ законнымъ способомъ, потому-что онъ не хотѣлъ сказать какъ это письмо попало ему на глаза. Министры уличили его — не во лжи, потому-что это выраженіе не парламентское; но въ томъ, что онъ сказалъ неправду. Это можетъ-быть и вѣжливѣе, а очень похоже на то, чего министры не сказали. Мы говорили также, что одна провинціаль-

ная газета (*Gazette d'Auvergne*) была отдана подъ судъ за статью объ этомъ предметѣ, и депутаты *Изамберъ*, *Бильо* и *Шарамоль* приглашены въ свидѣтели. Это подало первому изъ нихъ поводъ снова завести рѣчь о томъ же несчастномъ письмѣ. Въ засѣданіе двадцатьшестаго Февраля собралось множество зрителей въ ожиданіи занимательныхъ преній. Тотчасъ по открытіи засѣданія, господинъ *Изамберъ* взошелъ на кафедру и объявилъ, что не намѣренъ исполнить требованіе суда *Пюи-де-Домскаго* департамента, потому-что, явившись въ судъ, нарушилъ бы право депутата, который за сказанное на кафедрѣ отвѣчаетъ только передъ палатою и своею совѣстію. Потомъ онъ пустился въ длинныя объясненія о письмѣ *ріомскаго* генераль-прокурора, повторилъ все, что говорилъ прежде, и утверждалъ снова, что свидѣніе объ этомъ письмѣ получилъ совершенно законнымъ образомъ, что оно показано было ему въ канцеляріи министра юстиціи, какъ документъ, принадлежащій къ дѣламъ *кассационнаго* суда, въ которомъ онъ служитъ совѣтникомъ. Въ заключеніи своей рѣчи онъ гордо сказалъ: «Если кто въ палатѣ говоритъ противное, то пусть выступить прямо противъ меня съ своимъ обвиненіемъ.» Эти слова возбудили на лавкахъ лѣвой стороны громкіе клики одобренія. Но и тутъ ему не посчастливилось. Министръ публичныхъ работъ, господинъ *Тестъ*, взоидя на кафедру, изъявилъ свое удивленіе, что господинъ *Изамберъ*, по случаю приглашенія сдѣланнаго ему *ріомскимъ* судомъ, возобновилъ споръ, который, кажется, долженъ бы быть неприятенъ для него, и между-тѣмъ не представилъ никакого новаго удовлетворительнаго объясненія этого дѣла. Онъ не сказалъ, говорилъ далѣе министръ, кто изъ чиновниковъ канцеляріи сообщилъ ему это письмо, а почтенному депутату очень хорошо извѣстно, что его именно въ томъ и упрскають, что онъ воспользовался этимъ письмомъ не совсѣмъ честнымъ образомъ. Въ доказа-

тельство справедливости этого обвиненія, министръ привелъ между прочимъ показаніе эзекутора канцеляріи (commiss d'ordre), который утверждаетъ, что господинъ *Изамберъ* часто бывалъ въ кабинетѣ родственника своего господина *Деклозо*, директора канцеляріи, и что однажды эзекуторъ самъ видѣлъ, какъ *Изамберъ*, въ отсутствіе господина *Деклозо* держалъ въ рукахъ бумагу, взятую имъ съ директорскаго стола и очень похожую по формѣ на письмо. — Никогда! никогда! вскричалъ господинъ *Изамберъ*. — Господинъ *Тестъ* продолжалъ хладнокровно: «Тѣ очень ошибаются, которые воображаютъ, что министерство, по поводу настоящихъ прѣпій, предъявитъ палатѣ означенное письмо, потому-что это письмо секретное, въ чемъ сознается, конечно, и господинъ *Изамберъ*, если онъ прочелъ его до конца.» Послѣ этого началась жаркая битва между депутатами *Изамберомъ* и *Бильо* съ одной стороны, министрами *Тестомъ* и *Мартекомъ* съ другой. Эта битва продолжалась во все засѣданіе и кончилась ничѣмъ: министры не предъявили письма, господинъ *Изамберъ* не признался откуда взялъ его, такъ что все еще неизвѣстно кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ; но намъ до этого и дѣла нѣтъ, и мы сообщаемъ подобныя пренія единственно для того, чтобы читатели наши имѣли полное понятіе о томъ, что дѣлается иногда во Французской палатѣ депутатовъ.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ разсматриваемъ былъ проектъ закона о возобновленіи привилегіи руанскаго банка и другой проектъ о призваніи, по обыкновенію, на службу 80,000 рекрутъ, очереди 1842 года. Между прочимъ, военный министръ объявилъ палатѣ, что онъ въ скоромъ времени представитъ проектъ закона о резервѣ арміи. Въ засѣданіи седьмого Марта, министръ финансовъ представилъ проектъ закона о перечеканеніи нѣкоторыхъ сортовъ монеты. На основаніи этого проекта всѣ монеты въ тридцать и пятнадцать су, а рав-

но лиарды должны быть извлечены изъ обращенія. Господинъ *Жарсъ*, въ томъ же засѣданіи, прочелъ докладъ комиссіи, разсматривавшей проектъ закона объ ассигнованіи милліона франковъ на секретныя полицейскіе расходы. Комиссія, какъ мы уже говорили въ предыдущей статьѣ, изъявляетъ желаніе, чтобы впредь эта сумма была вносима въ бюджетъ. Въ отдѣленіяхъ палаты разсматриваемо было предложеніе господина *Жоли* и *Шарамоля* о новомъ способѣ составленія списковъ присяжныхъ. Цѣлю ихъ было лишить правительство всякаго вліянія на выборъ присяжныхъ; но ни одно изъ отдѣленій не согласилось на прочтеніе предложенія ихъ въ публичномъ засѣданіи.

Пренія о секретныхъ расходахъ начались и кончились въ засѣданіе седьмого Марта. Тутъ, въ первый разъ, явился на кафедре новый депутатъ, адвокатъ *Ледрю-Ролленъ*, избранный съ такимъ шумомъ на мѣсто остроумнаго *Гарнье-Пажеса*. Онъ, конечно, не замѣнитъ его. *Гарнье-Пажесъ*, предводитель партіи состоящей изъ трехъ или четырехъ человѣкъ, конечно, не имѣлъ никакого вліянія на палату; но всегда пользовался ея расположеніемъ: онъ говорилъ такъ умно, такъ мило, что палата позволяла ему говорить, что онъ хотѣлъ, и у президента не доставало духа остановить этого веселаго говоруна, который возставалъ противъ нынѣшняго образа правленія во Франціи, противъ хартіи и всѣхъ коренныхъ узаконеній, смѣялся и надъ приверженцами министерства и надъ оппозиціей, и всѣмъ говорилъ горькія истины, подслащенные остроумнымъ краснорѣчіемъ. Господинъ *Ледрю-Ролленъ* напротивъ сучный риторъ, котораго рѣчи наполнены громкими, вычурными фразами, и не богаты идеями. Дебютъ его въ палатѣ былъ неудаченъ. Онъ сдѣлалъ сначала нѣсколько замѣчаній на счетъ предложенія комиссіи включать чрезвычайный кредитъ на секретныя расходы въ обыкновенный бюджетъ. Ораторъ пола-

галъ, что если этотъ чрезвычайный кредитъ включить въ бюджетъ, то онъ со временемъ превратится въ обыкновенный и тогда снова стануть требовать другаго чрезвычайнаго кредита. Съ нимъ, говорилъ онъ, случится то же, что было съ военными субсидіями, которыя сначала считались расходомъ чрезвычайнымъ и временнымъ, а между-тѣмъ постоянно взимаются уже со времени Карла VI. Притомъ, по его убѣжденію, выдача этой суммы—расходъ совершенно лишній. Посредствомъ ея не предупредили ни одного заговора. Одинъ изъ бывшихъ префектовъ полиціи объявлялъ въ палатѣ, что половина этой суммы употребляется не согласно съ своимъ назначеніемъ. Господинъ *Ледрю-Ролленъ* заключить свою рѣчь слѣдующими словами: «Министерство, которое сидитъ на этихъ скамьяхъ, министерство не охранительное, а противореволюціонное.» Министерство и не поморщилось, и рѣчь господина *Ледрю-Роллена* не возбудила въ палатѣ даже ропота. Остальныя пренія объ этомъ предметѣ не представляютъ также ничего особенно занимательнаго, и въ концѣ засѣданія проектъ закона о секретныхъ расходахъ утвержденъ большинствомъ семидесяти-семи голосовъ (209 противъ 142).

Въ засѣданіи четырнадцатаго Марта, палата занималась разсмотрѣніемъ проекта закона объ уступкѣ церкви Святой Магдалины городу Парижу и, послѣ непродолжительныхъ преній, приняла его по большинству 229 голосовъ противъ 14, а потомъ утвердила безъ всякихъ преній, большинствомъ 217 голосовъ противъ 16, проектъ закона о полиціи на дорогахъ. Вообще нынче палата находится въ какомъ-то усыпленіи. Прежде законъ о секретныхъ издержкахъ возбуждалъ жаркія пренія, которыя продолжались нѣсколько дней; нынче они, какъ мы видѣли, кончились въ нѣсколько часовъ. Публичныя засѣданія бывають рѣдко, занятія комиссіей идутъ медленно, за исключеніемъ только той, которая, подъ предсѣдательствомъ господина *Ламартина*, разсма-

триваетъ проектъ о желѣзныхъ дорогахъ и трудится усердно, собирая всѣ возможныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Притомъ человекъ полтора ста депутатовъ уже разъѣхались изъ Парижа. Все это, по видимому, происходитъ оттого, что по закрытіи нынѣшняго собранія палата депутатовъ должна быть распущена и члены ея ни о чемъ не думаютъ, кромѣ новыхъ выборовъ.

Въ засѣданіи семнадцатаго Марта, палата занималась проектомъ закона о пенсіяхъ гражданскимъ чиновникамъ. По этому предмету предложено было двѣ системы, и вопросъ разсматривается уже лѣтъ десять, а между-тѣмъ чиновники, оставляющіе службу, не получаютъ пенсіоновъ. Нынче многіе депутаты объявили, что это лѣло еще не довольно зрѣло обдуманно и предложили отложить его до будущаго собранія. Министръ финансовъ сильно этому противился. Несмотря на то, когда по окончаніи общихъ преній, предложенъ былъ вопросъ: намѣрена ли палата приступить къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ параграфовъ проекта, результатъ двукратнаго собранія голосовъ оказался сомнительнымъ, надобно было приступить къ балотировкѣ, и проектъ закона былъ отвергнутъ или, по-крайней-мѣрѣ, отложенъ: бѣлыхъ шаровъ оказалось сто-тридцать-девять, черныхъ сто-пятьдесятъ-семь.

Въ засѣданіи двадцать-третьяго Марта, министръ финансовъ потребовалъ слова, чтобы сдѣлать сообщеніе отъ имени правительства. Онъ объявлялъ, что вопросъ о привозномъ, то есть, тростниковомъ и туземномъ или свекловичномъ сахарѣ, не смотря на все что было говорено и писано объ этомъ предметѣ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, еще не довольно зрѣло обсужденъ и главныя мнѣнія объ немъ совершенно противоположны между собою. Одни предлагаютъ обложить колоніальный и туземный сахаръ одинаковою пошлиною, другіе, а въ томъ числѣ сами фабриканты свекловичнаго сахара, утверждаютъ, что при такихъ условіяхъ, производство

туземнаго сахара рѣшительно невозможно и требуютъ, чтобы оно было совершенно запрещено, а фабрикантамъ, которые употребили свои капиталы на эту промышленность, потому-что ихъ поощряло правительство, было выдано вознагражденіе, которое, по приблизительному разсчету, должно простираться до сорока милліоновъ франковъ и болѣе. Во всякомъ случаѣ, министръ финансовъ утверждалъ, что если хотять уничтожить туземную выдѣлку сахара, то это можно сдѣлать не прежде 1843 года, то есть тогда, когда нынѣшній посѣвъ свекловичныя будетъ превращенъ въ сахаръ. При такихъ обстоятельствахъ правительство считаетъ необходимымъ отсрочить вопросъ о сахарѣ до будущаго собранія, а между-тѣмъ предлагаетъ продлить еще на годъ силу закона двадцать пятаго Іюня 1841 года, которымъ туземный сахаръ обложенъ извѣстною пошлиною. Одни слухи объ этомъ намѣреніи правительства возбудили уже общее неудовольствіе и между фабрикантами свекловичнаго сахара и въ приморскихъ городахъ, которые производятъ значительную торговлю сахаромъ съ колоніями и въ надеждѣ на уничтоженіе туземной фабрикаціи сдѣлали значительные заказы. Это неудовольствіе было такъ сильно, что члены коммерческихъ палатъ въ Гаврѣ и другихъ портахъ, узнавъ о рѣшеніи министерства, отказались отъ своихъ мѣстъ. Въ палатѣ предложеніе его также встрѣтило сильное сопротивленіе. Проектъ, по обыкновенію, положено было напечатать; но при этомъ одинъ изъ значительнѣйшихъ членовъ министерскаго большинства, господинъ *Вюстемберъ* напомнилъ, что министры приняли на себя формальное обязательство внести въ нынѣшнее собраніе палатъ законъ объ этомъ предметѣ, и даже еще недавно министръ финансовъ, представляя бюджетъ, обѣщаль непремѣнно кончить это дѣло въ нынѣшнемъ году. А теперь, продолжалъ господинъ *Вюстемберъ*, министерство увѣряетъ, что этотъ предметъ еще не довольно зрѣло обсужденъ и не можетъ быть раз-

смотрѣнъ въ нынѣшнемъ собраніи. Я, напротивъ, утверждаю, что никакое собраніе не можетъ обсудить его лучше нынѣшняго. Года два назадъ палата разсуждала о предложеніи господина *Лакавъ-Лаяланья* уничтожить выдѣлку туземнаго сахара и тогдашній президентъ министерскаго совѣта, господинъ *Тьеръ*, разсмотрѣлъ вопросъ столь обстоятельно, что никакой палатѣ онъ не можетъ быть такъ хорошо извѣстенъ, какъ нынѣшней. Въ новой палатѣ, напротивъ, будетъ, вѣроятно, много членовъ, совершенно незнакомыхъ съ этимъ вопросомъ. Я считаю законъ о сахарѣ, сказалъ онъ, необходимымъ дополненіемъ закона о желѣзныхъ дорогахъ. Наши финансы будутъ нѣсколько лѣтъ обременены расходами на желѣзныя дороги, и потому правительству надобно подумать объ умноженіи вспомогательныхъ финансовыхъ источниковъ, а усиліе привоза колониальнаго и иностраннаго сахара значительно усилило бы государственные доходы. Въ заключеніи своей рѣчи, ораторъ требовалъ, чтобы министры объявили настоящія причины, препятствующія имъ представить новый законъ по этому предмету, потому — что причины, ими приводимыя, кажутся ему только предлогомъ. Министръ торговли, господинъ *Кюненъ-Гриденъ*, отвѣчая господину *Вюстембергу*, изложилъ всю исторію закона о сахарѣ, исчислилъ всѣ переменныя, которымъ онъ подвергался. Я не знаю другаго вопроса, сказалъ онъ, который бы представлялъ такъ много важныхъ затрудненій. Совѣты торговли и земледѣлія, разсматривавшіе его, не согласны между собою. Сообразивъ всѣ противоположныя мнѣнія, я рѣшился было представить въ нынѣшнемъ собраніи новый законъ по этому предмету; но товарищи мои и я самъ удостовѣрились, что на разсмотрѣніе его не достанетъ времени; и потому рѣшились отложить его до будущаго собранія, чтобы тогда онъ могъ быть зрѣло обдуманъ. Господинъ *Дюбоа* произнесъ рѣчь, въ которой отдавалъ полную справедливость министру

торговли, говоря, что онъ много и внимательно занимался этимъ дѣломъ; но удерживалъ его и другихъ членовъ кабинета въ томъ, что они формально приняли на себя обязательства, которыхъ теперь не исполняютъ. «Министры, сказалъ онъ между прочимъ, извиняются тѣмъ, что палата еще не приготовлена надлежащимъ образомъ къ рѣшенію этого важнаго вопроса; но это ли настоящая причина? Нѣтъ; имѣя въ виду предстоящіе выборы, они, просто, боятся пораженія. Если бъ дѣло заключалось только въ томъ, чтобы основательно рассмотреть законъ о сахарѣ, то министерство могло бы воспользоваться тремя мѣсяцами, которые еще остаются до закрытія палаты; но министерство избѣгаетъ пораженія и всячески старается сократить собраніе; если бы оно имѣло какую-нибудь другую причину, то, конечно, не стало бы скрывать ее.» Господинъ *Марнье* вполне одобрялъ дѣйствія министровъ и старался доказать, что дѣло, безъ вреда для кого бы то ни было, можетъ оставаться еще на годъ въ настоящемъ положеніи. Господинъ *Гизо*, видя какую важность приобретаетъ вопросъ о сахарѣ при самомъ представленіи проекта закона, взошелъ на кафедру и съ обыкновеннымъ своимъ краснорѣчіемъ защищалъ дѣйствія кабинета. «Многіе думаютъ, сказалъ онъ, будто мы боимся подвергнуть подлежащій вопросъ разсмотрѣнію, будто мы старались отклонить его, страшась неудовольствія, которое могло бы обнаружиться въ рядахъ большинства! Плохое же средство мы бы избрали: то, чего, по мнѣнію почтенныхъ членовъ, мы опасались, уже совершилось; неудовольствіе оказывается уже и теперь, и притомъ между большинствомъ; но мы это предвидѣли; мы были къ этому приготовлены; и не смотря на это, рѣшились испытать то что считаемъ своимъ долгомъ, что кажется намъ согласнымъ съ пользою государства, съ пользою самаго вопроса.» Потомъ господинъ *Гизо* напомнилъ, что дѣло о сахарѣ было уже нѣсколько разъ разсматривае-

мо въ палатѣ, и результатъ всегда оказывался противоположный намѣреніямъ кабинета. Въ 1836 году, предложень былъ проектъ закона о наложеніи пошлины на туземный сахаръ; но этотъ проектъ не имѣлъ никакого успѣха. Въ 1837 году, господинъ *Дюшетель* предлагалъ понизить пошлину на колоніальный сахаръ: палата вмѣсто того, обложила пошлиною сахаръ туземный. Въ 1841 году, кабинетъ двѣнадцатаго Мая, предлагалъ обложить и привозный и туземный сахаръ одинаковою пошлиною, и это повело только къ усиленію пошлины на послѣдній. При этомъ господинъ *Лакас-Лавланъ* предлагалъ запретить выдѣлку сахара изъ свекловицы; но предложеніе его было отвергнуто, и проектъ закона, на основаніи котораго пошлина на туземный сахаръ возвышена, принятъ огромнымъ большинствомъ двухъ-сотъ тридцати голосовъ противъ шестидесяти-семи. «Изъ этого видно, сказалъ господинъ *Гизо*, что тогда палата была совсѣмъ не расположена къ системѣ, которой теперь отъ насъ требуютъ и которая совершенно согласна съ предложеніемъ господина *Лакас-Лавланъ*. Конечно, опытъ указалъ недостатки принятой тогда системы и правительство усматриваетъ необходимость измѣнить ее. Оно созвало генеральные совѣты земледѣлія, фабрикъ и торговли, чтобы узнать до какой степени подѣйствовалъ опытъ и переимѣнились идеи. Но и тутъ оно нашло величайшую нерѣшимость и важныя сомнѣнія. Изъ трехъ совѣтовъ, два были того мнѣнія, что нынѣшняя система можетъ быть сохранена; третій требовалъ измѣненій. Дѣло перенесено въ соединенный совѣтъ земледѣлія, мануфактуръ и торговли, и тамъ система запрещенія выдѣлки свекловичнаго сахара съ вознагражденіемъ фабрикантовъ, принята только большинствомъ тринадцати голосовъ противъ двѣнадцати. Это послужило для правительства яснымъ доказательствомъ, что вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ нынѣ въ томъ смыслѣ, какъ

отъ насъ требуютъ. Министерство старалось также, разумѣется не офенціально, узнать расположеніе умовъ въ палатѣ и тутъ нашло тѣ же сомнѣнія, ту же нерѣшительность. Вотъ главныя причины, на которыхъ мы основали свое рѣшеніе. Министерство, какое бы то ни было, не должно предлагать проекты законовъ безъ основательной надежды, что они будутъ приняты. Поступать такимъ образомъ есть наша политическая обязанность. Прочное положеніе кабинета, его сила, его значительность, важны въ отношеніи не только къ нему самому, но и въ отношеніи къ королевской власти и государству, которому онъ служить. Насъ упрекаютъ, что мы въ нынѣшнее собраніе палатъ не сдѣлали ничего для матеріальныхъ интересовъ нашего отечества. Но, прежде нежели я буду отвѣчать на это, позвольте мнѣ однажды навсегда уничтожить разницу, которую полагаютъ между политическими, моральными и матеріальными интересами. Первая потребность для послѣднихъ — утвержденіе порядка, безопасности и силы правительства. (Господа *Тьеръ* и *Дюко*: «Мы замѣтимъ эти слова.») Господинъ *Гизо*.—Да, милостивые государи, это первая потребность для упроченія матеріальныхъ выгодъ государства. Все что палата дѣлаетъ для утвержденія порядка, безопасности, для поддержанія честнаго мира, все это служить и къ матеріальной пользѣ страны. Никто не имѣетъ права упрекать палату, что она въ теченіе трехъ мѣсяцовъ не сдѣлала ничего для матеріальныхъ интересовъ нашего отечества; напротивъ, она содѣйствовала имъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ, упрочивъ основаніе, на которомъ они покоятся. Да и собственно въ этомъ отношеніи, можно ли было сдѣлать что-нибудь существенно важнѣе, колоссальнѣе проекта желѣзныхъ дорогъ? Извѣстно, съ какими затрудненіями сопряжено это предпріятіе, и устраненіе ихъ не есть ли задача, требующая всей дѣятельности палаты и правительства? Мы полагали, что предложить

въ одно и то же время два великихъ вопроса значило бы повредить однимъ другому и отказаться отъ надежды разрѣшить оба. По-этому изъ двухъ великихъ вопросовъ мы избрали одинъ, — желѣзные дороги, а законъ о сахарѣ рѣшился отложить до слѣдующаго собранія палаты. Поступивъ такимъ образомъ, мы воспользовались своимъ правомъ и, думаемъ, что исполнили свой долгъ.» Эта рѣчь возбудила живѣйшее одобреніе въ центрѣ. Послѣ того говорилъ только господинъ *Могенъ*, разумѣется, противъ министровъ, и палата приступила къ разсмотрѣнію проекта закона, уполномочивающаго правительство выкупить, посредствомъ займа, акціи каналовъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Лудовикъ XVIII, въ первые годы своего царствованія, обратилъ вниманіе на пути сообщенія и въ особенности на каналы. Но для окончанія каналовъ, начатыхъ уже прежде, и для проведенія новыхъ, не доставало денежныхъ средствъ, и потому надобно было обратиться къ частнымъ капиталистамъ. Компаніямъ, составившимся для этого въ 1821 и 1822 годахъ, предоставлены были значительныя выгоды, именно: шесть процентовъ, обезпеченіе со стороны правительства, заключавшееся въ назначеніи для погашенія долга извѣстной суммы, которую положено было увеличивать доходами съ каналовъ, и наконецъ уступка половины дивиденда, имѣвшагося въ виду по возвращеніи капиталовъ. Компаніямъ позволено было раздѣлить эти доходы, то есть, проценты, самцй капиталъ и предполагаемый дивидендъ на три рода акцій; послѣднія называются, «акціями пользованія» actions de jouissance. Первые два рода акцій уничтожились, потому-что капиталы уже возвращены и, слѣдственно, платежъ процентовъ прекращенъ; но «акціи пользованія» еще находятся въ рукахъ частныхъ людей: ихъ-то министерство и предлагаетъ выкупить, потому-что онѣ даютъ своимъ владѣльцамъ право участвовать вмѣстѣ съ правительствомъ въ назначеніи пла-

ты за провозъ по каналамъ. Акціонеры назначаютъ высокіе тарифы, а это, произвѣдая дороговизну на многіе продукты, чрезвычайно вредитъ промышленности. Пренія продолжались нѣсколько дней. Многіе изъ противниксвъ закона утверждали, что правительство, заключивъ съ компаніями условіе, не имѣетъ никакого права нарушить его и лишить частныхъ людей того, чѣмъ они законно владѣютъ. Другіе возражали на это, что правительство имѣетъ право лишать частныхъ людей владѣнія ихъ собственностію по видамъ общественной пользы, и что все равно, на чемъ бы владѣніе ни основалось, на правѣ собственности, или на условіи, заключенномъ между компаніями и правительствомъ. Въ засѣданіи двадцать-шестаго Марта, палата значительнымъ большинствомъ голосовъ положила приступить къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ параграфовъ закона, а въ засѣданіи тридцатаго Марта утвердила его большинствомъ 146 голосовъ противъ 116.

Четвертаго Апрѣля въ палатѣ депутатовъ начались пренія о проектѣ закона касательно назначенія, по бюджетамъ 1841 и 1842 годовъ, 16,514,163 франковъ, дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ. Главную статью тутъ составляютъ расходы на Алжиръ. Комиссія, разсматривавшая этотъ проектъ, выслушавъ объясненія военнаго министра, нашла необходимымъ имѣть покуда въ Африкѣ 80,000 войска; но изъявила надежду, что его можно будетъ вскорѣ уменьшить до 50,000. Маршалъ Сульть объявилъ, что для упроченія французскихъ владѣній въ Африкѣ необходимо сохранить, кромѣ Алжира, всѣ укрѣпленныя мѣста, именно: Маскару, Мостаганемъ, Шереель, Миліану, Мелею, Бону, Оранъ и Константину; что для разсмотрѣнія вопросовъ о правѣ собственности въ тѣхъ мѣстахъ и о колонизаціи, назначенъ комитетъ. Хотя комиссія и не получила отчета этого комитета, потому-что занятія его еще не кончены, однако же она почла необходимымъ выразить въ

своемъ докладѣ слѣдующее мнѣніе объ этомъ предметѣ: «Къ колонизація слѣдуетъ приступить безъ замедленія. Можно начать ее съ пространства, заключающагося между Алжиромъ и Блюдою. Такъ какъ Арабы не довольно привыкли къ осѣдой жизни, то народонаселеніе колоніи должно состоять изъ Европейцевъ. Въ послѣдствіи можно приступить къ заселенію Алжира, Боны, Мостага-нема и мѣстъ, лежащихъ по близости рѣкъ. Колонизація привлечетъ въ провинцію новое народонаселеніе — земледѣльцевъ, которые будутъ обрабатывать землю сами для себя. Произведенія ихъ трудовъ обогатятъ страну, умножатъ ея вспомогательныя средства, такъ что она въ состояніи будетъ сама себя продовольствовать. При этомъ представляется необходимость въ законѣ, который бы обезпечивалъ собственность колонистовъ. Мы вполне полагаемся на энергическія мѣры правительства. Комиссія обратила также свое вниманіе на власть, какую слѣдуетъ предоставить генералъ-губернатору колоніи. Она имѣла въ виду всѣ неудобства неограниченной власти; но полагаетъ, что въ странѣ, гдѣ исключительно господствуетъ война, военная власть не можетъ быть ограничена. Комиссія надѣется, однако жъ, что покореніе Арабовъ и успѣхи колонизація скоро дозволитъ измѣнить формы, которыя были неизбѣжны во время завоеванія и которыя необходимость требуетъ удержать и теперь.» Въ палатѣ общія пренія объ этомъ проектѣ было не занимательно, потому-что большая часть записавшихся ораторовъ объявили, что будутъ говорить только тогда, когда рѣчь дойдетъ до Алжира. Но и тутъ пренія ограничились однимъ только вопросомъ объ алжирскомъ портѣ. Господинъ *Тьеръ*, который давно уже не говорилъ, произнесъ нѣсколько рѣчей, въ которыхъ упрекалъ министерство въ недѣятельности и намекалъ, что оно не осмѣливается рѣшительно приступить къ работамъ по Алжирскому порту, потому-что боится протеста со стороны Англичанъ. Министры от-

вѣчали, что единственная причина, по которой работы въ алжирскомъ портѣ производились не такъ дѣлательно, какъ хотѣлось бы господину *Тьеру*, заключается въ томъ, что правительству не достаетъ для этого финансовыхъ средствъ; по бюджетамъ назначается на этотъ предметъ только 900,000 франковъ въ годъ, и оно дѣлаетъ все, что только возможно, при столь ограниченной суммѣ; а требовать нѣсколькихъ милліоновъ нынче когда на укрѣпленіе Парижа, придуманное имъ же *Тьеромъ*, производятся столь огромные расходы, и когда построеніе желѣзныхъ дорогъ также потребуетъ значительныхъ капиталовъ, оно не могло. Для устройства Алжирскаго порта составлены два плана: во-первыхъ, планъ инженера *Поарелла*, по которому въ четыре года за какія-нибудь 7 или 8 милліоновъ можно устроить безопасную гавань на 25 военныхъ кораблей. Другой, болѣе обширный планъ, составленъ инженеромъ *Раффено*, котораго самъ господинъ *Тьеръ* посылалъ въ Алжиръ. Исполненіе этого плана будетъ стоить около 25 или 30 милліоновъ и не можетъ быть кончено ранѣе какъ лѣтъ въ двадцать. Господинъ *Тьеръ* упрекалъ министровъ въ томъ, что они, покладая планъ легко исполнимый, который могъ бы приносить пользу въ самомъ непродолжительномъ времени, принимаютъ за другой, который потребуетъ огромныхъ суммъ и долгаго времени, а между-тѣмъ не дѣлаютъ ничего. Морской министръ объяснилъ, что эти два плана были разсматриваемы въ министерствахъ, потомъ, въ особой комиссіи, составленной изъ инженеровъ, которая одобрила планъ господина *Поарелла*, послѣ того въ совѣтъ мостовъ и дорогъ (*des ponts et chaussées*, то же, что у насъ вѣдомство инженеровъ путей сообщенія), который предпочелъ планъ господина *Раффено*; что онъ, адмиралъ *Дюперре*, расположенъ въ пользу плана болѣе ограниченнаго и удобоисполнимаго; но что во всякомъ случаѣ министерство при первой возможности представить особый законъ объ этомъ предметѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что адмиралъ *Дюперре* необходимо долженъ

принимать къ сердцу все, что касается до Алжира, потому-что онъ командовалъ флотомъ, который столь дѣлательно способствовалъ маршалу *Бурмоу* въ завоеваніи этой бывшей столицы морскихъ разбойниковъ. Пренія объ алжирскихъ дѣлахъ были замѣчательны въ особенности потому, что даже депутаты оппозиціи отдавали полную справедливость ненавистному имъ генералу *Бюжо*, который, въ своихъ преклонныхъ лѣтахъ, ведетъ войну съ юношескою дѣятельностію и большимъ усиліемъ. По окончаніи преній, всѣ суммы, требуемыя на этотъ предметъ министерствомъ, были ассигнованы; но оппозиція еще не признала себя побѣжденною и при всякомъ случаѣ пыталась нанести поражение министерству. Работы по укрѣпленію Парижа представляли для этого самый удобнѣйшій случай. Оппозиціонные журналы утверждали, что министерство строитъ одни только отдѣльные форты, не заботясь объ окружной стѣнѣ; многіе оппозиціонные депутаты обходили всѣ эти работы; но труды ихъ были тщетны. Когда рѣчь зашла въ палатѣ отъ этого предметѣ, одинъ изъ ихъ же со товарищей, оппозиціонный депутатъ *Алларъ*, движимый чувствомъ справедливости, взошелъ на кафедру, и, описавъ нынѣшнее положеніе работъ, отдалъ полную справедливость министерству, объявивъ что онѣ производятся совершенно съ принятымъ палатами планомъ и издержки не превышаютъ назначенныхъ суммъ. Такимъ образомъ эта попытка не удалась и оппозиція обратилась къ третьей; но и тутъ потерпѣла сильное пораженіе. Въ проектѣ закона требуется извѣстная сумма на покрытіе издержекъ по переписи *. При разсмотрѣніи этой статьи, депутаты *Малльвилъ* и *Аббатучи* предложили прибавочную статью, по формѣ своей совершенно незлобивую, но въ сущности заключающую въ себѣ порица-

* Во второмъ номерѣ этого журнала, мы уже объяснили въ чемъ состоитъ эта перепись (recensement). См. стран. 17. Соб. за гран.

ніе всѣхъ дѣйствій министерства по этому предмету. Само собою разумѣется, что министры сильно противились принятію подобной статьи и оппозиція, видя, что палата склоняется на ихъ сторону, предложила чрезъ предводителя своего *Одилона-Барро*, отложить разсмотрѣніе прибавочной статьи до бюджета; но и эта уступка ей не помогла. Министерство сильно противилось. Оппозиція сдѣлала еще шагъ назадъ: требовала, чтобы предложеніе господъ *Малльвилл* и *Аббатучи* передано было на разсмотрѣніе комиссіи, которая разсматривала проектъ закона о дополнительныхъ кредитахъ и, конечно, отвергла бы предложеніе, потому-что состоитъ почти изъ однихъ членовъ большинства. Но министерство, не склоняясь ни на какія уступки, хотѣло рѣшительной побѣды и одержало ее: предложеніе было отвергнуто весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ, и наконецъ весь проектъ закона былъ принятъ, въ засѣданіи осьмаго Апрѣля. Въ пользу министерства подано было 220 голосовъ, противъ него 143.

Въ палатѣ перовъ было во все это время очень немного засѣданій, и пренія, происходившія тамъ, не представляютъ большой занимательности. Въ засѣданіи втораго Апрѣля, разсматриваемъ былъ проектъ закона о дополнительномъ предметѣ на секретные расходы. Маркизь *Боасси* возставалъ противъ новаго назначенія перовъ, которое, какъ полагаютъ, министерство намѣрено произвести по распущеніи палаты депутатовъ. Президентъ и министры замѣтили ему, что, на основаніи хартіи, право назначать перовъ принадлежитъ королю и ни кѣмъ не можетъ быть ограничено. Маркизь *Дрѣ-Брезе* и графъ *Монталламеръ*, единственные въ палатѣ члены легитимистской оппозиціи, по обыкновенію своему, порицали всѣ дѣйствія министерства по внѣшней и внутренней политикѣ; имъ отвѣчали министры *Вильменъ* и *Дюшатель*, и дѣло кончилось тѣмъ, что проектъ закона о суммѣ

на секретные расходы утверждены большинством 124 голосовъ противъ 17.

Въ засѣданіи одиннадцатаго Апрѣля, маркизь *Боасси*, по предварительному разрѣшенію палаты, обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ съ вопросомъ на счетъ задержанія французскаго купеческаго судна «*Le Magabout*» англійскимъ военнымъ шлюпомъ «*The Rose*.» Онъ называлъ это задержаніе нарушеніемъ трактатовъ 1831 и 1833 годовъ (потому-что трактатъ двадцать-перваго Января нынѣшняго года, не ратификованный французскимъ правительствомъ, не касается до французскихъ кораблей). Сынъ маршала *Нея* обратилъ вниманіе палаты на другое подобное событіе: задержаніе французскаго судна «*Сенегамби*» англійскимъ бригомъ «*The Sarrasin*.» — Господинъ *Гизо* отвѣчалъ, что капитанъ англійскаго купеческаго судна дѣйствительно задержалъ французское судно «*Le Magabout*» и отправилъ его въ *Кайенну* для изслѣдованія дѣла въ тамошнемъ судѣ, исполнивъ такимъ образомъ обязанность, возложенную на него существующимъ договоромъ; но, если извѣстія, полученныя доселѣ объ этомъ предметѣ, вѣрны, то онъ уклонился отъ порядка тѣмъ, что отправилъ часть пассажировъ въ *Ріо-Янейро*; это обстоятельство подастъ поводъ въ справедливой рекламации и къ требованію вознагражденія. *Каеннскій* судъ рѣшилъ, что корабль, «*Le Magabout*» не производилъ торга невольниками и не для этого снаряженъ; потому въ первой инстанціи ему присуждено требовать отъ англійскаго правительства вознагражденія въ 260,000 франковъ. Этотъ приговоръ будетъ сообщенъ англійскому правительству и отъ него зависить, или тотчасъ уплатить означенную сумму или провести дѣло по всѣмъ судебнымъ инстанціямъ; сверхъ-того представляется вопросъ не переступилъ ли англійскій капитанъ за предѣлы своей власти, отправивъ часть пассажировъ въ *Ріо-Янейро*, и не слѣдуетъ ли за это также вознагражденія. Что же касается до за-

держанія корабля «Сенегамбін», то въ этомъ дѣлѣ нельзя ссылаться на договоры 1831 и 1833 годовъ, потому—что этотъ корабль задержанъ въ англійской гавани. «Остается только изслѣдовать, прибавилъ господинъ Гизо, обратило ли англійское правительство при произнесеніи приговора, надлежащее вниманіе на порученіе, данное этому кораблю французскимъ правительствомъ, и не должно ли также требовать за это вознагражденія. (Говорятъ, что кораблю «Сенегамбін» поручено было правительствомъ закупать невольниковъ для употребленія ихъ, разумѣется, въ видѣ свободныхъ работниковъ, въ одной изъ французскихъ колоній).

Французскія дѣла въ Алжирѣ идутъ весьма успѣшно. По извѣстіямъ изъ Тлемесена, отъ шестнадцатаго Февраля, большое племя Бени-Амеръ покорилося Французамъ. Можно сказать безъ преувеличенія, прибавляетъ генераль-губернаторъ въ своемъ донесеніи, что теперь уже покорилося вся западная часть провинціи Оранъ, за исключеніемъ немногочисленныхъ племенъ отъ Леллала до марокской границы, гдѣ скрывается *Абдель-Кадеръ*. Черезъ нѣсколько времени покорилося часть другаго важнаго племени, Гакемъ. Но между-тѣмъ *Абдель-Кадеръ*, по временамъ, снова появляется, какъ-бы для того, чтобы Французы не забыли объ его существованіи. Такъ, во второй половинѣ Февраля, онъ выступилъ изъ своего лагеря при городѣ Недронъ (который Французы въ послѣдствіи заняли) и напалъ на *Уледъ-Сиди-Шира* (о которомъ мы говорили во второй книжкѣ *Сына От.*); но генераль *Мустафа* настигъ и разбилъ *Абдель-Кадера* и эмиръ спасся почти одинъ. Потомъ онъ напалъ на племя Бени-Цнаинъ, которое покорилося Французамъ, но также потерпѣлъ пораженіе. Съ нимъ всегда много Мароканцевъ и, говорятъ, что французское правительство намѣревается отправить въ Тангеръ эскадру, чтобы потребовать отъ марокскаго императора объясненія по этому предмету.

Въ Парижѣ скончались, въ началѣ Марта, члены палаты депутатовъ, извѣстный профессоръ философіи *Жуффруа*, и членъ французской академіи, господинъ *Роже* (*Roger*); а палата перовъ лишилась въ послѣднее время двоихъ изъ своихъ членовъ: маркиза *Талуэ* и господина *Дюфура*. Кромѣ того въ Парижѣ скончался, пятнадцатаго Марта, извѣстный композиторъ *Херубини*.

Королевскимъ повелѣніемъ отъ перваго Февраля 1837 года постановлено, чтобы французскій флотъ имѣлъ сорокъ парходовъ въ полтораста силъ и болѣе. Въ Монитерѣ отъ седьмаго Марта напечатанъ докладъ морскаго министра, который говоритъ, что при важныхъ уснѣхахъ, сдѣланныхъ другими державами въ отношеніи парходства, это положеніе оказывается неудовлетворительнымъ, и предлагаетъ усилить флотъ слѣдующими судами: пятью парходными фрегатами въ пятьсотъ-сорокъ силъ каждый; пятнадцатью парходными фрегатами въ четыреста-пятьдесятъ силъ каждый; двадцатью парходными корветами во сто шестьдесятъ силъ и менѣе. На это онъ требуетъ 34,550,000 франковъ, на десять лѣтъ. Король подтверждалъ этотъ докладъ.

Нѣсколько времени назадъ редакторы журнала *La Mode* приговорены были къ тюремному заключенію на два года и къ уплатѣ шести тысячъ франковъ пени. Они напечатали весь этотъ процессъ отдѣльно, и пустили его въ продажу, объявивъ особымъ циркуляромъ, что это дѣлается для уплаты наложенной на нихъ пени. За этотъ поступокъ, запрещенный законами, они снова отпаны подъ судъ и главный редакторъ виконтъ *Валли* приговоренъ къ трехмѣсячному заключенію въ тюрьму и уплатѣ 3000 франковъ пени, а отвѣтственный издатель, господинъ *Воале де-Сенъ-Филиберъ*, къ заключенію въ тюрьму на два мѣсяца и къ уплатѣ 2000 франковъ пени. Редакторъ *Gazette d'Auvergne*, въ которой были напечатаны съ разными неблагонамѣренными комментаріями первыя объясненія господина

Изаамбера на счетъ извѣстнаго письма ріомскаго генералъ-прокурора, не смотря на всѣ усліія краснорѣчиваго *Беррье*, который защищалъ эту газету, приговоренъ ассизнымъ судомъ Пюи-де-Домскаго департамента къ заключенію въ тюрьму на полгода и уплатѣ 4000 франковъ пени.

Главный редакторъ газеты *Globe* извѣстный защитникъ невольничества въ колоніяхъ, господинъ *Гранье де-Кассаньякъ*, напечаталъ въ своей газетѣ статью оскорбительную для памяти покойнаго адмирала *Лакросса*, командовавшаго нѣкогда морскою станціею у Антилскихъ острововъ. Сынъ адмирала, депутатъ *Лакроссъ*, вызвалъ *Гранье де-Кассаньяка* на дуэль и былъ раненъ тяжело пулею; но однако жъ поправился.

Правительство приказало удалить отъ испанской границы всѣхъ испанскихъ выходцевъ и однажды, какъ господинъ *Гизо* говорилъ въ палатѣ перовъ, дѣло дошло до того, что пограничныя французскія войска принуждены были выдержать настоящее сраженіе съ этими выходцами, которые пытались прорваться въ свое отечество съ оружіемъ въ рукахъ.

Четыре линейныхъ корабля изъ французской эскадры, находящейся въ Средиземномъ Морѣ и состоящей подъ командою адмирала *Де-ла-Сюсса*, возвратились въ Тулонъ.

— Но мы заговорились о Франціи. Не мудрено: тамъ такъ много говорятъ; а примѣръ соблазнительнъ. Что же дѣлаютъ въ Англіи? Въ Англіи нынче тоже много говорятъ, но тамъ это производитъ важные результаты. Въ послѣдней статьѣ нашей, мы уже объяснили читателямъ законъ о ввозѣ хлѣба, предложенный сэромъ *Робертъмъ Пилемъ*, и говорили, что резолюціи, представленныя имъ по этому предмету, приняты и ему дозволено внести билль. Оппозиція сильно противилась этому биллю, отстаивала, задерживала его на каждомъ шагѣ, пользовалась всѣми пружинами англійскаго парламента-

скаго механизма, чрезвычайно сложнаго. Не говоря уже о предложеніяхъ противъ билля, дѣланыхъ лордомъ *Джозономъ Росселемъ* и другими вигами и радикалами при первомъ, второмъ, третьемъ чтеніи билля, при разсмотрѣніи его въ комитетѣ, при представленіи палатѣ доклада комитета, многіе члены пользовались своимъ правомъ, дѣлать какія угодно предложенія, на примѣръ отложить чтеніе до другаго дня и требовать, чтобы объ этомъ произведена была балотировка. Само собою разумѣется, что балотировка въ палатѣ, гдѣ слишкомъ пять-сотъ-шестьдесятъ членовъ, занимаетъ много времени: двѣ, три балотировки и засѣданіе конечно. Все это дѣлалось для того, чтобы оттянуть рѣшеніе вопроса до Пасхи и въ праздничное время организовать сильное сопротивленіе противъ билля о хлѣбѣ. Но все это не помогло: билль, изъ котораго сэръ *Робертъ Пиль* сдѣлалъ кабинетный вопросъ, то есть, объявилъ, что если билль будетъ отвергнутъ, то онъ выйдетъ въ отставку, подвигался впередъ медленно; но однако жъ прошелъ всѣ инстанціи и, въ засѣданіи седьмага Апрѣля, утвержденъ окончательно большинствомъ 139 (229 противъ 90) голосовъ.

Между-тѣмъ, въ засѣданіи одиннадцатаго Марта сэръ *Робертъ Пиль* объяснилъ свои финансовыя планы и сдѣлалъ предложеніе, которое сильно поразило и противниковъ и даже приверженцевъ его, тѣмъ болѣе, что кромѣ министровъ никто прежде того не зналъ объ этомъ планѣ, что весьма удивительно въ странѣ, гдѣ существуетъ свобода тисненія и чего, конечно, не могло бы случиться во Франціи. Потомъ этотъ планъ возбудилъ сильное сопротивленіе, которое мало-по-малу разгаралось; но партія почтеннаго баронета такъ сильна, мѣра имъ предложенная столь дѣйствительна, и обстоятельства, въ которыхъ находится нынче Англія, такъ важны, что билли министерства по этому предмету, конечно, будутъ приняты. Въ рѣчи своей объ этомъ, сэръ

Роберт Пиль сначала изобразилъ мрачными красками нынѣшнее финансовое положеніе Великобританіи; исчисливъ, что дефицитъ за два года простирается до 4,820,000 фунтовъ стерлинговъ (28,920,000 рублей серебромъ или 100,220,000 рублей ассигнаціями, считая фунтъ стерлинговъ только въ шесть рублей серебромъ), онъ показалъ, что этотъ дефицитъ ежегодно возрастаетъ; бюджетъ остъ-индской компаніи находится также въ ужасномъ положеніи и сверхъ-того Англія предстоитъ огромныя издержки для производства войны съ Китаемъ, и въ особенности для того, чтобы вознаграждать свои потери въ Афганистанѣ и стереть пятно, наложенное этими несчастными событіями на славу британскаго оружія. Далѣе онъ старался убѣдить своихъ слушателей, что обыкновенныя, употребляемыя въ подобныхъ случаяхъ, мѣры, были бы не дѣйствительны; что займы, выпускъ бумажныхъ казначейства, употребленіе капиталовъ сберегательной кассы послужило бы только къ увеличенію и безъ того огромной массы государственнаго долга; что о сокращеніи расходовъ нечего и думать; что наконецъ возвышеніе пошлины на предметы потребленія, какъ доказалъ опытъ прошедшаго года, недостаточно и невѣрно. Что жъ остается дѣлать? По мнѣнію сэра *Роберта Пиль* только одно: обложить податью имущества. Надобно замѣтить, что налогъ на имущества есть налогъ самый ненавистный для Англичанъ, потому что принуждаетъ правительство рыться въ карманахъ частныхъ людей: нельзя же объявленіе дохода предоставить на совѣсть плательщика. Къ этому налогу прибѣгали только въ крайности, въ военное время съ 1798 по 1802 годъ, и съ 1803 до 1814. Сэръ *Робертъ Пиль* предложилъ взимать, начиная съ будущаго Октября и въ теченіе трехъ лѣтъ, по семи пенсовъ съ фунта стерлинга доходовъ частныхъ людей и общества, что составляетъ около трехъ процентовъ. Отъ этого налога освобождаются доходы ниже 150 фунтовъ

стерлинговъ (900 рублей серебромъ). По приблизительному исчисленію, налогъ съ земель доставитъ до 1,600,000 фунтовъ стерлинговъ; съ домовъ до 150,000; съ капиталовъ до 646,000; отъ торговли и промышленности до 1,200,000; всего, до 3,471,000 фунтовъ стерлинговъ. Ирландія освобождается отъ этого налога, но зато полагается пошлина по одному шиллингу съ галона выкуриваемаго тамъ вина, что доставитъ до 250,000 фунтовъ стерлинговъ, сверхъ того возвышается пошлина за штемпельную бумагу, что принесетъ казны до 160,000 фунтовъ стерлинговъ; также налагается пошлина по 4 шиллинга съ тонны вывозимаго изъ Англій каменнаго угля, и это дастъ до 200,000 фунтовъ стерлинговъ. Все это вмѣстѣ доставитъ правительству до 4,380,000 фунтовъ стерлинговъ (26,280,000 рублей серебромъ), изъ которыхъ, за покрытіемъ дефицита, останется на нынѣшній годъ 1,800,000 фунтовъ стерлинговъ, которыхъ часть господинъ *Пилъ* намѣренъ употребить, частию на расходы экспедицій въ Афганистанъ и Китай, а частию на замѣну временнаго ущерба отъ сокращенія тарифа пошливъ. Нынѣшній тарифъ состоитъ изъ 1200 статей; съ 750 статей предполагается уменьшить пошлину, а въ числѣ остальныхъ есть много такихъ статей, пошлина съ которыхъ можетъ быть понижена въ слѣдствіе договоровъ съ иностранными державами и особенно съ Франціею. По плану сира *Роберта Пилъ* всякое запрещеніе ввоза отменяется; по привозу, пошлина съ сырыхъ продуктовъ не должна быть выше пяти процентовъ; съ полу-обработанныхъ не выше двѣнадцати; съ обработанныхъ не выше двадцати процентовъ; англійскія мануфактурныя произведенія позволяется вывозить беспошлинно.

Финансовыя мѣры, предложенныя сэромъ *Робертомъ Пилемъ*, безспорно принадлежатъ къ важнѣйшимъ постановленіямъ, изданнымъ для общей пользы въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Правительство, въ тиши-

нѣ приготовлявшее эти мѣры, явило необыкновенную силу и энергію. Получивъ власть по вліянію аристократіи и среднихъ сословій, почтенный баронетъ подчинилъ налогу эти самыя сословія. Онъ предлагаетъ государству не мелкія средства для защиты выгодъ какого либо отдѣльнаго сословія, или бѣдствующей промышленности; но даруетъ всѣмъ равно драгоценныя блага распространенной торговли, полезную заманчивость соперничества и благотворныя низкія цѣны. Правительство предложило эти мѣры единодушно и, конечно, съ торжествомъ достигнуть своей цѣли. Королева объявила парламенту чрезъ перваго министра, что она также намѣрена платить налогъ со своихъ доходовъ.

Сужденія объ этомъ планѣ начались четвертаго Апрѣля, и объ резолюціи, предложенныя сэромъ *Робертомъ Пилемъ*, были приняты въ это же засѣданіе. Въ засѣданіи шестаго числа, принять, измѣненный по предложенію того же министра, билль лорда *Магона* о правѣ литературной собственности. Срокъ этого права опредѣленъ въ 42 года со времени изданія, а ежели авторъ находится еще въ живыхъ, то срокъ продолжается еще на семь лѣтъ.

По умерщвленіи англійскаго посланника при дворѣ афганскаго шаха *Суджи*, сэра *Вилльяма Макъ-Нэпмена**, переговоры были возобновлены маіоромъ *Поттингеромъ*. Результатомъ ихъ было условіе, по которому англійскимъ войскамъ, расположеннымъ въ Кабулѣ, Желлабадѣ, Гизни и Кандагарѣ, предоставлено было право свободнаго отступленія. Но когда гарнизонъ Кабула и другіе расположенные вблизи отряды выступили и отошли на два дня пути отъ Кабула, Афганцы атаковали ихъ въ одномъ ущельи и почти всѣхъ положили на мѣстѣ. Такимъ образомъ, отъ войска, простиравшагося до 16,000 человекъ, осталось въ живыхъ толь-

* См. С. О. № 3, стр. 15 — 17.

ко 200 или 300 человекъ, взятыхъ въ плѣнъ. Въ томъ числѣ находятся генералъ *Эльфинстонъ*, и нѣсколько офицеровъ съ сопровождавшими ихъ дамами. Спасся одинъ только Европейецъ, докторъ *Брандонъ*, который и доставилъ англійскимъ начальствамъ въ Остъ-Индію вѣсть объ этомъ горестномъ событіи. Говорятъ, что герцогъ *Веллингтонъ*, получивъ эти извѣстія, не могъ удержаться отъ слезъ. Сэръ *Робертъ Пилъ* выразился объ нихъ слѣдующимъ образомъ въ одной изъ рѣчей въ защиту своихъ финансовыхъ плановъ. «Оппозиція говоритъ, что насъ не постигло несчастье, которое бы требовало столь отчаянныхъ мѣръ. Насъ не постигло несчастье? Испытали ли мы когда-нибудь бѣдствіе, которое бы могло сравниться съ постигшимъ насъ въ Афганистанѣ? Конечно, это несчастье можетъ быть и будетъ изглажено, но оно безпримѣрно въ нашей исторіи.»

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Русская Словесность.

=

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ НА АНДЫ.

ФАНТАЗІА.

(Посвящается другу автора, М. Н. Загоскину.)

Волшебникъ могучій, на легкихъ крылахъ,
Унесъ меня быстро за синее море,
Поставилъ на дивныхъ, высокихъ скалахъ,
Гдѣ взоръ могъ ширяться орломъ на просторѣ.

И мѣсто, куда меня взнесъ чародѣй,
Жерломъ было древнихъ, угасшихъ волкановъ,
Предѣломъ межъ небомъ и дольной землей,
Столбомъ граневымъ между двухъ океановъ *.

* Жерло угасшаго картагенскаго волкана въ провинціи Средней Америки, Коста-Рика, на Панамскомъ перешейкѣ. Съ вершины этой горы, принадлежащей къ цѣпи Андовъ, видны Тихій и Атлантическій Океаны.

Изъ тихаго моря, въ лучахъ золотыхъ,
Омывшись въ лазурныхъ волнахъ океана,
Восточное солнце, какъ пышный женихъ,
Всходило, блистая надъ хлябью тумана.

И вдругъ тамъ, внизу, заперстрѣли поля,
Шатры пастуховъ и палаты вельможей;
И хору пернатыхъ внимасть земля,
И вьется дымокъ изъ хасьенды прихожей *.

Къ востоку былъ виденъ Никойскій Заливъ,
На западъ — устье рѣки Санъ-Хуана,
А тамъ, пеленой, за предѣлами нивъ,
Вдали равстигалися два океана:

Два моря — глашатаи Божьихъ чудесъ,
Два моря бездонныхъ, безбрежныхъ, какъ вѣчность;
Два зеркала горныхъ, сафирныхъ небесъ.
И смотрится въ тѣ зеркала безконечность.

И что же предъ ними и я, и скала,
Съ которой мой взоръ въ океанахъ блуждаетъ?
Что наши всѣ страсти, желанья, дѣла?
Все мелко, ничтожно! какъ дымъ исчезаетъ!

Что почести, слава и водный карманъ?
Песчинки, атомы!.... О чемъ же хлопочемъ?
Вглянувши на тотъ и другой океанъ,
Мы грустно вздохнемъ, надъ собой захохочемъ.

И снова на родину сонъ-чародѣй
Унесъ меня той же воздушной дорогой.
Вотъ будить меня осторожно дакей;
Опять окруженъ я житейской тревогой.

И вотъ принесли мнѣ престошный журналъ,
Гдѣ зависть пятнала талантъ и заслуги.

* Hacienda — сельская ферма въ Испанской Америкѣ.

Я вспомнилъ свой сонъ, и съ усмѣшкой скавалъ:
На Анды поставилъ бы васъ, мои други!

П. Корсаковъ.

26 Марта 1842.

=

МОЯ МОЛИТВА.

—

Утромъ и вечеромъ слезы горячія,
Передъ Распятіемъ, съ вѣрой, съ надеждою,
Долго моляся, я лью.
Я не прошу себѣ счастья здѣшняго,
Я не прошу исполненія всего,
Чѣмъ волновалось, чѣмъ часто волнуется
Сердце мятежное.... Нѣтъ!
Пусть, какъ велитъ Онъ, такъ будетъ со счастіемъ....
Здѣсь или тамъ; пусть, какъ хочетъ Самъ Богъ!...
Что ни послалъ бы Онъ, горе или радости —
Такъ! для меня все равно...,
Но, есть одно. Только съ этой молитвою
Я у подножья креста,
Съ теплою вѣрою долго и пламенно
Не перестану рыдать!
Да, я молюсь: какъ лампада предъ образомъ
Золотомъ чистымъ блеститъ,
Такъ, чтобъ и мы предъ лицомъ Искупителя
Чисты явиться могли.
И какъ въ лампадѣ огонь разгарается
Ярче, свѣтлѣе въ ночи,

Такъ чтобъ въ страдающихъ душа разгаралася
Ярче, свѣтлѣ предъ Нимъ.

Вѣтра Анольская.

23 Марта 1842.

=

ЦВѢТОКЪ.

—

Дитя вѣтра и лучей,
Весенній птебчикъ средь полей,
Цвѣтокъ красавцомъ разцвѣтаеть.
А долго ль цвѣсть и долго ль жить,
О чемъ молить, о чемъ тужить,
Невинный, онъ не понимаетъ.
И ночи тѣнь, и утра лучъ,
И молній блескъ и громы тучъ
Одной улыбкою встрѣчаетъ.
Но чья-то тайная рука
И долю бѣднаго цвѣтка
Въ тиши лелѣеть, охраняеть...
Чуть зарумянится востокъ —
Хранитель будить свой цвѣтокъ,
И въ блескъ утра оживаетъ
Зеленокудрое дитя,
Благоуханная уста
Съ нѣмой молитвой открываетъ.
Рукой невидимой обвить,

На Божье солнышко глядѣть
И легкой жизнию играть....
Когда жъ, вечернею порой,
Сіянье гаснетъ за горой
И небо тихо померкаетъ,
На легкихъ крыльяхъ вѣтерка,
Съ вѣнрными ложемъ для цвѣтка
Къ нему хранитель прилетаетъ;
Скрестить, какъ ручки, стебельки,
Какъ вѣжди сложить лепестки,
И мирный сонъ благословляетъ....
Кто жъ ангелъ тотъ? Онъ скрытъ отъ глазъ, —
Лишь горнихъ слезъ его алмазь
Зарю на цвѣткѣ сіяетъ.....

В. Шевцовъ.

=

СЛАВА БОГУ.

—

Если спроситъ кто-нибудь,
Какъ здоровъ я, какъ живу я,
Страшно въ сердце заглянуть.
«Слава Богу!» говорю я....

Слава Богу!... Чтò жъ сказать?
Неужель души страданья
Свѣту злобному предать
На позоръ, на поруганье?

О, мнѣ больно.... Боже мой!
 Мнѣ до слезъ кровавыхъ больно....
 Что же людямъ вошь чужой!
 Имъ покойно, имъ привольно.

На сердечной глубинѣ
 Горе въ тайнѣ положу я,
 И хоть тяжело, тяжело мнѣ,
 «Слава Богу!» всѣмъ скажу я....

В. Шевцовъ.

=

ВСТРѢЧА ВЪ ЭГЕРСКОМЪ ЗАМКѢ.

—

Въ готическомъ виталищѣ духовъ,
 Среди развалинъ сумрачнаго замка,
 Гдѣ явится, — я думалъ, — мать сновъ,
 Дѣтей юдольныхъ сказочница-мамка,
 Таинственная старица вѣковъ,
 Прошедшаго великая царица —
Исторія — и бѣшеные сны:
 Отчаяніемъ дышащія лица
 Друзей Фридланда, демонъ старины,
 Обласканныхъ гостей своихъ убійца —
 Тамъ, вмѣсто страха, сумрака и сновъ,
 И демона и гнѣвныхъ привидѣній,

И крови, слезъ, и стонувъ и мученій,
 И вмѣсто дряхлой старицы вѣковъ —
 Явилась ты, прелестное созданье,
 Въ одеждѣ бѣлой, въ кудряхъ золотыхъ,
 Съ душой въ очахъ небоно-голубыхъ,
 Съ живымъ румянцемъ, въ солнечномъ сянѣ,
 Твоей невинной, чистой красоты —
 И миръ разваливъ, ужасовъ и тѣни
 Сталъ міромъ сладкихъ, легкихъ вдохновеній
 И міромъ свѣта, чувствъ и теплоты! . . .

Невыразимо дѣйствіе столь милой,
 Столь юной, свѣтлой, чудной красоты
 Въ развалинахъ утрюмыхъ, надъ могилою
 Суровой жизни, сумрачныхъ временъ,
 Подъ треснувшими сводами сихъ стѣнъ!
 Нѣтъ, никогда, нигдѣ съ такою силою
 Красавица не сказывалась мнѣ:
 Ни въ часъ весенней ночи, при лунѣ
 И соловьяхъ, въ саду, одна со мною . . .
 Ни въ ясный лѣтній вечеръ, на горѣ,
 Восторженная, стройная, въ зарѣ —
 И ангельски облитая зарею,
 Какъ дѣва неба . . . Ни въ людскихъ пирахъ,
 Веселая властительница пира,
 Въ алмазныхъ искрахъ, перлахъ и цвѣтахъ,
 Со всевозможной роскошью міра!
 Ни на балу, съ волшебствомъ плечъ нагихъ,
 Душистая, въ живомъ огнѣ румянца,
 Горячая, въ объятіяхъ моихъ,
 Среди соблазновъ музыки и танца,
 Нигдѣ, какъ здѣсь!

Такъ пусть, на-оборотъ,
 Жилецъ глухихъ развалинъ, духъ могильный,
 Очутится, — огромный, черный, пыльный, —
 На багъ, полною блеска и красотъ!
 Онъ тамъ скорѣй, чѣмъ здѣсь, свое возьметъ:
 Онъ поразитъ бессмысленную радость,
 Игру соблазновъ страхомъ пресѣчетъ;

На умъ *тотѣмъ тогѣ* наведеть
 И образумить пламенную младость!
 Но ты, мой ангель, въ кудряхъ золотыхъ,
 Невинное, прекрасное созданье,
 Съ лучемъ въ глазахъ небесно-голубыхъ,
 Ты, въ дѣвственномъ разцвѣтѣ и сянѣ,—
 Являйся ты въ развалинахъ глукихъ,
 И наводи на душу мысль живую,
 На умъ страдальца истинну святую:
 Что наконецъ все смутное земли
 И все, гдѣ страхъ и ужасы прошли,
 Объятованнымъ блескомъ оварится!
 Что наконецъ все горькое земли
 Въ торжественную радость разрѣшится!

Баронъ Розень.

Эгеръ.

29 Юня
 11 Юля. 1838.

=

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЗАКЛАДЪ.

НЕ ПОВѢСТЬ, А ИСТИННЫЙ КАЗУСЪ, СЛУЧИВШИЙ-
СЯ СЪ КОЛЛЕЖСКИМЪ РЕГИСТРАТОРОМЪ АЛЕ-
КСѢЕМЪ ДАНИЛОВИЧЕМЪ БѢСОМЫГИНЫМЪ.

—

Можетъ-быть, съ-тѣхъ-поръ, какъ выдумано па-
ри, по-русски закладъ, не было предмета для спо-
ра страннѣе того, о которомъ мы намѣрены расска-
зать. Правда, не слишкомъ давно, два Англичани-
на поспорили между собой о томъ, кто изъ нихъ
удержитъ за хвостъ свинью, — пари, отличающее-
ся новостью, замысловатостью; но и у насъ, на
Руси, былъ однажды споръ не менѣе любопытный;
не заимствованный, а оригинальный.

Но, чтобы рассказъ былъ яснѣе, сперва надобно
дать понятіе о той особѣ, которая была предме-
томъ страннаго заклада. Эта особа служила помощ-
никомъ регистратора въ *** уголовной палатѣ. Имя
этого примѣчательнаго лица не сохранилось въ ис-
торіи. Назовемъ его, примѣрно, Алексѣемъ Данило-

вичемъ Бьсомыгинымъ. Онъ былъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Получивши, въ извѣстный срокъ, первый оберъ-офицерскій чинъ, онъ уже не хотѣлъ другихъ чиновъ и остался на всю жизнь свою коллежскимъ регистраторомъ. «Отецъ мой былъ личный дворянинъ, я — личный дворянинъ; чего же больше? Пожалуй, дадутъ чинъ, да что въ томъ толку? Денегъ у меня не прибудеть, а я же долженъ вычесть и за патентъ заплатить.» Такъ говаривалъ Алексѣй Данилычъ, когда товарищи удивлялись, почему онъ всегда уклоняется отъ чиновъ? Хоть эти свѣдѣнія немного отзываются формуларомъ, но ихъ нельзя миновать.

Едва ли во всей палатѣ были чиновники исправнѣе Алексѣя Данилыча по службѣ, то есть, чтобы всегда въ извѣстное время являлись къ должности, въ извѣстное время оканчивали работу, въ извѣстное время уходили изъ палаты. Онъ и въ домашней и въ канцелярской жизни былъ такъ аккуратенъ, что если бы не фамилія, чисто русская, его всякой считалъ бы за Нѣмца. Что онъ дѣлаетъ сегодня, то будетъ дѣлать завтра, послѣ-завтра, и такъ далѣе. Ужъ ежели когда нарушались его привычки, то самъ онъ отнюдь не былъ тому причиной, а вѣрно непредвидѣнные обстоятельства столкнули его съ протоптанной тропинки, по которой онъ всегда ходилъ.

Но вѣдь общими выраженіями нельзя дать яснаго понятія о человѣкѣ; мы лучше приведемъ нѣсколько примѣровъ. Возьмемъ одинъ день жизни Алексѣя Данилыча, и по немъ, какъ въ архитектурѣ по масштабу, можно составить вѣрнѣйшій очеркъ всей

жизни этого замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ чловѣка.

Алексій Данилычъ вставалъ всегда въ шесть часовъ утра. Умывшись и помолившись, онъ выпивалъ кружку квасу съ солью или «безъ оной», смотря по тому, какъ онъ себя чувствовалъ, то есть, теплота въ его головѣ и желудкѣ была ли нормальная, или нѣсколькими градусами выше. Алексій Данилычъ очень хорошо зналъ свою натуру, умѣлъ съ ней ладить и никогда не прибѣгалъ къ пособію докторовъ. «Я самъ себѣ докторъ,» говаривалъ онъ иногда въ минуты откровенности.

Ровно въ семь часовъ отправлялся онъ къ должности, а въ торговые дни — получасомъ ранѣе. Хотя квартира Алексія Данилыча была недалеко отъ палаты, но онъ являлся туда въ половинѣ девятаго; это вотъ почему. Дорога ему лежала мимо городского рынка, а на рынокѣ, почти подлѣ самыхъ присутственныхъ мѣстъ, была харчевня; въ эту-то харчевню Алексій Данилычъ заходилъ каждый Божій день три раза, а въ торговые дни четыре раза. Не подумайте, что онъ ходилъ туда для того только, чтобъ пить чай или водку; нѣтъ. Эта всегда многочисленная харчевня служила, какъ для Алексія Данилыча, такъ и для торговцевъ низшаго разряда — биржей, именно биржей, потому-что здѣсь, за кружкою чаю или за графиномъ водки, вершились не только рублевые, но сотенные, иногда даже тысячныя дѣла. Алексій Данилычъ, изволите видѣть, пріискивалъ себѣ тутъ партикулярныхъ занятій: не нужно ли кому просьбицу написать, сдѣлать справочку въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ, или о дѣлѣ похлопотать. Надобно ска-

зять, что Алексѣй Данилычъ жалованья получалъ всего-на-все восемь рублей съ полтиной въ мѣсяцъ. На такую сумму, съ семействомъ, жить трудно. Къ тому же у Алексѣя Данилыча была привычка, непременно два раза въ день выпить по маленькой рюмкѣ водки. Конечно, часто его подчивали и просители; тогда онъ свои деньги сберегалъ на другой разъ; но не всегда же онъ находилъ просителей.

Послѣ перваго присутствія на биржѣ, онъ являлся въ палату и, обозрѣвъ тамъ поле дѣйствія, то есть, сколько бумагъ ему въ этотъ день надобно записать въ журналъ, тотчасъ отправлялся на галерею, въ пижнѣй или въ самый верхній этажъ, вынималъ трубку съ верхковымъ чубучкомъ, набивалъ ее тютюномъ, и, выкуривъ съ аппетитомъ, принимался за работу.

Ровно въ двѣнадцать часовъ Алексѣй Данилычъ отправлялся опять на свою биржу, посмотреть, нѣтъ ли просителей, и уже, находилъ ли ихъ, или нѣтъ, онъ непременно выпивалъ рюмку водки и возвращался въ палату. Не подумайте, чтобъ это отсутствіе останавливало ходъ дѣлъ въ палатѣ: нисколько. Алексѣй Данилычъ умѣлъ вести свои дѣла аккуратно.

Здѣсь кстати замѣтить, что Алексѣй Данилычъ мастеръ былъ писать, — все, что ни попадало подъ его руку, входящая ли книга, просьба ли, апелляція ли; для него всѣ эти предметы были равно легки. Бывало, у него просьба совсѣмъ готова, тогда какъ другой, на его мѣсть, лишь-только принимался бы за нее. Это еще не все: всегда можно было догадаться, что Алексѣй Данилычъ писалъ въ первую половину присутствія, и что во вторую, то

есть, послѣ двѣнадцати часовъ: слогъ и толкъ того и другаго періода были разительно различны. Тамъ краткость, сжатость; здѣсь плодovitость въ словахъ и въ мысляхъ; тамъ, иногда, за краткостью, нельзя было понять, въ чемъ дѣло; здѣсь также случалось приходить въ тупикъ совершенно отъ противоположной причины. Да вотъ, на-примѣръ: до двѣнадцати часовъ онъ обыкновенно во входящую свою книгу записывалъ: «Доношеніе *** уѣзднаго суда, о самовольной порубкѣ крестьянъ такоѣ-то волости,» — и кончено; а попалось ему это же самое доношеніе послѣ двѣнадцати часовъ, онъ, бывало, запишетъ совсѣмъ иначе, поименуетъ всѣхъ порубленныхъ, то есть, порубившихъ лѣсъ крестьянъ, и даже свидѣтелей этого происшествія, если только упомянуты въ доношеніи.

Такъ и въ просьбахъ, и во всемъ. Даже въ самой подшивкѣ дѣлъ, — на его обязанности лежалъ и этотъ канцелярскій обрядъ, — была разница: дѣла, подшитыя до двѣнадцати часовъ, рано приходили въ разстройство, и случалось, что черезъ недѣлю или мѣсяць обращались къ нему же для перешивки; зато подшитыя послѣ двѣнадцати часовъ, безъ дальнѣйшей сортировки, смѣло шли въ архивъ, хоть бы сдавались черезъ пять лѣтъ.

Во вторую половину присутствія у Алексѣя Данилыча мало было занятія; онъ всегда старался отдѣлаться въ первую половину. Тогда онъ, на свободѣ, былъ по большей части веселъ, шутивъ, любилъ пускаться въ рассказы, словомъ, дѣлалъ все то, что обыкновенно дѣлаютъ чиновники, кончившіе свои занятія, или чиновники состоящіе за штатомъ. Но онъ никогда не позволялъ себѣ уйти раньше

окончания присутствія; а оно оканчивалось въ половинѣ третьяго.

Послѣ присутствія Алексѣй Данилычъ отправлялся сперва, въ третій разъ, на свою биржу, и были тамъ какія дѣла или нѣтъ, выпивалъ рюмку водки и шелъ домой объѣдать и дѣлать остальное время дня съ семействомъ. Только въ торговоыя дни, какъ упомянуто выше, онъ, какъ-будто по обязанности, въ четвертый разъ присутствовалъ на биржѣ, и ежели тогда случались просители, то старался день этотъ провести въ веселіи и радости, то есть, ежели проситель предлагалъ ему угощеніе, онъ не отговаривался, а еще припрашивалъ. Въ послѣдствіи эта его привычка была замѣчена, и уже просители по бѣльшей части стали являться къ нему по утру. Какъ бы ни былъ хитеръ тотъ человекъ, въ которомъ чего-либо ищутъ, всегда найдутъ слабую его сторону и дѣйствуютъ сообразно съ его характеромъ и съ своими выгодами. Алексѣй же Данилычъ былъ человекъ безъ хитрости; доказательство, что онъ никогда не перемѣнялъ арены, на которой дѣйствовалъ постоянно, достославно и не безъ выгоды.

Вотъ день Алексѣя Данилыча, или лучше жизнь его. Если бы онъ кончилъ курсъ хоть въ гимназій, то, пожалуй, назвали бы его философомъ. Вѣдь даютъ же это названіе почти встрѣчному и поперечному; а многіе ли достойны? Иной судить и ридить обо всемъ на свѣтъ; а посмотрѣть на самого, такъ сегодня поетъ одно, а завтра другое; сегодня живетъ такъ, а завтра иначе. Впрочемъ, что за дѣло до другихъ! Обратимся лучше къ Алексѣю Данилычу.

Онъ думалъ о жизни, о ея цѣли — своимъ умомъ,

всегда чуждаясь чьихъ бы то ни было совѣтовъ; смотря на службу, на занятія собственными глазами, и хоть двадцать человекъ вдругъ стали бы доказывать ему, что онъ, напримѣръ, неправильно записалъ въ журналъ такую-то бумагу; онъ только улыбнется, или, подъ веселый часъ, всѣмъ двадцати человекамъ докажетъ по своему, что врутъ они, а не онъ. Общее мнѣнiе, въ палатѣ ли, на биржѣ ли, — для него было тринь-трава. Только одного человека въ свѣтъ онъ уважалъ и даже боялся, и терпѣливо выслушивалъ его замѣчанiя; это — секретарь палаты.

Но въ жизни Алексѣя Данилыча, всегда одинаковой, всегда спокойной, безмятежной, была эпоха, мгновенно разрушившая всѣ его привычки и заставившая его дѣйствовать въ чуждомъ для него кругу. Зато Алексѣй Данилычъ любилъ въ послѣдствiи рассказывать объ этомъ обстоятельстве, разумеется, только послѣ двѣнадцати часовъ утра; раньше полудня никто не могъ добиться отъ него рассказа. Дѣло, видите, вотъ въ чемъ.

Алексѣй Данилычъ былъ женатъ, съ самой ранней молодости, на дочери дѣяка села Березина, Анисѣ Никифоровнѣ. Супруга уже другой десятокъ лѣтъ проживали благополучно; никогда они не разлучались ни на одинъ день. Но вотъ, однажды, Анисѣ Никифоровнѣ вздумалось побывать на родинѣ. Этой ея рѣшимости и согласiю Алексѣя Данилыча отпустить ее, предшествовали три причины. Во-первыхъ: отецъ Анисѣ Никифоровны, прiѣхавъ въ губернской городъ*** по своимъ дѣламъ, сталъ звать ее съ дѣтьми погостить у него; во-вторыхъ, и она и Алексѣй Данилычъ рассчитали, что если два-три

мѣсяца въ *** будетъ проживать онъ одинъ, тогда экономическія ихъ дѣла значительно поправятся; и въ-третьихъ, тестъ Алексѣя Данилыча, уговаривая дочь, между прочимъ обѣщаль безвозмездно доставить ее обратно и сверхъ-того надѣлать хоть по немногу кое-какими запасами: мукой, горохомъ, крупой и тому подобнымъ. Будто это бездѣлица!

Кажется, что тутъ важнаго? Повхала, погостила, возвратилась, и только; такъ нѣтъ, иногда изъ пустяковъ возникаютъ важныя дѣла.

Однажды, спустя мѣсяць или полтора по отъѣздѣ Анисьи Никифоровны, секретарю уголовной палаты вздумалось держать пари съ протоколистомъ, что онъ легко увѣритъ Алексѣя Данилыча въ вещи невозможной, именно, будто жена его вышла за-мужъ за пономаря села Березина, Андрея Сафонова. Надобно замѣтить, что секретарь въ березинскомъ приходѣ имѣлъ деревню и зналъ весь причтъ. Пари принято, и приступлено къ дѣйствию.

Но теперь оставимъ историческую форму разсказа, и употребимъ драматическую, заставивъ самого героя, Алексѣя Данилыча, окончить повѣствованіе объ истинномъ казусѣ, съ нимъ приключившемся.

«Въ тридцатомъ году, зимой, ужъ послѣ Крещенья, сижу я въ палатѣ да пописываю; это былъ часъ второй по полудни; вдругъ подходитъ ко мнѣ Андрей Васильичъ (секретарь), и говоритъ:

— Что это съ тобой случилось, Алексѣй Данилычъ?

— Ничего-съ.

— Какъ ничего? Каково разстался ты съ женой?

— Ничего-съ; все хорошо.

— Ты видно хочешь скрыть отъ меня? Да мнѣ и

нужды нѣтъ до вашихъ дѣлъ. Только надобно же какъ-нибудь отмѣтить въ формуляръ; прежней отмѣтки нельзя оставить.

Я, признаться, немного испугался; думаю себѣ, что бы это за оказія? Вѣдь формуляръ не бездѣлица. Вотъ и спрашиваю:

— Да скажите, Андрей Васильичъ, что такое? Я право не знаю ничего-съ.

— Какъ, братецъ, не знаешь? Вѣдь твоя жена вышла за другаго?

Я перекрестился, и говорю: — Знать не знаю и вѣдать не вѣдаю.

— Такъ неужто она безъ твоего согласія вышла?

— Да видно, безъ моего-съ.

— Гм! Жалко, что она тебя не спросилась.

— Да полно правда ли, Андрей Васильичъ? спрашиваю я. Вѣдь мы съ Анисьей жили ладно; хоть поссоримся, бывало, да тотчасъ и помиримся. Съ чего же ей выходить за другаго? Да за кого же это?

— За березинскаго пономаря Андрея Сафонова. Знаешь его? Ежели бы не правда, я не сталъ бы и говорить. Посуди самъ, что мнѣ за прибыль обманывать. Да я и не соглашусь еще шутить съ тобой. О свадьбѣ мнѣ писали изъ деревни; да вотъ и тебѣ приславо письмо съ моимъ же мужикомъ. Оно отъ твоего тестя; можетъ-быть, онъ не о томъ ли и пишетъ тебѣ?

Я взялъ, распечаталъ письмо; читаю — и въ самомъ дѣлѣ вышла! Тестъ пишетъ, что свадьба была такого-то числа, и то и сѣ, и пятое и десятое.... Да что еще! пишетъ, что молодые посылаютъ мнѣ по поклону.

— Побери ихъ нелегкая и съ поклонами! вскричалъ я.

Ужъ какъ мнѣ тогда сдѣлалось горько! Я не могъ и опомниться. Шутка ли, безъ малаго двадцать лѣтъ прожили, четверо дѣтей, а моя Анисья вздумала выйти за другаго! Добро бы еще важный человекъ, а то пономарь! Какъ не знать его, бездѣльника! знаю.

— Андрей Васильчъ! говорю я: научите меня, пожалуйста, что мнѣ дѣлать? Я, право, не придумаю, какъ мнѣ отпрапортовать объ этомъ казусъ.

— Ужъ это, братецъ, твое дѣло; какъ хочешь, такъ и рапортуй. Наше дѣло, вносить въ формуляръ твою службу, аттестовать тебя; а въ домашнія дѣла ваши мы не входимъ.

— Ахъ, Господи! что мнѣ теперь дѣлать?

Я, признаться, чуть не плакалъ: и горько и стыдно; хотъ со свѣта бѣги. Товарищи смѣются, что жена бросила меня. Только спасибо Андрею Васильчу; такой жалостливый ко мнѣ: унимаетъ всѣхъ, чтобы не смѣялись; «у него-де и безъ васъ много горя; какъ бы съ самими тоже случилось, не бось, не стали бы смѣяться.» Вотъ я сталъ думать. Думалъ, думалъ; нѣтъ, ничего не придумалъ! Мнѣ досадно было, какъ это я оплошалъ, не сдѣлалъ передъ свадьбой и не явилъ у маклера контракта съ неустойкой. Вотъ теперь и хлопочи. И говорю Андрею Васильчу:

— Вотъ что значить, Андрей Васильчъ; видно кроме службы да частныхъ занятій, нынче надобно и еще кой-чему учиться. А то вотъ, что станешь теперь дѣлать? Какъ бы я зналъ да вѣдалъ, что можетъ случиться такая пакость, такъ кон-

трактецъ заключилъ бы; тогда моя Анисья не высочила бы за этого проклятаго Сафоныча.

— То-то и есть, Алексѣй Данилычъ, ты чужія дѣла мастеръ обдѣлывать, а о своихъ и не позаботился.

— Сдѣлайте милость, Андрей Васильичъ, наставьте меня, что теперь предпринять?

— Экой, братецъ, ты какой, сказалъ онъ: ежели хочешь удостовѣриться, поѣзжай въ Березино; тамъ обстоятельства покажутъ, что тебѣ должно дѣлать.

— Да, въ самомъ дѣлѣ надобно вѣхать. Да вотъ что, у меня теперь нѣтъ ни копѣйки; притомъ и отпустите ли вы меня?

— Ты теперь имѣешь уважительный поводъ взять отпускъ. Поѣзжай, ежели хочешь, на десять дней. А вотъ тебѣ и на дорогу десять рублей. Конечно, твое положеніе затруднительно; нельзя не сдѣлать тебѣ пособія за усердную службу.

Я обрадовался и поцѣловалъ Андрея Васильича въ плечо; подлинно во-время далъ онъ мнѣ помощь.

Вотъ, я поскорѣе записалъ бумаги во входящую книгу, сдалъ ихъ, да и побѣжалъ на рынокъ, искать попутчика. Счастье мое, что тогда былъ торговый день, и мнѣ тотчасъ удалось найти мужичка изъ березинскаго прихода. Сторговался за полтинникъ, да послѣ вечерень и отправился.

Боже мой! дорогой-то чего я не передумалъ! Ну вотъ покорнѣйше прошу! Можно ли было ожидать такой напасти, такой неслыханной притчи! Что я теперь такое? Ни вдовый, ни женатый; а такъ, ни то, ни сѣ; ни рыба ни мясо! Сердце такъ и разрывалось съ досады. Ужъ ежели бы мнѣ по-

пался въ ту-пору Сафоновъ, ужъ я бы задалъ ему потасовку, непременно задалъ бы. Ъхать было недалеко, всего пятьдесятъ верстъ. Мы прѣехали около полуночи. Я остался ночевать у своего извозчика: ночью куда пойдешь!

По утру побрелъ въ Березино. Куда идти? думаю себя. Къ тестю, не хочу: онъ, негодай, дозволилъ своей дочери обмануть меня, и посягнуть на второй бракъ при моей жизни. Къ Сафонову — и подавно нельзя. Дай, пойду къ отцу дякону; онъ меня въ старину принималъ ласково. Иду, — а онъ мнѣ и встрѣтился на крыльцѣ; пошелъ съ корзиной по кормъ скоту. Я и говорю:

— Отецъ дяконъ, приютите меня не-на-долго.

— А! Алексѣй Данилычъ! Какими это судьбами здѣсь очутились? Милости просимъ; чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. А сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! Пожалуйте, пожалуйста, Алексѣй Данилычъ!

Вотъ, дяконъ поставилъ на крыльцѣ корзину да и повелъ меня въ избу.

— Трофимовна! говоритъ онъ дяконицѣ: къ намъ нежданный гость пожаловалъ; ну-ка, поворачивайся, да скинцяти-ка намъ водицы. Садитесь, Алексѣй Данилычъ, пожалуйста, садитесь. Ну, какъ вы поживаете, батюшка? все ли по добру да по здорову?

— Слава Богу, отецъ дяконъ; здоровъ-то здоровъ, нечего Бога гнѣвить; да вотъ.....

А дяконъ такой ласковый да словоохотливый, не даетъ мнѣ договорить.

— Трофимовна! подай-ка намъ поскорѣе поросенка съ хрѣнкомъ, да еще какой-нибудь убойнки; а я самъ выну изъ поставца, что намъ нужно. А

что, Алексѣй Данилычъ, издалека ли сегодня? Вотъ мы выпьемъ по рюмкѣ, а послѣ горяченькаго напьемся, — и будетъ ладно.

— Я, отецъ дьяконъ, изъ Запруднова.

— А! это недалеко. Да что не прямо къ намъ, въ Березино, пожаловали? Ужъ далеко ли бы тутъ!

— Поздно прѣвхалъ, такъ мнѣ совѣстно было беспокоить васъ.

— Напрасно, напрасно; мы рады дорогимъ гостямъ; вѣдь сколько лѣтъ не видались? Ай да Трофимовна, вотъ спасибо, успѣла и закуску смастерить. Пожалуйте, Алексѣй Данилычъ, выкушайте рюмочку; а я побѣгу, задамъ корму животинкѣ; тотчасъ возвращусь. Трофимовна! похлопочи о чаѣ-то.

Вотъ, я остался одинъ. Выпилъ рюмку, и закусилъ того-сего; мнѣ какъ-будто стало полегче; думаю себѣ, какъ начать дѣло, какъ приступить? А дьяконица, тоже старушка добрая, такъ меня и подчуетъ. Вотъ и дьяконъ возвратился. Онъ все толкуетъ свое, да подчуетъ меня; а мнѣ слова не даетъ сказать. Кровь во мнѣ вотъ такъ ходуномъ и ходитъ. Хочу начать рѣчь о незаконницѣ женѣ моей, только скажу слово, а дьяконъ опять ужъ мою рѣчь перебилъ! Что станешь дѣлать! Вотъ наконецъ улучилъ я минутку, да и сказалъ вотъ такъ:

— Отецъ дьяконъ, что это тестюшка-то мой вздумалъ напроказить? Осиротилъ меня съ дѣтками. Что я теперь стану дѣлать?

— А что такое, батюшка, Алексѣй Данилычъ? спросилъ онъ, да и глядитъ на меня, выпуча глаза.

— Какъ что, отецъ дьяконъ? Анисью-то мою выдалъ за Сафонова, вашего пономаря!

— Съ нами крестная сила! говорить дьяконъ, крестясь: да что это, батюшка, въ умъ ли вы, Алексѣй Данилычъ?

— Въ умъ, отецъ дьяконъ, въ полномъ умъ. Да вѣдь обидно: что онъ, злодѣй, со мной надвѣлалъ?

— Полноте, полноте, Алексѣй Данилычъ; я вамъ вотъ что скажу....

На это слово шастъ въ избу и мой тестюшка и Анисья. Имъ, видите, дьяконъ сказалъ, что я здѣсь. Помолвились иконамъ, раскланялись съ хозяевами, и идутъ ко мнѣ здороваться.

— Здорово, Алексѣй Данилычъ, говорить тестъ: что это не ко мнѣ пожаловать изволилъ?

Я его оттолкнулъ, и говорю:

— А что мнѣ у тебя дѣлать? Ты, пожалуй, и въ досталь меня погубишь.

Подходить жена, я и ее оттолкнулъ:

— Поди, матушка, къ своему Сафонучу. А я тебѣ не игрушка. Вишь, подлетѣла, какъ-будто и правая!

А у самого сердце чуть не выпрыгнетъ; словъ не нахожу; ужъ ежели бы не хозяева, я раздѣлся бы по-своему и съ тестемъ и съ Анисьей.

Только вотъ тестъ глядѣлъ, глядѣлъ, да и сказалъ:

— Что это, Алексѣй Данилычъ, тебѣ въ голову пришло? Давно ли мы съ тобой разстались въ-миръ и въ-ладу? Господи, Твоя воля! Вотъ, не ждано, не гадано — и подъ гнѣвъ попалъ. Что за притча такая случилась? Скажи, пожалуйста, Алексѣй Данилычъ.

Видя, что мой тестъ струсилъ, я напустился на него:

— Вотъ то-то и есть, тестюшка; какъ бы ты былъ человекъ честный, то не сдѣлалъ бы мнѣ такой пакости. Чтò я теперь сталъ такое? Куда дѣнусь съ ребятишками? Вотъ и няньчись съ ними, какъ хочешь. Али ты думалъ, что на тебя и суда нѣтъ? Не бось, любезный, найдемъ управу; къ благочинному пойду; мало — въ консисторію жалобу подамъ. И тебѣ и твоему негодному Сафонуичу по-стараясь насолю. Ахъ, вы, нечестивцы! Забрались сюда да и думаютъ, что ихъ не достануть. Не бось, братъ, хотъ въ другую губернію уйди, найдемъ; въ лѣсу сыщемъ, изъ воды вытащимъ. А ты, голубушка, — говорю женѣ, — узнаешь, каково оставлять мужей. Не на того напала!

Ужъ я тутъ и расходился на нихъ. Дьяконъ сидитъ, ничего не говоритъ; дьяконица также за перегородкой притаилась, какъ будто нѣтъ ея; а тесть мой, какъ сталъ среди полу, когда я оттолкнулъ его, да такъ и стоитъ; только глазами моргаетъ да на всѣхъ поглядываетъ. Жена съела на лавку, плачетъ. Я и думаю себѣ: видно тошненько приходится? Ништо! По дѣламъ вору и мука.

Только вотъ, вижу, дьяконъ всталъ, пошелъ за перегородку, пошептался съ дьяконицей, и идетъ на свое мѣсто; а дьяконица, надѣвши на-скоро шубу, куда-то побѣжала. А я таки не перестаю кричать на тестя и на жену; до того ужъ дошелъ, что не знаю, чтò и говорить.

Вотъ тесть слушалъ, слушалъ, думалъ, думалъ, да и сказалъ:

— Да растолкуй, пожалуйста, за чтò же ты на насъ средишься? Чтò мы тебѣ сдѣлали?

А самъ онъ, вижу, ужъ поблѣднѣлъ.

— Какъ за что? Смотри, пожалуй! Онъ же правымъ прикидывается! Лучше что ли твой Сафонычъ-то, что ты отнял у меня Анисью и выдалъ за него? Не даромъ мнѣ не хотѣлось отпускать ее съ тобой.

— Господи, Боже мой! да что ты, Данилычъ, съ ума что ли спятилъ? Какъ это можно выдать ее за другаго?

— То-то и есть; у васъ, у безпутныхъ, видно, все можно. Не бось, стыдно? Что, покраснѣлъ? Да не смѣйся, братъ; у меня засмѣешься иначе.

— Да кто же тебѣ сказагь, Алексѣй Данилычъ?

— Ахъ ты, безсовѣстный! да не самъ ли ты ко мнѣ писалъ?

Я тотчасъ разстегнулъ сюртукъ, вынулъ изъ кармана письмо, и бросилъ ему.

— Вотъ, прочти да полюбуйся. Не бось, и теперь спросишь: кто тебѣ сказагь?

Тестъ развернулъ письмо, подошелъ къ окошку и читаетъ себѣ; а я хожу по избѣ да ворчу на него. Моя жена хотѣла что-то говорить; я крикнулъ на нее, она и замолчала. Вотъ, немного погодя, дьяконица вбѣжала въ избу, подошла къ мужу и, слышу, говорить: «сейчасъ будетъ». Я думаю себѣ, кто-такой будетъ? А дьяконъ сказагь:

— Хорошо. Трофимовна! приготовь-ка поскорѣ намъ чаю; а работницъ вели принести кваслярку. Да нѣтъ, она не найдетъ; ты сама сходи, а ей вели кипятить воду.

Дьяконица тотчасъ пошла. Вижу, мой тестъ прочиталъ письмо и пристально его осматриваетъ; то къ самымъ глазамъ поднесетъ, то издали посмотритъ, да головой покачиваетъ; наконецъ отдастъ мнѣ и говорить:

— Рука-то похожа немного на мою; только я, ей-ей, не писывалъ такого письма. Добро бы случилось во хмѣлю; такъ вотъ спроси отца дьякона, я ужъ мѣсяца три совсѣмъ отсталъ пить; мнѣ заказано.

— Пьешь ли ты, не пьешь ли, мнѣ дѣла нѣтъ, говорю я: да ты письмо писалъ.

— Нѣтъ, не писалъ; готовъ присягу принять, не писалъ. И съ ума также не сходилъ; пошлюсь на соседей. Это видно со стороны кто-нибудь захотѣлъ поозорничать надъ нами. Да и статочное ли дѣло! Ты самъ посуди.....

Вдругъ вошелъ священникъ, отецъ Аѳанасій, старичекъ такой почтенный. Всѣ встали и пошли къ нему подъ благословеніе. Когда я подошелъ, онъ и говорить:

— Здравствуй, старый знакомый! Погостить что-ли пожаловалъ сюда? Да что не у тестя тебя встрѣчаю?

Его между-тѣмъ усадили въ переднемъ углу. И мы съ дьякономъ усѣлись; тесть мой сталъ у перегородки, а подлѣ него съла Анисья.

— Да; такъ что же не у тестя, Алексѣй..... ахъ, извините, забылъ.

— Данилычъ, подхватилъ дьяконъ.

— Алексѣй Данилычъ? Хорошо. Не въ ссорѣ ли вы съ Петровичемъ?

— Не безъ того-то, батюшка, говорю я: да нельзя и не ссориться. Сами посудите, что онъ надѣлалъ со мной? Ужъ вамъ, конечно, извѣстно. Я думаю, не вы ли и вѣнчали?

— Кого вѣнчалъ?

— Мою Анисью съ вашимъ пономаремъ.

Отецъ Аѳанасій такъ и покатился со смѣху.

Насмѣявшись досыта, онъ перекрестился; потомъ взялъ меня за руку, и говоритъ:

— Ужъ какой ты проказникъ, Алексѣй Данилычъ! Слышу, здѣсь развоевался надъ Петровичемъ; что бы это такое значило? думаю себѣ; идти да разобратъ. Авъ вотъ что вышло! Полно, полно, мой свѣтъ, видно надъ тобой кто-нибудь пошутить. Возможное ли это дѣло? Вѣдь мы не басурманы, что будемъ вѣнчать женъ изъ-за живыхъ мужей!

— Вѣдь и я то же говорилъ, подхватилъ дьяконъ, да не вѣрить. Видите, отецъ Аванасій, привезъ съ собой письмо; будто-бы подослалъ самъ Петровичъ. Куда! ничему не вѣрить.

— Ну, мы увѣримъ. Петровичъ, сбѣгай-ка за пономаремъ. А ты, отецъ дьяконъ, развернись пока, да давай сюда чего-нибудь: такое сильное горе надобно же чѣмъ-нибудь прогнать.

Да и опять батюшка засмѣялся.

Я вижу, что дѣло-то выходитъ неладно. Ужъ ежели священникъ да дьяконъ говорятъ, что нельзя вѣнчать, — видно и въ самомъ дѣлѣ нельзя. Ужели же меня обманули? думаю себѣ. Кажется, и это не такъ; мнѣ письмо отдалъ самъ Андрей Васильичъ. Онъ со мной никогда не шутитъ; да и теперь хоть однажды улыбнулся бы; такъ нѣтъ, еще пожалѣлъ меня, да и пошелъ въ присутствіе.

— Э-эхъ, Алексѣй Данилычъ! говоритъ священникъ: кажется, самъ приказный крючокъ, а дался въ обманъ! Не такъ было бы дивно, если бы это случилось въ простонародіи: ужъ тамъ народъ неграмотный, незаконный; а вы законы-то, я думаю.

знаете наизусть. Сколько лѣтъ служишь? Двадцать есть?

— Безъ малаго, батюшка.

— То-то. Ужели же ты до-сихъ-поръ не читалъ въ законахъ, что жена отъ живаго мужа не можетъ выйти за другаго?

— Не читалъ, отецъ Аѳанасій, да до сихъ-поръ и надобности не было.

— Такъ, выходитъ, что васъ только называютъ законниками, а въ самомъ-то дѣлѣ вы не больше нашего знаете. Какъ не пришло тебѣ на мысль, что Сафонову нѣтъ никакой выгоды взять за себя твою жену: онъ еще молодецъ, а она вѣдь въ лѣтахъ; да и четверо дѣтей. Ты хоть бы это взялъ въ расчетъ. Тебѣ видно вспомнилось, что бывають разводы? Такъ, мой свѣтъ; бываетъ еще, что тотъ или другой изъ разведенныхъ иногда вступаетъ въ новый бракъ; да то дѣло совсѣмъ другое, его не утаишь; нельзя сдѣлать такъ секретно, какъ сдѣлали съ твоей Анисьей Никифоровной.

Старикъ опять сталъ улыбаться; взглянетъ на меня, да и засмѣется. Ужъ я вижу, дѣло плохо; стало совѣстно; шутка ли, сколько верстъ ѣхалъ, и для чего? для того, чтобы поспѣшить, да людей насмѣшить.

Между-тѣмъ подали на столъ водку; дьяконъ придвинулъ къ священнику графинъ съ рюмкой и просилъ начать. Старикъ налилъ себѣ менше половины рюмки, перекрестился, и говорить:— Во прекращеніе недоумѣнія и великихъ несогласій; равно-мѣрно на совѣтъ и на любовь. — Выпилъ; потомъ налилъ цѣлую рюмку, благословилъ и, поднося мнѣ, говорить:— Выпей-ка, Алексій Данилычъ, да про-

глоти вмѣстѣ съ виномъ всякое горе. Не кручинься; пошутили надъ тобой, дѣлать нечего; видно есть люди и хитрѣе насъ съ тобой.

Я выпилъ и, признаться, съ большимъ удовольствіемъ; думалъ, ужъ теперь по-крайней-мѣрѣ не такъ будетъ стыдно.

Отецъ Аѳанасій подвелъ ко мнѣ Анисью, и мы съ ней поздоровались. Тутъ вошелъ тесть съ моими дѣтками. Отецъ Аѳанасій всталъ изъ-за стола, и говоритъ тестю:

— Петровичъ! я слышалъ, зять оттолкнулъ тебя давеча; такъ теперь, ежели хочешь, поздоровайся и ты съ нимъ.

Тесть подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Такъ ужъ ты, Алексѣй Данилычъ, больше не сердись на меня?

— Ну, тестюшка, извини; вижу, что меня обманули.

Тутъ подали чайникъ; стали пить чай, потомъ пуншъ; а между-тѣмъ отецъ Аѳанасій, — ужъ такой, Богъ съ нимъ, умный старикъ, — всѣхъ разшевелилъ; всѣ сдѣлались веселы. Къ вечеру пришелъ Сафонычъ, — и пошла потѣха! Даже и я развеселился на-пропалую.

Вотъ какъ меня поддѣлъ Андрей Васильичъ! Пришло же ему на умъ! Да вѣдь это чудно: какъ я не могъ догадаться, что надо мной шутятъ? Ну, добро въ палатѣ, — въ торопяхъ не рассудилъ; а то всю дорогу вѣхалъ, не образумился; и у дьякона-то былъ, — еще спорилъ да вздорилъ, когда мнѣ говорили, что неправда.

Зато я ужъ попраздновалъ въ Березинѣ: у всѣхъ по-очереди перегостилъ; такъ угощали, какъ-будто мы съ Анисьей, черезъ двадцать лѣтъ, вступили вторично въ законный бракъ.

На десятый день, мы съ Анисьей собрались домой и дѣтокъ взяли. Вотъ, дорогой я и думаю, какъ показаться въ палатъ? смѣяться будутъ. Такъ и случилось. Только-что успѣлъ войти, какъ меня подняли на смѣхъ! Дѣлать нечего, перетерпѣлъ. А вотъ нынѣ, какъ вспомню, такъ и самому смѣшно. Правда, спасибо Андрею Васильичу: какъ увидѣлъ меня, нисколько не смѣялся, но еще двадцати-пяти-рублевую бумажку далъ. «Вотъ тебѣ, говорить, на протори и убытки.»

Казусъ, случившійся съ Алексѣемъ Даниловичемъ, разнесся по всему губернскому городу. Одинъ изъ тамошнихъ жителей описалъ его въ видѣ повѣсти, перемѣнивъ только имена всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Она распространилась въ рукописи между жителями города ***. Черезъ годъ послѣ казуса кто-то изъ товарищей Алексѣя Даниловича положилъ списокъ съ этой повѣсти нарочно или нечаянно на столъ его, и она попалась въ грудѣ входящихъ бумагъ. Это было уже послѣ двѣнадцати часовъ, то есть, тогда, когда слогъ Алексѣя Даниловича дѣлался изъ ска-таго плодovitымъ. Онъ прочиталъ внимательно всю повѣсть, понюхалъ табакъ и записалъ въ журналъ входящихъ бумагъ: двадцатаго Апрѣля 18.... года, № 1593. Экстрактъ изъ дѣла, присланный неизвѣстно откуда безъ всякаго доношенія; о коллежскомъ регистраторѣ Алексѣе Даниловомъ сынѣ Бѣсомыгинѣ, коего жена Анисья Никифорова дочь яко-

бы обвѣчалась противозаконно съ пономаремъ села Березина Андреемъ Сафоновымъ, и объ разныхъ азартныхъ поступкахъ, учиненныхъ тѣмъ подсудимымъ Бѣсомыгинымъ со своимъ тестемъ, женою и другими прикосновенными къ оному дѣлу лицами.»

Алексѣй Паленскій.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Иностранная Словесность.

=

БЕПО.

=

ВЕНЕЦІАНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ БАЙРОНА).

—

I.

Читатель знаетъ, безъ сомнѣнья,
Что въ католическихъ земляхъ,
Передъ постомъ, увеселенья
Съ ума всѣхъ сводять; такъ, что страхъ!
Но вторникъ масляной чуть минулъ,
И постъ великій наступилъ,
Папистъ безумье позабылъ
И маску шутовскую скинулъ;
Замолкли пляски и пиры,
Конецъ забавамъ съ той поры.

II.

Но мы на масляной недѣлѣ.
 Ночь темная, влюбленныхъ ночь,
 Покрыла небо; закипѣли
 Сердца восторгомъ; цѣпи — прочь!
 Ихъ день жеманный налагаетъ.
 Шумъ, хохоть, шопоть страстныхъ паръ,
 Рулады, пѣсни, звонъ гитаръ,
 Веселость рѣзвая летаетъ;
 У всѣхъ на мысли цѣль одна —
 Изчерпать радости до дна.

III.

Великолѣпные костюмы
 Мелькаютъ, пестротой своей
 Взоръ развлекаютъ, гонятъ думы,
 Забавятъ вычурой затѣй;
 Евреи, Турки, Персіане,
 Народы всѣхъ земель, вѣковъ,
 Между паяцовъ и шутовъ,
 Кипятъ какъ волны въ океанѣ;
 И пискъ, и визгъ, и хохотня,
 И шорохъ ногъ, и толкотня!...

IV.

Италянцы *Carnavale*
 Свой шумный праздникъ нарекли;
 И очень кстати: *Carne, vale!*
 Прощай, мясное!... Чуть прошли
 Дни шумные забавъ, и клики
 Затихли тостовъ съ звономъ чаръ —
 Веселья шумнаго разгаръ
 Вдругъ погашаетъ постъ великій.
 Кривляньямъ, глупостямъ конецъ!
 Народъ сурьезень, какъ мудрецъ.

V.

Но почему бы предаваться
 Такимъ забавамъ предъ постомъ?
 Задача трудная, признаться,
 Неразрѣшимая умомъ!
 Не потому ли, какъ и съ нами
 Бываетъ вообще, когда,
 На долго или навсегда,
 Должны разстаться мы съ друзьями,
 Последнiй часъ разлуки той
 Мы запиваемъ — круговой.

VI.

Но мы оставимъ отступленье,
 И лучше къ дѣлу перейдемъ;
 Расскажемъ, что за приключенье
 Разъ было въ карнавалъ! О томъ,
 Что не бывало карнавала
 Нигдѣ шумнѣй, ни веселѣй,
 Ни вычурнѣй на-счетъ затѣй,
 Какъ карнавалы, что давала
 Венецья вѣкогда, — весь свѣтъ
 О томъ ужъ знаетъ, спору нѣтъ!

VII.

Такъ и минуя описанья, —
 Чтобъ не измучить, не равно,
 Моихъ читателей вниманья! —
 Какъ въ-старину, давнымъ давно,
 Венецья задавала балъ.
 И веселилася на нихъ,
 Подъ маской, — для своихъ интригъ,
 Въ свои бывые карнавалы, —
 Въ тѣ времена ея проказъ,
 Перенесемъ мы свой рассказъ.

№ 4. Отд. IV.

VIII.

Лишь надо помнить, что столицы
 Красивѣй не было тогда,
 И прелестямъ морей царицы
 Всѣ поклонялись города.
 Да и теперь, скажите сами,
 Гдѣ отыскать красивѣй ихъ.
 Венеціанокъ огневыхъ,
 Съ такими сильными страстями,
 Съ одушевленной красотой?
 Лишь развѣ — въ Греціи одной!

IX.

Что за черты и выраженье
 Божественно прекрасныхъ лицъ!
 Въ очахъ — все нѣги упоенье,
 Подъ чернымъ пологомъ рѣсницъ....
 Но полюбуйтесь, какъ милы,
 Когда вотъ выйдутъ на балконъ,
 Взоръ пылкой страстью распаленъ!
 И на чугунныя перилы
 Облокотясь, онѣ стоятъ,
 Внимая звукамъ серенадъ.

X.

Кисть Тиціана ихъ прекрасно
 Изобразила на холстѣ.
 Но это — скицы! и напрасно
 По нимъ судить о красотѣ
 Венеціанокъ, какъ созданіи
 Самой природы! Вамъ портретъ
 Лишь очеркъ передать; но нѣтъ
 Въ немъ полноты, всѣхъ сочетаній
 Любви и жизни, какъ бы онъ
 Удачно ни былъ начерченъ.

XI.

Еще вотъ только у Джорджона
Искусно схвачены черты,
Со всею истиною тона,
Венеціанской красоты.
Въ дворцѣ Манфрини та картина,
И отойти отъ ней нѣтъ смѣль!
Художникъ въ ней изобразилъ
Три головы: свою и сына,
Да женскую, — жены своей, —
Но что за женщина, ей-ей!...

XII.

Вотъ! вотъ Венеціанка! Это —
Сама любовь! Но лишь не та,
Что создалъ вымыселъ поэта,
Звукъ слова, праздная мечта.
Нѣтъ! это лучше идеала,
Живое, просто, существо!
И кисть художника въ него
Влила всю душу, что дышала
Въ изящномъ образцѣ своемъ:
Любовь и жизнь, — все видишь въ немъ!

XIII.

Что за волшебное созданье!
Не вѣрите своимъ глазамъ,
Что это холсты! Очарованье
Надъ вами полное: мечтамъ
Вы тотчасъ предаетесь. Гдѣ-то
Случалось, кажется, зная,
По-крайней-мѣрѣ хотъ видать
Лице чарующее это....
И точно видѣли! да! да!
Но съ нимъ простились навсегда!

XIV.

Въ дни нашей юности бываетъ:
 Взоръ устремляемъ мы на всѣхъ;
 Но мимо насъ вдругъ пролетаетъ
 Одно созданіе изъ тѣхъ
 Волшебныхъ призраковъ воздушныхъ,
 Что мы хотѣли бъ уловить.
 Но вотъ — исчезло.... и забыть
 Не въ силахъ; мы, въ мечтахъ послушныхъ,
 Его dokonчиваемъ видъ:
 Разлука съ нимъ насъ истомитъ !

XV.

Но возвратимся, отъ Джорджона,
 Къ Венеціанкамъ, что стоятъ
 За балиустрадаю балкона,
 Внимая звукамъ серенадъ.
 Хоть часто издали, безъ спора,
 Выигриваетъ красота,
 И помогаетъ темнота
 Обману чувствъ, обману взора;
 Но всѣ почти что до одной,
 Онѣ премилыя собой!...

XVI.

Притомъ, и то сказать: къ несчастью,
 Сердцамъ чувствительнымъ онѣ
 Опасны; разжигая страстью,
 Такъ, что сгоришь, какъ на огнѣ!
 Сначала, начинаютъ глазки,
 Тамъ вздохи слѣдуютъ; потомъ,
 Записка послана тайкомъ;
 Доходить дѣло до развязки,
 И часто пылкая любовь
 Вдругъ будитъ ревность, льется кровь!

XVII.

Въ лицѣ прелестной Дездемоны
 Шекспиръ чудесно описалъ
 Италиянокъ; только жены,
 Теперь, не тѣ, какъ онъ ихъ зналъ.
 Да и мужа не тѣ ужъ стали:
 По подозрѣнью одному
 Не душатъ женъ; а потому,
 Что, если бы и пожелали,
 Тотчасъ явились бы у женъ
 Защитники со всѣхъ сторонъ.

XVIII.

Теперь ужъ ревность Итальянца,
 Когда бъ и стали ревновать,
 Не та, что въ жилахъ Африканца
 Кипѣла бурно: не сыскать
 Отелловъ больше; всѣ друзьями,
 По-философски всѣ живутъ;
 Жена ль измѣнить — мужъ, какъ тутъ,
 Отмститъ другими ей путями.....
 Какъ разъ окончить съ ней расчетъ:
 Къ женѣ сосѣда подольнуть!

XIX.

Да и гондолы, какъ нарочно
 Устроены для ихъ интригъ:
 Что жъ за гондолы? Очень точно
 Могу я описать вамъ ихъ:
 Гондола — яликъ длинный, крытой;
 Корма украшена рѣзбой;
 Ну, точно въ лодкѣ гробъ какой!
 Войдешь — и все отъ глазъ тамъ скрыто.
 Тутъ, стоя, два гребца гребутъ;
 Ихъ гондольерами зовутъ.

XX.

Гондолы эти такъ и рѣютъ
 По всѣмъ каналамъ день и ночь;
 Наружный видъ онѣ имѣютъ
 Всѣ черныя, въ траурѣ точь въ точь!
 Хотя часто сцены пресмѣшныя
 Бываютъ въ нихъ, — какъ и у насъ,
 Въ каретахъ траурныхъ подъ часъ.
 Но отступленія такія
 Пора ужъ кончить, и начать,
 Что общался рассказать.

XXI.

Былъ карнавалъ блестящій, шумной,
 Во всемъ значеніи своемъ,
 Кипя веселостью безумной.
 Между красавицъ, что на немъ
 Толпы всей взоры обращали,
 Была одна. Ея мигъ
 Тамъ не было! Какъ имя ей?
 Не помню я, положимъ, звали
 Ее Лаурой. Да въ стихахъ,
 И нужды мало въ именахъ!

XXII.

Какихъ же лѣтъ была? Прелестно
 Французское: *un certain age*,
 Опредѣляетъ тотъ извѣстной
 Красавицъ возрастъ; и нельзя жъ
 Ни пожилой, ни молодой,
 Назвать ту женщину, когда
 Ей стукнетъ за тридцать! Года
 Тутъ счетъ теряютъ, хоть чредою
 Все неизмѣнною идутъ,
 И соблюдаютъ свой маршрутъ.

XXIII.

Лаура жъ свѣжесть сохранила,
 Заботясь о красѣ своей,
 И разрушительная сила
 Злодѣя-времени надъ ней
 Лишилась всякаго вліянья!
 Со вкусомъ тщательнымъ всегда
 Была одѣта. Красота
 И такъ полна очарованья;
 Нарядъ же вдвое придаетъ
 Ей прелестей: къ ней все идетъ!

XXIV.

Къ тому жъ была Лаура дамой,
 Да и замужнею притомъ.
 Пунктъ важный! Это орифламой,
 И отъ злословія щитомъ,
 Всегда для женщины служило,
 И въ наши служить времена.
 Пусть и забылась бы она,
 Мужъ все собой прикроетъ мило...
 Но къ католическимъ землямъ
 Я это отношу, не къ намъ!

XXV.

Лаура, впрочемъ, пресогласно
 Жила съ супругомъ, и языкъ
 Злословья, для красы опасный,
 Не могъ коснуться, хоть привыкъ
 Супругъ Лауры все скитаться,
 По надобности, по дѣламъ,
 По разнымъ странствуя морямъ,
 И рѣдко дома оставаться,
 Чтобы женѣ не наскучать,
 И нѣжныхъ чувствъ не охлаждать.

XXXII.

Боялась дома оставаться
 Одна, чтобъ не равно, порой
 Ночною, къ ней не могъ ворваться
 Покойникъ, или воръ какой!
 А наконецъ, чтобы и хуже
 Не приключилось ей чего,
 Такъ, ради страха одного,
 Подумала — о вице-мужъ,
 Чтобъ въ немъ защитника скорѣи
 Имѣть, для слабости своей!....

XXXIII.

Но если Беппо да случайно
 Вернется когда-нибудь.....
 Ну, что жъ? пускай! — Такъ голосъ тайной
 Шепталъ ей тихо. — Впрочемъ, будь,
 Что бъ ни было, а надо друга
 И покровителя избрать!
 И вотъ, Лаура, ставъ искать,
 Пашла себѣ полу-супруга,
 Или защитника, пока
 Вернется мужъ издалека.

XXXIV.

Онъ былъ изъ тѣхъ, которыхъ любятъ
 Красавицы, хотя про нихъ,
 Порой, и сами жъ дурно трубятъ:
 Изъ волокитъ былъ записныхъ,
 Но знатнаго происхожденья;
 Съ титуломъ графскимъ, молодой,
 Красивъ собою, мотъ большой,
 Любитель музыки и пѣнья,
 Зналъ языки, и обо всѣмъ
 Судилъ онъ рѣзко и съ умомъ.

XXXV.

Въ театрѣ ли, когда, бывало,
 Вдругъ «Becatura!» вскрикнетъ онъ, —
 Ужъ пьеса та навѣкъ пропала,
 Актеръ со сцены изгнанъ вонъ!
 Зато все покрывалось славой,
 Что удостоится порой,
 Предъ любоньтною толпой,
 Его рѣшительнаго *bravo!*
 И академія предъ нимъ
 Склонялася челомъ своимъ!

XXXVI

А также въ оперѣ, чуть взоромъ
 Графъ повсдесть — оркестръ дрожить,
 Чтобъ не сфальшивить полутономъ,
 И примадонна чуть стоитъ.....
 Сопрано жъ, басо и контральто,
 Отъ графскихъ взоровъ и ушей,
 Желали бъ, въ робости своей,
 Скорѣй укрыться подъ Ріальто,
 Чѣмъ слышать: *vah!* его одно:
 Такъ ужасало всѣхъ оно!

XXXVII.

Къ тому же былъ онъ покровитель
 Импровизаторовъ, и самъ
 Писалъ стихи, пѣлъ, какъ любитель,
 Романсы нѣжные для дамъ;
 Художникъ былъ, повѣствователь,
 И очень ловко, какъ Французъ,
 Онъ танцевалъ; всѣхъ, словомъ, музъ
 Любимецъ былъ и обожатель;
 Ну, настоящій былъ герой,
 Презанимательный собой!

XXXVIII.

Подъ часъ красавицы бѣвають
 Такъ прихотливы, что на нихъ
 Не угодишь: зато жъ мѣняютъ
 И часто рыцарей своихъ!
 Но графъ такимъ владѣлъ искусствомъ
 Всѣмъ прихотямъ ихъ угождать,
 И вѣрности не измѣнять, —
 Быть-можетъ и съ притворнымъ чувствомъ, —
 Что онъ для нихъ кумиромъ былъ,
 И ни одной не огорчилъ.

XXXIX.

Да и считалъ онъ преступленьемъ
 Красавицѣ не угодить,
 И дѣломъ, словомъ, подозрѣньемъ,
 Противъ себя вооружить.
 Онъ сердце словно восковое
 Имѣлъ, что на-долго, когда
 Остынетъ, даже навсегда,
 Хранить клеймо заповѣдное:
 Такъ, охлажденіе дарить
 Всему здѣсь постоянный видъ!

XL.

По-этому и мудрено ли,
 Что женщины всѣ отъ него
 Съ ума сходили противъ воли,
 Какъ, можетъ-быть, ни отъ кого?
 Межъ-тѣмъ, чтобъ Бенно возвратился,
 И думать перестали: онъ
 Ужъ не писалъ..... Такъ и законъ
 На этотъ случай пригодился,
 Что, какъ нѣтъ слуха про него,
 Покойникомъ считать его!

XLI.

Притомъ, за Альпами, ведется
 Обычай давній, что жена, —
 Пускай читатель не смѣется! —
 Двумужницею быть вольна.
 И нынѣ всѣ онѣ имѣютъ
 Мужей по парѣ у себя;
 Но, право, удивляюсь я,
 Какъ вывести тамъ не умѣютъ
 Такой обычай! Ужъ и къ намъ,
 Онъ не пробрался бъ по морямъ!

XLII.

Изъ этихъ двухъ мужей, законный
 Одинъ лишь первый; а второй
 Услужникъ только благосклонный,
 Или лакей жены чужой.
 Зовется жъ: *Cavalier Servente*,
 Что въ старину былъ чичисбей;
 Но имя это для ушей,
 Отъ По до Таго и по Брентъ,
 Такъ стало грубымъ, что оно
 Въ позоръ ужъ тамъ обращено.

XLIII.

О, дамы, дамы! какъ вы нами
 Играете! А между-тѣмъ,
 Мужчины, съ пылкими страстями,
 Всѣ такъ и льнутъ къ вамъ, больше чѣмъ.....
 Простите, милыя дѣвицы!
 Вамъ не въ обиду, дамы васъ
 Куда любезнѣе для насъ;
 И въ обществахъ онѣ царицы,
 Затѣмъ, что съ ними..... (что тамъ!)
 О всемъ возможно говорить!....

XLIV.

Созданья мнѣя, конечно,
 Дѣвицы въ существѣ своємъ:
 Но ихъ приличья свѣта, вѣчно,
 Стѣсняють ужасъ какъ во всемъ.
 Дѣвица такъ, порой, сробѣетъ,
 Чуть поведетъ кто слово съ ней,
 Что глазки въ землю поскорѣй,
 И до ушей вся покраснѣетъ;
 И часто вымолвить, въ отвѣтъ,
 Не смѣетъ даже — да нль нль!

XLV.

По обратимся къ дамамъ спова,
 И къ чичисбею, что теперь
 Зовется, для смягченья слова,
 Услужливый ихъ кавалеръ.
 Съ своєю дамой неразлучный,
 Отходить только слугъ позвать
 Иль экипажъ велѣтъ подать;
 А то, всегда у ней подручный,
 Онъ ей перчатки, шаль несетъ,
 И палатинъ самъ подастъ.

XLVI.

Какъ ни грѣшатъ Италіянцы,
 Признаться, край ихъ я люблю,
 Гдѣ виноградъ и померанцы
 Взоръ манять; какъ въ земномъ раю
 Душа тамъ дышетъ; небо ясно,
 Картины чудныя кругомъ.
 И гдѣ языкъ такой притомъ.
 Звучитъ гармоніей прекрасной,
 Языкъ Италіи, страны
 Любви и нѣги и весны!

XLVII.

Люблю я этот милый, гибкой
Языкъ самихъ боговъ! дитя
Латыни мощной, что съ улыбкой
На свѣтъ взглянуло, и шутя
Играсть звуками своими;
Въ стихахъ у Данта онъ гремитъ,
Въ устахъ красавицы звучитъ
Лишь поцѣлуями одними,
Богатый звонкихъ рюемъ родникъ.
Вотъ твоя, поэзія, языкъ!

XLVIII.

Но отступилъ опять, признаться,
Я отъ разсказа своего!
Но какъ, порой, и не сбиваться
Въ Италию, странѣ всего
Прекраснаго, гдѣ все такъ мило!
Гдѣ все чаруетъ сердце; взоръ!
Да и поэту ли просторъ
Стѣснять желѣзной воли силой,
И цѣпи тяжкія носить?
Но ужъ пора васъ не томить!

XLIX.

И такъ Лаура замѣнила
Супруга — графомъ молодымъ;
Любовь чету благословила,
И вотъ лѣтъ шесть ужъ съ небольшимъ,
Такимъ порядкомъ, графъ съ прекрасной
Своей Лаурою живутъ;
Другъ друга любятъ и ведутъ
Разсчетъ сердечный пресогласно;
Хоть иногда не безъ того,
Чтобъ не бывало кой-чего!

L.

Любовь была бѣ и слишкомъ вяла
 Безъ вспышекъ ревности порой,
 И даже скоро бѣ погасала,
 Какъ искра, дремя, подъ золой!
 И такъ, за исключеньемъ только
 Подобныхъ вспышекъ иногда,
 Рѣшительно сказать, чета
 Была счастливѣйшая, сколько
 Быть можно счастливымъ въ любви
 Преступной... какъ ни назови!

LI.

Лауру графъ любилъ пристрастно,
 Она — красавица была;
 Скрывать имъ было бы напрасно
 Своя оковы: ихъ свела
 Судьба сама; она ихъ тоже
 И развести могла легко!
 Стояли жѣ оба высоко;
 Та по красѣ, тотъ званьемъ! Чтѣ же
 Имъ и могло бы помѣшать
 Любить другъ друга продолжать?

LII.

Одни педанты возставали
 Немного противъ связи ихъ,
 И въ адъ зараньше посылали,
 Въ желаньяхъ ревностныхъ своихъ.
 Но кажется, что ихъ желанья
 Не слишкомъ доходили въ адъ!
 Напротивъ адъ еще и радъ,
 Чтѣ бѣ люди, слабыя созданья,
 Побольше силились грѣшить,
 Да и другихъ въ соблазнъ вводить!

LIII.

Но старыхъ грѣшниковъ примѣры
 Опаснѣй тутъ чѣмъ молодыхъ:
 У нихъ нѣтъ ни любви, ни вѣры,
 А потому-то пѣтъ у нихъ
 И никакого исправленья.
 Но наши — оба въ цвѣтѣ лѣтъ,
 И вѣры оставался слѣдъ
 Въ сердцахъ у нихъ, что заблужденья
 Свои еще, когда-нибудь,
 Успѣютъ съ душъ своихъ страхнуть

LIV.

Но карнавалъ былъ, мы сказали,
 Блестящій, шумный.... всѣ о немъ
 Уже заранѣ помышляли,
 Приготовляясь, тайкомъ,
 Какъ лучше костюмироваться,
 Чтобъ всѣхъ вниманье обратить;
 Лаура тоже, чтобъ не быть
 На послѣди, приготовляясь
 Къ нему усердно принялась,
 И туалетомъ занялась.

LV.

Хоть и не очень нужно было
 Собою заниматься ей,
 И безъ того нлѣняя милой
 Красой и свѣжестью своей.
 Но свѣту какъ обычной дани
 Не заплатитъ? И вотъ она
 Красивѣй всѣхъ разряжена!
 Ни на одной не видно ткани
 И драгоценнѣйшихъ вещей,
 Пышнѣй и лучше, какъ на пей!

№ 4. Отд. IV.

LVI.

Уже съ Лаурой графъ въ Ridotto....
 Что жъ за Ридотто? Какъ сказать?
 Родъ клуба это, гдѣ съ охотой
 Идетъ всякъ скуку разогнать.
 Я бь назвалъ это маскарадомъ,
 Затѣмъ, что въ маскахъ, въ карнавалъ,
 Туда съѣзжаются на балъ,
 И мѣщанинъ съ вельможей, рядомъ,
 Танцуютъ, ужинаютъ тамъ;
 Смѣсь общества, мужчинъ и дамъ!

LVII.

Люблю я этотъ родъ собраній,
 И тамъ, толкаясь межъ толпой,
 Свободной, безъ различья званій,
 Слѣдить за маскою иной,
 Угадывать мистификации,
 Когда начнутъ интриговать;
 И не подумаешь скучать,
 Любуясь, какъ костюмы націй,
 Съ паяцомъ объ руку, съ шутомъ,
 Расхаживаютъ тамъ кругомъ.

LVIII.

Среди такой толпы веселой,
 Лауръ весело: тутъ нѣтъ
 Той принужденности тяжелой,
 Какою дамъ стѣсняетъ свѣтъ.
 Съ улыбкой на устахъ игривой,
 Къ тому, къ другому подойти,
 Шепнуть, взять руку, увести,
 Все вольно ей, и взоръ ревнивой
 Не можетъ ничего сказать,
 И клевета должна молчать.

LIX.

Лаурѣ сдѣлалось вдругъ жарко....
 Графъ ей подносить лимонадъ.
 «Смотри, какъ вотъ у этой ярко
 Румяны на щекахъ горять !
 А та какъ стянута ужасно,
 Наслы дышетъ, а у той —
 Чтò за тюрбанъ такой смѣшной!
 На этой палантинъ прекрасной,
 Да полинялъ немножко цвѣтъ
 У той же — чтò за туалетъ!»

LX.

Такъ всѣхъ своихъ подругъ Лаура
 Перебирала : той, нарядъ ;
 Другой, не нравилась фигура,
 Или прическа ; словомъ, градъ
 Довольно колкихъ замѣчаній
 Лаура сыпала на дамъ ;
 Да и сама отъ эпиграммъ
 Не ускользнула : притязаній
 Тьму находили въ ней самой —
 Быть первенствующей одной!.....

LXI.

И точно занята собою !
 Лаура, съ радостнымъ лицомъ,
 Окружена мужчинъ толпою,
 Выслушивала, какъ кругомъ,
 Ей комплименты расточались,
 То прямо, то издалика.
 И женщины, изподтишка,
 Съ досадою явной удивлялись,
 Какъ, въ эти лѣта, столько ей
 Имѣть поклонниковъ, ей-ей!.....

LXII.

Но, говорили межъ собою:
 Мужчины эти — чудаки!
 И такъ развратны, что толпою
 Къ такимъ безстыдницамъ въ силки
 Летятъ охотно! нѣтъ имъ дѣла,
 Что въ эти лѣта ужъ не та,
 Что въ молодости красота;
 Морочить только бь ихъ умѣла.
 И этимъ тварямъ оттого,
 Прельщать, — не стоитъ ничего!

LXIII.

И въ правду, я не постигаю,
 Какъ женщины-кокетки..... Но
 Остановлюсь! не то, ужъ знаю,
 Накликать могъ бы, неравно,
 Всеобщее негодованье!
 Вотъ, если бь я аббатомъ былъ,
 Ужъ какъ бы тутъ заговорилъ!
 Но полно! и повѣствованье,
 Покамѣстъ будемъ мы опять,
 Безъ отступленій, продолжать.

LXIV.

И такъ, когда всѣхъ озирая
 И пересмѣивая всѣхъ,
 Приличье даже забывая,
 Лаура возбуждала смѣхъ,
 И на себя тѣмъ обращала
 Вниманье общее: и въ ней
 Досада дамъ знакомыхъ ей,
 Тожъ недостатки замѣчала,
 И зависть, ѣдкимъ языкомъ,
 Ей вымѣщала — съ барышкомъ.

LXV.

А между — тѣмъ , въ толпѣ блестящей
 Первѣйшихъ щеголей предъ ней , —
 Съ благоговѣніемъ стоящей ,
 Какъ предъ Мадонною своею , —
 Одинъ — съ особеннымъ вниманьемъ ,
 Взоръ на Лауру устремлялъ ,
 И на минуту не спускалъ
 Съ нея очей ; своимъ молчаньемъ ,
 Онъ ловко роль свою игралъ :
 То Турокъ передъ ней стоялъ .

LXVI.

Лаура, съ тайнымъ восхищеньемъ,
 Имъ любовалась; онъ же былъ
 И смугль лицомъ, и обращеньемъ,
 Страхъ, какъ на Турка походилъ.
 А Турковъ любить полъ прелестный,
 Затѣмъ, что и они сыны
 Востока, пламенной страны.
 Прелестный полъ, какъ всѣмъ извѣстно,
 Престрастно любятъ; хотъ ихъ женъ
 Удѣлъ и больно не красенъ!

LXVII.

Да!... Турки съ женами своими,
 Обходятся, — *pardou, mes dames!* —
 Какъ съ лошадьми, или другими
 Животными! По ихъ правамъ,
 Имѣть ихъ могутъ столько, сколько
 Душъ угодно: тутъ идетъ
 Достатокъ каждаго въ расчетъ.
 Законныхъ же — четыре только
 Разрѣшено кораномъ ихъ;
 А то — сверхштатныя у нихъ.

LXVIII.

Они на рынкахъ ихъ скунають,
 И, подъ надзоромъ сторожей,
 Въ свои гаремы запирають,
 Гдѣ ужъ никто тогда не смѣй
 На нихъ взглянуть!... Родные даже
 Не могутъ съ ними говорить!
 Не правда ль, что не можетъ быть
 Ужъ ничего гнуснѣй и гаже
 Такихъ обычаевъ; что срамъ
 Стѣснять такъ волю бѣдныхъ дамъ.

LXIX.

Не весело турецкимъ женамъ
 Такую жизнь всегда вести,
 Гдѣ, равнодушный къ вздохамъ, стонамъ,
 Ихъ черный евнухъ, въ заперти,
 Какъ аргусъ сторожить, не дремя,
 И безпрестанно, день и ночь,
 Долгъ исполняя свой точь въ точь.
 Чуть шорохъ — голову подъямя,
 (Одинъ, имѣя входъ ко всѣмъ,) —
 Обходить рундомъ весь гаремъ.

LXX.

И отъ такого заключенья,
 Всѣ, всѣ, бѣдняжки, до одной,
 Какъ въ душныхъ парникахъ растенья,
 Онѣ теряютъ вскорѣ свой
 Румянецъ, свѣжесть, и блѣднѣютъ!
 Да какъ бесѣды ни одинъ
 Не любитъ важный Муслеминъ,
 То жаль ихъ и не имѣютъ
 Другихъ занятій, какъ — ѣсть, пить,
 Да наряжаться и любить.

LXXI.

Запрещено имъ даже чтение;
 И потому нельзя судить
 Имъ ни о чемъ, а въ сочиненьс
 Пускаться, грамотными быть...
 Избави ихъ Аллахъ! и, стало,
 Нѣтъ, между нами, ни одной
 Писательницы, чтобъ, порой,
 Въ чернилахъ пальчики марала,
 И умничала, какъ, не разъ,
 Встрѣчать случается у насъ.

LXXII.

И многихъ преимуществъ чужды,
 Какими, нашъ прелестный полъ,
 Не рѣдко пользуюсь безъ нужды
 Съ приличій колен сошелъ,
 Затворницы гаремовъ, только
 Своею заняты красой.
 И въ мiръ наукъ, для нихъ чужой,
 Ужъ не заносятся нисколько;
 И потому, нѣтъ между нихъ,
 Педантовъ скучныхъ и пустыхъ.

LXXIII.

И сами Турки не умнѣе,
 Непросвѣщеннѣй женъ своихъ:
 По нихъ — нѣтъ ничего скучнѣе,
 Ученыхъ и безумныхъ книгъ!
 Да, кромѣ одного Корана,
 У нихъ и въ заведеннѣ нѣтъ
 Книгъ, ни журналовъ, ни газетъ;
 Для нихъ прiятнѣй изъ кальяна
 Благоуханный дымъ пускать,
 И страстныхъ женъ своихъ ласкать.

LXXIV.

О, край невѣжества счастливый,
 Любви и лѣнноти страна!
 Отбросивъ лишь надзоръ ревнивый,
 Ты намъ златыя времена
 Напоминаешь, какъ живали
 Когда-то, въ-старь, когда умы
 Не знали нравственной чумы,
 И вздоровъ, вракъ не сочиняли,
 Какъ нынѣ многіе у насъ...
 Но станемъ продолжать рассказъ.

LXXXV.

Не взоромъ, впрочемъ, мусульманскимъ
 Лауру Турокъ пожиралъ!
 Онъ, съ выраженьемъ христіанскимъ,
 Ей, будто, высказать желалъ:
 Я дѣлаю вамъ много чести,
 Любуясь вами! дайте жъ мнѣ
 Налюбоваться ужъ вполнѣ
 Красой, которою безъ лести
 Сказать вамъ, милая моя,
 Очаровали вы меня!

LXXVI.

И если только могутъ взоры
 Имѣть надъ женщиною власть,
 То этотъ Турка взоръ, который
 Такъ живо выражалъ всю страсть,
 Лауру долженъ былъ, конечно,
 Какъ разъ собою покорить!
 Но, слишкомъ трудно было сбить
 Ее съ пути..... и такъ сердечно
 Любила графа своего,
 Что — не боялась никого!

LXXVII.

Но разсвѣтать ужъ начинало.....
 Всѣмъ дамамъ, этою порой,
 Скорѣй, совѣтовалъ бы, съ бала
 Спѣшить домой! Спѣшить домой!
 Не то, какъ солнце ихъ застанеть
 Еще за танцами, когда
 Огни погасятся, — бѣда!
 Пускай тогда на нихъ кто взглянетъ,
 При блескѣ солнечныхъ лучей,
 Всѣ — самыхъ призраковъ блѣднѣй!

LXXVIII.

Изъ любопытства я, нерѣдко,
 Любилъ, бывало, до конца,
 На балѣ оставаться, мѣтко
 Подстерегая цвѣтъ лица
 Красавиць, въ полномъ смыслѣ слова;
 И что же? всѣ, увы! онѣ
 Прежалкими казались мнѣ,
 Отъ освѣщенія дневнаго!....
 Хотя бы выдержать одна
 Могла ночь съ танцами, безъ сна!

LXXIX.

Лаура жъ это очень знала,
 Что безразсудно было бѣ ей
 Остаться до послѣдка бала,
 Средь тысячъ нѣсколькихъ людей;
 И семь часовъ пробывъ тамъ сряду,
 Подумала: пора домой!
 Графъ подалъ шаль, и межъ толпой
 Ужъ пробрались..... но, на досаду,
 Своей гондолы отыскать
 Не могутъ, гдѣ должна бѣ ихъ ждать.

LXXX.

Всѣ эти плуты гондольеры,
 Страхъ, какъ на нашихъ кучеровъ
 Походятъ въ этомъ, и манеры
 Одной всѣ держатся: съ плотовъ
 И съ пристаней они сгоняютъ
 Другъ друга сплошь, и не хотятъ
 Ни шагу уступить, кричать,
 Бранятся, ссорятся; бываютъ
 И драки страшныя порой,
 Не хуже, какъ въ кулачный бой.

LXXXI.

И какъ полиція за ними
 Ни смотритъ строго, иногда,
 Не удержать ихъ никакими
 Ей средствами, такъ что бѣда!
 А даже часто достается
 Самой полиціи, отъ нихъ,
 Въ такихъ продѣлакахъ удалыхъ.....
 Зато, который попадется,
 Поплатится спиной своей,
 Чтобъ былъ въ другой разъ поумнѣй!

LXXXII.

Но вотъ уже, съ трудомъ не малымъ,
 Гондолу кой-какъ отыскавъ,
 Плыветъ по дремлющимъ каналамъ,
 Съ своей подругой страстный графъ;
 А между-тѣмъ, какъ будитъ волны
 Согласныхъ весель легкій шумъ,
 Они свой занимаютъ умъ, —
 Приятныхъ впечатлѣній полный, —
 Сравненьемъ баловъ, тѣхъ, другихъ,
 Какъ веселилися на нихъ.

LXXXIII.

Танцоровъ, дамъ, и ихъ наряды,
 Все перебрали, и, притомъ,
 Кто на кого бросалъ тамъ взгляды.
 Но вотъ и день. — И предъ крыльцомъ
 Ужь дома легкая гондола,
 Остановились.... Но глядятъ,
 Съ Лаурой графъ, — и въ жаръ и въ хладъ
 Ее бросаетъ! Слабость пола!
 И здѣсь — въ нее свой взоръ вонзилъ
 Тотъ Турокъ, что на балѣ былъ.

LXXXIV.

Графъ бровь нахмурилъ, и съ досадою
 Поспѣшно подошелъ къ нему:
 Чего вамъ, сударь мой, здѣсь надо?
 Спросить я долженъ, потому,
 Что всюду слѣдомъ вы за нами!
 Но извините.... Можетъ-быть,
 Ошибкой здѣсь..... Такъ пособить
 Весьма легко: вашъ путь предъ вами!
 Вы понимаете меня?
 Не то, понять заставлю я!

LXXXV.

Не беспокойтесь напрасно!
 Спокойно Турокъ отвѣчалъ:
 Я знаю, гдѣ я. Вотъ прекрасно!
 Я у себя. Онъ продолжалъ:
 Угрозъ же не боюсь ни мало;
 И, какъ узнаете сейчасъ,
 Вотъ эта дама, подлѣ васъ,
 Моя жена!.... Лица не стало
 Тутъ на Лаурѣ. О, испугъ!
 То Бепно! то ся супругъ!

LXXXVI.

Въ подобномъ случаѣ иная,
 Услышавъ голосъ муженька,
 Упала бѣ въ обморокъ, не зная,
 Что дѣлать! Робость не ловка!
 Но смѣтливой Италіянкѣ
 Не трудно, горю пособить;
 Ей ничего не нужно пить,
 Ни нюхать спиртъ въ графеной стлянкѣ.

LXXXVII.

Такъ и Лаура поступила:
 Ни слова не произнесла,
 Да только всѣхъ святыхъ молила,
 Чтобъ буря какъ-нибудь прошла!
 Но графъ, догадливъ чрезвычайно,
 Чуть незнакомецъ объяснилъ,
 Кто онъ — скорѣе пригласилъ
 Его въ покои, чтобъ случайно,
 Не сдѣлаться имъ всѣмъ порой, —
 Забавной сказкой городской!

LXXXVIII.

И вотъ вошли. Графъ, очень зная
 Обыкновенье Мусульманъ,
 Подать велѣлъ, стулъ придвигая,
 Скорѣе кофе и кальянъ.
 Лаура, между-тѣмъ, подсѣла
 Поближе къ Турку, завела
 Съ нимъ разговоръ, какой могла,
 И быть любезною хотѣла,
 Стараясь гостя занимать,
 Чтобъ не давать ему скучать.

LXXXIX.

Скажи же, Беппо, какъ, откуда
 Сюда ты прибылъ?... Но, теперь,
 Не иначе ль зовешься? Худо
 Не быть такъ долго.... и, повѣрь,
 Соскучась по тебѣ, чуть было
 Съ ума совсѣмъ я не сошла!
 Со дня на день тебя ждала:
 Какую жъ бороду, мой милой,
 Ты отпустилъ! О, признаюсь,
 Я на тебя не надивлюсь!

XC.

Неужли сталъ ты, въ самомъ дѣлѣ,
 Ужъ Турокъ?... Стало, и сераль
 Завелъ ты? Много ль женъ доселѣ?
 Но что за шаль! вотъ прелесть шаль!
 Мнѣ подаришь ее, конечно?
 Да правду ль говорятъ про васъ,
 Что вы, — я слышала не разъ, —
 Народъ такой безчеловѣчной!
 Женъ держите вы въ занерти,
 И строги, Боже васъ прости!

XCI.

Но гдѣ жъ ты былъ все это время?
 Что дѣлалъ? Расскажи скорѣй!
 Да какъ ты пожелтѣлъ! А темя
 Ужъ, вѣрно, выбрито!... ей-ей,
 Ты настоящій Мусульманинъ!
 Но бороду ты долженъ сбрить;
 Здѣсь не зачѣмъ ее носить,
 Не холодно у насъ, и страненъ
 Ты съ этой длинной бородой.....
 Да скинь и свой нарядъ смѣшной!

XСII.

А то, пожалуй, кто ни встрѣтитъ
 Тебя на улицѣ со мной,
 Смѣяться будетъ..... Да ужъ свѣтитъ
 И просьбъ у тебя, другъ мой!...
 Какъ постарѣлъ ты съ дня разлуки!
 Ахъ! если бъ зналъ ты, какъ и я
 Перемѣнилась безъ тебя?
 Такъ было грустно, что со скуки,
 Хотъ умереть! Но наконецъ
 Привелъ тебя сюда Творецъ!

XСIII.

Такъ все Лаура говорила.
 Но что ей Беппо отвѣчалъ, —
 Когда вопросами душила, —
 Не знаю. Чуть ли не молчалъ,
 Свободу полную давая
 Какъ лава льющимся рѣчамъ,
 Да только дымъ, по временамъ
 Клубами на нее пуская,
 Быть-можетъ, на судьбу ропталъ,
 Что долго дома не бывалъ.

XСIV.

Но вскорѣ разсказалъ ей Беппо,
 Про приключенія свои,
 Какъ былъ онъ, бурей свирѣпой,
 Зброшенъ на берегъ земли,
 Гдѣ нѣкогда стояла Троя;
 Но гдѣ ни камешка теперь
 Нѣтъ отъ нея, и даже звѣрь
 Не знаетъ скрыться гдѣ отъ зноя;
 Да какъ въ неволю онъ попалъ,
 И бастонаду получалъ.

XCV.

Но, наконецъ когда пристала
 Въ заливъ сосѣдній, на грабежъ,
 Пиратовъ шайка, — онъ ни мало
 Не думая, присталъ къ нимъ тожъ,
 И сдѣлался тамъ ренегатомъ;
 Жизнь удалую полюбилъ;
 Когда жъ богатствъ онъ накопилъ,
 Про край свой вспомнилъ, и пиратомъ
 Все только рыскать по морямъ,
 Скучать ужъ сталъ по временамъ.

XCVI.

Тутъ сталъ онъ рѣже заниматься
 Такимъ постыднымъ ремесломъ;
 По малу началъ удаляться
 Отъ буйной братьи, и, потомъ,
 Когда, какъ Крузое, порою,
 Одинъ по острову бродилъ;
 Нашелъ корабль, что въ Корфу плывъ.
 Его онъ нанялъ, и съ собою
 Богатство все свое забравъ,
 Пустился въ море, цѣль и здравъ.

XCVII.

Корабль былъ легкій и уютный,
 Летѣлъ стрѣлою по волнамъ;
 Подъ парусъ вѣтеръ дулъ попутный,
 И вскорѣ, жаждущимъ глазамъ,
 Брега Корфу во тьмѣ предстали
 Тутъ Бешпо, вѣдая о томъ,
 Что если бы въ Корфу объ немъ,
 Что ренегатомъ былъ, узнали,
 Была бъ бѣда! назвался онъ
 Купцомъ турецкимъ. — Былъ смышленъ.

XCVIII.

И этой хитростью одною
 Избавясь тамъ отъ всякихъ бѣдъ,
 Ведомый счастливой звѣздой,
 Вотъ прибылъ, послѣ многихъ лѣтъ,
 Въ свою Венецію родную,
 Отыскивать свои права,
 На домъ свой, вѣру; но сперва
 На мнлую жену младую,
 Съ которою такъ долго онъ
 Былъ, по несчастью, разлученъ.

XCIX.

Хотя жъ, сначала, и смутился,
 Но, вскорѣ, онъ утѣшенъ былъ;
 Съ своей Лаурой помирился
 И тотчасъ шаль ей подарилъ.
 И счастьемъ радуясь отъ сердца,
 Что вновь на родинѣ своей,
 Нашелъ жену, нашелъ друзей,
 Онъ въ тотъ же день всю иновѣрца
 Одежду скинулъ, и, одѣтъ
 Прилично,—задалъ всѣмъ обѣдъ.

C.

По всей Венеціи богатый
 Счастливецъ Беппо прогремѣлъ;
 Его забытыя палаты
 Вдругъ оживились: онъ умѣлъ
 Друзей угашивать столами.
 Пошли обѣды, вечера,
 Гдѣ веселились до утра;
 За танцами, да за пирами,
 Надъ добрымъ Беппомъ, говорятъ,
 Смѣялись.... Но онъ былъ богатъ!

СІ.

Да, впрочемъ я не вѣрю слѣпо
 Всему, что люди говорятъ.
 И такъ, всё толки прочь! А Безпо
 Былъ рѣдкой человѣкъ: онъ радъ
 Былъ всякому, кто только руку
 Ему пожметъ, да и, притомъ,
 Какую, на вѣку своесъ,
 Извѣдалъ всякихъ золъ науку!
 Зато, подъ старость, наконецъ,
 Прямою онъ сдѣлался мудрецъ!

СII.

Во всемъ судьбѣ своей послушный,
 Насмѣшекъ онъ не примѣчалъ,
 И толки свѣта равнодушно,
 Добрякъ, сквозь уши пропускалъ.
 Любилъ Лауру очень нѣжно,
 Ее разказами смѣшилъ;
 А хоть, порой, и мраченъ былъ,
 Все жилъ довольно безматежно;
 Что жъ удивительнѣй всего:
 Графъ первымъ другомъ былъ его!

СIII.

Разказъ мой конченъ! За терпѣнье
 Благодарю васъ, господа!
 Хотя читатель, безъ сомнѣнтя,
 За отступленье иногда,
 Нахмура брови и зѣвая,
 Конца ужъ ожидалъ давно.
 Но вѣрьте: право, мудрено
 Порой бываетъ, развивая
 № 4. Отд. IV.

Разказъ свой, мысли удержать
И за черту не проскакать.

В. Любимъ-Романовичъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Науки и Художества.

=

СТО ДНЕЙ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НАПОЛЕОНА СЪ ОСТРОВА ЭЛЬБЫ.

—

СОЧИНЕНІЕ КАПФИГА *.

—

Современная исторія дала названіе *Ста дней* періоду отъ 20 Марта 1815, — выгъзда Людовика XVIII изъ Парижа, — до вторичнаго возстановленія дома Бурбоновъ, 8 Юля, того же года. Названіе это не слѣдствіе философической идеи или какой-нибудь классификаціи партій: оно произошло просто отъ одной фразы сенскаго префекта, господина де-Шаброля, который привѣтствовалъ короля Людовика, при возвращеніи его въ столицу, и назвалъ «сотнею дней» время отсутствія Бурбо-

* *Les Cent Jours*, par M. Capesigue. Paris, 1841. 8°. Дѣль части.
№ 4. Отд. V.

новъ. Правду сказать, это названіе, въ качествѣ историческаго опредѣленія эпохи, невѣрно ни по выраженію, ни по мысли: революція, возвратившая Бонапарту престолъ, обнимаетъ гораздо большій періодъ: она началась съ Октября 1814 года и, къ несчастію, еще не кончилась со вторымъ вступленіемъ Людовика XVIII въ Парижъ. Самая реставрація уже носитъ въ себѣ начало неизбежнаго разрушенія; повсюду господствовалъ духъ несогласія; старое, бурбоновское, общество было не довольно сильно, для того чтобъ снова утвердиться на мѣстѣ новаго, устроеннаго Наполеономъ. Отсюда произошла неодолимая взаимная борьба идей, влеченій и страстей, которая лучше всего объясняетъ быстрое, невѣроятное, побѣдное шествіе Наполеона отъ Залива Жуанскаго до Тюильерійскаго Дворца. Это блистательное безразсудство принесло Франціи горькіе плоды: трактатъ 1815 года лишилъ ее нравственнаго могущества. Возстановленіе Бурбоновъ, въ 1814 году, помирило было Францію съ Европой. На вѣнскомъ конгрессѣ искусный Таллеранъ превратилъ почти половину бывшихъ непріятелей въ союзниковъ: Австрія и Англія стояли уже на сторонѣ Франціи. Но роковое событіе «Ста дней» все опять разстроило: Франція въ-конецъ лишилась довѣрія сосѣдей; всѣ ее оставили и она, въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, заняла весьма невыгодное изолированное положеніе, она какъ-бы совершенно отдѣлилась отъ семьи европейскихъ государствъ и, въ слѣдствіе этого, сама приняла враждебное положеніе ко всѣмъ другимъ народамъ: Французы заговорили обо всемъ иноземномъ съ раздраженіемъ и ненавистью; они не стали уважать ни нравовъ, ни обычаевъ, ни правительствъ, сколько-нибудь несообразныхъ съ ихъ понятіями, и заставили смотрѣть на себя какъ на бурливое море, на источникъ смуть и насильственныхъ переворотовъ. Съ другой стороны «Сто дней» произвели весьма опасное дѣйствіе на духъ и характеръ народа. «Ча-

сто, говоритъ господинъ Капфигъ, я съ восхищеніемъ удивляюсь энтузіазму, съ какимъ старые легіоны привѣтствовали своего Цезаря, когда онъ явился на берегу Жуанскаго Залива; я люблю эту восторженность, которая схватываетъ и увлекаетъ пылкія души. Но возможно ли увѣрить себя, что въ этомъ забвеніи только-что данной присяги нѣтъ сожалѣнія достойнаго клятвopреступленія, попранія священнаго долга и оскверненія народной чести? Какое зрѣлище можетъ представить намъ сегодня нарушеніе вчерашней клятвы! Нашъ народъ въ особенности славился своей правдивостію и вѣрностію данному слову. У насъ было что-то прямодушное, благородное, рыцарское, что-то такое, которое возвышало и украшало характеръ народа. Въ «Ста дняхъ» выразилась такая язвительная насмѣшка надъ заповѣдями чести и благородства, что народный характеръ неизбежно долженъ былъ испытать сильное потрясеніе. Я желалъ бы истребить, вычеркнуть изъ «Монитера» эти адреса отъ арміи къ Людовику XVIII, эти клятвы генераловъ, въ-слѣдъ за которыми явились прокламаціи, отъ тѣхъ же людей, наполненныя враждебными, неистовыми, выходками противъ всего рода Бурбоновъ. Что станетъ съ безопасностью государствъ и ихъ правительствъ, что станетъ вообще съ гражданскими обществами и ихъ законами, когда солдаты, въ буйномъ ослѣпленіи, попирая долгъ и честь, будутъ сами выбирать себѣ влaстителей? Что стало съ стариннымъ французскимъ праводушіемъ послѣ такой насмѣшки надъ священной клятвой? Невозможно, чтобы идеи, однажды брошенныя на вѣтеръ страстей, не принесли плодовъ. Кто виновать, если теперь, во Франціи, никто не вѣритъ въ правила, управляющія людьми? Гдѣ причина этого всеобщаго униженія характера, если не въ быстромъ упадкѣ понятій о правѣ, въ разрушеніи началъ нравственности и всего, что составляетъ основанія человѣческаго общества? И все это произвели событія «Ста дней».

Изъ этой эпохи можно почерпнуть еще нѣсколько другихъ полезныхъ уроковъ, и, между-прочимъ, о томъ, какой вредъ въ состояніи нанести странѣ политическое общество малопросвѣщенное и слишкомъ многорѣчивое. Я не знаю ничего хуже палаты представителей того времени: это верхъ безлadyцы, это истинный типъ представительнаго правленія, такого, какое только могло образоваться подъ вліяніемъ пошлыхъ идей Лафайетта и сумасбродныхъ конституціонныхъ утопій.»

Трудно найти въ исторіи эпоху болѣе любопытную, болѣе громадную по своимъ результатамъ, нежели эпоха «Ста дней». Есть, конечно, многія болѣе величественныя, но едва ли найдется одна, въ которой бы, въ такое короткое время, совершилось столько важныхъ событій. Сначала намъ представляется тутъ драматическій, чуду подобный, походъ Бонапарта отъ Залива Жуанскаго до Парижа; потомъ царство, падающее отъ одного взмаха крыльевъ имперскаго орла, потомъ другое правительство, другая система, военная, учреждается и рушится въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ; потомъ кровавая битва, въ которой борются всѣ арміи Европы, и наконецъ кабинетъ, довершающій начатое оружіемъ тѣхъ армій. Истиннымъ героемъ этой драмы является Наполеонъ: онъ несется, какъ страшный метеоръ, сожигая все на пути своемъ и оставляя бѣдственные слѣды опустошенія. Конецъ его пути исполненъ чудесъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ окончивается и исторія императора и имперіи. Такъ въ жизни cadaго человѣка заключается эпическая поэма, болѣе или менѣе великая, болѣе или менѣе возвышенная. Сто дней — послѣдняя пѣснь имперской эпопеи, и развязка ея — громъ битвы ватерлооской.

Французская имперія, огромный исполинъ, въ быстромъ паденіи своемъ покрыла Европу обломками; съ кампаніи 1812 года разстроилась и рушилась Наполеонова союзная система, обнимавшая половину материка.

Не одно отдѣленіе Австріи и Пруссіи означило упадокъ имперіи, созданной всепоглощающимъ гениемъ Наполеона: уже къ концу 1813 года, многія земли, провинціи, цѣлыя королевства оставались безъ властителей, безъ доли; все, что собрали побѣды, было опять разсыяно прихотливою фортуной. Польша, означенная на картѣ французской имперіи подъ именемъ великаго герцогства Варшавскаго, была занята Русскими. Двѣ великія идеи Петра Перваго и Екатерины Второй, касательно Польши и Греціи, съ осьмнадцатаго столѣтія постоянно оставались въ виду петербургскаго кабинета. Польшу предположено было возстановить въ видѣ вице-королевства, подданнаго Россіи. Чтобы достигнуть этого, нужно было склонить Австрію и Пруссію на уступку нѣкоторыхъ областей, доставшихся имъ въ прежнемъ дѣлѣжѣ. Съ Пруссією не трудно было поладить: берлинскій кабинетъ старался приобрѣсть для своей монархіи Саксонію. Дрезденъ и Лейпцигъ, и всѣ прекрасные города Эльбы, были бы дополненіемъ ея военной и коммерческой системы. Вся Саксонія, занятая до того Русскими, уже была сдава прусскимъ войскамъ; король Фридрихъ-Августъ, содержавшійся въ плѣну до окончанія дѣла, былъ наказанъ за вѣрность къ рейнскому союзу и своему покровителю Наполеону. Пруссія находила очень простымъ и справедливымъ удержать Саксонію за собой, и со стороны Россіи не встрѣчала никакого препятствія. Но Австрія не могла равнодушно смотрѣть на такое расширеніе Пруссіи, которая, получила бы значительный перевѣсъ въ Германіи. Впрочемъ, Австрія немного занималась Германією: политика ея была обращена въ другую сторону: она старалась утвердить свое владычество надъ Адриатическимъ Моремъ, въ Тиролю и Италиі, которая частію уже была занята ея войсками; Меттерниху пришла мысль создать для своего двора Ломбардо-Венеціанское королевство и поставить ему граница-

ми Альпы. За возстановленіемъ Франція въ границахъ, бывшихъ до французской революціи, оставались еще въ распоряженіи союзниковъ. Бельгія и широкая полоса на лѣвомъ берегу Рейна, нѣсколько земель, которыя Наполеонъ присоединилъ къ своей имперіи подъ именами департаментовъ Жемапскаго, Самбръ-э-Мезскаго, Розрскаго, и прочее. Австрія въ старину обладала испанскими Нидерландами, у нея тамъ былъ одинъ изъ своихъ эрцгерцоговъ; тамъ бывали даже австрійскія правительницы, какъ, напримѣръ, Маргарита Фландрская. Но, обративъ глаза на Италію, вѣнскій кабинетъ мало заботился о возвращеніи себѣ Нидерландовъ: они были слишкомъ отдалены отъ его коренныхъ владѣній и на защиту свою требовали слишкомъ большихъ издержекъ. Меттернихъ открылъ новыя виды на пользу своего государя: онъ не любилъ трудиться надъ тѣмъ, что уже старо и истерто. А Англія, между-тѣмъ, обнаружила пламенное желаніе управлять политическою и коммерческою будущностію Нидерландовъ. Въ лондонскомъ кабинетѣ уже былъ составленъ планъ, и лордъ Кастльри первый положилъ основаніе Голландско-Вельгійскаго королевства, подъ владычествомъ дома Оранскаго, тѣсно связаннаго родствомъ съ царствующимъ домомъ Великобританіи. Такимъ образомъ Нидерландское королевство есть плодъ политическихъ соображеній Англіи: оно составило для нея оплотъ противъ возможнаго нашествія Франціи, и было слѣдствіемъ стариннаго соперничества обѣихъ націй, со временъ государстванія Генриха VI въ Парижѣ. Что же касается до земель на лѣвомъ берегу Рейна, то они служили кабинетамъ вѣнскому и берлинскому средствомъ вознагражденія другихъ нѣмецкихъ владѣтелей за тѣ земли, которыя они должны были уступить большимъ державамъ. Виртембергъ и Баварію, принужденныхъ пожертвовать нѣсколькими участками въ пользу Австріи, надобно было удовлетворить рейнскими провинціями. Въ

осуществленіи этихъ обширныхъ плановъ, надъ которыми трудились великіе государственные люди знатнѣйшихъ державъ, князь Меттернихъ, баронъ Гарденбергъ, лордъ Кастльри и графъ Нессельродъ, Англія принимала весьма дѣятельное участіе, хотя и не сдѣлала положительныхъ приобретеній на материкѣ: исключая возвращеннаго себѣ Ганновера, она не получила никакой земли подъ непосредственное управленіе. Англія, по своему давнишнему обыкновенію, искала не матеріальнаго господства, но нравственнаго вліянія на рѣшеніе всѣхъ великихъ вопросовъ. Новое преобразование Европы давало ей точки соприкосновенія отъ сѣвера до юга: королевство Голландско-Бельгійское было съ ней въ союзѣ. Черезъ Пруссію и Ганноверъ она предоставляла себѣ вліяніе на всю Германію; Австрія естественно должна была искать въ ней опоры, чтобы удержаться въ равновѣсіи въ отношеніи къ Россіи. На югѣ Португалія и домъ Браганскій были ей совершенно подчинены; а походы герцога Веллингтона доставили ей неизбѣжное вліяніе на Испанію. Англія съ давнихъ поръ привыкла заставлять другихъ драться въ свою пользу. Самымъ важнымъ результатомъ англійской политики, въ борьбѣ съ Наполеономъ, было непомерное расширеніе ея колониальной системы: въ Средиземномъ Морѣ она удержала Гибралтаръ, Мальту и Іонійскіе Острова; въ Америкѣ ей досталось значительное число колоній французскихъ, голландскихъ и датскихъ; она отняла себѣ станціи на Мысѣ Доброй Надежды, на Иль-де-Франсъ и Цейлонѣ, до Индіи, гдѣ вліяніе Франціи было совершенно уничтожено.

Надобно замѣтить, что большая часть этихъ вопросовъ были уже обсуждены и рѣшены еще во время кампаніи, до шатильонскаго конгресса, до паденія французской имперіи. Съ бріенскаго сраженія дѣло Наполеона было потерянное: онъ могъ еще одержать нѣ-

сколько побѣдъ, но союзники имѣли противъ него такую массу силъ, что непремѣнно должны были восторжествовать, и они заранѣе уже начали дѣлать будущія пріобрѣтенія: они смотрѣли на предстоящее паденіе Наполеона, какъ на дѣло конченное. Когда союзники вступили въ Парижъ, временное французское правительство вступило въ продолженіе переговоровъ, начатыхъ Наполеономъ; князь Таллеранъ взялся продолжать политическіе вопросы съ той точки, до которой довелъ ихъ Коленкуръ въ Шатильонѣ и въ Бонди, главной квартирѣ Императора Александра. Такимъ образомъ Таллеранъ подписалъ конвенцію двадцать-третьяго Апрѣля, какъ дѣло уже принятое и конченное Коленкуромъ. Въ Парижѣ переговоры о мирѣ продолжались между княземъ Таллераномъ, княземъ Меттернихомъ, графомъ Нессельродомъ, барономъ Гарденбергомъ и лордомъ Кастльри, подъ главнымъ управленіемъ Императора Александра. Положеніе, принятое Русскимъ Царемъ въ столицѣ Французовъ, возбудило зависть въ кабинетахъ другихъ державъ: великодушныя чувствованія, которыя Александръ обнаруживалъ во всемъ, въ словахъ и дѣлахъ, пріобрѣли ему общую признательность; сенатъ повергся къ его ногамъ; всѣ классы народа прибѣгали къ нему, какъ къ спасителю общественной свободы; празднества и громкія изъявленія радости и любви относились къ нему одному. Конецъ Апрѣля и начало Мая прошли въ переговорахъ. Первый вопросъ касался границъ Франціи. Еще до паденія Наполеона, послѣднія ноты Коленкура дѣлали огромныя уступки для полученія мира: въ Дулеванѣ, въ Бонди, полномочный Наполеона принялъ Францію въ старыхъ границахъ, уступивъ Мецъ, Страсбургъ и Тіонвиль, и согласился на денежное вознагражденіе Пруссіи и Германіи. Перваго Апрѣля императоръ согласился даже на предложеніе о регентствѣ. Въ Шатильонѣ Коленкуръ былъ поставленъ въ положеніе еще болѣе униженное: отвергнутый

отъ конференцій союзниковъ, онъ долженъ былъ принимать условія какъ побѣжденный и не имѣлъ права сдѣлать ни малѣйшаго возраженія. Но Парижъ взяли, Бурбоны возвратились и, что всего замѣчательнѣе, дѣла отъ этого приняли другой оборотъ. Союзники объявили, что по причинѣ возстановленія порядка и прочности государственнаго состава, къ которому приводитъ возвращеніе старой династїи, Франція будутъ предложены болѣе выгодныя условія. Таллеранъ занялъ независимое положеніе; его слава и проницательность доставили ему прелюбопытное мѣсто и уваженіе. Онъ успѣлъ возвратить Франціи утраченный вѣсъ, и съ этой минуты вопросъ о границахъ получилъ совсѣмъ иной видъ. Ей назначали тѣ границы, которыя существовали перваго Января 1792 года, предоставляли полутора милліонами подданныхъ болѣе противу условій, предложенныхъ Наполеону, и избавляли ее отъ всякой военной контрибуціи. Это было возстановленіе европейское въ обширномъ смыслѣ слова.

Между-тѣмъ какъ европейскіе дипломаты дѣлили обломки французской имперїи и заводили новый порядокъ въ политической и военной системѣ, Наполеонъ оставилъ Фонтенблo, дворецъ, въ которомъ подписалъ свое отреченіе. Прощаніе его съ гвардіею на этомъ знаменитомъ въ исторїи дворѣ произвело живое впечатлѣніе даже на иностранныхъ комиссаровъ, графа Шувалова, полковника Кембля, генераловъ Коллера и Вальдебурга: благородную душу и доброе сердце не могло не тронуть это прощаніе стараго вождя съ товарищами военныхъ трудовъ и славы; Цезарь, оставленный счастьемъ, въ послѣдній разъ обнималъ свои легіоны. Инструкціи иностранныхъ правительствъ были точныя: «Наполеону слѣдовало оказывать все уваженіе, должное монарху, и предоставить полную свободу въ назначеніи себѣ маршрута, комиссары были приставлены не для надзора: императоръ не считался узникомъ; за нимъ слѣдовали

только для предохраненія его отъ народной реакціи и отъ мщенія партій.»

По-этому, предосторожности, принятыя комиссарами союзныхъ державъ, были весьма необходимы при взволнованномъ состояніи умовъ, со времени паденія Наполеона. Всѣ политическіе перевороты имѣютъ характеръ дикій; притомъ, въ свѣтъ менѣе всего уважается несчастіе; Французы же вообще либо боготворятъ, либо преслѣдуютъ: середины они не знаютъ. Со времени паденія императора они успѣли написать на него тысячи памфлетовъ.

Эти брошюры и листки, наполненыя ругательствами и задорными мнѣніями разныхъ партій, чрезвычайно воспламенили и взволновали умы въ массѣ народа. Хотя нѣкоторыя провинціи и остались вѣрными своему императору, хотя немногіе преданные чиновники и умѣли сохранить въ толпѣ уваженіе къ несчастію навшаго величія, зато однако жъ другіе, оскорбленные конскрипціями и «соединенными податями», *droits réunis*, — какъ назывались косвенные налоги на вино, водку, соль, табакъ, порохъ и прочее, соединенные въ одинъ общій сборъ, — были сильно озлоблены при видѣ того, кого почитали своимъ притѣснителемъ и виновникомъ бѣдствій десяти-лѣтней войны. Спокойные жители центра Франціи безъ сомнѣнія не пытались ни на какое кровавое дѣло; они оставались равнодушными, молчали; нѣкоторые даже оказывали любовь къ императору. Но по мѣрѣ приближенія къ югу, расположеніе умовъ видимо измѣнялось: тамъ, подъ звынымъ солнцемъ, готовились тайные ковы, повѣствованіе которыхъ заставлятъ потомство трепетать отъ ужаса. Объ этомъ враждебномъ духѣ и расположеніи народа, въ провинціяхъ за-лоарскихъ, свидѣтельствуетъ переписка комиссаровъ: убить Наполеона казалось нѣкоторымъ изувѣрамъ дѣломъ справедливымъ и естественнымъ; въ ихъ глазахъ онъ былъ глушной тиранъ, и они такъ

свыклись съ этими мыслями, что даже утверждали, будто-бы временное правительство само назначило ножъ и руку, для исполненія убійства. Коммиссары принуждены были удвоить бдительность, чтобы исполнить свое порученіе, проводить Наполеона до Острова Эльбы.

Въ полдень, двадцатаго Апрѣля, кареты выѣхали со двора Фонтенблo; до Монтагри доѣхали въ нѣсколько часовъ на собственныхъ лошадяхъ Наполеона. Отъ Монтагри на всѣхъ станціяхъ уже были приготовлены лошади. Каретъ было шесть; для нихъ требовалось по-крайней-мѣрѣ пятьдесятъ лошадей. Въ Монтагри стояли два или три эскадрона кавалеріи. Наполеонъ, не выходя изъ кареты, собралъ ихъ вокругъ себя и сказалъ нѣсколько словъ въ своемъ обыкновенномъ повелительномъ и дружескомъ тонѣ, — какъ бывало въ походахъ, — благодарилъ ихъ за службу и, сожалѣя о своемъ несостояніи вознаградить, обѣщалъ хранить въ душѣ память объ нихъ. Солдаты были глубоко тронуты, крупныя слезы текли по ихъ загорѣлымъ щекамъ и падали въ прокуренные порохомъ усы. Наполеонъ, самъ встревоженный, поспѣшно далъ почтальону знакъ ѣхать, и, внутренно страдая, нѣсколько разъ повторялъ: «Прощайте, ребята! прощайте, ребята!» Возвращаясь въ Монтагри многіе офицеры изломали свои шпаги и подали въ отставку.

Нѣсколько часовъ спустя, императоръ былъ въ Бриарѣ. Ночь онъ провелъ на постояломъ дворѣ, спалъ крѣпко, и на утро, успокоившись, почти совершенно равнодушный къ дѣламъ общественнымъ, пригласилъ полковника Кембля къ завтраку. Наполеонъ хотя былъ непримиримый врагъ Англіи, однако жъ любилъ гордый, мужественный характеръ ея офицеровъ. Онъ много говорилъ съ Кемблемъ о Веллингтонѣ, спрашивалъ объ его нравѣ, привычкахъ, о военномъ искусствѣ, объ обращеніи съ солдатами, и при каждомъ отвѣтѣ восклицалъ: «Это по моему! Я желалъ бы съ нимъ встрѣ-

тяться.» И дѣйствительно, они встрѣтились, пятнадцать мѣсяцевъ спустя, при Ватерлоо.

Къ вечеру Наполеонъ прибылъ въ Неверъ. Вездѣ онъ призывалъ чиновниковъ и разспрашивалъ ихъ, какъ настоящій государь. Тонъ властителя былъ неотъемлемою его принадлежностью; сами комиссары исполняли его приказанія. До-сихъ-поръ народъ встрѣчалъ Наполеона почтительно; въ проѣздъ его жители Невера сняли принятую бѣлую кокарду: это былъ долгъ къ бывшему государю. Пятьдесятъ гусаровъ, которые составляли его караулъ въ этомъ городѣ, провожали своего императора нѣсколько верстъ; на всѣхъ гауптвахтахъ отдавали ему честь съ барабаннымъ боемъ. Но въ Муленѣ уже былъ ощутителенъ духъ антиимпериалистовъ; Бурбоннѣ былъ населенъ семействами, преданными реставраціи. Этотъ городъ поспѣшно проѣхали и прибыли къ ужину въ Сальваньи, послѣднюю станцію до Ліона, а въ одиннадцать часовъ ночи въ самый Ліонъ. Изъ предосторожности, остановились не въ городѣ, но въ предмѣстїи. Кареты быстро проѣхали черезъ Гильотіерскій мостъ, и въ это время нѣсколько человекъ изъ толпы закричали: *Vive l'empereur!* «Да здравствуетъ императоръ!» Ліонъ почти весь былъ населенъ бонапартистами.

Въ воскресенье, двадцать-четвертаго Апрѣля, экипажи быстро катились по валансской дорогѣ, когда императоръ замѣтилъ курьера, въ французскомъ мундирѣ. Онъ приказалъ остановить его, и спросилъ: откуда, зачѣмъ? Курьеръ отвѣчалъ, что онъ передовой маршала Ожеро. «Воротись же, сказалъ, Наполеонъ, и скажи маршалу, что я хочу съ нимъ повидаться.» Десять минутъ спустя, экипажи повстрѣчались. Императоръ и маршалъ, старые товарищи по италіанской арміи, тотчасъ вышли. Наполеонъ, снявъ шляпу, ласково приветствовалъ давнишняго друга, взялъ его подъ руку, и оба пошли впередъ по дорогѣ; они разговаривали око-

ло часу. «Куда ты идешь? въ Парижъ, ко двору, вѣроятно?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ Ожеро, теперь, покуда, въ Лионъ.» — «Я читалъ твою прокламацію, прибавилъ императоръ, она плоска; Людовикъ по ней будетъ судить объ тебѣ.» — «Не я ее писалъ, отвѣчалъ Ожеро: мнѣ прислали ее изъ лионской управы, и я подписалъ. Впрочемъ, кто жъ виноватъ, что ты упалъ? не твое ли ненасытное честолюбіе? Въ этой прокламаціи есть одна истина, — что ты не умѣлъ умереть по-солдатски, — ты велъ себя какъ.....» И грубость выраженія республиканца привела всѣхъ присутствовавшихъ въ негодованіе. Но Наполеонъ терпѣливо перенесъ оскорбленіе отъ бывшаго товарища и только сказалъ: «Пооди, я не сержусь на тебя.» Ожеро, другъ Фушѣ, старшій якобинецъ, относился въ то время объ Наполеонѣ, какъ всѣ французскіе республиканцы, неуважительно, съ гнѣвомъ и презрѣніемъ.

Начиная съ Валанса, подъ южнымъ небомъ, среди народа раздражительнаго, съ горячею кровью, съ сильными страстями, общественное мнѣніе принимало уже рѣшительно враждебное выраженіе. Тамъ безпрестанно слышались крики: «Долой тирана! долой Корсиканца!» Имя Наполеона было предметомъ поруганія для толпы, которая очевидно казалась готовою на самое страшное дѣло: по первому знаку, чернь утопила бы Наполеона въ волнахъ быстрой Роны. На разсвѣтѣ путешественники увидѣли стѣны Авиньона. Жители ужъ дожидались Бонапарта и, во время перемѣны лошадей, буйная толпа обступила экипажъ. Нѣсколько дюжихъ мужиковъ, съ загорѣлыми звѣрскими лицами, застучали и замахали саблями: они хотѣли «доковать тирана, Корсиканца.» Коммиссары въ буквальномъ смыслѣ принуждены были защищать императора. Одинъ адъютантъ заговорилъ съ народомъ, объясняя, что «Бонапартъ — подданный Людовика XVIII, и находится подъ покровительствомъ короля и всѣхъ союзныхъ

монарховъ, которые, за причиненное ему оскорбленіе будутъ мстить какъ за свое собственное.» Остальныя между-тѣмъ воспользовались минутнымъ спокойствіемъ, ударили по лошадямъ и во всю прыть усаkali за городъ. Въ Оргонѣ были подобныя же сцены и еще опаснѣе. Чернь была въ такомъ изступленіи, что за немѣннѣемъ самаго Бонапарта, сдѣлала чучелу, забрызганную кровью и грязью, и рвала ее на части въ то самое время, когда экипажи императора въѣзжали въ городъ. Его самого въ минуту окружили, осыпали ругательствами; растрепанныя женщины кричали ему въ лицо: «Разбойникъ! отдай намъ дѣтей! Мы вырвемъ твои внутренности, зато, что ты мучилъ насъ!» Коммиссары снова усиленно заступились за Бонапарта; ничто не помогло: толпа отгѣснила ихъ и овладѣла экипажемъ; изступленныя сорвали орденъ Почетнаго Легіона съ благородной груди его славнаго основателя; Наполеону плевали въ глаза. «Мошенникъ, кричи же — да здравствуетъ король!» повторяло собраніе черни. Со всѣхъ сторонъ летѣли камни; карету почти совсѣмъ разбили. Тутъ явился графъ Шуваловъ, въ русскомъ мундирѣ. Толпа разступилась. «Не стыдно ли вамъ, вскричалъ графъ съ благороднымъ гнѣвомъ, не стыдно ли оскорблять человѣка, который былъ властелиномъ міра, оскорблять потому, что онъ, какъ вы думаете, въ вашей власти? Прочь!»

Оставляя Оргонъ, Наполеонъ казался сильно встревоженнымъ. Онъ видѣлъ смерть въ тысячѣ сраженій и остался невредимъ. Неужели ему суждено погибнуть подъ палками провансальскихъ мужиковъ и подъ когтями остервенившихся бабъ? Онъ былъ совершенно разстроенъ. Шуваловъ представилъ ему необходимость переѣхать костюмъ, потому-что по мѣрѣ продолженія пути черезъ Провансъ, всё труднѣе становилась порука за его жизнь. Наполеонъ надѣлъ длиннополый синій сюртукъ, круглую шляпу съ широкою бѣлою кокардой,

и въ этомъ парядѣ поѣхалъ полутора верстами впередъ комиссаровъ. И къ счастью онъ такъ сдѣлалъ: въ Сентъ-Канѣ, генералъ Бертранъ, сидѣвшій одинъ въ каретѣ Наполеона, подвергся большой опасности. Его спаситольско мужество и присутствіе духа городскаго мера и господина де-Ламбера, бывшаго эмигранта, который теперь самъ при всякомъ случаѣ усердно защищалъ эмигранта-Бонапарта. Самъ Наполеонъ между-тѣмъ, подъ видомъ курьера, пріѣхалъ на грязный извозничій постоялый дворъ, называемый Калладъ (la Callade), около двухъ лье отъ Э (Aix). Его осматриваютъ, спрашиваютъ. «Я полковникъ Кембль, говоритъ онъ: я провожаю Бонапарта на Островъ Эльбу.» — «Такъ войдите, сударь, въ эту комнату; только и есть одна теперь,» говоритъ хозяйка, указывая на низменную неопрятную конуру. «Будетъ съ меня,» отвѣчалъ Бонапартъ.

Когда комиссары прибыли въ Калладъ, Наполеонъ, утомленный душою и тѣломъ, сидѣлъ поддерживая голову обѣими руками и плакалъ. Мрачныя мысли вихремъ кружились въ его больной головѣ: онъ пилъ горькую чашу. Въ такомъ положеніи онъ оставался до полупночи. Комиссары между-тѣмъ совѣщались о средствахъ къ спасенію его и уничтоженію кровавыхъ замысловъ убійцъ, которые подстерегали несчастнаго императора. Замѣтили, что Бонапартъ уже былъ узнавъ, въ своемъ сидемъ сюртукѣ и шляпѣ съ бѣлою кокардой: на каждый пяти-франковой монетѣ былъ его портретъ; сравнить не долго. По совѣту графа Шувалова, одинъ изъ русскихъ адъютантовъ нарядился въ тотъ костюмъ, подъ которымъ скрывался Наполеонъ, а самъ императоръ надѣлъ австрійскій мундиръ генерала Коллера, съ крестомъ святой Терезы, дорожную шляпу прусскаго генерала Вальдебурга и русскую шинель графа Шувалова. Переодѣвшись такимъ образомъ, всѣ вышли разомъ, тѣсною толпой, и сбѣжавшаяся чернь не могла узнать того, котораго столько ненавидѣла.

Тутъ подоспѣли жандармы, которыхъ эскій меръ при-
слалъ на помощь комиссарамъ. Они съ трудомъ разо-
гнали буйное скопище, которое добиралось до корси-
канскаго людоѣда, какъ называли здѣсь Бонапарта.
Семейство Изоаръ, хотя откровенно преданное королю,
однако жъ будучи съ давнихъ поръ въ дружбѣ съ до-
момъ Бонапарта, предлагало ему у себя убѣжище отъ
опасности. Онъ отказался.

Ушедши отъ убійцъ Каллада, Наполеонъ тайно при-
былъ въ маленькій уединенный замокъ или, лучше ска-
зать, загородный домъ, называемый Буйльду, въ ко-
торомъ жила Полина Боргезе. Она любила Провансъ,
его сухую, бесплодную, почву; она тутъ вспоминала
тѣ годы, когда, бывало, живя въ Марсели, бѣдною
дѣвушкой, играла съ пескомъ и раковинами на берегу
моря и бродила среди холмовъ, поросшихъ душистыми
тминомъ. Тутъ Бонапартъ отдохнулъ; онъ любилъ По-
лину, свою добрую сестру, и излилъ горестныя думы
въ ея благородную, чувствительную и преданную душу.
Онъ разсказалъ ей объ опасностяхъ которымъ подвер-
гался, и Полина уже не хотѣла разстаться съ братомъ;
они вмѣстѣ отправились въ Фрежюсъ. Эту дорогу про-
ѣхали безпрепятственно, черезъ селенія Сень-Макси-
минъ, Бриньоль, Люкъ, до Фрежюса, гдѣ стоялъ фре-
гатъ *l'Intrépide*, подъ англійскимъ флагомъ, назначен-
ный на проѣздъ Наполеона на Эльбу. Въ Фрежюсъ,
небольшомъ провансальскомъ селеніи, сходились двѣ
оконечности блестящаго пути, пройденнаго Наполео-
номъ: тутъ онъ вышелъ на берегъ по возвращеніи изъ
Египта, тутъ нарушилъ карантинный уставъ, чтобы
поспѣшить осмнадцатымъ Брюмеромъ, тутъ же онъ
оставлялъ Францію, которая его покинула, изгнала.

l'Intrépide былъ одинъ изъ тѣхъ англійскихъ кора-
блей, которые гдѣ четырнадцать не подходили къ бе-
регамъ европейскимъ; имъ командовалъ капитанъ Ушеръ.
Въ инструкціи лорда Кастльри значилось, что «Бона-

партъ долженъ быть принятъ какъ государь», и этотъ пунктъ былъ исполненъ въ точности: троекратное «ура» привѣтствовало императора, и, по приказанію полковника Кембля, фрегатъ поднялъ якорь, распустилъ паруса и пошелъ по направленію къ Эльбѣ. По словамъ капитана Ушера, Наполеонъ относился очень лестно объ англійскомъ флотѣ; онъ признавалъ храбрость французскихъ моряковъ, но особенно удивлялся точности Англичанъ въ маневрахъ, порядку, исправности на кораблѣ и строгой дисциплинѣ, которая дѣлаетъ cadaго англійскаго матроса дѣятельною, искусною и быстро-движною машиною.

Въ непродолжительный переѣздъ отъ Фрежюса до Эльбы, Наполеонъ былъ очень снисходителенъ, разговорчивъ и ласковъ съ экипажемъ; онъ, казалось, совершенно покорился своей судьбѣ, судилъ о людяхъ и настоящемъ времени такъ, какъ должны судить потомки. Въ виду Альповъ, гдѣ началось, въ юные годы, его блистательное поприще, лицо его вспыхнуло румянцемъ; это было воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ. По временамъ онъ разсуждалъ о причинахъ, приготовившихъ его паденіе, и тутъ у него вырывались слова укоризненныя, ѣдкія, противъ Франціи и характера Французовъ. Англичанъ онъ хвалилъ. Онъ говорилъ, что «не имѣетъ уже никакого честолюбія, что удаляется въ удивленіе съ тѣмъ, чтобы описать дѣла, которыя совершилъ во время своего консульства и царствования. Бурбонамъ довольно хлопотъ; онъ не станетъ ихъ беспокоить; онъ говорилъ, что имъ году не поцарствовать надъ этимъ легкомысленнымъ и прихотливымъ народомъ, который онъ такъ хорошо изучилъ.

Въ бесѣдѣ время проходило скоро; Наполеонъ любилъ говорить обо всемъ и про все. Коммиссары, прусскій и русскій распрощались съ нимъ въ Фрежюсѣ, и у него остались только генералъ Коллеръ, полковникъ Кембль, нѣсколько адъютантовъ и капитанъ Ушеръ, который го-

ворилъ очень хорошо по-французски. Наполеонъ любилъ съ нимъ разговаривать. Однажды онъ замѣтилъ вдали корабль и сказалъ капитану: «Велите ему подойти, осмотрите его.» И капитанъ Ушеръ отвѣчалъ смѣясь: «Такъ вы уничтожаете свой указъ противъ права осматривать нейтральныхъ?» Третьяго Мая показался Островъ Эльба. Наполеонъ взялъ зрительную трубку, чтобы взглянуть на клочекъ земли, долженствовавшій отнынѣ служить ему единственнымъ владѣніемъ, ему, который владѣлъ полміромъ. Въ Фонтенблѣ уже, по отреченіи, онъ на картѣ изучилъ положеніе Эльбы и статистику Тосканы; онъ все отиѣтилъ и перечертилъ, каждую бухту, каждый уголокъ земли; географическія изслѣдованія были его любимымъ занятіемъ, — онъ столько видѣлъ и столько изучалъ полей битвъ. Наполеонъ, будучи на кораблѣ, уже зналъ Островъ Эльбу такъ хорошо, какъ-будто жилъ года два въ Порто-Ферраіо. Онъ смотрѣлъ на него только для того, чтобы повѣрить сдѣланныя замѣтки, узнать берега и горы; онъ разспрашивалъ людей изъ экипажа, бывавшихъ на этомъ островѣ, между-тѣмъ какъ фрегатъ на всѣхъ парусахъ подходилъ къ гавани Порто-Ферраіо.

Наполеонъ, въ нетерпѣніи, сѣлъ въ шлюбку, чтобы осмотрѣть на берегу небольшой загородный домъ, который прельстилъ его еще издали. На другой день, четвертаго Мая, онъ вступилъ въ свою маленькую столицу, мѣстные чиновники проводили его въ соборную церковь, гдѣ новаго государя привѣтствовалъ обыкновенный молебень. Со стороны эта торжественность казалась довольно смѣшною: странно было видѣть, что Наполеонъ, бывшій императоръ Франціи, король Италіи, покоритель столькихъ государствъ, могъ имѣть притязанія на мишурныя почести театральнаго царька Острова Эльбы. Но таковъ ужъ былъ его характеръ. Въ тотъ же день онъ поселился во дворцѣ порто-ферраіоскомъ и поспѣшилъ осмотрѣть свои владѣнія. Границы

были не обширны: онъ уже видѣлъ ихъ съ палубы фрегата. Островъ Эльба имѣетъ не болѣе пятнадцати лье (шестьдесятъ верстъ) въ окружности. Онъ гористъ, растительность богатая, какъ во всей Италіи. Видъ его довольно привлекательный, романтический, воздухъ превосходный, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся соляныя болота, — главный источникъ доходовъ острова. Это убѣжище казалось тѣснымъ, но для государя-философа оно было достаточно, и Наполеонъ могъ найти здѣсь, въ спокойномъ уединеніи, то счастье, котораго напрасно искалъ на поляхъ сраженій, съ имперскою короною на головѣ. Онъ совершилъ довольно великихъ дѣлъ, и могъ теперь заняться описаніемъ своей жизни.

Вскорѣ прибылъ «священный батальонъ», долженствовавшій составлять гвардію Наполеона на Островѣ Эльбѣ. Онъ былъ не многочисленъ: союзныя державы назначили только четыреста человѣкъ. Присутствіе иностранныхъ комиссаровъ стало уже не нужнымъ, и Наполеонъ по-царски отпустилъ генерала Коллера и капитана Ушера. Онъ, казалось, едва занимался своею гвардіей, старыми заслуженными солдатами, которые захотѣли докончить дни подъ орлами своего любимаго полководца и послѣдовали за нимъ на уединенный островъ; онъ совершенно погрузился въ занятія сельскимъ хозяйствомъ и устройствомъ дорогъ. Питалъ ли онъ тогда уже надежду возвратить себѣ Францію? На это нѣтъ доказательствъ. Но въ душѣ Наполеона были тысячи тайныхъ складокъ; его предпримчивый духъ не могъ остаться въ совершенномъ бездѣйствіи.

Бурбоны пришли во Францію послѣ царствованія, которое встревожило міръ своимъ величіемъ и паденіемъ. Нѣтъ ничего труднѣе какъ привести въ порядокъ и правильную систему такую страну, которая долгое время была сильно возмущаема. Бурбонамъ предстоялъ огромный трудъ. Духъ народа былъ утомленъ, миръ становился его первою потребностію, онъ хотѣлъ отдохнуть.

послѣ продолжительныхъ смуть военныхъ. Но эта потребность спокойствія, касавшаяся по преимуществу выгодъ существенныхъ, не мѣшала дѣйствию честолюбиваго воображенія, которое сожало о быломъ, безпрерывно припоминая славу обширной французской имперіи, простиравшей свои границы отъ Гамбурга до береговъ Каттаро. Конечно, не Бурбоны уронили эту имперію: какое вліяніе могли они произвести на созданіе Наполеона? Это созданіе погисло подъ собственною своею тяжестію, отъ своего ненасытнаго духа завоеваній. Но возстановленная династія была виновата въ томъ, что воротилась вмѣстѣ съ униженіемъ своего отечества. Народъ не разбиралъ того, что Бурбоны пришли какъ возстановители порядка, какъ примирители Франціи съ Европою и цѣлымъ свѣтомъ: ему, напротивъ, эта династія казалась созданіемъ и даромъ иноземной сокрушающей силы, съ которою она пришла. Умы простые, не далекіе, легко смѣшиваютъ два современныхъ происшествія и приводятъ ихъ къ одному началу, къ одной причинѣ. Былъ еще многочисленный классъ, встревоженный, испуганный, возвращеніемъ династіи. Это были пріобрѣтатели имѣній эмигрантовъ, (*acquereurs de biens nationaux*), которые опасались, что съ возвращеніемъ Бурбоновъ, и, слѣдовательно эмигрантовъ, они подвергнутся опасности потерять земли и имѣнія, находившіяся доселѣ въ ихъ владѣніи. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ реставраціи уже скрывался зародышъ революціи «Ста дней». Потомъ, когда Людовикъ XVIII вступилъ на престолъ, войско, — старая наполеоновская армія, приученная своимъ великимъ полководцемъ къ дѣятельной военной жизни, къ славнымъ походамъ и почестямъ, — было оскорблено недовѣріемъ новаго монарха, который удалилъ его изъ столицы и набралъ себѣ новую гвардію. Кромѣ того, партіи, издавна раздиравшія Францію, при возстановленіи Бурбоновъ и примиреніи съ Европою, конечно, не примирились между собою:

они только на минуту рѣшились дѣйствовать согласно, чтобы низвергнуть Наполеона, который мѣшалъ имъ всѣмъ, и, какъ скоро это было сдѣлано, опять возстали другъ противъ друга съ новою силою, — роялисты противъ республиканцевъ, республиканцы противъ бонапартистовъ, бонапартисты противъ всѣхъ, — не считая множества другихъ шаекъ и котерій: въ то время было столько политическихъ партій, что и не перечтешь: каждый сапожникъ носился со своею утопией, придумывалъ свои новыя формы правленія.

Между-тѣмъ, въ Вѣнѣ, собрались всѣ монархи Европы, министры, и все, что было въ дипломатическомъ обществѣ самаго изящнаго и знатнаго. Всѣ собрались въ столицу, чтобы провести восхитительную зиму среди забавъ. Государя оказывали другъ другу самую откровенную пріязнь, ходили рука-объ-руку, и между тѣмъ рѣшали важнѣйшіе политическіе вопросы; утромъ занимались дѣлами, вечеръ проводили въ удовольствіяхъ и шумномъ разсѣяніи. Конгрессъ собрался подъ предсѣдательствомъ князя Меттерниха: союзники сочли нужнымъ оказать это уваженіе Австріи и министру, который такъ искусно велъ дѣла Европы. Но Императоръ Александръ былъ истиннымъ царемъ конгресса: его челоуѣколюбіе, великодушіе, высокое благородство, украшенныя непритворнымъ доброжелательствомъ, пріятностію и вѣжливостію обхожденія, приобрѣли ему въ Вѣнѣ, какъ и вездѣ, всеобщее уваженіе и любовь народа. Францискъ II, столь скромный въ обращеніи и привычкахъ, былъ почти вовсе не замѣтенъ въ своей столицѣ; великолѣпная императрица австрійская принимала иноземныхъ государей съ свойственною ей благородною ловкостію. Фридрихъ Вильгельмъ не покидалъ траура, надѣтаго со смерти королевы Луизы; онъ только и думалъ о своей прекрасной супругѣ, и чело его не прояснилось отъ печали со времени горькой утраты.

Въ Вѣну, въ ту пору, собралась вся Европа: государи всѣхъ важнѣйшихъ державъ, тысячи князей, посланники, министры, государственные люди всѣхъ разрядовъ.

Однако жъ конгрессъ шелъ своимъ чередомъ, и Наполеонъ, со своего маленькаго острова, орлинымъ взоромъ слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями, за всѣми распоряженіями новаго французскаго правительства и за положеніемъ партій. Онъ хотя показывалъ видъ, будто совершенно отказался отъ прежнихъ притязаній и участія въ дѣлахъ Европы, будто исключительно занимается только улучшеніями своей новой столицы, учрежденіемъ дорогъ, убранствомъ своего дворца, улучшеніемъ участи своихъ новыхъ подданныхъ, однако жъ не терялъ изъ виду и Франціи. Сношенія съ Эльбою были совершенно свободны; путешественники со всѣхъ концевъ свѣта стекались въ Космополисъ, какъ Наполеонъ назвалъ Порто-Ферраіо; французскіе офицеры, во множествѣ, подавали въ отставку и добивались чести служить у Наполеона или, по-крайней-мѣрѣ, жить вблизи своего бывшаго императора, такъ, что его гвардія, изъ четырехъ-сотъ человѣкъ, вскорѣ возрасла до тысячи-двухъ-сотъ. Наполеонъ почти при всѣхъ дворахъ, вездѣ гдѣ нужно, имѣлъ своихъ тайныхъ агентовъ, которые сообщали ему потребныя свѣдѣнія; самъ онъ внимательно читалъ около сотни журналовъ и газетъ, зналъ все, что дѣлалось въ Европѣ и ждалъ только удобной минуты.

Минута эта настала. Онъ получилъ два извѣстія, одно изъ Парижа, другое изъ Вѣны. Изъ Парижа ему писали, чтобы онъ снѣшилъ возвратиться, если не хочетъ со стороны видѣть переворота, который совершится и безъ него. Противъ Людовика XVIII былъ составленъ заговоръ; армія была на сторонѣ революціонеровъ; если Наполеона не будетъ въ Парижѣ, то дѣло обратится въ пользу кого-нибудь другаго, Бернадота, Евгенія Богарнѣ, герцога Орлеанскаго, или кого-бы то ни было. Имя

императора было дорого солдатамъ, но ему слѣдовало поторопиться, если онъ не хотѣлъ, чтобы другой не занялъ его мѣста. Изъ Вѣны извѣщали, что на конгрессѣ было рѣшено удалить его съ Эльбы и перевести на Островъ Святой Елены или еще дальше; также о несогласіи кабинетовъ и вѣроятности новой войны. Агенты совѣтовали ему дѣйствовать рѣшительно и скоро, потому-что въ Вѣнѣ наблюдать за нимъ некому: всѣ слишкомъ заняты собственными дѣлами, а ему стоитъ лишь вооружиться и побѣда будетъ вѣрная. Благіе совѣтники ошиблись только въ одномъ: они не разсчитали, что съ возвращеніемъ Наполеона во Францію всякое разногласіе союзниковъ устранится, и всѣ за одно возстанутъ противъ общаго врага.

Начало Февраля прошло на Эльбѣ въ соображеніяхъ и приготовленіяхъ къ чудесной экспедиціи, задуманной императоромъ. Триста гренадеровъ заранѣе были уже посланы во Францію, съ тѣмъ, чтобы приготовить солдатъ къ возвращенію Наполеона; оружіе было куплено въ Ливорно; гонцы изъ Тосканы, Рима и Неаполя пріѣзжали и уѣзжали. Весь Порто-Ферраіо зналъ, что Наполеонъ отправляется, но куда? зачѣмъ? это еще оставалось тайною. Наконецъ, двадцать-шестаго Февраля, войско эльбское получило приказаніе готовиться въ походъ; въ приказѣ больше ничего не объяснялось; капитанъ брига l'Inconstant также получилъ пакетъ съ предписаніемъ распечатать его въ морѣ; никто, ни офицеры, ни солдаты, не знали своего назначенія. Войско собралось въ три часа на набережной Порто-Ферраіо, подъ командою генераловъ Друо, Камбронна и Бертрана. Оно состояло изъ четырехъ-сотъ гренадеровъ гвардіи, сохранившихъ старыи мундиръ великой арміи; трехъ-сотъ пѣхотинцевъ изъ всѣхъ полковъ; около сотни корсиканскихъ егерей, набранныхъ тайно; двухъ-сотъ фланкеровъ, бѣльшею частію набранныхъ изъ жителей Острова Эльбы, и сотни польскихъ улановъ, — всего около

1100 человекъ, смѣлыхъ, предприимчивыхъ, которые всѣ, отправляясь въ этотъ походъ, жертвовали своею жизнью, шли на смерть. Императоръ, со своими четырьмя—стами гренадерами, сѣлъ на бригъ *l'Inconstant*; другіе помѣстились на прочихъ судахъ, сопровождавшихъ военный бригъ подъ императорскимъ флагомъ. Жителямъ Наполеонъ велѣлъ сказать, что онъ идетъ къ африканскимъ берегамъ, уничтожить пиратовъ, которые съ незапамятныхъ временъ опустошали Эльбу. Посадка на суда началась въ пять часовъ и кончилась въ семь. Ночью, когда совершенно стемнѣло, пушечный выстрѣлъ подалъ знакъ къ отъѣзду, и маленькая флотилія вышла изъ Порто—Ферраіо. Въ двухъ миляхъ отъ гавани капитанъ брига, распечатавъ инструкцію, увидѣлъ, что флотиліи назначено идти въ Заливъ Жуанскій, и пошелъ по направленію къ берегамъ Прованса.

Тутъ уже нельзя было долѣе скрывать цѣли, предположенной императоромъ. «Офицеры и солдаты моей гвардіи, вскричалъ онъ, мы идемъ во Францію!»—«Да здравствуетъ императоръ!» было отвѣтомъ. Въ первую минуту всѣ были въ восторгѣ, потомъ однако жъ нѣсколько смутились, стали печальны, нерѣшительны: всѣ довѣрялись императору безусловно, однако жъ чувствовали, что опасно бросаться въ такомъ маломъ числѣ на французскій берегъ; можно было подвергнуться вѣрной гибели, испытать то же, что въ Москвѣ и Лейпцигѣ, вступивъ на берегъ посреди такого народа, который еще недавно оставилъ императора въ несчастіи. До—сихъ—поръ многіе офицеры полагали, что идутъ въ Неаполь, поддерживать дѣло Мюрата, и эта мысль представляла менѣе опасностей въ исполненіи. Наконецъ, однако жъ, совершенная довѣренность возвратилась, французскій характеръ взялъ верхъ; они оставили скучную, однообразную жизнь Острова Эльбы, гдѣ такъ много мечтали о Франціи,—и это уже что—нибудь зна-

чили; для нихъ, привыкшихъ къ войнѣ, опасность стѣла скуки, и всѣ развеселились.

Въ это время императоръ, запершись въ своей каютѣ, писалъ прокламаціи къ французскому народу и къ арміи. Эти прокламаціи, короткія, сильныя, прекрасно написанныя, должны были быть подписаны того числа, когда экспедиція вступитъ въ Заливъ Жуанскій. Предавшись своимъ горькимъ воспоминаніямъ Наполеонъ началъ прокламацію къ народу съ того, что объявилъ причиною всего несчастія Франціи измѣну Ожеро и Мармона (какъ будто была еще возможность спасти ее послѣ Москвы и Лейпцига!), потомъ припоминалъ свои подвиги, которые называлъ вѣчнымъ достояніемъ исторіи; не говорилъ ни слова о Фонтенблоскомъ отреченіи; на пребываніе на Эльбѣ смотрѣлъ какъ на добровольное уединеніе, и въ особенности напиралъ на то, что все сдѣланное безъ воли народа ничего не значитъ, и что Франціи нуженъ владыка, избранный самою ею, а не навязанный иноземною силой. Его же права и права его семейства были утверждены согласіемъ Франціи. Въ прокламаціи къ арміи онъ говорилъ гораздо проще и еще съ большею силой, — онъ говорилъ какъ съ товарищами. И тутъ онъ говорилъ объ измѣнѣ Ожеро и Мармона. Прокламація эта начинается слѣдующими словами: «Дѣти мои! мы не побѣждены! два человѣка, выстунившіе изъ рядовъ нашихъ, измѣнили нашимъ лаврамъ, своей родинѣ, своему государю и благодѣтелю!» Онъ зналъ, что солдаты ненавидѣли роялистовъ и эмигрантовъ, и старался еще больше возбудить эту ненависть. Потомъ прибавляетъ: «Солдаты, собирайтесь подъ знамена вашего полководца! Его существованіе основано на вашемъ; его выгоды, его честь, его слава — ваша же выгода, ваша честь и слава. Побѣда пойдетъ скорымъ шагомъ, и орлы наши полетятъ съ колокольных на колокольню до башенъ Нотръ-Дамскихъ.» Потомъ Наполеонъ продиктовалъ еще письма, которыя генера-

лы, офицеры и солдаты его гвардіи должны были посылать своимъ товарищамъ, по мѣрѣ своего заходженія во Францію. И тутъ такъ же слогъ самый простой и сильный, отлично приспособленный къ понятіямъ и страстямъ солдатъ: «Гренадеры Острова Эльбы, говорилъ онъ, сберегли императора и возвращаютъ его арміи.» Наполеонъ вызвалъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, у кого по-лучше почеркъ, заставилъ ихъ изготовить копіи, и въ нѣсколько часовъ было сдѣлано ихъ болѣе сотни экземпляровъ.

Плаваніе не было затруднено никакою опасностію. Только, когда обогнули Мысь Святаго Андрея, вѣтеръ стихъ и море стало спокойно; на зарѣ увидѣли, что прошли только верстъ двадцать-пять. Всѣ начали безпокоиться; нѣкоторые предлагали воротиться въ Порто-Ферраіо. Но Наполеонъ приказалъ продолжать путь, и велѣлъ, если судно слишкомъ нагружено, бросить все лишнее въ море. «Совѣтъ возвратиться на Эльбу—малодушный, говорилъ онъ: за чѣмъ возвращаться, когда Франція тутъ, на концахъ нашихъ шнагъ?» Двадцать-седьмого Февраля, въ четыре часа по полудни, на высотѣ Ливорно, показался какой-то фрегатъ, въ пяти миляхъ подъ вѣтромъ; онъ величественно шелъ въ открытое море. Потомъ, встрѣтившись съ военнымъ бригомъ «Зефиръ», который окликнулъ судно, несшее императора и его судьбу. Капитанъ Андрію, командовавшій «Зефиромъ», спросилъ, какъ поживаетъ императоръ. «Чудесно!» вскричалъ Наполеонъ самъ черезъ рупоръ. Вѣтеръ поднялся, надулъ паруса и заигралъ прозрачными, синими водами Средиземнаго Моря. Съ вечера, двадцать-девятого числа, увидѣли высокія башни Антиба; при видѣ берега раздались радостные крики: «Да здравствуетъ Франція! Да здравствуютъ Французы!» Наполеонъ приказалъ еще разъ прочесть прокламаціи и прибавилъ кое-что для солдатовъ седьмой, осьмой и девятой дивизіи, гарнизоновъ въ Ан-

тибъ, Тулонъ и Марсели. Въ эту рѣшительную минуту можно было видѣть различіе характеровъ трехъ адъютантовъ императора, связавшихъ свою судьбу съ его судьбою. Маршалъ Бертранъ игралъ своею жизнію, полный надежды и веселья; генералъ Друо былъ задумчивъ и важенъ; генералъ Камбронъ исполнялъ свои обязанности съ твердостью, но безъ энтузіазма. Наполеонъ, взявъ карту, совѣтовался съ морскими офицерами о выборѣ мѣста для высадки; общее мнѣніе было, что надобно избѣгнуть Антиба и пристать близъ Канна, чтобы оттуда идти на Грассъ, черезъ горы Прованса и Дофинё.

Перваго Марта, въ три часа по полудни, Наполеонова флотилія на всѣхъ парусахъ вошла въ Жуанскій Заливъ. Генералъ Друо немедленно высадился съ авангардомъ, чтобы посмотреть, нѣтъ ли какого препятствія. Черезъ нѣсколько минутъ императоръ также присталъ къ берегу въ шляпкѣ, которую матросы привязали къ стволу масляны, стоявшей у самой воды. Наполеонъ, всегда вѣровавшій въ фатализмъ, замѣтилъ это и, указавъ окружающимъ, сказалъ. «Вотъ добрый знакъ; это принесетъ намъ счастье.» Однако жъ экспедиція была въ большой опасности. Первая попытка завербовать себѣ сподвижниковъ на землѣ французской не удалась. Наполеонъ, еще до высадки, ообразилъ, что ему на первый случай необходимо овладѣть антибскою крѣпостью, и сдѣлать ее основаніемъ всѣхъ операций. Онъ послалъ въ укрѣпленіе отрядъ въ двадцать-пять человекъ, безъ оружія, велѣлъ имъ назваться дезертерами съ Эльбы, а между тѣмъ говорить съ солдатами гарнизона объ императорѣ и о прежней славѣ. Такимъ образомъ надѣялись взять крѣпость безъ боя, безъ выстрѣла. Не удалось. Генералъ Корсёнъ, комендантъ Антиба, провѣдавъ о высадкѣ, взялъ мнимыхъ дезертеровъ подъ стражу и приказалъ поднять подъемные мосты. Сдѣлали еще попытку, стали читать проклама-

цію подь самыми стѣнами, но генераль Корсѣнъ грозилъ стрѣлять картечью, и надобно было оставить надежду овладѣть Антибомъ. Плохо, да ворочаться было ужь поздно. Послѣ минутнаго безыкояства и нерѣшимости, Наполеонъ скомандовалъ «маршъ», и пошли на Грассъ. Земли, по которымъ предстояло итти Наполеону и его товарищамъ, на широкомъ пространствѣ представляли бесплодную и невоздѣланную пустыню; это цѣпь Альповъ, простирающихся отъ Ницы до Гренобля. Этотъ край составляетъ совершенно особенную часть Франціи; жители его принадлежать къ тому аллоброгскому племени, о которомъ упоминаетъ Цезарь; они, какъ всѣ горцы, дюжи, сильны, мужественны и любятъ свободу. Отъ Жуанскаго Залива до Гренобля нѣтъ большихъ селеній; оставивъ за собою Варъ и Грассъ, поднимаешься на Альпы черезъ Систеронъ, Гапъ, Ла-Мюръ и Визиль, до Гренобля. Эти мирныя области мало имѣють сношеній съ остальною Франціей; они платять свои подати, отдають чтò должно по конскрипціи, и только газеты дѣйствуютъ на ихъ общественное мнѣніе. Французская революція оставила тутъ глубокіе слѣды; тутъ было множество пріобрѣтателей общественныхъ имуществъ, особенно протестантовъ, потомковъ тѣхъ горцевъ, которые вели религіозныя войны въ XVI вѣкѣ. Эти горцы были такъ же пламенно привязаны къ трехцвѣтному знамени, какъ севѣнскіе; въ нихъ была къ Бурбонамъ еще старая ненависть гугенотовъ. Императоръ очень разсчетливо избралъ путь черезъ эти горы. Армію же онъ зналъ совершенно: онъ могъ испытать кой-какія неудачи, но подь конецъ долженъ былъ восторжествовать. Франція была усѣяна его лазутчиками, — не только солдатами и офицерами, но и медяками, купцами, — которые всздѣ разносили вѣсти, приготавливали умы, открывали Наполеону дорогу.

Второго марта экспедиція прибыла въ Грассъ; императоръ, ночью, остановился лишь на нѣсколько часовъ,

и опять пустился въ путь; третьяго прибылъ въ Баремъ, сдѣлавъ почти тридцать лье (120 верстъ) безъ отдыха; гренадеры слѣдовали за нимъ съ усердіемъ, достойнымъ героическихъ временъ. Между жителями встрѣтили больше удивленія чѣмъ радости. Лазутчики Наполеона увѣряли всѣхъ, что онъ идетъ не одинъ, что ему помагасть Австрія, что съ нимъ Мюратъ съ восьмидесятью-тысячами, что вѣнскій конгрессъ уже отрѣшилъ Бурбоновъ отъ престола. Они говорили съ народомъ неграмотнымъ, легковѣрнымъ, котораго убѣдить было не трудно; къ тому же Наполеонъ обѣщалъ быть отнынѣ государемъ самымъ миролюбивымъ, и объявилъ конскрипцію и соединенные налоги уничтоженными. Нѣкоторымъ обѣщали даже возвращеніе республики.

Въ Систеронѣ Наполеонъ успѣшилъ занять небольшимъ отрядомъ грозный проходъ Сосы, мостъ, висящій между горами и Дюрансомъ; десять человекъ могли тутъ остановить цѣлую армію. Когда Наполеонъ увидѣлъ, что это мѣсто свободно, онъ могъ снова повѣрить въ счастье. Каменистую дорогу отъ Систерона до Гапа ветераны прошли почти бѣгомъ: имъ нужно было вступить въ какой-нибудь городъ. Въ Гапѣ остановились на нѣсколько часовъ, приняли нужныя мѣры, напечатали прокламаціи и, говоря съ жителями Дофинѣ, съ владѣльцами имѣній принадлежавшихъ эмигрантамъ, съ горцами, приверженцами революціи, для лучшаго успѣха, замѣнили слово «Французы» словомъ «граждане», чтобы подать имъ надежду на возвращеніе республики. Но главное, почти исключительное, вниманіе Наполеона было обращено на армію; отъ нея зависѣлъ весь успѣхъ его экспедиціи. Доселѣ еще не показывался ни одинъ линейный полкъ.

Полковникъ Лабедоіеръ, молодой человекъ, пылкій, восторженный, принадлежалъ къ хорошей чиновной фамиліи, известной подъ именемъ Гюшѣ-де-Лабедоіеръ; команду баталіономъ во время возстановленія, онъ

былъ обязанъ Бурбонамъ и своимъ семейнымъ связямъ чинномъ полковника и получилъ седьмой линейный полкъ, стоявшій гарнизономъ въ Шамбери. Съ исхода 1814 года, полковникъ Лабедоіеръ, будучи усерднымъ почителемъ гостиниою герцогини Сень — Лёской, вступилъ въ сношенія съ Наполеономъ. Онъ-то долженъ былъ подать знакъ къ возстанію за Бонапарта. По предварительному условію, Лабедоіеръ, при первомъ извѣстіи о высадкѣ, долженъ былъ оставить Шамбери и форсированнымъ маршемъ идти на встрѣчу Наполеону; офицеры полка раздѣляли мнѣнія своего командира и это подавало надежду, что полкъ этотъ увлечетъ за собою сначала гарнизонъ гренобльскій, а потомъ всю армію. Но генералъ Маршанъ, комендантъ Гренобля, не былъ въ заговорѣ и, узнавъ о приближеніи Бонапарта, объявилъ, что будетъ защищать крѣпость въ пользу Бурбоновъ. Для этого онъ отрядилъ баталіонъ пѣхоты и артиллерійскую батарею на встрѣчу Бонапарту, а остальные силы, какія имѣлъ въ своемъ распоряженіи, собралъ въ крѣпости. Наступила рѣшительная минута. На визильской дорогѣ генералъ Камбронъ встрѣтилъ гренобльскій отрядъ, хотѣлъ съ нимъ переговаривать, но командовавшій офицеръ не допустилъ; онъ оставался вѣрнымъ своему бѣлому знамени. Камбронъ, удивленный и уstraшенный, тотчасъ отправилъ адъютанта съ донесеніемъ объ этомъ къ Наполеону. При такой недобрѣй вѣсти лицо Наполеона омрачилось, но возвратиться поздно. Нуженъ былъ смѣлый, рѣшительный, ударъ, и онъ въ ту же минуту привелъ его въ исполненіе: онъ явился передъ фронтомъ отряда, который долженъ былъ загородить ему дорогу, передъ лицомъ старѣхъ гренадеровъ, своихъ бывшихъ сподвижниковъ, въ томъ же костюмѣ какъ бывалъ на бивуакахъ аустерлицкомъ, іенскомъ и ваграмскомъ, и голосомъ, трогаящимъ душу стараго солдата, сказалъ: «Товарищи, узнали вы меня?» — «Да, ваше величество», отвѣчали солдаты. — «Узнали

вы меня, дѣти?» продолжалъ онъ: «я вашъ императоръ. Стрѣляйте же въ меня, если смѣете; стрѣляйте въ вашего отца; вотъ моя грудь». Солдаты не выдержали, бросились къ ногамъ своего императора и полководца; какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла у всѣхъ явились трехцвѣтныя кокарды, знамя и имперскіе орлы: у большей части солдатъ эти знаки хранились въ киверахъ, и въ эту минуту съ торжествомъ явились смѣнить отличія арміи Бурбоновъ. Отрядъ, посланный для отраженія Бонапарта, сталъ въ его ряды, чтобы защищать своего императора на жизнь и смерть.

Въ то же время полковникъ Лабедоіеръ шелъ изъ Шамбери, встрѣчать Наполеона. Ничто его не останавливало, ни представленія альянтантовъ генерала Маршана, ни слова гренобльскаго префекта; презирая данныя Бурбонамъ клятвы, онъ, какъ сумасшедшій, какъ энтузіастъ-ребенокъ, летѣлъ на встрѣчу Наполеону и, съ крикомъ «Да здравствуетъ императоръ!» отдалъ честь и представилъ свой полкъ. Наполеонъ, въ радости, обнялъ, прижалъ его къ своей груди. Примѣръ подавъ; передача арміи была вѣрна. Пошли на Гренобль, Наполеонъ хотѣлъ въ тотъ же вечеръ вступить въ городъ. Тамъ партія патриотовъ и бонапартистовъ имѣла значительный перевѣсъ надъ роялистами. Генералъ Маршанъ и префектъ Фуриѐ, поклявшіеся честно защищать городъ и сохранить его Бурбонамъ, напрасно истощали усилія: въ казармахъ, на улицахъ и площадяхъ только и рѣчи было, что объ Наполеонѣ: его ждали въ тотъ же вечеръ; квартира ему была уже назначена; не пустить не было никакой возможности: гарнизонъ слушалъ увѣщанія начальника съ коварною улыбкой и готовъ былъ взбунтоваться. Приказали запереть ворота, но это ни къ чему не могло служить. Со стѣнъ, артиллеристы видѣли на визильской дорогѣ одно: Наполеона, —также бывшаго артиллериста, —и защищать Гренобль не стало возможности. Префектъ выѣхалъ изъ

города, а генералъ Маршанъ приготовился подать въ отставку.

Степнѣло, когда Наполеонъ подошелъ къ стѣнамъ Гренобля. Онъ улыбнулся, увидѣвъ ворота запертыми. «А! Маршанъ упрямится! сказалъ онъ: къ чему же это? отчего префекта и комманданта нѣтъ здѣсь?» За воротами сбѣжалась толпа энтузіастовъ; солдаты и жители переговаривались съ императоромъ. «У насъ нѣтъ ключей, говорили они: ключи у генерала Маршана; да мы ототремъ и такъ.» Наполеонъ, въ нетерпѣніи, стучалъ табакеркою въ дубовые брусья, обитые желѣзными гвоздями, какъ-будто они могли развалиться отъ этихъ ударовъ. Наконецъ пришли мастеровые съ инструментами, перепилили нѣсколько брусевъ, сняли задвижки, и ворота растворились при общемъ радостномъ крикѣ: «Да здравствуетъ императоръ!»

Утромъ, пятаго Марта, телеграфическою депешей отъ тулонскаго префекта было донесено лионскимъ властямъ о высадкѣ Бонапарта въ Жуанскомъ Заливѣ. Вторая депеша, нѣсколько подробнѣйшая, отъ тулонскаго губернатора, маршала Массены, прибавляла, что «всѣ нужныя мѣры уже приняты, и что маршалъ навѣрное надѣется схватить Бонапарта.»

Если бы люди, стоявшіе въ челѣ возстановленнаго правленія, лучше знали характеръ Бонапарта и его смѣлую ловкость, они разсудили бы, что такое предпріятіе должно быть основано на согласіи многихъ. Наполеонъ былъ не безразсудный, не сумасшедшій: всѣ планы его жизни происходили изъ одной мысли, — достигнуть власти, господства. Если онъ сдѣлалъ теперь высадку на берегъ Франціи, это значить, что онъ имѣлъ надежду на успѣхъ и основывалъ эту надежду на началахъ, составлявшихъ новое общество, на недовольныхъ новою системою, и въ особенности на войскѣ, которое никогда не могло утратить памяти о своемъ императорѣ. Это простое разсужденіе, это естественное предпо-

ложеніе, никому и въ голову не приходило; имъ пріятнѣе было думать и говорить, что «Бонапартъ сдѣлалъ глупость», бросившись какъ сумасшедшій во власть королевскаго правительства. Нѣкоторые пылкіе роялисты даже обрадовались: они поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что Бонапартъ самъ дается въ руки вѣрныхъ слугъ дома Бурбоновъ: на Эльбѣ-де ему было слишкомъ хорошо; его положеніе тамъ было невыгодно для Франціи, не надобно было оставлять ему титула императорскаго, доходовъ и свободы какъ самодержавному государю. Теперь же и это все можно отнять, и распорядиться съ нимъ полуще. Между правительственными лицами была совершеннѣйшая суета: у всякаго былъ свой проектъ, своя манія, схватить Корсиканца, убивавшаго съ Эльбы. Даже маршалъ Ней, прежній товарищъ Наполеона, хвасталъ передъ Людовикомъ XVIII что онъ «схватитъ Бонапарта и привезетъ его въ желѣзной клѣткѣ». Роялисты были въ восторгѣ отъ этой выходки; нѣсколько дней только и рѣчи было между ними, что о славномъ Ней и его желѣзной клѣткѣ. Но люди разсудительные видѣли опасность положенія; они знали, что одно свиданіе арміи съ ея бывшимъ полководцемъ и императоромъ гибельно для Бурбоновъ.

Дипломатическія несогласія на вѣнскомъ конгрессѣ, по поводу раздѣла земель были уже почти устранены; важнѣйшіе вопросы разрѣшены; оставалось только обсудить и докончить нѣкоторыя подробности. Императоръ Александръ и король прусскій ужъ простились съ Францискомъ II и хотѣли оставить Вѣну, когда пронесся слухъ о послѣднемъ отъѣздѣ Бонапарта съ Острова Эльбы, потомъ о высадкѣ его въ Заливѣ Жуанскомъ, о передачѣ Лабедоіера и занятіи Гренобля. Эта вѣсть произвела большую тревогу между союзными государями и министрами; снова начались совѣщанія, и слѣдствіемъ ихъ была, тринадцатаго Марта, торжественная декларація, отъ имени всего конгресса, кото-

рою Бонапартъ объявляетъ лишеннымъ покровительства законовъ, потому—что «онъ доказываетъ передъ лицомъ всего свѣта, что съ нимъ не можетъ быть ни мира ни согласія; онъ нарушаетъ договоръ, данное слово, и самъ подвергается общему преслѣдованію. Союзные государи должны употребить всѣ средства, чтобы миръ не былъ нарушенъ покушеніемъ, которое снова можетъ повергнуть народы въ бездну смуть; союзные государи хотя убѣждены, что Франція сама, собравшись вокругъ своего законнаго государя, можетъ уничтожить, подавить въ самомъ началѣ преступную попытку, однако жъ они готовы доставить всѣ нужныя средства и дѣйствовать за-одно съ нею противъ всѣхъ тѣхъ, кто задумаетъ возмутить миръ Европы.» Начались распоряженія и приготовленія.

Наполеонъ между-тѣмъ все шелъ дальше съ удивительною поспѣшностію. Въ Греноблѣ у него было уже шесть—тысячъ войска, артиллерійскій паркъ и нѣскольکو инженеровъ. Съ этимъ онъ могъ идти на Ліонъ, второй городъ въ государствѣ. Сдѣлавъ въ Греноблѣ большой смотръ, онъ двинулся дальше какъ-бы несомый солдатами; доселѣ онъ путешествовалъ черезъ горы верхомъ или пѣшкомъ; теперь взялъ коляску одного изъ своихъ адъютантовъ. Поселяне, предувѣдомленные лазутчиками-бонапартистами, окружали его въ каждой деревнѣ, и онъ говорилъ съ ними, ласкалъ, общалъ; на каждомъ привалѣ являлись къ нему переодѣтые солдаты, извѣщавшіе его о состояніи Ліона, о духѣ полковъ: въ казармахъ ждали только появленія орловъ. Ліонъ не могъ устоять долго. Графъ Артоаскій и герцогъ Орлеанскій только-что прибывшіе, съ тѣмъ чтобы удержать Ліонъ въ покорности Бурбонамъ, видя опасность, уѣхали. При появленіи двухъ эскадроновъ гусаровъ, Наполеонова авангарда, жители предмѣстія Гильотьеръ закричали: «Да здравствуетъ императоръ!» Войска, трепеща отъ радости, подхватили, и маршалъ Макдональдъ, по-

слѣ тщетныхъ усилій удержать Ліонъ, вида плохой оборотъ дѣла, сѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи одного адъютанта поѣхалъ въ слѣдъ за принцами, съ которыми пріѣхалъ. Наполеонъ вступилъ въ Ліонъ и, провожаемый ликующимъ народомъ и войскомъ, съ торжествомъ занялъ домъ архіепископа; онъ былъ восхищенъ; полный успѣхъ уже вѣнчалъ его предпріятіе; можно ли было послѣ этого сомнѣваться, что ормы полетятъ съ колокольни на колокольню до Нотръ-Дама? Онъ успѣшилъ издать нѣсколько прокламацій и декретовъ изъ Ліона, для того чтобы показать, что онъ тамъ, что онъ воротилъ всю власть и могущество, что онъ вторично государствуетъ во Франціи.

Въ Ліонѣ къ нему стекались со всѣхъ сторонъ многочисленные лазутчики, которые увѣдомляли его о духѣ столицы и провинцій. Французы не хотѣли больше завоеваній; война пугала ихъ; партія патріотовъ болѣе всего страшилась честолюбія Наполеонова. Бурбоны приучили народъ къ свободѣ, представительныя формы уже начинали укореняться. Надобно было уступить по крайней мѣрѣ столько, сколько уступалъ Людовикъ XVIII: такъ хотѣли патріоты, и Бонапартъ могъ царствовать только посредствомъ ихъ; они хотѣли свободной и національной конституціи, и Наполеонъ прежде всего долженъ былъ признать и объявить эту конституцію.

Наполеонъ такъ и дѣйствовалъ. Съ самаго прибрѣтія въ Ліонъ онъ старался придать всѣмъ своимъ распоряженіямъ тотъ характеръ, какого требовали патріоты, а между-тѣмъ поступалъ во всемъ по своему собственному благоусмотрѣнію, какъ полный властелинъ и государь. Онъ распустилъ палаты перовъ и депутатовъ, и наконецъ назначилъ «майское поле» для собранія избирателей всѣхъ департаментовъ имперіи. На майскомъ полѣ будетъ окончательно установлена конституція, тамъ же депутаты будутъ присутствовать при коронаціи императрицы и ея сына, короля римскаго. Наполеонъ все

хотѣлъ дать себѣ видѣ, будто онъ въ добромъ согласіи съ Австріею, приходитъ съ миромъ.

Наполеонъ быстрыми переходами приближался къ Парижу. Въ Макопѣ одинъ изъ чиновниковъ мера говорилъ ему рѣчь, и, когда она была кончена, императоръ спросилъ: «Такъ васъ очень удивила вѣсть о моей высадкѣ?» — «Да, чортъ возьми, отвѣчалъ ораторъ, когда я узналъ объ этомъ, я всѣмъ говорилъ: этотъ человѣкъ, должно-быть, сумасшедшій; ему не уйти.» Наполеонъ разсмѣялся. «Я знаю, говорилъ онъ, вы всѣ немножко пугливы; вы мнѣ доказали это въ послѣднюю кампанію. Вамъ бы слѣдовало вести себя подобно Шалонцамъ, вы не поддержали чести Бургонцевъ.»

Въ Оксерѣ Наполеонъ остановился уже прямо въ префектурѣ. Тамонній префектъ, господинъ Гамб, родственникъ маршала Ней, первый подалъ примѣръ официальнымъ принятіемъ императора. На радостяхъ, онъ великолѣпно украсилъ комнаты и развѣсилъ въ нихъ портреты императрицы и короля римскаго. Наполеонъ вечеромъ принималъ у себя, какъ бывало, при своемъ дворѣ въ Парижѣ. Наконецъ, по приглашенію генерала Бертрана, явился и маршалъ Ней, тотъ, кто обѣщалъ Людовику XVIII привезти Наполеона въ желѣзной клѣткѣ. Прокламаціи вскружили ему голову, лазутчики и приверженцы Наполеона довершили его убѣжденія, и онъ явился къ своему императору съ повинною. Наполеонъ обласкалъ его и привѣтствовалъ лъстивымъ прозвищемъ «храбраго изъ храбрыхъ». Маршалъ разсыпался въ объясненіяхъ и старался извинить свои слабыя и малодушные поступки; онъ былъ многорѣчивъ, какъ обыкновенно люди попавшіе въ просакъ. Онъ дошелъ даже до того, что сказалъ Наполеону: «Если бы ваше величество не пришли прогнать Бурбоновъ, мы прогнали бы ихъ сами.»

Въ Оксерѣ сообщенія съ Парижемъ становились все чаще; бонапартисты и патриоты усылали дорогу лазут-

чками, которые съ часу на часъ доносили о томъ что дѣлалось въ столицѣ. Императоръ очень объ этомъ беспокоился; онъ обстоятельно разспрашивалъ всѣхъ, кто видѣлъ или слышалъ что о Парижѣ. «Что сдѣлали въ Тюильери?» спрашивалъ онъ у посланнаго отъ Марё. — Все осталось по старому, ваше величество; даже не сняли орловъ. — «Стало-быть они нашли, что и хорошо ихъ устроилъ?» — Полагаю, что такъ, ваше величество. Говорятъ, что графъ Артоаскій, по возвращеніи своемъ, ходилъ по всѣмъ комнатамъ и не могъ налюбоваться. — «Вѣрю. Что они сдѣлали съ мовими картинами?» — Нѣкоторыя сняты; но аустерлицкая баталія осталась въ залѣ совѣта. — «А театръ?» — Не трогали; остался безъ употребленія. — «Что Тальма?» — Разумѣется, ваше величество, продолжаетъ собирать заслуженную дань удивленія публики. — «Мнѣ пріятно будетъ увидѣться съ нимъ. Были вы при дворѣ?» — Да, ваше величество, я былъ представленъ. — «Говорятъ, что они всѣ походятъ на новопеченныхъ временщиковъ, не умѣютъ ни ступить, ни слова сказать кстати. Видѣли вы ихъ на большомъ выходѣ?» — Нѣтъ; но могу увѣрить ваше величество, что у себя дома нельзя быть болѣе безъ церемоній чѣмъ въ Тюильери: туда входятъ въ грязныхъ сапогахъ, въ сюртукахъ, въ круглыхъ шляпахъ. — «А король?» — Довольно умный человекъ. — «Монета его хороша?» — Ваше величество, можете сами посмотрѣть: вотъ двадцати-франковикъ. — «Какъ! они не передѣлали луидоровъ? Это удивительно; (повертывая монету со стороны на сторону) не видать, чтобы ему хотѣлось умереть съ голоду. Однако, вотъ, они сняли-таки *Dieu protégé la France* и поставили свое *Domine, saluum fac regem*. Гдѣ Марё? гдѣ Коленкуръ? гдѣ Лавалетъ? гдѣ Фушэ?» — Всѣ въ Парижѣ. — «А Молё?» — Также; я видѣлъ его недавно у королевы Гортензіи. — «Есть здѣсь, въ окрестности, кто-нибудь изъ бывшихъ монахъ

приближенныхъ?» — Не знаю, ваше величество. — «Надобно посмотрѣть, и призвать ихъ; мнѣ очень пріятно было бы основательно узнать духъ времени и настоящій ходъ дѣлъ. Что Гортензія?» — Ея домъ всегда былъ мѣстомъ собранія людей, умѣющихъ цѣнить изящный вкусъ и пріятный умъ; королева, хотя безъ престола, не менѣе того составляетъ предметъ вниманія и уваженія всего Парижа. — «Она сдѣлала большую глупость, выставивъ себя на показъ въ трибуналъ. Глупы тѣ, кто ей это совѣтовалъ. И зачѣмъ она выпросила себѣ титулъ герцогини?» — «Но, ваше величество, она не просила..... — «Все равно, не надо было принимать. Ей должно было называться madame Bonaparte. Это имя стѣбитъ всякаго другаго. Что національная гвардія, какъ расположена?» — Не могу утверждать, но увѣренъ по-крайней-мѣрѣ, что если она не станетъ явно за ваше величество, такъ не будетъ дѣйствовать и противъ.

Оставляя Оксеръ, Наполеонъ былъ увѣренъ, что вступить въ Парижъ безпрепятственно. Что значили для него приготовленія Бурбоновъ къ оборонѣ? Безъ арміи оборона была невозможна, а армія непрерывно, полкъ за полкомъ, передавалась Наполеону. Сегодня Бурбоны сформируютъ корпусъ, завтра его не стало. На сторонѣ императора была армія, гражданская администрація, почтовая часть, полиція; духъ Наполеона былъ еще вездѣ: Бурбоны «легли въ его постель не переѣхавъ простынь», и потому ему не трудно было воротить корону; зато все его вниманіе и стараніе было обращено на то, чтобы не пролить ни одной капли крови, не дать прозойти ни одной стычки. Онъ хотѣлъ доказать Европѣ, что его призвало единодушное желаніе французскаго народа, чтобы такимъ образомъ отстранить всякій поводъ къ войнѣ.

Осьмнадцатаго Марта Наполеонъ выѣхалъ изъ Оксера и прибылъ въ Фонтенбло, тотъ дворецъ, который онъ,

менѣе году тому, оставилъ какъ изгнанникъ, принужденный отречься отъ своей власти и величія; онъ увидѣлъ его еще разъ и, восходя по ступенямъ крыльца, столь богатаго историческими воспоминаніями, конечно, вспоминалъ свое послѣднее прощаніе съ гвардіей. Звукъ этого поцѣлуя еще не смолкъ здѣсь; императоръ не забылъ своихъ солдатъ, солдаты не забыли своего императора. Имперскій орелъ снова воспарилъ надъ старыми храбрыми воинами; трехцвѣтное знамя снова осѣнило ихъ лица, и никакая сила не властна была заставить ихъ обратиться къ бурбоновской лиліи.

Видъ Фонтенблоскаго дворца, послѣ одиннадцати-мѣсячнаго изгнанія, не произвелъ на Наполеона никакого печальнаго впечатлѣнія, не пробудилъ въ душѣ его горестныхъ воспоминаній: приближенные даже удивлялись почти дѣтской веселости его, когда онъ пробѣгалъ свои старыя, великолѣпно украшенныя комнаты и роскошныя сады. Можно было подумать, что онъ совершенно забылъ происходившую тутъ сцену отреченія, печально пахлоненныя распущенныя знамена, плачущихъ солдатъ, и свое чувство горькаго униженія. Онъ легко и пріятно разговаривалъ обо всемъ окружающемъ, любовался на прекрасныя пейзажи, на зеркальные пруды, въ которыхъ купались горделивыя лебеди, и на огромный лѣсъ, который тянулся мрачною стѣной по горизонту. Императоръ хотѣлъ выказать свою полную увѣренность и спокойствіе.

Впрочемъ, онъ имѣлъ достаточную причину къ удовольствію и радости, которыя поглощали въ немъ всякое другое чувство: съ прибытія его въ Фонтенбло, лазутчики изъ Парижа быстро смѣняли одинъ другаго; скрывать и опасаться было уже нечего; первому испугу партіи бонапартистовъ послѣдовало полное довѣріе и истинное обаяніе. Двадцатаго Марта, утромъ, пришло въ Фонтенбло извѣстіе о послѣднемъ выѣздѣ изъ Парижа короля и всей бурбоновской фамиліи; Тюильери

былъ пусть; ждали только Наполеона, чтобы наполнить эту пустоту; просили его поспѣшить: верховная власть и скипетръ Франціи безпрепятственно отдадутся ему въ руки.

Положеніе Парижа, двадцатаго Марта, утромъ, было странно; правительства не было никакого; бѣлое знамя еще развѣвалось надъ Тюильерійскимъ Дворцомъ, по ни одинъ защитникъ не являлся отстоять этотъ значекъ старой монархіи; въ два часа по полудни, генералъ Эксельманъ велѣлъ сваять его и замѣнить трехцвѣтнымъ знаменемъ; и это сдѣлалось въ тишинѣ, безъ восклицаній, безъ видимой радости. Въ то же время Реалъ пошелъ принять начальство надъ полиціей; въ почтовомъ вѣдомствѣ Лавалетъ смѣнилъ Феррана.

Частыя и убѣдительныя депеши отъ друзей побудили Наполеона перемѣнить планъ маршрута и поспѣшить въ Парижъ: онъ сначала хотѣлъ-было переночевать въ Эссонѣ, отправиться оттуда утромъ, двадцать перваго числа, и вступить въ столицу среди дня, съ многочисленною свитой, какъ государь, который возвращается изъ продолжительнаго путешествія, и котораго съ нетерпѣніемъ ждетъ обрадованный народъ, а теперь рѣшился вѣхтать вечеромъ или даже ночью. На это было много причинъ. Во-первыхъ, нужно было какъ можно скорѣе явиться въ Тюильери, чтобы патріоты не успѣли безъ него составить временнаго правительства, которое надѣлало бы бонапартистамъ множество хлопотъ и пришло бы очень не кстаті; во-вторыхъ, вовсе нельзя было понадѣяться на доброе расположеніе средняго класса обывателей; столица казалась печальною, занятою чѣмъ-то зловѣщимъ, она смотрѣла на прибытіе императора отнюдь не съ радостію, потому-что съ именемъ Наполеона неразрывно были связаны война и воспоминанія двадцати-лѣтнихъ тяжкихъ трудовъ, лишений и горя, которыхъ слѣды еще не изгладились. Тор-

жественный въездъ стали бы привѣтствовать только чернь и солдаты.

Наполеонъ въѣхалъ изъ Фонтенблo, въ два часа, съ обыкновенною своею поспѣшностью; на дорогу назначено было четыре часа времени, однако жъ прошло семь. На каждой станціи императоръ получалъ эстафеты изъ Парижа, генералы спѣшили ему на встрѣчу, чтобы позжать побѣдоносную руку, войска съ шумными кликами заслоняли ему путь; надобно было привѣтствовать ихъ, одобрять, обнадеживать, читать депеши, все это замедляло путешествіе, къ тому же, Наполеонъ не хотѣлъ въѣзжать въ столицу днемъ. Онъ опасался унынія гражданъ и неполнаго впечатлѣнія, какое можетъ произвести торжественный въездъ; ему мало было привѣтствія войскъ, ему хотѣлось придать своему торжеству характеръ народный, а этого нельзя было ожидать отъ дурно расположеннаго къ нему средняго класса. Въ восемь часовъ вечера нѣсколько каретъ императора прибыло къ заставѣ. Погода стояла холодная; они поспѣшно проѣхали по улицамъ Парижа; кое-гдѣ слышалось нѣсколько восклицаній, но общаго изъясненія радости—нигдѣ. Въ сорокъ минутъ девятаго, кареты въѣхали во дворъ Тюильерійскаго Дворца, наполненный множествомъ энтузіастовъ, молодыхъ людей и офицеровъ. Тутъ восторгъ выразился съ полною силой, излилась живѣйшая радость; офицеры и солдаты, толпой, сбѣжались, подняли Наполеона изъ экипажа и на рукахъ понесли, черезъ волны блестящихъ эполетъ на высокое крыльцо, при восторженныхъ, неистовыхъ кликахъ радости. Это была любовь римскихъ легионовъ къ Германіи. Тысячи свѣчей освѣщали этотъ праздникъ; Наполеона внесли въ залы, гдѣ дамы императорскаго двора, въ великолѣпныхъ нарядахъ, въ блондахъ, съ букетами фіалокъ, привѣтствовали его съ восхищеніемъ, закидали любезностями, засыпали поцѣлуями, толкались, чтобы приложиться къ его рукамъ, къ

одеждѣ. Въ исторіи никогда не видано подобнаго. Среди пріунывішаго Парижа, среди страха войны и мгновеннаго прекращенія всякой общественной дѣятельности, въ великолѣпно-освѣщенномъ дворцѣ, только-что оставленномъ Бурбонами, при блескѣ люстръ и зеркалъ кишѣла радость, восхищеніе, восторгъ, сверкали шпаги, летѣли вверхъ шляпы, звенѣли стекла отъ громогласныхъ криковъ: «Да здравствуетъ императоръ!» У счастья тотъ же девизъ, что у смерти: сегодня тебѣ, завтра мнѣ.

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ слѣдовать за всѣми занимательными подробностями этой эпохи, отчетливо и безпристрастно обрисованной искуснымъ перомъ господина Капфига, подробностями, частію уже извѣстными. Мы пропустимъ распоряженія Наполеона при второмъ вступленіи на царство, его борьбу съ враждебными партіями, тщетныя попытки войти снова въ дипломатическія сношенія съ иностранными державами, которыя всѣ не хотѣли и рѣшительно отказались признать его; пропустимъ также знаменитую ватерлооскую битву и обратимся прямо къ послѣднему акту или, лучше сказать, послѣдней сценѣ великой драмы, къ второму отреченію Наполеона.

Страшная ватерлооская битва проиграна, Наполеонъ принужденъ былъ спастись бѣгствомъ, не потому, чтобы онъ не умѣлъ умереть геройскою смертію на полѣ чести, но потому, что онъ чувствовалъ необходимость жить для блага Франціи, онъ еще надѣялся. Но счастье уже рѣшительно окончилъ съ нимъ расчетъ: всѣ его оставили, никто уже не хотѣлъ довѣриться ему; армія была разбита, разбѣяна; а палата представителей, состоявшая большею частію изъ такъ называемыхъ патриотовъ, уже рѣшилась объявить себя постоянною, предложить Бонапарту вторичное отреченіе и, въ случаѣ сопротивленія, грозила *низверженіемъ*. Первый высказалъ эту мысль Лафайэттъ, сперва на частномъ свиданіи

нѣ съ Фушѣ, потомъ въ полномъ собраніи палаты. Это рѣшеніе окончательно сломило могущество Наполеона, не успѣвшаго овладѣть диктатурою, какъ совѣтовали ему Луцианъ, Реаль и Карно, какъ хотѣлъ онъ самъ. Палата объявила себя постоянною, и государственнымъ преступникомъ всякаго, кто попытается уничтожить, распустить ее; она потребовала министровъ Наполеона къ себѣ для совѣщанія, все одно что къ отвѣту, къ допросу, — она стала дѣйствовать державно. Наполеонъ находился тогда въ Элизѣ. Онъ, съ своей стороны, предвидя безпорядки и анархію, хотѣлъ распустить палату, и успѣлъ бы можетъ статься, но было уже поздно: онъ ни въ комъ изъ своихъ министровъ и генераловъ уже не находилъ довольно твердой опоры. «Мнѣ надобно было до похода разогнать этотъ народъ, вскричалъ Наполеонъ съ негодованіемъ, узнавъ объ ихъ проискахъ: теперь все кончено, они погубятъ Францію. Реньо не обманулъ меня: я имъ не правлюсь. Хорошо! я отрекусь, если нужно, да не теперь. Еще посмотримъ. Реньо, ступай въ палату; умири ихъ, да поразвѣдай. Скажи имъ, что я возвращаюсь; что я созвалъ совѣтъ министровъ, что армія, послѣ рѣшительной побѣды, дала большое сраженіе; что все шло хорошо; что Англичане были разбиты; что мы взяли у нихъ шесть знаменъ, когда злонамѣренные произвели и распространили напрасный страхъ; что армія собирается; что я отдалъ приказы остановить бѣгущихъ; что я пріѣхалъ для совѣщанія съ моими министрами и съ палатами, и что я въ эту минуту занимаюсь мѣрами, какихъ требуютъ обстоятельства для пользы народной.»

Реньо составилъ оффиціальную записку о ватерлооскомъ дѣлѣ и, обладая даромъ слова, пріятною наружностью и ловкостью въ обращеніи, надѣялся на благоклонное вниманіе; онъ долженъ былъ, если не господствовать въ палатѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ не допустить се до какого-нибудь дѣйствія, которое могло бы

повредить династіи императора. Взошедши на кафедру, онъ, на первый разъ, ограничился сообщеніемъ представителямъ своей записки. Она была изложена такимъ образомъ: «Императоръ прибылъ въ одиннадцать часовъ. Онъ созвалъ совѣтъ министровъ и объявилъ, что армія, послѣ рѣшительной побѣды на поляхъ Флеруса, гдѣ уничтоженъ цѣль прусской арміи, дала черезъ два дня большое сраженіе, въ двухъ льё отъ Брюсселя. Англійская армія была разбиваема цѣлый депъ и принуждена уступить поле битвы. Мы взяли шесть англійскихъ знаменъ, и побѣда была рѣшена, когда, ночью, злонамѣренные распространили ложный слухъ и произвели смятеніе, котораго присутствіе его величества не могло устранить, по причинѣ ночи. Армія собирается подъ стѣнами Авеня и Филиппвиля. Его величество проѣхалъ въ Лаонъ и отдалъ тамъ приказъ выставить національную гвардію департаментовъ, чтобы остановить бѣгущихъ. Его величество прибылъ въ Парижъ для совѣщанія съ министрами о матеріальныхъ средствахъ къ возстановленію арміи. Онъ намѣренъ также условиться съ палатами касательно правительственныхъ мѣръ, требуемыхъ обстоятельствами. Его величество теперь занимается предложеніями, какія намѣренъ сдѣлать палатамъ.»

Въ отвѣтъ на это послышался ропоть. «Господинъ Реньо, вы не министръ; палата требовала министровъ; пусть они прійдутъ! пусть они прійдутъ!» — «Обезпечимъ безопасность представителей, сказалъ Феликсъ Депортъ: и пусть будетъ назначена комиссія для охраненія нашихъ палатъ.» — «Да, да! закричали нѣскольکو голосовъ: народнымъ представителямъ угрожаетъ опасность.» Тотчасъ же назначили пятерыхъ членовъ, которымъ поручили охраненіе независимости палаты, — это были республиканецъ Гамонъ, генералъ Бекеръ, казначей Лефевръ, морской офицеръ Лаббей-де-Помпьеръ и представитель Пеніеръ. Жё (Jay), орудіе Фушэ

въ собраніи, вскричалъ съ живостью: «Министры не идутъ; что они, не слушаются приказаній палаты? Послать за ними въ другой разъ!» — «Послать! послать!» кричитъ толпа. Мануэль, товарищъ Фушэ, прибавилъ: «Пріймемъ мѣры къ обезпеченію безопасности представителей!» — «Назначимъ главнокомандующаго національной гвардіи,» еще добавилъ Пеніеръ. Такимъ образомъ хотѣли Лафайэтту дать военную должность; однако жъ они еще не посмѣли зайти такъ далеко, не смѣли поднять это ржавое лезвее противъ шпаги императора. Генералъ Собастіани, уже привязанный къ партіи патриотовъ и бывший въ немилости у Наполеона, возразилъ: «Не назначая шефа національной гвардіи, можно призвать въ палату полковыхъ командировъ; генералъ Дюронель не откажется послать баталіонъ этой вѣрной гвардіи для защиты представителей.» Движеніе, шумъ возрастаютъ, предложенія сыплются одно за другимъ, какъ вдругъ является записка отъ совѣта министровъ: «они объявляютъ, что явятся въ палату представителей, чтобы выслушать ея приказаніе.» Огромная уступка со стороны императора, вступленіе къ его отреченію! Онъ самодержавный государь, позволяетъ призвать своихъ министровъ къ периламъ собранія депутатовъ! За нѣсколько часовъ онъ твердо намѣренъ былъ овладѣть диктатурою; теперь онъ готовъ уступить все, даже корону; онъ позволяетъ своимъ министрамъ послѣдовать вызову представителей, и, чтобы дать имъ начальника, назначаетъ своего брата Луціана, который долженъ проводить ихъ въ шумныя волны раздраженныхъ страстей, въ толпу крикуновъ.

Приходъ Луціана не понравился представителямъ; живое воспоминаніе осымнадцатаго Брюмера, присутствіе его казалось имъ оскорбленіемъ. Луціанъ немедленно потребовалъ тайнаго комитета, для важнаго сообщенія. «Нѣтъ! нѣтъ! заревѣли нѣсколько голосовъ: все должно дѣлаться явно, открыто!» Однако жъ большинство

всё-таки требуетъ тайнаго комитета, потому-что тутъ каждому будетъ по-ловчѣе. Представители противнаго мнѣнія съ неистовствомъ бросаются на политическій трупъ императора; рвутъ, кому, что достанется. Въ подобныхъ политическихъ собраніяхъ очень часто случаются отвратительныя низости: они любятъ унижать, закидывая грязью, павшее могущество; они боготворятъ сильныхъ и топчутъ ногами слабыхъ. Луціана оскорбляли не только словами, но и движеніями. Генри Лакость, одинъ изъ республиканцевъ самыхъ враждебныхъ Наполеону, вскричалъ: «Завѣса разодрана! наши бѣдствія извѣстны! Какъ ни ужасны наши несчастія, можетъ-быть это еще не все; можетъ-быть намъ не все открыли. Я не разбираю сдѣланныхъ намъ сообщеній: еще не пришло время требовать отчета отъ начальника государства (chef de l'Etat) въ крови нашихъ храбрыхъ и въ утратѣ народной чести; но я его попрошу, именемъ народного блага, открыть намъ тайну своихъ мыслей, своей политики, показать намъ средство закрыть пропасть, отверзтую подъ нашими ногами! Вы толкуете намъ о независимости народной, вы толкуете намъ о мирѣ, министры Наполеона! Но какое новое основаніе дадите вы вашимъ переговорамъ? Какое новое средство имѣете къ сообщенію съ Европой? Вы знаете такъ же хорошо, какъ и мы, что Европа объявила войну одному Наполеону! Отдѣлите ли вы отнынѣ націю отъ Наполеона? Что касается до меня, я объявляю, что вижу только одного человѣка, стоящаго между нами и миромъ. Пусть онъ скажетъ слово, и отечество будетъ спасено!»

На эти слова, обнаруживавшіе вмѣстѣ глубокую ненависть къ Бонапарту и незнаніе дипломатическаго положенія, Луціанъ отвѣчалъ: «Полно! неужто мы такъ ужъ слабы, что будемъ вѣрить всему? Заключаю васъ, граждане, священнымъ именемъ отечества, соберитесь вокругъ славы, которую нація такъ

торжественно избрала себя! Подумайте, что благо наше зависитъ отъ нашего единодушiя, и что вы не можете отдѣлиться отъ императора, оставить его врагамъ, не погубивъ государства, не измѣнивъ своимъ клятвамъ, не носравивъ навсегда народной чести!» — «Вы обвиняете насъ въ упущенiи долга противъ чести и противъ Наполеона! холодно и торжественно возразилъ Лафайэттъ: и вы забыли все, что мы сдѣлали для него? Вы забыли, что кости нашихъ дѣтей, нашихъ братьевъ, свидѣтельствуютъ объ нашей вѣрности вездѣ, на пескахъ Африки, на берегахъ Гвадалквивира, Тага и Вислы, и въ ледяныхъ пустыняхъ Московiи? Въ десять лѣтъ три милліона Французовъ погибли за одного человѣка, который и теперь еще хочетъ бороться со всею Европой! Мы довольно сдѣлали для него; теперь наша обязанность — спасти Францію.» Время было хорошо выбрано для жалобъ и упрековъ за прошедшее, къ несчастiю, слишкомъ справедливыхъ. Наполеонъ уналъ, и его оскорбляли безвозбранно; съ злобною радостію оскорбляли его и тѣ, которые прежде не выносили его взгляда. «Наполеонъ тиранъ! кричали со всѣхъ сторонъ: пусть онъ поспѣшитъ отречься! а нѣтъ, такъ державное собраніе произнесетъ приговоръ отрѣшенiя!»

Потомъ нѣсколько поуспокоились. Палата назначила комиссію, составленную изъ господъ Ланжюиннѣ, Лафайэтта, Фложерга, Дюпона и генерала Греніѣ, которая должна была условиться съ двумя другими комиссіями, отъ палаты перовъ и отъ государственнаго совѣта, о мѣрахъ, какія нужно будетъ принять для спасенiя Франціи. Собравшись въ девять часовъ вечера, этотъ тройной комитетъ совѣщался до трехъ часовъ утра. Палата депутатовъ уже лишила императора исполнительной власти, по комиссія предложила мѣру еще болѣе страшную: она уполномочивала объ палаты споситься прямо съ союзными противъ Франціи державами,

безъ участія Бонапарта. Представители уже захватили всю власть. Мало этого, они стали преслѣдовать мать Бонапарта; они возставали противъ всего, что только напоминало единовластіе. Дюшень произнесъ на каеэдрѣ: «Наше несчастіе велико, его пельзя скрыть; оно подтверждается самымъ присутвіемъ въ столицѣ начальника нашихъ войскъ. Хотя энергія націи безпредѣльна, однако жъ средства ея имѣють предѣлъ. Намъ сказывали, что эти средства равны тѣмъ, какія мы имѣли въ 1791 году. Дай Богъ, чтобъ было такъ! Но я имѣю много причинъ не раздѣлять этого мнѣнія. Намъ совѣтовали также подражать Испанцамъ, но не слишкомъ ли справедливо, къ несчастію, что наше настоящее положеніе совершенно отлично отъ ихъ положенія? Не слишкомъ ли справедливо, что во Франціи нѣтъ того единства чувствованій, которое одно можетъ спасти страну въ минуту бѣдствія? Я не думаю, чтобы палата могла предложить сношенія союзнымъ державамъ до низверженія Наполеона: изъ всѣхъ бумагъ, какія намъ сообщали, видно, что они постоянно отвергали всѣ предложенія и объявили, что никогда не стануть договариваться съ нами, пока главою у насъ будетъ Наполеонъ.....» — «Отреченіе! отреченіе!» закричали со всѣхъ сторонъ въ отвѣтъ на эту рѣчь. Напрасно президентъ увѣрялъ, что отреченіе послѣдуеть. «Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ чтобъ было! Хотятъ протянуть, выиграть время..... не нужно полумѣръ!» Дюшень не сходя съ каеэдры, продолжалъ предлагать мѣру скорую, рѣшительную: «Быть такъ, подтверждено! подтверждено!» — «Минуту терпѣнія, вскричалъ Ланжюиннѣ, извѣстіе сейчасъ придетъ.» — «Я предлагаю, сказалъ генералъ Солиньякъ, послать депутацію изъ пяти членовъ, чтобы представить Наполеону необходимость его рѣшенія. Ваша коммиссія тогда возвратится въ палату, и я не сомнѣваюсь, что донесеніе, которое мы получимъ, удовлетворитъ и собраніе и націю.» — «Подождемъ еще часъ.» — «Часъ во

не больше,» прибавилъ Солнныякъ. Тутъ опять раздался неумолимый голосъ Лафайетта: «Если тогда извѣстіе не прійдетъ, я потребую отрѣшенія Наполеона.» Такое плачевное позорище представляла палата!

Въ Элизѣ, императоръ вращалъ въ умѣ тысячи различныхъ мыслей; нѣсколько разъ возвращеніе силы и гнѣва воспламеняло его; онъ хотѣлъ схватить шпагу и выгнать представителей изъ палаты, принять рѣшительныя мѣры къ спасенію себя и Франціи. Луціанъ, возвратясь, не скрылъ отъ него духа и положенія собранія. «Наступила рѣшительная минута, вскричалъ онъ: раздавить этихъ крикуновъ, разогнать ихъ какъ негодяевъ, или отречься!» Будучи отъявленнымъ противникомъ боязливыхъ полумѣръ, онъ хотѣлъ немедленно уничтожить палату и овладѣть диктатурою. Но слабость уже проникла во всѣ души: даже Марѣ и Коленкуръ настаивали на отреченіи. Палата была слишкомъ сильна. Императору совѣтовали отречься въ пользу сына; потомъ можно будетъ договориваться; уже было произнесено слово *отрѣшеніе*. Тутъ Наполеонъ, улыбувшись подобно герцогу Гизу, вскричалъ: «Отрѣшеніе! они не посмѣютъ!» Вбѣжалъ Реньо, и когда императоръ повторялъ: «Они не посмѣютъ!» возразилъ: «Но, ваше величество, черезъ часть ваше отрѣшеніе, потребованное Лафайеттомъ, будетъ опредѣлено невозвратно; вамъ дали часть на размышленіе, слышите, ваше величество? одинъ часть! Вотъ до чего мы дожили.»

Въ эту минуту произошла сцена, на которую было больно смотрѣть: депутаты пришли оскорблять императора лично, въ Элизѣ; одинъ генералъ (авторъ скрываетъ его имя) требовалъ, чтобы онъ отрекся въ ту же минуту, какъ-будто отъ этого одного зависѣло все спасеніе. Преніе продолжалось еще нѣсколько минутъ, потомъ императоръ, съ негодованіемъ обратясь къ Фушѣ, сказалъ: «Напишите этимъ господамъ, чтобы они успокои-

лись: они будутъ удовлетворены.» Эти слова были тотчасъ сообщены Мануэлю, двойнику Фушэ въ палатѣ. Министръ прибавилъ еще записку, карандашомъ: «Заставьте умолкнуть болтовню; Бонапартъ отрекается; я принесу вамъ актъ.»

Записка пришла кстати, въ то время, когда маршалъ Даву объяснялъ представителямъ настоящее положеніе арміи и требовалъ рѣшительныхъ мѣръ для предупрежденія разстройства. Но пока министръ занимался системою обороны и устройствомъ средствъ къ защитѣ противъ виѣшняго непріятеля, палата умѣла только роптать и произносить низкія обвиненія! Министру попрекали будто онъ хотѣлъ вести войска противъ собранія, грозили отвѣтственностью, арестомъ. Этотъ шумъ былъ смѣненъ говоромъ радости, распространившимся въ мигъ по всему собранію: «Императоръ отрекся!» И безумные предалися неистовой радости, какъ-будто бы отбросили непріятеля далеко отъ своихъ границъ. Жалко, горестно, положеніе народа, которымъ такъ управляютъ нѣсколько болтуновъ! печальная пора! сожалѣнія достойна страна, которой единственною опорой служитъ каеэдра, доступная всякому пошлomu крикуну! Да, императоръ отрекся. Послѣ возмутительной, жалкой, сцены, которую нѣсколько депутатовъ представили въ Элизэ, сопротивленіе становилось бесполезнымъ. Луціанъ тоже не сталъ настаивать на овладѣніи диктатурою; онъ взялъ перо и сказалъ Наполеону по-италіянски: «Ну, братъ! удовлетвори этихъ господъ.» Наполеонъ продиктовалъ и Луціанъ написалъ актъ; онъ относился не къ представителямъ, но былъ названъ *Объясненіемъ французскому народу*. Онъ вполне выражалъ тогдашнія мысли императора. «Начиная войну для поддержанія народной независимости, говорилъ онъ, я полагался на дружное соединеніе всѣхъ силъ, всѣхъ желаній, и пособіе всѣхъ національныхъ властей. Я имѣлъ причину надѣяться на успѣхъ и смѣло шелъ

противу всѣхъ союзныхъ державъ. Обстоятельства, кажется, измѣнились; я отдаюсь на жертву ненависти враговъ Франціи: желаю, чтобъ они были прямодушны въ своихъ намѣреніяхъ, чтобъ они шли противу одного меня! Моя политическая жизнь окончена; я объявляю французскимъ императоромъ моего сына, подъ именемъ Наполеона II. Настоящіе министры составляютъ временной правительственный совѣтъ. Участіе къ сыну заставляетъ меня просить палаты безъ замедленія утвердить регентство закономъ. Соединитесь всѣ для блага народного и для независимости Франціи.»

Наполеонъ прочелъ и своей рукой исправилъ бумагу; Марё далъ списать двѣ копіи, и когда ихъ представили императору къ подписанію, онъ всѣхъ окинулъ выразительнымъ взглядомъ. «Господа, сказалъ онъ, они этого хотятъ.» Это—то отреченіе произвело такой живой энтузіазмъ въ рядахъ ста-дневныхъ представителей, какъ—будто ничего уже не оставалось, какъ идти въ Капитолій и принести благодареніе богамъ!

Третьяго Іюля подписана капитуляція Парижа; союзники вторично вступили въ столицу Франціи; представителямъ приказано разойтись, и дальнѣйшіе безпорядки прекращены; осьмага, возвратился Людовикъ XVIII и Бурбоны были восстановлены. Мѣсяць спустя генералъ *Бонапартъ* на англійскомъ кораблѣ плылъ къ Острову Святой Елены.

ЖИВОТНОМЪ МАГНИТИЗМЪ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Sine ira et studio.....

Тацитъ.

=

IV.

Одинъ изъ отчаяннѣйшихъ французскихъ магнетизеровъ въ новѣйшія времена, *Ricard*, заключаетъ предисловіе напечатаннаго имъ въ 1841 году, сочиненія ¹, слѣдующими умилительными восклицаніями: «Слава всѣмъ «посвятившимъ свою жизнь полезнымъ трудамъ! слава «Месмеру, генію магнетизма! слава его ученикамъ, под- «держивавшимъ священный огонь на алтарѣ!... Да про- «ститъ Господь всѣхъ, пренебрегающихъ нашимъ уче- «ніемъ и да просвѣтитъ онъ ихъ!!!»

Это весьма трогательно, а между-тѣмъ читатель все-таки удивится вмѣстѣ съ нами, почему священный огонь, зажженный Месмеромъ уже семьдесятъ лѣтъ назадъ, теперь еще горитъ столь тускло, или лучше ед-

¹ *Traité théorique et pratique du magnétisme animal, etc. par J. A. Ricard, Paris 1841, 8°.*

ва глѣзетъ подъ золою! Безпримѣрное въ исторіи явленіе, чтобы ученіе выступившее на поприще съ такимъ блескомъ, съ столькими обѣщаніями, тщетно боролось противъ убѣжденія и общаго мнѣнія трехъ поколѣній!... Конечно, всякая новая теорія въ началѣ встрѣчаетъ новыхъ противниковъ, и должна всегда преодолѣть предрасудки толпы и врожденную челоуѣку привязанность къ существующему, обычному, — но это бываетъ только въ началѣ; потомъ она быстро распространяется. Магнитизмъ напротивъ того, только при первомъ появленіи надѣлалъ много шума, онъ блеснулъ, — не скажу, какъ метеоръ, — метеоръ произведеніе высшихъ силъ природы, — нѣтъ! онъ вспыхнулъ какъ ракета, это ничтожное твореніе челоуѣческихъ рукъ, взлетѣлъ на воздухъ, поднялся до облаковъ и — потухъ!... Напрасно господа магнитизеры, толкуете вы намъ о священномъ огнѣ, мы его не видимъ, а слышимъ только сѣрный запахъ и удушливый дышъ; напрасно стараетесь вы опять овладѣть вниманіемъ и довѣріемъ публики: они потеряны для васъ навсегда; это вамъ никогда не удастся: публика разочарована!

Разсматривая жизнь Месмера, читатели наши убѣдятся какъ мало заслуживаетъ онъ превозношеній своихъ адептовъ, и какъ мало мы нуждаемся въ прощеніи и просвѣщеніи, которыя Рикаръ столь снисходительно для насъ испрашиваетъ! Всѣ преобразователи, вдохновенные божественною искрою истины, всегда готовы были жертвовать имуществомъ, жизнью, всѣмъ, для своей идеи. Месмеръ думалъ только, какъ-бы скорѣе нажать себѣ состояніе; тѣ всячески старались дать своему ученію наибольшее, всемірное распространеніе, Месмеръ изъ своей системы сдѣлалъ тайну, которую продалъ за деньги, и если она дѣйствительно существовала (въ чемъ можно сомнѣваться), то онъ, получивъ плату, не открылъ ея, а унесъ съ собою въ могилу!... Слава Месмеру!...

Франц Антонъ Месмеръ родился въ Швабін, въ 1733 году, слушалъ курсъ медицины въ вѣнскомъ университетѣ и тамъ же получилъ степенъ доктора, въ 1768 году. Ему тогда было тридцать—три года, стало быть, онъ немного поздно выступилъ на поприще дѣйствительности. Чтобы скорѣе, à pieds joints, перескочить чрезъ скучное, несносное время первой практики, чтобы скорѣе сдѣлаться извѣстнымъ, онъ, какъ дѣлаютъ многіе медики, не имѣющіе занятій и больныхъ, прибѣгнувъ къ средствамъ необыкновеннымъ, способнымъ обратить на него вниманіе публики, и сталъ лечить минеральными магнитами. Статейками объ ихъ чудесныхъ дѣйствіяхъ онъ наполнялъ тогдашніе журналы. Но познакомившись, во время одной поѣздки, съ Гасснеромъ, онъ перемѣнилъ свою теорію, началъ увѣрять, что не магнитъ, а рука врача, его употребляющаго, была причиною исцѣленія, и написалъ въ этомъ смыслѣ брошюрку, которую разослалъ въ извѣстнѣйшія европейскія академіи (1775 года); но кромѣ берлинской ни одна не удостоила его отвѣта. Между—тѣмъ кругъ дѣйствій его въ Вѣнѣ мало—по—малу распространялся, пока непріятное приключеніе съ дѣвицею *Парадизъ* не прервало его карьера и не удалило его навсегда изъ Германіи. Эта дѣвица, осмнадцати лѣтъ, была совершенно слѣпа съ четвертаго своего года, въ слѣдствіе такъ называемой черной воды (amaurosis). Месмеръ взялъ ее къ себѣ на квартиру, и уговорилъ отца напечатать въ газетахъ, что она посредствомъ магнетизма получила опятъ зрѣніе. Это оказалось ложнымъ, и вѣнская полиція выпроводила «генія» изъ города. Обиженный и ожесточенный Месмеръ отправился въ Парижъ, въ 1778 году, куда слухи о немъ уже дошли, и чтобы получить практику, распространилъ слухъ, будто желаетъ остаться incognito. Это подѣйствовало: больные толпами стекались къ нему. Онъ былъ тогда въ цвѣтѣ лѣтъ; и весьма не дурень собою. «Наружность его, говорить со-

временница ¹, выражала гордую увѣренность въ себя и глубокое размышленіе», къ тому онъ былъ иностранецъ, чего же больше требовалось, чтобы воспламенить легковѣрныхъ Парижанъ?... Месмеръ тотчасъ по прибытіи своемъ издалъ книжку подъ заглавіемъ: *Précis historique et recueil de faits, relatifs au magnétisme animal*, и потомъ обратился къ академіи наукъ ² съ просьбою, чтобы она назначила комиссію, для удостовѣренія въ удачномъ исцѣленіи имъ нѣсколькихъ пациентовъ, съ которыми онъ жилъ тогда въ деревнѣ подлѣ Парижа. Академія не отвѣчала ему.

Онъ потомъ сдѣлалъ подобное предложеніе королевскому медицинскому обществу, но не согласился на требованіе его, чтобы пользуемые имъ больные предварительно освидѣтельствовались комиссарами общества ³. Месмеръ объявилъ что по его мнѣнію, общество должно было довольствоваться честнымъ словомъ больныхъ. Такъ это дѣло и осталось.

Тогда Месмеръ подружился съ докторомъ d'Elson, лейбмедикомъ графа д'Артуа (въ послѣдствіи Карла X.) и возбудивъ въ немъ интересъ къ своему ученію, уговорилъ его, чтобы онъ представилъ медицинскому факультету записку, излагающую начало *животнаго магнетизма* ⁴. Но факультетъ не нашелъ въ пей той ясности и опредѣлительности, которыя составляютъ первое условіе ученыхъ трудовъ, и не счелъ нужнымъ болѣе заниматься новою теоріею. D'Elson насилу упросилъ трехъ товарищей, чтобы они присутствовали съ нимъ при пользованіи Месмера, но какъ на бѣду, всѣ пред-

¹ M-me de Créquy, 1. c. pag. 125.

² Въ письмѣ отъ 28 Марта 1778 года.

³ Lettre de M. Vicq-d'Azur, secrétaire de la société royale de médecine à monsieur Mesmer, отъ 6 Мая 1778 года.

⁴ Lettre de monsieur Mesmer au docteur d'Elson, отъ 30 Мая 1779 года.

ставленные послѣднимъ случаемъ, были такого рода, что изъ нихъ невозможно было вывести вѣрнаго результата; мы для примѣра приведемъ одинъ изъ нихъ. «Молодая дѣвица была почти слѣпа, (такъ сказано въ описаніи ея болѣзни) ¹, отъ заваловъ въ грудяхъ (?), и чрезъ шесть недѣль послѣ поступленія своего къ Месмеру совершенно исправила зрѣніе свое.» Но присутствующіе врачи требовали, и весьма основательно, чтобы имъ доказали, что пациентка дѣйствительно прежде была лишена его; также точно и всѣ прочіе больные страдали или параличемъ, или нервною головною болью, а вообще *динамическими* расстройствами, то есть, такими, которыя не сопровождаются никакими вещественными признаками, и въ которыхъ единственнымъ доказательствомъ существованія недуга служитъ увѣреніе больного: не удивительно, что сомнѣнія медиковъ не могли разрѣшиться подобнаго рода опытами.

Вотъ вкратцѣ содержаніе упомянутой Месмеровой записки ²: «Я удостовѣрился, говоритъ онъ, что такъ точно, какъ планеты дѣйствуютъ одна на другую, и производятъ, напримѣръ на нашей землѣ, приливъ и отливъ моря и тому подобное, такъ онѣ дѣйствуютъ и на животныя тѣла и ихъ составныя части, и особенно на нервную систему, посредствомъ тонкой влаги, проникающей и наполняющей вселенную..... *Способность животныхъ тѣлъ воспринимать вліяніе планетъ, называю я животнымъ магнетизмомъ.* Желѣзная стрѣлка, приведенная въ движеніе, только случайно принимаетъ какое-нибудь опредѣленное направленіе; если ее, напротивъ того, сдѣлать магнитною, то она непременно послѣ сообщеннаго движенія, возвратится

¹ Ricard, l. c. pag. 37.

² Mémoire sur la découverte du magnétisme animal, par Mesmer; Paris, 1799, 8°.

къ первоначальному своему положенію, и на немъ о-становится; такъ точно и разстроенная гармонія ору-дныхъ тѣлъ, не иначе можетъ быть возстановляема, какъ чрезъ сообщеніе ей общаго начала, мною принятаго. Оно составляетъ единственную причину исцѣле-нія болѣзней, при употребленіи самыхъ противополож-ныхъ способовъ и медицинскихъ теорій: отъ этого на-чала, а не отъ искусства или природы, какъ обыкно-венно полагають, зависитъ успѣхъ пользованія.

«Убѣдившись двѣнадцати-лѣтнимъ опытомъ, что жи-вотный магнитизмъ производитъ въ человѣческомъ тѣлѣ родъ прилива и отлива, обнаруживающихся въ благо-дѣтельныхъ переломахъ (crises) болѣзней, я наконецъ дошелъ до того, что могу предвидѣть и предсказать ихъ съ достовѣрностью.

«Уже въ 1775 году я доказалъ¹, что это магнитическое начало можно сообщить всѣмъ тѣламъ; что оно прони-цаетъ все; что его можно накопить и сосредоточить какъ электричество; что оно дѣйствуетъ въ значитель-номъ разстояніи, и что наконецъ всѣ животныя суще-ства раздѣляются на два класса: одинъ одаренъ при-имчивостью магнитизма, другой, напротивъ того, про-тивоположною силою уничтожаетъ его дѣйствіе».

Къ этой запискѣ приложено было двадцать-семь пред-ложеній (propositions), въ которыхъ Месмеръ афористически объяснилъ свойства открытаго имъ будто магнитическаго начала; онѣ надѣлали много шума въ тогдашнее вре-мя; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

9-е «Въ человѣческомъ тѣлѣ обнаруживаются свой-ства, сходныя съ явленіями минеральнаго магнита; мы различаемъ въ немъ противоположные полюсы, кото-рые можно переставлять, усиливать, уничтожать и со-общать другимъ; даже магнитное наклоненіе (inclinaison) существуетъ въ человѣкѣ (1).

¹ Lettre à un médecin étranger, 5 janvier 1775.

14-е «Дѣйствіе магнитической силы обнаруживается и на значительномъ разстояніи, безъ помощи посредствующаго тѣла (corps intermédiaire)».

15-е и 16-е Она «увеличивается и отражается зеркалами, подобно свѣту. Она сообщается и распространяется посредствомъ звука.»

23-е «Она непосредственно исцѣляетъ нервныя болѣзни, а посредственно и всѣ другія».

24-е «.....Съ помощью этой силы врачъ вызываетъ благодѣтельные переломы въ болѣзняхъ, и по произволу управляетъ ими».

27-е «....Новое ученіе должно такимъ образомъ довести врачебную науку до послѣдняго совершенства. Двѣнадцатилѣтнія постоянныя наблюденія, не оставили во мнѣ никакого сомнѣнія, на счетъ достовѣрности изложенныхъ здѣсь истинъ. Впрочемъ *одни только медики*, по необходимому въ ихъ званіи, познаніямъ, способны понять всю важность моего открытія, они *одни только* могутъ и должны практически привести ее въ дѣйствіе».

Не въ правѣ ли мы тутъ спросить, отчего врачебное искусство все еще не достигло этого совершенства, которое предвѣщалъ ему Месмеръ? Отчего эти несомнѣнныя истины, въ которыхъ онъ убѣдился двѣнадцатилѣтнимъ опытомъ, теперь, по прошествіи новыхъ семидесяти лѣтъ, еще столь же не доказаны, лишены положительнаго основанія, и нигдѣ не приняты, какъ при первомъ извѣщеніи о нихъ? Отчего наконецъ, вопреки мнѣнію Месмера, всегда почти не медики, то есть, люди не имѣющіе достаточныхъ свѣдѣній, и неспособные къ приложенію магнетизма на практикѣ занимаются имъ, тогда какъ основательные врачи, уже въ третьемъ поколѣніи, безусловно его отвергаютъ? Мы постараемся въ послѣдствіи отвѣчать на эти вопросы.

Месмеръ, не смотря на холодный пріемъ его теоріи главнѣйшими учеными сословіями Парижа, продолжалъ пользоваться больныхъ, и съ швабскою тонкостью

отгадалъ, что умозрѣнія и ученія гипотезы хороши только для академій, и что на публику должно дѣйствовать другими способами: онъ устроилъ въ домѣ своемъ магнитическія засѣданія, въ которыхъ посредствомъ знаменитой *лоханки* (*baquet magnétique*) творились чудеса. Мы ее тотчасъ опишемъ; замѣтимъ только, что Месмеръ, хотя вѣчно твердилъ о своей любви къ страждущему человѣчеству и къ наукѣ, и хотя безпрестанно печаталъ брошюрки о своей методѣ леченія, — но никому не открывалъ, въ чемъ именно заключалась эта метода: оно тѣмъ непостижимѣе, что съ одной стороны теоретическая часть его совершенно изложена была въ упомянутой запискѣ и предложеніяхъ его, а что съ другой, практическіе приемы самаго пользованія, ежедневно дѣлаемы были въ засѣданіяхъ надъ многочисленными больными, въ присутствіи толпы зрителей. Это одно обстоятельство уже должно было возбудить сильное подозрѣніе шарлатанства; немѣдленно нѣкоторые знатныя особы заступились за него у правительства, которое согласилось купить у Месмера его секретъ. Министръ *Maurepas* предложилъ ему 20,000 ливровъ ежегоднаго жалованья пожизненно; 10,000 ливровъ на устройство больницы ежегодно, квартиру въ Луврѣ и крестъ Святаго Михаила¹; съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ открылъ курсъ магнитическаго леченія, и выучилъ трехъ особъ, избранныхъ правительствомъ, своему способу. Эти блестящія выгоды не удовлетворили корысти Месмера: надѣясь на покровительство королевы Маріи-Антоанеты, которой его рекомендовали изъ Вѣны, и графа д'Артуа, онъ требовалъ гораздо больше, и между прочимъ вмѣсто назначенной для больницы суммы, богатое казенное имѣніе съ замъ-

¹ *Ricard* l. c. стр. 40; *Bertrand: du magnétisme animal en France* etc. Paris, 1826, 8°; pag. 52. — *M-me de Créquy*, l. c. стр. 128.

комъ Сюржи, въ вѣчное владѣніе для себя¹; на это правительство не согласилось, и Месмеръ, будто съ досады, уѣхалъ въ Спа и уже въ Парижъ не возвратился. Кажется это была хитрая спекуляція; Месмеръ, зная, что у него нѣтъ никакой особенной тайны, чувствовалъ, что правительство не иначе исполнитъ денежныя свои обѣщанія, какъ по удостовѣренію, что онъ ей сообщитъ въ самомъ дѣлѣ новую методу; онъ, сѣдовательно, никогда и не надѣялся, чтобы эти переговоры могли сдѣлаться дѣйствительными, а употребилъ ихъ только какъ средство дѣйствовать на публику, и пользоваться ея непостижимымъ легковѣріемъ: тотчасъ по отъѣздѣ его изъ Парижа, адвокатъ *Berriass*, ревностный ученикъ Месмера, открылъ подписку на акціяхъ, по сту лундоровъ каждую, и объявилъ, что когда соберется сто охотниковъ, Месмеръ имъ откроетъ свою тайну. Такихъ охотниковъ нашлось 160, Месмеръ получилъ болѣе 300,000 ливровъ, а подписчиковъ обманулъ, и жестоко обманулъ. Кромѣ того, что дѣлалось прежде публично въ его засѣданіяхъ, онъ ихъ ничему не научилъ, даже не открылъ имъ существованія *магнитическаго снохожденія* (*Somnambulisme magnétique*) составляющаго теперь, по увѣренію магнетизеровъ, первое явленіе магнитическаго вліянія, которое обнаруживается надъ больными.

Шумъ, надѣланный этою денежною спекуляціей, громогласныя хвалы и увѣренія подписчиковъ, стыдившихся признаться, что они были обмануты, и нѣкоторыя приключенія, которыя случились въ такъ называемыхъ *chambres de crises*, во время магнитическаго пользванія, продолжавшагося въ Парижѣ и послѣ отъѣзда Месмера, — всё это наконецъ заставило правительство серьезно за-

¹ Bertrand. l. c. стр. 46; Месмеръ писалъ королю: «aux yeux de votre majesté 4 ou 500,000 livres de plus ou de moins, employées à propos, ne sont rien : le bonheur des peuples est tout.»

няться новымъ способомъ леченія. По именному повелѣнію короля, въ 1784 году, назначена была коммиссія, составленная изъ членовъ академіи наукъ, медицинскаго факультета и королевскаго медицинскаго общества¹, для тщательнаго изслѣдованія магнетизма; но такъ какъ Месмера въ Парижѣ уже не было, то другъ и первый ученикъ его, докторъ d'Esloп, принялъ на себя трудъ, убѣдить коммиссію въ истинѣ новой теоріи.

Месмеръ имѣлъ причину опасаться изслѣдованія мужей, которыхъ, напримѣръ Франклина, д'Арсэ и Лавуазье, не такъ легко было обмануть, какъ публику (*profanum vulgus*), и поэтому протестовалъ противъ d'Esloп, увѣряя, что онъ его только весьма поверхностно научилъ своей методѣ, что онъ *главной тайны* своего открытія ему никогда не сообщалъ (бѣдные подписчики!...) и что «*cette manière d'agir le gênait à tout jamais...*» D'Esloп съ своей стороны, утверждалъ, что это неправда, и вызвался доказать на опытѣ свое искусство и познанія. Коммиссія посвятила нѣсколько мѣсяцевъ на свои наблюденія, и наконецъ, одинадцатаго Августа 1784 года, Bailly представилъ королю рапортъ академіи наукъ. Онъ занимаетъ около осьмидесяти печатныхъ страницъ, наполненъ любопытнѣйшими опытами и разсужденіями, и оканчивается слѣдующими словами: «Члены коммиссіи единогласно заключаютъ, что существованіе животно-магнетической влаги ничѣмъ не доказано; что эта несуществующая влага слѣдовательно не можетъ имѣть никакой пользы; что сильныя дѣйствія, замѣчаемыя при публичномъ пользованіи, зависятъ отъ прикосновенія, раздраженнаго воображенія, и маши-

¹ Коммиссія состояла изъ господъ Sallin, Borie, Darcet, Guillotin (изобрѣтатель гильотины), членовъ медицинскаго факультета; Franklin, Leroy, Bailly, de Bory и Lavoisier, академіи наукъ; Poissonnier-Desprésnières, Manduit, Audry, Caille и de Jussieu, королевскаго медицинскаго общества.

«нального подражанія, заставляющаго насъ невольно повторять то, что поражаетъ наши чувства. Въ то же время они долгомъ считаютъ прибавить, что прикосновеніе и частое раздраженіе воображенія для произведенія кризисовъ, могутъ слѣдаться опасными; что даже одно зрѣлище этихъ послѣднихъ, по причинѣ упоминутаго невольнаго подражанія, очень опасно, и что слѣдовательно всякое публичное пользованіе, въ которомъ употребляется магнетизмъ, со временемъ должно имѣть пагубныя слѣдствія.» Академія, кромѣ этого рапорта, который напечатанъ былъ, представила еще другой, секретный, съ содержаніемъ котораго мы совершенно согласны: въ немъ говорится объ опасности магнетическихъ пріемовъ для нравовъ, и мы совѣтуемъ всякому его прочесть¹. Медицинское общество и факультетъ (за исключеніемъ одного Jussieu) отзывались также невыгодно о системѣ Месмера, и съ того времени, въ продолженіе пятидесяти-трехъ лѣтъ, ученія общества во Франціи уже не занимались магнетизмомъ.

Мнѣнія ученыхъ академиковъ весьма мало подѣйствовали на Месмера, который съ собранными деньгами отправился сперва въ Англію, гдѣ на него почти не обратили вниманія, потомъ поселился въ Швейцаріи, у сестры своей. Тамъ, забывши теоріи минувшихъ лѣтъ и самъ забытый всѣми, онъ скончался пятого Марта 1815 года, въ глубокой старости².

Послѣ удаленія Месмера изъ Парижа, d'Eslop принялъ на себя магнетическое пользованіе, и для этого соединилъ всѣхъ подписчиковъ въ тайномъ обществѣ, подъ названіемъ *société philharmonique*; онъ не смѣлъ отсту-

¹ Рапортъ этотъ чрезвычайно любопытенъ и весь напечатанъ въ *Bertrand du magnétisme animal en France, etc. Paris, 1826, стр. 511 — 19.*

² *Ueber den animalischen Magnetismus, von D-r. L. Choulant, Dresden, 1842. стр. 27.*

пять отъ способа Месмера, и лоханка у него играла столь же важную роль. Вотъ обѣщанное нами описаніе ея: въ серединѣ большой залы стояла деревянная круглая или продолговатая кадка, наполненная бутылками, которыя расположены были лучеобразно въ двухъ рядахъ, одни горлышками обращены были къ периферіи лоханки, другія къ центру ея; бутылки, плотно закупоренныя, содержали магнитизированную воду. Вся лоханка кромѣ того наполнялась пескомъ, сѣрою, толченымъ стекломъ и тому подобнымъ; черезъ деревянную крышку ея проходили желѣзные прутья, согнутые дугою или подъ угломъ, и больные, стоя вокругъ лоханки, держали каждый одинъ изъ прутьевъ въ рукахъ, приставляя его конецъ къ животу, глазамъ, ушамъ, или вообще къ страдающей части тѣла; кромѣ того всѣ больные, образуя большой кругъ, держали другъ друга за руки, и обмотаны были всѣ шерстяною веревкою¹. Самъ Месмеръ сидѣлъ въ углу и игралъ на гармоникѣ или фортепіано; состоянія больныхъ въ это время были весьма различны и странны: одни дрожали отъ холоду, съ другихъ потъ лился градомъ, иные плакали, другіе хотали, многіе находились какъ-бы въ изступленіи, или падали на полъ съ ужасными судорогами; вся зала представляла удивительное зрѣлище, совершенно способное подѣйствовать на воображеніе: общество находилось въ таинственной полу-темнотѣ, не слышно было другаго звука кромѣ томныхъ аккордовъ музыки, скрыша желѣзныхъ прутьевъ, и тихихъ вздоховъ и стопа магнитизированныхъ дамъ; Месмеръ рѣдко вставалъ съ своего мѣста, и то для того только, чтобы приставить свой палецъ или магнитный жезлъ ко лбу или животу

¹ *Bouillaud* въ *Diction. de médecine et de chir. pratiques*, Paris, 1834, T. XI. стр. 304. — *Chonlant, Ricard* (1. cit.), *Kluge*: Versuch einer Darstellung des anim. Magnetismus, 2-te Aufl. Berlin, 1815. стр. 48.

пациентовъ, наиболѣе нуждавшихся, въ такой сильной помощи. Судорожныя движенія многихъ часто доходили до такой степени, что Месмеръ для нихъ долженъ былъ устроить особыя комнаты, выстланныя и обитыя тюфяками, (*chambres de crises*), куда ихъ переносили. Эти судороги почитались благодѣтельнымъ средствомъ; читатель легко представитъ себѣ всѣ злоупотребленія, возможныя при такомъ леченіи!...

D'Esloп совершенно держался, какъ уже выше сказано, способа Месмера, исключая одной гармоникки, на которой онъ не умѣлъ играть, и которую слѣдовательно объявилъ ненужною; въ частной практикѣ онъ употреблялъ или небольшую лоханку (*baquet portatif*), или механическія давленія на подреберья и нижнія части живота, продолжаемыя въ теченіе нѣкотораго, и довольно долгаго, времени, даже нѣсколькихъ часовъ сряду¹, или прикосновенія желѣзною палочкою: но не долго могъ онъ заниматься магнитизмомъ; онъ умеръ, въ 1786 году, въ цвѣтѣ лѣтъ, и какъ говорятъ, сообразно предсказанію ясновидящей женщины, увѣрившей его, что онъ не проживетъ болѣе трехъ мѣсяцовъ, если не оставитъ магнитическихъ занятій, «потому—что количество влаги имъ отдаваемой и воспринимаемой, должно было развѣдать его нервную систему....» Какой глубокой смыслъ въ этомъ, по видимому негѣпомъ, изреченіи истерической дѣвочки!....

Не менѣе ревностно занимался магнитическою практикою генералъ-лейтенантъ, маркизь *de Puységur*, который основалъ особое филармоническое общество въ Страсбургѣ, а потомъ въ Бордо, Суасонѣ, и другихъ городахъ. Онъ, какъ умный и свѣтскій чловѣкъ, чувствовалъ, сколь смѣшна была Месмерова лоханка, съ ея желѣзными прутьями, давшими ей видъ огромнаго паука (*d'une araignée-monstre*, по выраженію

¹ *Batilly*, въ упомянутомъ рапортѣ академіи, стр. 3.

насмѣшливой современницы), и оставилъ ее вмѣстѣ съ гармоникою и ужасными *chambres de crises*, прозванными Пюисегюромъ, по справедливости «адскими палатами.» Больные его собирались въ саду, подъ магнитизированными *деревьями*, которыхъ цѣлительное дѣйствіе было не менѣе сильно и поразительно; въ частныхъ домахъ онъ прибѣгалъ къ упомянутымъ механическимъ прикосновеніямъ къ тѣлу паціентовъ, что было не слишкомъ благопристойно ¹. Но ему принадлежитъ честь перваго открытія магнитическаго *снохожденія* (1787), котораго Месмеръ, кажется, не зналъ, и которое Пюисегюръ случайно замѣтилъ на одномъ изъ собственныхъ своихъ людей, магнитизированныхъ имъ. Восхищеніе и удивленіе Пюисегюра не имѣли границъ ² при этомъ открытіи, и толпы больныхъ и любопытныхъ, до 150 и болѣе, по его увѣренію, собирались около магнитизированнаго дерева, въ деревнѣ маркиза (Busancy). Съ этого времени начинается новая эпоха для месмеризма.

¹ Вотъ какъ мадамъ de Créquy описываетъ способъ его, о которомъ она увѣряетъ: «qu'il était tout-à-fait dépourvu de bienséance»; мы приводимъ подлинныя слова ея: «Il était assis devant ces dames, ses pieds touchant les leurs, ses regards enfoncés dans leurs yeux, et serrant fortement leurs genoux entre les siens; il leur tenait les mains appliquées dans les siennes..... Voilà ce qu'on appelait se mettre en rapport. Ensuite le magnétiseur promena doucement ses mains, à partir de la tête aux pieds, sur toutes les parties du corps de ces dames, en ayant soin de s'arrêter pendant la valeur d'une minute à chaque articulation des membres, et lorsque le sujet magnétisé fut supposé par lui devoir être suffisamment pénétré du fluide, il administra ce qui s'appelle le magnétisme à grands courants, ce qui consiste dans un mouvement à distance, operé largement avec les deux mains ouvertes et les doigts écartés, laquelle action est dirigée de la tête aux pieds avec la plus grande accélération.....» — (Souvenirs de la marquise de Créquy, T. V. pag. 135 (éd. de Bruxelles).

² Онъ ихъ хорошо выражаетъ въ письмѣ отъ осьмаго Марта 1784, напечатанномъ въ *mémoires pour servir à l'établissement du magnétisme animal*. T. I Bertrand, l. cit. стр. 213.

Судорожные кризисы постепенно уступали мѣсто снохожденію, всѣ наружныя вещественныя пособія были оставлены, и рука и глазъ магнетизера стали играть единственную роль при пользованіи. Девизъ Пюссегюра былъ: *croyez et veillez*. Посредствомъ этого девиза онъ считалъ себя способнымъ производить самыя удивительныя и непостижимыя явленія. Какой-то шевалье *Барбаренъ*, въ Лионѣ, основалъ другую школу, названную имъ *духовною* (*école spiritualiste*), въ которой не допускались никакія прикосновенія къ тѣлу больного, а довольствовались однимъ психическимъ вліяніемъ, устремленіемъ на него всего вниманія, твердой воли и проникающаго взора; другой ученикъ Месмера, аббатъ *Faria*, поступалъ еще проще: онъ сажалъ больного предъ собою въ темной комнатѣ, заставляя его закрыть глаза и сосредоточиться мысленно, потомъ помолчавши нѣкоторое время, когда собственное воображеніе было достаточно возбуждено, аббатъ громкимъ и повелительнымъ голосомъ, произносилъ слово: *dormez!* повторяя его два или три раза, если опытъ не тотчасъ удавался. Особь, у которыхъ всё-таки дѣйствія никакого не оказывалось, *Faria* объявлялъ неспособными къ магнетическому сну; впрочемъ онъ увѣряетъ, что этимъ простымъ способомъ онъ произвелъ снохожденіе болѣе чѣмъ у пяти-тысячъ особъ ¹!

Открытіе искусственнаго снохожденія опять доставило месмеризму входъ въ Германію: теорія эта, которую тамъ прежде называли вздорною и смѣшною, и которой изобрѣтатель объявленъ былъ мистикомъ и шарлатаномъ, эта теорія зерномъ понала на французскую почву, искусные садовники вывели изъ него дерево, взлѣблянное, пристриженное, украшенное французскимъ искусствомъ, и отправили его къ Нѣмцамъ, которые она повѣрили своимъ глазамъ, увидѣвъ роскош-

¹ Bertrand, *ibid.* стр. 247 и слѣдующія.

ное растеніе, и приняли его съ восторгомъ. Мисти-
ческій *Лафатеръ* принялъ месмеризмъ подъ свое
покровительство, получивъ его въ 1787 году, изъ
Страсбурга; *Гмелинъ*, въ Гейдельбергѣ, и *Вингольтъ*,
въ Бременѣ, сами стали магнетизировать. Но какъ ни
велики достоинства и заслуги знаменитаго сочинителя
«физиономическихъ отрывковъ», въ другихъ отноше-
ніяхъ — его заступленіе за месмеризмъ покажется нѣ-
сколько подозрительнымъ, когда мы вспомнимъ, что
Лафатеръ, увлеченный рѣшительною склонностью къ
сверхъестественному, таинственному и къ чудесамъ, такъ
же защищалъ и заклинателя бѣсовъ *Гаспера!*... *Лафа-*
теръ ожидалъ отъ магнетизма объясненія человѣческой
природы ¹.

Тогда въ Германіи начато было множество сочи-
неній о месмеризмѣ, не смотря на недавнее введеніе
этой теоріи ².

Между-тѣмъ, въ первыхъ годахъ нынѣшняго сто-
лѣтія, медикъ *Petetin*, въ Лионѣ, (французскіе писатели,
говоря о немъ, обыкновенно прибавляютъ «de plai-
sante mémoire») открылъ явленіе, чудесностью своею
превышающее все, что до него наблюдаемо было въ
магнетизмѣ. По его увѣренію, въ исторической *ката-*
лени (зависящей, по мнѣнію повѣвшихъ месмеристовъ,

¹ *Johann Caspar Lavater* родился въ Цюрихѣ, въ 1741 году и умеръ въ 1801, отъ послѣдствій раны, нанесенной ему французскимъ гренадеромъ, при взятіи Цюриха генераломъ Массеной. Смотри описаніе его жизни въ *Conversations-Lexicon Brockhaus*, пятomъ изданіи, 1840 года (которое во многихъ отношеніяхъ превосходитъ новѣйшія, особенно же 8-е изданіе 1835 года).

² Тогда вышли между прочимъ: *Materialien, für die Anthropologie, von Gmelin*, 1791 — 93; *A. Wienholt: Heilkraft d. thier. Magnetismus, nach eigen. Beobacht.* 1802 — 6. — *Ideen und Beobachtungen d. thier. Magnetismus betreffend, von Heineken*, 1800. — *Archiv. für d. thier. Magnetismus, von Nordhoff*, 1804. — *Einige Beobacht. über die menschl. Entwicklung, etc. von Hopfseugärtner*, 1792; и многія другія.

отъ магнитическаго вліянія) дѣйствіе наружныхъ органовъ чувствъ прекращается, внѣшній міръ ими не воспринимается; но зато всѣ впечатлѣнія сосредоточиваются въ сердечной ложечкѣ (*épigastre*) и въ концахъ пальцевъ! «Хотя умственные силы больныхъ,» сказано въ напечатанномъ въ 1808 году сочиненіи Пететена¹, «погружены нѣкоторымъ образомъ въ безпамятство, но это только мнимое, онѣ напротивъ того возвышены почти до *прормцанія*.» Съ этого открытія, теорія Месмера совершенно была оставлена магнетизерами, сохранившими только для виду первоначальное названіе магнетизма; о переломахъ болѣзней, о судорожныхъ движеніяхъ и испраженіяхъ съ-гѣхъ-поръ нигдѣ болѣе не упоминается, всѣ магнетизеры старались только произвести сомнамбулизмъ и «изобрѣтенное» ліонскимъ докторомъ перемѣщеніе органовъ чувствъ.

Революція и важныя политическія событія перваго пятнадцати-лѣтія нынѣшняго вѣка, на время отвлекли вниманіе публики отъ этихъ химеръ, и месмеризмъ казался забытымъ; но, къ сожалѣнію, съ восстановленіемъ мира и спокойствія въ Европѣ, магнетизеры опять зашевелились, и настоящимъ разсадникомъ ихъ явился родной край — Германія, наводнившая насъ сочиненіями о магнетизмѣ. Главнымъ защитникомъ его былъ берлинскій профессоръ *Вольфартъ*, который, въ 1814 году, посѣтилъ старика Месмера въ Швейцаріи, и посвященъ былъ имъ будто въ тайны своей теоріи (должно быть новое изданіе проданныхъ имъ въ Парижѣ на акціяхъ). Вольфартъ по возвращеніи своемъ въ Берлинъ написалъ три сочиненія *Mesmerismus, oder System der Wechselwirkungen; Theorie und Anwendung des thier. Magnetismus, von Doctor F. A. Mesmer,*

¹ *Electricité animale, prouvée par la découverte des phénomènes de la catalepsie hystérique, etc. Paris, 1808. — Bouilland. l. cit. pag. 310.*

herausgegeben von doctor Wolfart, Berlin 1814) и *Erläuterungen zum Mesmerismus*, Berlin 1815, и началъ издавать журналъ *Jahrbücher für den Lebensmagnetismus*, 1815 — 23. Школа, основанная имъ въ столицѣ Пруссіи, буквально держалась старинной Месмеровою методы: такія же публичныя засѣданія, та же паукъ-лоханка, то же тусклое освѣщеніе зеркальной залы, тѣ же полуспящія дамы, стонущія подъ звуки музыки; Вольфартъ съ магнитическимъ жезломъ ходилъ около больныхъ. Ученіе его основано было на грубѣйшемъ мистицизмѣ, и утверждало, что посредствомъ магнитизма, смертный человѣкъ духовно возвышается надъ обыкновенною духовною сферою человѣка, получаетъ вдохновенія и видѣнія разнаго рода, и участвуетъ въ могуществѣ и сообществѣ высшихъ духовъ, такъ, что такимъ образомъ отъ сноходцевъ можно ожидать истинныхъ данныхъ на счетъ устройства вселенной и самаго человѣка; однимъ словомъ животный магнитизмъ Вольфарта былъ *возвышеніемъ челоьческой природы!* Въ журналѣ его помѣщалось всякое наблюденіе, какъ-бы оно ни было необыкновенно и непостижимо, и даже тѣмъ болѣе оно противорѣчило всѣмъ извѣстнымъ законамъ природы, тѣмъ охотнѣе его принимали: критическое изслѣдованіе этой партіи казалось оскверненіемъ святыни магнитизма, и вскорѣ заблужденія ея не знали бы предѣловъ, если бы чрезвычайно неприятное приключеніе съ одною молодою ясновидящею Вольфарта (впрочемъ весьма естественное), — которое подало поводъ къ уголовному процессу въ Берлинѣ, а въ Германіи надѣлало много шума, — не заставило его вдругъ закрыть свои засѣданія, прекратить журналъ и на всегда удалиться изъ столицы: съ-тѣхъ-поръ онъ умолкъ ¹!

¹ L. Choulant. l. cit. pag. 27.

² Миѣ въ Берлинѣ очевидецъ разсказалъ слѣдующее происшествіе: «Генералъ-хирургъ *Мурзина*, извѣстный въ практикѣ и

Другому пути слѣдовалъ магнитизмъ въ рукахъ профессоровъ *Kieser*, въ Иенѣ, *Eschenmayer*, въ Тюбингенѣ, и *Nasse*, въ Боннѣ, которые вмѣстѣ издавали журналъ, *Archiv für den thier. Magnetismus*, 1817—24, XII томовъ: они сначала избѣгали всякаго мистическаго объясненія, и держались всегда разумной критики; но вскорѣ *Eschenmayer* предался отчаянному мистицизму, *Nasse* отказался отъ редакціи, и остался одинъ *Kieser*, который принималъ магнитизмъ за явленіе, принадлежащее къ области сна, въ которомъ человекъ изъ состоянія свободы, возвращается въ состояніе необходимости и связанъ силами общей жизни природы. Эти два мнѣнія: Вольфарта о *возвышеніи* магнитизируемыхъ въ участники міра духовъ, Кизера объ *униженіи* ихъ въ несвободное состояніе царства животныхъ, и понѣмъ раздѣляютъ на двѣ противоположныя секты тѣхъ немногочисленныхъ мечтателей, которые въ Германіи еще занимаются животнымъ магнитизмомъ¹.

Около 1820 года месмеризмъ достигъ своего апогея въ Германіи, и вотъ въ чемъ состояли главныя его теоре-

литературѣ военный медикъ, приглашенъ былъ Вольфартомъ въ одно изъ магнитическихъ засѣданій; онъ удивился глубокому сну всей публики, состоявшей почти единственно изъ дамъ, и чтобы удостовѣриться что сонъ этотъ непритворный, онъ подошелъ къ одной старухѣ, одѣтой бѣдно, сидѣвшей у дверей, и заснувшей при первыхъ движеніяхъ магнитическаго прутика. Мурзича взялъ ее за ногу и сказалъ въ полголоса пришедшему съ нимъ медику: Вотъ, кстати, попробуемъ на этой старухѣ, правда ли, что въ магнитическомъ снѣ, люди боли никакой не чувствуютъ, какъ говорятъ? Доставьте мнѣ, пожалуйста, мой длинный ножъ, мы ей ногу отрѣжемъ.» При этихъ словахъ спящая аскачила, и сказала съ трепетомъ: «Нѣтъ, милостивый государь, я получала по десяти грошей отъ профессора Вольфарта, чтобы засыпать въ каждомъ засѣданіи, но не для того, чтобы дать себѣ ноги рѣзать!» Известно, что въ магнитическомъ снѣ, больные не слышатъ ничего голоса, кромѣ своего магнитизера, по удивленію адептовъ.

¹ L. Choulant, cit. стр- 28.

мы, которыхъ опредѣленіемъ и приведеніемъ въ систему особенно занимался Kluge въ Берлинѣ¹. Этотъ ученый, почтенный наставникъ мой, вообще мастеръ дѣлать классификаціи.

«Главное дѣйствіе магнитизма обнаруживается въ усиленіи жизненной дѣятельности всего организма: слабость замѣняется бодростью, біеніе сердца и дыханіе ускоряются, умственные силы возвышаются, нервная система успокоивается, спазмы, судороги, если они существовали прежде, проходятъ, и такъ далѣе. Частныя явленія, различныя въ разныхъ особахъ, можно раздѣлить на три степени (по Грейнеру²; Kluge принимаетъ ихъ шесть), и по мѣрѣ того, какъ человекъ изъ низшей переходитъ въ высшую, онъ болѣе и болѣе удаляется отъ чувственнаго міра, его наружныя органы чувствъ закрываются, и вмѣсто ихъ пробуждается *внутреннее чувство* (ein innerer Sinn) совершенно ихъ замѣняющее.»

Въ первой степени, магнитизируемые чувствуютъ холодъ, летучія боли, тоску и тому подобное, и дѣйствіе органовъ чувства отчасти прекращается: является тяжесть въ вѣкахъ и непреодолимое желаніе ихъ закрыть, сопровождаемое невозможностью раскрывать ихъ въ продолженіе всего засѣданія; это состояніе называется магнитическимъ *полу-сномъ* (magn. Halbschlaf); въ немъ человекъ мало-по-малу теряетъ сознаніе внѣшняго міра и приходитъ въ состояніе покоя, совершенно похожаго на *сонъ*; изъ него онъ не выходитъ даже тогда, когда переступаетъ въ высшую степень, то есть, когда онъ пробуждается не изъ магнитическаго сна, а *съ нимъ* (какое рабулистическое различіе!), начинаетъ ясно чувствовать себя и свое положеніе, и отдѣляясь совершенно отъ наружнаго міра, тѣмъ сильнѣе развиваетъ свою

¹ Versuch einer Darstellung des thier. Magnetismus als Heilmittel, von Kluge, 2-te Aufl., Berlin, 1815.

² Conversation-Lexicon 3-е изданіе, 1820, статья Magnetismus, написанная литерою Н (D-tor Greiner.)

внутреннюю дѣятельность. Онъ тогда находится во снѣ, но не въ забытьи, и совершенно зависить отъ магнетизера, который составляетъ какъ-бы орудіе, посредствомъ котораго спящій, ощущаетъ, размышляетъ, дѣйствуетъ и воспринимаетъ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ.»

«Въ этомъ состояніи *снобднія* (Schlafwachen) заключается вторая степень, называемая также *простымъ снохожденіемъ* (einfacher somnambulismus): спящій внутренно бодрствуетъ, въ замѣнъ закрытыхъ наружныхъ чувствъ, внутреннее, а въ особенности осязаніе, достигаетъ высочайшей тонкости; средоточіе этой новой способности находится въ сердечной ложечкѣ (épigastre), черезъ которую спящій различаетъ самые мелкіе объекты зрѣнія, опредѣляетъ ихъ цвѣтъ и очерки, читаетъ запечатанныя письма туда положенныя, означаетъ все что магнетизеръ держитъ въ закрытой рукѣ и тому подобное. Это утонченное чувство не только распространено на всей поверхности тѣла, но и переступаетъ за предѣлы его, такъ-что спящій ходитъ съ закрытыми глазами, видитъ всѣ препятствія на дорогѣ своей, и искусно ихъ избѣгаетъ; постороннія особы замѣчаются только тогда, когда они находятся въ *магнетическомъ соотношеніи* (in Rapport) съ спящимъ или магнетизеромъ. Кромѣ того сноходцы различаютъ предметы, недоступныя чувствамъ прочихъ людей: они, напримѣръ, видятъ сіяніе, выходящее на подобіе электрическаго огня изъ глазъ, пальцевъ, вмось магнетизера¹; прикосновеніе постороннихъ особъ къ тѣлу ихъ, производитъ въ сноходцахъ боль, параличъ или судороги²; употребленіе языка совершенно свободно (какая выгода для женскихъ сомнамбуловъ!). Это состояніе можетъ продол-

¹ Д. Велланскій, I. cit. стр. 76.

² Д. Велланскій: животный магнетизмъ, etc. Санктпетербургъ, 1815, стр. 89.

жаться отъ часу до нѣсколькихъ сутокъ, съ промежутками естественнаго сна, такъ, что сноходець занимается и обыкновенными своими дѣлами, въ продолженіе его. (Велланскій I. с. стр. 110).»

«Въ третьей степени, всѣ эти явленія достигаютъ своей вершины; пробуждается внутреннее *самовидніе*, въ которомъ сноходець получаетъ самое ясное сознаніе о физическомъ и душевномъ состояніи своемъ, и въ слѣдствіе этого опредѣляетъ самымъ точнымъ образомъ, предстоящія ему болѣзни или будущія перемѣны настоящихъ болѣзней и способнѣйшія средства къ устраненію ихъ; это называется *ясновидніемъ* (*clairvoyance*), и простирается въ послѣдствіи и на особъ находящихся въ соотношеніи съ ясновидящими, и тѣмъ болѣе на самого магнитизера: всѣ ощущенія послѣдняго немедленно сообщаются спящему. Онъ, напримѣръ, слышитъ стукъ часовъ, приложенныхъ къ уху магнитизера, хотя ничего не слышитъ, когда ихъ держать подлѣ собственнаго его уха и такъ далѣе. Ясновидящій можетъ наконецъ прійти въ магнитическое соотношеніе съ особами, находящимися въ большомъ разстояніи отъ него, какъ скоро магнитизеръ только *думаетъ* о нихъ; можетъ читать въ мысляхъ магнитизера ¹, раздѣляетъ всѣ его идеи и ощущенія, и магнитизеръ опять въ состояніи усыпить ясновидящаго однимъ устремленіемъ на него *воли* своей, какъ велико бы ни было разстояніе между ними ². Душа ясновидящаго вступаетъ въ непосредственную связь съ природою, и тому подобное, и это состояніе называется *изступленіемъ* (*ecstasis*). На лицѣ спящаго выражается чувство чистѣйшаго удовольствія и наслажденія; всякое приближеніе постороннихъ, не одушевленныхъ такими же чистыми мыслями, тот-

¹ Kluge, I. cit. стр. 189.

² Ibid. стр. 196.

часть разстраиваетъ эту гармонію и покой, къ величайшему вреду спящаго ¹!»

«Отъ магнетизера требуются нѣкоторыя особыя качества; онъ долженъ имѣть болѣе тѣлесной крѣпости нежели его больной ², и вообще долженъ имѣть тѣло не только крѣпкое, но и совершенно здоровое; лучший возрастъ полагается для него между двадцать—пятьми и пятидесятымъ годомъ; мысли его *должны* быть непроизвольны, безъ чувственныхъ вожделѣній, и тому подобное, наконецъ, ему необходимы еще твердая воля и *живая душа* въ магнетизмъ ³!»

«Послѣ удачнаго дѣйствія на сомнамбула, магнетизеръ находится въ какомъ—то неприятномъ общемъ ощущеніи (allgemeines Missbehagen), пищеварительная система его ослаблена и силы истощены; степень этого ослабленія ихъ соотвѣтствуетъ способности магнетизируемой особы воспринимать магнетическое вліяніе, равно какъ и продолженію и частому новтorenію операціи ⁴.»

«Нѣкоторые магнетисты полагаютъ, что совершенное «изнеможеніе отъ магнетизированія можно предотвратить тѣмъ, когда въ ясные вечера, стоять часто нѣ—
«которое время съ распростертыми руками къ полудню,
«возбуждая въ себѣ чувство воспріятія чего—то из—
«внѣ. Такимъ способомъ, по ихъ увѣренію, получается
«въ тѣло новая жидкость изъ пространства міра....» Гмелинъ говоритъ: «Манипулируя четверыхъ или пятерыхъ
«больныхъ въ одинъ день, я ощущаю весьма примѣтную
«слабость. Рѣдко случалось мнѣ, отъ одного опыта надъ
«больнымъ чувствовать ослабленіе. Но такіе опы—
«ты доказываютъ, что нѣкоторые больные имѣютъ въ

¹ Ibid. стр. 200.

² Веллаускій I. с. стр. 163. Kluge, стр. 314.

³ Веллаускій, I. cit. стр. 166; Kluge, стр. 317.

⁴ Kluge, I. с. стр. 83. Веллаускій стр. 44.

«себѣ пустоту, въ которую животворная жидкость «изъ магнетизера сливается съ великимъ стремленіемъ.» (Велланскій, libg. cit. стр. 251. Kluge стр. 401) Совѣтуемъ читателю справиться здѣсь съ обстоятельствами, изложенными въ секретномъ рапортѣ Bailly.

«Можно магнетизировать и неодушевленные предметы, и сообщить имъ свойство дѣйствовать на больныхъ такъ же точно, или только немного слабѣе, какъ и манипуляція врача; сюда принадлежатъ преимущественно растения, вода, стекло и желѣзо¹. Ясновидящія часто замѣчаютъ особое сіяніе магнетизированной жидкости², которая употребляется или внутрь, или для ножныхъ и общихъ ваннъ, и тому подобное. Деревья магнетизируются всегда въ направленіи отъ юга къ сѣверу, черезъ прикосновеніе къ нимъ, по извѣстнымъ правиламъ, подробно изложеннымъ въ сочиненіи Клуге³, желѣзною палочкою, и такъ далѣе. Самихъ-же ясновидящихъ можно магнетизировать, не только безъ всякихъ манипуляцій, черезъ одно дуновеніе врача, или устремленіе его взора и твердой воли на больного; но даже черезъ магнетизированіе издали образа больного *отражающагося въ зеркаль*⁴».

Манипуляціи, или различные ручные приемы, употребляемые при магнетизированіи, весьма подробно описываются въ сочиненіи Клуге, раздѣляющаго ихъ на приемы съ дуновеніемъ, потираніемъ, пожиманіемъ, давленіемъ, опрыскиваніемъ, и такъ далѣе. Мы ниже представимъ читателямъ способъ, употребляемый во Франціи, и вообще всѣми новѣйшими магнетистами.

Такимъ образомъ нѣмецкій геній, творческій и въ заблужденіяхъ своихъ, умѣлъ облечь въ систематиче-

¹ Kluge, ibid. стр. 403.

² Ibid. стр. 406.

³ Ibid. стр. 419.

⁴ Ibid. стр. 153. Велланскій I. с. стр. 110.

скія формы химерическіе призраки разстроеннаго воображенія. Къ счастью, заблужденіе продолжалось недолго. Клуге, послѣ упомянутаго приключенія, которое случилось съ Вольфартомъ, отказался отъ месмеризма; публика была разочарована, и мы надѣемся, что не смотря на вновь появившееся во многихъ мѣстахъ Германіи мистическое направленіе, вопросъ о магнитизмѣ въ ней на всегда *рѣшенъ!* Попытки *Эшенмайера* и особенно *Юстина Кернера* (сочинителя известной книги *die Seherin von Prevorst*) возобновить всѣ суевѣрія и предразсудки вѣковъ печальнаго мрака и невѣжества, подъ предлогомъ доказать сообщеніе нашего міра съ міромъ духовъ (*das Hereingragen einer Geisterwelt in die unsrige.....*) приняты были съ негодованіемъ, по-крайней-мѣрѣ въ сѣверной, не католической части Германіи (ср. *Bird: Mesmerismus und Belletristik in ihrem Schädlichen Einflusse auf die Psychiatrie, 1837*). Трудъ профессора *Генслера* (*Ueber die verschiedenen Arten des thier. Magnetismus, 1833*), — въ которомъ онъ старается объяснить дѣйствія, нерѣдко столь вредныя, магнитизма, черезъ раздѣленіе его на воздушный, огненный, водяной, и такъ далѣе, — не обратилъ на себя никакого вниманія, равно какъ нѣкоторые другія изъ новѣйшихъ сочиненій¹. Наконецъ, послѣднія наблюденія дрезденскихъ врачей надъ мнимомъ ясновидящею, напечатанныя по повелѣнію саксонскаго короля, открыли глаза публикѣ и, кажется, нанесли послѣдній ударъ шаткому ученію магнитистовъ².

¹ Hensler loc. cit. стр. 20, 21- —

² I. U. Wirth: *Theorie des Somnambulismus, etc., 1836*. Изъ этого сочиненія трудно добиться толку! — С. W. Stark, *allgem. Pathologie, 1838*. — Fr. Fischer. *der Somnambulismus, и ивора друга*.

³ Ср. *Berichte und Protokolle über die ärztliche Beobachtung der sogenannten Somnambule, von Joh. Christian Höhne, Dresden 1840. 12.* — Тринадцать медиковъ попеременно дежурили день и ночь у этой

Въ нашемъ отечествѣ *Велланскій* перевелъ вышеприведенное сочиненіе Клуге, и прибавилъ къ нему третье отдѣленіе, «эсорія животнаго магнитизма». Но вообще сей послѣдній имѣлъ мало успѣха, мало писали о немъ и столь же мало ниъ занимались.

Въ Англіи хладнокровный, трудно воспламеняемый, практическій характеръ народа, съ самаго появленія месмеризма, отказался отъ всякаго участія въ немъ, и до-сихъ-поръ остается въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ нему¹.

Другой оборотъ дѣло приняло во Франціи. Тамъ магнитисты, съ свойственнымъ Французамъ тактомъ и отвращеніемъ отъ всякихъ отвлеченныхъ спекуляцій, тотчасъ смекнули, что публика не любитъ умозрительныхъ разсужденій о *сущестѣ* магнитизма и о причинахъ его явленій, и что надобно ее забавлять, или лучше, удивлять; что, чѣмъ непостижимѣе явленіе, чѣмъ болѣе оно противорѣчитъ здравому разсудку и общимъ законамъ природы, тѣмъ легче толпа ему върится. Посему они начали разсказывать чудеса о способности ясновидящихъ предсказывать будущность, узнавать самыя сокровенныя мысли и болѣзни, читать съ завязанными глазами, и тому подобное; начали разглашать сверхъестественную силу магнитизеровъ, ихъ вліяніе на людей, животныхъ, растенія; давали публичныя засѣданія, въ которыхъ сноходцы съ закрытыми глазами играли въ пикетъ, и бесѣдовали съ духами, и такъ далѣе. Не менѣе того они чувствовали, что ученіе ихъ тогда только получитъ вѣсь и распространеніе въ народѣ, когда ученое общество под-

сноходцы, записывая въ протоколъ все, что она дѣлала, говорила, и тому подобное, въ теченіи довольно долгаго времени; они единогласно рѣшили, что сонъ ея былъ притворенъ.

¹ L. Choulant, über den animalischen Magnetismus, Dresden, 1842, стр. 29.

твердить его своимъ одобреніемъ, и поэтому, хотя со страхомъ и тяжелымъ сердцемъ, рѣшились однако жъ вновь обратиться къ медицинской академіи въ Парижѣ съ просьбою освидѣтельствовать нѣкоторыхъ сноходцевъ и ясновидящихъ.

Съ того времени, какъ Bailly, въ 1784 году написалъ рапортъ, столь невыгодный для Месмеровою теоріи, ею болѣе не занимались оффиціально во Франціи; извѣстнѣйшее сочиненіе объ этомъ предметѣ написалъ блангонамбренннй, но мистическій *Deleuze*, профессоръ при Jardin des plantes въ Парижѣ (*Histoire critique du magnétisme animal*, Paris, 1813, 2 vol. 8°; 2-е изданіе 1819 года)¹, и потомъ *Bertrand*, бывшій прежде, до избранія имъ медицинскаго карьера, отличнмъ воспитанникомъ политехнической школы (*Traité du somnambulisme et des différentes modifications qu'il présente*, Paris, 1823); но онъ черезъ три года издалъ другую книгу (*Du magnétisme animal en France, etc. suivi de considérations sur l'apparition de l'extase dans les traitements magnétiques*, Paris, 1826), въ которой самъ изъясняетъ свое сомнѣніе, на счетъ дѣйствительности болѣе части магнитическихъ явленій, которыя онъ приписываетъ игрѣ воображенія. Болѣе шуму надѣлала статья профессора Rostan (въ *dictionnaire de médecine* en 21 vol. 1825), которая привела въ удивленіе весь медицинскій свѣтъ: никто не ожидалъ, чтобы врачъ столь просвѣщенный, умный и почтенный, могъ заступиться за магнитизмъ, основываясь будто на собственныхъ наблюденіяхъ: изумленный *Andral* въ лекціяхъ своихъ объявилъ, что это единственные достовѣрные опыты приобрѣтенные для науки. Къ счастью, новѣйшее время открыло, что Rostan былъ обманутъ, «*mystifié*» двумя хитрыми женщинами²!

¹ Deleuze еще написалъ: *Défense du magnétisme animal, contre les attaques dont il est l'objet*, Paris, 1819. — *Instruction pratique sur le magn. animal*, Paris, 1823, стр.

² Дешамбръ напечаталъ въ *Gazette médicale* двѣ статьи (12

Между тѣмъ магнитизеры, ободренные тогда подобнымъ неожиданнымъ защитникомъ, и, побѣждая свое отвращеніе отъ всякихъ академическихъ изслѣдованій¹, нашли молодаго медика, который взялся хлопотать за нихъ въ Парижской академіи: докторъ *Foissac*, 11 Октября 1825 года, обратился къ ней письменно, съ предложеніемъ приступить къ повторенію изслѣдованія учиненнаго за сорокъ лѣтъ тому, надъ магнитизмомъ, и вызвался, въ случаѣ согласія ея, представить комиссіи сомнамбулу, которую онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи. Послѣ жаркихъ преній², академія опредѣлила поручить предварительно особой комиссіи рѣшеніе вопроса: «Прилично ли академіи заняться животнымъ маг-

Сентября 1835 и 22 Апрѣля 1837 года), въ которыхъ онъ не только представляетъ очевидные примѣры обмана со стороны магнитизеровъ, но увѣряетъ также, что вдова *Brouillard* и *Petronille*, «двѣ знаменитыя героини магнитическихъ опытовъ *Georget* и «*Rostan*, постоянно насмѣхались (*se sont moquées*) надъ ними. «Одна изъ нихъ, *Petronille*, умерла отъ чахотки въ больницѣ *Salpêtrière*, въ 1835 году..... и въ послѣдніе дни своей жизни призналась, что она никогда не имѣла ни одного признака схожденія (1), *et s'être constamment moquée* (с''était son expression) «de *Georget* et des autres». — Она увѣрила, что проводила съ вдовою Брульяръ чудесные вечера «à énumérer toutes les mystifications de la journée; et préparer celles de lendemain». (*Précis pratique du diagnostic par Luciborsky* (Bruxelles) 1838, pag. 248. Вотъ какъ дѣлаются наблюденія!

¹ Упомянутый мосъё *Ricard*, повторивъ въ своемъ сочиненіи вѣстную эпиграмму Пирона противъ «Messieurs les quarante», — простительную оскорбленному тщеславію поэта, но непростительную въ книгѣ, имѣющей притязаніе на серьезное содержаніе, — прибавляетъ: «aujourd'hui à l'égard d'autres corps académiques, cette épigramme devrait peut-être se traduire ainsi: ils sont là qui apprécient, qui raisonnent et qui jugent comme les pensionnaires de charenton (сумашедшаго дома)» и дальше. «On serait vraiment tenté de croire que certains personnages n'ont qu'à passer le seuil d'un pratique à épigraphe (парижскаго Institut de France), pour être spontanément privé de la raison!».....

² Эти пренія напечатаны въ сочиненіи *Bertrand*, стр. 317—332.

нитизмомъ?» Коммиссія отвѣчала, что мнѣніе коммиссаровъ, изслѣдовавшихъ животный магнетизмъ, въ 1784 году, ни мало не должно удерживать академію отъ новаго изслѣдованія, «потому—что метода Месмера по теоріи, приемамъ и результатамъ своимъ совершенно различна отъ магнетизма въ томъ видѣ, въ которомъ представляется точнымъ и просвѣщеннымъ наблюдателямъ новѣйшихъ временъ; что по этому долгъ академіи требовалъ, чтобы она предприняла новые опыты «à fin d'en enlever l'usage et la pratique aux gens tout-à-faits étrangers à l'art (медицины), qui abusent de ce moyen et en font un objet de lucre et de spéculation».

Побужденная, вѣроятно, послѣднимъ изъ приведенныхъ доводовъ, не слишкомъ лестнымъ для магнетизеровъ вообще (а во Франціи они по большей части не медики), академія наконецъ согласилась назначить временную коммиссію для изслѣдованія и повѣрки ихъ ученія. Радость магнетистовъ была невыразима: они достигли главной, единственной цѣли своей — придать новую важность месмеризму въ глазахъ публики, черезъ участіе въ дѣйствіяхъ ихъ перваго медицинскаго общества во Франціи. Повторяя то, что месмеръ сдѣлалъ прежде, когда пустился въ переговоры съ правительствомъ, они не говорили, что ихъ будутъ критически обсуживать, нѣтъ! они увѣряли, что *даже* академія видить себя принужденною изучить магнетизмъ, повинуваться очевидности! Какое лучше доказательство, что первые коммиссары, сорокъ лѣтъ тому ошиблись! А не то, съ какой стати стали бы повѣрять вновь ихъ опыты и мнѣнія?..... Въ этомъ отношеніи академія дала дѣйствительно промахъ, и весьма значительный, котораго вредныя послѣдствія еще увеличились неудачнымъ выборомъ самыхъ коммиссаровъ: въ нихъ замѣтно было явное предубѣжденіе въ пользу теоріи, которую имъ поручалось изслѣдовать. Дѣйствія коммиссін продолжались около *шести* лѣтъ, въ продол-

женіе которыхъ магнитизеры, не боясь уже противорѣчія со стороны академіи, обнародовали наблюденія и факты, діаметрально противоположныя всѣмъ законамъ опыта и разсудка.

Наконецъ, 21-го Іюня 1831 года, докторъ Гюссакъ представилъ академіи докладъ комиссіи, и восхищенные магнитизеры воскликнули : «*Au bout de cinq longues années de patience et d'épreuves, les magnétiseurs se virent enfin triomphants!*» Мы намѣрены разсматривать здѣсь этотъ докладъ съ нѣкоторою подробностью : онъ составляетъ важнѣйшій офиціальный документъ, въ которомъ дѣйствія магнитизма подвергаются контролю, хотя не строгому и потому неудовлетворительному. Намъ можетъ-быть спросить : для чего мы посвящаемъ «профановъ» въ эти внутреннія несогласія врачебной науки, и не лучше ли было — бы на всегда ихъ скрыть отъ нихъ?..... Вотъ нашъ отвѣтъ : мы рѣшительно раздѣляемъ и сами защищаемъ мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что въ медицинѣ полузнаніе несравненно вреднѣе совершеннаго незнанія ; но въ настоящемъ случаѣ мы не дѣйствуемъ добровольно, а насъ магнитизеры къ тому принуждаютъ ; они первые напечатали докладъ комиссіи въ своихъ сочиненіяхъ, писанныхъ для профановъ ; они первые, отвергая правильное и основательное изслѣдованіе ихъ ученія передъ судимществомъ науки, обратились къ публикѣ, какъ высшей инстанціи, и требовали переслѣдованія дѣла. Не долгъ ли это намъ теперь, стараться, чтобы эта высшая инстанція по-крайней-мѣрѣ не получила фактовъ искаженныхъ, представленныхъ съ ложной точки зрѣнія? Мы играемъ здѣсь роль *попятаго*, и указываемъ публикѣ-судьѣ, на какія стороны она должна обратить свое вниманіе, чтобы произнести правильный приговоръ!

Мы предоставляемъ безпристрастному читателю опредѣлять по прочтеніи рапорта комиссіи, дѣйствительно ли магнитисты имѣли право *торжествовать*.

V.

Докладъ написанъ очень хорошо: ясность и плавность слога, распредѣленіе фактовъ, могутъ въ немъ служить образцомъ для подобныхъ трудовъ; но заключенія не совсѣмъ удовлетворительно выведены, и недостаточно основаны на изложенныхъ наблюденіяхъ; очевидно, что комиссары, увлеченные предубѣжденіемъ въ пользу теоріи, подлежащей ихъ изслѣдованію, судили не безпристрастно и не довольно строго.

Первые шаги ихъ не были увѣнчаны успѣхомъ: главная сомнамбула (la fameuse Mlle Céline), которую Фуасакъ представилъ имъ, чтобы убѣдить комиссію въ дѣйствительности всѣхъ увѣреній магнетизеровъ, не могла произвести ни одного явленія, которое бы выступало изъ фізіологическихъ законовъ и предѣловъ организма, и поэтому перестала подвергаться дальнѣйшему изслѣдованію. Кажется, такое начало должно было возбудить сильное подозрѣніе въ умѣ каждаго, хладнокровно разсуждающаго: академія имѣла право обидѣться тѣмъ, что именно та ясновидящая, которая подала поводъ къ составленію комиссіи, оказалась неспособною къ изслѣдованію. Комиссія напротивъ — того полагаетъ, что «неопытность, нетерпѣніе, недоувѣріе ея членовъ безъ сомнѣнія утрудили мамзель Селингъ.»¹ Лишившись этой особы, комиссары начали искать въ больницахъ случаевъ для продолженія своихъ наблюденій, но, въ слѣдствіе опредѣленія главнаго начальства госпиталей, запрещающаго употребленіе всякаго новаго способа леченія, предварительно имъ не одобреннаго, магнетическіе опыты и тутъ вскорѣ прекратились; комиссія принуждена была искать въ частной практикѣ *годныхъ субъектовъ*, хотя члены ея, какъ медики, долж-

¹ Мы вездѣ употребляемъ знаки « » тамъ гдѣ приводимъ собственныя слова рапорта.

ны были знать, какъ недостоверны и сомнительны всѣ такого рода опыты надъ больными, не подверженными непрерывному, строгому надзору; но мало этого: къмѣ, думаете вы, доставлена была большая часть ихъ? Двумя магнетизерами же, господами Фуасакъ и Дюпотѣ! Кто ручался комиссіи, что всѣ наблюдаемое надъ подобными больными, не условливалось прежде, или не выучивалось ими, какъ заданный урокъ?...

Коммиссары подводятъ всѣ видѣнныя ими явленія подъ слѣдующіе четыре разряда:

1) Магнитизмъ не обнаруживаетъ никакой вліянія на людей здоровыхъ и на нѣкоторыхъ больныхъ.

2) Въ другихъ случаяхъ это вліяніе выражается весьма неясно.

3) Явленія часто зависятъ отъ скуки, однообразія или дѣйствія воображенія.

4) Они иногда развиваются независимо отъ этихъ послѣднихъ причинъ «и вѣроятно въ слѣдствіе магнитизма.»

Въ первомъ отношеніи, три члена комиссіи въ разное время, и при различномъ состояніи своего здоровья, подвергались магнитизированію, не ощущали никакого рѣшительно вліянія на себя; самъ докторъ Гюссонъ, сочинитель рапорта, однажды имѣлъ терпѣніе просидѣть три-четверти часа неподвижно, съ закрытыми глазами, во время манипуляцій, и не смотря на скуку такого положенія и на совершенную тишину, «которая весьма легко должны были усыпить его», онъ совершенно ничего не чувствовалъ.

Подъ второй разрядъ подходятъ опыты, сдѣланные надъ нѣсколькими больными и членами комиссіи, опыты, въ которыхъ замѣчено было только ускореніе, или на оборотъ, большая медленность пульса и дыханія и легкій сонъ, что по мнѣнію самой комиссіи, не выходитъ изъ круга естественныхъ явленій.

Въ третьемъ разрядѣ мы уже находимъ опыты, которые отчасти доказываютъ обманъ со стороны боль-

ныхъ, хотя комиссары приписываютъ ихъ дѣйствию воображенія и тому подобному. Дѣвица Леметръ, двадцати-пяти лѣтъ, страдала глазами; ее магнитизировали одиннадцать разъ; съ четвертаго разу появился сонъ, который постепенно усиливался въ каждомъ изъ слѣдующихъ засѣданій, и сопровождался судорожными движеніями мускуловъ лица, плечъ, рукъ и такъ далѣе. Въ одиннадцатомъ засѣданіи, магнитизеръ, по требованію комиссіи, сѣлъ позади больной, не дѣлая никакого движенія и *безъ намѣренія* ее магнитизировать (адепты увѣряютъ, что часто одного намѣренія или твердой воли ихъ, достаточно, чтобы произвести всѣ явленія спохожденія): сонъ не смотря на это, былъ сильнѣе и глубже, чѣмъ въ предъидущіе дни!... Глазная болѣзнь не поправилась.

Луиза Ганно, служанка, подверженная, «по ея словамъ», нервнымъ припадкамъ, магнитизирована была восемь разъ. Въ каждомъ засѣданіи съ ней дѣлались сильныя судороги; она стонала и наконецъ засыпала; тѣ же явленія повторились въ шестомъ засѣданіи, когда магнитизеръ стоялъ предъ нею «съ намѣреніемъ ее магнитизировать», но не дѣлая никакихъ движеній (*passes*). Въ слѣдующій день онъ сталъ *позади* больной, расположившейся въ большихъ креслахъ, протянулъ свои пальцы по направленію ея спины: сонъ и судороги обнаружались тотчасъ и съ «большою силою»; больная по пробужденіи своемъ увѣряла, что сзади что-то крѣпко беспокоило ее. Но на другой день, въ тотъ же самый часъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, при тѣхъ-же лицахъ и приуготовленіяхъ, больную опять усадили въ тѣ же кресла; однимъ словомъ все было то же; недоставало только главнаго магнитизера (господина Дюпонтѣ), который, по желанію комиссіи, нарочно не явился; между тѣмъ всѣ вышеописанные припадки и сонъ возобновились у больной, не знавшей, что магнитизера вовсе не было!... Неужели это не подозрительно? Подоб-

нымъ образомъ и третій больной, мужчина, который въ продолженіи нѣсколькихъ засѣданій, постоянно засыпалъ, когда магнитизеръ стоялъ и позади его, равномѣрно заснулъ въ пятнадцатомъ засѣданіи, хотя сей послѣдній, стоя позади кресель, «не магнитизировалъ его вовсе». Вотъ и всѣ опыты третьяго разряда.

Приступимъ наконецъ къ четвертому, въ которомъ явленія «вѣроятнo были слѣдствіемъ магнитизма»; мы представимъ главнѣйшіе опыты комиссіи.

1. Двадцати-осьми-мѣсячный ребенокъ, подверженный нервнымъ припадкамъ, былъ магнитизированъ господиномъ Фуасакomъ. Послѣ первыхъ *passes* мальчикъ сталъ тереть себѣ глаза, наклонилъ голову на бокъ, упѣръ ее на подушку дивана, на которомъ его посадили, зѣвалъ, чесалъ голову и уши «и казалось сонъ имъ овладѣвалъ», но вскорѣ онъ всталъ, и потомъ его никакъ нельзя было уже усыпить. Еще два опыта, подобнаго рода, заставляютъ комиссію увѣрять, что всѣ три наблюденія «совершенно достойны вниманія». Право нѣтъ! Мы не находимъ ничего удивительнаго въ томъ, что трехъ-лѣтній мальчикъ, когда надъ нимъ начали дѣлать пресерьезно, разныя весьма смѣшныя движенія, не заснулъ, а, казалось, хотѣлъ — было заснуть.

Комиссіа переходитъ потомъ къ собственно снохожденію, въ которомъ, «по увѣренію магнитизеровъ», спящій слышитъ только голосъ ихъ, или особъ, находящихся съ ними «en rapport», и въ которомъ наружные органы чувствъ погружены въ бездѣйствіе, между тѣмъ какъ вмѣсто ихъ пробуждается внутреннее чувство, родъ инстинкта, сообщающій спящему не только сознаніе собственнаго состоянія, но и другихъ лицъ, находящихся съ нимъ въ соотношеніи. «Коммиссары должны были съ величайшею тщательностью и строгостью изслѣдовать предметъ, столь противорѣчащій всѣмъ прежнимъ познаніямъ», и «столь легко могущій быть

употребленнымъ во зло шарлатанствомъ.» Взгляните теперь на эту строгость, и на полученный результатъ:

2. Первая больная (дѣвица Делапланъ, шестнадцать лѣтъ) магнетизирована была семь разъ господиномъ Фуасакомъ, и уже въ первомъ засѣданіи заснула послѣ осьми минутъ; въ третьемъ засѣданіи она знаками (разумѣется спящая) показала, что будетъ говорить чрезъ два дня и укажетъ на мѣсто своей болѣзни; ее магнетизировали еще четыре раза, и она «ничего не говорила»; между-тѣмъ родственники, узнавъ какому способу ее подвергаютъ, взяли ее изъ заведенія. По чьему же совѣту? Не господь ли магнетизеровъ, убѣдившихся вѣроятно, что эта дѣвица не помнила заданныхъ уроковъ? Съ какой стати, наконецъ, этотъ опытъ попался въ число явленій, зависящихъ «вѣроятно отъ вліянія магнетизма»?

3. Другой больной, мужчина, магнетизированный господиномъ Дюпотэ, также заснулъ черезъ нѣсколько минутъ въ первомъ засѣданіи. На вопросъ: что у него болитъ? онъ показываетъ на грудь; спрашиваютъ, «какой именно органъ страдаетъ? — *«Печень.»* — Гдѣ же она находится? спящій опять указываетъ на *грудь!*... Такъ-то внутренній инстинктъ, самовидѣніе это, не знаетъ первыхъ началъ анатоміи. Право, чтобы давать подобныя промахи, не нужно быть ясновидящимъ!...

«Въ этихъ двухъ случаяхъ, говоритъ комиссія, мы видѣли первый очеркъ (*ébauche*) спохожденія, первые слѣды прорывающагося во снѣ разсудка, «хотя обѣщанія больныхъ никогда не исполнялись.» Намъ кажется, что тутъ видно совсѣмъ другое.

4. Дѣвица Мартино, девятнадцать лѣтъ, магнетизировалась господиномъ Дюпотэ пятнадцать дней сряду. Со втораго засѣданія она заснула; ее спрашиваютъ: Видите ли вы присутствующихъ здѣсь?—«Нѣтъ; но я слышу голоса ихъ»; а между-тѣмъ всѣ тогда молчали! Она увѣряетъ, что проснется черезъ пять, и въ другой разъ,

черезъ десять минутъ, и просыпается черезъ семнадцать и шестнадцать минутъ; она общается, что въ такой-то день подробно объяснить свойства своей болѣзни: день этотъ наступаетъ и ясновидящая ничего не говоритъ. «Однимъ словомъ, заключаетъ комиссія, больная всякій разъ ошибалась». Отчего же вы ее помещаете между доказательствами дѣйствительности магнетизма?

5. Еще любопытнѣе слѣдующій опытъ, который, право, долженъ бы былъ открыть глаза комиссарамъ, если бы ихъ глаза не были до того ослѣплены, что мы этихъ господъ считаемъ почти «ясновидящими». Какой-то господинъ де-Желенъ извѣстилъ комиссію письменно, что у него въ домъ живетъ швея, госпожа Кутюрье, тридцати лѣтъ, умѣющая «между прочимъ» угадывать мысли своего магнетизера; и исполнять приказанія, мысленно имъ ей данныя. Два комиссара немедленно отправились къ господину де-Желену, который повторилъ имъ изустно свои увѣренія; одинъ изъ комиссаровъ написалъ на бумажкѣ приказанія, для исполненія ихъ спящею; первое заключалось въ слѣдующемъ: «Сядьте на табуретъ подлѣ фортепiano.» Магнетизеръ приглашаетъ сомнамбулу сдѣлать то, что онъ мысленно отъ нея требуетъ; она встаетъ, подходитъ къ стѣннымъ часамъ и говоритъ: «Теперь двадцать минутъ десятого.» На замѣчаніе господина де-Желена, что это совсѣмъ не то, что было ей поручено, она отправляется въ другую комнату! Ей говорятъ, что она опять ошиблась, она садится на первое свое мѣсто. Мы пропускаемъ остальные, столь же неудачные опыты, и приведемъ только слѣдующіе: ей представляютъ заднюю сторону карманныхъ часовъ, она говоритъ, что они показываютъ тридцать-пять минутъ десятого, и что на нихъ три стрѣлки. На нихъ было ровно семь часовъ и только двѣ стрѣлки! Не менѣе вздорны были отвѣты «ясновидящей» (ужъ подлинно ясновидя-

щая!) на счет здоровья одного из комиссаровъ, приведеннаго въ магнитическое сообщеніе съ нею. «Словомъ, госпожа Кутюръ не исполнила ни одного изъ данныхъ намъ обѣщаній, и мы полагаемъ, что магнетизеръ не принялъ достаточныхъ мѣръ предосторожности, чтобы не быть обманутымъ ею.» Помилуйте! въдь она жила у него на квартирѣ. Не естественно ли полагать вамъ, что, предварительно условившись съ нею касательно приказаній, магнетизеръ надѣялся, что комиссія предоставитъ ему отдавать ихъ, и будетъ довольствоваться тѣмъ, что онъ только объявитъ напередъ членамъ предполагаемыхъ приказаній.

6. Слѣдующій опытъ былъ тоже совершенно неудаченъ, и производился въ присутствіи членовъ комиссіи, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ магнетизеровъ, господиномъ Шапменомъ. Больная, двадцати-четырехъ лѣтняя женщина, живущая у него въ домѣ, рѣшительно не могла исполнить данныхъ адептомъ обѣщаній, которыхъ мы не приведемъ здѣсь въ подробности; такъ, что комиссія принуждена сознаться, «что въ этихъ трехъ случаяхъ, (мы могли бы привести еще и другіе,) очевидно имѣли мѣсто, или ошибка или обманъ со стороны сомнамбуловъ.» Коммиссары, позволяютъ намъ спросить, отчего они не приводятъ этихъ другихъ примѣровъ обмана; въ дѣлѣ столь важномъ, именно она нужны, pour éclairer la religion публики, какъ говорятъ французскіе адвокаты. Кромѣ того, читатели вѣрно удивятся съ нами, что всѣ эти магнетизеры, держащіе у себя дома ясновидящихъ женщинъ (для дрессировки), и одаренные способностью узнавать всѣ ихъ мысли и читать въ ихъ душѣ, такъ легко позволяютъ себя обманывать; кто ручается публикѣ, что и въ другихъ случаяхъ, описанныхъ ими и не подлежащихъ чужому контролю, равновѣрно не были они обмануты хитрыми ясновидящими?

7. Мы слѣдуемъ шагъ за шагомъ за наблюденіями

коммиссія, и до-сихъ-поръ не только не видимъ ни одного факта, доказывающаго дѣйствительность магнетизма; но напротивъ того вездѣ находимъ притворство и шарлатанство. Будутъ ли слѣдующіе опыты удачнѣе? Господинъ Дюпоте вызвался письменно (4 Ноября 1826 года), представить комиссарамъ «субъектовъ», которые «неопровержимо» докажутъ имъ, что магнитическое снохожденіе *непритворно*, и обѣщалъ произвести, по своему произволу, судороги въ тѣхъ частяхъ тѣла спящаго, къ которымъ приблизить свой палецъ. Представивъ комиссії того же больного, который увѣрялъ что печень находится въ груди (см. 3.), Дюпоте привелъ его въ состояніе снохожденія, и приблизивъ палецъ свой или магнитный прутикъ къ рукамъ его, — вообразите! — «не произвелъ никакого судорожнаго движенія»; въ слѣдующій разъ этотъ опытъ удался, въ третій, однако жъ, спящій сталъ шевелить совсѣмъ не тѣми частями, на которыя дѣйствовалъ магнетизеръ; наконецъ перестали его магнетизировать, чтобы увидѣть, прекратятся ли эти движенія? Ничуть! онѣ возобновились по-прежнему!

Читатель, вѣрно, не отгадаетъ, какое заключеніе комиссія изъ этого выводитъ. Она не говоритъ, что опытъ не удался, а увѣряетъ, что «приближеніе пальца магнетизера не нужно для успѣха»! Можно еще спросить, какимъ образомъ комиссары убѣдились, что сонъ не былъ притворный, и что больной, слѣдовательно, не могъ видѣть очень хорошо, куда почтенный господинъ Дюпоте направлялъ свой палецъ? Не забудьте также, что сонъ и судороги въ мускулахъ, суть состоянія динамическія, не подлежащія объективной повѣркѣ.

8. На другомъ пациентѣ (учитель Пети, тридцатидвухъ лѣтъ) эти судорожныя движенія являлись съ болѣею точностью при приближеніи пальцевъ: спящій дѣйствительно двигалъ ногами, руками и другими ча-

стями, къ которымъ магнетизеръ приближалъ свою ногу или руку; но когда одинъ изъ комиссаровъ «для бѣльшаго еще отвращенія всякаго обмана», завязалъ спящему глаза платкомъ (эту—то предосторожность надо было принять съ самаго начала, милостивые государи!) результатъ вышелъ совсѣмъ другой: больной или вовсе не шевелилъ частями, къ которымъ магнетизеръ протягивалъ пальцы, или наоборотъ двигалъ такими, къ которымъ онъ ихъ не приближалъ. «По—этому, говоритъ комиссія, мы нуждаемся въ новыхъ фактахъ и наблюденіяхъ, чтобы достаточно оцѣнить это явленіе.» Прекрасно! да гдѣ же обѣщанія господина Дюпота, *несомненно* доказать непритворство снохожденія?

9. Дѣвица Самсонъ магнетизирована была тѣмъ же господиномъ Дюпоте, въ присутствіи комиссаровъ, и весьма скоро «казалось» заснула? Ей предложили нѣсколько вопросовъ, на которые она не отвѣчала, и потомъ при повтореніи ихъ, сдѣлала знаки нетерпѣнія и «de mauvaise humeur», требовала, чтобы ее оставили въ покоѣ. Тогда господинъ Гюссонъ нечаянно ойрокинулъ столикъ, на которомъ лежало полѣно: нѣсколько изъ присутствующихъ вскрикнули отъ испуга; одна мамзель Самсонъ ничего не слышала, не сдѣлала никакого движенія, и продолжала спать «глубочайшимъ сномъ»; черезъ четыре минуты ее разбудили, потерѣвши ей глаза по правиламъ искусства. Тогда опять бросили полѣно на полъ, и хотя стукъ былъ гораздо слабѣе прежняго, больная жаловалась, что ее крѣпко перепугали. Комиссія увѣряетъ, что этотъ опытъ даетъ «самое очевидное доказательство уничтоженія чувствительности во время снохожденія». Какое легкомысленное заключеніе! Мы уже сказали выше, какъ трудно удостовѣриться, что сонъ непритворенъ; кромѣ того, комиссія даже и не думала удостовѣриться въ этомъ. Прибавимъ еще къ этому, что дѣвица Самсонъ была не какаа-нибудь, а что уже шесть лѣтъ тому назадъ налѣ

нею дѣлали разные магнитическіе опыты, и что она, слѣдовательно, имѣла довольно времени выучиться всему.

10. Тутъ начинается новый рядъ опытовъ, которые должны доказать пробужденіе внутренняго чувства во время сносножденія. Упомянутый Мосъ Пети, такъ неудачно исполнившій обѣщанія господина Дюпота, касательно судорожныхъ движеній, представленъ былъ комиссіи какъ сомнамбулъ, умѣющій видѣть съ закрытыми глазами. Магнетизеръ объявилъ, что Пети изъ двѣнадцати монетъ узнаетъ ту, которую онъ, господинъ Дюпоте, прежде держалъ въ рукахъ; выбрали серебряный талеръ 1812 года и, смѣшавши его съ одиннадцатью другими, подали ихъ ясновидящему: онъ указалъ на одинъ изъ нихъ, «который былъ 1813 года». Ему показали часы и «два раза» онъ ошибочно назначалъ время. Послѣ этого онъ сыгралъ партію въ пикетъ съ однимъ изъ комиссаровъ, и очень вѣрно. Не забудьте однако жъ, что у него глаза были закрыты, по ничѣмъ не завязаны (можно ли допускать такіе опыты!), и что «всякій разъ когда держали листъ бумаги, или картонъ и тому подобное, между глазъ ясновидящаго и предметовъ, которые требовалось отъ него узнавать, онъ ничего не могъ различать». Добродушная комиссія въ этомъ не находитъ ничего подозрительнаго, и потомъ даже повторяетъ надъ тѣмъ же больнымъ опыты относительно судорожныхъ движеній, завязавъ ему предварительно глаза. Ясновидящій всякій разъ дѣлаетъ движеніе тою частью тѣла, къ которой магнетизеръ приближаетъ свои пальцы, и жалуется, что чувствуетъ въ ней при каждомъ опытѣ, сильную боль и жгучій жаръ. Повторяемъ, что опущенія, а особливо боль, составляютъ признаки, не подлежащіе повѣркѣ.

Тогда вновь приступили къ разсматриванію ясновидящей способности господина Пети, но онъ объявилъ, что «съ завязанными глазами ничего не видитъ» (такихъ

фокусниковъ мы вамъ много представимъ!), и потому комиссія довольствовалась тѣмъ, что нѣсколько членовъ ея, безпрестанно и пристально смотрѣли на глаза ясновидящаго, и удостовѣрились, что вѣки были совершенно закрыты. Ему показали книгу и онъ послѣ нѣкоторыхъ усилій прочелъ (сколько вы полагаете? страницку и другую? О, нѣтъ!) полстрочки: «*Lavater. Il est bien difficile de connaitre les hommes.*» Потомъ ему подставили бѣлую сторону печатнаго документа; онъ ничего не разобралъ, только на другой сторонѣ прочелъ: *de par le Roi* и *port d'armes*; и только! Припомните, что въ каждомъ государствѣ, всякій грамотный человекъ, — а господинъ Пети былъ учитель, — болѣе или мене знаетъ официальные формы, употребляемыя въ актахъ начальства; стоило господину Пети только слегка раскрыть глаза, чтобы по одному наружному виду бумаги узнать, что было напечатано на верху. Покажите у насъ любому учителю плакатный паспортъ, и онъ съ закрытыми, и даже завязанными глазами, прочтетъ на первой строкѣ: По указу, и прочая. Предложили ясновидящему прочесть запечатанное письмо «онъ этого не могъ», но разобралъ надпись на конвертѣ, *à monsieur de Rockenstroek* (Велика штука для учителя!). Отъ всѣхъ этихъ опытовъ господинъ Пети чрезвычайно усталъ, и для отдыха его заставили опять играть въ пикетъ. «Онъ это сдѣлалъ тѣмъ охотнѣе, что всѣ опыты, предпринятые для удовлетворенія одного любопытства, ему противны и измучиваютъ его.» Онъ игралъ весьма ловко, не смотря на то, что вѣки были закрыты. «Но мы замѣтили, прибавляетъ комиссія, что при этомъ глазное яблоко вертѣлось позади вѣковъ, и слѣдовало за всѣми движеніями рукъ его.» Просимъ читателя принять это важное обстоятельство къ свѣдѣнію. Когда ясновидящаго разбудили, онъ увѣрялъ, что ничего не помнить о томъ, что съ нимъ дѣлалось во время сна.

Коммиссія, убѣжденная такимъ образомъ въ томъ, что господинъ Пети различаетъ предметы при закрытыхъ вѣкахъ, наконецъ имѣла случай видѣть на трехъ другихъ сноходцахъ подтвержденіе этого опыта, и вмѣстѣ доказательство *самопознанія и предвидѣнія будущиѣхъ событій.*

11. Студентъ П. Вилгранъ (двадцати—четырехъ лѣтъ) пораженъ былъ параличемъ лѣвой половины тѣла, въ слѣдствіе апоплексическаго удара; его пользовали въ заведеніи, въ продолженіе семнадцати мѣсяцевъ, безъ большаго успѣха, потомъ онъ пять мѣсяцевъ сряду принималъ экстрактъ *челлибухи* (пих vomica), который отчасти возстановилъ движеніе въ онѣмѣвшихъ органахъ; въ это время докторъ Фуасакъ началъ его магнитизировать, и въ одиннадцатомъ засѣданіи больной, въ сомнамбулизмѣ, объявилъ, что его можно вымечить только посредствомъ магнитизма, и прописалъ себѣ употребленіе минеральныхъ водъ и продолженіе упомянутаго экстракта. Тогда комиссары посѣтили его и при осмотрѣ тѣла замѣтили, что лѣвая нога была не много *тоньше* правой; всѣ прочіе признаки, ими описанные, на примѣръ то, что больной имѣлъ болѣе силы въ правой рукѣ, чѣмъ въ лѣвой, и тому подобное, какъ не объективные, ничего не доказываютъ; прибавимъ впрочемъ, что пациентъ ходилъ на костыляхъ. Въ другомъ засѣданіи онъ объявилъ, что черезъ три дня будетъ ходить безъ помощи ихъ: это сбылось, и съ-тѣхъ-поръ онъ совсѣмъ оставилъ костыли; въ слѣдующій разъ онъ въ магнитическомъ снѣ опять предсказалъ, что если его двадцать—пятаго Декабря (1827 года) усыпятъ, и оставятъ въ этомъ состояніи въ продолженіе осьми дней, то онъ перваго Января будетъ совершенно здоровъ. Все было исполнено по его желанію; больной спалъ цѣлыхъ восемь сутокъ, въ теченіе которыхъ впрочемъ дѣлалъ визиты съ магнитизеромъ, ходилъ, бѣгалъ, ѣлъ и пилъ не хуже всякаго! Перваго Января господинъ Вил-

графъ окончательно объявилъ, что онъ совершенно выздорѣлъ, что онъ доживетъ до глубокой старости, если будетъ избѣгать всѣхъ неосторожностей, и что онъ умретъ отъ апоплексическаго удара. Въ заключеніе спектакля, пациентъ, двѣнадцатаго Января, долженъ былъ, по обѣщанію магнитизера, читать книги, узнавать карты и тому подобное, съ закрытыми, «но не завязанными», глазами. (Это послѣднее условіе, по моему убѣжденію, рѣшительно уничтожаетъ всякую достовѣрность наблюденія). Дѣйствительно, сомнамбулъ могъ узнавать нѣсколько картъ, читать по нѣскольку словъ, и даже прочесть двѣ или три строчки въ книгахъ, принесенныхъ членами комиссіи; но часто ошибался, пропускалъ слова, другія читалъ по складамъ и прочая. «Мы замѣтили что и тутъ, глазныя яблоки постоянно вертѣлись и какъ-бы устремлялись на предметы, которые «сноходець долженъ былъ узнавать.» Впрочемъ онъ не различалъ картъ, положенныхъ ему на сердечную ложечку (épigastre).

Изъ всего этого комиссары выводятъ слѣдующія заключенія: 1) «Больной, котораго нельзя было вылечить отъ паралича, самымъ рациональнымъ пользованіемъ, выздоравливаетъ отъ употребленія магнитизма». Но комиссія забываетъ, что если болѣзнь дѣйствительно еще не была прекращена въ то время, какъ она освидѣтельствовала пациента, въ чемъ мы никакъ не убѣждены, то послѣдній вѣдь прописалъ себѣ тоже самое средство, которое онъ принималъ въ продолженіе пяти мѣсяцевъ¹. 2) «Больной различалъ

¹ Чебилуха и разныя препараты ея, составляютъ сильнѣйшее и самое сильное средство, употребляемое медиками противъ паралича, и можно рѣшительно сказать, что шести-мѣсячное употребленіе его совершенно вылечило больного, и что въ послѣдствіи недугъ былъ только мнимый и притворный. Я давалъ здѣсь пациенту (К. Г. С.) совершенно потерявшему отъ апоплексическаго удара, употребленіе обѣихъ ногъ, правой руки и языка, — *триглону*

предметы при закрытыхъ вѣкахъ». Но если въ магнитическомъ снѣ наружные органы чувствъ дѣйствительно замѣняются внутреннимъ, какъ утверждаютъ адепты, то очевидно, что видимые предметы воспринимаются (*se reçoivent*) уже не посредствомъ отражаемыхъ ими лучей свѣта, а какъ-нибудь иначе, потому-что въ сердечной ложечкѣ *оптическое* снаряда, доступнаго лучамъ, нѣтъ. Что же значить въ такомъ случаѣ, эта невозможность видѣть съ *завязанными* глазами? Вѣдь глаза тутъ рѣшительно бесполезны; что значать эти *движенія глазныхъ яблоковъ*, въ направленіи видимаго объекта? что значить это неумѣніе читать *замечатанное* письмо, или когда передъ глазами находится листъ бумаги? Объясните намъ эти противорѣчія между наблюденіями и утверженіями магнитизеровъ. Господа комиссары, скажите намъ также, почему вашъ ясновидящій ничего не различалъ сердечною ложечкою, гдѣ сосредоточивается внутренній органъ; объясните намъ все это, и тогда мы согласимся съ вашимъ мнѣніемъ.

3) «Больной предсказываетъ время своего выздоровленія, и это предсказаніе сбывается.» Это ложное заключеніе: гдѣ неопровержимое доказательство, что больной не выздоровѣлъ уже прежде, хоть за нѣсколь-ко дней, до назначеннаго имъ срока, и что онъ объ этомъ не извѣстилъ только для того, чтобы не противорѣчить своему предсказанію? Кромѣ того, можетъ ли врачъ опредѣлить, что хроническая болѣзнь вышеописаннаго рода, продолжавшаяся почти *два года*, прекратится именно въ такой-то день? Комиссары сами гово-

(*Strychnina*), приготовляемую также изъ челибухи. Черезъ шесть мѣсяцовъ онъ началъ порядочно ходить на одномъ костылѣ, писать и говорить. Теперь, полтора года послѣ удара, мой больной, — бывший частнымъ приставомъ савитпетербургской полиціи, и многими въ столицѣ извѣстный, — ходитъ даже безъ палочки! Замѣйте, что ему шестьдесятъ-четыре года, а Вилатрану ихъ было двадцать-четыре.

рять, что челюбуха «отчасти возстановила движение въ онѣмѣвшихъ органахъ». Тутъ, слѣдовательно, нельзя было и думать о внезапномъ исцѣленіи; кто, наконецъ, убѣдитъ насъ, что перваго Января больной дѣйствительно былъ уже *совершенно* здоровъ, и что недугъ его не продолжался хотя слабо, и въ слѣдующіе дни или недѣли?

12. «Въ слѣдующемъ опытѣ, говоритъ комиссія, эта способность предсказывать будущія событія, представляется намъ развитою въ высшей степени.» Мы находимъ напротивъ того (и увѣрены, что читатель съ нами согласится), что онъ не только ничего не доказываетъ, но даже опровергаетъ прямо всѣ предсказанія, и уничтожаетъ всякое довѣріе, которое бы можно было имѣть къ искренности больного. Слушайте. П. Казд (двадцати лѣтъ, подмастерье) уже десятый годъ страдалъ припадками падучей болѣзни (epilepsia). Когда его передъ комиссарами стали магнитизировать, онъ всякой разъ, въ сомнамбулизмѣ, предсказывалъ съ точностію, когда долженъ былъ наступить слѣдующій припадокъ, иногда за нѣсколько недѣль до дѣйствительнаго появленія его. Что сонъ былъ непритворный, это доказано тѣмъ, что его нельзя было разбудить, колдовши его булавками въ разныхъ мѣстахъ тѣла. Комиссія, присутствовавшая при этихъ припадкахъ, находила всегда сильнѣйшія судороги всѣхъ мышцъ и безпамятство, и хотя оказалось, что «магнитизеръ навѣщалъ больного въ свободныхъ промежуткахъ между припадками», но изъ этого не должно заключить, что онъ ему припоминалъ предсказанія, и онъ напротивъ того тщательно старался, чтобы никто съ нимъ объ этомъ не говорилъ». (Какъ же вы намъ это докажете?) Тридцать-четвертаго Августа магнитизеръ усыпилъ больного, который, между прочимъ, объявилъ, что болѣзнь его продолжится еще годъ, и опредѣлилъ когда именно явятся нѣкоторые изъ будущихъ припадковъ; это повторилось

нѣсколько разъ, до двадцать-второго Апрѣля 1828 года, и тогда Казѣ, въ снохожденіи, по окончаніи припадка, сказалъ, что у него «еще будетъ ихъ два: первый черезъ девять недѣль, двадцать пятаго Іюня, въ три минуты седьмаго; о второмъ я теперь думать не хочу; около трехъ недѣль послѣ назначеннаго дня, я съ ума сойду, буду бить жену и дѣтей, и прочая, въ Августъ мѣсяць я, наконецъ, совершенно выздоровѣю, и болѣзнь моя не возобновится, чтобы ни случилось со мною.»

Если болѣзнь въ самомъ дѣлѣ не была притворною, то комиссія тутъ имѣла блестящій случай, удостовѣриться въ пророческой способности пациента. Но судьба не угодно было! Не далѣе какъ черезъ два дня послѣ послѣдняго предсказанія, двадцать-четвертаго Апрѣля, Казѣ увидѣлъ на улицѣ лошадь, которая понесла кабриолетъ, хотѣлъ ее остановить, но упалъ подлѣ колеса и получилъ головное поврежденіе, отъ котораго умеръ пятнадцатаго Мая, черезъ три недѣли! Мы предоставляемъ читателю вывести заключеніе изъ этого наблюденія, и спрашиваемъ только: отчего Казѣ не предвидѣлъ самаго важнаго приключенія, его ожидавшаго, и что сдѣлалось съ припадкомъ двадцать-пятаго Іюня, о которомъ онъ говорилъ? Напрасно комиссія утверждаетъ, что такъ какъ смерть была слѣдствіемъ случая (!), то больной очень хорошо могъ предвидѣть припадокъ предстоявшій, хотя не сбывшійся, «такъ точно какъ стрѣлка на часахъ, въ извѣстное время должна пройти часть циферблата, и не пройдетъ ея, если случайно разобьютъ часы.»

13. Комиссія наконецъ приводитъ послѣднее наблюденіе надъ извѣстною уже намъ дѣвицею Селингъ, которая въ снохожденіи, три раза узнала болѣзни особь, приведенныхъ въ магнитическое соотношеніе (en rapport) съ нею, и прописала леченіе. Первый представился ей

членъ комиссіи, докторъ *Maré*; она положила ему руку на грудь и на голову, и послѣ трехъ минутъ молчанія объявила, «что у него теперь болитъ лѣвая половина головы, что онъ часто чувствуетъ тяжесть, особенно послѣ обѣда, что у него нерѣдко бываетъ небольшой кашель, что въ нижней части груди у него накопленіе крови, и что проходъ пищи въ желудокъ несвободенъ отъ существующаго въ этомъ мѣстѣ (подъ ложечкою) суженія.» Она совѣтовала ему употребленіе «лимоиана съ камедью (*gomme*, любимое домашнее средство во Франціи; читатели наши вспомнятъ какую роль оно играетъ, въ знаменитомъ процессѣ Ласаржъ), теплыя припарки на животъ, втиранія и кровопусканія.» Замѣтимъ, что изъ всѣхъ этихъ припадковъ узнаваемыхъ ясновидящею, только послѣдній, суженіе желудка, важенъ, потому—что его нельзя было узнать съ одного наружнаго осмотра пациента; головную боль мадамъ Селингъ отгадала безъ всякаго сомнѣнія только потому, что слышала, какъ господинъ Магс жаловался на нее своимъ товарищамъ. Можно держать какой угодно пари, что въ тысячѣ случаяхъ, когда знакомые сойдутся чтобы вмѣстѣ заняться дѣломъ, тотъ кто страдаетъ въ это время головною болью, въ девяти-стахъ—девяносто—девяти случаяхъ, послѣ первыхъ привѣтствій скажетъ товарищамъ объ ней! Небольшой кашель, тяжесть послѣ ѣды,—вещи столь обыкновенныя, маловажныя, что ихъ можно предполагать въ каждомъ человѣкѣ, особенно не молодомъ, каковъ былъ господинъ Магс. Что же оказалось? Господинъ Маркъ объявилъ, что онъ дѣйствительно до опыта чувствовалъ боль въ лѣвой половинѣ головы, что онъ нерѣдко кашляетъ, (слѣдовательно, ясновидящая могла это замѣтить во время всѣхъ предъидущихъ засѣданій), что у него бываетъ тяжесть послѣ обѣда, если онъ дѣлаетъ движенія (какъ будто это не бываетъ съ каждымъ даже изъ насъ, молодыхъ людей)! А что относится до суженія въ

желудкѣ, то онъ никогда не чувствовалъ никакого препятствія при проходѣ пищи. Слѣдовательно, ясно-видящая ошиблась въ главномъ, и намъ непостижимо какимъ образомъ, комиссія состоящая изъ десяти медиковъ, послѣ этого опыта можетъ прибавить: «Мы были поражены сходствомъ между ощущеніями господина Марка и словами ясновидящей». (Oculos habent et non vident, aures et non audiunt!)

Другая больная, дѣвица двадцати-пяти лѣтъ, дочь маркиза Н. пера Франціи, страдала водяною болѣзью въ животѣ, въ слѣдствіе значительныхъ заваловъ внутренностей, выражавшихся и подъ наружными покровами живота, въ видѣ выпуклостей разной величины. Знаменитый *Дюпюитренъ*, хотя убѣжденный въ неизлечимости такого состоянія, совѣтовалъ однако жъ, между прочимъ, употребленіе молока отъ козы, которой бы дѣлаемы были меркуріальныя втиранія. Черезъ нѣкоторое время больную представили нашей ясновидящей, которая положивъ ей слегка руку на животъ, грудь, спину и голову, объявила что болѣзнь ея находится въ животѣ (!), исчислила расстройства разныхъ внутренностей, весьма двусмысленными выраженіями, прописала употребленіе нѣкоторыхъ травъ, очень обыкновенныхъ, діету, и — *молоко козы, которой бы за полчаса до доенія дѣлались меркуріальныя втиранія!* Эти совѣты не были исполнены, и «неизлечимая» больная чрезъ годъ умерла; родственники не позволили вскрыть тѣла, такъ, что нельзя было повѣрить въ подробности описанія ясновидящей.

Намъ кажется, что совѣтъ ясновидящей на счетъ молока, служить лучшимъ доказательствомъ, что она дѣйствовала съ помощью сплетней: больная была изъ знатнаго дома, болѣзнь продолжалась два года, геніальный совѣтъ *Дюпюитрена* относительно меркуріальныхъ втираній козъ, для предварительнаго смѣшенія металла, *органическимъ* образомъ, съ ея молокомъ, дол-

женъ былъ поразить всѣхъ домашнихъ, столько же по странности своей, какъ и по причинѣ знаменитости самаго медика; безъ всякаго сомнѣнiя, въ домѣ и у знакомыхъ объ этомъ толковали, и не естественно ли подумать, что слухи дошли до ясновидящей? Комиссія, вѣроятно, сама это чувствовала, иначе она, столь громгласно расхваливающая всякое, и самое ничтожное наблюдение, не оставила бы этого случая безъ мажншаго восклицанiя или комментарiя, какъ сдѣлано въ рапортѣ.

Болѣзнь третьей больной, графини Л. Ф., не согласившейся на предложенное медиками пользованiе, «значительно уменьшилась» отъ прописаннаго ясновидящею леченiя, которое состояло въ употребленiи дiеты и другихъ весьма легкихъ средствъ; но нетерпѣнiе больной заставило ее опять прибѣгнуть къ помощи врачей. Черезъ два мѣсяца она умерла; при вскрытiи трупа нашли значительное разстройство желудочныхъ оболочекъ, что подтвердило мнѣнiе ясновидящей, сказавшей, что этотъ органъ былъ разстроенъ «какъ бы отъ яда.»

Отчего бы больная перестала слѣдовать совѣту ясновидящей, столь легкому, и принялась бы опять за прежнее лекарство врачей (они давали ей меркурiй), если бы дѣйствительно болѣзнь ея «значительно уменьшилась» отъ средствъ дѣвицы Селингъ? Прибавимъ, что знающiе медицину поймутъ, что найденное послѣ смерти разстройство желудка, и предсказанiе ясновидящей касательно «яда», представляютъ сходство только на словахъ.

Вотъ всѣ факты, собранные комиссіею въ продолженіе почти *шести* лѣтъ, если не пристрастно, то покрайней-мѣрѣ очень и очень снисходительно! Изъ окончательныхъ заключеній рапорта (всего ихъ 29) видно: что она принимаетъ дѣйствительность магнетизма, — не касаясь впрочемъ нигдѣ вопроса о существованіи магнитической влаги; что она вѣрять въ разныя его вліянія на организмъ, и производимыя имъ ясновидѣніе, самовидѣніе, предвидѣніе, и тому подобное; что она для произведенія магнитическихъ явленій, не находитъ нужными прикосновенія руками или жесты (*passes*); что взглядъ, *воля*, магнетизера могутъ ихъ вызывать и уничтожать, даже въ нѣкоторомъ разстояніи, на примѣръ, *шести футовъ*, за закрытыми дверьми, и прочая; что въ сношеніи наружныя чувства, зрѣніе, обоняніе, и прочія, *почти* всегда закрыты; и что

5. «Магнетизмъ вообще не дѣйствуетъ на людей здоровыхъ и также не на всѣхъ больныхъ».

9-е. «Существованіе одного несомнѣннаго признака, могущаго убѣдить въ дѣйствительности сомнамбулизма, въ каждомъ частномъ случаѣ, ничѣмъ не доказано».

11. «Такъ какъ между дѣйствіями, сношенію приписываемыми, нѣкоторыя могутъ быть притворны, *то и самое сношеніе* иногда *можетъ быть притворнымъ*, и доставить шарлатанству способы къ обману, отъ котораго можно избавиться единственно черезъ самое тщательное изслѣдованіе, черезъ самыя строгія предосторожности и многочисленныя и различнѣйшія опыты.» Какой прекрасный совѣтъ! Не отъ того ли комиссары ему не слѣдовали, что они какъ медики, изъ практики привыкли давать только другимъ полезныя наставленія, сами же ихъ не исполняютъ?

18. «Мы никогда не видѣли, чтобы магнетизированная

особа съ *перво* засѣданія приходила въ снохожденіе, которое, не рѣдко является только послѣ осьмага или десятаго. (Ср. наблюденіе 2-е и 3-е)!

21. «Просыпаясь, сноходцы увѣряють, что совершенно забыли всѣ обстоятельства сомнамбулизма, и что они ихъ никогда не помнятъ. Мы въ этомъ отношеніи, не можемъ имѣть другой поруки, кромѣ собственныхъ ихъ словъ.»

25. «Мы видѣли только *одну* сомнамбулу, узнавшую признаки болѣзни трехъ особъ, приведенныхъ съ нею въ соотношеніе; однако жъ мы изслѣдовали довольно большое число ясновидящихъ.»

29. «Коммиссія не имѣла случая удостовѣриться въ существованіи другихъ способностей, приписываемыхъ сноходцамъ магнитизерами».

Мы съ своей стороны, къ изложеннымъ при каждомъ изъ частныхъ опытовъ, сомнѣніямъ нашимъ, прибавимъ еще слѣдующія замѣчанія :

а) Какъ объяснить, что магнитизеры, которыхъ интересъ требовалъ, чтобы коммиссіи представлены были самыя разительныя и неопровержимыя доказательства, въ цѣломъ Парижѣ, въ продолженіе шести лѣтъ, могли найти ихъ столь мало; тогда какъ по увѣренію адептовъ каждый изъ нихъ, въ своей практикѣ, имѣеть сотни случаевъ? Такъ, напримѣръ, комиссары не видѣли *ни одного* примѣра зрѣнія посредствомъ сердечной ложечки и тому подобнаго, явленія столь обыкновеннаго, въ сочиненіяхъ магнитизеровъ !

б) Коммиссія подвергала новымъ опытамъ особъ или уличенныхъ въ явномъ обманѣ, или въ высокой степени подозрительныхъ: дѣвицу Селингъ, Пети, и другихъ.

с) Комиссія, ставя такъ высоко предсказанія Казо (12.), забываетъ, что изъ всѣхъ болѣзней, падучая наибчае встрѣчается *притворною*; что даже при строгомъ, судебно-медицинскомъ освидѣтельствovaniи, чрезвычайно трудно и часто невозможно удостовѣриться въ дѣйствительности припадка; что есть мошенники, переносящіе не только колотье булавокъ, но всевозможныя пытки, удары палками, капанье зажженнаго сургуча на грудь и на руки, и тому подобное, не обнаруживая никакого признака чувствительности. Какимъ же образомъ комиссія убѣдилась въ честности Казо?

d) Комиссары дѣлали наблюденія надъ больными живущими въ городѣ, и, слѣдовательно, доступными всякому обольщенію и приготовленію со стороны магнетизеровъ. Если комиссія убѣждена была въ «loyauté» послѣднихъ до того, что ей кажется невозможнымъ «de supposer qu'un homme, que nous avons toujours vu probe et loyal, voudrôt s'entendre avec un homme sans éducation, sans intelligence, pour nous tromper», то это субъективное мнѣніе комиссаровъ, котораго мы, требующіе вещественныхъ доказательствъ, не обязаны раздѣлять съ ними: дѣйствительно, если бы такое обидное для магнетизеровъ предположеніе, оказалось на одну минуту справедливымъ, что бы тогда сдѣлалось со всѣми вашими наблюденіями?

e) Комиссія не поступала при своихъ опытахъ, съ надлежащею строгостью и осмотрительностью, и наконецъ

f) Эти опыты слишкомъ немногочисленны, чтобы изъ нихъ можно было вывести заключеніе: «что животный магнетизмъ и приписываемыя ему явленія дѣйствительно существуютъ».

Лучшею характеристиккою основательности этой тео-

рiя, служить вышеприведенное восклицанiе магнитизеровъ: «*Au bout de cinq longues années de patience et d'épreuves, les magnétiseurs se virent enfin triomphants!*» Если содержанiе рапорта ихъ заставило радоваться, то они дѣйствительно имѣли къ тому основательную причину.

А Рафаловичъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Критика.

Исторія древней философіи, приспособленная къ понятію каждаго образованнаго человека, Карла Зелергольма, Москва, въ типографіи Семена, 1842. Въ I части 282, и во II — 197 страницъ. Въ-8.

Греція, младшая дочь Востока, много вѣковъ щеголяла вѣнкомъ первенства и могущества въ царствѣ религій, философіи и изящныхъ искусствъ, вѣнкомъ, ошибкою брошеннымъ ей близорукими изслѣдователями чело-вѣчества. Тысячу разъ повторялась ложная мысль, что Греки, обитатели счастливаго климата, одаренные богатѣмъ воображеніемъ и геніяльными способностями, создали роскошный Олимпъ и населили его своими богами; что они исполинскими шагами прошли невоздѣланное поле философскихъ изслѣдованій и запечатлѣли свое бытіе неподражаемыми памятниками скульптурныхъ произведеній. Сами хвастливые Греки подивились бы такой клеветѣ, если бы въ орковыхъ странахъ могли перечитать все, что написали объ нихъ Европейцы; сами Греки въ противоположность этому мнѣ-

№ 4. Отд. VI.

цію, могли бы указать на первыхъ насадителей образованности на почвѣ Эллады, которые пришли къ нимъ изъ чужихъ краевъ; могли бы припомнить намъ свои путешествія въ далекія страны, гдѣ они собирали сокровища мудрости. Но и безъ этихъ указаній довольно было явиться передъ глазами Европы древнему исполину, сбросить пыль съ своихъ архивовъ, раскрыть свои сокровища, непроницаемо таившіяся за оградю варварства теперешнихъ обитателей, и показать безмолвные памятники отжившей образованности, — и Греція, какъ блѣдная тѣнь его мощной жизни, осталась бы съ титломъ родины всего благороднаго и высокаго только въ стародавнихъ мнѳологіяхъ и исторіяхъ, и еще, по-крайней-мѣрѣ, у насъ на Руси, въ запоздалыхъ гостяхъ ученаго міра, исторіяхъ философіи, сшитыхъ на живую нитку по старинному покрою избитыхъ нѣмецкихъ учебниковъ и французскихъ дѣтскихъ энциклопедій. Мы говоримъ о Востоцѣ. Тамъ, гдѣ путешественникъ съ грустію смотритъ на жизнь несчастныхъ собратьевъ, какъ-будто проклятіемъ неба обреченныхъ на оцѣненѣлую неподвижность подъ гнетомъ суевѣрія, и съ гордостію радуется своему европейскому происхожденію, какъ Платонъ радовался греческому; тамъ Европа преклоняется предъ колыбелью общечеловѣческаго образованія, и, покидая свои гордыя мечты объ европеизмѣ, сознается, что ея обитатели еще не доросли въ сравненіи съ древними жителями Востока. Странно, удивительно, что Востокъ, страна чудесъ, свидѣтельница перваго явленія человѣка, истокъ всѣхъ народовъ, разсѣянныхъ по землѣ; страна, гдѣ протекли дни патріарховъ, гдѣ Моисей слышалъ голосъ Всемогущаго, гдѣ посѣяны первыя сѣмена религіи христіанской, и откуда вмѣстѣ съ Евангеліемъ, обновившимъ міръ, гражданственность переселилась на Западъ; и эта страна поросла — было хомъ забвенія, какъ будто народы тамъ жили и умнѣ-

рали, не оставивъ ни одного слѣда своей жизни. А эти развалины городовъ, которыхъ имена остались навсегда безвѣстными; эти трехъ-тысяче-лѣтнія мумиі съ іероглифическими свитками, которыхъ едва разгадано нѣсколько буквъ; эти вавилонскіе камни и храмы египетскіе, покрытые неизвѣстными письменами; эти преданія, хранящіяся въ Ведахъ, — ужели неговорятъ ничего объ народахъ образованныхъ? Но Востокъ долго былъ отдѣленъ отъ Европы стѣною варварства, чрезъ которую страшились переступить. Только египетская экспедиція открыла путь на Востокъ; вмѣстѣ съ войскомъ вступили туда и ученые; ихъ открытія пробудили любопытство Европы, особенно когда Саси создалъ новую исторію древнихъ народовъ. Съ-тѣхъ-поръ ученый міръ, такъ сказать, завоевалъ Востокъ; Юнгъ и Шампольонъ властвуютъ въ Египтѣ; Германцы подъ хоругвию Шлегеля вѣдрили въ предѣлы Индіи и разрабатываютъ санскритскій языкъ; Паравей раскрываетъ религію и философію Китая, и въ ихъ священныя книгахъ отыскиваетъ лѣтописи міра. Результатъ всѣхъ этихъ разысканій одинъ, что первая отчизна послѣ-потопнаго человѣчества, роскошный Востокъ, скрываетъ въ себѣ корень всѣхъ религій, гражданственности, наукъ и искусствъ всѣхъ народовъ, пересадившихъ съ Востока готовое уже на свою почву, гдѣ все облеклось новымъ колоритомъ подъ вліяніемъ климатическихъ и другихъ причинъ.

И кругъ философій въ наше время необходимо разширился; новый восточный элементъ образовалъ первое звѣно въ цѣпи развитія философіи. Философія Востока, въ своемъ цвѣтистомъ нарядѣ, съ своимъ религіозно-мистическимъ созерцаніемъ, все свѣжѣе и свѣжѣе является передъ нами и очаровываетъ душу какимъ-то магическимъ могуществомъ. Ея настрой, полный жизни и гармонія, ея внутренній характеръ, благоухающій свѣжестью первобытной жизни, увлекаетъ читате-

ля въ міръ глубокихъ думъ, сладкихъ размышленій и пріятнаго сочувствія. Это не одна головная работа, часто скучная, утомительная; она наполняетъ разъ всю душу эстетическимъ удовольствіемъ и развертываетъ безконечное поле созерцанія: вы слышите священный голосъ предковъ, жившихъ недалеко отъ золотаго вѣка, когда боги жемчужной рѣчью пересказывали человѣку тайны міровой жизни. Мы отсылаемъ читателя къ книгѣ, оглавленіе которой вышесали въ началѣ нашей статьи, — надѣмся, что они согласятся съ нами, — единственной книгѣ на нашемъ языкѣ, которая знакомитъ насъ съ прекрасными произведеніями восточнаго созерцанія. Съ истиннымъ, всегда новымъ удовольствіемъ перечитывали мы страницы исторіи философіи господина Зедергольма, на которыхъ раскрываются эти созерцанія. Прекрасная метода автора выражаться словами восточныхъ мыслителей, озвѣкомитъ васъ съ колоритомъ восточной философіи, и заставитъ плѣниться ею безъ всякихъ панегириковъ въ честь ея славныхъ завоеваній на полѣ умственной и эстетически-литературной дѣятельности.

Въ изложеніи восточной философіи мы замѣчаемъ только одно уклоненіе отъ истины, не совсѣмъ гармонирующее съ направленіемъ, какимъ одушевлена картина умственнаго развитія. Послѣднюю цѣль философіи авторъ указываетъ въ сближеніи свободнаго мышленія съ религіею; онъ хочетъ привести мыслящаго человѣка къ свѣжему, вѣчно-юному истоку истины, къ религіи христіанской, и заставить почувствовать, что только полѣ кровомъ небснаго ученія можно найти тишину, не нарушаемую сомнѣніями, успокоительно вѣющую на душу дыханіемъ вѣчности. Но почему авторъ опустилъ изъ виду, что философія и рожденіемъ своимъ обязана религіи; изъ свѣтлыхъ ея струй она впила первые элементы своей жизни и уже послѣ отдѣлилась отъ религіи, и хвасталась, какъ собственностію, тѣмъ, чего она нико-

гда не нажила бы, если бы развивалась самобытно, то есть, безъ всякаго вліянія постороннихъ источниковъ. Безъ этого начала, мы не можемъ понять, почему чело­вѣкъ, стоявшій ближе къ предѣлу міро­з­данія, могъ свѣтлѣе смотрѣть на вещи, чѣмъ люди, пережившіе вѣка опыта, съ чѣмъ согласенъ и авторъ; безъ этого начала многія мысли изъ восточной философіи кажутся слиш­комъ темными, непонятными, или даже странными и уродливыми, тогда какъ онѣ высказаны тѣми же мудрецами, которыхъ глубокому уму мы дивимся въ другихъ мѣстахъ.

Начнемъ съ вопроса: подъ какими условіями чело­вѣкъ началъ философствовать? Прошло - вѣковые мыслители думали объяснить это, предложивъ себѣ совершенно иной вопросъ: какъ долженъ мыслить чело­вѣкъ первоначально? — Представьте себѣ, говорили они, чело­вѣка съ полнымъ развитіемъ умственныхъ силъ; но еще незнакомаго съ природою и съ самимъ собою, просто сказать, чело­вѣка, только проснувагоса отъ многолѣтней летаргіи. Силы ума, ни чѣмъ не возму­щаемыя прежде, а по-этому остававшіяся въ бездѣйствіи, пробуждаются при взглядѣ на окружающую природу, которая поражаетъ его своими величественными явленіями; въ чело­вѣкѣ возникаетъ вопросъ за вопросомъ: что это, откуда, какъ, почему, и прочее. На первый разъ все ему кажется спокойнымъ, оцѣпененнымъ, какъ въ русскихъ сказкахъ усыпленный городъ. Но вотъ, онъ замѣчаетъ перемѣны декорацій, волнующуюся жизнь міра, грудь наполняется тревогою; онъ чувствуетъ необходимость защищаться отъ разрушительнаго вліянія стихій. Тогда-то чело­вѣкъ, какъ-бы вынуждается уже наблюдать надъ природою и надъ самимъ собою; а мало-по-малу рождается и мысль о причинѣ всего сущаго. Но гдѣ искать такого чело­вѣка? Въ такомъ случаѣ, первый чело­вѣкъ долженъ родиться изъ земли, какъ грибокъ. Такая догадка выродилась изъ тѣхъ си-

стемъ, по которымъ первобытный человѣкъ былъ въ состояніи природы, то есть, походилъ на скота, какъ и думали ученые прошлаго вѣка.

Человѣкъ, гражданинъ двухъ міровъ, чувственнаго и сверхъ-чувственнаго, необходимо долженъ испытывать вліяніе того и другаго, которое бы пробудило и оплодотворило дремяющія въ немъ силы, и возвело его на степень зрѣлости. Правда, въ немъ лежитъ зародышъ всего высокаго, благороднаго, безъ котораго нельзя было бы привить къ нему ни религіи, ни наукъ, ни искусствъ, какъ нельзя привить вѣтки къ камню; но развитіе этого зародыша необходимо совершается подъ вліяніемъ постороннимъ, или духовнаго міра, или внѣшнихъ впечатлѣній, воспитанія, опыта и обхожденія съ подобными себѣ. Живой примѣръ — дикари, отброшенные отъ вліянія образованныхъ народовъ; сравните ихъ съ народами неудаившимися отъ первобытнаго жилища человѣка, далеко ли ушли они съ своими силами безъ посторонняго вліянія? По-этому, первый человѣкъ необходимо долженъ былъ имѣть наставника, который бы положилъ начало умственнаго усовершенія его; а отъ перваго человѣка потомство могло уже слышать тѣ преданія, какія онъ почерпнулъ изъ источника истины. И наше священное преданіе говоритъ, что человѣческое образованіе началось съ божественнаго откровенія, и поддерживалось непрерывнымъ рядомъ преданій, которыя переходили изъ рода въ родъ; преданіе прошедшаго было живымъ началомъ будущаго. Отъ времени до времени Провидѣніе непосредственно дополняло органическое развитіе человѣческаго образованія, и своими откровеніями вливало новыя силы въ духовное развитіе человѣчества; такимъ образомъ сумма познаній умножалась. Впрочемъ, чистое божественное откровеніе помрачалось въ потокѣ человѣческихъ страстей, истины перемѣшались съ заблужденіями. Падшій человѣкъ стоитъ между двухъ противоположностей, — свѣта и тьмы,

истины и заблуждений; источникъ перваго на небѣ, а начало другаго въ немъ, въ его поврежденной природѣ, и по этому необходимо слилось и то и другое, тѣмъ болѣе, что преданія первоначально распространялись устно, и не были заключены въ букву. Въ наше время, когда размышленіе грозитъ поглотить жизнь, когда воспитывается человѣкъ по отвлеченнымъ теоріямъ, совершенно измѣнилось отношеніе между жизнію и письменными памятниками; у насъ все заключается въ книгахъ, а въ древности было напротивъ. Тогда не для того писали, чтобы исчерпать всю глубину и все разнообразіе какого-нибудь предмета, но чтобы напомнить важнѣйшія его черты. Писанія древнихъ просты и кратки, но съ глубокимъ содержаніемъ; онѣ не были понятны для каждаго, кто бы захотѣлъ самъ, своими силами изучить письмена: знаніе тогда соединялось съ жизнію; оно было практическимъ упражненіемъ и обнимало не одинъ разумъ, а всего человѣка; учителя были то же, что отцы. Не каждому сообщалось все: устное преданіе хранилось, какъ тайна, и открывалось только посвященнымъ. Это преимущественно надо сказать о преданіяхъ религіозныхъ, скрытыхъ въ жреческихъ святилищахъ подъ покровомъ іероглифовъ. Далѣе символы и іероглифы, внутренній смыслъ которыхъ былъ тайною жреческой касты, скорѣе могли подать поводъ къ новымъ заблужденіямъ, нежели быть проводникомъ мысли предковъ къ потомкамъ. Чувственные образы, изображавшіе различные атрибуты божества, останавливали на себѣ вниманіе народа, какъ самое божество, и духъ истины, завѣщанный предками потомству, уступилъ мѣсто грубой вещественности. Напримѣръ, знакъ означавшій *единый*, былъ *телецъ*, такъ какъ эти животныя, по замѣчанію пастуховъ, всегда рождаютъ по одному. *Небо*, естественный символъ *Бога*, во всей древности, соединялось съ знакомъ тельца, что выражало существенное свойство Божіе, единство. Потому на

обелискахъ, на фронтисписахъ храмовъ, обыкновенно ставили тельца. Но народъ, не видѣвшій въ этомъ символѣ древняго истиннаго смысла, сдѣлалъ изъ знака свое божество, и потомки Израиля, загрузѣвшіе между идолопоклонниками, поставили алтарь въ пустынѣ этому безсмысленному знаку. Поэты своими вымыслами помогли еще болѣе чувственному взять перевѣсъ надъ духовнымъ.

И древніе мифы были такъ же, какъ и іероглифы, только внѣшнею оболочкой истины; странно было бы смотрѣть на нихъ, какъ на чистую выдумку жрецовъ, для ослѣпленія народовъ; надо представить жрецовъ слишкомъ развратными, дерзкими и безбожными, чтобы они осмѣлились посягать на святиню религій, — всегда рождающую въ душѣ чувство благоговѣнія къ Божеству, — и нарочно исказили ее баснями. Напротивъ, въ основаніи мифовъ лежитъ духовная истина; но она прикрыта, чтобы приблизить ее къ понятію народа. Но и это не послужило въ пользу. Народъ остался при однихъ мифахъ. Чѣмъ болѣе люди удалялись отъ средоточія народовъ, древняго Востока, тѣмъ темнѣе становилось истинное преданіе и тѣмъ обширнѣе раскрывалось поле для вольнаго разгула воображенія. Положеніе страны, образъ жизни и господствующія страсти переносились въ религіозныя изображенія боговъ. Оттого-то у народовъ скандинавскихъ, враговъ мирной жизни, въ пѣсняхъ скальдовъ и бардовъ божество облеклось чертами мрачнаго и гнѣвнаго Одина. Оттого-то потомки Сима, окруженные величественною, исполинскою природою, впади въ сабензмъ. Вообще геній народа представлялъ божество въ соотвѣтственныхъ формахъ и характерахъ.

Историческія преданія народовъ, не имѣвшихъ лѣтописей, сливались съ религіозными, и герои первыхъ временъ стали существами мифологическими и смѣшивались съ умами высшими, ангелами и демонами, точно какъ въ туманной дали сближаются предметы совершенно разные и раздѣленные пространствомъ. Въ такомъ безво-

рядѣ, великій образъ верховнаго существа сталъ болѣе и болѣе помрачаться отъ какого-нибудь новаго божества изъ этихъ вымышленныхъ существъ.

Съ успѣхами просвѣщенія надо было ожидать новаго переворота въ понятіяхъ религіозныхъ, перепутанныхъ фантастическими вымыслами поэтовъ: многи не могли удовлетворять требованію великихъ умовъ, возникавшихъ среди язычниковъ. Они понимали, что древнія преданія искажены; но, вмѣсто того, чтобы обратиться къ источникамъ, чтобы изслѣдовать хранилища неизмѣнной истины, они извлекали изъ собственнаго ума начала религіи и нравственности.

Не станемъ говорить о магіи; о дѣтскомъ взглядѣ на природу, обоготворившемъ все громадное, поразительное; объ эгоизмѣ сильныхъ, заставившихъ обоготворять себя; объ антропоморфизмѣ, захотѣвшемъ имѣть домашнихъ боговъ, которыхъ можно обязывать, какъ милостями, какими-нибудь жертвами, и даже наказывать; о корыстолюбіи жрецовъ, умножившихъ число боговъ для умноженія жертвъ и оргій; о прорицателяхъ, самозванцахъ; о деспотизмѣ и политикѣ, которыя для своихъ цѣлей старались поддерживать всѣ суетвѣрія народа. Не станемъ распространяться о грубости народовъ, естественно привлечшей ихъ къ обоготворенію законодателей, или спасителей отъ нападений, или изобрѣтателей полезныхъ и пріятныхъ потребностей жизни, — каковы: Бахусъ, Церера, Панъ, Аполлонъ, Вулканъ, — тѣмъ болѣе, что души ихъ народъ переселялъ на небесныя свѣтила; умолчимъ о завоевателяхъ, внесшихъ оружіе на Востокъ, которые подавили народныя нравы и преданія. Такъ, послѣ Александра, въ Персіи греческій элементъ взялъ перевѣсъ надъ природнымъ элементомъ персидскимъ, такъ Римляне въ покоренныя ими провинціи вводили свои законы и религію. Не остановимся на смѣшеніи преданій первобытнаго Востока съ преданіями, искаженными на Западѣ, и прочее;

все это могло имѣть вліяніе на чистый источникъ религіозныхъ преданій и мутить его иломъ изобрѣтеній человѣческихъ. Мы обратимся къ преданіямъ восточныхъ народовъ, сохранившимся въ ихъ древнихъ памятникахъ.

Религіозныя системы древнѣйшихъ народовъ такъ сходны между собою, что нельзя не видѣть въ этомъ сходствѣ слѣдовъ ихъ общаго происхожденія изъ одного источника. Общія черты сходства можно было бы объяснить еще тождествомъ человѣческой природы, общею идеею о Творцѣ міра, врожденною человѣку, даже у народовъ, не имѣвшихъ по-видимому, никакихъ между собою сношеній; но какъ скоро мы замѣчаемъ сходство въ самыхъ пачалахъ, въ малѣйшихъ подробностяхъ, то, очевидно, нельзя приписать этого игрѣ случая, и надо согласиться, что всѣ религіи истекли изъ одного источника, изъ котораго безчисленными каналами, съ большею или меньшею примѣсью побочныхъ понатій, расходились во всѣ страны, куда проникалъ человѣкъ, и тамъ принимали свое теченіе въ противоположные концы. Въ теченіе вѣковъ религіи могли усвоить себѣ собственную мнѳологію, которая, происходя отъ обстоятельствъ времени и мѣста, могла доходить до совершенно противоположныхъ результатовъ. Мы уже указали эти причины. Но, не смотря на искаженіе, основное начало различаемъ вездѣ одно.

Мы начинаемъ съ Индѣйцевъ, не потому, чтобы тамъ была родина перваго человѣка, какъ думаетъ авторъ исторіи философіи, — это еще куда вопросъ нерѣшенный; но потому что, по развитію гражданскому и умственному, этотъ народъ въ послѣ-потопной исторіи является самымъ древнимъ расадникомъ общечеловѣческой, свободной образованности; первенцомъ изъ всѣхъ народовъ, оставившихъ на полѣ древняго міра, слѣды своего мощнаго вліянія на развитіе обществъ граждан-

скихъ. Конечно, не въ жгучихъ пескахъ Ливіи, не въ снѣгахъ Сибири надо искать сѣмянъ ранняго образованія человѣчества, гдѣ природа враждебно подавляетъ развитіе духа, вызывая его къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей. Колыбель образованности должна находиться подъ нѣжнымъ покровительствомъ природы, которая безъ поту, безъ утомительныхъ трудовъ доставляла бы своему обитателю обиліе во всемъ. Именно Индія представляетъ всѣ эти выгоды гораздо болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая страна Азій; Индія, — издавна привлекавшая завистливый взоръ славныхъ завоевателей древняго міра: Семирамиды, Сестоприса, Александра, — сдѣлавшаяся потомъ театромъ кровопролитій и наконецъ поверженная въ рабство варварамъ. Замѣчаютъ, что способности Индѣйцевъ развиваются слишкомъ быстро и блистательно. И вѣроятно, общенародное образованіе не заставалось на одной ступени. По-крайней-мѣрѣ древніе смотрѣли на эту страну, какъ на старшую сестру въ семьѣ образованныхъ государствъ. Пинеогоръ путешествовалъ въ Индію и изучалъ браминскія тайны, Аполлоній Тіанскій также отправлялся въ Индію для приобрѣтенія ихъ божественныхъ и таинственныхъ познаній; и жизнеописатель его Филостратъ Тирскій замѣтилъ, что Индѣйцы были образованнѣе всѣхъ другихъ народовъ, потому-что они древнѣе всѣхъ; а въ цвѣтущее время Индія давала законы и религію всѣмъ государствамъ: Египеть и Греція съ ея почвы пересадили и мудрость и миеологию. Мы это увидимъ изъ фактовъ. По рассказамъ того же біографа, Пинеогоръ, упрекая Феспіона за пристрастіе къ Египтянамъ, говорилъ ему: «Если ты удивляешься философіи Индѣйцевъ, то почему же не принимаешь ея за туземную? Развѣ можно хвалить за нее тѣхъ, которые ее только переняли?» Въ одномъ разговорѣ Лукіана философія рассказываетъ о своей судьбѣ: «Сперва я пошла къ Индѣйцамъ, и заставила ихъ сойти со словъ и бесѣдо-

вать со мною. Отсюда я переселилась къ Еѳіопамъ, а наконецъ посѣтила Египетъ.»

Можно принять за признакъ глубокой древности государствъ, если они, какъ Египетъ, Вавилонъ, Финикія, Персія и окрестности Моря Каспійскаго, представляютъ намъ колоссальные памятники, пирамиды, гранитные обелиски, циклопскія стѣны, и тому подобное. Храмы Индіи — вотъ памятники глубокой ея древности. Они обличаютъ богатство, необыкновенное терпѣніе строителей и религиозное одушевленіе народа тѣхъ вѣковъ, когда чувство еще живо горѣло въ немъ; когда народъ, далекій отъ роскоши житейской, все приносилъ въ жертву высочайшему существу; славилъ его въ гимнахъ, первыхъ звукахъ поэзій, воздвигалъ ему храмы, первые плоды архитектурнаго искусства, и жертвовалъ богатствомъ для украшенія религиозныхъ памятниковъ. На берегу коромандельскомъ всѣ храмы, выстроенные по одному образцу, отличаются величиною, пирамидами и маленькими капищами. Бенгальскіе не такъ роскошны. Изъ храмовъ малабарскихъ нѣкоторые носятъ печать глубокой древности. Славный храмъ на коромандельскомъ берегу, Шалембронъ, по всѣмъ признакамъ, построенъ въ самыя отдаленныя времена; но, къ сожалѣнію, надпись, по которымъ бы всего вѣрнѣе можно было судить объ его древности, большею частию стерлась или стала непонятна для туземцевъ, оттого что самый языкъ теперь уже утратился. Храмъ Яггерната существуетъ, по лѣтописямъ браминовъ, по-крайней-мѣрѣ 4883 года. Египетскія пирамиды, знаменитыя своею древностію, далеко отстали отъ пагодовъ Сальцетты и Иллуръ; фигуры, барельефы, тысячи колоннъ, украшающія ихъ, — все это позволяетъ предполагать цѣлыя столѣтія постепенной обработки; и такіе-то пагоды существуютъ по-крайней-мѣрѣ три-тысячи лѣтъ. Сами Индѣйцы забыли ихъ начало, и одинъ пагодъ относятъ къ художеству

боговъ, а другой—геніевъ. Также древни и громадныя стѣны, вокругъ индѣйскихъ храмовъ, и гигантскія башни, унизанныя самыми отвратительными фигурами, которыя представляютъ бытъ, побѣды и неудачныя приключенія боговъ.

Древнее религиозное ученіе, — съ которымъ духъ Индѣйцевъ роднится съ молодю, съ первыхъ шаговъ его образованія, и которое, такъ сказать, бессознательно, какъ природный элементъ, слившійся съ его чувствами и мыслями, переносится въ ихъ философскія системы, — содержится въ Ведахъ, священныя книги браминовъ. Долго сомнѣвались въ существованіи ведъ, и особенно въ ихъ подлинности, потому—что брамины упорно отказывались сообщать это сокровище чужестранцамъ. Но въ XVII столѣтіи мусульманскій государь, славный своею любовію къ наукамъ, *Дара-Шеку* приказалъ многія веды перевести съ индѣйскаго на персидскій языкъ; съ персидскаго перевелъ ихъ отрывками Анкетиль Дю-Перонъ на латинскій, въ 1804 году, подъ заглавіемъ: *Urpekhatâ*; потомъ Джонсъ, Кольбрукъ и другіе сдѣлали краткія извлеченія изъ книгъ индѣйскихъ, и послѣдній хорошо доказываетъ, что кодексъ нынѣшнихъ ведъ — тоже самое твореніе, которому съ глубокой древности оказываютъ почтеніе Индѣйцы: именно, самый суевѣрный способъ перечитывать двѣ первыя веды взадъ и впередъ былъ лучшимъ средствомъ сохранить веды отъ поврежденія; при концѣ каждой книги выставлено ея содержаніе и приложенъ коментарій на каждое слово; многіе коментаріи очень древни, напримѣръ, *Нирукта*, древній пространный коментарій на обветшалыя, темныя слова и выраженія, гдѣ приводятся мѣста совершенно согласныя съ текстомъ; а потому не могло быть никакого подлога, который бы могъ исказить всѣ книги, разсѣяныя по Индостану и Декану. Впрочемъ это говорится только о трехъ первыхъ ведахъ, а послѣдняя, ясно, позднѣй-

шаго происхожденія, именно время шиванзма, а не браманзма. Эти книги Кольбрукъ возводитъ къ 3200 году, основываясь на приложенномъ къ нимъ календарь.

Но полнымъ переводомъ индѣйскихъ книгъ Европа не владѣетъ еще до-сихъ-поръ. И потому мы не въ состояніи ни опредѣлить ихъ достопамятныхъ эпохъ, ни прослѣдить развитія ихъ литературы. Впрочемъ, всѣ согласны, что веды — самое древнее произведеніе духа этого народа. А по мнѣнію самихъ Индѣйцевъ, священныя ихъ книги получили начало отъ самого божества, чрезъ истеченіе; онѣ невзчислимы для ума, и долго люди не могли проникнуть ихъ внутренняго смысла. Вишну, умилостивленный жертвами народа, сожалѣлся надъ нимъ и родилъ изъ себя Віасу, который долженъ былъ привести веды въ порядокъ и сократить ихъ въ четыре книги: Ируку, Исуру, Саманъ, Адрианъ, или Рукуведамъ, Эзурведамъ, Самаведамъ и Андернаведамъ. Віаса для обнародованія священныхъ догматовъ избралъ четырехъ мужей. Но четвертая веда затеряна; есть преданіе объ этомъ и у браминовъ. Одинъ исполнилъ, говорятъ они, завладѣлъ ведами; чтобы возвратить ихъ, Вишну принялъ образъ рыбы и убилъ похитителя. Но какъ исполнилъ проглотилъ веды, то Вишну распоролъ ему брюхо; впрочемъ въ цѣлости нашелъ только три веды, а четвертая уже переварилась въ желудкѣ исполина. Крейцеръ говоритъ, что нѣтъ ни одного столько органическаго и живаго языка, какъ санскритскій, на которомъ написаны веды. Въ этомъ-то языкѣ отражается и высокая древняя образованность Индѣйцевъ и глубокомысліе, въ выраженіяхъ ясныхъ и цвѣтистыхъ безъ излишества. За ведами слѣдуютъ коментаріи; коментаріевъ также очень много въ Индіи. Шасты или Шатроны объ астрономіи, астрологіи, обрядахъ, медицинѣ. Осьмнадцать пуранъ мисологіи боговъ; изъ нихъ десять посвящены Шивѣ,

въ 300,000 стиховъ, четыре Вишну, два Брамъ, и послѣдніе два славятъ солнце и огонь. Пураны считаются также образцами индѣйскаго православія, хотя стоятъ ниже ведъ.

Выпишемъ буквальный переводъ Зоннера изъ Харта-Бады и изъ Харта-Бирма. Харта-Бирма или шесть изрѣченій Всемогущаго Духа:

1) «Богъ есть тотъ, который былъ всегда, творецъ всего сущаго. Богъ—это совершенный кругъ, безъ начала и конца; онъ царствуетъ и управляетъ твореніемъ. Никто не проникнетъ сущности вѣчнаго, ни законовъ его управленія; напрасно кто станетъ добиваться этого. Довольно и того, что каждый день, каждую ночь ты созерцаешь въ Его твореніяхъ Его мудрость, могущество и благость.»

«2) Вѣчный, погруженный въ созерцаніе своей сущности, хотѣлъ сдѣлать участниками своей славы существа способныя познавать и чувствовать его блаженство. Этихъ существъ не было прежде, но Вѣчный захотѣлъ, и онѣ получили бытіе: онъ сотворилъ ихъ и далъ имъ способность быть совершенными и несовершенными, предоставивъ то и другое ихъ свободному произволу. Сначала онъ сотворилъ *Браму* (Брама отъ *Брамъ* духъ и *ма* мощный, то есть, мощный духъ) *Вишну* (сохранитель) и *Шиву* (побѣдитель, разрушитель;) потомъ Монсассура и все ангельское воинство. Вѣчный далъ преимущество Брамъ, котораго онъ поставилъ начальникомъ надъ ангелами; его жилище на небѣ; а Вишну и Шива были поставлены его помощниками. Ангелы, раздѣленные на различные классы, изъ которыхъ каждый имѣлъ своего начальника, поклонялись Брамъ у трона Вѣчнаго. Ангелы сохраняли установленный между ними порядокъ, и на небѣ царствовала гармонія. Монсассуръ, начальникъ перваго ангельскаго класса, руководилъ небеснымъ хоромъ въ

хвалебномъ гимнѣ Творцу и въ гимнѣ покорности Брамѣ, первому его творенію.»

3) «Со времени сотворенія ангеловъ радость и гармонія окружали престолъ Вѣчнаго тысячи лѣтъ. И это продолжалось бы всегда, если бы зависть не овладѣла Моисассуромъ и другими начальниками ангеловъ. Забывъ благодѣяніе творенія и предписанный имъ долгъ, они потеряли совершенство, дарованное отъ Вѣчнаго, и стали несовершенны въ глазахъ Его. Они отказались отъ повиновенія Брамѣ, Вишну и Шивѣ, и такъ говорили между собой: «Мы сами станемъ царствовать!» Ихъ замыслъ разлился по сонму ангеловъ, которыхъ они обольстили и большею частію отклонили отъ ихъ обязанностей; такимъ образомъ они отдѣлились отъ трона Вѣчнаго. Вѣрные ангелы скорбѣли, и въ первый разъ проникла на небо грусть.»

4) «Вѣчный, увидѣвъ паденіе Моисассура и другихъ начальниковъ и духовъ, послалъ Вишну, чтобъ уговорить ихъ возвратиться къ прежнему долгу; но гордые своею воображаемою независимостью, они не думали повиноваться. Тогда Вѣчный послалъ Шиву вооруженнаго всѣмъ могуществомъ, согнать ихъ съ неба и низвергнуть въ бездну мрака.»

5) «Мятежные ангелы стонали во мракѣ въ продолженіи 426 милліоновъ лѣтъ. Въ это время Брами, Вишну, Шива и прочіе вѣрные ангелы умоляли Вѣчнаго объ ихъ прощеніи и возстановленіи. Вѣчный, преклонясь на ихъ ходатайство, объявилъ, что Онъ освободитъ ихъ изъ бездны мрака, но осудитъ на испытаніе, въ которомъ бы они сами могли заслужить свое спасеніе. Послѣ этого обѣщанія Вѣчный заключился въ самомъ себѣ, сдѣлался невидимымъ для ангеловъ на 5000 лѣтъ.»

6) «По окончаніи 5000-лѣтняго періода, Вѣчный снова явился на тронѣ свѣта, явился въ славі, и вѣрные ангелы прославили Его возвращеніе въ гимнахъ радости.»

«Когда все смолкло, Вѣчный сказалъ : «Да будетъ вселенная, и она мгновенно явилась. Вѣчный опять сказалъ : Да низойдетъ Вишну, облеченный моимъ могуществомъ къ новому творенію, и освободитъ изъ тьмы мятежныхъ ангеловъ, и поселитъ ихъ на самой низшей планетѣ.

«Вишну явился предъ треномъ : «Вѣчный! я сдѣлалъ, какъ ты приказалъ.» И весь сонмъ вѣрныхъ ангеловъ въ изумленіи дивился чудесамъ новаго творенія.»

«И вѣчный еще говорилъ Вишну, и сказалъ : «Я хочу образовать для виновныхъ ангеловъ тѣла, которыя на нѣсколько времени будутъ ихъ темницею, въ которыхъ они будутъ подвержены вліянію естественнаго зла, по мѣрѣ ихъ первоначальнаго оскорбленія. Ступай, прикажи имъ быть готовыми войти въ эти тѣла, пусть они покорятся этому. «Вишну явился предъ треномъ и сказалъ : «Вѣчный! Твои повелѣнія исполнены.» И хоръ вѣрныхъ ангеловъ, изумленный чудесами, о которыхъ они слышали, воспѣлъ хвалы милосердію Вѣчнаго.

«Когда все молчало, Вѣчный сказалъ : Будетъ нѣкогда, по истеченіи четырехъ вѣковъ, исполнится время, назначенное для бытія вселенной и для испытанія падшихъ ангеловъ, и тогда, если кто-нибудь не перешелъ еще на очистительныя планеты, ты Шива, вооруженный моимъ могуществомъ, ты низвергнешь ихъ навсегда въ бездну мрака и разрушишь планету испытанія, и ея болѣе не будетъ. А ты, Вишну, еще на нѣсколько времени сохранишь планеты очищенія, до тѣхъ-поръ, пока ангелы, которые заслужатъ мое благоволеніе, не очистятся вполне. И въ тотъ день, когда это исполнится, когда они возвратятся въ свое первобытное состояніе и станутъ участвовать въ моей славѣ, ты, Шива, разрушишь планеты очищенія, и ихъ не будетъ болѣе.»

«Сонмъ вѣрныхъ ангеловъ воспѣлъ громкіе гимны хвалы и благоговѣнія.

«Когда все молчало, Вѣчный говорилъ опять, и сказалъ: «Ты, Брама, облеченный мнѣмъ могуществомъ, сойди на планету испытанія, сообщи мятежнымъ ангеламъ мои повелѣнія, и посмотри войдутъ ли они въ смертныя тѣла, которыя я приготовилъ для нихъ.» И Брама явился передъ трономъ, и сказалъ: «Вѣчный исполнилъ, какъ ты повелѣлъ. Виновные ангелы наслаждаются твоимъ милосердіемъ, признаютъ справедливость твоихъ повелѣній и вошли въ смертныя тѣла, которыя ты для нихъ приготовилъ.»

Корень такого вѣрованія долженъ скрываться въ откровенной религіи. Въ самыя отдаленныя времена, куда только могутъ проникать историческія изслѣдованія, находимъ еще общее убѣжденіе въ необходимости жертвъ, въ которыхъ страданія виновныхъ замѣнялись страданіями другаго. Это вѣрованіе произвело, кромѣ жертвоприношеній животныхъ, еще ужасное суевѣріе приносить въ жертву людей. Напрасно разумъ говорилъ человѣку, что онъ не имѣетъ никакаго права на жизнь подобныхъ себѣ, напрасно возставало противъ этого и чувство состраданія; умъ и сердце не въ состояніи были остановить этого ужаснаго суевѣрія. Не одинъ какой-нибудь народъ, не одни грубыя, варварскія орды вдавались въ такое суевѣріе, подавляющее чувствованія природы; но рѣшительно всѣ народы древности. Еще и нынѣ многіе не покидаютъ этого звѣрски-чудовищнаго обыкновенія.

Въ Индіи человѣческія жертвоприношенія начинаются съ самой отдаленной эпохи. Даже въ законахъ Ману, дышащихъ самою чистою, самою высокою нравственностію, есть одно мѣсто, гдѣ упоминается о жертвоприношеніи людей; вѣроятно, авторъ этой книги, замѣтивъ, что обычай приносить въ жертву людей распространялся всюду, и не надѣясь искоренить, оставилъ

сго неприкосновеннымъ, ограничивъ сколько' возможно. Впрочемъ въ этомъ злодѣйствѣ можно обвинять только браминовъ, слугителей Шива. Одна изъ священныхъ книгъ индѣйскихъ содержитъ въ себѣ такъ называемую *красавую главу*, гдѣ Шива бесѣдуетъ съ дѣтьми и объясняетъ имъ подробности человѣческихъ жертвоприношеній. Кали, богиня времени, супруга Шива, была главнымъ предметомъ такихъ жертвоприношеній, хотя приносили также людей Шивѣ и другимъ божествамъ. Шива опредѣляетъ жертвоприношенія, церемоніи и необходимыя при этомъ призыванія; назначаетъ эпохи очищеній, указываетъ разрядъ людей или животныхъ, какіе могутъ сдѣлать очищеніе дѣйствительнымъ. Одно божество любитъ такія жертвоприношенія, а другое — другія; но всѣхъ важнѣе жертвы человѣческія. Кали, эта страшная богиня, во всѣхъ храмахъ представляется съ ожерельемъ изъ человѣческихъ череповъ; авторъ Саконталы называетъ ее кровожадною. «Кровь, проливаемая по обряду, предписанному священными книгами,» — говорится въ Калики-Пуранѣ, — «для богини пріятнѣйшій нектаръ. Голова и плоть не менѣе пріятны Хандикѣ (образъ Кали). Берегитесь приносить въ жертву худое мясо. Жертвою долженъ быть человѣкъ прекрасной наружности, приготовленный къ священному закланію постомъ и омовеніями, и украшенный гирляндами цвѣтовъ.» Въ самую минуту закланія жрецъ долженъ восклицать: «О, Кали, Кали! богиня, ополченная страшнымъ вооруженіемъ! Пожирай, убивай, сокрушай злыхъ! Влеки жертву къ жертвеннику! схвати ее, схвати! пей кровь ея! Спаси насъ, спаси! привѣтъ Кали!..» Или: «Кали, Кали, съ ужасными зубами! насыщайся, рви, пожирай всѣ эти куски! пей кровь медленными глотками!» — Этотъ ужасный обрядъ совершался въ освященномъ для того мѣстѣ, большею частію на кладбищѣ, послѣ другихъ жертвоприношеній и возліаній.

Человѣческія жертвоприношенія уничтожены уже во

времена Будды Аватара за 1000 лѣтъ до Рождества Христова, такъ думаютъ Джонсъ и Морисъ. Въ послѣдствіи Кали довольствовалась кровью козленковъ и молодыхъ буйволовъ. Нѣкоторые путешественники думаютъ, что въ Бенгалѣ и теперь еще закаляютъ людей, потому-что они находили близъ пагодъ обезглавленные трупы. Но это трупы фанатиковъ, которые, почитая самоубійство очистительною жертвою, доставляющею имъ вѣчное блаженство, съ помощію известнаго инструмента отрѣзываютъ себѣ голову.

Жертвы человѣческія назывались *нерамедами*; кроми нерамедъ, въ древности известны еще *Гомеды* и *Ассаумеды*, то есть, приношеніе быка или лошади. Гомеда или приношеніе въ жертву вола или коровы было въ большемъ употребленіи, чѣмъ нерамеда. Животное привязывалось къ столбу, утвержденному между четырьмя жертвенниками, и, по совершеніи различныхъ обрядовъ, жертва падала подъ ударами ножа. Послѣ того мясо было раздѣляемо и приносимо четыремъ божествамъ. По словамъ одного персидскаго писателя, оставившаго комментарий на веды, жертвенный конь замѣнялъ своего владѣтеля и снималъ на себя всѣ его грѣхи, какъ козелъ у Евреевъ. Ясно, что всѣ вѣрованія, соединенныя съ жертвоприношеніями, взяты изъ преданія, потому-что ни умъ, ни безуміе человѣка, оставленнаго самому себѣ, не могли породить подобныхъ мыслей. Прибавьте къ тому, что жертвы не были бессмысленнымъ обрядомъ, однимъ вышнимъ церемоніаломъ; съ ними соединялись известные роды покаяній. Нравственное ученіе Индѣйцевъ говоритъ, что исповѣдующій свои грѣхи, получаетъ въ нихъ прощеніе. Каждогодно у нихъ совершается праздникъ, въ продолженіе котораго идутъ исповѣдывать свои грѣхи на берегъ рѣки, чтобы очиститься совершенно отъ грѣховъ; исповѣдь совершается предъ солнцемъ и сопровождается известнымъ жертвоприношеніемъ.

Подъ влияніемъ религіи, въ святилищѣ жрецовъ развивалась и философія индѣйская, и потому ихъ философія поражаетъ возвышенностію мысли и глубиною чувства, часто угадывающаго невидимое. Философія Индѣйцевъ не организовалась въ особое вѣденіе, но сливалась съ вѣрованіями религіозными и съ поэзію; въ первыхъ она нашла сѣмена религіознаго созерцанія міра, а къ послѣдней обращалась, чтобы найти оболочку для выраженія высокихъ мыслей; ихъ философія излагается иногда въ поэмахъ. Такъ въ *Багаватитъ*, то есть, божественномъ стихотвореніи, мы видимъ въ тѣснѣйшей связи и философію, и поэзію, и религію. Въ ней повѣствуется, какъ *Кришна* снова открываетъ утратившееся о Югѣ (соединеніи) ученіе *Арчуна*. Арчуна, сопровождаемый Кришною на сраженіе, видитъ въ непріятельскомъ войскѣ свой собственный родъ, своихъ друзей и наставниковъ въ вѣрѣ и остается въ нерѣшимости, быть ли ему побѣдителемъ непріятеля или самому бросить оружіе и сдаться побѣжденнымъ. Тогда Кришна, чтобы убѣдить его не сдаваться въ руки непріятеля, представляетъ ему самыя сильныя философскіе доводы; между ними, въ виду войскъ готовыхъ къ сраженію, завязывается разговоръ, заключающійся въ 18 гѣсняхъ, или въ 1400 осьми-стопныхъ стиховъ. Въ этомъ-то разговорѣ и припоминаетъ Кришна забытое ученіе.

Индѣйскія философскія системы не болѣе какъ извлеченія изъ ведъ. Однѣ изъ нихъ, какъ согласныя съ ведами, признаются за правовѣрныя, другія за иновѣрныя. Къ числу первыхъ относится *Миманса* (изслѣдованіе). Въ этой системѣ развитъ пантеизмъ до того уточненный, что не допускаетъ даже существованія міра вещественнаго. Кромѣ этой, извѣстны еще системы *Ніайя* (заключеніе), *Вайсешика* (различеніе) и *Санкія* (размышленіе); *Ніайя* можетъ итти въ сравненіе, если не въ основаніе діалектики школы Аристотелевой. Даже знаменитые ученые индѣйскіе особенно любили за-

ниматься Ниаей и оставили множество сочиненій, какъ плодъ изученія этой системы. *Вайсешика* излагаетъ ученіе о природѣ, и сходна съ атомистическою системою Демокрита. *Санкиа* уже уклонилась нѣсколько отъ правовѣрнаго ученія. Въ ней двѣ части: есенстическая и атенстическая. Въ первой допускается верховный правитель міра; во второй, напротивъ, говорится, что рѣшительно нѣтъ никакихъ доказательствъ бытія Божія. Сверхъ этихъ, такъ называемыхъ, правовѣрныхъ системъ, чрезвычайно много находится у Индѣйцевъ системъ иновѣрныхъ; изъ нихъ особенно примѣчательны: *Чарвака* и *Пазупата*.

У Индѣйцевъ истинныя преданія перепутаны съ вымыслами. Въ ихъ священныя книги почти всѣ страницы пестрятся чудными разказами, цвѣтистыми аллегоріями, изъ-подъ которыхъ чуть-чуть просвѣчиваетъ настоящая, чистая истина. Браминны считали необходимымъ прибѣгать къ чувственнымъ знакамъ, чтобы приблизить ученіе религіи къ понятію народа; и потому всѣ Божественныя свойства, они олицетворяли въ различныхъ формахъ подчиненныхъ божествъ, которыхъ считаютъ до 300,000, и которые составляютъ дворъ Парабрамы. Боги ихъ женились, рождали дѣтей, вели междоусобныя войны, жили на горѣ Меру, пили нектаръ, какъ боги Грековъ. Такія олицетворенія иногда доходятъ до фантастической уродливости.

«Такъ видитъ Бога Арчуна, которому Онъ, не могли быть созерцаемъ человѣческими очами, даруетъ око божественное, и которому онъ, по его просьбѣ открывается въ дѣйствительности своего я. Арчуна видитъ его возвышающагося до небесъ, безъ начала, середины и конца, со множествомъ головъ, очей, и рукъ; соединяющаго въ себя тысячи божественныхъ, по цвѣту и очеркамъ различныхъ, образовъ; согрѣвающего своимъ сіяніемъ вселенную, и въ немъ видитъ всѣхъ боговъ, начиная отъ сидящаго въ лotosовой чашечкѣ Брамъ, всѣхъ мудрецовъ, и всѣ толпы тварей всякаго рода. Но онъ видитъ его также пожирающаго всѣ существа, видитъ какъ нѣкоторые изъ нихъ съ раздробленными членами вьзнуть у него въ зу-

бахъ. Какъ всѣ рѣки бѣгутъ въ океанъ, какъ мошки бросаются въ пламя, такъ повергаются всѣ смертные въ пламенную пасть бога, который пожираетъ ихъ.»

Отсюда можно видѣть характеръ философіи индѣйской. Вотъ какъ его опредѣляетъ авторъ разбираемой нами книги:

Характеръ этой философіи есть созерцаніе вселенной, какъ открывенія единой безконечной жизни, которая является по всѣмъ стихіямъ и силамъ природы, но въ каждой особеннымъ образомъ. И такъ она, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшемъ ея образованіи, есть безразличіе Бога съ міромъ, пантеизмъ, потому что — сказать ли намъ дѣтскій еще или уже одрачлѣвшій — духъ не въ состояніи былъ раздѣлится одно съ другимъ. Въ индѣйской религіи и философіи цѣлое, единство всего сущаго, и недѣлимое — ничто. Причину этого легко открыть. Между тѣмъ какъ на западѣ мы находимъ первыхъ людей въ тяжкой борьбѣ съ природою, гдѣ они должны были употреблять всѣ силы, чтобъ защититься отъ враждебной природы; между тѣмъ какъ ихъ отпаденіе состоитъ въ томъ, что они за этой борьбою забыли Бога и жизнь въ Богѣ, а также чувство своей силы и самостоятельности ввело ихъ какъ бы въ состояніе съ Богомъ — какъ это поэтически выражено въ мифѣ воюющихъ небо Титановъ — при чемъ у нихъ въ этой борьбѣ развивается сознаніе своей свободы и самостоятельности; въ жаркой плодотворной Индіи, и вообще на востокѣ, отпаденіе могло выразиться въ другомъ возможномъ видѣ погруженія въ объятія природы.

Представляя все сотворенное не болѣе, какъ деспотическою игрою Парабрамы, какъ быстролетнымъ проявленіемъ вѣчно волнующагося духа подъ формою тѣлесною, Индѣецъ мрачно смотритъ на міръ, гдѣ онъ видитъ темницу, страну изгнанія, безотраднѣйшую грусти и скорби, и чтобъ освободиться изъ-подъ тяжелыхъ оковъ плоти, прибѣгаетъ къ чудовищнымъ покаяніямъ, соединеннымъ съ самоуглубленіемъ.

«Какъ небесныя явленія, вѣтры, облака, громъ, и молвія являются преходящими образами и потомъ опять возвращаются въ первоначальное единое, изъ коего они вышли; точно такъ душа, когда истекло время ея соединенія съ тѣломъ, возвращается въ свой первоначальный видъ, снова единится съ существеннымъ, вѣчнымъ и несоотвореннымъ свѣтомъ. Всегда одинъ и тотъ же духъ, свободный и нестѣсненный опредѣленною формою, животворитъ цѣлымъ

миръ, какъ всеобщая душа міра, а стѣсненный той или другой определенной формой животворить тотъ или другой особый микрокосмъ, въ видѣ той или другой особой души. Когда стремленіе духа, все тоскующаго по разрѣшеніи и освобожденіи отъ тѣла, беретъ верхъ, тогда тѣло необходимо должно спастись, какъ спадаетъ плодъ древесный, подточенный червемъ, или перезрѣлый. Правда, душа еще остается нѣсколько времени облетѣнною въ тѣло, но только такъ, какъ колесо горшечника, хотя горшокъ уже готовъ, еще вертится силою прежде даннаго ему движенія. Всеоживляющее начало существуетъ двоякимъ образомъ: какъ безконечное и какъ конечное. Существуя какъ безконечное, оно не можетъ быть повимаемо ни созерцаемо никакимъ чувствомъ, хотя оно, какъ присущее, витаетъ во всей вселенной и въ каждомъ отдѣльномъ ея образѣ. Конечнымъ образомъ начинаеть оно существовать, когда, принимая видъ особнаго разума, становится животворящимъ началомъ особнаго тѣла, и какъ особое существо начинаеть особную земную временную жизнь. Хотя духъ, въ видѣ души становится конечнымъ, ограниченнымъ существомъ и всдетъ временную жизнь, доступную для чувственныхъ радостей и печалей, и для всякаго обольщенія, однако жъ духъ самъ по себѣ всегда остается единымъ неизмѣннымъ, всѣмъ, и потому не есть исключительно ни то ни другое; не стѣсняется имъ какой формой, а напротивъ, созерцая собственную божественность, живая и въ конечныхъ формахъ, всегда сохраняетъ свободу перенестись опять, когда ему угодно, въ самаго себя чрезъ всѣ стѣсняющіе предѣлы конечности. Такимъ образомъ, духъ, какъ особная душа, подобенъ вѣчно мучимому лицедею, который долженъ принимать и выполнять то ту, то другую роль; напротивъ, какъ чистый безконечный духъ, онъ спокойный зритель, который, не участвуя самъ въ игрѣ, и не имѣя роли, спокойно смотритъ на все чудное зрѣлище. — Особная душа есть только определенное проявленіе силы, а не полнота единого и всеоживляющаго духа; вообще только явленіе духа въ земномъ видѣ, слѣдовательно, не чистый духъ, а только земной духъ. — Духъ вѣчно покоящійся въ самомъ себѣ является стремящимся въ себя; не имѣющий нужды по существу своему является тоскующимъ по тому, чего не имѣеть; господь творенія, стѣсненъ собственнымъ твореніемъ; всеединный является заключеннымъ въ оковы недѣлимаго я; не имѣющий ничего въ себя, является дѣйствующимъ для вѣшнихъ цѣлей, преслѣдующимъ ихъ съ горемъ и радостью по всѣмъ мірамъ. — Для идеала добродѣтельнаго и богоподобнаго мудреца требуется во-первыхъ совершенное отреченіе отъ всей индивидуальности и всякаго чувственнаго пожеланія, потомъ полное единеніе съ Богомъ, и, наконецъ, непа-

рушвиный покой. — Для сей цѣли душу должно затворить для всѣхъ чувственныхъ впечатлѣній, для всѣхъ случайныхъ мыслей, и въ совершенномъ покоѣ ожидать просвѣтлѣнія, которое наконецъ разсвѣтаетъ, какъ юный день изъ мрачной ночи. Человѣкъ, подобно черепахѣ, долженъ всѣ чувства втянуть въ себя. Тогда войдетъ въ него въ видѣ огненнаго сіянія Брамъ, и въ великомъ огнѣ въ отверстіи сердца затеплится тогда малое пламя, и среди его пребудетъ духъ. Кто исполнилъ это, тотъ истребилъ на вѣкъ всѣ злыя обольщенія въ себѣ; онъ, какъ ястребъ, прорвался сквозь нити сътей, и составилъ единое съ существомъ.

«Когда душа человѣческая съ своими тѣлохранителями, служебными силами, покидаетъ наконецъ лотообразную хижину сердца, или (по другимъ) мозга, тогда она съ ношей воспоминаній о томъ, что достойнаго вѣчности совершила въ здѣшнемъ видѣ, переносится въ рай Божій. Тѣ же души, которыя не способны вознестись въ Божій рай, переселяются, сообразно своимъ позваніямъ и поступкамъ, въ другія земныя тѣла, точно такъ, какъ червякъ со съденнаго листа, бывшаго дотогѣ его маленькимъ міромъ, переносится на другой свѣжій, или какъ серебряникъ переливаетъ изломаннаго сосуда въ новую форму. Только при переселеніи души видъ новаго тѣла непременно зависитъ отъ заслуги или отъ грѣховъ предшествовавшей жизни, и потому всегда сообразенъ съ характеромъ міра и породы, въ которой душа должна жить по своимъ дѣламъ. Ибо врожденная склонность, которою душа руководилась въ своихъ дѣйствіяхъ, и цѣль къ которой она стремилась, какъ къ своему высшему благу, всегда указываютъ къ какому міру она принадлежитъ. — Душа совершеннаго мудреца становится, по смерти плоти, совершенно свѣтлымъ существомъ и съ быстротою молніи возносится въ рай Брама, гдѣ она пребываетъ въ вѣчномъ единеніи съ Брамомъ и, пока длится круговращеніе время, уже не страшится новаго ограниченнаго воплощенія. Напротивъ, души тѣхъ, кто, хотя исполнялъ дѣла благочестія и благотворительности, но не совсѣмъ безкорыстно, а отчасти также изъ награды, несовершенно преобразятся въ свѣтлыя существа, а останутся дымообразными и вознесутся только до луннаго шара, въ общество геніевъ, кониъ онѣ служили при жизни. И тамъ не навсегда онѣ останутся, но, по истеченіи срока ихъ награды, должны подвергнуться новымъ воплощеніямъ, и опять возвратятся на землю. Души тѣхъ наконецъ, кто дѣлалъ злое, какъ скоро издохнутъ въ воздушное пространство, не могли подняться выше, тотчасъ падаютъ на землю, гдѣ начинаютъ новую призрачную жизнь въ видѣ гадявъ, какъ то: змѣй, скорпионовъ и собакъ.»

* Выраженіе персидскаго переводчика, а не самыя Упаншиады.

Доселѣ мы разсматривали браманизмъ. Другая отрасль ученія индѣйскаго, реформа браманизма, есть буддаизмъ. Буддаизмъ, начиная отъ Каспійскаго Моря, распространился на востокъ по Кашмиру, Тибету, Индіи, Цейлоу, царству Сіамскому, имперіи Бирманской, Тонкинну, Кохинхину, Китаю, Монголіи, Японіи и Корей. Далай-Лама, представитель Будды, который воплощается всегда въ лицѣ новаго ламы, владѣетъ духовнымъ могуществомъ быть—можетъ надъ четвертою частію рода человѣческаго. Буддаизмъ возникъ очень за—долго до нашей эры. Его имя и названіе шамановъ встрѣчается въ древнихъ книгахъ Востока; и этотъ фактъ подрываетъ всѣ теоріи, которыя производятъ догматы буддійскіе отъ Несторіанъ и Манихеевъ. Скорѣе можно сказать, что Манихеи и Несторіане заимствовали догматы изъ буддаизма и перемѣшивали съ христіанскими истинами. Въ послѣдствіи, правда, и буддисты въ свою очередь могли пользоваться ученіемъ христіанскимъ. Преданіе указываетъ рожденіе Будды въ Индіи; это подтверждаетъ и близкое родство буддаизма съ браминнизмомъ въ идеяхъ космогоническихъ и въ главныхъ догматахъ, какъ то въ паденіи духовъ и людей, переселеніи душъ, въ будущихъ наградахъ и наказаніяхъ, и во многихъ обрядахъ богослуженія. По сказаніямъ Индѣйцевъ выходитъ, что за тысячу лѣтъ до Рождества Христова явился у нихъ необыкновенный человѣкъ, Будда, который при дѣятельномъ участіи многихъ государей, особенно Викрамадитія, рѣшился возвести религію къ первоначальной ея чистотѣ. И Далай—Лама, говорятъ, прежде жилъ въ Индіи, но въ V вѣкѣ перенесъ свой престолъ въ Китай; почему въ Индіи у него осталось не много послѣдователей.

Не станемъ указывать отдѣльно на черты религіи браминской, перешедшія въ религію Будды; но изъ отдѣленія о буддаизмѣ, мастерски развитаго авторомъ, вы-

пишемъ нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ ясно отражаются эти черты.

«Слово Будда употребляется въ двоякомъ смыслѣ. Въ отвлеченномъ смыслѣ подъ намъ разумѣется божество, которое будучи верховнымъ и первоначальнымъ разумомъ, существуетъ только въ самомъ себѣ, внѣ всего творящаго и сотвореннаго. Въ относительномъ значеніи оно есть тотъ же первоумъ, но уже не какъ общенный, а въ его откровеніи какъ божество, которое въ своемъ твореніи дѣйствуетъ на искупленіе заточенныхъ въ немъ душъ. Открывающійся Будда можетъ быть двоякій, именно Будда въ небесномъ и Будда въ земномъ откровеніи. Все это взятое вмѣстѣ образуетъ триничность сего верховнаго разума, триничность, которую буддисты называютъ тремя идеями или природами (свойствами) Будды: 1) Будда, который открывается посредствомъ земнаго воплощенія, какъ учитель и освободитель духовнаго начала отъ оковъ земной матеріи; 2) Будда въ откровеніи небеснаго блаженства, и 3) Будда, вовлекшійся внутрь себя, внѣ всякаго дѣятельнаго отношенія къ міру и содержащійся въ немъ матеріи. Каждый духъ можетъ содѣлаться буддою, и содѣлывается имъ, когда достиженіемъ совершеннаго познанія достигаетъ совершеннаго освобожденія отъ оковъ матеріи, то есть, освобожденія отъ условій Хумьлгана (переселенія душъ) и перестаетъ перерождаться въ органическихъ формахъ вселенной.»

«Всѣ существа вселенной, истекшей изъ дьямы (неба) свѣта, начиная съ высшихъ воздушныхъ боговъ, до гнуснѣйшихъ чудовищъ ада, подлежатъ непрерывному волненію душепереселенія, потому что всѣ болѣе или менѣе подвержены чувственности и пагубнымъ ея послѣдствіямъ отъ тѣснаго соединенія съ матеріею. Духи этой области, заключенные въ различныхъ формахъ матеріи, покуда высшимъ познаніемъ ничтожества этихъ формъ и увеличивающіяся отъ того добродѣтелями не достигнутъ свободы, могутъ сложить съ себя оболочку свою только съ тѣмъ, чтобы тотчасъ облечься въ новую, и, смотря по ихъ дѣйствіямъ, лучшую или худшую. Отсюда слѣдуетъ, что то, что мы понимаемъ подъ созданнымъ міромъ, у буддистовъ почитается произведеніемъ преступности несвободныхъ духовъ, которые, коснувшись матеріи, были ею задержаны. Съ этой точки зрѣнія послѣдователи буддизма смотрятъ на окончательное развитіе міроздавія и на уничтоженіе его во всѣ, даже самыя неблагородныя формы органической природы.»

«Когда этотъ періодъ приближится къ концу и большая часть ду-

ховъ ученіемъ буддъ освободится отъ оковъ грубѣйшей матеріи; когда эти духи, въ слѣдствіе спасенія, произведеннаго буддами, частію проникнутъ въ дѣяніе Будды, частію поселятся въ высшихъ странахъ; когда чрезъ это грубѣйшая матерія, или возникшія изъ нея тѣла, лишась духовнаго своего содержанія, не будутъ въ состояніи долѣе сохраняться, тогда начнется постепенное уничтоженіе всѣхъ формъ матеріи; тогда не только все содержащееся въ ней духовное начало, но и первоначальная стихія или зародышъ ея, свѣтъ, исчезнутъ изъ нея, и духи, поднимаясь изъ страны въ страну, сосредоточатся въ дѣяніе свѣта, гдѣ духъ все еще несвободный и первая стихія матеріи, свѣтъ, будутъ пребывать въ совершенномъ отчужденіи отъ всего неопредѣленное число вѣковъ, пока не наступитъ время образованія новой вселенной. Такимъ образомъ міръ то разрушается, то возникаетъ: всякое разрушеніе міра считается возвышеніемъ, торжествомъ духа; всякое возобновеніе міра — его уничтоженіемъ и испроверженіемъ; и какъ въ продолженіе такого періода большее число духовъ совершенно освобождается отъ матеріи и погружается опять въ первоначальный разумъ, то масса несвободныхъ духовъ, какъ бы она обширна ни была, должна когда-нибудь истощиться. Такъ, въ самомъ дѣлѣ, можно заключить изъ того, что при конечномъ разрушеніи міра, и неразрушимая дотогдѣ дѣяніе свѣта разрушается; что даже мало-по-малу высшія дѣянія откровенія Будды исчезаютъ; что, наконецъ, не будетъ ни какой тѣни матеріальнаго существованія, и останется только непостижимый, верховный, безусловный въ своемъ единствѣ разумъ.

«Космогонія Бурятъ и ихъ ученіе о происхожденіи человѣческаго рода есть слѣдующее: вселенная произошла изъ хаоса посредствомъ дуновенія, которое первоначально произвело вѣтръ и облака. Изъ облаковъ произошла вода, а отъ этой послѣдней образовалась земля. Трѣніе всѣхъ стихій этихъ произвело теплотворъ облаковъ, а наконецъ изъ теплотвора образовался жаръ. Въ средоточіи вселенной отъ первоначальнаго твердаго вещества составила великая гора, именуемая *Сумберъ*, а потомъ вокругъ этой горы образовались четыре міра, расположенные по четыремъ странамъ свѣта. Міръ находящійся на югѣ, называется *Дзимутабъ*, и есть земля, нами обитаемая.

«Духи, обитающіе въ одномъ изъ небесъ, утративъ свою первую непорочность, были принуждены покинуть горнее свое жилище и переселиться въ тѣ мѣста, гдѣ живутъ нынѣ люди. Однако жъ эти падшіе духа, сохранивъ еще нѣкоторыя свойства прежняго бытія, не жили, какъ простые смертные, и плодились силою одного помышленія, такъ что вскорѣ весь міръ наполнился духами. Питались они зѣврою пищею, летали по воздуху и изливали во-

кругъ себя яркій свѣтъ, озарявшій безъ помощи солнца и луны, какъ ихъ самихъ, такъ и всѣ предметы, ихъ окружающіе. Пока они были въ этомъ состояніи, то шли еще надежду снова достигнуть первоначальнаго своего блаженства, но одинъ изъ нихъ, вкусивъ запрещеннаго плода, ввелъ и другихъ въ подобное согрѣшеніе. Тогда духи лишились своего яркаго свѣта, потеряли способность летать, и не могли уже довольствоваться воздушною пищею. Такимъ образомъ духи ниспали до степеніи людей, и перестали называться духами. Жизнь духовъ, во время паденія, продолжалась до 80,000 лѣтъ, потомъ сократилась на 40,000, 20,000 и наконецъ до 100 лѣтъ, а со временемъ сократится и до десяти лѣтъ. Тогда человѣкамъ въ лицѣ бога *Мандари* явится новый спаситель. Это второе лице буддійскаго божества называется у Тибетанцевъ также *Цю-Конціа*, и въ ученіи объ немъ сказано, что онъ въ качествѣ законоположника и учителя добродѣтели покажетъ глубоководшему человѣку путь отъ его бѣдствія къ возвращенію въ потерянное имъ небо чрезъ отрѣченіе собственной индивидуальности, отверженіе всего земнаго и совершенное погруженіе въ Бога. Тогда для послѣдующихъ этому ученію наступитъ вторичное состояніе невмѣстности и полной безгрѣшности, и освобожденія отъ закона, то есть, по мѣрѣ сколько они утвердятся въ духовномъ единеніи съ Богомъ.»

Съ религією браминскою и буддійскою образованность Индіи распространялась по всѣмъ направленіямъ отъ береговъ коромандельскихъ до перуанскихъ, черезъ цѣпь океанійскихъ острововъ, отъ горъ гатскихъ до Геликона Эллады, отъ пагодовъ бенаресскихъ до пирамидъ Египта и стѣнъ Китая. Всмотритесь въ священныя преданія этихъ народовъ: у всѣхъ есть черты общаго преданія и вмѣстѣ преданія облеченнаго вымыслами индійскаго воображенія; есть даже памятники архитектуры и скульптуры совершенно индійскаго происхожденія. Ламы тибетскіе, бонзы китайскіе, монахи сіамскіе, тонкинскіе, кохинхинскіе, жрецы яванскіе, цейланскіе, египетскіе и греческіе были преемниками древнихъ браминовъ или ихъ учениками; большая часть ихъ буддисты, о которыхъ мы говорили.

Авторъ не касается египетской философіи, потому что ихъ ученіе для насъ не разгадано. Но надо сказать,

что египетскіе мудрецы славилась въ древности; въ египетскихъ святилищахъ западъ собралъ первыя сѣмена восточнаго образованія и пересадылъ ихъ отсюда на свою почву. Извѣстны путешествія въ Египетъ Пифагора и Платона. Египетъ въ свою очередь былъ отраженіемъ древней Индіи; если мы не можемъ зять вполне ученія Египтянъ, чтобы подтвердить нашу мысль, то по-крайней-мѣрѣ за это ручаются другіе факты. Преддверія, стѣны и своды храмовъ египетскихъ обыкновенно покрывались изображеніями различныхъ животныхъ (іероглифами); какъ и въ древнихъ храмахъ индѣйскихъ. Особенно удивительно сходство между египетскою и индѣйскою архитектурою, преимущественно въ устройствѣ колоннъ, пиластровъ, рельефовъ и орнаментовъ. Сахарный тростникъ, обрабатываемый въ Египтѣ, былъ вывезенъ изъ Индіи. Египтяне, подобно Индѣйцамъ, питались одними растеніями. У Индѣйцевъ народонаселеніе дѣлилось на четыре касты и на парій; у Египтянъ существовало пять трибъ, между которыми жрецы занимали первое мѣсто. Множество религиозныхъ обрядовъ, почтеніе къ нѣкоторымъ животнымъ, нравственныя, физическія и богословскія понятія все показываетъ, что религія обонхъ народовъ въ сущности была одна и та же. Жрецы египетскіе и индѣйскіе не обоготворяли низшихъ боговъ, а видѣли въ нихъ только олицетвореніе силъ существа верховнаго и видоизмѣненной природы. Диогенъ Лаэртій сохранилъ нѣсколько мыслей изъ космогоническаго ученія египетской Изиды. Вѣчная, не созданная матерія была оплодотворена духомъ, Озирисомъ; плодомъ соприкосновенія духа съ матеріею было яйцо, извѣстное въ индѣйской мифологіи. Извѣстно еще, что Египтяне вѣрили въ душепереселеніе и въ кончину міра отъ огня или воды, какъ и Индѣйцы.

Далѣе, по плану автора, слѣдуетъ глава о китайской философіи. Интересно взглянуть на умственную

жизнь этого народа, окованного формами древней патриархальной жизни; народа, который является въ глазахъ Европейца окаменѣлымъ, неподвижнымъ, полуварварскимъ, и который, въ свою очередь, величаетъ Европейцевъ варварами, невѣждами, непонимающими высококаго образованія Небесной Имперіи.

Какъ жизнь гражданская не удаляется отъ первоначальнаго образа жизни предковъ, кромѣ необыкновенныхъ усилій въ плутняхъ, такъ и философія Китайцевъ, заключенная въ каноническихъ книгахъ древности, поконится на утомительномъ изученіи древнихъ источниковъ мудрости и религіи. Впрочемъ въ древности китайское, по-крайней-мѣрѣ государственное, образованіе уступаетъ индѣйскому и египетскому. Довольно того, что въ имперіи Сына-Неба мы не встрѣчаемъ древнихъ памятниковъ, подобныхъ индѣйскимъ и египетскимъ, кромѣ великой стѣны, — и та впрочемъ относится уже къ новѣйшимъ временамъ; это заставляетъ признать Китай еще молодою отраслю Востока. Самыя лѣтописи Китайцевъ обличаютъ ихъ хвастовство осьми-тысячелѣтнею давностію; за 1400 лѣтъ до Р. Х. Китай представлялъ почти пустыню, гдѣ обитали номады въ землянкахъ и пещерахъ. Даже въ эпоху Кон-фу-дзю Китай былъ еще пустыней.

Изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ китайской имперіи извѣстны *пять книгъ*; это главные, каноническія книги Серединнаго Государства. Въ первой изъ нихъ, названной *Шу-книга*, содержится нравственная политика; это извлеченіе изъ древнихъ историческихъ сочиненій и изрѣченія перваго китайскаго владителя, жившаго еще до Кон-фу-дзю, за 2400 лѣтъ до Р. Х. Вторая, *Ши-книга*, заключаетъ въ себѣ собраніе народныхъ пѣсень и религиозныхъ гимновъ. Третья, *Ли-книга*, говоритъ объ обычаяхъ и нравахъ; четвертая, *Ю-книга*, трактуетъ о музыкѣ; а пятая, *И-книга*, о китайскомъ слогианіи. Къ несчастію первыя двѣ

книги были истреблены во всемъ государствѣ раздраженною волею императора Шихоангъ-ти, за 247 лѣтъ до Р. Х. Не смотря на всѣ усилія слѣдующей династїи возратить потерю, могли только изъ ста отдѣльныхъ возстановить пятьдесятъ-восемь, при помощи полусогнившей рукописи, найденной въ стѣнѣ одного дома, и памяти какого-то старика, который Шу-кингъ зналъ наизусть. Надо замѣтить, что и теперь есть люди, которые, чтобы какъ-нибудь получить титуло ученаго, изучаютъ наизусть древнїе памятники. За сто лѣтъ до нашей эры, императоръ Ву-ти установилъ премїи за разработку древнихъ рукописей; пользуясь этимъ, ученый Сю-ма-тзянь, глава китайскихъ историковъ, ихъ Геродотъ, жившїй въ концѣ двадцать-пятаго года до Рождества Христова, написалъ полную исторїю Небесной имперїи и составилъ записки о всей древней литературѣ. Сю-ма-тзянь начиная съ 2637 доводитъ свою исторїю до 140 года передъ христіанскимъ лѣтосчисленїемъ. Основываясь на этой исторїи, европейскїе ученые, Клапротъ, Денонъ, Шампольонъ-Фижакъ, Кювье и Біо, думаютъ, что достовѣрная исторїя Китая начинается за 782 года, а доисторическія преданїя восходятъ до 2637 лѣтъ до Рождества Христова.

Въ исторїяхъ Китая, гдѣ за 4500 лѣтъ до Р. Х. эта имперїя изображается уже самыми цвѣтистыми красками, мы думаемъ видѣть не баснословные рассказы, не чистые вымыслы, которыми историкъ хотѣлъ щекотать національную гордость своихъ соотечей, или дать разгулъ своему воображенїю; но преданїе о первобытномъ состоянїи человѣка, сохранившееся въ Китаѣ. Историкъ Сю-ма-тзянь начинаетъ свою исторїю съ Гоанги или краснаго патріарха; это то же, что Адамъ, по значенїю слова красный. Ему Богъ даровалъ двухъ сыновъ, Хао-гао и Таи-гао. Братоубійца Хао-гао построилъ славный городъ. О земномъ раѣ находимъ сказанїя въ *Хан-тай-кинъ*, книгѣ столь

древней, что нѣкоторые ее относятъ къ 2224 году до Р. Х. Въ этой книгѣ *гора Куенъ-люнъ* представляется настоящимъ раемъ. Все, чего ни пожелаешь, — говорится въ Хан-гай-кингѣ, — находится на этой горѣ; тамъ можно видѣть удивительныя деревья и чудные источники. Ее называютъ садомъ заключеннымъ и сокрытымъ, садомъ висячимъ, цвѣтистою рощей. Въ немъ находится древо безсмертія, древо жизни вѣчной. Въ *Гоай-нанъ-ванъ* мы встрѣчаемъ описаніе того же сада, въ слѣдующихъ словахъ: «Висячій садъ, освѣжаемый пріятными вѣтерками и усаженный самыми драгоценными растеніями и деревьями, насажденъ посреди горы Куенъ-люнъ, подлѣ затворенныхъ вратъ неба; его называютъ садомъ блестящимъ. Желтый потокъ, изобилующій всѣмъ, орошаетъ его своею водою. Кто пьетъ изъ него, не умираетъ; и потому желтый потокъ называется источникомъ безсмертія. Желтая вода выходитъ изъ этого сада между сѣверомъ и востокомъ; вода красная между востокомъ и югомъ; вода слабая или мертвая между югомъ и западомъ; вода агнчья между западомъ и сѣверомъ. Эти воды образуютъ четыре рѣки, изъ которыхъ Господь Духъ беретъ воду для составленія всякаго рода лекарствъ и для орошенія всѣхъ существующихъ вещей.» Прибавимъ къ этому, описаніе рая, сдѣланное Сю-матзяномъ. Онъ говоритъ, что садъ этотъ былъ разведенъ для перваго царя, который образовалъ на землѣ правленіе небесное, первый далъ имена растеніямъ и животнымъ; и эти имена такъ хорошо выражали существо дѣла, что наименовать по нимъ значило знать вещи.

Чуанъ-тзи, говоря объ золотомъ вѣкѣ, называетъ его вѣкомъ совершенной добродѣтели. «Тогда дороги,» рассказываетъ тамъ, «не были еще ископаны въ горахъ; легкіе чолны не скользили по озерамъ для ловли рыбы. Тогда все выросло само собою; земля не

была раздѣлена между людьми, и отечество и родина были повсюду; стада блуждали и паслись спокойно; стаи птицъ летали во всѣ стороны, и всѣ плоды росли безъ воздѣлыванія; человѣкъ обиталъ посреди звѣрей, и всѣ существа составляли только одно семейство. Человѣкъ, не имѣя никакого понятія о злѣ, не уклонялся отъ добродѣтели; онъ жилъ въ невинности и простотѣ, безъ всякаго желанія зла. Невинность и простота составляютъ выгоды природы цѣлой, не поврежденной, самообладающей.»

Золотой вѣкъ не долго гостилъ среди людей.

«Человѣкъ, говорится въ Шунингѣ, былъ исполненъ ума и добродѣтели. Все у него было небесное и ничего своего. Духъ повиновался небу, какъ ученикъ своему учителю. Но страсть сдѣлала его работъ чувственныхъ вещей. Въ началѣ, послушный небу, онъ весь былъ духъ; послѣ же, когда онъ пересталъ блюсти за собою, его одолѣли страсти, и онъ утратилъ ясный, просвѣщенный разумъ. Человѣкъ лишился общенія съ чистымъ духомъ, удовольствовалъ страсти снѣднвнн, и отпавъ тѣмъ отъ вѣчнаго челоука (Шуень-ку). Садъ, парившій надъ землею, запертъ и сокрытъ отъ него, путь къ небу загражденъ. Въ нѣсколько часовъ небо измѣнилось, и человѣкъ сталъ уже не тотъ. Но когда онъ утратилъ невинность, явилось милосердіе. Оно испѣлао челоука.»

Въ Китаѣ подъ вліяніемъ различныхъ религій, господствовавшихъ въ различныя эпохи, именно Кхунгъ — тзи или Юй, Буддизма (шаманства) или Фо и Лао-тзюнь или Дао, возникли три школы мудрецовъ, съ различными направленіями и различными, болѣе или менѣе чистыми и свѣтлыми, взглядами. Мы ознакомились уже съ религіею буддійскою, прибавимъ только, что подъ небомъ Серединой Имперіи она получила нѣкоторыя новыя оттѣнки. Буддизмъ введенъ въ китайскую имперію 60 лѣтъ спустя послѣ Р. Х., въ царствованіе Минь-ди, изъ династіи Хань, который, встрѣтивъ въ книгахъ Конфу-дзю, что на западѣ долженъ явиться Святой, отправилъ посланниковъ искать его. Послы пришли въ Индію, открыли въ ней буддистовъ и нѣкоторыхъ изъ

нихъ взяли съ собою, равно какъ книги и идоловъ буддистическихъ. Жрецъ ихъ Фо или Будда китайскій.

Ученики его говорятъ, что Фо одно лицо, но въ трехъ формахъ, которыя представляются въ трехъ золотыхъ изображеніяхъ. Фо далъ нравственное направленіе своей религіи; пять главныхъ правилъ или запрещеній предписаны буддійскимъ жрецамъ: не убивать животныхъ, не воровать, не жениться, не лгать, не пить вина. Жрецы живутъ въ монастыряхъ, при храмахъ Фо, раздѣляясь на разряды служителей, жрецовъ и начальниковъ монастырей; ихъ костюмъ походитъ на одежду католическаго духовенства.

Мудрецы Фо явились со введеніемъ буддизма, уже въ новѣйшую эпоху; изъ раннихъ основателей школъ особенно замѣчательны: *Лао-дзю* и *Конъ-фу-дзю*. Лао-дзю (дитя-старецъ) по преданіямъ Китайцевъ, былъ во яревѣ матери девятью девять лѣтъ и родился съ сѣдыми волосами. Въ его философіи замѣчаемъ удивительное сходство съ философіею Пифагора и Платона. Современникомъ Лао-дзю былъ Кон-фу-дзю, родившійся за 551 годъ до Рождества Христова. Лао-дзю былъ уже старикомъ, когда тридцатилѣтній Кон-фу-дзю пріѣхалъ къ нему, чтобы получить свѣдѣніе о древнемъ богослуженіи. «Мужей, сказалъ мрачно Лао-дзю, о которыхъ ты говоришь, давно уже нѣтъ, и кости ихъ давно истлѣли. Только безплодныя правила остались отъ нихъ. Мудрый долженъ сообразоваться со временемъ и приспособляться къ обстоятельствамъ; пользоваться ими, если они будутъ благопріятны, а въ противномъ случаѣ скрываться отъ бури. Заботливо прячутъ найденное сокровище и не даютъ объ немъ замѣтить; такъ добродѣтель иногда состоитъ и въ томъ, чтобы казаться безумнымъ. Отложи эту гордую наружность, эти высокопарныя притязанія, планы, которые не ведутъ уже ни къ чему. Вотъ что могу тебѣ сказать; воспользуйся этимъ.» Но Кон-фу-дзю не послушался совѣтовъ старца, разо-

чарованнаго своею неудачною попыткой обратить современниковъ къ древнимъ правамъ, и пошелъ по той же дорогѣ. Особенно въ послѣдніе годы жизни онъ трудился надъ собраніемъ древнихъ государственныхъ книгъ, желая ознакомить своихъ современниковъ съ духовнымъ сокровищемъ предковъ. Эта мысль занимала его всегда. Разъ гулялъ онъ съ учениками по берегу рѣки, во временахъ останавливался и пристально смотрѣлъ на переливъ бѣгущихъ струй. Одинъ изъ учениковъ, замѣтивъ это, спросилъ его: что находитъ онъ занимательнаго въ такомъ обыкновенномъ явленіи? Кон-фу-дзю отвѣчалъ: «Конечно, это вещь самая простая, очень понятная, но не всякой знаетъ отношеніе между водой и ученіемъ; объ этомъ-то я размышляю. Вода бѣжитъ безъ отдыха день и ночь, пока сольется со всѣми водами въ пространномъ морѣ; такъ низтекаетъ къ намъ ученіе объ *Яо* и *Шюнь* непрерывно. Постараемся же, чтобъ оно текло далѣе и передадимъ его тѣмъ, которые послѣ насъ будутъ. Эти, по нашему примѣру, будутъ передавать дѣтямъ и внукамъ до конца вѣковъ. Не станемъ подражать уединеннымъ мужамъ, какъ бы ни были они мудры сами по себѣ.»

Эти Китайскіе мудрецы дѣйствительно учили согласно съ священными преданіями предковъ, ихъ философія при нравственномъ направленіи представляетъ высокія черты религіознаго міросозерцанія, вдохновеннаго древними книгами. Такъ Лао-дзю говорилъ царю Тсао-ти. «Нѣкогда, когда небо и земля не были еще раздѣлены, все было покрыто туманомъ и какъ бы погребено подъ водами. Первоначальная матерія покоилась въ таинственномъ и непостижимомъ состояніи. Великій богъ Инда (Тафанъ-Брама) началъ твореніе въ пустынной и мрачной безграничности пространства.»

По ученію того же Лао-дзю, Тао, (верховный разумъ) есть коренное условіе существованія, начало и истина всѣхъ вещей. Тао безъ имени есть начало неба и земли; съ

иногда, онъ *мать* всѣхъ вещей. Въ другомъ отдѣленіи Тао-те-кингъ говорится:

«Происхожденію неба и земли предшествуетъ совершенная безразличность существующихъ вещей. О какъ глубоко, какъ безмолвно! Единная и не измѣнная, она также можетъ быть принимаема за мать вселенной. Не знаю ея имени, но называю ее Тао. Побуждаемый его могуществомъ, называю Тао великимъ,—великимъ, т. е. подвигающимися,—подвигающимися, то есть, отдаленнымъ,—отдаленнымъ, то есть, противоположностью.—Человѣкъ устроится по мѣрѣ земли, земля по мѣрѣ неба, небо по мѣрѣ Тао, Тао по мѣрѣ самого себя. Свѣтъ (человѣческаго) разума есть еще какъ тьма, высочайшая человѣческая добродѣтель есть еще доль, самое истинное (въ человѣческомъ смыслѣ) еще премѣнно. Тао же есть великій квадратъ безъ угловъ, великій сосудъ, во вѣки не наполнимый, великій голосъ, который неслышимый звучитъ, великій образъ безъ лица.—Тао произвела единицу, единица произвела двоицу, двоица произвела троицность, троицность произвела вселенную. Нѣтъ мѣста, гдѣ бы не присутствовалъ первоначальный разумъ. Онъ творитъ все и никогда не утомляется. Онъ питаетъ всѣхъ тварей; но пребываетъ сокровенъ, какъ будто бы совсѣмъ не существовалъ, ничего не производилъ и не дѣйствовалъ. Онъ не обнаруживаетъ своихъ силъ, управляетъ всѣмъ, а кажется будто бы ничѣмъ не управляетъ. Онъ одѣваетъ и украшаетъ всю природу, а не оказываетъ себя владыкою вещей. Его любовь питаетъ, плодотворитъ, умножаетъ и хранить всѣ существа; попеченіе его объемлетъ человѣковъ въ особенности, какъ любимыхъ сыновъ. Образъ дѣйствія его есть покой, но покой этотъ есть вмѣстѣ высочайшая дѣятельность; (истина, которую вывелъ и Шеллингъ).

Моральное начало Лао-тзю есть: «прилѣпляйся вѣчному разуму и подобяся ему. Онъ мать всѣхъ, и питается отъ ея груди для меня, говоритъ Лао-тзю, выше и пріятнѣе всего въ мірѣ.» Сколь высоко стоитъ также Лао-тзю, какъ наставникъ практической мудрости, доказываетъ слѣдующее мѣсто изъ его книги. «Кто соответствуетъ Тао и находитъ его, тому прощаются согрѣшенія; кто соединяется съ Тао, тотъ истинный, священный мудрецъ. Онъ долженъ быть чуждъ страсти, презирать всѣ блага и почести, даже къ благорасположенію людей и къ любви собственныхъ дѣтей быть равнодушенъ; занятіе его да будетъ въ глубинахъ духа; законъ его—молчаніе. Онъ не долженъ печалиться ничего, что живетъ, долженъ жить, какъ будто не жилъ, проникнуть сочувствіемъ къ другимъ и ко всему, что живетъ.»

Здѣсь мы видимъ мысль объ единомъ Богѣ. Конфу-фу — дзю безпрестанно повторялъ, что отъ Запада долженъ былъ родиться святой, котораго праведники ожидали за 3000 лѣтъ и болѣе, святой, самый величайшій изъ святыхъ, и который, по описанію его, «всеобъемлющъ и возвышенъ, какъ небо, глубокъ, какъ бездна; будетъ уважаемъ всѣми народами; весь міръ будетъ вѣровать его слову, всѣ будутъ рукоплескать его дѣяніямъ. Его имя и его слава распространятся по всей имперіи, разнесутся даже до варваровъ Юга и Сѣвера, повсюду, гдѣ только могутъ пристать корабли и колесницы, куда только можетъ проникать сила человѣка, во всѣхъ мѣстахъ, какія покрываетъ небо и какія носитъ земля, какія освѣщаются солнцемъ и луной и оплодотворяются росой и туманомъ. Всѣ существа, которыя имѣютъ кровь и которыя дышатъ, будутъ чтить и любить его; онъ равенъ Тянь, то есть, высочайшему Богу.»

За семь столѣтій до Рождества Христова въ Персіи явился *Зердустъ* или *Зороастръ*. Его ученіе содержится въ *Зендъ-Авестъ* (живое слово), съ которымъ познакомилъ Европу Анкетиль дю-Перронъ.

До-сихъ-поръ не могутъ рѣшить вопроса: кто таковъ былъ Зердустъ. Поразительная близость ученія, пронесеннаго имъ по Персіи, съ ученіемъ Евреевъ заставляетъ думать, что это какой-нибудь еврейскій прозелитъ. По-крайней-мѣрѣ, и философія персидская отличается тою же чертой отъ новой философіи, какъ и философія другихъ восточныхъ народовъ; она дышетъ религіей, и раскрываетъ истины не пылливому уму, а тревожному религіозному сердцу, которое за гранью сотвореннаго и видимаго ищетъ невидимаго, несотвореннаго, горитъ желаніемъ развѣдать ту сторону земной быстролетной жизни. Зендъ-Авеста отвѣчаетъ на всѣ запросы души системою, въ которой замѣчаемъ сліяніе самыхъ изрѣченій священнаго еврейскаго пре-

данія съ страшными, фантастическими вымыслами. Впрочемъ нравственное ученіе Зердуста довольно высоко, чисто, благотвѣтельно.

Въ Зендъ-Авестѣ видно вѣрованіе въ паденіе духовъ, въ твореніе міра, въ невинное и грѣховное состояніе чловѣка.

Безначальное время, Зерване-Акеранъ, Богъ, произвелъ отъ божественнаго сѣмени Ормузда и Аримана. Ормуздъ, добро и источникъ всего добраго; онъ отражаетъ Вѣчнаго; своимъ словомъ онъ породилъ изъ себя весь чистый міръ. Ариманъ, сотворенный также добрымъ, но отъ зависти сталъ *дмаомъ*, то есть, злымъ, и источникомъ смерти и всего злаго, врагомъ добра и свѣта. Отъ него родилась тьма; онъ низверженъ съ высоты и поглощенъ бездною мрака; престолъ его въ глубинахъ Дузаха; онъ заражаетъ природу и выливаетъ въ душу ядъ нечистыхъ помысловъ; символъ его драконъ. Мы живемъ въ періодъ безпрерывной борьбы злаго начала съ добрымъ, царства тьмы съ царствомъ свѣта; но будетъ время, когда послѣднее побѣдитъ первое. У праведныхъ есть духи-хранители; это *Ферверы*; они съ быстротою птицы слетаютъ съ неба и приносятъ молитвы предъ Ормузда.

Престолъ Ормузда окруженъ Амшесспандами; при ихъ участіи Ормуздъ сотворилъ міръ въ шесть періодовъ, именно: въ 1-й періодъ сотворилъ *свѣтъ и звѣзды*, во 2-й *воду*, 3-й *землю*, 4-й *деревя*, 5-й *животныхъ*, 6-й *людей*. Мешіа и Мешіана прародители людей сначала были чисты и невинны, но Ариманъ соблазнилъ сперва Мешіану, а потомъ Мешію, и оба они стали грѣшниками, *Дарвандами*.

Вѣрованіе Персовъ въ загробную жизнь и ихъ преданія о послѣднемъ концѣ міра, близко подходят къ вѣрованіямъ общимъ всему Востоку, но гораздо чище и безъ вымысловъ, оскорбляющихъ чувство.

«Смерть принесена въ міръ Ариманомъ чрезъ грѣхъ перваго чело­вѣка. Но кто въ теченіе своей жизни борется со зломъ, тому печего бояться смерти; для праведнаго она только мостъ къ не­кою и блаженству. Тотчасъ по смерти прилетаютъ Дивы, чтобы завладѣть душою; но если она праведна и чиста, то являются не­бесные Иседы на ея защиту; душа безбожника ими покидаема и становится добычею Дивовъ. Спустя нѣсколько дней по смерти, душа приходить на большой мостъ, Чинвадъ, отдѣляющій адѣш­ній свѣтъ отъ того. Тутъ жизнь покойника разбирается Ормуздомъ и Баманомъ, и по ихъ приговору временное пребываніе души до воскресенія бываетъ больше или меньше блаженно или неблажен­но. Если приговоръ благопріятенъ, то добрые Иседы переводятъ ее за мостъ, въ страну радостей, и тамъ ожидаетъ она возстанія; если жъ нѣтъ, то она не переходитъ за мостъ, а отводится въ мѣ­сто, какого заслуживаютъ ея дѣла. Наконецъ настаетъ воскресеніе мертвыхъ. Добрые и злой возстанутъ. Земля и рѣки возвра­тятъ кости людей, которыя оживитъ Ормуздъ. Природа будетъ столь же нова, какъ чело­вѣкъ тѣломъ и душою. Когда наконецъ осужденные казню въ безднѣ усмирены и очищены, должны они пройти чрезъ огненные потоки расплавленнаго металла для по­слѣдняго очищенія; потомъ для нихъ вмѣстѣ съ праведными без­конечное блаженство. И самый Ариманъ не отстанетъ нѣчто злымъ, но по воскресеніи мертвыхъ онъ будетъ казнимъ Ормуз­домъ до безпамятства, и потомъ выжженъ въ огненныхъ пото­кахъ металла. Тогда онъ перемѣнитъ мысли и волю, станетъ святымъ и другомъ Ормузду. Вся природа будетъ свѣтла; безд­ны уже не будутъ существовать; Ариманово царство разрушено и Ормуздъ со своими семью Амшасспандами и Ариманъ съ семью первыми своего царства, которые прежде были Дивами, право­сятъ вѣчному (абсолютному) жертву вѣчной хвалы. «Да (сказано въ Исешнѣ) небеснымъ содѣлается онъ, мжецъ, злодѣй; свѣтъ бу­детъ онъ, и небесенъ и свѣтъ свирѣпый. Онъ будетъ дышать толь­ко чистотою и принесетъ великую жертву хвалы и славы Ормузду.»

Изложеніе древней восточной философіи авторъ за­ключаетъ бѣглымъ, но вѣрнымъ взглядомъ на міро­созерцанія Скандинавовъ и Финнкіанъ.

Мы съ авторомъ дошли до второй эпохи философіи, «истекающей изъ мышленія, болѣе или менѣе отвра­щеннаго отъ Бога, но окрѣпшаго и свободнаго», имен­но до греческой философіи. Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ распространяться о греческой филосо­

фин, и мы рекомендуем образованной публикѣ прочесть прекрасное, отчетливое, изложеніе греческихъ системъ Зедергольма. Ограничимся только нѣсколькими строками, чтобы подтвердить мысль, высказанную нами въ началѣ статьи, что Греція заняла свою образованность съ Востока, именно изъ Индіи, черезъ Египеть, Финикію и Фракію.

Въ самомъ дѣлѣ, греческая мифологія снимокъ съ индѣйской. Не говоримъ уже о томъ, что Греки, такъ же какъ и Индѣйцы, насчитывали четыре вѣка, изъ которыхъ каждый послѣдующій становился все несовершеннѣе и несчастнѣе, пока не насталъ періодъ совершеннаго бѣдствія. Самые боги греческіе во многихъ чертахъ напоминаютъ индѣйскихъ. Юпитеръ, занявшій съ своимъ дворомъ Олимпъ, напоминаетъ Вишну, который подъ именемъ Магадевы живетъ на горѣ Кайлазанъ; Вишну, который побѣдилъ гигантовъ и полубоговъ, какъ Юпитеръ Титановъ. Плутонъ, мужъ Прозерпины, то же что индѣйскій Семанага, супругъ Кали. Въ Аполлонѣ мы узнаемъ любимаго бога Индѣйцевъ, прекраснаго Кришну; первый провелъ свою юность среди пастуховъ, убилъ змѣя Пнеона; послѣдній въ молодые годы предавался забавамъ и убилъ страшнаго змѣя Калию. У Индѣйцевъ есть свой Вулканъ въ лицѣ Виссуакармана, который куетъ оружіе для боговъ и считается изобрѣтателемъ *аміастровъ* или огненныхъ стрѣлъ. Есть Лингамъ, какъ у Грековъ Фаллусъ. Венера, родившаяся изъ морской пѣны, это Рембла, родившаяся изъ океана. Боги индѣйскіе пьютъ амурдонъ, какъ греческіе нектаръ.

Слѣды восточнаго умозрѣнія находимъ въ системахъ Пифагора, Платона и другихъ раннихъ мыслителей Греціи, что можно замѣтить и изъ книги Зедергольма.

Въ заключеніе скажемъ, что сочиненіе Зедергольма должно быть причислено къ существеннымъ и замѣчательнымъ произведеніямъ русской литературы. «Тво-

ренія, служившія намъ пособіемъ въ нашемъ трудѣ», пишетъ почтенный авторъ: «суть сочиненія Шмидта, «Змварта, Марбаха, иногда Риттера, а особливо Ге- «геля. Истинная выгода для читателя то, что сказан- «ное другими такъ хорошо, что мы не въ состояніи «были сказать лучше, мы передавали ихъ собственны- «ми словами. Упомянуть о томъ заимствованіи повсюду, «препятствуетъ намъ то обстоятельство, что когда ска- «занное другими и нами заимствованное прошло черезъ «нашъ духъ, то многое въ немъ такъ преобразовалось, «что тотъ, кто первый сказалъ его, уже не призналъ «бы его за свою духовную собственность.» Это вполнѣ справедливо, потому—что направленіе почтеннаго авто- «ра совершенно разнится съ направленіемъ Гегеля, ко- «торого сочиненія особливо служили ему пособіемъ. По- «слѣднюю цѣль философіи авторъ указываетъ въ объясне- «ніи свободного мышленія съ религіею, и стремится при- «вести мыслящаго человѣка къ вѣчному истоку истины, къ религіи христіанской. Гегель, напротивъ того, шель- «прямо къ пантеизму, который по нашему мнѣнію, тотъ же грубый, устарѣлый, избитый матеріализмъ, только представленный въ новомъ, исправленномъ изданіи, матеріализмъ, убивающій все прекрасное, высокое и нравственное въ природѣ человѣка, и низводящій его на степень эфемернаго явленія, жалкаго животнаго, пресмыкающагося на землѣ для однихъ матеріальныхъ, земныхъ цѣлей.

Почтенный авторъ во многихъ мѣстахъ критикуетъ и очень основательно опровергаетъ мнѣнія Гегеля, сколько ему позволили объемъ и цѣль его сочиненія. Онъ не понимаетъ, (часть I стр. 114 и 115) отчего Гегель возстаетъ противъ мнѣнія Гумбольдта и Шлегеля о древней индѣйской философіи, и находитъ выводъ Гегеля о *Балаватъ-Гитъ* подозрительнымъ, потому—что онъ всюду обнаруживаетъ большую неіриванъ къ индѣйской мудрости. Во II-й части своего сочиненія (стр. 195) Зе-

Зедергольмъ объясняетъ эту неприязнь, не замѣтивъ того и самъ. Онъ пишетъ: «Буддійская философія представляетъ намъ двѣ разительныя точки сходства, а именно съ ученіемъ Канта и Гегеля Гегель является чистымъ Буддистомъ.» Вотъ вамъ и объясненіе неприязни Гегеля къ индійской философіи. Неужели же можно было ему хвалить ее и сознаться, что его твореніе, его *новѣйшая* система философіи заимствована отъ буддійскихъ философовъ, и что самый *сѣвѣйшій* вѣнецъ европейской мудрости сплетенъ изъ листьевъ, нарванныхъ тихомолкомъ съ *драхлана* дерева, которое красуется въ Азіи около 3000 лѣтъ и своими цвѣтами и плодами восхищаетъ донынѣ, въ числѣ прочихъ народовъ, нашихъ забайкальскихъ Бурятъ. Любителямъ книгъ философскаго содержанія советуемъ прочитатъ вышедшее въ прошломъ году, въ Парижѣ, сочиненіе подъ заглавіемъ: *Etudes sur le Timée de Platon*, par Henri Martin. Въ этой книгѣ ученый авторъ, проникнутый убѣжденіемъ, какъ и Зедергольмъ, что христіанская религія есть единственный источникъ истины и мудрости, прекрасно разбираетъ и опровергаетъ системы Гегеля и новѣйшихъ идеалистовъ—пантеистовъ Германіи. Зедергольмъ (въ предисловіи, стр. X.) жалѣетъ, что онъ принужденъ часто противорѣчить Гегелю, и прибавляетъ, что истина для него дороже всякаго философскаго авторитета. Не жалѣйте ничего и никого, почтенный авторъ, не бойтесь никакихъ громкихъ авторитетовъ, и стремитесь смѣло къ истинѣ, къ предположеннымъ вами двумъ цѣлямъ: 1) довести начатую исторію философіи до настоящаго времени, и 2) издать особый курсъ философіи, которая, какъ вы сами говорите, только тогда достигнетъ настоящаго назначенія своего, когда приметъ истину, которую можетъ ей даровать одно христіанское откровеніе.

«Изъ уваженія къ прекрасному русскому языку», такъ пишетъ еще авторъ въ своемъ предисловіи, «я не отважился самъ и одинъ издать мою книгу по-русски и

обратился къ одному природному Русскому, который и далъ русскую оболочку этому сочиненію.»

Мы увѣрены, что нисколько не повредимъ успѣху разбираемой нами исторіи философіи, успѣху, котораго она вполне заслуживаетъ по внутреннему своему достоинству; и что нисколько не оскорбимъ почтеннаго автора, если дадимъ ему совѣтъ, основанный на убѣжденіи и на желаніи содѣйствовать къ достиженію его прекрасной цѣли. Совѣтъ нашъ состоитъ въ томъ, чтобы слогъ его сочиненій, предназначенныхъ имъ самимъ не для однихъ ученыхъ, былъ сколько возможно чище, яснѣе и удаленнѣе отъ тяжелыхъ формъ, которыя составляютъ отличительный характеръ почти всѣхъ философскихъ книгъ Германіи. Неужели нельзя выразить ясно по-русски понятій, которыя выражаются словами *рефлектированное съдѣніе, формально-спекулятивное достоинство, эманация, статіе, овѣщаніе, цѣльсообразное, яство*, и проч., и проч? Неужели природный Русскій, который далъ русскую оболочку прекрасному труду господина Зедергольма, не чувствовалъ, какъ страдаетъ русскій языкъ въ періодахъ, подобныхъ слѣдующему: «Такъ какъ, какъ Шмитъ также показалъ, вѣра въ Брамму, какъ въ виновника дѣятельности природы, старше буддизма, и буддизмъ привязалъ свою систему къ этой вѣрѣ, то кажется должно принимать первоначальный дуализмъ Браммы, а именно такъ; что умъ и духъ принадлежатъ отвлеченному безвременному бытію, и напротивъ того не-умъ и матерія конечному уничтоженію; по этому пантеистическо-дуалистическая идея, служащая основаніемъ происхожденію и бытію міра, первоначально принадлежала браманизму, а не буддизму, и этотъ послѣдній выбралъ эту идею только какъ точку исхода, чтобы для своей религіозной части основать высшую ему собственную идею Будды въ откровеніи, и для своей философической части еще высшую идею Будды въ откровеніи или въ отвлеченіи, какъ точку ис-

Слѣсь.

**ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РѢЧИ ГОСПОДИНА АРАГО, ПРОИЗ-
НЕСЕННОЙ ВЪ ПАРИЖСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ, О ЗА-
СЛУГАХЪ ПРОФЕССОРА ВОЛЬТЫ.** Въ началѣ 1800 года
знаменитый профессоръ, въ сладствіе изъ которыхъ теоре-
тическихъ соображеній, придумалъ устроить длинный
столбъ, сложивъ его, въ строгомъ, постепенномъ порядкѣ,
изъ мѣдныхъ, цинковыхъ и смоченныхъ водою, суков-
ныхъ кружковъ. Чего бы, казалось, ожидать отъ такой
выдумки? И что же! Должно сознаться, что этотъ столбъ
есть самое дивное изобрѣтеніе ума человѣческаго, пре-
восходящее даже телескопъ и паровую машину. По по-
рядку владки кружковъ, выйдетъ, что если цинкъ нахо-
дится въ основаніи столба, то на верху его будетъ мѣдь.
Эти два кружка нижній и верхній, эти двѣ оконечности
названы полюсами, къ которымъ прикрѣпляются металли-
ческія проволоки. Если кто возьметъ въ руку одну изъ
проволокъ, тотъ не чувствуетъ ничего, но взявъ обѣ про-
волоки, ощущаетъ сильное сотрясеніе. Это явленіе сход-
но съ тѣмъ, которое производятъ лейденская банка, на-
дѣлавшая, въ 1746 году, столько шуму въ Европѣ; но лей-
денская банка производитъ сотрясеніе однажды, и потомъ
должно ее опять заряжать электричествомъ. Вольтовъ же
столбъ, напротивъ, производитъ сотрясенія непрерывныя,
заряжаясь мгновенно самъ собой, послѣ каждаго сотрясе-

ніа. Если проволоку отъ цинковаго полюса приложить къ концу языка, а къ другой его точкѣ проволоку отъ полюса мѣднаго, то вы сильно почувствуете вкусъ кислоты. Перемѣстите на языкъ проволоки, и вы ощутите вкусъ алкалическій. Этотъ столбъ - протей даже дѣйствуетъ на чувство зрѣнія. Приложите конецъ проволоки ко лбу, къ щекѣ, къ носу, къ подбородку и даже къ горлу, и возьмитесь рукою за другую проволоку: вы въ тотъ же мигъ увидите сильный блескъ, увидите молнію даже съ закрытыми глазами. Подобное приложеніе проволокъ къ органамъ слуха производитъ звуки, особенный шумъ въ ушахъ. Не только на органы здоровые столбъ Вольты дѣйствуетъ; онъ даже возбуждаетъ ихъ тамъ, гдѣ жизнь по видимому совсѣмъ прекратилась. Голова казненнаго, подверженная вліянію двухъ проволокъ, являла такое страшное движеніе мускуловъ, что зрители не могли вывести этого зрѣлища и убегали. Проволоки столба очень усиливаютъ блескъ свѣтящихся червячковъ, возвращаютъ движеніе мертвому кузнечнику.

Каждая изъ проволокъ, особенно ваята, не представляетъ никакого возвышенія температуры, но когда онѣ прикасаются одна къ другой, то въ нихъ появляется сильный жаръ. Если проволоки довольно тонки, то онѣ долѣе раскалятся, а самыя тонкія совсѣмъ расплавятся. Хотя бы были изъ платины, то есть, изъ металла, наименѣе плавкаго изъ всѣхъ известныхъ металловъ. При дѣйствіи очень сильнаго столба двѣ тонкія проволоки платиновыя или золотыя, при взаимномъ прикосновеніи, превращаются въ паръ и совершенно исчезаютъ. Два угля, прикрепленные къ концамъ проволокъ, тотчасъ загораются, какъ скоро одинъ уголь приложить къ другому. При этомъ блескъ ихъ такъ чистъ, такъ былъ, такъ ослабнѣетъ, что его можно назвать блескомъ солнечнымъ. Эти угли точно также раскаляются и въ безвоздушномъ пространствѣ. По окончаніи этого опыта, сколько бы онъ ни длился, угли приходятъ въ прежнее свое положеніе, не потерявъ никакого измѣненія ни въ своемъ вѣсѣ, ни въ свойствахъ.

Извѣстно, что платина, золото, мѣдь, не дѣйствуютъ на

магнитную стрелку. Но проволоки изъ этихъ металловъ, при взаимномъ прикосновеніи, оказываютъ сильное магнитное дѣйствіе, превращаются сами въ магнитъ, привлекаютъ къ себѣ желѣзные опилки и намагничиваютъ стальные полоски, положенныя близъ этихъ проволокъ. Проволоки отъ сильнаго столба, не касаясь одна другой, а находясь на известномъ разстояніи, соединяютъ свои оконечности струею яркаго свѣта. Магнитъ, къ этому свѣту приближенный, притягиваетъ его къ себѣ или отталкивается. Этому имъ зачѣмъ не повѣрили бы въ свое время Франклинь и Куломбъ.

Если погрузимъ проволоки въ чистую воду и будемъ ихъ держать въ близкомъ разстояніи одну отъ другой, то вода разложится на газы. Кислородъ въ видѣ пузырьковъ будетъ отдѣляться у оконечности проволоки, идущей отъ цинковаго полюса, а водородъ у оконечности другой проволоки. Въ воду, напитанную какими-нибудь солями, проволоки разлагаютъ эти соли. Кислоты соберутся у цинковаго полюса, а алкали окристаллизуются у проволоки, идущей отъ полюса мѣднаго. Вольтовъ столбъ разложилъ множество веществъ, которыя считались прежде веществами простыми, неразложимыми. Исчисливъ заслуги знаменитаго физика, оказанные имъ естественнымъ наудамъ своимъ изобретеніемъ, Араго окончилъ свою рѣчь исчисленіемъ сочиненій Вольта и краткою картиною частной и публичной его жизни.

ЖИВОТНОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО. Всѣмъ нашимъ читателямъ, безъ сомнѣнія, известна исторія открытія гальванизма. Вся знаютъ, что первый поводъ къ этому великому открытію подало случайно замѣченное содроганіе мертвой лягушки, происходившее во время извлеченія искръ изъ электрической машины. Размышляя о причинѣ этого явленія, которое, впрочемъ, легко можно было изъяснить на основаніи тогдашнихъ познаній объ электричествѣ, Гальвани попалъ на мысль, что причиною этого явленія есть электричество, заключающееся въ самомъ животномъ. Дѣлая опыты для подтвержденія своего мнѣнія, Гальвани нашелъ, что въ самомъ дѣлѣ мертвая лягушка можетъ быть источникомъ электричества. Онъ приводилъ

обнаженные отъ кожи мускулы бедра, посредствомъ металлической проволоки, въ сообщеніе съ спиннымъ нервомъ, также обнаженнымъ отъ кожи и мускуловъ, и получалъ содроганіе безъ всякаго содѣйствія электрической машины. Вскора послѣ того, какъ явленіе это было обнаружено, исследованиемъ его занялся Вольта. Онъ замѣтилъ, что содроганія обнаруживаются въ гораздо сильнѣйшей степени, если для сообщенія мускуловъ съ нервомъ употребляется не какая-нибудь проволока, а составленная изъ двухъ разнородныхъ металловъ. Это привело его къ открытію новаго источника электричества, которому дано имя гальванизма въ честь Гальвани, хотя Гальвани не имѣлъ никакого участія въ открытіи этого способа произведенія электричества, и всегда напротивъ того утверждалъ, что содроганія лягушки въ его опытѣ происходятъ отъ электричества, возбужденнаго сообщеніемъ между собою мускуловъ и нервовъ, а не того, которое открыто Вольтой, и которое производитъ явленія Вольтова столба. Однако жъ открытіе Вольты, имѣвшее такое огромное вліяніе на успѣхи физики, заставило, на довольно долгое время, забыть о настоящемъ открытіи Гальвани — животномъ электричествѣ.

Въ новѣйшее время этотъ новый источникъ электричества опять обратилъ на себя вниманіе физиковъ, и *Маттеуччи* (Matteucci) успѣлъ даже составить изъ мускуловъ и нервовъ животныхъ столбъ, сходный съ Вольтовымъ, хотя дѣйствующій въ гораздо слабѣйшей степени. Мы приведемъ здѣсь результаты опытовъ этого физика, сообщенные имъ, въ Февралѣ нынѣшняго года Парижской Академіи Наукъ. Задача, которую предложилъ себѣ Маттеуччи рѣшить посредствомъ этихъ опытовъ, была: узнать, могутъ ли живая лягушка и теплокровныя животныя быть источниками электричества подобнымъ образомъ, какъ мертвая лягушка. И онъ убѣдился, что въ самомъ дѣлѣ и та и другія могутъ производить электричество. Вотъ его опытъ, доказывающій, что живая лягушка можетъ быть источникомъ электричества. Онъ взялъ мертвую лягушку, разсѣкъ ее по поламъ, и отдѣлилъ изъ нея кости и мускулы бедра и таза. Такимъ образомъ онъ получилъ ланку лягушки, съ которою была органически соединена длинная нервная вѣть. Потомъ онъ дѣлалъ рану въ какомъ-нибудь мускулѣ живой лягушки, и въ эту рану опускалъ приготовлен-

ный нервъ, держа его, на стеклянной, покрытой лакомъ, палочкѣ для того, чтобъ возбужденное электричество не могло изъ него выходить. Шевеля въсколько этотъ нервъ въ ранѣ, онъ замѣтилъ сильныя содроганія въ лапкѣ мертвой лягушки.

Что теплокровныя животныя могутъ возбуждать электричество, это Маттеучи доказалъ опытомъ надъ кроликомъ. Онъ, отнявъ оба бедра отъ стараго и сильнаго кролика, отделилъ изъ каждаго довольно длинную часть толстаго нерва. Приводитъ потомъ этотъ нервъ (всегда поддерживаемый стеклянною палочкою), въ прикосновеніе съ мускулами, въ которыхъ онъ развѣтвлялся, онъ замѣтилъ сильныя содроганія во всемъ бедрѣ; содроганія эти продолжались до двухъ и трехъ минутъ. Потомъ онъ соединилъ оба эти бедра вмѣстѣ такъ, чтобъ они составили столбъ, на подобіе гальваническаго. Для этого онъ накладывалъ мускулъ одного на нервъ другаго: оба эти бедра приходили въ сильныя содроганія, когда концы столба были соединены посредствомъ сообщенія нижняго мускула съ верхнимъ нервомъ.

Еще прежде, два итальянскіе физика Начинотти Pacinotti, и Пучинотти (Russinotti) замѣтили очень явственныя признаки электрическаго тока на мультипликаторъ — приборъ, который всегда употребляется для открытія существованія электрическихъ токовъ, — обнаруживающіеся, если пластинку, прикрѣпленную къ одному концу проволоки мультипликатора погрузить въ мозгъ живаго животнаго, а пластинку, прикрѣпленную къ другому концу, въ какой-нибудь мускулъ. Токъ этотъ, въ самомъ животномъ, имѣлъ постоянно направленіе отъ мозга къ мускуламъ. Маттеучи повторилъ эти опыты надъ кроликами и голубями; и получилъ такіе сильныя токи, что стрѣлка мультипликатора отклонялась отъ своего естественнаго положенія на 80 и 90°. Направленіе этихъ токовъ, онъ нашелъ то же самое, какое было найдено въ предыдущихъ опытахъ. Онъ замѣтилъ еще, что напряженіе и направленіе тока не измѣняются, если одну пластинку погрузить въ мозгъ, а другую просто привести въ прикосновеніе съ поверхностью мускула. Онъ получилъ также значительныя токи, отклонявшіе стрѣлку мультипликатора на 20° и на 30°, дѣлая рану въ мускулъ животнаго, и погружая одну изъ пластинокъ во внутренность раны, а другую кладя на поверхность мускула. Въ животномъ

токъ имѣлъ направленіе отъ внутренней части раны ко внешней поверхности мускула.

Маттеуччи измѣнялъ свои опыты различнымъ образомъ, и всегда получалъ, на мультипликаторѣ, признаки электрическаго тока, имѣвшаго направленіе отъ мускула или нерва, въ немъ развитаго, къ внешней поверхности. Такъ это не усиливается значительно увеличеніемъ массы мускуловъ, производящихъ его. По крайней мѣрѣ, Маттеуччи нашелъ, что разность весьма мала, а иногда и совершенно ничтожна, между токомъ, произведеннымъ столбомъ, составленнымъ изъ ногъ воробьевъ, и токомъ, произведеннымъ столбомъ, составленнымъ изъ стальныхъ же ногъ кроликовъ; но токъ весьма быстро усиливается съ увеличеніемъ числа элементовъ столба. Такъ электрическій токъ, произведенный одною ногою голубя, отклонялъ стрѣлку мультипликатора не болѣе какъ на одну или два градуса; но отклоненіе увеличилось до 6 и 8 градусовъ, когда вмѣсто одной ноги было взято двѣ; если же было взято четыре ноги, то отклоненіе доходило до 15 и 20°. Продолжительность тока не во всехъ животныхъ одинакова: токъ, произведенный ногами кроликовъ, уничтожается черезъ нѣсколько минутъ ихъ препарированія; и всегда ранѣе нежели токъ произведенный ногами голубей. Ноги лягушки могутъ производить электрическій токъ значительно дольше время. Вообще, кажется, продолжительность тока тѣмъ менѣе, чѣмъ выше развитіе организациіи животного.

Общее заключеніе, которое можно извлечь изъ опытовъ Маттеуччи есть то, что прикосновеніе нервовъ къ мускуламъ, или сообщеніе внутренней части мускула съ его поверхностью можетъ возбудить электричество, не только въ лягушкѣ, но также въ теплокровныхъ животныхъ, какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ. Сближая это результатъ опытовъ съ наблюденіями надъ электрическими рыбами, мы доходимъ до новаго подтвержденія той истины, что все явленія природы, какими странными ни казались бы они съ перваго взгляда, производятся всегда средствами, самыми общими и обыкновенными. Казалось бы, что природа сдѣлала странное исключеніе для этихъ существъ, вложивъ въ нихъ тѣло электрическій приборъ, между тѣмъ, какъ не дала его другимъ животнымъ. Но теперь видно, что въ тѣхъ всехъ животныхъ за-

включается такой же источникъ электричества; и электрическія рыбы отличаются только тѣмъ, что могутъ, по произволу, приводить его въ дѣйствіе, потому-что, какъ показали анатомическія изслѣдованія, электрическій органъ рыбъ состоитъ изъ многочисленныхъ ячеекъ, и содержитъ въ себѣ множество нервовъ, которыхъ концы совершенно свободны. Прикосновеніе этихъ концовъ къ стѣнамъ ячеекъ, безъ сомнѣнія, и есть причиною электрическихъ явленій, обнаруживаемыхъ рыбами. Следовательно, для произведенія этихъ явленій рыбы въ своемъ электрическомъ органѣ составляютъ приборъ, подобный тому, какой составилъ Маттеуччи изъ ножныхъ мускуловъ и нервовъ различныхъ животныхъ.

НАБЛЮДЕНІЕ КАСАТЕЛЬНО ПОРЧЕ РЕЛЬСОВЪ НА ЖЕЛЕЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ. Джемсъ Насмитъ (James Nasmyth) сообщилъ недавно Парижской Академіи Наукъ наблюденіе, весьма замѣчательное въ отношеніи и къ наукѣ и къ промышленности. Это наблюденіе состоитъ въ томъ, что тѣ желѣзныя дороги, по которымъ вагоны ѣздятъ всегда по одному направленію, не представляютъ никакихъ слѣдовъ ржавчины на рельсахъ, между тѣмъ, какъ рельсы ржавеютъ и портятся очень скоро на дорогахъ, по которымъ вагоны ѣздятъ по двумъ противнымъ направленіямъ. Желѣзная дорога изъ Ливерпуля въ Манчестеръ доказываетъ первое, а дорога отъ Лондона до Блэквалля, — второе. Какая была бы причина этого явленія? Кажется, не на кого болѣе свалить вину въ этомъ, какъ на электричество; (теперь все сваливаютъ на электричество); впрочемъ еще далеко до того, чтобъ обвинить его законнымъ порядкомъ, хотя Парижская Академія Наукъ и имѣетъ на него сильное подозрѣніе.

ИНСТРУМЕНТЪ, ИЗОБРЕТЕННЫЙ ДЛЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ: ЧТО ТАКОЕ СОЛНЕЧНЫЙ СВѢТЪ. Господинъ Араго, въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ четвертаго Апрѣля нынѣшняго года, представилъ свѣдѣнію по его указанію, господиномъ Бреге, модель инструмента для произведенія опытовъ надъ солнечнымъ лучемъ, чтобы опредѣлить: есть ли свѣтъ матерія, исходящая непосредственно изъ солнца, или есть жидкость, разлитая въ пространство и приводимая

солнцемъ въ сотрясательное, волнообразное движеніе. Господинъ Араго для этого придумалъ пустить солнечный лучъ на быстро движущееся зеркало такимъ образомъ, чтобы половина этого луча проходила черезъ воду, а другая половина черезъ воздухъ. Эта разнища срединъ, чрезъ которыя проходилъ бы такимъ образомъ свѣтъ, произвела бы и разность въ его движеніи, и потому, та и другая половина луча не коснулись бы зеркала въ одно и то же время, и глядя на него въ особый оптический инструментъ тогда увидали бы вмѣсто прямой линіи, линію ломанную; но такъ какъ свѣтъ,—если онъ матеріа, исходящая изъ солнца,—долженъ проходить воду быстрее, чѣмъ воздухъ, или же наоборотъ, если свѣтъ есть разлитая жидкость, волнообразно сотрясающаяся, то въ первомъ случаѣ половина луча, прошедшая воду, опередила бы ту, которая прошла по воздуху, а во второмъ случаѣ это произошло бы наоборотъ. Опытъ еще не сдѣланъ, а что, по произведенному слѣдствію и приговору господина Араго, окажется, мы не преминемъ донести нашимъ читателямъ. Теперь же покуда скажемъ, что въ инструментъ, имъ изобрѣтенномъ, котораго модель сдѣлана господиномъ Бреге, для лучшаго и полнѣйшаго слѣдствія надъ лучемъ прилажены не одно, а нѣсколько движущихся зеркалъ, изъ которыхъ каждое совершаетъ *дѣль-тысячи* оборотовъ *въ секунду*.

ДОЖДЬ - АРХЕОЛОГЪ И ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ. На Островъ Мальтъ въ последнее время шелъ сильный и продолжительный дождь. Онъ въ одномъ мѣстѣ до того размылъ землю, что открылъ высвѣщенный въ скалѣ саркофагъ, гдѣ нашли разные древніе сосуды, лампы и другія вещи. Сверхъ-того господинъ Сень-Джонъ, начальникъ мальтійской полиціи, тамъ же нашелъ, благодаря дождю, китовое ребро къ немалому своему удивленію, потому-что китовъ въ Средиземномъ Морѣ никогда не выдывали и не слыживали. Такимъ образомъ дождь сдѣлалъ два важныя открытія, одно по части археологін, а другое по части естественныхъ наукъ. Видно этотъ дождь былъ не простой, а ученый, слѣдующій за вѣкомъ, любитель просвѣщенія.

ИСПОЛНИНСКІЙ СКЕЛЕТЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. Нынче показываютъ въ Лондонѣ полный скелетъ, вырытый изъ древняго ложа американской рѣки. Этотъ звѣрь во столько разъ больше слона, во сколько тигръ больше кошки! Изъ его черепа выходятъ два огромные, искривленные, боковые клыки или рога. Сверхъ-того у него есть и обыкновенные слоновьи клыки. Думаютъ, что эти рога служили ему для того, чтобы прочищать себя въ лѣсахъ дорогу, нагибая ими въ сторону или ломая деревья. Вместе съ этимъ исполнинскимъ скелетомъ показываютъ множество острыхъ камней, которые очевидно были остриями стрѣлъ. Ихъ нашли въ томъ же мѣстѣ, гдѣ вырыли и скелета. Вѣроятно этими стрѣлами древніе допотопные охотники загнали звѣря въ рѣку, гдѣ онъ и умеръ отъ полученныхъ ранъ. Англичане называютъ этого звѣря левіааномъ, а ученые по устройству его челюстей и другимъ признакамъ определяютъ, что онъ былъ животное и плотоядное и травоядное, то есть, все, что ни попадалось. При такомъ ростѣ въ самомъ дѣлѣ мудрому ему было прихотничать и быть разборчивымъ въ пищѣ.

СРАЖЕНІЕ ГРАФА СО ЗМѢЕЙ ЗА БЫЛКУ. Ученый путешественникъ графъ де Кастельно пишетъ, что онъ, находясь въ Америкѣ, зашелъ однажды, осенью, въ густые лѣса, находящіеся на границѣ Георгіи и Флориды. Вдругъ его поразилъ пискъ и щебетанье большой стаи птицъ, сидѣвшихъ на деревѣ. Онъ обратилъ на нихъ вниманіе и увидѣлъ, что онъ окружилъ былку, сидѣвшую на суку дерева, футокъ въ двадцати отъ земли, совершенно неподвижно, съ поднятымъ надъ головою пушистымъ хвостомъ. Вскоро она спрыгнула или, лучше сказать, упала внизъ, на другую вѣтвь. Стая птицъ слетѣла въ слѣдъ за нею, и продолжала пищать на разные голоса по-прежнему. Былка упала еще ниже. Удивленный этими странными прыжками, графъ тихонько подошелъ ближе къ дереву и вдругъ увидѣлъ большую, черную змѣю, называемую *Coluber constrictor*, изъ породы удавовъ. Она, изогнувшись спирально, подняла голову и смотрѣла на былку, которая наконецъ упала съ дерева на землю. Въ тотъ же мигъ графъ выстрѣлилъ въ змѣю изъ ружья крупною дробью и убилъ ее; птицы улетѣли, а былка все еще

лежала на землѣ. Графъ поднялъ ее и подумалъ, что она уже умерла, но вскорѣ бѣдняжка очнулась. Путешественникъ съ удовольствіемъ глядѣлъ, какъ она взобралась на дерево и запрыгала по вѣтвямъ. Графъ потомъ описываетъ эту породу змѣй. Они бываютъ величиною въ 6 и 7 футовъ, то есть, въ сажень. Укушеніе ихъ не опасно, потому-что они не ядовиты. Не смотря на то, эти удавы храбро ведутъ войну съ гремучими змѣями. Едва черныи удавъ завидитъ гремучую змѣю, то бросается на нее съ яростію и душитъ врага, обвинившись ово-ло него.

Около многихъ плантацій въ Георгіи нарочно допускаютъ этихъ удавовъ разводиться во множествѣ и употребляютъ ихъ въ видѣ охраннаго войска противъ опасныхъ гремучихъ змѣй. Но самое страшное для змѣй охранное войско — это свиньи. Любая гремучая змѣя для свиньи ни почемъ. Гремучая и всякая змѣя боятся свиньи точно такъ же, какъ бѣлка удава.

ФРАНЦУЗСКІЙ ПИСАТЕЛЬ ДЮМА НА ОСТРОВѢ РИМСКАГО ИМПЕРАТОРА ТИВЕРІЯ И ВЪ ВОЛШЕВНОМЪ ГРОТѢ. Въ свѣтъ немнога мѣсть,—такъ пишетъ извѣстный французскій литераторъ Александръ Дюма,—которыя представляютъ столько историческихъ воспоминаній, какъ островъ Капри, древняя Капрея. Когда римскій императоръ Августъ рѣшился въ первый разъ побывать на немъ; то въ минуту его приближенія къ острову, старый засохшій дубъ поднялъ свои вѣтви, уже опустившіяся къ землѣ, и въ тотъ же день дерево покрылось почками и листьями. Августъ счелъ это за счастливое предзнаменованіе, предложилъ прежнимъ владѣльцамъ Капрею Островъ Эмарію въ обменъ, обратилъ приобращенный такимъ образомъ островъ въ увеселительное жилище, черезъ четыре года умеръ и завѣщалъ Капрею Тиверію. На этихъ скалахъ, гдѣ теперь видны одиѣ развалины, возвышались тогда десять императорскихъ, роскошныхъ виллъ, которыя назывались именами десяти главныхъ божествъ Олимпа. Каждая изъ этихъ виллъ служила Тиверію, по одному мѣсяцу въ году, жилищемъ и крѣпостью. Тамъ возвышались мраморныя колонны съ позолоченными капителями и поддерживали агатовые фризъ; въ бассейнахъ изъ

поребра плавали серебристыя рыбки, пойманныя въ Гангъ; мозаическіе помосты удивляли прелестью рисунковъ, выдѣланныхъ изъ опаловъ, наумрудовъ и рубиновъ.

Вокругъ этихъ роскошныхъ виллъ, на скатахъ горъ, нынѣ обнаженныхъ, возвышались тогда кедровые лѣса и померанцовыя рощи, гдѣ скрывались прекрасныя юноши и дѣвушки, переодѣтыя въ фавновъ, сатировъ, дриады и вакханокъ, а дѣти, одѣтыя амурами, сожигали благовопія на золотыхъ треножникахъ. Вечеромъ зажигался огромный маякъ, и при его свѣтѣ выходилъ изъ какого-нибудь грота, съ астрологомъ Тразиломъ и врачомъ Харилесомъ, старикъ въ пурпуровой мантии. Онъ медленно прохаживался по морскому берегу. Лице его было всегда угрюмо; сѣдые волосы, какъ грива льва, падали на его широкія плеча. Это Тиверій, третій цесарь римскій.

Теперь отъ всего прежняго великолѣпія, остались одна развалины; но память о Тиверіи живо сохранилась донныиъ, и жители Капри и Анакапри, двухъ городовъ острова, показываютъ еще остатки дворца съ такимъ же ужасомъ, съ какимъ показали бы они потухнувшій вулканъ, который каждый день, каждый часъ, каждую минуту, можетъ снова вспыхнуть.

Городъ Капри расположенъ амфитеатромъ противъ гавани, а Анакапри на вершинѣ горы Соляро. Лѣстница въ шесть-сотъ ступеней, насыщенныхъ въ скалы, ведетъ изъ одного города въ другой; но усталость отъ такого восхожденія, щедро искупается великолѣпною панорамой, которая представляется взору съ вершины горы. Путешественникъ, обратясь лицомъ къ Неаполю, съ-начала видитъ, въ право, Пестумъ, эту роскошную дочь Греціи; потомъ Сорренту, откуда пролетающій вѣтеръ уноситъ съ собою листочки померанцовыхъ цвѣтовъ и разсыпаетъ далеко по морю; потомъ является Помпея, Геркуланумъ, Неаполь, Пуццолесъ съ храмомъ Сераписа, Кумесъ съ Сивиллиною пещерою, потомъ Баули, Баия и наконецъ Мисена. Вся эта обширная картина освѣщается Везувіемъ, будто огромнымъ маякомъ. Ничто въ свѣтѣ не можетъ сравниться съ этою картиною.

Посреди древнихъ воспоминаній возстаютъ воспоминаніе о событіяхъ новѣйшихъ.

Уже два года Французы были обладателями Незполтанскаго королевства, два недали Мюрать былъ въ вѣнѣ королемъ; но Капрія принадлежала еще Англичанамъ. Тигостень былъ для Мюрата видъ этого острова, который заиралъ его рейдъ, какъ-будто желзною цѣпью. Онъ часто спрашивалъ своихъ приближенныхъ о мѣстоположеніи этого острова, и узнавалъ о необыкновенныхъ предосторожностяхъ, которыя принималъ комендантъ Капри, Гудсонъ-Ловъ. Тотъ не довольствовался неприступнымъ поясомъ остроковечныхъ скалъ, окружающихъ островъ. Четыре новыя укрѣпленія прибавлены были къ прежнимъ; тропинки, извивавшіяся около пропастей, были скрыты или взорваны подкопами. Гудсонъ-Ловъ давалъ въ награду гнѣву всякому, кто успѣвалъ, не замѣченный часовыми, пробраться на островъ какимъ-нибудь путемъ, который не былъ еще открытъ другими. Не смотря на все это, Мюрать рѣшился взять Капри. Къ нему прибылъ генералъ Ламаркъ, прославившійся побѣдами. Не говоря ему ни слова, Мюрать подвелъ его къ окну, далъ ему въ руки зрительную трубу и показалъ на островъ.

Ламаркъ посмотрѣлъ съ минуту, увидѣлъ англійскій флагъ, развѣвавшійся на укрѣпленіяхъ Санъ-Сальвадора и Сенъ-Мишеля, сложилъ ладонью четыре колѣна зрительной трубы и сказалъ: Да я понимаю; надобно взять этотъ островъ.

— А когда? спросилъ Мюрать.

— Завтра, если угодно вашему величеству.

— Въ добрый часъ, сказалъ король. Вотъ отвѣты, которые я люблю. А сколько тебѣ надобно людей?

— А сколько ихъ тамъ? спросилъ Ламаркъ.

— Около двухъ-тысячь.

— Дайте мнѣ, ваше величество, полторы-тысячи или тысячу восемь-сотъ человекъ; позвольте мнѣ выбрать ихъ изъ тѣхъ, которыхъ я привелъ къ вамъ, и островъ будетъ взятъ.

Мюрать пожалъ Ламарку руку, вмѣсто отвѣта. На дру-

гой день все было готово, солдаты и суда. Вечеромъ, экспедиція вышла изъ рейда.

Скоро вѣтеръ, который сначала былъ попутный, сталъ слабѣть; маленькій флотъ не проплылъ еще десяти миль, какъ вѣтеръ совсѣмъ стихъ. Взялись за весла; но на нихъ подвигались медленно, и солнце уже взошло, когда суда были еще за два мили отъ Капри. Потомъ, какъ будто бы надобно было бороться со всеми невозможностями, налетѣла буря. Волны разбивались съ такою силою объ остроконечныя скалы, которыми окруженъ островъ, что не было никакой возможности, во все утро, къ нему приблизиться. Въ два часа по полудни море стихло. Въ три часа неаполитанскія суда и англійскія батареи обмѣнялись первыми пушечными выстрѣлами. Четыреста-тысячъ зрителей, которыми былъ усыянъ берегъ отъ Мерджеллина до Портичи, приветствовали крикомъ Ламарка и его воиновъ. Король стоялъ на дворцовой террасѣ и смотрѣлъ въ зрительную трубу на начавшееся сраженіе. Ламаркъ приказалъ въсколькимъ судамъ продолжать перестрѣлку съ батареями укрѣпленій, а самъ съ прочими судами объѣхалъ кругомъ всего острова. Вездѣ зубчатая скала омывали въ волѣ свои исполнискія подножія; не нашлось ни одной точки, гдѣ бы возможно было пристать къ берегу. Отрядъ изъ тысячи двухъ сотъ Англичанъ слѣдовалъ глазами, за всеми движеніями флота, обходя островъ въ одно время съ нею.

Съ минуту думали, что уже все было кончено, и что надобно возвратиться въ Неаполь, не сдѣлавъ ничего. Солдаты предлагали сдѣлать нападеніе на крѣпость; но Ламаркъ покачалъ головою: это было бы безумное дѣло. И такъ онъ приказалъ обойти островъ во второй разъ, чтобъ удостовѣриться, не найдется ли какого-нибудь приступнаго мѣста, которое ускользнуло отъ перваго взгляда. Внизу, у подошвы крѣпости Святой Варвары, находилось одно владѣвшееся мѣсто, гдѣ гранитная стѣна была вышиною отъ сорока до сорока-пяти фуговъ. Выше этой стѣны, гладкой, какъ полированный мраморъ, простирался скатъ, такой крутой, что при первомъ взглядѣ никто бы не подумалъ, чтобъ люди могли на него взобраться. Сверху этого ската,

на пять-сотъ футовъ отъ подошвы утеса, находился рѣзъ рва, а на вышинѣ тысяча-двухъ-сотъ футовъ стояла крѣпость Святой Варвары. Ядра ея батарей могли поражать идущихъ по скату, но въ ровъ, о которомъ выше сказано, попадать не могли. Ламаркъ остановился, подовалъ къ себѣ генерал-адъютанта Томаса и начальника эскадрона Ливрона. Всѣ трое совѣщались съ минутою; потомъ потребовали лѣстницъ.

Приставили первую лѣстницу къ скалѣ; она едва достигала трети ея вышины; привязали веревками вторую лѣстницу къ первой; все мало. Наконецъ прибавили третью. Верхній ея конецъ сравнялся съ высотой стѣны. Англичане смотрѣли на эти приготовленія съ видомъ изумленія, который ясно показывалъ, что подобная попытка казалась имъ сумасбродною.

Одинъ солдатъ ступилъ на лѣстницу. «Ты слишкомъ спѣшишь!» сказалъ ему Ламаркъ, остановивъ его, и началъ взбираться по лѣстницѣ. Вся флотилія захопала въ ладоши. Генералъ Ламаркъ взошелъ первый, и всѣ послѣдовали за нимъ. Шестъ человекъ держали внизу лѣстницу, которая качалась. Казалось, огромная змѣя всползала на стѣну.

Покуда Французы не достигли ската, они были защищены отъ огня Англичанъ совершенною перпендикулярностью стѣны, на которую они взбирались; но едва генералъ Ламаркъ ступилъ на вершину, какъ ружейные и пушечные выстрѣлы загремѣли; изъ первыхъ взобравшихся пятнадцати человекъ, десять упали внизъ. Одни за другими солдаты взбирались на стѣну. Англичане сдѣлали движеніе, чтобъ ихъ оразить штыками, но скатъ, на который взбирались осаждающіе, былъ такъ крутъ, что они не осмѣлились на него ступить. Кончилось тѣмъ, что генералъ Ламаркъ съ сотнею человекъ, подъ градомъ картечи и пуль, добрался до рва, и тамъ засѣли, закрываемые, какъ бы окопомъ. Тогда Англичане начали стрѣлять въ нихъ, чтобъ выбить изъ позиціи; но ихъ встрѣтили такой ружейной стрѣльбою, что они въ безпорядкѣ ретировались. Въ продолженіе этого движенія восхожденіе продолжалось, и около пяти-сотъ человекъ были уже на стѣнѣ.

Въ половинѣ пятого часа вечера, генералъ Ламаркъ при-

казалъ прекратить восхожденіе: онъ былъ довольно силенъ, чтобъ держаться тамъ, гдѣ находился, потому приказалъ онъ дожидаться ночи, чтобъ окончить опасную высадку. Приказъ былъ посланъ съ генералъ-адъютантомъ Томасомъ, который перешелъ во второй разъ скатъ подъ непріятельскимъ огнемъ, достигнулъ противъ всякаго ожиданія лѣстницы, безъ малѣйшаго вреда, и спустился къ флотилии, надъ которою онъ принялъ начальство и укрылъ ее отъ опасности въ небольшой заливъ.

Тогда непріятель собралъ всѣ свои силы, противъ маленькаго войска, находившагося во рвѣ. Пять разъ Англичане нападали на него и были отражаемы. Между-тѣмъ наступила ночь. Это было условленное время, чтобы снова начать восхожденіе. Въ этотъ разъ, какъ предвидѣлъ генералъ Ламаркъ, оно устроилось гораздо легче, чѣмъ въ первый. Англичане продолжали стрѣлять, но темнота мѣшала имъ стрѣлять метко. Къ великому удивленію солдатомъ, въ этотъ разъ генералъ-адъютантъ Томасъ взошелъ послѣдній. Но они скоро поняли тому причину: добравшись до вершины скалы, онъ опрокинулъ лѣстницу; тотчасъ же суда пустились въ море и отправились въ Неаполь. Ламаркъ для вѣрности побѣды отнялъ у себя всякую возможность къ отступленію. Два войска находились въ равномъ количествѣ; осаждающіе потеряли около трехъ-сотъ человекъ; и такъ Ламаркъ нисколько не задумался и пустилъ маленькую армію въ дѣло. Въ совершенномъ молчаніи, онъ шелъ прямо на непріятеля, не позволяя ни однимъ ружейнымъ выстрѣломъ отвѣчать на огонь Англичанъ.

Два войска сошлись, штыки скрестились, вступили въ рукопашный бой; пушки крѣпости замолчали, потому-что Французы и Англичане такъ смѣшались, что нельзя было стрѣлять въ однихъ безъ того, чтобъ не попадать въ то же время въ другихъ. Борьба продолжалась три часа; черезъ три часа полковникъ Гаузель былъ убитъ, пять-сотъ Англичанъ пали вмѣстѣ съ нимъ; остальные были окружены. Цѣлый полкъ, называвшійся Royal-Malte, сдался. Тысячесто человекъ взяли въ плѣнъ девять-сотъ Ихъ обезоружили, побросали ихъ сабаи и ружья въ море; три-ста чело-

вѣкъ остались, чтобъ ихъ стеречь; прочіе восемь-сотъ пошли нападать на крѣпость.

На этотъ разъ у нихъ даже не было дѣстницъ. Стѣны были не высоки, осаждающіе взобрались на нихъ и послѣ двухъ-часоваго сопротивленія, крѣпость была взята.

Любопытная толпа, которая покрывала неаполитанскія набережныя, окна и террасы, не смотря на ночь, оставалась на своихъ мѣстахъ. Посреди мрака, она увидѣла, что островъ пылалъ, какъ вулканъ; но къ двумъ часамъ ночи, пламя потухло, и не могли узнать: кто былъ побѣдителемъ. Тогда безпокойство замѣнило мѣсто любопытства: толпа осталась до дневнаго свѣта. Днемъ увидѣли неаполитанское знамя, развѣвавшееся на крѣпости Святой Варвары. Громкое, испанское восклицаніе четырехъ-сотъ-тысячъ человѣкъ потрясло воздухъ отъ Сорренты до Мизены, и пушечные выстрѣлы со стѣнъ замка Сентъ-Вльскаго, слившись съ восклицаніями народа, передали Ламарку первую благодарность его короля.

Вдали, на горизонтѣ появился англійскій флотъ, Ламаркъ спѣшилъ кончить дѣло и взять всѣ остальные укрѣпенія острова. Не смотря на противный вѣтеръ, флотъ къ вечеру приблизился на пушечный выстрѣлъ, но Ламаркъ успѣлъ уже занять вершину горы Соляро, которая командуетъ надъ городомъ и двумя крѣпостями, и втащить туда двѣнадцать пушекъ. Ночью съ флота высадили на островъ подкрѣпленіе, но когда разсвѣтало, сраженіе возобновилось, и Ламаркъ къ полудню принудилъ Гудсонъ-Лова вступить въ переговоры и сдать ему весь островъ.

Видѣвъ съ мной спутникомъ, живописцемъ Жаденемъ, мы пришли къ порту. Тамъ насъ окружило десятка два лодочниковъ. Это были чичероне лазуреваго грота. Такъ какъ нельзя пріѣхать въ Капрею безъ того, чтобъ не осмотрѣть лазуреваго грота, я выбралъ одного лодочника, а Жадень другаго. Для каждаго путешественника нужна особая лодка и особый проводникъ. Отверстіе грота такъ низко и узко, что нельзя иначе въ него проѣхать, какъ въ челнокъ.

Море было спокойно; однако жъ и въ самое хорошее время оно разбивается съ такою силою о скалы, которыя

хода для совершеннаго освобожденія духа.» (Стр. 196, часть II). Посмотрите, господа русскіе переводчики, какъ умѣютъ Французы передавать на свой языкъ самыхъ отвлеченныхъ и туманныхъ германскихъ писателей, которые, какъ—будто нарочно, свои мысли закутываютъ въ трехъ—аршинные періоды и прячутъ въ груду ученыхъ словъ, вновь—изобрѣтаемыхъ и составляемыхъ авторами очень часто безъ всякой нужды. Господинъ Зедергольмъ не принадлежитъ къ числу ихъ; напротивъ мысли его всегда отчетливы, основательны и ясны. Если бы ихъ облечь въ чистый, правильный русскій языкъ, то прекрасный трудъ Зедергольма, плодъ тридцати—трехъ—лѣтнихъ занятій, и размышленій его, приобрѣлъ бы двойную цѣну. Еще бы посовѣтовали мы почтенному автору менѣ приводить Гегеля, какъ важный авторитетъ, менѣ оспаривать его мнѣнія, оставить его въ покоѣ и идти прямо къ избранной прекрасной цѣли, *своею*, независимой дорогой. Стоитъ ли, напримѣръ, опровергать мнѣнія, подобныя слѣдующему. Гегель защищаетъ скептицизмъ древнихъ, отвергаетъ дѣйствительность внѣшнихъ предметовъ, и думаетъ, что пошло и тривіально допускать ихъ существованіе, ибо «даже мужикъ знаетъ, что всѣ земныя вещи существуютъ и также хорошо не существуютъ, какъ онѣ существуютъ.» (стр. 167.) Въ своей феноменологіи Гегель говоритъ: «здесь есть дерево, но когда я оборачиваюсь, это уже неправда, и я уже долженъ сказать: здесь есть домъ. Такимъ же образомъ, если я запишу на бумагѣ: теперь полночь, и потомъ въ слѣдующій полдень читаю написанное, то это ужъ выходитъ неправда, ибо написанное должно значить: теперь полдень.» (стр. 166.) Зедергольмъ опровергаетъ Гегеля и говоритъ, что онъ когда—нибудь представитъ разборъ его доводовъ. Мы бы посовѣтовали Гегелю, просто, отойти въ сторону, такъ, чтобы и дерево и домъ могли быть ему видны разомъ. Тогда онъ по неволѣ долженъ бы былъ сказать: *здесь есть домъ и дерево.* Вотъ и

опроверженіе философскаго его довода. Что же касается до глубокомысленнаго разсужденія о томъ, что истина, написанная въ полночь: *теперь полночь*, становится ложью въ полдень, то это неопровержимо, потому-что никакъ нельзя ни сказать, ни написать въ полдень: *теперь полночь*. Тутъ ужъ необходимо записать: *теперь полдень*, и такимъ образомъ вмѣсто одной записки понадобятся двѣ, одна о полуднѣ, другая о полувочи. Впрочемъ не во всѣхъ же случаяхъ нужны двѣ записки. Иногда и одна записанная истина остается и днемъ, и ночью, и вчера, и сегодня, истиной, не превращаясь никогда въ ложь. Напримеръ, если мы прочитаемъ какую-нибудь глупость, похожую на ребячество, и напишемъ надъ ней: *здѣсь вздоръ*, то отвернетесь ли вы отъ этой глупости, возьмете ли ее въ руки въ полдень, или въ полночь,—сдѣланная надпись останется всегда истиной и никакъ не перемѣнится въ ложь. Вздоръ останется всегда вздоромъ. Самъ Гегель, безъ сомнѣнія, принужденъ бы былъ согласиться съ этимъ доводомъ.

окружаютъ островъ, что наши челноки прыгали по волнамъ, какъ въ бурю. Мы принуждены были лечь на дно и уцѣпиться за края, чтобъ не быть выброшенными въ море. Наконецъ, послѣ трехъ-четвертей часа плаванія, въ продолженіе которыхъ мы обогнули почти шестую часть окружности острова, наши лодочники сказали намъ, что мы достигли грота. Мы осмотрѣлись и не замѣтили ничего похожаго на гротъ; но проводники наши указали на черную и круглую точку, которую мы едва разглядѣли надъ пѣною валовъ. Это было отверстіе, черезъ которое высыпаютъ въ волшебный гротъ.

При первомъ взглядѣ на это отверстіе подумаешь, что въ гротъ попасть очень трудно, и что весьма легко разбить себѣ голову о скалу. Такъ какъ это казалось намъ довольно важнымъ, то мы обратились съ вопросомъ къ нашимъ лодочникамъ. Они отвѣчали намъ, что наши опасенія совершенно справедливы, и что намъ нужно лечь на дно челнока, чтобъ избѣжать опасности. Мы легли. Мой лодочникъ подвигался впередъ, гребя съ большою осторожностью, которая показывала, что, не смотря на привычку, онъ считалъ путешествіе въ гротъ не совсѣмъ безопаснымъ. Чтò жъ касается до меня, то, лежа, я кромѣ неба ничего болѣе не видалъ. Скоро я почувствовалъ, что челнокъ подняла волна; онъ быстро двинулся, и мнѣ ничего не стало видно, кромѣ скалы, которая съ секунду, казалось, давила мнѣ грудь. Потомъ вдругъ явился я въ гротъ, такомъ чудесномъ, что я вскрикнулъ отъ удивленія и, быстро вскочивъ, чтобъ осмотрѣться, чуть не опрокинулъ челнока.

Въ самомъ дѣлѣ меня окружали чудеса, о которыхъ никакое описаніе не можетъ дать понятія, которыхъ не передать никакая кисть живописца. Представьте себѣ огромную лазуревую пещеру, похожую на палатку, которая сдѣлана изъ частички голубаго неба. Вода въ гротѣ такъ свѣтла, такъ прозрачна, такъ чиста, что кажется будто плаваешь по сгущенному воздуху; сверху висятъ сталактиты, какъ опрокинутыя пирамиды; на днѣ, золотистый песокъ, смѣшанный съ морскими растеніями; вдоль стѣнъ, которыя омываются водою, побѣги коралловъ съ причудливыми и блестящими узорами; къ сторонѣ моря

видна точка, одна звѣздочка, черезъ которую проникать полусвѣтъ, освѣщающій этотъ замокъ еси; наконецъ, на противоположномъ концѣ, родъ возвышенія, оставленнаго какъ-бы для трона богини, выбравшей себя для купальни одно изъ чудесъ природы.

Въ эту минуту весь гротъ омрачился, подобно землѣ, когда посреди блистающаго дня вдругъ облако заслонитъ солнце. Это Жадень възжаль въ гротъ, и своимъ челюкомъ заслонилъ входъ въ пещеру. Скоро онъ подоплылъ ко мнѣ. Гротъ принялъ опять свой чудесный, лазурный цвѣтъ. Море, сильно волнующееся внѣ грота, внутри его едва колеблется, какъ вода спокойнаго озера.

По всей вѣроятности, лазуревый гротъ не былъ извѣстенъ древнимъ. Ни одинъ поэтъ не говоритъ объ немъ, и конечно Греки, съ ихъ воображеніемъ, непременно сдѣлали бы его дворцомъ какой-нибудь морской богини съ гармоническимъ именемъ. Светоній, который описываетъ намъ съ такими подробностями купальни и бани Тиверіа, вѣрно сохранилъ бы вѣсколько страницъ для описанія этой пещеры. Можетъ-быть, море было выше въ то время, нежели теперь, и чудесный гротъ таился подъ водою.

И нынѣ иногда случается, что море поднимается и заливаеъ входъ въ пещеру такъ, что тѣ, которые туда попали, не могутъ уже оттуда выплыть. Въ такомъ случаѣ надобно дожидаться переменъ вѣтра и пониженія моря. Случалось, что посѣтители, пріѣхавшіе на двадцать минутъ въ лазуревый гротъ, оставались въ немъ три и даже четыре дня. Лодочники, предвидя такой случай, привозятъ всегда съ собою некоторое количество сухарей, назначенныхъ для прокормленія плѣнниковъ. Что жъ касается до прѣсной воды, то она просачивается въ двухъ или трехъ мѣстахъ грота и довольно обильно, такъ-что нечего болѣе жанды.

Мы купались въ гротѣ. Прозрачность воды удивительна. Нырнувъ въ глубину на пять или на шесть футовъ, видишь все, какъ-будто сивозъ воздухъ, и самую мелкую раковину на днѣ, и самый мелкій сталактитъ на сводѣ грота. Мы снова легли въ наши челюки и выгѣхали благополучно изъ лазуреваго грота, съ ирежими предосторожностями. Въ

продолженіе десяти минутъ мы не могли открыть глазъ: свѣтъ солнца насъ ослѣплялъ. Еще не отплыли ста шаговъ, и намъ уже показалось, что мы видали волшебный гротъ во снѣ, а не на-яву. Такъ онъ чудесенъ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ МОРСКОЙ ВОДЫ ВЪ ПРѢСНУЮ. Въ Нантѣ, двадцать-пятого минушаго Марта, нѣкто Роше про-изводилъ, въ присутствіи многочисленнаго собранія, опыты надъ изобрѣтенною имъ *дистиллировальною кухнею*, которую онъ устроилъ для парохода, снаряжаемаго въ Рошфорской гавани. Эта кухня была уже прежде испытана многими моряками, и они всѣ засвидѣтельствовали, что посредствомъ ея получали изъ морской воды самую чистую воду, совершенно годную для питья. Приборъ, выдуманнй Роше, — кромѣ чистой воды, которую онъ можетъ доставить въ тройномъ количествѣ противъ необходимой потребности, — доставляетъ морякамъ удобство варить всѣ ихъ кушанья, и печь 40 килограмовъ хлѣба въ 22 минуты.

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА ЧЕРЕЗЪ ПАНАМСКІЙ ПЕРЕШЕЕКЪ. Въ Лондонѣ недавно было собраніе купцовъ, которые совѣщались о способахъ проложить желѣзную дорогу черезъ Панамскій Перешеекъ, для облегченія сношеній Англіи съ ея колоніями въ Новой Голландіи. Исчислено, что Австралія отстоитъ отъ Англіи на 16,000 миль, и что нужно употребить парусному судну отъ 100 до 120 дней, чтобы совершить туда путешествіе обыкновеннымъ путемъ, то есть, мимо Мыса Горна. Устройство же предполагаемой дороги дастъ способъ достигнуть изъ Англіи въ Австралію дней въ пятьдесятъ.

ЛОНДОНСКІЙ ТОННЕЛЬ. Этотъ извѣстный подводный путь, соединяющій, разделенныя Темзою, двѣ части Лондона, теперь совершенно оконченъ. Издержки, употребленныя на устройство Тоннеля, составляютъ сумму въ 445,370 фунтовъ стерлинговъ, то есть, около одиннадцати милліоновъ рублей. Работали надъ нимъ почти осмнадцать лѣтъ. Замѣчательно, что во все это время, при трудной и опас-

ной подводной работѣ, лишились жизни только пять работниковъ.

ВѢСТИ О ВЕЗУВІИ. Прошло уже три года, — такъ пишутъ изъ Неаполя отъ шестнадцатаго Марта, — послѣ величественнаго, послѣдняго изверженія Везувія. Въ то время жерло волкана имѣло свой видъ и приняло подобіе воронки съ закрытымъ дномъ. Годъ назадъ, это дно раскрылось, и оттуда началъ выходить густой, бѣлый дымъ. Въ послѣднее время дымъ вдругъ принялъ красноватый цвѣтъ. Это заставляетъ ожидать близкаго изверженія. При томъ замѣчено, что на сѣверной сторонѣ воронки образовалось много трещинъ, изъ которыхъ выходятъ дымъ еще гуще, чѣмъ изъ середины жерла.

=

ОПЕЧАТКИ.

1) Въ предъидущей, 3-й, книжкѣ, въ статьѣ «Лува и стѣны», на стр. 112, внизу, пропущено слѣдующее возраженіе Юй-ланя на слова Вынь-ченъ-дзы:

юй-лань.

Вы, знаете, бабушка, что мнѣ вовсе не хочется идти за нуть....

2) Въ той же книжкѣ, на стр. 32, въ отдѣленіи V, въ 7-й строкѣ снизу напечатано: Чашѣ вѣсто: Дше.

3) Во 2-й книжкѣ, въ стихотвореніи *Волшебница*, въ первомъ стихѣ должно читать:

«Гдѣ чары, Фестила?»

2734

